

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

**Материалы
VI Международной научной конференции**

*Челябинск
23–24 апреля 2012 года*

Том 1

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2012

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат педагогических наук, доцент А. В. Гребенщикова
кандидат филологических наук А. А. Елистратов
кандидат филологических наук Л. П. Ковальчук
кандидат филологических наук, доцент Ю. В. Мамонова
кандидат педагогических наук, доцент О. В. Суслова
кандидат филологических наук, доцент Е. А. Титова
кандидат педагогических наук, доцент О. Н. Ярошенко

С 483 **Слово, высказывание, текст** в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI Междунар. науч. конф., Челябинск, 23–24 апр. 2012 г. : в 2 т.— Т. 1 / отв. ред. Л. А. Нефедова.— Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012.— 425 с.
ISBN 978-5-7271-1105-5

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в VI Международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В двух томах сборника освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

ББК Ш 10я43

Сборник издается в авторской редакции

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Irina Abzalova (Brest, France)

INTEGRATION DANS LA VIE FRANÇAISE

This article concerns the integration of Russian speakers into French life. The research focuses on the development of intercultural links, the hopes of the public concerned and their specific difficulties. We will look into the perceptions regarding cultural differences: the standards of behaviour, ways of thinking, and perspectives on integration/ non-integration into French society.

Keywords: *integration, intercultural, russophones, French.*

Cet article est consacré à l'intégration des russophones dans la vie française. La recherche porte sur le développement des liens interculturels, les espoirs de la part du public concerné et ses difficultés spécifiques. On va confronter les visions sur les différences culturelles: les normes de comportement, le mode de pensées, les points de vue sur l'intégration/non-intégration dans la société française.

La langue comme obstacle

Beaucoup de linguistes partagent la théorie de Benjamin Whorf, selon laquelle la langue que nous parlons ne fait pas qu'exprimer nos pensées : elle détermine aussi sensiblement leur cours. Ainsi, le Russe voit le monde différemment du Français dans la mesure où il parle russe et non français. Et inversement. Pour cette raison, le Russe ne peut appréhender et ressentir le monde comme le Français, ne disposant pas des moyens linguistiques pour cela. Seule l'étude de la langue étrangère lui permet de prendre du recul par rapport à sa langue maternelle et d'appréhender la réalité différemment.

On croit facilement que la langue maternelle des adultes migrants les empêche d'apprendre la langue des sociétés d'installation, qu'utiliser de la langue du pays d'origine dans la société d'accueil est un signe de non intégration, que les migrants doivent « parler comme les natifs », c'est-à-dire sans faute, sans accent pour être admis dans la communauté des citoyens.

La problématique consiste à diminuer le plus possible la difficulté de l'apprentissage de la langue afin de donner la compétence langagière qui peut conduire à l'intégration.

Les principaux obstacles à l'acquisition de la langue sont des erreurs ou des interférences entre le russe et le français.

On voit plus d'interférences au premier stade de l'apprentissage. Les russophones transmettent les normes de la langue maternelle, utilisent les opérations habituelles dans une nouvelle situation et continuent à penser par des catégories de la langue

maternelle, la mettant dans une forme matérielle étrangère.

D'après mon analyse, les russophones supposent que, par exemple, le déterminant en français peut être traduit et ils cherchent un équivalent russe pour chaque déterminant en français, ce qui provoque un grand nombre d'erreurs (le déterminant « *quelques* » à la place de l'article au singulier ou au pluriel, confusions *ses/leur/leurs* etc). Ainsi, j'ai pu élaborer les stratégies du choix linguistique et les sources des erreurs. Les résultats ont montré que les interférences interlinguales constituent la plupart des erreurs (par exemple, « *Le chat dans les bottes* », « *sa crayon* », « *pas tout va si bien* », « *à ta santé* » au lieu de « *à tes souhaits* » etc.).

Comme disait l'écrivain russe S. Dovlatov, « la langue constitue 90 % de la personnalité d'un individu » et l'on ne peut qu'être d'accord avec cette affirmation. L'alternative qui consiste, par exemple, pour l'un des époux, à apprendre la langue de son conjoint car ils doivent se familiariser avec la langue et la culture commune. Sans cela, il leur sera difficile de surmonter leurs différences culturelles et de savoir ce qui est important pour l'autre. Par exemple, les notions comme *l'intuition*, le *destin*, le *péché*, la *conscience tranquille*, l'*âme*, l'*angoisse* et les exagérations d'ordre émotionnel ne seront pas perçues par le Français et l'utilisation fréquente de ces mots ne fera qu'agacer. Et la *réserve*, le *pragmatisme*, le *sens de l'économie*, les *règles de bon ton*, la connaissance de cent sortes de vins ou de fromages auront peu d'importance pour une personne russe.

L'intégration à l'étranger

On ne peut pas parler de l'intégration russophone sans évoquer les questions de l'enrichissement personnel, de l'ouverture socioculturelle et des acquisitions de compétences professionnelles mais aussi ses limites. Les russophones apprennent énormément au sein d'un environnement culturellement nouveau (différences climatiques, gastronomiques, administratives, professionnelles, amicales, etc.) et s'ouvrent à de nouvelles façons de vivre.

Un séjour à l'étranger amène, en effet, un bouleversement brutal tant physique qu'émotionnel de par l'éloignement géographique, la perte des repères spatiaux, socio-culturels, et la nécessité de devoir reconstruire progressivement un tissu social en s'adaptant à un mode de vie. « Un groupe ethnique peut adopter certains traits culturels d'un autre groupe comme la langue ou la religion et continuer néanmoins à être perçu et à se percevoir comme distinct de l'autre » comme l'illustre Toshiaki Kozakaï [Kozakaï, 2000: 31].

Beaucoup de russophones s'adaptent relativement bien à leur nouvel environnement mais se contentent, pour la plupart, de rester en communauté, garantissant ainsi un sentiment de protection et de sécurité.

Certains témoignages d'étudiants russophones ont démontré que lorsqu'ils rencontraient des étudiants français, ces derniers sympathisaient dans la salle de cours et par la suite cela ne donnait pas de reconnaissance ni de lien.

Le même phénomène s'observe également du côté des Français, ce qui contribue à alimenter, dans un effet-miroir, le non-dialogue et l'immobilisme des rapports sociaux:

« Je ne vais pas forcément aller vers les étudiants étrangers parce qu'ils sont là pour peu de temps, donc j'avoue, oui... je ne fais aucun effort. » (Camille)

Exemples de différences socioculturelles

Une des personnes interrogées ne comprenait pas l'habitude de tutoyer des personnes qui ne sont pas tout à fait proches. Elle considère cela comme un manque de respect envers l'autre et même comme de la goujaterie. Et les conversations se rapportant au temps apparaissent d'une banalité et d'un ennui mortel. L'habitude de « ne pas relever » ce qui est choquant, de n'y réagir ni par un regard, ni par une parole, ni par un geste. Pour elle, intervenir concrètement, commenter, « rétablir la situation » est « une question d'honneur ». La passivité face à ce genre de situation est prise comme signe d'indifférence et d'égoïsme; ces traits sont, habituellement, perçus comme les pires défauts chez elle. (Tatyana)

« Nous ne remercions pas aussi souvent que les Français » — dit une autre interrogée. Il y a une explication à cela: les Russes considèrent comme tout à fait naturel d'aider quelqu'un, c'est quelque chose qui ne demande ni sourire formel ni reconnaissance. Refuser de l'aide à quelqu'un est perçu comme brutal, témoignant d'un manque d'éducation — même si ce refus est accompagné d'un sourire aimable. (Katia)

Une autre personne russe était étonné lorsqu'au cours d'une soirée bruyante les voisins, plutôt que de les prier d'être moins bruyants, préfèrent appeler

la police. Les Russes condamnent vivement cette attitude, qu'ils considèrent comme lâche, malfaisante et proche de la « délation ». Il ne leur vient même pas à l'esprit que cette attitude est dictée par le droit de tout individu à l'inviolabilité de son territoire physique et psychologique. Personne n'a le droit d'y porter atteinte hormis la police. (Alyona)

Une interrogée suivante n'aime pas le « verbiage », les raisonnements prolixes sur une chose qui pourrait être résumée clairement en deux mots. Pour les Français, leur système d'éducation repose sur l'art de l'éloquence. D'après elle, les Russes ont une approche différente. Ils sont très sociables, aiment bavarder « entre eux » et comprennent difficilement un discours trop « formel », « maniéré » (dans le sens de « ne venant pas du cœur ») avec des tournures compliquées. Dans la discussion, à des fins d'argumentation, un exposé concis et expressif dans sa forme, même si celle-ci est primitive, saura d'avantage qu'un discours recherché et sans faute. (Olena)

La société française pour des raisons historiques, était structurée selon un système complexe de relations hiérarchisées (le roi, ses vassaux, leurs sujets, et ainsi de suite). Et à l'intérieur de ce système, chaque couche sociale possédait son propre mode de relations ainsi que des règles de conduite et un modèle de comportement établi et poli par les siècles. Du reste, chaque couche sociale avait ses règles et son mode de conduite. En l'URSS, cette hiérarchie des rapports était détruite sous le régime soviétique, ce que reflète la langue russe: elle abonde beaucoup moins en formules de politesse, les « fioritures » galantes et les sous-entendus y sont moins nombreux. Rares sont les Russes qui distinguent « Votre Excellence » de « Votre Honneur » et autre formules.

Conclusion

Parlant de l'intégration des russophones la difficulté de se comprendre l'un l'autre vient de l'absence d'une langue commune, des différences culturelles, des normes de comportement et modes de pensée différents, d'horizons distincts.

L'intégration est une notion très subjective qui dépend essentiellement de la capacité qu'une personne a de s'ouvrir aux autres. Selon la définition qu'en donne A. Perotti, le concept d'« intégration » indique précisément « la capacité de confronter et d'échanger — dans une position d'égalité et de participation — valeurs, normes, modèles de comportement autant de la part de l'immigré que de la société d'accueil ». Alors que l'intégration implique la réciprocité de l'échange, l'« adaptation » est pour elle « la capacité à entrer dans les structures pré-existantes. » [Perotti, 1996: 42]. L'adaptation est alors un processus à sens unique qui implique uni-

quement le changement de la part de l'immigré et non de la société d'accueil.

Malgré les difficultés de l'intégration, cette mixité culturelle existe toujours et enrichit les étrangers et la société d'accueil: il y a des mariages qui ont lieu entre les russophones et les Français, des étudiants qui viennent pour se former, ainsi que des personnes qui ont un contrat de travail.

Bibliographie

1. Kozakaï T. L'étranger, l'identité: Essai sur l'intégration culturelle / éd. Payot, coll. Petite Bibliothèque Payot, 2000.— 274 p.

2. Perotti A. Migrations et société pluriculturelle en Europe, 1996.— 240 p.

N. F. German (Chelyabinsk, Russia)

LINGUACULTURAL IDENTITY AND COMMUNICATING ACROSS CULTURES: WAYS TO BUILD COMMON UNDERSTANDING AND EFFECTIVE WORKING RELATIONSHIPS¹

In this paper the phenomenon of linguacultural identity of intercommunication partners is considered as the main factor having an effect on the common understanding and effective working relationships. Linguacultural identity is being formed on the basis of recognition and usage by the person models of discourse events accepted in certain culture or subculture. A criterion of common understanding is seen as an ability of the partners of intercommunication to transform their linguacultural identity. The definite tips to become an interculturally-effective professional are being suggested.

Keywords: communication behavior, interdiscourse communication, dimensions of the culture, discourse event, ethnocentrism, ethnorelativism, language consciousness, linguacultural identity, models of culture, common understanding, transformation of linguacultural identity.

Interculturally-effective persons have an understanding of the concept of culture and the influence it will have on their life and work abroad as well as on their intercultural communication. Working across cultures creates many challenges for today's international professional. Not only is there more travelling and longer periods of time spent abroad, but also globalization is radically changing the ways people have to do business and how companies are organized.

Culture is created in the process of interacting individuals. This or that person belongs to a particular culture not only due to some system of knowledge, which he or she shares with the other people, but also due to algorithms of activity accepted in the community and realized in various situations with the purpose of reaching some definite results. Common knowledge and algorithms of activity shared by the members of the same community provide harmonic interactivity and mutual understanding in the process of communication. Thus, to be successful, each specialist in the sphere of intercultural communication should realize the complicated nature of culture. Interculturalists often use models or metaphors to explain what they mean by culture.

The **Iseberg model** shows that culture is both **visible** and **invisible** (explicit culture and implicit culture as anthropologists define this difference). Language, food, appearance are visible elements; believes, attitudes, values, and perceptions are invisible. Thus, the key to doing successful business in intercultural situations is:

— *Understand that there are many invisible factors which drive communication behavior.*

— *Remember that other people's behavior (the visible) may be the result of things which you can't see (the invisible) and which you don't yet understand.*

— *Be prepared to deal with these factors before they suddenly become visible through conflict.*

The **Onion model** shows that all cultures have some **basic assumptions** and **values** at their centre; then come **believes, norms** and **attitudes**; after them — **systems** and **institutions**; then — **rituals** and **behavior, artefacts** and **products**.

— *Doing business across cultures mind that there may be an assumption in business culture that you can train people to be good leaders; in others the assumption may be that leaders are born, not trained.*

— *If there is a belief in culture that people are generally lazy and passive, a concept of leadership is based on telling people what to do. If people are considered entrepreneurial and creative, leadership approach is based on creating opportunities for people to grow into.*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

– *Discuss culture with your international business partners. This way you learn about their culture and they learn about yours.*

According to the **Pyramid model**, created by Geert Hofstede, culture is a kind of “software of the mind”, “human mental programming”. There is **a universal foundation** of behavior that all the people have in common (laughing or crying); **a collective foundation** of behavior are learned from the groups we are born into — our family, our companies, business functions, teams and clubs we join. And the last one is **an individual** with a unique personality.

The problem of reaching common understanding (intracultural as well as inter-cultural) is usually regarded by scientists as the problem of cultural identity of the communicants (Adler, 1972; Assmann, 2000; Leontovich, 2005; Sadokhin, 2005; Shemanov, 2005; Grishaeva, 2007). Cultural identity is defined as an identity set on the basis of recognition and accepting by the subject of cognition and communication appropriate cultural norms and models of behavior, values and language, on the basis of self-identification with certain values and norms historically accepted in culture and acquired by the person in the processes of socialization.

The process of identification may be realized in the frames of ethnocentrism (as ineffective) or ethnorelativism (as an effective attitude). **Ethnocentrism** is a tendency to see others and their behaviors through your own cultural filters, often as distortions of your own behaviors; the tendency to evaluate the values and beliefs of your own culture more positively than those of another culture [De Vito, 2002]. **Ethnorelativism** is a behavior of acceptance and integration into another culture without giving up one's own cultural values and beliefs.

According to Edward T. Hall culture hides more than it reveals and, strangely enough, what it hides, it hides most effectively from its own participants. The real job is not to understand foreign culture but to understand your own.

– *Working across cultures realize cultural differences; don't impose your own value system on others. Cultural differences do exist, differences are real and some of them are especially deep and significant because different people share different values and beliefs. Accept the inevitability of other value systems and behavioral norms. Be open to those with different values from your own.*

– *Be more tolerant and sympathetic towards the other culture. Try to empathize with people from different cultures.*

– *Don't be afraid to adjust your behavior to suit the norms of this or that culture. It doesn't mean that*

you give up your birth culture's values and beliefs, but he it means that you are professional enough to integrate aspects of other cultures into your consciousness. Some aspects of the other culture or cultures become a part of your new transformed identity.

A person realizes his or her identity being the part of this or that culture. This realization is fixed in language consciousness and is reflected in communicative behavior. We can regard language consciousness as mental mechanisms providing speaking activity, and knowledge used by the person in the process of producing and perception of speech [Popova, Sternin, 2002]. Communicative behavior is the sum of norms and traditions of communication accepted in this or that lingual culture [Sternin, 2002].

The interest towards the study of the language consciousness has initiated specialists of human sciences to pay more attention to discourse. Discourse as a field of study includes many different aspects of language use.

Modern as a socially adequate process of speech communication described in terms of socially significant actions and strategies fulfilled by the members of society within the framework of communicative situations definite and relevant for this or that language community and culture [Tzurikova, 2004]. Each discourse has a dialogue nature because it appears in the situation of interaction between communicants [Stubbs: 1983]. We consider **discourse event** as the most adequate unit for discourse description and understand it as the sum of important communicative coherent acts of speech directed on achieving some common communicative aim [Scollon&Scollon, 2001; Tzurikova, 2002].

Models of discourse events are represented as expectation structures which help the person to adopt himself to the endless variety of real communication situations and to choose definite discourse strategies in each particular episode. In other words, each person has some invariants for the definite type of interaction and some knowledge about the principles of their variability. On this ground schemes of mental representation of correspondent interactions can be accepted as specifically organized sequence of actions which aim is to fix prototypical features of correspondent culture [Scollon&Scollon, 2001; Tzurikova, 2007].

When we communicate with our close friends and colleagues, we have realistic expectations about what will people say and how they will react and we can quite accurately predict and interpret their behavior. But each of us is simultaneously a member of different discourse system. We are members of a particular professional or occupational group, a generation,

a gender, a region, and an ethnicity. As a result, virtually all professional communication is communication across some lines which divide us into different discourse groups or systems of discourse. Due to this we can speak about **interdiscourse communication** as the entire range of communications across boundaries of groups or discourse systems from the most inclusive of those groups, cultural groups, to the communications which take place between men and women or between colleagues who have been born into different generations [Scollon&Scollon, 2001].

When interacting with people who have been socialized differently from ourselves, our predictions of their discourse behavior become less accurate. When their behavior doesn't meet our expectations, we are likely to feel confused and react emotionally. We usually categorize people into two classes: *us* and *them*. *We* and *ours* become the center of what is reasonable and normal. *They* and *theirs* represent the strange and potentially dangerous. This or that person is identified as familiar or as a stranger or alien due to his or her discourse activity. Such identity can be defined as linguacultural identity. **Linguacultural identity** is an identity being formed on the basis of recognition and usage by the person models of discourse events accepted in certain culture or subculture and acquired in the process of socialization.

Models of discourse events are defined by the fundamental peculiarities of this or that culture. In order to work out successful relationships international professionals should know **dimensions of the culture** he or she deals with.

The American anthropologist Edward T. Hall is one of the first who has found that most cultures differ from one another in the way they deal with **time** and **information**.

Monochronic is the culture in which the jobs of everyday life are divided into separate tasks and worked through one at a time. **Polychronic** is the culture in which tasks are not completed one at a time. People usually do many things at the same time, find it OK to be late for meetings, are not against to be interrupted during tasks, can easily change schedules.

— *Never forget that in monochronic culture the task and the result often has the priority over relationships between people. Punctuality and the meeting of deadlines are of great importance. Having people comfortable and satisfied and maintaining harmonious relationships can be more important than meeting deadlines in polychronic culture.*

— *Be flexible and use behavior which is acceptable to your business partner rather than just expect others to conform to your cultural expectations. Don't be afraid to ask your partner's preferences.*

Geert Hofstede identified five main **dimensions of culture**:

1. Individualism — Collectivism.
2. High power distance cultures — Low power distance cultures.
3. Cultures of high uncertainty avoidance — Cultures of low uncertainty avoidance.
4. Masculine cultures — Feminine cultures.
5. Long-term orientation cultures — Short-term orientation cultures.

— *Mind that in individualistic cultures independence and individual responsibility have a strong value. It would be normal for a person to focus on achieving his own goals when working in an international team. In collectivistic cultures loyalty to the group has a higher value than autonomy. It's OK for a person before making a decision to make sure everyone agrees with it.*

— *Don't forget that in a high power distance culture leaders hold a lot of power and status and can take decisions without a lot of consultation with those lower in the hierarchy. In a company from low power distance team members are involved in decision-making and can exchange ideas openly.*

— *Representatives of high uncertainty avoidance cultures do not like risk; use detailed planning, and avoid taking quick decisions. Individuals from low uncertainty avoidance cultures value flexibility, and adaptation to changing circumstances.*

— *Gender roles in masculine cultures are clearly defined. Men are supposed to be assertive, tough and focused on material success. Women are more modest and caring. Competition is of great importance. In feminine cultures competitive behavior is valued less.*

— *Cultures of long-term orientation put great value on long-term planning, traditions, and determination to survive in difficult situation. People usually avoid changing plans. Short-term orientation cultures focus less on tradition. Individuals are ready to abandon the past if they want to be more innovative.*

Taking into consideration these dimensions, intercultural professional should be aware of the fact that there are different ways of thinking and expressing the «self» — different models of discourse events. This awareness is defined as the most important stage in the process of linguacultural transformation that provides a personality with an ability to give the right interpretation of the definite event through the search for the correspondence of other people's behavior (the visible) and the deep reasons of that behavior (the invisible). It also helps a person to adopt himself to the endless variety of real interdiscourse communication situations and to choose definite culturally-accepted

discourse strategies and models of discourse events in each particular episode.

Identity transformation gives a person an opportunity to decode specific cultural information coded in these or those models of discourse events, to understand close correlation between visible and invisible culture, it also makes possible to reach psychological compatibility with the representatives of the other culture or subculture and avoid conflicts. Experience of intercultural working relationships grounded on common understanding of the partners gives a person a new basis for his or her identity, and broadens the space in which he or she can feel comfortable, assured and successful.

References

1. Assmann J. Das kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruhen Hochkulturen.— Verlag Beck Munchen, 2000.
2. De Vito J. A. Messages: Building Interpersonal Communication Skills.— Boston, 2002.
3. Dignen Bob. Communicating Across Cultures.— Cambridge University Press, 2011.
4. Grishajeva L. I. Peculiarities of the Language Usage and Cultural Identity of the Communicants.— Voronezh : Voronezh State University, 2007. (in Russian).
5. Language and National Consciousness. Questions of Theory and Methodology / Ed. Z. D. Popova, I. A. Sternin.— Voronezh : Voronezh State University, 2002. (in Russian).
6. Leontovich O. L. Russians and Americans: Paradoxes of Cross-cultural Communication.— M. : Gnosis, 2005. (in Russian).
7. Sadokhin A. P. Introduction in the Theory of Cross-cultural Communication.— M. : Higher School, 2005. (in Russian).
8. Scollon Ron and Scollon Suzanne Wong. Intercultural Communication: a Discourse Approach.— Malden, Massachusetts : Blackwell Publishers Inc., 2001.
9. Shemanov A. Y. Selfidentity of a Person in Modern Culture // Theoretical Culturology.— M. : Academic Project, RIC, 2005. (in Russian).
10. Stubbs M. Discourse Analyses: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language.— Oxford : Blackwell, 1983
11. Tzuricova L. V. Culturally Specific Discourse Stragedies and Mutual Understanding in Dialogue / ed. L. I. Grishaeva, M. K. Popova.— Voronezh : Voronezh State University, 2004. (in Russian).
12. Tzuricova L. V. Problem of Discourse Natularity in Cross-cultural Communication.— Voronezh : Voronezh State University, 2002. (in Russian).

K. I. Korepanov (Almetyevsk, Russia)

FROM ANCIENT TO MIDDLE AGES HISTORY OF LINGUISTIC WORLD-IMAGE AND CULTURAL INTERACTION OF VOLGA-URAL PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE WORLD-WIDE HERITAGE

In the beginning of the history, evidences of new archaeological complexes managed to show a high level of world-wide intercultural communications of that time. Ancient peoples made a good progress in a variety of spheres, as to new technologies, the formation of social relations, development of language, evolvement of knowledge in geography, biology, calendar, mythology and mythological worldview, accounting, art and so on. The researchers use some new methods, e. g. structural and semiotic investigations in linguistics, archaeology, synergy and so on. History of linguistic world-image reveals a state of cultural interaction and intercultural communications of peoples.

Keywords: cultural layers, Ancient and Middle Ages, history of linguistic world-image, cultural interaction, intercultural communications, Volga-Ural peoples, a context of the world-wide heritage, a culture of modernity, the archaeological complex, traditional Russian culture, archaeological and ethnographical reserves, art styles, the ancient and medieval art creation.

Ancient art styles cover the time from VIII cen. BC till III cen. AD, i. e. the entire Iron Age. It is supposed to be the epoch of military democracy, according to social periodization.

Medieval art styles include zoomorphic, mono- and polychromic ones of 'the great transmigration of

peoples'; we should mention Golden Horde style of applied art, Perm cult casting, Pechorsky, Western Siberian styles, etc.

In this relation, let's introduce a range of the leading ideas in history of linguistic world-image, major findings and results of my research carried out.

1. Reach cultural layers of the Ancient and Middle Ages were created by generations of ancestors of the Ural peoples — Tatars, Russians, Finno-Ugrians, Irans and others. The results of their creations nourish a culture of modernity. This is the basis of their tolerance, neighbourhood and intercultural dialogue.

2. There are three natural areas in the Volga-Ural region, namely southern taiga, forest-steppe and steppe extensive river network.

Nature is the foundation for development of the ancient societies. The rivers are considered to be the main transport routes for trade relations and communication. Many ethnical groups appeared in our region and developed their economics and culture. These processes also deal with peculiarities of geography and climate.

3. A lot of natural, archaeological, ethnographic and cultural complexes represent that époques in the Volga-Ural region. New prospects of the ecological recreation, sport facilities, medicine and tourism infrastructure complexes development will appear in our region in the future.

4. In the beginning of the history, evidences of new archaeological complexes managed to show a high level of world-wide intercultural communications of that time. Ancient peoples made a good progress in a variety of spheres, as to new technologies, the formation of social relations, development of language, evolvement of knowledge in geography, biology, calendar, mythology and mythological worldview, accounting, art and so on. The researchers use some new methods, e. g. structural and semiotic investigations in linguistics, archaeology, synergy and so on. History of linguistic world-image reveals a state of cultural interaction and intercultural communications of peoples.

5. Evidently, throughout the whole observable historical period, the Ural-Volga area was controlled by three ethnic groups; these ones are Finno-Ugric, Iranian and Turkish. At the same time, south-forest and forest-steppe areas were the spaces where cattle, shepherd, agricultural, venatic multi-sectoral types of household interacted and undergone a substantial transformation.

6. Thousands of years of anthropological, verbal and household interaction inevitably and gradually altered the standpoint, ideology and artistic adoption of the world. Since ancient times, the region formed a unique culture, gave birth to various art styles which were embodied in the ancient and medieval art creation.

7. We've determined three periods of early art styles history, as well as artistic trends and aesthetic themes in the Late Bronze Age, ancient art styles (Iron Age), art styles in the Ananian Age, Pyanoborsky

Age, Savromat-Sarmat animal style, art styles of the Grate Transmigration of Peoples, Medieval art styles, Perm cult casting, Pechorsky and Western Siberian beast styles.

8. From the psychological point of view, the study of the Ural and Volga-Kama arts is a necessary part of the human study as well as human thoughtway and human worldviews. One could observe a variety of genuine masterpieces among those monuments. Though representing an important part of the All-Perm intellectual culture in the Central Volga and Kama region, the art of those times is closely connected with the inward habits of Komi and Udmurtian peoples, descendants of Finn-Perm tribes. Bulgarian art unites the art of modern Tatars. The culture of slaves and ancient Russian deals with the traditional Russian culture of nowadays. This connection of mentality, visual perception, semantics and traditional art has been traced in the picture of ethno-psychology, ethnography, folklore and liberal arts.

9. All the necessary conditions for the development of new cultural complexes, ethnographical villages (e. g. in Udmurt region), ecological and recreational reserves (such as Zakamye), natural parks (such as the Blue Lakes), ecological and archaeological corporas. Ancient and medieval historical and artistic heritage of the Ural and Kama region is a valuable experience of a great worldview phenomenon with its own image system which waits for gifted and hard-working researchers.

10. The influence of nature. Nature is the base for development of ancient societies. The rivers are transport routes for trade relations and communication. Many ethnical groups appeared in our region and developed their economics and culture.

There are more than 155 reserves located in Tatarstan. Archaeologically similar types of reserves placed also in Bashkiria, Udmurtia, Mari-El, Mordovia, Nizhegorodskaija, Permskaija, Samarskaija, Saratovskaija districts, Komi, Mordva Republics.

All the conditions exist for development of the new complexes, e. g. ethnographical villages such as in Udmurtia, ecological and recreational parks, natural complexes, paleontological monuments, ecological and archaeological complexes, and so on. I hope new prospects for development of ecological, sporting, medicine and tourism facilities will appear in our region.

As we could reveal in these studies, cult and religious remarkable places are located in Nature, near our native villages. Ritual celebrations, while using its historically evolving mother tongue, managed to make sacred its archaeological and ethnographical complexes.

Nowadays, people seem to have turned attention to these artifacts of the natural heritage of history.

The artifacts get a special status as archaeological and ethnographical reserves. The names of the Pagan sanctuaries are Keremet, Chumbulat, Kuala, Vosjaskoninty and so on. These ones are the relicts both of the Ancient period and Middle Ages.

There are eight hundred archaeological evidences of Almetyevsk region and in the west of the Kama river region. Thousands of archaeological evidences (monuments, historical sites, settlements, tombs, cult places, etc.) exist there, in Volga-Ural region. Original evidences of the Late Paleolithic époque in Tatarstan (e. g. "Krasnaya Glinka") belong to ashel-mustje times (70–30 B. C.) in Tetush district, on the right bank of the Volga. Another settlements are located in Ismany and Deukovo (40 000 B. C.).

Kapova cave (Shulgan tash) contents stone pictures on two levels, namely mammoths, woolen rhinoceros, coven bears. One could find out the analogs of these pictures in the cave pictures ubicated in France and Spain. Researchers found out some new kind of caves in Ural. Climate in Mesolithic was warmer in the period around tenth-sixth thousand B. C. People invented a bow and arrow. All of them were the Finno-Ugrians, and so we could find out some nearest words of "arrow" in Udmurt language (e. g. "nol"), in all Finno-Ugrian languages in a whole, according to the book "Finno-Ugric vocabulary" by Bern Collinder. There are a lot of forests in these countries, so "wood" in Udmurt and Komi languages is named "pu".

At the beginning of the ancient period, the development of art styles was interwaved with adjustment of ideological, cultural-mythological complex, that is why the art in early Iron Age developed controversially because of the influence of many factors such as the transitional period in economics, the breaking of traditional culture, etc. On the whole, compared to the preceding epochs, ancient art styles are represented expressively and documented by a large scope of archeological material. This expressive material is a relatively remaining part of the vast, rich and informative, world of art that reflects artistic mindset in ancient societies.

Let's introduce also a set of current issues and prospects for conservation of natural history and cultural heritage of peoples of the Volga-Ural region. The leading ideas are listed below.

1. Huge cultural layers of antiquity, along with the medieval world-class of artifacts, was created by many generations of ancestors of the Volga-Ural people. The results of their creativity nourish a culture of modernity. This is the basis of their tolerance

and continuity, the neighborhood and intercultural dialogue.

2. Among the monuments, an important place belongs to the sights of nature. The Republic of Tatarstan is famous with Kama field, Yelabuzhsky Nature Reserve, complex Zakamye, Lada, Yangantau, etc.

There is a home for many ancient settlements and Bulgar cities, while located on the rivers of Bilyar, Suvar, Oshel, Bulgars, etc. Rivers are the major transport routes for trade relations and intercultural communications. Natural and geographical conditions have allowed the region to gain the economy and culture of many ethnic groups.

3. Some natural complexes turned into a good reserves: Natural National Park, Lower Kama, Reserve Fund of the Republic of Tatarstan.

4. All the conditions exist for the creative development of new complexes, which have already been included in the list of UNESCO:

- Tourist-recreational park Kamskie Glade;
- Ecological and Recreational Complex Zakamye, Art. Romashkino;
- Natural complex "Blue Lakes";
- Stratigraphic monument of international importance in the village Pechishche; paleontological monument in the vicinity of the village Verkhneuslonsky Isheev, Apastovsky region.

5. Religious monuments of the national treasures of our peoples, forms of initiation to the cultural heritage of ancestors, materialized incarnation features of religious belief.

Ritual celebrations include a deep religious meaning and content. This is a complex of archaeological and ethnographic objects, where contact:

- to divine patronage and assistance of ancestors;
- unity with nature;
- supplications to the shrines.

It is important for the sites afore-mentioned to obtain the status of archaeological and ethnographic reserve of cultural and natural heritage. This fact appeals to a special religious situation. There are the examples of spiritual interaction, e. g. paganism, Orthodox Christianity, Catholicism and Protestantism, Islam, 'staroverstvo', Pagan Sanctuary — Keremet, Chumbulat, Saints keys, Kuala, Vosyaskoninty, etc.

6. A lot of archaeological sites in the Urals and Volga-Kama region (over 2 000). In the Late Paleolithic (40–10 thousand years ago) almost all the areas of the Urals were populated, prauralsky language was developed, the unique kind of art (Canova cave, which is nowadays under the patronage of the UNESCO) had been introduced, etc. During the Mesolithic and Neolithic epochs, peoples inhabited many historical places made progress in their language development,

while gradually attaining a sound knowledge of art. People managed to know much more than ever before about the cultural heritage and spiritual wealth of their homeland, while received the information in the areas such as geography, botany, zoology, meteorology, topography, etc. The processes stated above incorporated also Eneolithic Bronze, the Iron Age and the Middle Ages.

Thus, ancient and medieval historical and artistic heritage of the Volga-Kama region is an invaluable experience of a big worldview phenomenon with its image system which awaits its researchers.

Список литературы

1. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока.— М. : Наука, 1990.— 287 с.
2. Иванов В. А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // Сов. археология.— 1976.— № 3.— С. 308–312.
3. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале.— Новосибирск : Наука, 1992.— 207 с.
4. Токарев С. А. Ранние формы религии.— М. : Наука, 1964.— 399 с.
5. Филиппов А. К. Проблема эволюции стилей в искусстве палеолита // Проблемы первобытной культуры.— Уфа, 2001.— С. 5–17.
6. Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение.— М. : Наука, 1987.— 108 с.
7. Элиаде М. Космос и история : избр. работы.— М. : Прогресс, 1987.— 312 с.

Sourou Dieudonné Agléwé (Eichstätt, Deutschland)

DAS WEIBLICHE ROLLENVERSTÄNDNIS IN ORALTRADIERTEN BENINISCHEN MÄRCHEN

The article is devoted to female images of Benin fairytales. The author compares female roles in Benin and Grimm Brothers' fairytales.

Keywords: *fairytale, female images, Benin, Grimm Brothers.*

Die Frau nimmt in der Kunst und Literatur eine zentrale Stellung ein. Es ist daher kein Zufall, dass die weiblichen Gestalten auch im Märchen eine bedeutende Rolle spielen. Die Märchen stellen eine der populärsten, universellsten Gattungen der Oralliteratur überall auf der Welt dar, die in höchstem Maße von Frauenfiguren geprägt wird. Sowohl die Oratur als auch die schriftliche Literatur berichten in allen Völkern und Kulturen auf unterschiedlichste Weise von der Frau und ihrer gesellschaftlichen Stellung und Rolle. Im westafrikanischen Benin wie in vielen Ländern Afrikas ist die Kultur überwiegend oral geprägt, und sie verfügt über eine Vielfalt an kulturellen Ausdrucksformen wie Märchen (*Aglú* in der beninischen Maxi-Sprache), Sprichwörter, Rätsel, Volkslieder, Legenden und viele weitere.

Von diesen verschiedenen Ausdrucksformen ist das Märchen für den vorliegenden Artikel von besonderem Interesse. Gegenstand meines Beitrags ist das weibliche Rollenverständnis in oraltradierten beninischen Märchen. Benin zählt über 55 verschiedene Volksgruppen, die über vielfältige verschiedene Märchenschätze verfügen. Ich selbst stamme aus der Volksgruppe Maxi, einer der größten Volksgruppen Benins und beherrsche somit deren Sprache sowie Bräuche sehr gut. Deshalb will mein Beitrag auf die Märchen dieses Volks eingehen.

Der erste Teil meines Beitrags soll Einblicke in den Stand der Forschung mündlich tradiierter Märchen in Benin geben. Der zweite setzt sich zum Ziel, das weibliche Rollenverständnis in beninischen, und zwar Maxi-Märchen, zu untersuchen. Dabei finden sich bisweilen Anspielungen auf die deutschen Märchen der Brüder Grimm, die aus interkultureller Perspektive beleuchtet werden. Dabei werden Parallelen und Unterschiede hervorgehoben.

Das Verschwinden der Märchen in Benin bedeutet den Verlust eines großen Teils des Kulturgutes des Landes und somit der Identität des Volkes. In dieser Hinsicht will der vorliegende Artikel auch einen Beitrag zur Bewahrung dieser Märchen vor dem Aussterben leisten.

Zum Stand der Erforschung der Märchen in Benin

Die Märchenliteratur in Benin, wie sonst überall in Afrika, ist noch sehr jung. Erst in den letzten Jahrzehnten haben sich einige Literaturwissenschaftler und Schriftsteller mit den Volksmärchen auseinandergesetzt.

In der Vorkolonialzeit basierte die afrikanische Literatur rein auf der Oralität. Erst mit der Kolonisierung, der Einführung der Schule und der Bildung einheimischer Afrikaner durch die Missionare begann die Sammlung und Dokumentation afrika-

nischer oraler Kulturgüter, darunter die Märchen, durch die europäischen Afrikaforscher mithilfe einheimischer Dolmetscher. Zu den bekanntesten Afrikanisten gehört der deutsche Afrikaforscher Leo Frobenius (1873–1938). Auf mehreren Reisen durch Afrika hat Frobenius die einheimischen Kulturen erforscht. In seinen Werken wendet er sich gegen die Abwertung der Afrikaner als kultur- und geschichtslose Wilde. Er betont die Eigenart der afrikanischen Kulturen und ihre Leistung als Teil der Weltkultur. Zwischen deutscher und afrikanischer Kultur stellt er Gemeinsamkeiten fest, z. B. in der Betonung der Intuition gegenüber dem Verstand.

In Benin begann das Interesse an oral tradierten Märchen und deren Sammlung und Verschriftlichung in der Kolonialzeit mit dem Franzosen René Trautmann mit seinem Buch *La littérature populaire à la Côte des Esclaves*, als er in dem damaligen Dahomey als Arzt diente. Sein Buch umfasst die mündlich überlieferten Märchen, Sprichwörter und Rätsel der Volksgruppen Fon, Popo und Nago.

Im Laufe der Zeit haben einige beninische Schriftsteller, Linguisten, Literaturwissenschaftler, Ethnologen, Soziologen und mittlerweile auch Organisationen wie „Mémoire d’Afrique“ die Nachfolge ihrer europäischen und afrikanischen Vorgänger mit der Märchensammlung und deren Fixieren, allerdings in der Amtssprache Französisch, angetreten. Erwähnenswert sind beninische Autoren wie Julien Alapini mit *Les noix sacrées*, Jean Pliya mit seinem Märchenbuch *La Fille têtue*, Sylvain Prudhomme mit *Contes du pays tammari*, Ismael Mensah mit seinem Buch *Contes et Légendes du Bénin*, Raouf Mama mit seinem Märchenbuch *Pourquoi le Bouc Sent mauvais et autres contes du Bénin*, Abdou Tidjani Serpos mit *Le Dilemme*, Abdou Tidjani Serpos u. a. mit dem Märchen- und Sprichwörterbuch *Contes et proverbes du Bénin*, Dominique Aguessy mit ihrem Märchenbuch *Le Caméléon bavard*, und *La Maison aux sept portes*. *Contes et légendes du Bénin*, Christine Gnimagnon Adjahi mit ihrem Buch *Le forgeron magicien*, Togoun Servais Acogny mit *Les récits d’Aloopho*. Hinzu kommen die Erzählbände des beninischen Germanisten und Märchenforschers Mensah Wekenon Tokponto, und zwar *Fliegende Märchen. Volksmärchen aus Benin* und *Mein Märchen springt hin und her*.

Hier aber ist zu beachten, dass sich fast alle oben erwähnten Autoren in ihren Werken nur auf die Sammlung und Darstellung der Volksmärchen beschränken, wie der Märchenforscher Mensah Wekenon Tokponto schon bemerkt hat: „[...] Die wenigen Forscher, die sich damit befasst haben, begnügten sich nur mit ihrer Sammlung, ohne

auf sie wissenschaftlich und analytisch einzugehen“ [Wekenon Tokponto, 2003: 35]. Jedoch allein die Märchensammlung ohne deren Analyse und Interpretation genügt nicht, denn sie kann den beim Leser geweckten Wissensdrang nicht völlig befriedigen. Daher halte ich es für sehr wichtig, dass die beninischen Märchen nicht nur gesammelt und schriftlich fixiert, sondern auch interpretiert und analysiert werden, damit durch sie dem Leser ein Teil der Kultur eines Volkes und im vorliegenden Fall das weibliche Rollenverständnis in beninischen mündlich überlieferten Märchen näher gebracht werden.

Bezogen auf die beninische Märchenforschung sind die Untersuchungen erst in den letzten Jahren begonnen worden. Im Rahmen der wissenschaftlichen Forschung über deutsche und beninische Märchen leistete Mensah Wekenon Tokponto eine hervorragende wissenschaftliche Arbeit in seiner Dissertation über die Märchen der beninischen Volksgruppe Fon im Vergleich mit jenen der Brüder Grimm. Der Autor hat sich dabei zum Ziel gesetzt, „die phonetische Transkription, Studie und Darstellung der Hauptfiguren und Themenvergleich“ [Wekenon Tokponto, 2003: 35] zu bewerkstelligen. In einem Teil seiner Arbeit stellt er die Frauengestalten in Fon-Märchen, wie zum Beispiel die alte Frau, die Schwiegermutter und die Stiefmutter dar. Auch Märchenbücher aus Benin sind ihm zuzuschreiben. Eine vergleichende Analyse zwischen Grimms- und Aizo-Märchen lieferte auch Sinseingnon Germain Sagbo.

Hinzu kommt der Beitrag der Maîtrise-Arbeit von Sourou Dieudonné Agléwé über das Bild der Frau in Grimms und Maxi-Märchen. Aber im Vergleich zum vielfältigen Interesse an den Hauptfiguren in der beninischen Oralliteratur ist speziell den weiblichen Rollenmodellen in Maxi-Märchen noch kaum Beachtung geschenkt worden.

Das weibliche Rollenverständnis in oraltradierten beninischen Märchen

Die vergleichende Analyse des weiblichen Rollenverständnisses in beninischen Märchen sowie in den deutschen Märchen zeigt uns viele Gemeinsamkeiten, jedoch auch Unterschiede. Interessant ist allerdings, dass offenbar die Frauengestalten größtenteils dieselben Rollen übernehmen, wenngleich sie sonst überall in veränderter Form auftreten. Bei näherer Betrachtung springt ins Auge, wie facettenreich die weiblichen Rollenmodelle erscheinen und wie ergiebig eine solche vergleichende Studie für die feministische Märchenforschung und Gesellschaftskritik sein kann. Bis heute bleibt der emanzipatorische Kampf um mehr Gleichberechtigung und Chancengleichheit

überall auf der Welt und vor allem in Benin und in vielen Ländern Afrikas immer noch problematisch. Um diesen harten Kampf für mehr Rechte für Frauen zu einem guten Ende zu führen, muss zu allen geeigneten Handlungsmöglichkeiten gegriffen werden. Die Oralliteratur in Afrika soll mehr denn je als Quelle zur Erforschung der traditionellen Kulturen dienen, zumal Wissen und Weisheit bzw. das ganze Kulturgut eines Volkes durch das Erzählen enthüllt und überliefert werden. Dabei können soziokulturelle Sachverhalte demaskiert werden, die gesellschaftliche Umsetzung von Gleichstellung, Gleichberechtigung, Chancengleichheit oder kurzum Frauenemanzipation in der Gesellschaft verhindern. Andererseits können all diejenigen Kulturbestandteile durch gezielte Maßnahmen gefördert werden, die eine egalitäre Entwicklung ermöglichen.

Sowohl in deutschen als auch in beninischen Märchen tauchen die Frauenrollen sehr reich an Nuancen auf. Die Märchen enthalten kulturell fixierte Rollenstereotype von Frauen, die meist fragwürdig sind.

Die meisten Heldinnen in Maxi-Märchen sind wenig emanzipierte, hilflose, geduldig leidende, inaktive, sich der alles bestimmenden Männerwelt unterordnende, passiv verhaltende blasse Figuren. Sie werden sogar durch Konkurrenz gegeneinander ausgespielt, und die Belohnung für die Siegerin sind meistens ein Prinz und die Ehe. Die Demütigung und Unterwerfung der Frau zeigt sich in einigen beninischen und auch deutschen Märchen durch den Zwang zur Heirat, wobei sich die Frau den Entscheidungen ihrer Eltern beugen muss, und die Wahl ihres Mannes nur den Eltern zufällt. Beispielhaft verweise ich auf das beninische Märchen *Die drei Prinzessinnen*, in dem die drei Prinzessinnen bezüglich ihrer Heirat in keinsten Weise mitzureden haben, sondern sich lediglich der Entscheidung des Königs, ihres Vaters beugen dürfen. In den Grimmschen Märchen *König Drosselbart* sowie *Die sechs Diener* soll die Prinzessin sich nicht nur fügen, sondern sie sollte am Ende noch dafür dankbar sein, dass sie zur Heirat gezwungen wurde. Die Erschütterung und Zerstörung des Selbstwertgefühls der Prinzessin in beiden Märchen wird deutlich in Sätzen wie: „Ich (die Königstochter) [...] bin nicht wert, deine Frau zu sein“ (*König Drosselbart*) oder „Wenn ich [der Königssohn] nicht Euer Mann wäre, ...“ (*Die sechs Diener*). Ob diese Demütigungen der Frau wirklich zum ehelichen Glück führen, bleibt allerdings fraglich. Während Reika Ebert und Cornelia Müller die totale Erschütterung des Selbstbewusstseins der Frau für einen „Weg zu einer glücklichen Ehe“ [Ebert, 1976: 130] halten, sieht sie Elisabeth Müller

im Hinblick auf die Frau als geradezu „zynisch“ an [Müller, 1986: 107].

Auch Figuren und Handlungen werden in einer patriarchalischen Gesellschaftsform präsentiert, in der die Gesellschaft den Männern mehr Rechte gibt als den Frauen. Das Mädchen im Maxi-Märchen „*Das kinderlose Ehepaar*“ gehört in diese Kategorie der passiven Heldin, die zuletzt das Happy End ohne jedes eigene Zutun erreicht. Das Märchen stellt auch ein junges Mädchen dar, dessen Schönheit so bedeutend ist, dass der König davon erfährt. Letzterer versuchte vergeblich, das Mädchen dazu zu bewegen, ihn zu heiraten. Dem Mädchen aber liegt viel an seiner Liebe zu seinem Verlobten, und es lässt sich keineswegs durch den Reichtum des Königs und die königlichen Ehren verführen. Aber da sie sich fest an ihre Überzeugung hält und den König nicht heiraten will, muss sie dann einer heiligen Schlange geopfert werden, die sie auffressen soll. Sie selbst unternimmt keinen Versuch, ihr Schicksal irgendwie zu beeinflussen und wartet untätig ab, bis ihr Verlobter, und zwar der Jäger, sie schließlich vom Menschenopfer rettet.

Dornröschen oder *Schneewittchen* [Brüder Grimm, 2008: 257, 269] können beispielsweise zum Teil zu dieser Kategorie von Frauenfiguren gezählt werden, die eine passive Rolle übernehmen. Die eine liegt einhundert Jahre leblos im Schloss, bevor der Prinz sie wachküsst, die andere im gläsernen Sarg, bis ihr Prinz auftaucht. Die schönen Prinzessinnen reagieren nicht, bis ihre Retter vorbeikommen. Selbst können sie nichts tun. Ihre Rolle ist es, schön und passiv zu sein. Auf diese Art und Weise wird die weibliche Sexualität in deutschen und beninischen Märchen festgelegt auf schöne Passivität.

Man trifft aber in weiteren beninischen und zwar Maxi-Märchen auf Frauengestalten, die geduldig, gehorsam, fleißig und ruhig sind und ihr Schicksal mit großem Ernst und Verantwortungsbewusstsein in die Hand nehmen. Sie sind aktiv, suchen ihrer Situation gerecht zu werden und arbeiten tätig an deren Bewältigung dieser Situation. Hier wäre an das Waisenmädchen im Maxi-Märchen „*Das Waisenmädchen und seine Stiefmutter*“ zu denken, die zupackt, wo es nottut, die einen Blick für die Situation hat und sich damit unversehens als „reif geworden“ erweist. Schließlich hat sie ihre Prüfungen tatkräftig bestanden. Dieses Märchen berichtet über eine Notlage: Eine Vollwaise wird von ihrer eifersüchtigen, unbarmherzigen und bösen Stiefmutter unmenschlich behandelt. Alle Hausarbeiten werden ihr übertragen, seien es Geschirrspülen, Bodenkehren, Wasser- oder Holzholen und sogar Kochen; und die Tochter der Stiefmutter tut rein gar nichts. Obwohl das Mädchen dies alles verrichtet,

wird ihm niemals von der Stiefmutter gedankt. Ohne jede berechnete Grundlage wird das Waisenmädchen von der Stiefmutter aus dem Haus gejagt. Es soll daraufhin zu einem ihm unbekannten Fluss gehen, wo es einen rabenschwarzen Stoff so lange waschen muss, bis er weiß wie Kaolin würde. Aber mit Hilfe seiner Charakterstärke und seiner Seelengröße besteht das Mädchen alle Aufgaben. Dasselbe gilt für die Goldmarie in „*Frau Holle*“, die durch ihren Fleiß und ihre Zielstrebigkeit eine klare Arbeitsmoral vermittelt. Hier wird deutlich, dass das Märchen keinesfalls Passivität als Patentrezept oder stets angebrachte Haltung goutiert, sonst müsste ja doch die Pechmarie ihren Prinzen sountätig wie Dornröschen und Schneewittchen gewinnen. Abgesehen von diesen nur passiven oder aktiven Heldinnen trifft man auch auf andere, die als ängstliche, passive, bloß duldende Heldinnen beginnen, aber sich im Laufe der Geschichte radikal verändern, aktiv, listig werden und das „happy end“ bewirken. Dies gilt für *Aschenputtel* und *Allerleirauh* in den Grimmschen Märchen.

Die von der Märchenheldin geforderte Aktivität besteht nicht immer in handfesten Tätigkeiten wie Spinnen, Geschirrspülen, Bodenkehren, Kochen, Wasser- und Holzholen. Es kann sich eben auch in erster Linie um Tugenden wie Gutherzigkeit, Mitleid, Nächstenliebe im christlichen Sinne handeln, die in der neuen Lebensstufe der Heldin erlernt und gelebt werden müssen. Hier ist an das Mädchen im Maxi-Märchen „*Das Waisenmädchen und seine Stiefmutter*“, das den alten Frauen seine Hilfe anbietet, ebenso an das Mädchen im Grimmschen Märchen „*Die drei Männlein im Walde*“ zu erinnern, das unaufgefordert sein Brot teilt und den Schnee wegschaufelt. Andere beninische Märchen wie „*Die Frau und die Panthermutter*“, und „*Ein reicher Mann*“ bieten uns beispielhafte und nachahmenswerte Frauenfiguren voller Liebe, Wohltat, Hilfsbereitschaft, Gutherzigkeit. Zusätzlich beziehen sich viele Märchen auf die guten Charaktereigenschaften junger Mädchen und alter Frauen.

Überdies tauchen einige fragliche Weiblichkeitsstereotype in den beninischen Märchen auf, wie zum Beispiel: Die beste Frau ist Hausfrau, Stiefmütter sind ausnahmslos böse und handeln auch so, Schönheit bedeutet alles. Nicht zuletzt ist die Bösartigkeit näher zu untersuchen, die kennzeichnend für manche Frauenfiguren wie die Hexe und die Stiefmutter ist.

Infolge dieser kurzen Analyse könnte man feststellen, dass das weibliche Rollenverständnis in beninischen oral tradierten Märchen einerseits ein positives Bild, andererseits ein negatives Bild der Frau vermittelt.

In ihrem positiven Bild tritt die Frau in manchen beninischen Märchen als ein beharrliches, mutiges und treues Wesen in Erscheinung. Sie ist in diesem Fall bereit, mit ihrem Mann jede Herausforderung anzunehmen sowie allerlei Gefahren zu trotzen. So spielen die Frauenfiguren in manchen beninischen Märchen an der Seite ihrer Männer eine bedeutende Rolle bei der Überwindung aller Schwierigkeiten oder Wechselfälle des Lebens. Hier das treffende Beispiel der älteren Frau im Maxi-Märchen *Der Jäger und seine zwei Frauen*: Als dieschwierigen Wechselfälle den polygamen Mann in diesem Märchen überfallen und beginnen, ihn zu ruinieren, verlässt ihn einfach seine jüngere Ehefrau. Sie hält die Armut für unerträglich und sagt schließlich: „*Ich kann so nicht weiterleben. Ich gehe weg!*“ [Agléwé, 2010: 58]. So trennt sie sich von ihrem Mann und verlässt sogar ihre Kinder. Nur die ältere Frau, die ihn aufrichtig liebt, ist geblieben und erträgt mit ihm die unglücklichen Augenblicke, bis der Mann wieder reich wird. So stellt sich die Frage nach der Aufrichtigkeit der Liebe der Frauen. Ist sie materiell oder durch ein wahres und tiefes Gefühl bedingt. Das verrät das Märchen nicht eindeutig. Immerhin weisen die Worte des Mannes an seine jüngere Frau am Ende der Erzählung auf das materielle Merkmal ihrer Liebe hin, weil sie zurückgekommen ist, als sie vom Reichtum ihres ehemaligen Mannes erfahren hatte:

Der Mann erwiderte ihr: „Nein, in der Not hast du mich im Stich gelassen und erst jetzt, nachdem ich wieder reich geworden bin, verstehst du, wie lieb und teuer die Kinder sind! Geh schnell dorthin zurück, wo du herkommst! Nur wer mit mir in der Not war, darf mit mir im Reichtum leben!“ Und die jüngere Frau ging daraufhin zurück [Agléwé, 2010: 60].

Zwischen den beiden Frauengestalten dieses Märchens besteht eine deutliche Opposition. Die ältere Frau auf der einen Seite mit einer absolut bewährten Liebe und die jüngere Frau auf der anderen Seite mit einer oberflächlichen und materiellen Liebe bilden einen Gegensatz.

Auch in Grimms Märchen ist die ausdauernde und waghalsige Frauenfigur zu finden. In der Tat weisen zahlreiche Grimmschen Märchen auf Wechselfälle oder tragische Lebensumstände von Verlobten oder Ehepaaren hin, wobei die Frauenfiguren trotzdem ihren Verlobten oder Männern nicht davonlaufen, sondern ganz im Gegenteil standhalten und an der Seite ihres Partners kämpfen. Das zeigt die wahre und treue Liebe des schönen und fleißigen Mädchens in *Die wahre Braut*, das seinem Verlobten, einem Königssohn, trotz allem treu bleibt und mit viel Geduld darauf wartet, bis er es wiedererkennt und heiratet. Ich verweise auch auf die Grimmschen

Märchen *Daumesdick* und *Dornröschen*, deren einleitende Sätze schon sehr vielsagend sind. In den beiden Erzählungen bleibt die Frau trotz des traurigen kinderlosen Zustands des Ehepaares bei ihrem Mann. So lesen wir in *Daumesdick* zum Beispiel: „Es war ein armer Bauersmann, der saß abends beim Herd schürte das Feuer, und die Frau saß und spann“ [Brüder Grimm, 2008: 368].

Weiterhin taucht die Frau in anderen Märchen als eine arbeitsame und gehorsame Figur auf. So messen die beninischen Volksmärchen dem Eifer der Frau bei häuslichen Arbeiten viel Wert bei, wie Geschirrspülen, Bodenkehren, Kochen, Wasser- und Holzholen. So das Mädchen im Maxi-Märchen *Das hartnäckige Mädchen*, dem das Glück nur dank Fleiß, Gehorsam, Selbstaufopferung, Höflichkeit und Hilfsbereitschaft bei der Haushaltsführung schließlich zuteilwird. In mehreren Grimmschen Märchen erkennt man den Arbeitseifer und die Gehorsamkeit der Frauenfiguren, z. B. des Waisenmädchens in *Frau Holle*, zwar auch bei harten Hausarbeiten, aber meistens und typischerweise beim Eifer am Spinnen. Ebenso ist eine enge Verknüpfung von Fleiß und Schönheit zu erkennen. Die Gegenüberstellung „Goldmarie“ und „Pechmarie“ z. B. und vom tugendhaften Waisenmädchen und seiner lasterhaften Stiefschwester bietet ein passendes Beispiel für die deutsche und beninische Märchenauffassung von vollendeter Weiblichkeit, weil die Schönheit mit harter Arbeit verbunden ist. Folglich resultieren für die Frau Erlösung und gesellschaftlicher Aufstieg aus der Kombination von Schönheit mit Arbeit.

In weiteren beninischen Märchen tritt die Frau als eine eheliche und gesellschaftliche Reichtums- und Erfolgsquelle auf. Sie besorgt den Haushalt und als Erzeugerin und Mutter fällt ihr die bedeutsame Aufgabe zu, die Kinder in den ersten Lebensjahren moralischen Werten sowie gesellschaftlichen Gesetzen gemäß zu erziehen.

So erhöht sie nämlich das soziale Ansehen ihres Mannes und bestimmt selbst zugleich ihre Stellung in der Gemeinschaft, da sich der Wert und das soziale Ansehen der Frau in der traditionellen Gesellschaft oft an ihrer Mutterschaft und Fruchtbarkeit messen lassen; ihre materiellen Besitzungen wiederum sind zweitrangig. Auch in Grimms Märchen wie *Dornröschen* und *Daumesdick* stehen Mutterschaft und Fruchtbarkeit der Frau im Mittelpunkt der Entscheidung zur Eheschließung. Von diesen Betrachtungen ausgehend versteht man die untröstlichen Klagen der kinderlosen Ehepaare und besonders der Ehefrauen in Grimms Märchen. Die Grimmschen Erzählungen geben im Unterschied zu den Maxi-Märchen keinen Hinweis darauf, ob

die Unfruchtbarkeit auf den Ehemann oder die Ehefrau zurückgeht, und ob [?] sie einen Grund dafür bildet, dass der Mann eine zweite Ehefrau heiratet [Satzbau überprüfen!]. Tatsache ist jedoch, dass die Zeugungsfähigkeit der Frau auch dort im Mittelpunkt der Eheschließung steht.

Dieses weibliche Rollenverständnis spiegelt demnach die traditionelle Auffassung von der „perfekten Frau“ wider, und zwar die „drei Ks“: *Kinder, Küche, Kirche*, die aber in der heutigen etwa modernen Benin nicht unbedingt als ein Vorbild angesehen wird.

In anderen beninischen Märchen gilt die Frau, besonders die alte Frau, als eine bedeutende Hüterin und zwar Garantin der traditionellen Werte und deren Vermittlung. Sie übernimmt dementsprechend eine Initiationsrolle, wie z. B. die alten Frauen im Maxi-Märchen *Das Waisenmädchen und seine Stiefmutter* und in dem Grimmschen Märchen *Frau Holle*.

Andererseits trifft man allerdings in Grimms und Maxi-Märchen auf Frauenfiguren, die voller Untugenden oder negativen Charaktereigenschaften auftauchen. Häufig werden Bosheit, Eifersucht, Faulheit, Neugierde und Hartnäckigkeit vieler Figuren erwähnt, die sich oftmals in der bösen und neidischen Stiefschwester oder Stiefmutter verkörpern. So etwa in Grimms Erzählungen *Schneewittchen*, *Frau Holle* und in dem Maxi-Märchen *Das Waisenmädchen und seine Stiefmutter*, in dem die Tochter der Stiefmutter ein sehr verwöhntes Kind ist, das im Gegensatz zum Waisenmädchen, von jeder lästigen Hausarbeit verschont wird. Sie erweist sich als eine Faulenzerin, die bei keiner Aufgabe mithelfen darf, so eifersüchtig und neidisch wie ihre Mutter auf das Glück des Waisenmädchens. Eine Verknüpfung von Faulheit mit Hässlichkeit ist auch zahlreichen beninischen und deutschen Märchen zu entnehmen. Weitere beninischen Märchen wie „*Der Jäger und der Löwe*“, „*Der Jäger und seine Frauen*“, und „*Die Frau und ihre Söhne*“ erzählen auch von Neid und Bosheit der Frauengestalten oder von der Leichtigkeit, mit der sie imstande sind, Geheimnisse zu verraten. Eine weitere in beninischen oraltradierten Märchen vorkommende Frauenrolle zeigt die Frau als geschwätziges, wankelmütiges und nicht vertrauenswürdiges Wesen. Deshalb wird in zahlreichen Märchen empfohlen, der Frau kein Geheimnis anzuvertrauen, wie es das Maxi-Märchen *Der Jäger und die Büffelkuh* und dessen Morallehre illustrieren.

Fazit

„Eine der kompliziertesten, unausdeutbarsten, aber zweifellos auch reizvollsten Erscheinungen auf dieser Welt ist die Frau“ [Rölleke, 2000: 196].

Diese Aussage versucht das Wesen der Frau zu beschreiben. Mein Beitrag hat sich zum Ziel gesetzt,

das weibliche Rollenverständnis in den oraltraditierten beninischen und zwar Maxi-Märchen zu untersuchen. Bei der Analyse sind einige deutsche Märchen der Brüder Grimm in die Betrachtung mit einbezogen worden, um die Analyse zu unterstützen. Die Ergebnisse der Analyse haben vielfältige Facetten der Frauenrolle im Märchen gezeigt. Festzustellen ist, dass das in den beninischen Märchen zum Vorschein kommende weibliche Rollenverständnis seine Wurzeln im Alltag der Beniner hat und fest damit verbunden ist. Die Märchen sind also nicht so weit von den Sozialrealitäten entfernt.

Außerdem spiegelt das Rollenverständnis, das der Erzähler in Grimms sowie den Maxi-Märchen von der Frau übermittelt, bei genauerem Hinsehen eine frauenfeindliche patriarchale Gesellschaft wider, was in gewisser Weise zur Tradition des Märchens gehört. Die ganze Gesellschaftsstruktur basiert auf Gesetzen, die den Männern mehr Macht gibt als den Frauen. Die Frau bei den Maxi und anderen Volksgruppen in Benin und Afrika im Allgemeinen ist bis heute unterprivilegiert trotz des aus dem Kontakt mit der westlichen Zivilisation entstandenen Wandels, wie Wekenon auch bemerkt [Wekenon Tokponto, 2003: 278].

Ihr Bild in den Märchen sowie in der Realität huldigt nur noch traditionsgemäß den „*drei Ks*“: *Kinder, Küche, Kirche*. Aber dank der Bildung der Kolonialschule haben schon einige intellektuelle Frauen in Benin und anderen afrikanischen Ländern angefangen, ihre Rechte zu reklamieren. Schließlich haben auch die Frauen eine bedeutende Rolle bei der Entwicklung und Regierung des Kontinents zu spielen.

Selbstverständlich werden gegenwärtige Deutsche die Frauenrollen im Märchen meist als ausgesprochen unmodern empfinden. Dies bedeutet jedoch nicht, dass das traditionelle weibliche Rollenverständnis im Märchen komplett überholt ist. Charaktereigenschaften wie Arbeitseifer, Selbstaufopferung, Hilfsbereitschaft, Haushaltsversorgung u. ä., welche in den traditionellen Märchen oft angesprochen werden, sind noch heutzutage sehr wichtig, auch für die künftigen Generationen. Denn wie emanzipiert die moderne Frau auch sein mag, gibt es immer bestimmte Einsatzgebiete, wie z. die Versorgung des Haushalts oder die Kindererziehung, in denen die Frau eine bedeutende Rolle spielt. Obwohl in einigen afrikanischen und europäischen Gesellschaften eine andere Stellung der Frau wünschenswert wäre, muss eine Befreiung von überholten Frauenrollen behutsam erfolgen, denn sie gilt als einer der Grundsteine der Gesellschaft. Andernfalls bestünde die Gefahr, dass die Gesellschaft auseinander bricht.

Literaturverzeichnis

1. Alapini, J. Les noix sacrées. Contes traditionnels du Bénin.— Porto Novo, 1935.
2. Aguessy, D. Le caméléon bavard. Contes et légendes du Sénégal et du Bénin.— Paris, 1994.
3. Aguessy, D. La Maison aux sept portes. Contes et légendes du Bénin.— Paris, 1994.
4. Acogni, T. S. les récits d'Alophoo.— Cotonou, 2008.
5. Agléwé, S. D. Das Frauenbild in deutschen und beninischen Märchen am Beispiel von Grimms und Maxi-Märchen, 2010 (Maîtrise-Arbeit, Université d'Abomey-Calavi/Benin, Manuskript).
6. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Band 1. Ausgabe letzter Hand mit Originalanmerkungen der Brüder Grimm, hrsg. von Heinz Rölleke.— Stuttgart : Philipp Reclam, 2008.
7. Ebert R., Müller C. Ideologievermittlung im Märchen — am Beispiel der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, 1976 (päd. Diplomarbeit im Fachbereich Erziehungswissenschaft, Marburg/Lahn, Typoscript)
8. Gnimagnon Adjahi, Ch. Le forgeron magicien. Contes fon du Bénin.— Paris, 2008.
9. Mama, R. Pourquoi le Bouc Sent mauvais et autres contes du Bénin.— Porto Novo, 2007.
10. Mensah, I. Contes et Légendes du Bénin.— Cotonou, 2005.
11. Müller, E. Märchen und Märchensozialisation im Bereich der Vorschule, 1978 (päd. Diplomarbeit, Frankfurt a. M., Typoscript).
12. Müller, E. Das Bild der Frau im Märchen: Analysen und erzieherische Betrachtungen.— München : Profil-Verlag, 1986.
13. Pliya, J. La fille têtue. Contes et récits traditionnels du Bénin.— Cotonou, 2005.
14. Prudhomme, S. Contes du pays tammari.— Cotonou, 2003.
15. Trautmann, R. La littérature populaire à la Côte des Esclaves. Contes, proverbes et devinettes.— Paris, 1927.
16. Rölleke, H. Die Märchen der Brüder Grimm. Quellen und Studien. Gesammelte Aufsätze.— Band 50. —Wissenschaftlicher Verlag, Trier, 2000.
17. Sagbo, S. G. Motivforschung in der deutsch-beninischen Märchenforschung anhand von Aizo- und Grimms-Märchen, 2000–2004 (Maîtrise-Arbeit, Université d'Abomey-Calavi/Benin, Manuskript).
18. Tidjani Serpos. A. Le Dilemme.— Porto-Novo, 1983
19. Tidjani Serpos. Abdou/Cruz, Clément da/Silva, Guillaume da/Gani, Orou: Contes et proverbes

du Bénin. L'entraide dans la littérature orale béninoise.— Yaoundé 1998.

20. Trautmann, R. La littérature populaire à la Côte des Esclaves. Contes, proverbes et devinettes.— Paris, 1927.

21. Wekenon Tokponto, M. Deutsch-beninische Märchenforschung am Beispiel von Märchen in der Fon-Sprache mit phonetischer Transkription, Studie und Darstellung der Hauptfiguren und Themenver-

gleich, (Diss.).— Frankfurt am Main u. a. : Verlag : Peter Lang GmbH, Europäische Hochschulschriften, Band, 1859, 2003.

22. Wekenon Tokponto, M., Hahmann A. Fliegende Märchen. Volksmärchen aus Benin.— Halle : Projekte-Verlag, 2005.

23. Wekenon Tokponto, M. Mein Märchen springt hin und her...— Marbach am Neckar : Oberleser Publizistik, 2003.

Е. Н. Азначеева (Челябинск, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

The article is devoted to the problem of basic parameters in modelling of personality at individual horoscopes. The algorithm of analysis of horoscopes is described, the functions of analogy, synchronization and estimation are identified and revealed.

Keywords: *astrological discourse, analogy modelling, synchrony, rhythms, evaluation.*

Астрология представляет собой область знания, промежуточную между гуманитарными и естественными науками. Наряду с другими гуманитарными дисциплинами астрология изучает человека, но в сравнении с ними она отличается холистичностью, полнотой и всесторонностью описания личности, т. к. исследует всё, что касается физического, эмоционального и интеллектуального состояния человека, а также его духовного предназначения и судьбы. С естественными науками астрологию сближает использование точных методов исследования, главным из которых является аналоговое моделирование, основанное на функциональном сходстве сравниваемых явлений [Величко, электронный ресурс].

В отличие от классической предсказательной астрологии, основным достижением современной «гуманистической» астрологии является моделирование характера человека [Фроули, 2008], в этом она успешно соперничает с психологией, способствуя процессу его самоидентификации и достижения целостности. Как наследница древнего мифологического и паралогического мировоззрения, в качестве точки отсчета для интерпретации человеческой индивидуальности она берет универсальные параметры, связывающие человека с космосом, а именно биокосмические ритмы и глубинную энергетическую составляющую (или эфирное тело) человека, имеющую физический, эмоциональный, событийный и духовный аспекты.

Астрологию отличает глобальный характер и многоаспектность, не исключающие, а, напротив, предполагающие системность. Как пишет В. Ванда, «...если говорить объективно и учитывать реальный исторический процесс, то астрология — самая древняя из наук, которая использовала системный подход. Здесь нет оговорки, именно наука, поскольку «мнимой» она стала после того, как породила, выпестовала и выкормила в прямом смысле астрономию. А системный подход проявляется в том, что астрологи рассматривали Землю как элемент большой системы — Вселенной — и считали, что связи, взаимодействия со всеми остальными элементами Вселенной... предопределяют все процессы на Земле» [Цит. по: Левашов, электронный ресурс]. Развитая система условных знаков для выражения многообразных многоуровневых связей между макро- и микрокосмом образует высоко упорядоченную семиотическую систему. В настоящее время многие астрологи рассматривают знаки, которыми оперирует астрологический язык, как символы и метафоры космических энергий, оказывающих воздействие на человека [Star, электронный ресурс].

Жанровая специфика астрологических текстов определяется их принадлежностью к научному (имеющему специфическую сакрально-метафизическую направленность), научно-популярному, учебному и массово-развлекательному подтипам астрологического дискурса. Научная астрология исходит из представления о Земле и её ритмах как о сложной самоорганизующейся системе, открытой космогеофизическим влияниям и поддающейся изучению научными методами, среди которых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

важное место принадлежит астрономии, математике и статистике [Величко, там же]. В научно-популярных и учебных публикациях излагаются основы интерпретации космограммы и натальной карты. Тексты масс-медийных предсказаний основываются на типологических классификациях человеческих характеров в зависимости от времени рождения, но в большинстве случаев имеют ограниченную эвристическую ценность.

Натальный гороскоп как тип текста занимает центральное место в астрологическом дискурсе, так как его интерпретация является, с одной стороны, конечной целью, а с другой — отправной точкой для последующих исследований. По характеру функционирования гороскопы являются либо автономными текстами, либо компонентами, включенными в другие тексты в качестве их элементов, или «текстов в тексте». В зависимости от целевой группы различаются гороскопы, ориентированные либо на конкретного реципиента, либо на массового адресата. Последние, в свою очередь, делятся на: 1) исследовательские; 2) дидактические, или иллюстративные, как часть научных или учебных целых текстов; 3) рекламные (интерпретация гороскопов известных личностей) в качестве образца для потенциальных заказчиков; 4) развлекательные в масс-медийных изданиях. В первых двух типах жизнь или случай из жизни конкретного человека является поводом или иллюстрацией для психологических наблюдений, философских размышлений и обобщений. По временному параметру их можно разделить на проспективные и ретроспективные (посмертные гороскопы знаменитых людей), различающиеся по признакам потенциальности / реализованности и завершенности / незавершенности жизненного пути. Гороскопы в масс-медийных изданиях являются типовыми, они объединены по временным параметрам (по знакам зодиака или какому-либо периоду — ежедневные, еженедельные, ежемесячные и годовые). Индивидуальные гороскопы, в свою очередь, делятся на виртуальные, собранные с помощью компьютерных программ, и персональные, составленные астрологом для конкретного человека. Компьютерные гороскопы составлены из стандартных характеристик планетных конфигураций, взятых из работ разных авторов. Отсюда их компилятивный характер, механистичность и стереотипизированность, с одной стороны, и повышенная альтернативность трактовки отдельных констелляций, с другой.

Личность человека служит предметом исследования в разных дисциплинах и дискурсах — в художественной и психологической литературе,

лингвистических исследованиях, в художественных биографиях, автобиографиях и мемуарах, характеристиках и т. п. От этих типов текстов анализ натальной карты в персональных гороскопах отличается следующими особенностями:

- 1) аутентичность, т. е. описание личности реального человека, а не фиктивной личности и психологического или социального типажа;
- 2) альтернативность и вероятностный характер интерпретации, особенно в проспективных гороскопах;
- 3) холистичность, т. е. полнота и всесторонность характеристики;
- 4) системный характер, основывающийся на аналоговом моделировании;
- 5) проблемный характер интерпретации;
- 6) аналитико-телеологический характер;
- 7) оценочность.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих моментов.

Альтернативность и вероятностный характер интерпретации обусловлены тем, что современная гуманистическая астрология исходит не из фатальной предопределенности судьбы человека, а из принципа его свободной воли. По мнению астрологов, натальная карта характеризует потенциал личности, основные тенденции и условия его проявления, но результат реализации зависит от самого человека.

Холистичность определяется множественностью астрологических показателей в натальной карте. Согласно системе П. Криворучко [Криворучко, 2007], различаются три основных плана личности: физический план, включающий в себя внешность человека, его телосложение, состояние здоровья и тенденции его развития, болезни, причины недугов, физическую активность и т. д.; психический, содержанием которого являются темперамент, эмоции, система ценностей, нравственные установки, мотивы и возможности их реализации; социальный, к которому относится характеристика ресурсов личности в партнерских отношениях, работе и других сферах деятельности.

Многоаспектность планетарных влияний обусловлена их энергичным характером. Согласно астрологическим воззрениям, каждое космическое тело обладает многосторонним содержанием, называемым его принципом, который реализуется на различных уровнях бытия; каждому планетарному объекту, области и даже точке космического пространства соответствует определенный набор качеств, посредством которых они влияют на жизнь государств, народов и отдельных людей. Отсюда сложности для астроло-

га, состоящие в наличии проблемы выбора между различными энергийными аспектами и уровнями, на которых осуществляется их трактовка. Разнородность и взаимосвязь разных аспектов жизни личности можно проиллюстрировать примером из работы В. Роджер, где взаимоотношения натива с матерью рассматриваются с точки зрения экзистенциального аспекта (текущая ситуация реальной нынешней жизни), биографического аспекта (детство и более поздние следы, оставшиеся в памяти), соматического аспекта (хроническая скованность, зажатость в плечевой области), предродового аспекта (родовая травма), аспекта прошлой жизни (чувство вины), архетипического аспекта (духовное озарение и видение кармы, глубокая психическая связь с матерью) и др. [Роджер, Электронный ресурс].

Взаимосвязь разнопорядковых явлений основывается на аналогии и изоморфизме разных уровней, законе подобия микро- и макрокосма, который формулируется следующим образом: «...Достоверно и в высшей степени истинно: то, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху. И то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи...» [Сакральный мистицизм Запада, 2007: 16]. В этом проявляется парадигматический характер модели мира, когда каждый пласт выступает как выражение для следующего и содержание для ближайшего в противоположном направлении. Астрологическое сознание отличается повышенной семиотизацией: каждое явление представляется имеющим значение и поддающимся расшифровке на более высоких уровнях.

Аналогия, в свою очередь, имеет в качестве своего основания ритм как связующее звено между самой маленькой клеточкой человеческого тела и самой большой галактикой нашей Вселенной. Причинно-следственные связи в астрологии уходят на задний план как недостаточное основание для интерпретации сложнейшей системы мироздания и сменяется более широким подходом, основанным на космических ритмах и принципе синхронности, согласно которому «явления, происходящие в один и тот же момент времени, несут в себе все характерные признаки этого момента». [Величко, там же].

Проблемный характер интерпретации реализуется в подходе астрологов к анализу натальной карты, отправным пунктом которого является поиск основной проблемы в жизни натива. Астролог в своем анализе идет от общего к частному, сначала он получает общее представление о характере человека, а потом анализирует его

особенности. Множественность, разнородность и противоречивость энергий, символизируемых астрологическими показателями натальной карты, требуют от астролога синтезирующего подхода, который осуществляется за счет определения доминантных характеристик личности натива и концентрирования на проблемных моментах его жизни. Астролог исходит из анализа диссонантных моментов в натальной карте и определяет, каким образом натив разрешает главное противоречие. Так, С. А. Вронский рассматривает возможности разрешения напряжения между противоположными полями (домами) гороскопа, образующими следующие оси: 1–7 — ось личности, 2–8 — ось благосостояния, 3–9 — ось взаимосвязей, 4–10 — ось социального роста, 5–11 — ось влечений, 6–12 — ось служения. «Первое поле показывает самого человека. Своим удачам и поражениям человек обязан, прежде всего, себе. Седьмое поле показывает, какое влияние на человека оказывают другие люди. Дела человека зависят от других. Пример взаимодействия этих полей: или человек использует энергию или возможности других для достижения своих целей, или другие люди используют потенциал человека для своих целей» [Вронский, 2004: 17].

Помимо этих общих для всех противостояний, в натальной карте каждого человека существуют индивидуальные напряженные аспекты между планетарными объектами, среди которых необходимо выявить основной конфликт, проявляющий себя в течение всей жизни человека. Так, оппозиция между Солнцем и Сатурном часто трактуется как отцовский комплекс, квадратура между Марсом и Солнцем — восстание против авторитетов и т. п.

Проблемные моменты и способы их разрешения связаны с телеологической направленностью толкования натальной карты, а именно с определением кармической составляющей, цели и смысла данного воплощения. Основной мотив астрологических интерпретаций — жизнь и судьба, способы коррекции судьбы, проблема фатальности и свободы воли.

Оценочность в интерпретации натальной карты имеет множество аспектов: она касается оценки момента времени, события или личности человека. Способы характеристики личности человека в гороскопе связаны с картиной мира астрологов. Одни из них колеблются от релятивизма до полного отказа от оценки, поскольку предполагается, что каждый человек ведет себя с соответствием с показателями своей натальной карты, тем более что анализ карты позволяет объяснить причины его поведения. Так, известный немецкий

астролог XX в. Т. Ринг, анализируя личность человека по гороскопу, отказывается давать оценку его поведению («Es gibt keine Wertigkeit») [Ринг, Электронный ресурс]. Однако другие астрологи, такие как П. Глоба, исходят из принципа полярности и достаточно категорично судят о том, как отражаются добро и зло в натальной карте человека. Кармическая астрология занимается анализом кармических долгов и проблем, передающихся из поколения в поколение. Существует также точка зрения, что по гороскопу невозможно определить уровень духовного развития человека, а от него зависит степень и сфера реализации тех или иных астрологических показателей в жизни человека, вследствие чего возрастает альтернативность трактовки гороскопа.

Таким образом, интерпретация натальной карты подразумевает наличие определенного алгоритма, варианты которого зависят от профессионального опыта, мировоззрения и духовного уровня астролога. Текст интерпретации представляет собой полное описание потенциала личности и возможностей его реализации, основная стратегия интерпретации состоит в демонстрации основных проблем и альтернативных возможностей реализации. Цель интерпретации состоит в поиске способов гармонизации жизни на основе соотнесения ритмов Космоса с ритмами Земли и человека, в повышении уровня сознания в результате процесса самопознания и изучения человеческой природы.

Список литературы

1. Величко Ф. К. Астрология конца XX века [Электронный ресурс].— URL: <http://www.ipasoft.ru/POPULAR/PNO/FKV.htm>, свободный.
2. Вронский С. А. Классическая астрология : в 12 т.— Т. 3 : Домология.— М. : Изд-во ВШКА, 2004.
3. Криворучко П. Расчет кармического статуса планет.— М. : Профит Стайл, 2007.— 48 с.
4. Левашов И. Наброски к целостной картине астрологического знания [Электронный ресурс].— URL: <http://astrologic.ru/comments/levashov.htm>, свободный.
5. Роджер В. Иные «Я», иные жизни [Электронный ресурс].— URL: http://www.urania.ru/vertical-menu/library/magazine/urania-articles/urania-articles_729.html, свободный.
6. Странден Д. В. Герметизм. Основные учения герметизма // Сакральный мистицизм Запада. Герметическая философия.— М. : Беловодье, 2007.
7. Фроули Д. Подлинная астрология.— М. : Мир Урании, 2008.— 352 с.
8. Ring Th. Die revidierte Astrologie: Seminar in Kopenhagen 1974 [Электронный ресурс].— URL: http://www.astro.com/astrologie/in_ring_g.htm, свободный.
9. Star M. Astrology FAQ. Basics for Beginners and Students of Astrology [Электронный ресурс].— URL: <http://home.istar.ca/~starman/astrofaq.shtml>, свободный.

Ж. Р. Амирова (Алматы, Казахстан)

КАРТИНА МИРА И ЕЁ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ЕДИНИЦАХ (на материале русского и казахского языков)

Substantivates of considered formative subtype, in contrast to the production of professional and conversational discourse, where they perform common language, nominative and also extra-linguistic, pragmatic function, in artistic discourse, it is capable also to perform specific artistic function. For the artistic features it includes figurative and expressive-emotional function. In some cases, this function is not only expressing the emotional attitude to the situation reconstituted era and also for the transfer the “spirit” of these times. In studied examples substantivated forms represent a life of a Soviet people, described a peculiar picture of the world of an average man of that era. A means of linguistic expression of these paintings were substantivated forms that are characteristic for that time names — urbanonyms and pragmatives.

Keywords: *worldview, substantivation, substantivated language units.*

В основе субстантивации как языкового феномена лежит осознание признака как самостоятельной субстанции, выражающейся в грамматических категориях имени существительного [Балли, 1955; Виноградов, 1972].

Субстантивация — один из активных процессов в русском языке [см., например, РГ, 1980: 239–241]. Вопрос о переходе частей речи в класс имен существительных решается в XXI в. в аспекте современных парадигм лингвистики,

открывающих новые грани проблемы субстантивации.

Субстантивация имеет отношение не только к системе языка, но и к речи [Пешковский, 1956; Потебня, 1985], так как именно в речевом употреблении зарождаются возможности перехода других частей речи в существительное. В современной русистике преобладает точка зрения на субстантивацию как на переход прилагательных и причастий в существительное, употребление других частей речи в функции имени существительного рассматривается как окказиональная субстантивация [Земская, 1999: 374–377].

Грамматический аспект явления субстантивации достаточно глубоко изучен в работах описательно-классификационного направления [Лопатин, 1967; Мигирин, 1971; Бабайцева, 2000 и др.] лингвистики XX века. Переход к третьему тысячелетию ознаменовался появлением новых направлений в изучении языка. К современным направлениям в лингвистике относятся антропоцентрический, когнитивный, коммуникативный, культурологический, прагматический, функциональный и др. Указанные направления весьма перспективны для исследования явления субстантивации. Проблема транспозиции частей речи рассматривается в XXI в. с различных позиций, открывающих новые аспекты проблемы субстантивации, например, с позиции когнитивного направления [Кубрякова, 2001].

Как показывают подобные исследования, несмотря на обилие работ по проблеме субстантивации, некоторые аспекты изучения явления субстантивации остаются нераскрытыми, особенно в свете новых парадигм лингвистики. Благодаря идеям и теориям целого ряда ученых, начиная с В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984] и до Э. Сепира [Сепир, 2002], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], было доказано, что сам язык и его единицы, прежде всего слова (а также и др. языковые единицы), несут отпечаток национального «духа», национальной специфики и представляют языковую картину мира того или иного народа.

Сравнительно-сопоставительный анализ топонимических названий, образованных путем субстантивации, в русском и казахском языках показал, что в том и другом языке имеется целый ряд топонимов, мотивированных названиями флоры и фауны. Например, в русских названиях сёл: *Выдрино*, *Клёново*, *Орехово-Зуево*, *Слепнёво*, *Хлебное*, *Яблочное*, *Ягодное*, *Ясенево* [Смолицкая, 1999; Никонов, 1996] и др. Необходимо учитывать и др. способы обра-

зования названий-топонимов, распространенных в русском языке, например, суффиксальные (Вишнёвка) метонимические (Березки), однако в данной статье рассматривается определенный словообразовательный тип.

В казахском языке данный словообразовательный тип — субстантивация — представлен шире, по нашим данным, чем в русском языке: *Алмалы*, *Алматы* «Яблочное», *Аришалы* «Можжевельное», *Джусалы* от жуса — «дикий лук», *Карагайлы* «Еловое», *Жидели* от жиде — «джиде», *Жусанды* «Полынное», *Изенды* от названия травы — изень, *Кайынды* «Березовое», *Караганды* — Караганда от караган — «желтая акация», *Кокпекты* от кокпек — «белая лебеда», *Талды* от тал — «ива, тальник», *Теректы* «Тополиное», *Шиелы* «Вишневое» и др.; *Акулы* «Лебяжье», *Аюлы* «Медвежье», *Буркитты* «Орлиное», *Зеренды* «Джайранье», *Каргалы* «Воронье», *Куланды* «Куланье», *Коянды* «Заячье», *Соналы* «Слепнёво», *Текелы* от теке — «горный козел», *Шортанды* «Щучье» и мн. др. [Рысбергенова, 2000; Койчубаев, 1974]. Много субстантивированных форм названий топонимов в казахском языке со значением особенностей ландшафта: *Аранды* от аран — «преграда», *Айрақты* от айрак — «развилка», *Сазды* «Болотистое», *Сорлы* от сор — «солевая топь», *Талды-Тасты* — «Кустарниково-каменистое» и мн. др.

Как видно, субстантивированные названия-топонимы в казахском языке более распространены по сравнению с русскими аналогичными названиями. Культурологический подход к рассматриваемым фактам позволяет предположить, что не только языковые факторы влияют на продуктивность данного словообразовательного типа, но и особый склад мышления казахского народа, обусловленный кочевым образом жизни, неразрывно связанный с окружающей природой, сформировали специфическую картину мира данного тюркского народа, частично отраженную в субстантивированных формах топонимических названий. Картина мира казаха-кочевника, вернее её небольшой фрагмент, представленный в топонимах-субстантиватах, свидетельствует о её специфичности, проявляющейся в пристальном внимании к окружающей среде обитания, её природным особенностям, важным для жизнедеятельности казахского народа в недалёком прошлом.

Культурный компонент семантики слова входит в качестве одной из её составляющих. Слово содержит лексическое значение, благодаря которому мы устанавливаем его связь с опреде-

ленным предметом или явлением действительности (вещественное, денотативное значение). Многие слова обладают также добавочными оценочными значениями — коннотациями.

Наиболее широкий по объему и употребительности в различных сферах речевой деятельности современного человека — словообразовательный тип субстантиватов с семантикой каких-либо видов, сортов предметов. В каждой из сфер речевой деятельности человека, в различных видах дискурса используется своя разновидность (подтип) видовых наименований. Так, для разговорного дискурса наиболее актуален подтип с семантикой сортов продуктов питания (прагматонимов). Рассмотрим указанный подтип прагматонимов, который выражен субстантивированными прилагательными.

Однако следует отметить, что первоначально субстантиваты данного словообразовательного подтипа «зарождаются» в производственной сфере, где создаются и именуются новые сорта различных продуктов питания. В профессиональном дискурсе новообразования в субстантивированной форме имеют прагматическую функцию, реализуя направленность на языковые вкусы потребителей продукции. Важное значение имеют внеязыковые факторы, такие, как законы рынка и рекламы, диктующие выбор того или иного способа языкового выражения.

Интересно, что определенную роль при выборе наименования в субстантивированной форме играет региональный фактор. Например, в Казахстане, встречаются такие специфические наименования: конфеты «**Баянаульские**», сорт карамели «**Восточная**», шоколад «**Казахстанский**», пиво «**Карагандинское**» и т. п., которые обладают положительными коннотациями для людей, живущих в данном регионе.

Востребованность определенных типов продуктов питания у населения влияет на появление своеобразного «номинативного бума» субстантиватов. Так, многие сорта конфет, печений, сыров, колбас, водки традиционно предпочитают называть в виде субстантивированных прилагательных. В производственно-профессиональном и разговорном дискурсах субстантивированные формы данного словообразовательного подтипа выполняют номинативную и прагматическую функции. Номинативная функция призвана обеспечить товар названием: поскольку таковой появился в употреблении, возникла социальная необходимость его назвать. Прагматическая функция заключается в том, что товар с точки зрения его производителя должен быть назван привлека-

тельно для покупателей. С этой точки зрения субстантивация оказывается прагматически оправданной, т. к. отвечает запросам производителя и «находит отклик» у покупателя, соответствуя его языковому вкусу.

В отличие от производственно-профессионального и разговорного дискурсов в художественном дискурсе субстантиваты рассматриваемого подтипа помимо общеязыковой номинативной функции выполняют специфическую — художественную функцию. К художественной функции можно отнести экспрессивную, образную, эмоциональную. Однако эта функция служит для передачи не только обстановки той эпохи, но и образа жизни советского человека, своеобразной картины мира среднего человека той эпохи:

«Докторская» разновидность любимого москвичами продукта появлялась теперь раза три-четыре в год. Легче было с «Любительской». «Молочная» стоила чуть дешевле и котиновалась ниже. А только что появившуюся «Останкинскую» с новым ГОСТом оставляли провинциальному десанту (Ю. Арабов. Биг-бит, 8).

Потом от «Зубровки» или «Кубанской» наступало у него тяжелое оупение (Ю. Арабов. Биг-бит, 10).

Названия топонимов — урбанонимов в субстантивированной форме широкоупотребительны в различных видах дискурса. В разговорном дискурсе горожан широко используются субстантивированные топонимы — урбанонимы, к ним мы отнесли названия городских объектов: зданий, театров, стадионов, административных районов города и т. п. Например: *Живу в Алмалинском, работаю в Бостандыкском, поэтому пользуюсь общественным транспортом* (запись разг. речи). Приведем примеры из художественного дискурса, отражающего разговорную речь москвича 70-х годов прошлого столетия:

В «Спортивном» ему купили клюшку (Ю. Арабов. Биг-бит, 12).

Завтра едем на «Ашукинскую» (Ю. Арабов. Биг-бит, 20).

Когда проехали Маленковскую, Колька вдруг сказал... (Ю. Арабов. Биг-бит).

Как показал анализ примеров, употребление субстантивированных форм прилагательных в качестве топонимов-урбанонимов в художественном дискурсе может служить для воспроизведения картины мира, существовавшей в определенную эпоху, в частности — ушедшей в прошлое специфической картины мира советского человека.

Субстантиваты рассматриваемого словообразовательного подтипа, в отличие от производственно-профессионального и разговорного дискурсов, где они выполняют общеязыковую, номинативную, а также внеязыковую, прагматическую функцию, в художественном дискурсе способны выполнять специфическую — художественную функцию. К художественной функции можно отнести образную и экспрессивно-эмоциональную функцию.

В некоторых случаях эта функция служит не только для выражения эмоционального отношения к обстановке воссоздаваемой эпохи, но и для передачи «духа» самой эпохи. В рассматриваемых примерах субстантивированные формы передавали образ жизни советского человека, рисовали своеобразную картину мира среднего человека той эпохи, средствами языкового выражения этой картины являлись субстантивированные формы характерных для этого времени названий — урбанонимов и прагматонимов.

Таким образом, субстантивированные формы прилагательных, выступая в качестве топонимов и прагматонимов, могут служить для выражения картины мира народа в отдельно взятом её фрагменте. Тем не менее, они в целом отражают особенности мышления человека в определенную эпоху как представителя этого народа, обладающего специфичным мировосприятием.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.— М. : Изд-во иностр. лит., 1955.— 416 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове).— 2-е изд.— М. : Высш. шк., 1972.— 616 с.
3. РГ 1980: Русская грамматика.— М. : Наука, 1980.— Т. 1.— 467 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— 7-е изд.— М., 1956.— 511 с.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / для студентов филол. фак. пед. ин-тов.— М. : Учпедгиз, 1985.— 319 с.
6. Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы Междунар. конгресса исследователей рус. языка.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001.— С. 190.
7. Земская Е. А. Субстантивация // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой.— 3-е изд.— М. : Азбуковник, 1999.— С. 374–377.
8. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования.— М. : Наука, 1967.— С. 205–233.
9. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке : учеб. пособие для студентов.— Бельцы, 1971.— 199 с.
10. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография.— М. : Дрофа, 2000.— 640 с.
11. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию.— М. : Прогресс, 1984.— 397 с.
12. Сепир Э. Язык. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ.— М. : Прогресс, 2002.— 656 с.
13. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. ; отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой.— М. : Рус. словари, 1997.— 416 с.
14. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России // Рус. речь.— 1994.— № 4.— С. 84–89.
15. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь.— М., 1996.— 509 с.
16. Рысбергенова К. Историко-лингвистическое исследование топонимов Южного Казахстана.— Алматы, 2000.— 153 с.
17. Койчубаев Е. Краткий словарь топонимов Казахстана.— Алма-Ата, 1974.— 275 с.

Р. М. Бикмухаметова (Уфа, Россия)

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ И БАШКИРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

The article discloses the characteristic features of the concept «death» in Russian and Bashkir phraseology. It describes an associative field of the concept «death» in these languages and permits us to show the attitude to death, which exists in people's consciousness.

Keywords: *linguistic picture of the world, concept, phraseology, concept «death», associative field.*

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с ми-

ром, важнейшее условие его существования в мире.

«Картина мира» представляет собой исходный глобальный образ мира, лежащий в основе миро-

видения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира рассматривается ее носителями ни как картина и осознается ни как исторически конкретное видение реальности, а как смысловой двойник мира. Образ мира воспринимается в картине как сама реальность. При этом предполагается, что человек отражает эту действительность в языке [Рассел, 1997: 7].

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой «языковую картину мира». Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Именно в содержательной стороне явлена картина мира того или иного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ дает возможность различать национальные культуры и понимать, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

Языковая картина мира — составная часть концептуальной картины мира и содержит информацию, дополняющую содержание концептуальной картины мира с помощью языковых средств. Согласно утверждению А. А. Зализняка, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении многих слов и выражений [Серебренников, 1988: 8].

Понятие «концепт» признано утвердившимся термином, однако он до сих пор трактуется неоднозначно. Отсутствие единого определения В. А. Маслова объясняет многомерной структурой концепта, состоящей из понятийной основы и социо-психикокультурной части, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им. Он включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [Маслова, 2004: 4].

Как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. Национальная концептосфера складывается из совокупности

индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, имеющих общечеловеческую ценность [Приходько, 2011: 6].

Концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеологическими сочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами. Фразеологические единицы хранят и транслируют из поколения в поколение знания о выработанной в обществе системе обычаев, традиций, законов и обыденных представлений о мире. Фразеологизмы способны репрезентировать концепты, в них в большей степени отражается образно-эмоциональная и национально-специфическая стороны концепта.

Фразеологическая картина мира является частью целостной языковой картины мира. Важнейшим ее отличительным признаком являются антропоцентризм и экспрессивность. Центром картины мира в языке, в частности во фразеологии, является сам человек, а потому основным критерием актуализации и значимости, выраженных в языке фрагментов мира является его отношение к миру [Алефиренко, 2008: 1].

В каждой культуре концептуальная картина мира имеет свои составляющие, но при этом всегда среди них существуют взаимосвязанные универсальные концепты, как «время», «жизнь», «смерть», «душа», «судьба».

Целью данной работы является изучение русских и башкирских фразеологических единиц, представляющих концепт «смерть».

Обращение к концепту «смерть» связано с тем, что интерес к онтологическим вопросам бытия всегда являлся свойством человеческой природы, а в наши дни онтологическая философия переосмысливается и обретает новые интерпретации. Феномен смерти всегда был проблемой для человека, культуры и философии. Он остается актуальным в современном мире. Смерть становится одним из самых популярных элементов массовой культуры, получают широкое распространение темы, связанные с моментами умирания, с возможностью жизни после смерти [Дербенева, 2010: 3].

Дадим лексикографическое толкование лексемы «смерть», чтобы затем проследить его концептуализацию в составе фразеологических оборотов.

Смерть — «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего» [Даль, 1989: 2]; «прекращение жизнедеятельности организма» [Ожегов, 1983: 5]; «гибель, прекращение, уничтожение» [Ушаков, 1996: 9].

На основании анализа лексикографических источников нами было выделено ассоциативное

поле концепта «смерть» в русском и башкирском языках.

Ассоциативное поле концепта «смерть» в русском языке представлено следующими понятиями:

- вечность: *кануть в вечность; отойти в вечность*;
- похороны: *предавать земле*;
- сон: *спит вечным сном*;
- гроб: *ложиться в гроб*;
- кол: *вбивать осиновый кол в могилу*;
- дух: *испустить дух; дух вон*;
- самоубийство: *покончить с собой; совать голлову в петлю*;
- конец: *найти конец; окончить дни свои*;
- иной мир: *отойти от мира сего; отправляться к праотцам*.

Ассоциативное поле концепта «смерть» в башкирском языке представлено следующими понятиями:

- вечность: *мәңгелеккә китеү*;
 - земля: *кара ергә инеү*;
 - могила: *кәбергә тыгыу; гүр эйәһе булыу*;
 - процесс, когда душа покидает тело: *йән сыгыу*;
 - уход из этого мира: *донъянан китеү; донъяны калдырыу*;
 - отдать жизнь во имя чего-то: *гүмерҙе биреү; баш Һалыу; вафат булыу*;
 - живое существо, способное забирать душу (жизнь): *йәнде алыу; гүмерен өзөү; йәнен өзөү*;
 - убийство: *башын юйыу; йәнен кыйыу; заман ахыры Һалыу*;
 - самоубийство: *үзеңә кул Һалыу*.
- Таким образом, фразеологизмы со значением

«смерть» в обоих языках ассоциируются с концом дня, с могилой, с представлениями о расставании души с телом после смерти человека, с отправлением души человека в мир иной. Следует отметить, что в башкирских фразеологизмах со значением «смерть» ни разу не употреблено слово «гроб», что объясняется традициями захоронения у мусульманских народов — хоронили не в гробу, а в саване.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. — М. : Элпис, 2008. — 272 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1989.
3. Дербенева С. И. Концепт «Смерть» в лирике Г. Бена: когнитивно-авторский подход // Науч. молодеж. ежегодник. — 2010. — № 5. — С. 178–181.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М. : Академия, 2004. — 204 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1983.
6. Приходько О. Е. Концепт «Смерть» в песенном дискурсе музыкального направления метал // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 11. — С. 110–113.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы. — Киев : Ника-Центр, 1997. — 560 с.
8. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М. : Наука, 1988. — С. 87–107.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1995.

Б. А. Бобнев (Челябинск, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА CASA В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

The article is devoted to the research of such mental formations as knowledge and representation which define the structure and content of a polysemantic word. Denotative and connotative meanings of the Italian word CASA reflecting the concept "house" in the Italian culture serve as the material for the analysis.

Keywords: *mental education, polysemy, denotative meaning, connotation, national and cultural figurativeness.*

Существуют два ментальных образования, которые, взаимно дополняя друг друга, могут быть противопоставлены: это знания и представления. Согласно определению «Всемирной энциклопедии: Философия XX век», «знание — это селективная, упорядоченная, определенным способом (методом) полученная в соответствии

с какими-либо критериями (нормами) оформленная информация, имеющая социальное значение и признаваемая в качестве именно знания определенными субъектами и обществом в целом» [Абушенко, 2002: 282]. В этом же аспекте рассматривает понятие знания и лингвистика, в частности, В. В. Красных определяет знания,

как «относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы», противопоставляя знания представлениям как единицам «относительно субъективным и индивидуальным», как «сущностям, включающим собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и оценки». При этом и в индивидуальном, и в групповом сознании оба ментальных образования представляют собой «целостное единство» [Красных, 1998: 54].

Эти определения ментальных образований полностью относятся и «целостному единству» многозначного слова, отражающему и объективные знания о своих денотатах, и субъективные представления и оценки коннотативных значений многозначного слова.

Целью настоящего исследования является исследование многозначного слова «CASA» в итальянском языке и итальянской культуре.

Многозначное слово «CASA» в итальянском языке соотносится прежде всего с денотатом «дом» как местом, где человек живет, местом, которое является его убежищем, определяющим его личное и социальное существование. Лексема «CASA» представляет, таким образом, один из общечеловеческих базовых концептов. В словаре «Энциклопедия символов» Г. Биедермана концепт «CASA» представляется как символ центрального жизненного пространства людей, которые начали вести оседлый образ жизни, место для которого выбиралось по определенным космическим правилам: «La casa è il simbolo dal centro vitale degli uomini che stanno diventando stanziali, per lo più in connessione a regole cosmiche di orientamento con il cui aiuto viene deciso il luogo in cui sorgere» [Biedermann 2007: 96]. Дом становится точкой формирования и кристаллизации цивилизаций, символом самого человека, который нашел свое постоянное место во вселенной: «La casa fut un punto di cristallizzazione per il formarsi delle diverse conquiste della civiltà, simbolo dell'uomo stesso che ha trovato il suo stabile posto nel cosmo» [там же]. Не случайно слово церковь в итальянском языке — это casa di Dio (божй дом), могила — это casa eterna (вечный дом). Само слово «casa», если не означает, то указывает на человека в таких итальянских выражениях, как: una casa allegro, una casa colta, di buona casa.

Такая символическая значимость слова «casa» формирует его общее концептуальное представление, которое в дальнейшем процессе развития многозначности и определит ментальное единство знаний и представлений в виде денотативных и коннотативных значений полисеманта.

Основная цель нашего исследования заключается в построении и описании семантического дерева значений многозначного слова «CASA» на основе данных толковых и двуязычных словарей: Sabatini Coletti, Salvatore Battaglia, Aldo Gabrielli (Hoepli), Sapere, а также русско-итальянских и итальянско-русских словарей Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцовой.

В результате анализа словарных статей была составлена сводная классификация значений.

В итальянском языке многозначному слову **CASA** соответствует десять основных значений: 1) edificio-costruzione a uno o più piani; 2) abitazione di un singolo nucleo familiare; appartamento; 3) edificio destinato a ospitare una collettività o un gruppo particolare di persone; 4) famiglia; 5) stirpe nobile; 6) patria; 7) caselle nei giochi da tavolo e a scacchi; 8) suddivisione dello zodiaco; 9) ditta; 10) il campo della propria sede nei giochi a squadre. Для сравнения отметим, что в русскоязычных словарях многозначному слову **ДОМ** соответствуют семь денотативных значений, расположенных примерно в той же последовательности, что и в итальянском языке: здание; жилье; семья; родина; династия; учреждение; предприятие.

Ядром многозначного слова-концепта, выраженного лексемой **casa**, можно считать общее номинативно-непроизводное значение **casa-costruzione (casa-edificio)** (дом как строение, здание). Это значение во всех исследуемых нами русских и итальянских словарях является первым, основным, или ближайшим лексическим прототипом (БЛП). В этом качестве лексема **дом (casa)** вступает в разнообразные свободные и устойчивые сочетания:

casa di città (городской дом); casa di campagna (сельский дом); casa di lusso (роскошный дом); casa paterna (родительский дом); casa monofamiliare (одноквартирный дом); casa privata (частный дом); casa d'abitazione (жилой дом); casa a pannelli (панельный дом); casa popolare (многоквартирный дом); casa a molti piani (многоэтажный дом); casa prefabbricata (сборный дом); casa tipo (типовой дом); casa a schiera (дом с коридорной системой расположения квартир) и др.

Дальнейшее развитие номинативно-непроизводного значения **дом-строение** (casa-costruzione), согласно словарным дефинициям, получают значения **casa-abitazione (дом-жилье)**.

Денотативное значение casa-abitazione (дом-жилье, дом-квартира), которое в связи с его метонимической производностью назовем дальнейшим лексическим прототипом (ДЛП), также широко вступает в свободные и фразеологические

словосочетания. Перечислим некоторые из них:

casa piccola, spaziosa, accogliente, moderna (маленький, просторный, приветливый, современный дом); casadi due, tre, quattro locali (двух-, трех-, четырехкомнатный дом); andare, tornare a casa (пойти домой, вернуться домой); uscire di casa (выйти из дома); seconda casa (второй дом, приобретенный специально в сельской местности, когда уже имеется дом или жилье, где семья постоянно живет); cambiare casa (сменить дом, переехать); chiudere casa (закрыть дом, приготовиться к долгому отсутствию); mettere su casa (обставить дом, чтобы отправиться жить в нем, жениться); donna di casa, casalinga (домработница); ascende di casa (уборка по дому, работы по дому); padrone di casa (хозяин дома, собственник, сдающий дом в наем другим); vestiti da casa (домашняя одежда, простая, практичная, без претензии на элегантность).

Значения перечисленных сочетаний в определенной степени отражают значение **casa-famiglia (дом-семья)**, которое более полно реализуется в устойчивых сочетаниях типа *amico della casa (друг семьи)*, *atmosfera di casa (домашняя атмосфера)*, *nostalgia di casa (тоска по дому)*, *sentirsi come a casa propria (чувствовать себя как дома)*. Собственно эти устойчивые выражения служат примером, как один лексический прототип *casa-abitazione (дом-жилье)* переходит в другой лексический прототип *casa-famiglia (дом-семья)*. При этом значение *дом-жилье* выступает объединяющим звеном между номинативно-непроизводным значением *дом-строение* и номинативно-производным значением *дом-семья*:

Такова основная линия развития значений многозначного слова «CASA». В этой линии достаточно четко просматривается аспект «знания» ментального единства «знание-представление» исследуемого полисеманта.

Однако кроме рассмотренной линии *строение — жилье — семья*, многозначность итальянского слова «CASA» реализуется еще по одной линии: *здание — учреждение — торговое предприятие*. Отметим, что для итальянского языка значение слова «CASA» как *дом — учреждение, дом — общественное заведение* является очень продуктивным. Для наглядности сравним это значение с употреблением слова *ДОМ* в том же социолингвистическом контексте русского языка.

	<i>Дом как Учреждение, заведение, обслуживающее общественные нужды:</i>	<i>Casa come Edificio destinato a ospitare una collettività o un gruppo particolare di persone, o a un'attività specifica</i>
1	лечебно-трудовой профилакторий для правонарушителей-токсикоманов и душевнобольных	casa di cura e custodia
2	тюрьма	casa di pena
3	дом призрения, ночлежка	albergo dei poveri, ospizio
4	дом для престарелых, приютинтернат; дом-интернат	casa di riposo (приют, интернат)
5	приют	casa di ricovero
6	санаторий, закрытая клиника;	casa di cura
7	лечебно-профилактическая клиника (обычно для нервных больных)	casa di salute
8	пансионат	casa per ferie
9	муниципалитет	casa comunale
10	студенческое общежитие	casa dello studente
11	психиатрическая больница; сумасшедший дом , дурдом	manicomio
12	дом свиданий, публичный дом , бордель, дом терпимости	casa d'appuntamenti, casa squillo, casa di comodo, casa di tolleranza, casa chiusa
13	игорный дом , казино	casa da gioco, casinò
14	Монастырь	casa religiosa, convento
15	спецшкола-интернат для «трудных» подростков и несовершеннолетних правонарушителей; исправительно-трудовая колония	casa di rieducazione per i minorenni
16	исправительный дом	casa di correzione
итого	6 из 16	14 из 16

Из 16 значений ДПП *дом-заведение* лексема *дом* встречается 6 раз, тогда как лексема *casa* встречается 14 раз, что говорит о большей номинативной плотности итальянской лексемы *casa* в значении *дом-учреждение, общественное заведение*.

Значение *дом* как *торговое предприятие, фирма, магазин*, встречается собственно в экономическом значении и может быть заменено именем марки производимого товара, самим товаром или именем владельца магазина или предприятия. Заметим актуальность нового производного значения, как в современном итальянском языке, так и в русском языке в связи с экономическим развитием современного общества в целом, распространенностью рекламы в средствах массовой информации.

Например, для итальянского языка характерно частотное употребление слова *casa* в значении *фирма, компания, магазин*: *casa commerciale* (*торговый дом, торговая фирма*); *casa commissionaria* (*комиссионный магазин*); *casa di emissione* (*эмиссионная компания*); *casa di esportazione* (*экспортная фирма*); *casa di importazione* (*импортная фирма*); *casa di sconto* (*учётный дом*); *casa di spedizioni* (*экспедиторское агентство*); *casa di transito* (*склад*); *casa editrice* (*издательство*); *casa madre* (*холдинговая компания*).

Обе линии развития многозначного слова «CASA» отражают «относительно стабильные,

объективные и коллективные» знания (по определению В. В. Красных).

Что касается концептуального представления многозначного слова «CASA» на современном этапе развития языка, то оно, безусловно, отражает национально-культурную специфику лексемы в ее периферийном и эмоционально-образном употреблении. В частности, в итальянской культуре очень высоко оценивается роль дома-семьи, на что указывает следующая пословица, в которой дом сравнивается с надежностью материнской заботы:

In casa sua l'uomo si tiene sicuro, come il bambino sotto la mamma: la casa è cara come la mamma, e sono quelli i migliori affettie.— В своем доме человек чувствует себя в безопасности, как ребенок рядом с матерью: дом так же дорог и близок, как родная мать (букв.).

Список литературы

1. Абушенко В. Л. Знание // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век.— М. : АСТ, 2002.— С. 282–283.
2. ABBYY Lingvo 12.— URL: www.lingvo.ru. 1996, свободный.
3. Biedermann H. Enciclopedia dei Simboli.— Milano : Garzanti, 2007.— 654 p.
4. Красных В. В. Виртуальная реальность и реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация).— М. : Диалог-МГУ, 1998.— 321 с.

Л. И. Богданова (Москва, Россия)

ДЕНЬГИ КАК ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

The article deals with a concept of money in the Russian language and culture within the framework of cognitive approach. It is described in comparison with some other values — time and friendship in particular. In the course of the research the emphasis is put on the attitude of Russian people towards money and the place of money in the hierarchy of Russian values and its language manifestations.

Keywords: *cognitive approach, values, money, wealth, parsimony, time, friendship.*

В задачи данной статьи входит выявление аксиологического статуса феномена «деньги» в русской лингвокультуре. Работа выполнена на материале толковых, фразеологических и культурологических словарей русского языка.

Наверное, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что деньги — это универсальная ценность, которая включается в систему материальных ценностей человека. Однако необходимо учитывать, что деньги являются не только конкретным предметом, доступным нашему восприятию, но также своего рода «абстрактной сущностью, поскольку мы отождествляем их с понятиями *сила, власть,*

свобода, горе, радость» [Агаркова, 2007: 309]. Практически каждый человек хоть раз в жизни ощущал свою незащищенность в ситуации, если денег нет или их недостаточно. В литературе мотив хронической нехватки денежных средств входит в ряд наиболее значимых. По словам современного писателя Александра Иличевского, один из главных движителей сюжета у Ф. М. Достоевского, помимо самого языка, — деньги, точнее, их отсутствие, или предвосхищение, или утрата. Действительно, деньги у Достоевского то возникают, то пропадают, то летят в камин, то из него выхватываются — маячат и никогда не тра-

тятся, будто ненастоящие. И неудивительно, ведь деньги можно считать первой в истории общества виртуальной сущностью, обладающей реальной ценностью.

Деньги как культурное понятие контактирует с другими понятиями, обозначающими ценности. В этом плане важным представляется выяснение ценностной специфики «денег», выявление и уточнение особенностей шкалирования ценностей в русской лингвокультуре.

О ценностях человек узнаёт благодаря языку. Когнитивный подход к изучению языковых явлений подтверждает положение о том, что язык представляет собой не только орудие для выражения оценок и ценностей, но также способен сообщать о ценностях, поскольку они закреплены в значении и употреблении слов и фразеологизмов. Именно через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, т. е. о правилах общежития, поведении и т. п. Особенно «в идиоматике языка, в том слое, который, по определению, национально специфичен, хранятся система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам» [Тер-Минасова, 2008: 100].

Как показывают исследования когнитивного плана, языковые данные могут служить ключом к пониманию культурно значимых аспектов восприятия мира [см. об этом, напр., Шмелёв, 2005: 23].

«Нестязательное» отношение к деньгам — одна из самых «отчётливых духовных границ русской культуры» [Степанов, 2001: 560]. Русский язык хранит поучения, пословицы и поговорки, выражающие негативное отношение к богатству, демонстрирующие его преходящий характер, его вредное влияние на человека: *Когда провидишь богатство и славу, вспомни, что тленно всё, и тем избежишь крючка жизни сей; Богатство — вода, пришла и ушла; Не в деньгах счастье* и др. Русская языковая картина мира отчётливо демонстрирует, что человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству: *Лишние деньги — лишние заботы; Много денег — много хлопот (забот); Деньги — забота, мешок — тягота; Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь; Без денег сон крепче* [Даль, 1999]. Христианские православные принципы утверждают, что деньги — это низкое и грязное в отличие от духовных помыслов и устремлений. Русские народные сказки с детства внушают мысль, что быть богатым далеко не всегда хорошо. Классическая русская сказка о трех братьях, двух умных и третьем дураке, кончается моральной победой бессребреника, нестяжателя, простодушного младшего брата-

«дурака» над материализмом и практичностью старших братьев.

Итак, у русских людей традиционно сложилось особое отношение к деньгам, которое нашло отражение в языковой картине мира. Рассмотрим это на примере анализа семантики ряда фразеологических единиц со значениями «приобретать деньги» и «тратить деньги».

Так, в частности, из фразеологии известно, что русские купцы в прошлом и «новые русские» в настоящем сначала *огребают деньги лопатой, набивают карман, заколачивают бешеные деньги (бабки)*, а затем *бросают эти шальные (шалые) деньги на ветер, пускают их в трубу, швыряют деньги, сорят деньгами*. При этом русским социумом отрицательно оценивается как получение неоправданно больших денег, так и безрассудное их расходование, что закреплено лексикографически и получило отражение в словарных пометах, толкованиях, иллюстративных примерах. Рассмотрим данные словарей. Вот как толкуется (с пометой *неодобрительно*) фразеологизм *бросать (пускать) на ветер (по ветру)* во Фразеологическом словаре русского языка А. И. Фёдорова:

Бросать (пускать) на ветер (по ветру). Разг. Неодобр.— «тратить, расходовать бесцельно, безрассудно» [Фёдоров, 1997].

О негативном отношении носителей русского языка к безрассудному расходованию денег говорят и иллюстративные примеры, взятые из словарей русского языка:

Порой даже казалось, что должностные лица республиканского масштаба негласно соревнуются в том, чтобы разухабистей и круче бросить народные деньги на ветер [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006].

Фразеологический словарь под редакцией А. И. Молоткова приводит следующие примеры оценочного использования указанного фразеологизма в русской классической литературе [Фразеологический словарь, 2001]:

В иных случаях тратились они без надобности и бросали деньги, как говорится, на ветер (С. Аксаков, Наташа);

— *В самом деле? Да вы совершенство. Впрочем, и я не играю. Глупо бросать деньги на ветер* (Тургенев, Вешние воды);

— *Ну, зачем ты потребовал портю? — сердился медик. — Миллиончик какой! Бросил шесть рублей так, здорово живёшь, на ветер!* (Чехов, Припадок).

Метафорическая природа фразеологизма *бросать деньги на ветер* проявляется в сопостав-

лении с трудовой деятельностью, с процессами созидания ценностей, напр., веянием ржи, пшеницы, когда шелуха пускается по ветру. Таким же образом ветреный и легкомысленный владелец денег, богатства распоряжается своим имуществом [Мелерович, Мокиенко, 2001: 99]. Ветер в русской языковой картине мира связывается с чем-то ненадёжным, изменчивым, непостоянным, поэтому брошенное на ветер оказывается безвозвратно потерянным [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006].

Отрицательно оцениваются в русской культуре и большие деньги, как правило, не свои. Об этом также свидетельствуют данные словарей:

Бешеные деньги. Разг. Экспр. Неодобр.— ‘крупные суммы денег, легко доставшиеся и расходующиеся небрежно’ [Фёдоров, 1997]: — *Крым, знаешь, да и вообще юг — это настоящее гнездо всех шатунов и аферистов... Тепло, море, горы, красота, деньги кругом шальные* (Куприн, С улицы).

Бешеные, шальные и шальные деньги противопоставляются *кровным деньгам*, заработанным честным тяжёлым трудом: *Я не видел этого мальчика с отъезда его в университет, куда он поехал на кровные деньги, добытые кровным трудом на уроках у купцов, плативших не больше трёх рублей в месяц* (Г. Успенский, Разоренье) [Фёдоров, 1997].

Обществом осуждается факт быстрого и лёгкого обогащения, которое к тому же нередко происходит нечестным путём. Русский человек уверен, что честным трудом не заработать больших денег: *От трудов праведных не наживёшь палат каменных*. Отрицательная оценка стремительного и лёгкого обогащения также закрепляется в значениях языковых единиц и отражается в словарных толкованиях:

Набивать карман. Разг. Неодобр.— ‘быстрое обогащение нечестным путём’ [Аристова и др., 1995].

Грести лопатой. Разг. Неодобр.— ‘зарабатывать, получать уйму денег. Подразумевается, что деньги достаются **легко**’ [Аристова и др., 1995]: *Записался он адвокатом — пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой* (А. Островский, Поздняя любовь).

Однако следует отметить сложное, неоднозначное оценочное восприятие денег русскими людьми. Ср., с одной стороны: *Деньги не голова: наживное дело; Время деньгу даёт, а на деньги и времени не купишь*. С другой стороны, *деньги*, несмотря на отмеченное к ним осторожное и даже пренебрежительное отношение, ценятся всё-таки очень высоко: *После Бога деньги пер-*

вые; Денежка не Бог, а бережёт; Без денег нет разума [Даль, 1999].

Деньги глубоко проникают в личную сферу русского человека, о чём свидетельствуют, в частности, производные с субъективным компонентом значения. Ср.: *денежки, деньжата* — положительная оценка, любовное к ним отношение; *деньжонки, деньжишки, деньжищи* — отрицательная оценка малых денег, как правило, своих, и чужих — больших.

Рассматривая иерархию ценностей в русской лингвокультуре, обнаруживаем примечательный факт: растратчик денег осуждается в русском коллективе в большей степени, чем тот, кто, напр., неразумно тратит своё время. Именные номинации с негативной оценкой, такие, как *расточитель, мот, транжир(а)*, относятся преимущественно к людям, способным растратить свои деньги или имущество. Точные наименования, обозначающие людей, неразумно и бессмысленно растрачивающих своё время, в русском языке отсутствуют (ср. *прожигатель жизни* — общее обозначение для людей, ведущих беспорядочный образ жизни). Отсутствие однословного наименования той или иной реалии, как правило, говорит о меньшей её значимости для общества по сравнению с той, которая получила точное однословное обозначение. В этом плане русские люди нередко тратят время, не задумываясь глубоко о его значимости [Богданова, 2008].

Осуждая несправедливое богатство, с одной стороны, и расточительность, с другой стороны, русский человек, казалось бы, высоко оценивает бережливость и запасливость: *Бережливость лучше богатства; Запасливый лучше богатого; Запас мешка не дерет; Запас беды не чинит; Копейка к копейке — проживет и семейка; Копейка рубль бережет; Не приходом люди богатеют, а расходом; Кто мотает, в том пути не бывает; Собирай по ягодке — наберёшь кузовок; Пушинка к пушинке, и выйдет перинка; Подальше положишь — поближе возьмёшь* [Энциклопедический словарь русской цивилизации, 2000].

Несмотря на то, что бережливость всячески поощряется (свидетельство тому — внушительный корпус приведённых выше пословиц), тем не менее это качество всё же не стало основой для стереотипного представления о русских людях. Исследователями не раз отмечалось, что в русском социуме такие качества, как *экономность, расчётливость, умеренность, рациональность*, вызывают неприятие, поскольку *мелочиться* стыдно, неприлично, недостойно. Ср. комический эффект, возникающий из-за несоответствия

между стереотипным представлением о русских и указанными качествами: *с чисто русской экономностью, *с чисто русской бережливостью, *с чисто русской расчётливостью...

Оборотная сторона бережливости — скупость и жадность. Эти качества резко осуждаются русским обществом, что зафиксировано в оценочных номинациях, напр., таких: *скупец, скупердяй, скопидом, скаред, скряга, жадина, жадюга, жмот, сквалыга, сквалыжник, жила* и др.

Показателен богатый синонимический ряд, характеризующий интенсификацию данного качества [Словарь синонимов русского языка, 2001]:

Скупиться — 'неохотно расходовать, неохотно давать другим что-л.; быть чрезмерно бережливым'. *Я не скупился. Не время мне было скупиться и зажимать монету* (Аксёнов).

Жадничать. Разг., неодобр., усилит.

Жаться. Обиходно-разг., неодобр. — 'быть чрезвычайно экономным, урезать себя во всём'.

Скряжничать. Разг., неодобр.

Скаредничать. Разг., неодобр.

Сквалыжничать. Прост., презр. — 'быть не в меру расчётливым, проявлять крайнюю скупость'.

Скупердяйничать. Грубо-прост., презр., усилит.

Жилиться. Грубо-прост., презр.

Скупость и богатство нередко соседствуют: *Чем богаче, тем скупее; Будешь богат, будешь и скуп*.

Русские пословицы также говорят об осуждении скупости. Скупые и скряги, так же, как и богатые люди (*богачи, богатеи* — негативные оценочные номинации), подозреваются даже в сговоре с чёртом: *Богатому черти деньги куют; Скупой копит — черт мошну тачает; Черт мошну тачает — скряга её набивает*. А общий приговор скупым таков: *Скупому человеку убавит Бог веку* [Энциклопедический словарь русской цивилизации, 2000].

Считается, что русский человек дружбу, братство ценит больше, чем деньги: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друга на деньги не купишь; Доброе братство дороже богатства* и т. д. Однако в ряде ситуаций деньги ценятся выше, чем добрые отношения и дружба: *Много друзей, коли денежки есть; Дружба дружбой, а денежкам счёт; При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил* [Даль, 1999].

«Денежный вопрос», так же, как и «квартирный», может испортить и человека (*Деньги портят человека*), и дружбу: *Друга не теряй, денег не давай; В долг давать — дружбу терять; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег!* [Даль, 1999].

Русский человек всегда презирал *ростовщика, менялу, процентщика, спекулянта*, потому что они *делают свои капиталы из воздуха*. Негативное отношение к этим профессиям и связанным с ними качествам закреплено в значениях этих слов и зафиксировано в словарях [Ожегов, Шведова, 1999]:

Ростовщик; ростовщический — грабительский, разорительный.

Спекулянт; спекуляция — скупка и перепродажа имущества, ценностей, товаров с целью наживы.

Процентщики и менялы (они, конечно, сейчас так не называются) в наше время вполне уважаемые люди. По-видимому, традиционные русские ценности всё же претерпевают изменения, и это может явиться предметом будущих коллективных исследований.

Настоящее исследование позволяет сделать предварительный вывод относительно ценностного статуса денег в русской культуре. Из-за сложного и неоднозначного отношения русских людей к деньгам как к ценности невозможно выстроить строгую иерархию рассматриваемых ценностей. Однако можно с уверенностью утверждать, что из трёх ценностей (деньги, время и дружба) наименее значимой является время. Временем русский человек легче всего жертвует, ради дружбы, например. А неразумная трата времени даже не получила особого лексического оформления в русском языке. Что касается денег, то они могут цениться как выше дружбы (*Дружба дружбой, а денежкам счёт*), так и ниже её (*Друга на деньги не купишь*).

Список литературы

1. Агаркова Н. Э. Деньги // Антология концептов. — М. : Гнозис, 2007. С. 304–312.
2. Богданова Л. И. «Время» и «деньги» в русской картине мира // Язык. Культура. Общение / отв. ред. Г. Г. Молчанова. — М. : Гнозис, 2008. С. 122–128.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М. : Аст-Пресс Книга, 2006. — 784 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1999.
5. Мелерович А. М. Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. — М. : Астрель, 2001. — 851 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.

7. Аристова Т. С. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева, В. Н. Телия, И. Н. Черкасова. — М. : Отечество, 1995. — 368 с.
8. Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Астрель, 2001. — 648 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М. : Акад. проект, 2001. — 990 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 352 с.
11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. — М., 1997.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М. : Астрель, 2001. — 512 с.
13. Шмелёв А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки слав. культуры, 2005. — С. 17–24.
14. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О. А. Платонов. — М. : Энцикл. Рус. цивилизации, 2000. — 1040 с.

И. В. Войтешук (Челябинск, Россия)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ «ПРИРОДНАЯ ВОДА» В НАУЧНОЙ И НАИВНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА (на материале немецкого и русского языков)

In the article naive and scientific representations of Germans and Russian about natural water are compared. On the one hand as a basis for comparison the data of the special scientific and encyclopedic literature on the hydrology serves, with another — a material of ideographic dictionaries of German and Russian languages.

Keywords: *category, natural water, scientific classification, naif language taxonomy, ideographic dictionaries.*

Природная вода (или гидросфера) является универсальной общенаучной категорией планетарного масштаба. Она выступает объектом исследования целого ряда наук. В естественных науках, в частности, в трудах гидрологов В. Ф. Дерпгольца, К. С. Лосева и др., мы обнаруживаем термин «природная вода», под которой понимают реально существующий в природе водный раствор различных газообразных, твердых, жидких веществ, противопоставленный чистой воде, состоящей из атомов водорода и кислорода без примеси каких-либо продуктов [Дерпгольц, 1979: 42]. Лингвистика освещает категорию «природная вода» специфическим образом. В языковом исследовании речь идет не о самой воде как веществе и формах ее существования, а о знаковых заместителях природной воды и ее ментальных репрезентациях, их структуре и содержании. Цель настоящей статьи — сопоставить научные и наивно-языковые представления немцев и русских о структуре категории «природная вода».

Вопросы таксономии категории «природная вода» широко освещаются в гидрологии и ее отраслях — гидрофизике, гидрохимии, гидрогеографии, гидробиологии, гидрогеологии. Известный советский гидрогеолог В. Ф. Дерп-

гольц, посвятивший не один труд проблемам воды, обозначал термином «гидросфера» не только поверхностные воды Земли, но и воду в земных недрах, в атмосфере и межпланетарном пространстве, а также воду, проходящую через живое существо (биогенную) или вырабатываемую в нем (органогенную или метаболическую) [Дерпгольц, 1979: 53–54]. Авторы современного учебника «Гидрология» В. Н. Михайлов, А. Д. Добровольский и С. А. Добролюбов относят к гидросфере все природные воды Земли, участвующие в глобальном круговороте веществ, в том числе подземные воды в верхней части земной коры, атмосферную влагу и воду живых организмов [Михайлов, 2007: 13]. Более традиционной считается трактовка гидросферы как прерывистой водной оболочки земного шара, расположенной на поверхности земной коры и в ее толще, представляющей совокупность океанов, морей и водных объектов суши (рек, озер, болот, подземных вод), включая снежный покров и ледники [там же]. В науках о воде разработаны также более частные классификации природных вод, касающиеся их физико-химических, географических, режимных, морфометрических и других свойств. Например, по температуре различают холодные,

низкотермальные, высокотермальные воды; по различным видам состояния воды в горных породах — парообразную, гигроскопическую, пленочную, гравитационную или свободную воду, а также воду в форме льда [Дерпгольц, 1979: 41]. Природная вода, в которой всегда растворены газообразные и твердые вещества, характеризуется, кроме того, как пресная, минерализованная, хлоридная, сульфатная, гидрокарбонатная, азотная, сероводородная, углекислая и др. В гидрологии разработана обширная типология ледников, рек, озер, болот, подземных вод, морей, водохранилищ, атмосферных осадков и др. Согласно Атласу снежно-ледовых ресурсов мира (1997) формы природного снега и льда подразделяются на атмосферные (снег, иней, град, гололед); наземные — многолетние (ледники, многолетние наледи и снежники), сезонные (снежный покров, обычные наледи); плавучие — многолетние (паковые льды, айсберги), сезонные (морские льды, озерные и речные); подземные — многолетние подземные льды. Реки типизируют по признакам «размер» (большие, средние, малые), «условия протекания» (равнинные, полугорные, горные), «источники питания» (снегового, дождевого, ледникового и подземного питания), «водный режим» (с весенним половодьем, с половодьем в теплую часть года, с паводочным режимом), «ледовый режим» (замерзающие, незамерзающие) и т. д. [Wilhelm, 1997; Heinrich, 2006; Михайлов, 2007]. Можно было бы продолжить примеры делений природных вод, однако уже перечисленные классификации, на наш взгляд, наглядно свидетельствуют о сложности и степени изученности феномена «природная вода» в науке.

Данные о наивно-языковой таксономии категории «природная вода» мы обнаруживаем в идеографических словарях русского и немецкого языков. Классификации, представленные здесь, несколько отличаются от научных. Эти отличия, правда, не являются кардинальными, противоречащими научным данным. Задача любого идеографического словаря, как известно, состоит в том, чтобы представить понятийно-тематическое членение лексики какого-либо языка, раскрыть и систематизировать смыслы, существующие в национальном языке. В идеографических словарях называются актуальные, широко известные, неспецифические понятия, объяснение которых чаще напоминает определение слова в толковом словаре, а классификация, в сравнении с научной, является более чем поверхностной, т. к. отражает «наивные» представления людей о соответствующих объектах. Кроме того,

как показал наш анализ, словари этого типа часто предлагают различные варианты разбиения языкового материала, что свидетельствует о произвольном характере словарных таксономий. Например, в «Тематическом словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина исследуемая категория представлена в разделе «Природа» в тематических группах «Атмосферная влага, осадки», «Земля по отношению к воде», «Водное пространство», «Водоемы», «Водный источник», «Водный поток», «Дно реки, моря», «Течение (движение) воды», «Водная поверхность, движение воды», «Изменение уровня воды, разрушительные действия воды», «Топкие, болотистые места», «Замерзшая вода, ледяной покров». Отдельные лексемы категории мы находим также в группах «Морской и речной транспорт», «В бане», «В прачечной», «Погода», «Стихийные бедствия», «Атмосфера. Воздушное пространство» [Саяхова, 2000]. В «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова выделены лишь два раздела, имеющих отношение к категории «природная вода» — «Воды» и «Атмосферная влага». Они делятся, соответственно, на восемнадцать и семь рубрик:

ВОДЫ: водоем, воды, море, река, течение, дно водоема, уровень воды в водоеме, волны, берег, остров, полуостров, залив, болото, лед в водоеме, подземные воды, лед, таяние, ледник.

АТМОСФЕРНАЯ ВЛАГА: атмосферная влага, сухая погода, облака, облачность, осадки, дождь, снег.

Понятия категории «природная вода» встречаются также в смежных разделах, а именно «покров», «поток», «жидкость», «дисперсные системы», «неорганические соединения» и др. [Баранов, 1995].

Особенно тщательно исследуемая категория, по нашему мнению, прописана в «Русском семантическом словаре» под ред. акад. Н. Ю. Шведовой. Она входит в раздел «Космос. Земля. Природные образования» и имеет вид лексического древа, распадающегося на множество частных групп, например «Общие обозначения водного пространства и прилегающего к нему участка суши», «Воды, водоемы» («Общие обозначения», «Моря, океаны», «Реки, источники, проливы, протоки», «Водоемы», «Части вод, водных пространств. Руслу»), «Прилегающие к водам или омываемые водами участки суши», «Лед, снег», «Облака, тучи», «Туман. Мгла. Горячий воздух», «Осадки», «Лавины, обвалы. Фонтаны» и др. Кроме того, объекты категории «природная вода» мы обнаруживаем и в других разделах словаря, в частности

в «Продуктах деятельности человека». Здесь выделяются подгруппы «Технические средства, связанные с использованием воды, силы воды, водных ресурсов», «Участки, устроенные на воде. Каналы», «Воздушные и водные пути, их части», «Порты. Воздушные, водные станции», «Гидротехнические сооружения. Мосты», «Помещения для занятий спортом, для физических упражнений, купания. Их части», «Водный транспорт», «Разные емкости, сосуды для жидкости и сыпучего» и др. [Русский семантический словарь, 1998].

В идеографическом словаре немецкого языка Ф. Дорнзайфа под ред. У. Квастхоффа исследуемая категория освещена сразу в нескольких семантических группах, а именно «Природа и окружающий мир» («Водоем», «Болото», «Берег», «Остров», «Пасмурная погода», «Ясная погода», «Зимняя погода», «Дождь», «Гроза», «Воздушные массы»), «Видимость, цвет, свет, звук, температура, вес, агрегатное состояние» («Влажный», «Сухой», «Пена», «Газы, испарения», «Текучий», «Течь», «Водный путь», «Замерзать», «Место, изменение места»), «Пространство, положение, форма» («Скользкий»), «Размер, количество, число, величина» («Мелкий»), «Спорт и свободное время» («Водный спорт»), «Приборы, техника» («Сосуд для жидкостей и газов») и др. Классификация в рамках названных групп не всегда совпадает с данными идеографических словарей русского языка. Так, облака и тучи не выделяются в отдельную рубрику, а входят в группу «Пасмурная погода», осадки же представлены в группах «Твердый, плотный», «Зимняя погода» и «Дождь», источники — в группе «Течь» [Dornseiff, 2004].

Несмотря на разноречивость в выделении заглавных лексем, основных понятий категории «природная вода», в идеографических словарях русского и немецкого языков наблюдаются общие тенденции. Языковая таксономия категории, выявленная их авторами, соответствует традиционной научной точке зрения на гидросферу. Ни в одном из словарей мы не обнаружили связи между водными и космическими объектами или органогенными жидкостями. Исключение составил «Русский семантический словарь», в котором слово *моча* объясняется через воду, выделяемую почками вместе с растворенными в ней отработанными организмом веществами [Русский семантический словарь, 1998: 189]. Водные объекты представляются в словарях в отношении к земному шару и/или атмосфере, гиперонимом для них выступают в высшей степени абстрактные понятия «материя», «природа». Термин «гидросфера» получает объ-

яснение в ряде словарей (см. О. С. Баранов, 1995, Русский семантический словарь 1998), однако не преподносится в качестве заглавной рубрики. В целом наблюдается картина фрагментарного представления категории, при котором ее объекты распределяются по различным семантическим группам, часто не имеющим прямого отношения к гидрологии («Водный спорт», «Технические средства, связанные с использованием воды, силы воды, водных ресурсов», «Мелкий», «Скользкий» и т. д.). Более цельно исследуемая категория, на наш взгляд, дана в «Тематическом словаре русского языка» В. В. Морковкина и «Русском семантическом словаре» под ред. акад. Н. Ю. Шведовой. Лексемы, обозначающие водные объекты, систематизированы здесь весьма основательно по объективно существующим признакам.

Хотя идеографические словари рассматривают всю лексическую систему национального языка, они наглядно показывают, что представление о природной воде существует не только в узкоспециальной научной сфере, но и в наивном сознании на уровне неспециалистов и имеет сложную, не всегда однозначно толкуемую структуру.

Список литературы

1. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. — М. : ЭТС, 1995. — 820 с.
2. Дерпгольц В. Ф. Мир воды. — Л. : Недра, 1979. — 254 с.
3. Лосев К. С. Вода. — Л. : Гидрометеиздат, 1989. — 272 с.
4. Михайлов В. Н. Гидрология : учеб. для вузов / В. Н. Михайлов, А. Д. Добровольский, С. А. Добролюбов. — 2-е изд., испр. — М. : Высш. шк., 2007. — 463 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Т. 1. — М. : Азбуковник, 1998. — 807 с.
6. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / под. ред. В. В. Морковкина. — М. : Рус. яз., 2000. — 560 с.
7. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / U. Quasthoff, E. Wiegand. — 8., v. neu bearb. Aufl. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co, KG, 2004. — 937 s.
8. Hergt M., Heinrich D. Dtv-Atlas Erde. Physische Geographie. — 1 Aufl. — München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co, 2006. — 319 s.
9. Wilhelm F. Hydrogeographie. — Braunschweig : Westermann Schulbuchverlag GmbH, 1997. — 225 s.

И. В. Гвоздева (Челябинск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ В КИТАЙСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

The paper gives the contrastive analysis of the politeness strategies in Chinese, English and Russian culture and shows the influence of cultural traditions on language politeness.

Keywords: *politeness, politeness strategies, cross-cultural communication.*

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению категории вежливости, которая представляет собой один из основных факторов, регулирующих коммуникативное поведение. Вежливость является одним из главных условий успешной коммуникации и достижения согласия между коммуникантами.

Существует множество определений понятия «вежливость». На наш взгляд, наиболее удачным представляется определение, предложенное Т. В. Лариной: «Вежливость — это универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера; вежливость — это соблюдение оптимального баланса, равновесие между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно-и культурно-вариативным, т. е. точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом» [Ларина, 2009: 169].

Другими словами, вежливость — это система коммуникативных стратегий, направленных на достижение взаимопонимания и избежание конфликтов в процессе коммуникации.

Коммуникативная стратегия — часть коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин, 2000: 108].

Однако необходимо помнить, что вежливость — это культурно-зависимое понятие, и в каждой культуре существует свой, только ей присущий комплекс коммуникативных стратегий, формирующих категорию вежливости. Поэтому для успешной межкультурной коммуникации необходимо знание стратегий вежливости не только своей лингвокультуры, но и культуры коммуникативного партнера. Т. В. Ларина отмечает, что исследование коммуникативных стратегий лучше всего производить с помощью компаративного анализа двух или нескольких культур.

«Сопоставительный анализ коммуникативных действий, совершаемых представителями разных лингвокультур в одинаковых ситуациях общения, позволяет выявить наиболее типичные для каждой из них, сформулировать основные доминанты национального стиля коммуникации и на их основе разработать рекомендации или коммуникативные правила, которыми следует руководствоваться при общении с представителями другой культуры» [Ларина, 2009: 171].

При анализе стратегий вежливости для каждой лингвокультуры необходимо определить национально-культурные особенности восприятия самого концепта «вежливость». Как отмечалось выше, общее представление о понятии «вежливость» культурно-вариативно. Так, китайский концепт «вежливость» имеет теснейшую связь с нормами морали. В английской лингвокультуре одним из основных понятий теории вежливости является угрожающий лицу речевой акт, а речевая вежливость представляется как способ избегания угрожающих лицу речевых актов в процессе коммуникации. Однако представители восточной и западной культур имеют разное представление о том, что является угрожающим лицу речевым актом. Например, 热情 *reqing* (сердечная теплота, сердечное поведение) в китайской лингвокультуре считается абсолютно вежливым. В английской культуре, основополагающим концептом которой является *Privacy* (частная жизнь), такое искреннее, великодушное поведение может быть расценено как навязчивость, бесцеремонное вмешательство в личную жизнь.

Приведем основные стратегии языковой вежливости в китайской культуре:

1. Стратегия демонстрации уважения. Данный вид стратегии вежливости присутствует в английской, китайской и русской лингвокультурах, однако форма реализации ее в каждой культуре имеет ряд своих особенностей, некоторые из которых мы проиллюстрируем на примере определенных речевых актов.

А) Обращения: В китайском языке система обращений намного сложнее, чем в русском и английском языках. В китайском языке обращение

ставится после фамилии и неразрывно с ним связано. В Китае только самые близкие родственники и друзья могут называть человека по имени, детям запрещено называть имя-фамилию родителей, выражение 直呼其名 [zhíhūqí míng] (называть кого-либо по имени) имеет отрицательную коннотацию и часто переводится как фамильярничать. Ученики не могут называть имя учителя, подчиненный не имеет права называть по имени начальника. При обращении произносится фамилия + звание, должность, или (редко) господин/госпожа. В русской культуре в речевом акте обращения, наоборот, не принято обращаться по фамилии к старшему по иерархической лестнице, широко распространено обращение по имени-отчеству. В китайской культуре при обращении к незнакомым используются термины системы родства (при обращении к незнакомой молодой женщине, девушке используется термин 姐jiě (старшая сестра), к молодому человеку — 哥哥gēge (старший брат), к женщине — 阿姨āyí (тетя со стороны матери), к мужчине 叔叔shū shu (дядя со стороны отца). При обращении к работникам определенных профессий (водитель, продавец, электрик и т. п.) часто используется номинативная формула 师傅shifu (мастер).

Кроме того, в китайской лингвокультуре экспликатом вежливости является использование при обращении слова 老lǎo «пожилой, старый». Например, 老师傅lǎoshifu (старый мастер), 老中医lǎozhōngyī (старый доктор). Это можно объяснить тем, что в Китае с древних времен существовал культ почитания старших. Jinlǎozūnxiàn — почитать стариков, следовать за мудрыми — вот одна из главных категорий ценностей китайского социума. Отсюда неоспоримым уважением пользуются пожилые и люди, обладающие знанием. Поэтому слово 老lǎo (пожилой) обладает положительной, вежливой коннотацией. На улице часто можно услышать: «Lǎo Yeye, dào ... zěnme zǒu?» (Старый дедушка, как пройти в ...?).

Б) Речевой акт приветствия. В китайской лингвокультуре речевой акт приветствия обычно сопровождается вопросами: 您吃了么? Nín chīle ma? (Вы кушали?) / 您去哪里 nín qù nǎlǐ? (Куда Вы идете?). Таким образом, используется тактика сближения, поскольку данные вопросы в отличие от обычных форм приветствия (здравствуйте, привет и т. п.) эксплицируют заботливо-вежливое отношение к коммуникативному партнеру. В русской культуре в данной ситуации не принято задавать такие вопросы, а в англоязычных такие вопросы часто расцениваются как невежливое вмешательство в частную жизнь.

В) Речевой акт просьбы. В китайской и русской языковых культурах просьба чаще всего излагается напрямую с помощью императива, при этом используются такие языковые средства, как маркер вежливости «пожалуйста», глагольная форма второго числа в русском языке, использование местоимения Вы / nín в русском и китайском языках. В английском языке просьба обычно выражается косвенно, в вопросительной форме, с использованием модальных глаголов, императив при выражении просьбы почти не используется.

2. Стратегия самодениграции, или самоуничижения. Китайская скромность, которую можно определить как самоуничижение, самокритика, является воплощением и результатом самовоспитания, самосовершенствования личности. Китайцы воспитаны на идеологии zībēi ér zūnrén, что буквально означает «принижай себя, уважай людей». Умаление своих достоинств является основной стратегией вежливого поведения в китайской лингвокультуре. В западной культуре такое проявление скромности расценивается как слабость и приравнивается к недостаткам личности. Известны случаи, когда китайские специалисты на собеседовании при приеме на работу после перечисления всех своих профессиональных достоинств добавляли: «В целом мои знания и умения достаточно ограничены и скудны». Тогда у руководителей западных компаний, привыкших к стратегии самопрезентации, естественно возникал вопрос: «Тогда почему я должен брать его на работу?» [王绍军. 商务谈判. 北京大学出版社, 2009: 234]. Однако необходимо отметить, что данная стратегия самодениграции реализуется в процессе коммуникации представителей одинакового социального уровня либо когда говорящий ниже своего коммуникативного партнера по статусу.

3. Стратегия краткости изложения, широко применяемая в западной культуре, используется и в китайской. Но особенностью ее реализации является активное употребление различных устойчивых выражений, клише, идиом, пословиц, фразеологизмов. Для китайской лингвокультуры подходит максима Дж. Серля: «Говори идиоматично, если нет причины говорить неидиоматично» [Иссерс, 2006: 189].

4. Стратегия великодушия (热情rèqíng). В китайской культуре большую роль играет концепт 热情rèqíng. На русский язык невозможно точно передать значение данной дефиниции. Пословный перевод 热情 — горячее чувство. Во многих китайско-русских словарях приводится перевод этого слова как *сердечная теплота, сердечность, го-*

рячность, пылкость, великодушие. В вербальной коммуникации 热情 выражается в искреннем желании помочь, угодить собеседнику. Иногда китайцы делают это довольно навязчиво с точки зрения европейцев.

5. Стратегия уклончивости. В данной стратегии можно выделить несколько тактик. Тактика — это средство реализации стратегии. Так, можно выделить несколько тактик реализации стратегии уклончивости:

А) Тактика вежливого отказа. В Китае отказ в прямой форме расценивается как невежливый речевой акт. На переговорах в случае отказа обычно говорят: 也许 (тоже можно), 可能 (возможно) [王绍军. 商务谈判. 北京大学出版社2009: 237].

Б) Тактика вывода из дискурса. Данный вид тактики заключается в обращении к собеседнику в 3-м лице. Таким образом, снижается прямолинейность высказывания. В английской лингвокультуре вывод из дискурса также активно используется, однако в китайской культуре владение данной тактикой имеет ряд особенностей. Во-первых, чаще всего данной тактикой пользуется нижестоящий по социальной лестнице; во-вторых, не называется имя, называется только должность коммуникативного партнера либо используются специальные номинативные единицы. Например, в ресторане официант обращается к только что пришедшим гостям: 两位想吃什么? liangwei xiang chi shenme? (Буквальный перевод: что будут кушать две персоны?) Пример

из письма-предложения: 我真诚地希望贵公司能接纳我的建议!(Я искренне надеюсь, что уважаемая компания сможет принять мое предложение!).

Таким образом, категория вежливости накладывает определенные ограничения на коммуникативное поведение в целом и на свободное выражение интенции говорящего. Категория вежливости в языке — это своеобразные законы речевого поведения, которые вытекают из норм, традиций, обычаев, общественного строя данной языковой общности. Стремление к успешной коммуникации заставляет людей выстраивать свои коммуникативные действия, оформлять свои высказывания в рамках определенных стратегий вежливости, которые варьируются как в пространственном, так и во временном отношении и являются отражением взаимодействия языка и культуры данной языковой общности.

Список литературы

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.— М. : КомКнига, 2006.— 288 с.
2. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации.— Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000.— 175 с.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций.— М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009.— 512 с.
4. 王绍军. 商务谈判. 北京大学出版社, 2009年.— 237 页.

Ю. Н. Глушкова (Челябинск, Россия)

КОНЦЕПТ ЛАБИРИНТА И ТЕКСТОВЫЙ ЛАБИРИНТ В НОВЕЛЛЕ Х. Л. БОРХЕСА «ДОМ АСТЕРИЯ»

One of the most important concepts of J. L. Borges's texts is the concept of labyrinth. In the short story "The House of Asterion" it is the concept of labyrinth that determines text's principal ideas and symbols as well as space structure of the narration. The hero's movement through the maze is like the reader's movement in the story's text. The absence in the text of the direct indication of the Minotaur's labyrinth permits to maintain mystery up to the unexpected ending. In the reader's perception the short story becomes a certain labyrinth composed of numerous antitheses and mirror metamorphoses.

Keywords: text, concept, labyrinth.

Новелла Х. Л. Борхеса «Дом Астерия», возможно, и не является самым известным произведением аргентинского писателя, но в каком-то смысле она символична, поскольку в ней раскрывается один из важнейших концептов, к которым неоднократно обращался Борхес на протяжении всего своего творчества, концепт лабиринта.

Структурно данная новелла состоит из трёх частей. Первой частью, как ни парадоксально, можно считать эпиграф, поскольку он многое объясняет: «Y la reina dio a luz un hijo que se llamó Asterión. Apolodoro: Biblioteca, III, I» («И царица произвела на свет сына, которого назвали Астерием. Аполлодор: Библиотека III, I»).

Царица — это Пасифая, жена царя Миноса. Произвела она на свет сына — Минотавра. Учитывая, что Аполлодор, хотя и был одним из первых наряду с Плутархом толкователей мифа о Минотавре, представляет свою версию мифа, следует признать, что эпиграф понятен не сразу, и вообще новелла нуждается в неоднократном прочтении со стороны читателя, прежде чем последний сможет истолковать лабиринт текста Борхеса.

Вторым фрагментом, занимающим большую часть текстового пространства, можно назвать монолог самого Астерия, который повествует о своей жизни от первого лица, причём повествование построено на многочисленных антитезах и метаморфозах, что свойственно жанру новеллы.

И, наконец, третья и заключительная часть — неожиданная концовка, проясняющая смысл всего текста новеллы. На грамматическом уровне неожиданным оказывается переход повествования от первого лица к третьему лицу, т. е. возвращение к той же грамматике повествования, что и в эпиграфе: «El Sol de la mañana reverberó en la espada de bronce. Ya no quedaba ni un vestigio de sangre.— Lo crearás, Ariadna? — dijo Teseo.— El minotauro apenas se defendió» (*«Утреннее солнце играло на бронзовом мече. На нём уже не осталось крови.— Поверишь ли, Ариадна? — сказал Тесей.— Минотавр почти не сопротивлялся»*). Таким образом, Астерий оказывается Минотавром, а его дом — лабиринтом. Отсутствие прямого указания на лабиринт Минотавра позволяет сохранить загадку практически до конца (приём, излюбленный Борхесом, на нём строится и новелла «Сад расходящихся тропок»).

Несмотря на то, что, на первый взгляд, развязка, как и положено в новелле, неожиданна, в тексте немало указателей на миф о Минотавре. Прежде всего, пространственные указатели «el templo de las Nachas y el mar» (*«храм Двойной секиры и море»*) дают понять читателю, что местом действия является Крит. Греческое слово “labrys” означает секиру или топорик с двойным остриём, и многие учёные полагают, что именно от этого слова происходит слово «лабиринт».

Сомнение в том, является ли Астерий человеком, также может возникнуть уже в самом начале текста. Использование лексем, связанных не с миром людей, а с миром животных, призвано натолкнуть читателя на эту мысль: «animales» (*«звери»*); «carnero» (*«баран»*); «No hay un aljibe, un patio, un abrevadero, un pesebre...» (*«Нет ни одного водоёма, двора, водопоя, кормушки...»*), т. е. нет всего того, что нужно животным.

Описание дома Астерия напрямую отсылает к лабиринту. В доме бесчисленное множество галерей и ходов. Дом не является обычным домом, что подчёркивается неоднократно: «Hallará una casa como no hay otra en la faz de la Tierra. (Mienten los que declaran que en Egipto hay una parecida)» (*«Дом, равного которому нет на всей земле. (Лгут те, кто утверждает, что похожий дом есть в Египте)»*). Если вспомнить, что Дедал создал Кносский лабиринт по подобию египетского лабиринта, становится понятен авторский замысел.

Астерий отрицает идею закрытости дома («Otra especie ridícula es que yo, Asterión, soy un prisionero», *«Другая нелепость — будто я, Астерий, узник»*), говоря, что его двери, число которых бесконечно, открыты днём и ночью. И добавляет: «Que entre el que quiera» (*«Пусть входит, кто хочет»*). Но не говорит ничего о выходе, т. е. зайти можно любому в любое время суток (но не выйти!). Как и в лабиринте, в котором всегда имеется вход, но трудно, а зачастую невозможно, найти выход.

Неожиданным открытием для читателя при восприятии текста новеллы становится факт, что существование бесчисленного количества галерей дома Астерия напрямую зависит от воображения обитателя лабиринта, т. е. воображение становится неким инструментом создателя: «Quizá yo he creado las estrellas y el Sol y la enorme casa, pero ya no me acuerdo» (*«Возможно, звёзды, и солнце, и этот огромный дом созданы мной, но я не уверен в этом»*). Так создаётся концепт непотворимости лабиринта.

В доказательство тому, что его дому нет равных на земле, Астерий говорит, что в доме нет никакой мебели. В данном случае, как нам кажется, слово «mueble» приобретает тот же смысл, что и «sustantivo» в другом произведении Борхеса, в «Бессмертном». «Мебель» несёт в себе коннотацию стабильности и конкретики, символизируя материю, чьё существование объективно и очевидно. Однако автор не верит в эту материю, а без неё пространство теряет свои традиционные свойства. И становится пространством под знаком лабиринта [Дубин, 2005: 250].

Движение героя по лабиринту сродни движению читателя по тексту новеллы. Подобно тому, как герой то мечется по галереям лабиринта, разбиваясь в кровь, то прикидывается спящим, так и движение текста новеллы то ускоряется, то «замирает». Так называемое ускорение создаётся за счёт широкого использования полипредикативных предложений и скрытой предикации.

Предложения при этом не тяжеловесны, и легко создаётся чёткий визуальный образ: «La gente oraba, huía, se prosternaba; unos se encaramaban al estilóbato del templo de las Hachas; otros juntaban piedras. Alguno, creo, se ocultó bajo el mar» (*«Люди молились, убежали, падали на колени, некоторые карабкались к подножию храма Двойной секиры, другие хватали камни. Кто-то, кажется, кинулся в море»*).

На смену ускорению приходит размеренность, которая отражена как во времени, так и в пространстве. Так, Астерий не умеет читать, поскольку не видит в этом необходимости: «A veces lo deploro porque las noches y los días son largos» (*«Иногда я жалею об этом — дни и ночи такие долгие»*). Темп повествования замедляется и становится номинативным, когда герой начинает размышлять о себе и о мире: «La casa es del tamaño del mundo; mejor dicho, es el mundo» (*«Дом подобен миру, вернее сказать, он и есть мир»*). Вряд ли в данном случае следует понимать мир как некое универсальное пространство. Скорее всего, речь идёт о мире в том смысле, в каком его понимали экзистенциалисты: это лишь мир Астерия, отличный и отделённый от мира всех других индивидуумов, равно как и мир любого другого индивидуума закрыт для Астерия. Таким образом, лабиринт Борхеса можно рассматривать как ментальный лабиринт. А центральное место в лабиринте занимает его обитатель — Астерий или Минотавр (или сам Борхес?).

Особенностью пространства в новелле является то, что оно зеркально. Зеркально как в восприятии героя, как и в восприятии читателем текстового лабиринта. Так, размышляя о доме, герой подчёркивает, что все части дома повторяются много раз, одна часть оказывается воспроизведением другой. В этом смысле примечательно использование синтаксического и семантического хиазма при описании бесконечного повторения частей дома: «No hay un aljibe, un patio, un abrevadero, un pesebre; son catorce (son infinitos) los pesebres, abrevaderos, patios aljibes» (*«Нет одного водоёма, двора, водопоя, кормушки, а есть четырнадцать (бесконечное число) кормушек, водопоев, дворов, водоёмов»*). Правая часть предложения симметрична левой, все слова повторяются, но в обратном порядке — как в зеркале. Даже число 14 символично, если рассматривать его как отражение 7 в зеркале (7 как символ бесконечности).

Весь сюжет новеллы построен на зеркальных контрастах. Прежде всего, роскоши и шуму

внешнего мира противопоставляется аскетизм, покой, одиночество внутреннего мира лабиринта.

Солнце как олицетворение света противопоставлено сумеркам, тени, ночи. Парадоксально, что Астерий, чьё имя означает «сын солнца», на протяжении почти всего текста новеллы живёт вдали от солнца, и все действия происходят в сумерках. В описании дома тоже доминирует серый цвет — цвет пыли (цвет реальности?): «polvorientas galerías de piedra gris» (*«пыльные галереи из серого камня»*). В описании внешнего мира также преобладает безликость серого цвета: «me infundieron las caras de la plebe, caras descoloridas y aplanadas, como la mano abierta» (*«меня испугали лица простонародья — бесцветные и плоские как ладонь»*).

В целом же следует отметить, что автор использует взгляд своего героя как кинокамеру, которая фиксирует игру света и тени: «A cualquier hora puedo jugar a estar dormido, con los ojos cerrados y la respiración ponderosa (a veces me duermo realmente, a veces ha cambiado el color del día cuando he abierto los ojos» (*«Иногда я прикидываюсь спящим, лежа с закрытыми глазами и глубоко дыша (порой я и в самом деле засыпаю, а когда открою глаза, то вижу, как изменился цвет дня»*).

Зеркально символическое противопоставление: «Todo está muchas veces... pero dos cosas hay en el mundo que parecen estar una sola vez: arriba, el intrincado Sol; abajo, Asterión» (*«Всё повторяется много раз... но две вещи в мире неповторимы: наверху — непонятное солнце; внизу — я, Астерий»*). Если рассматривать Астерия как символ человеческой судьбы в лабиринте мира, то солнце приобретает тогда значение некоей абсолютной истины. Но ведь можно интерпретировать солнце и как отражение внутреннего мира человека, недаром оно «непонятно». Реальность Астерия зеркальна его внутреннему миру.

Напрашивается вывод о том, что Астерий сам себя сравнивает с солнцем. Ведь он столь же неповторим и непонятен. Но одновременно в текст вводится двойник Астерия — его зеркальное отражение. Герою, хотя он и знает, что он один, нравится представлять, что он общается с другим Астерием, и в этом заключается парадокс, неотъемлемая черта любого лабиринта (впрочем, это и неотъемлемая черта любого новеллистического текста). Герой делится: «Pero de tantos juegos el que prefiero es el de otro Asterión» (*«Но больше всех игр мне нравится игра в другого Астерия»*).

Другой важной антитезой выступает противопоставление неповторимости героя безликости

толпы. С одной стороны, «la plebe» (чернь), «la gente» (народ), «la greu» (стадо, народ), «el vulgo» (чернь), с другой стороны — «неповторимый», «благородный», «предназначенный для великого» Астерий: «El hecho es que soy único» (*«Дело в том, что я неповторим»*); «No en vano fue una reina mi madre» (*«Недаром моя мать была царицей»*); «mi espíritu... está capacitado para lo grande» (*«мой дух... предназначен для великого»*).

Интересы толпы, с точки зрения Астерия, слишком мелки для него: «No me interesa lo que un hombre pueda transmitir a otros hombres... Las enojosas y triviales minucias no tienen cabida en mi espíritu» (*«Мне не интересно, что один человек может сообщить другим... Эти раздражающие и пошлые мелочи претят моему духу»*). Герой также понимает, что толпа его не принимает: «Sé que me acusan de soberbia, y tal vez de misantropía, y tal vez de locura» (*«Знаю, меня обвиняют в высокомерии, и, возможно, в ненависти к людям, и, возможно, в безумии»*).

Столь же зеркально дуалистическое противопоставление образа убийцы образу жертвы, т. е. убийство можно рассматривать двояко — как принесение в жертву, так и освобождение жертвы. Недаром сам Астерий «почти не сопротивлялся», когда его убивал Тесей. Борхес наделяет своего Минотавра человеческими чертами. Он вкладывает в уста монстра историю, которую тот рассказывает таким образом, чтобы запутать и отвлечь читателя, и читатель только на последних строках понимает, что Астерий это и есть Минотавр. Ему не чужды страх, сожаление, радость. Так, Астерий однажды вышел на улицу, но лица и крики людей испугали его. Порой он сожалеет, что не умеет читать, ведь книги позволили бы ему скоротать время. Он умеет радоваться и радуется общению с воображаемым собеседником — другим Астерием.

Астерий не видит ничего плохого в убийстве: «Cada nueve años entran en la casa nueve hombres para que yo los libere de todo mal» (*«Каждые девять лет в доме появляются девять человек, чтобы я избавил их от зла»*). Для него убийство — это «segetonía», которая длится несколько минут. Как и при жизни, люди — всего лишь толпа, так и после смерти, это не более чем «cadáveres», к

которым герой относится с безразличием: «ignoro quiénes son» (*«мне неизвестно, кто они»*); «los cadáveres ayudan a distinguir una galería de las otras» (*«их тела помогают мне отличить эту галерею от других»*).

Другим не менее важным контрастом оказывается противопоставление жизни и смерти. Тем самым лабиринт приобретает в данной новелле Борхеса, как и во многих других, значение концепта, который можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, лабиринт — это символ жизни: вход — рождение человека, выход — смерть, вход обязателен, поскольку нет выбора, родиться или нет, а выход тоже заранее предопределён. Соотносится со значением лабиринта как символа жизни и восприятие Астерием своего дома/лабиринта как укрытия и тюрьмы одновременно, именно поэтому он отказывается признать себя узником (т. е. индивид находится в месте, в котором бы он, возможно, предпочёл бы не находиться, одновременно защищённый и пленённый).

С другой стороны лабиринт — это символ смерти как освобождения. Минотавр Борхеса стремится к освобождению от лабиринта: «Desde entonces no me duele la soledad, porque sé que vive mi redentor y al fin se levantará sobre el polvo... Ojalá me lleve a un lugar con menos galerías y menos puertas» (*«С тех пор меня не тяготит одиночество, я знаю, что мой избавитель существует, и в конце концов он ступит на пыльный пол... Хорошо бы он отвёл меня куда-нибудь, где меньше галерей и меньше дверей»*). Таким образом, лабиринт — это и символ непрерывности движения: жизнь — смерть — жизнь.

Список литературы

1. Дубин Б. Пространство под знаком лабиринта // Иностран. лит.— 2005.— № 10.— С. 250–259.
2. Новейший философский словарь : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева ; отв. ред. А. И. Мерцалова.— Минск : Кн. дом, 2003.— 1280 с.
3. Тертерян И. Я. Человек мифотворящий: о литературе Испании, Португалии и Латинской Америки.— М. : Сов. писатель, 1988.— 560 с.

З. И. Гурьева, Е. В. Петрушова (Краснодар, Россия)

КОНЦЕПТЫ СФЕРЫ БИЗНЕСА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

The article is devoted to the problem of conceptualizing language picture of the world. We are making an attempt of discussing some theoretical problems of language representation of concepts in the field of business as an important regulator of social interaction in the process of business communication of different ethnic groups.

Keywords: *concept, conceptualization, sphere of concepts, language worldview, national culture, business sphere.*

Постулат о том, что язык отражает определенный специфичный для него способ концептуализации мира, а направление и характер самой концептуализации культурно детерминированы, относится к числу наиболее существенных положений языкознания. «Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям общества. Эти ценности являются ступенями смыслов — концептами — и пронизывают все сферы жизни того или иного общества» [Карасик, 1996: 3].

Концепт в современной науке представляет собой междисциплинарное понятие, получающее свое освещение в различных научных и философских школах и направлениях — в рамках когнитологии, логической философии, лингвокультурологии и др.

Можно выделить два основных направления в лингвистике, в рамках которых происходит осмысление понятия концепта, — когнитивное и культурологическое.

В рамках когнитивного подхода делается попытка объяснить механизм порождения и функционирования концепта в человеческом сознании и, таким образом, объяснить мотивированность языковых значений.

В культурологическом направлении концепт рассматривается в рамках проблемы «язык—сознание—культура», с точки зрения его места в системе ценностей, функций в жизни человека, этимологии, истории, вызываемых им ассоциаций. Концепт предстает как посредник, осуществляющий взаимодействие между человеком и культурой, и этот процесс осмысливается по-разному.

Языковое содержание концепта, иначе говоря, структура смыслов слов отражает наивную картину мира носителей данного языка. Поэтому важным представляется замечание Р. М. Фрумкиной о том, что лингвистика и, в частности, семантика как наука о смыслах, выраженных на естественном языке, необходимо связана с другими науками о человеке и обществе, с исторической наукой, наукой о литературе, с этикой как наукой о мо-

рали, с социологией как наукой об обществе, его ценностях и нормах. Она же указывает, что один лишь лингвистический анализ для понимания культурно маркированных концептов не будет результативен. «Наивная картина мира определена культурой и ментальностью эпохи, местом человека в социальном пространстве, его самоидентификацией в качестве “Я” и в качестве “Мы”» [Тер-Минасова, 2000: 8].

Таким образом, введение в категориальный аппарат лингвистики понятий «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «концепт» обусловлено стремлением языковедов более глубоко исследовать связи между языком, сознанием, мышлением и культурой. Категории картины мира и языковой картины мира соотносимы с содержанием сознания и разными видами мышления. Картина мира представляет собой своего рода встроенный в сознание концептуальный каркас — систему разнособстративных единиц и составляет основу представлений человека о мире, культуре и пр.

Среди нерешенных проблем в области исследования концептов следует отметить вопрос о соотносительности концепта с конкретными значимыми единицами языка и типологию концептов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой могут быть выделены универсальные и специфические, исходные и производные, доминантные и фоновые признаки. Культурные доминанты формируют своеобразную сетку, с помощью которой можно измерить и объяснить специфические проявления этнического менталитета, а также особенности мировосприятия определенного социального слоя в границах этноса. Культурные доминанты связаны отношениями констелляции и детерминации, по Л. Ельмслеву. Лингвистическое моделирование доминант культуры позволяет найти новые перспективы в изучении языка как общественно-го явления.

Наиболее наглядной иллюстрацией специфики национальных культур является вероятно,

выделение тематических концептов, связанных с национально- или социумно-прецедентными эмоциональными феноменами, бытующих в определённой социальной и профессиональной среде, соотносимых с жизненным опытом людей.

Д. С. Лихачев вводит понятие концептосферы как «совокупности потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом» [Лихачев, 1990: 5].

Соответственно мы предлагаем выделить **концептосферу бизнеса как совокупность основных концептов, представляющих собой категоризацию и вербализацию знаний в предметной области «Бизнес»**. Это своеобразное ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является совокупность знаний о данной сфере жизнедеятельности человека, а планом языкового выражения — совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект. Следует оговориться, что мы придерживаемся разграничения терминов «концептосфера» и «терминосфера», понимая под последней совокупность понятий — познанных существенных признаков объектов в сфере бизнеса.

Интересно проследить, какое место занимают концепты сферы бизнеса в обыденном сознании представителей разных этносов, как они видят, концептуализируют и категоризируют их с помощью языка.

Центральное положение в концептосфере «бизнес» занимает концепт «деньги». По мнению Ю. С. Степанова [Степанов, 1997: 139], в культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две стороны. Концепт может выражаться как в слове, так и в образе или материальном предмете, а деньги вообще выступают одним из базовых концептов культуры современного общества. Культурная составляющая денег и денежных отношений весьма значима — деньги властвуют, их почитают как божество. Это говорит о том, что деньги — важный компонент культуры современного общества.

Исследования на материале британского варианта английского языка показали, что концепты «деньги», «бизнес», «богатство» ассоциируются с концептами «успех/достижения», «работа/труд», «профессионализм» [Рыбникова, 2001: 16].

Так, в русскоязычном видении мира эти концепты в течение многих лет оказывались на периферии восприятия, в то время как в англоязычной картине мира они являются существенными ор-

ганизующими элементами в отражении и оценке окружающей действительности.

В американском английском насчитывается 140 слов со значением «деньги». В результате опыта чувственного столкновения с деньгами образовались многочисленные лексемы, объединённые в группы «бумага», «металл», «президент», «зелень».

Концепт «богатство» является производным от концепта «деньги», что отражено уже в семантике данной лексемы. Его семантическое пространство реализуется в соотношениях: богатство — имущество; богатство — комфорт; богатство — достижения, успех; богатство — счастье; богатство — несчастье; богатство — «работающие деньги»; богатство — «красивая жизнь».

Сопоставление семантики лексем «*капитал*» и «*capital*» показывает, что назначение соответствующей реалии в контекстах английской и русской культуры мыслится по-разному: создавать новый бизнес — у них; создавать новые деньги — у нас. И это несоответствие смыслов, на наш взгляд, принципиально.

Анализ семантики концепта «успех/достижения» позволяет предположить, что в английском обществе *успех* трактуется именно как *личное достижение* индивидуума, результат осознанных усилий и сознание членов западного социума ориентировано в очень большой степени на успех.

Функционирование концепта «работа/труд» в британском деловом дискурсе демонстрирует содержание и специфику конвенционального образа «работа, труд» в сознании современных жителей Британии и его отражение в их языковой картине мира.

Концепты «профессионализм» и «бизнес» семантически тесно связаны с концептом «работа/труд»; они отражают развитие и трансформацию протестантской идеи *professional calling* (*профессиональное призвание*) в конце XX века.

Итак, приведенные выше данные наглядно демонстрируют тот факт, что языковая семантика открывает путь из мира собственно языка в мир реальности. По образному выражению Тер-Минасовой, эта ниточка, связывающая два мира, опутана культурными представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности [Тер-Минасова, 2000: 65].

Список литературы

1. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные кон-

цепты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996.— С. 3–16.

2. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // *Вопр. философии*.— 1990.— № 4.— С. 3–6.

3. Рыбникова В. А. Языковая концептуализация социума (на материале дидактических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Краснодар, 2001.— 19 с.

4. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования.— М. : Языки рус. культуры, 1997.— 824 с.

5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.— М., 2000.

6. Фрумкина Р. М. Теории среднего уровня в современной лингвистике // *Вопр. языкознания*.— 1996.— № 3.— С. 55–67.

Н. М. Давыдова (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОЗВИЩ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

The article presents the most common categories of nicknames of public figures of Russia and France. Informal anthroponyms are examined from the viewpoint of their formation peculiarities and functions. The article gives a comparative analysis of name-giving cases typical of mass media of Russia and France and offers a presumable classification of the anthroponyms of the given type.

Keywords: *name study, informal anthroponym, nickname, mass media, way of formation, informative basis.*

Социальная идентификация человека в обществе происходит в ходе различных процессов, один из которых имяназачение. Неофициальные антропонимы, к числу которых относятся прозвища, являются одним из наиболее активных пластов лексики во всех языках мира. Именование личности, являясь важной культурологической составляющей самой системы языка, служит для характеристики человека и его деятельности. Заметим, что в настоящее время основное внимание исследователей привлекают скорее прозвища, создаваемые авторами в художественных произведениях. Однако и неофициальные именованья, возникающие в разговорном языке (рассмотренные в аспекте особенностей их формирования и выполняемых ими функций), также могли бы послужить интересным материалом для анализа.

По результатам исследования прозвищ известных общественных деятелей Франции и России (всего 213 единиц), сформированных в среде СМИ, была сделана попытка установить особенности, характерные для образования и функционирования именно этого пласта антропонимов. Необходимо отметить, что большая часть из них отражает личностное субъективное восприятие и оценку деятельности той или иной личности.

Многообразие прозвищ определяется наличием большого арсенала стилистических, морфологических средств и других приемов, помогающих создавать яркие, меткие, запоминающиеся прозвища, которые очень четко характеризуют об-

щественных деятелей. В ходе исследования было выделено 7 основных категорий, отражающих **способы формирования прозвищ:**

Словосложение. Образование новой языковой единицы может происходить по следующим схемам:

– ИС + Имя прилагательное (*Fâcheux-Chirac*, *Ржавый Толик*);

– ИС + Имя существительное (*Courage-Fillon*, *Толик-ваучер*);

– Определяющее слово + ИС (*Docteur Douste*, *Царевич Дмитрий*);

– а также с использованием различных префиксов, в сочетании с усечением (*Нанотолк*).

Созвучие:

– реальный персонаж (*Nabotléon*)/вымышленный персонаж (*Golum*);

– политическая реалья (*Tsarko*)/ реалья языка (*Примус*, *Береза*).

Аббревиация и усечение:

– аббревиация инициального типа (*VGE*, *ВВЖ*);

– лексическая аббревиация (*Suzu*, *Гризли*);

– афреза/апокопа/удвоение в различных сочетаниях (*Mimi*, *Папа Зю*);

– усечение в сочетании с постфиксацией (*Чурик*, *Лужок*) — характерно для русских языковых единиц.

Игра слов, построенная на основе:

– рифмы (*la Mouche de Bouche*) — характерно для французских ИС;

– созвучия с участием приема словосложение (*AméricNain*, *Туалетный Путенек*);

– искажения орфографии (*Castoipovcon*);

– интерпретации ИС (*Япона-мать*) — характерно для русских ИС.

Перифраза:

- простая (*Шеф*) — двусложная (*Monsieur Royal, Президентский разведчик*);
- поликомпонентная (*Eventuelle future Première Dame de France, Либералиссимус всея Руси*);
- образная (*Son Altesse Sérénissime, Мечта антисемита*) — логическая (*Bête de Vosges, Перестройщик*);
- перифраза на основе титула (*Vicomte, Царь Борис*), профессии (*Ministre des affaires qui lui sont étrangères, Министр-филолог*);
- перифраза-аббревиация (*VIP — Very Instable President*) — характерно для французских прозвищ.

Метафора:

- простая (*Le Vieux, Топтыгин*) — развернутая (*Obèse en ville*);
- на основе параллели с реальными персонажами (*Brejnev, Суслов № 2*) / вымышленными персонажами из книг, кино (*Al Capone, Железный дровосек*).

Метонимия:

- деятельность (*Strapontin, Труба*);
- особенности внешнего вида (*Рыжий, Щеки*).

Но степень их распространенности различается в зависимости от языка, в котором они используются, а также от множества других факторов, включая личные предпочтения автора именования.

Как видно из гистограммы, наибольшие количественные расхождения наблюдаются в категориях *аббревиатуры* (19 % Ф — 25 % Р), *созвучие* (9 % Ф — 2 % Р) и *игра слов* (7 % Ф — 10 % Р).

Исходный материал был также проанализирован с целью определения содержательной (смысловой) основы данного вида именования. Полученная **классификация по смысловозначительному фактору** содержит следующие группы:

Имя собственное:

- имя (*Monsieur Charles, Valy, Рома-Челси*);

– отчество (*Кужугетич*) — характерно только для русских ИС;

- полное ИС (*Douste Blazy, ЧВС, БАБ*).

Оценка личности:

- отношение к персоналии (*Con d'Orsay, Сын юриста*);
- биографический факт (*Monsieur pièces jaunes, Жизнеспен*);
- поведение, привычки (*Herr Blabla, Злобный старикан*).

Оценка деятельности:

- непосредственно деятельности (*Chouchou de Bruxelles, Дублер*);
- событие, произошедшее в ходе карьеры (*Le Fou du Puy, Ресмиут*).

Физическая характеристика:

- внешность (*Nain de jardin, Аллерген*);
- деталь внешнего облика (*Меганиксель*).

Аллюзии:

- историческая личность (*Néron, Буце-Собчак*);
- вымышленный персонаж литературы/кино (*Golum, Горбатый*).

Стоит отметить, что в оценке внешности своих общественных деятелей французское общество более несдержанно и критично. Однако в русском языке чаще и в большем количестве образуются нейтральные прозвища, образованные непосредственно от имени личности.

В ходе нашего исследования, на основе построенной классификации прозвищ, был также проведен анализ данного типа именований общественных деятелей по их эмоциональной составляющей. **Степень экспрессивности** прозвища оценивалась в аспекте его положительной, отрицательной или нейтральной окраски.

Экспрессивность	–	0	+
Французские ИС	63 %	32 %	5 %
Русские ИС	38 %	41 %	21 %

Как это следует из вышеприведенной таблицы, французские прозвища отличаются более

негативной оценкой личности общественного деятеля, закреплённой в данном типе именования. Наряду с этим стоит выделить более резкий и колкий характер отрицательно окрашенных прозвищ общественных деятелей Франции.

Представленный материал является лишь одним из возможных путей исследования неофициальных антропонимов. В дальнейшем анализ этого богатейшего пласта лексики возможен как в историческом аспекте, так и в контексте функционирования прозвища в иноязычной культуре.

Изучение прозвищ представляет интерес не только для лингвистов, но и для политологов, социологов, историков и других исследователей общественной жизни страны, так как прозвище является отражением той ситуации (культурной, политической, экономической), которая характерна для данного исторического периода, а также служит для выделения особенностей того или иного этноса как культурологического образования.

К. А. Добрикова (Челябинск, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

The present article represents the research of characteristic features of a business (professional) language identity with the innovative approach to the understanding of the notion. The subject-matter is carried out within the limits of the business world-view study. It also dwells upon the exemplification of the required features of the language identity.

Keywords: (professional) worldview, business (professional) language identity, structure of business identity of native speaker, business communication, value orientation, process of globalization, corporate culture.

Деловая (профессиональная) картина мира носителя языка предстает как единая система представлений, ценностей, стереотипов, сложившихся у носителей корпоративной культуры на основе их языка, и в процессе совместной трудовой деятельности. В эпоху глобализации набор структурных элементов деловой картины мира идентичен, а вот их суть и способы реализации отличны. В рамках деловой (профессиональной) картины мира происходит самореализация деловой (профессиональной) личности носителя языка, выведенной из структуры языковой личности по теории Ю. С. Караулова [Караулов, 1989: 3]. Структура деловой личности носителя языка включает вербально-семантический компонент, содержащий лексико-грамматический фонд представителя корпоративной культуры; тезаурусный, содержащий понятия, идеи, концепты, которые формируют деловую (профессиональную) картину мира, отражающую ценностную ориентацию профессионала. Наиболее важным в рамках нашего исследования предстает мотивационный компонент, включающий коммуникативно-деятельностные потребности деловой личности, движущие мотивы, установки и цели.

Для выведения лингвокультурологических характеристик деловой личности носителя английского языка материалом послужили служебные

характеристики представителей корпоративных сообществ США и Великобритании.

На основании анализа характеристик сотрудников, становится очевидным наличие следующих качеств, необходимых для профессиональной (деловой) личности носителя английского языка: коммуникативные навыки, лидерские качества, умение работать в команде, стрессоустойчивость, работоспособность и преданность делу.

Коммуникативные навыки (то, что кандидаты называют словосочетанием *«strong communication skills»*) необходимы, чтобы построить отношения с клиентами, партнерами, сотрудниками, то есть в любой сфере, где присутствует «человеческий фактор». От умения строить межличностные отношения напрямую зависит профессиональный успех, поэтому многие профессионалы уделяют наличию коммуникативных навыков большое внимание, самыми эмфатически значимыми в характеристиках сотрудников и текстах резюме являются фразы: *«outstanding interpersonal and communication skills»* (выдающиеся навыки личного общения и коммуникации), *«effective communicators»* (эффективные коммуникаторы). Эффективность труда — ключевая ценность англоязычных культур, что также отображается в деловой картине мира на языковом уровне: *«proven ability to build trust and develop effective relationships»* (подтвержденная

способность строить взаимоотношения на доверии и развивать уже имеющиеся отношения). Процесс глобализации способствует развитию компаний с многонациональными коллективами, сотрудники которых имеют отличные ценностные ориентиры, основанные на разнице культур. Неотъемлемым качеством в концептосфере деловой личности является толерантность: *«expertise in dealing with people from diverse cultures»* (опыт работы с представителями различных культур), *«proven ability to cultivate effective relationships with diverse individuals»* (подтвержденная способность поддерживать эффективные взаимоотношения с разными людьми).

Лидерские качества — важная составляющая деловой личности носителя английского языка, что подтверждается высокой частотностью использования лексемы «leader» в текстах характеристик. Иногда ей соответствует сочетание «problem-solver» (деловая личность, способная решать любые задачи профессионального характера). Положительные характеристики работников обязательно содержат следующие фразы: *«proven leadership skills»* (подтвержденные лидерские качества), *«influential leader»* (влиятельный лидер), *«skilled problem-solver»* (опытный в решении проблем), *«innovative leader of change»* (лидер-новатор), *«a strong project leader»* (сильный лидер проекта).

Несмотря на то что умение работать в команде является столь же ценным, как и лидерские качества деловой личности, в структуре англоязычной деловой картины мира оно предстает скорее как необходимость, обусловленная индивидуалистичной природой англоязычной профессиональной личности [Hofstede, 1983: 82]. Инициативность (то есть *«ability to use own initiative»*) ставится выше, чем умение работать в коллективе (*«team work»*). Концепты командной работы и лидерства очень тесно связаны в культуре США и Великобритании, так как для того, чтобы обрести лидерские качества в деловой сфере, нужно принадлежать к ней, полностью разделяя систему ценностей группы. Вышесказанное подтверждается частотностью следующих фраз: *«able to work as a part of a team»* (способен работать в составе команды), *«a team player»* (участник команды). Тем самым подчеркивается возможность работы в коллективе (что передается модальным глаголом *«to be able to»* (быть способным)), но не необходимость. В наиболее поздних характеристиках профессиональной личности содержится сочетание, передающее обладание обоими навыка-

ми: *«proven team-builder»* (опытный командный лидер).

Стрессоустойчивость как неотъемлемое качество продуктивной деловой личности имеет историческую природу. Великобритания пережила ни одну эпоху глобальных вторжений в собственную культуру, в результате этого у представителей британской культуры сложился «высокий порог избегания неопределенности» [Hall, 1985: 105]. История Соединенных Штатов Америки подтверждает важность фразы «выживает сильнейший» для американской ментальности. Очевидно, что в силу обозначенных выше особенностей только работники, умеющие справляться со стрессом и постоянно преодолевать трудности, представляют важность для компаний. Поэтому следующие качества часто фигурируют в характеристиках деловой личности носителя английского языка: *«ability to adapt to new challenges»* (способность приспосабливаться к новым трудностям), *«proven ability to take on new roles in challenging situations»* (способность брать на себя новые функции в сложных ситуациях), *«enjoy working in environment where he's constantly challenged»* (нравится работать там, где постоянно приходится решать проблемы). Стрессоустойчивость часто упоминается наряду с лидерскими качествами профессиональной личности: *«decision maker who can meet challenges head on, take positive approaches to problem-solving, overcome resistance, and gain necessary cooperation»* (управленец, который смотрит трудностям в лицо, имеет положительный подход к решению проблем, преодолевает сопротивление и получает необходимую помощь). Умение работать под давлением является наиболее эффективной составляющей стрессоустойчивости: *«effective work under pressure»* (эффективная работа под давлением), *«accustomed to maintaining high productivity level with heavy workloads»* (привык поддерживать высокий уровень производительности при большом объеме работ).

Работоспособность и преданность делу подчеркивается осознанным желанием работников взять на себя большую ответственность, тем самым продемонстрировав свои умственные и физические способности, самоотдачу и верность компании. Также можно отметить, что постоянные трудности, проблемы, задания (*challenge*) являются, в представлении о продуктивной деловой личности, источником развития и профессионального роста. По утверждению Р. Д. Льюиса, характеризующего англоязычные культуры, — «заработать как можно больше и как можно бы-

стрее, используя для достижений этой цели такие средства, как упорный труд, быстрота действий, приспособленчество и власть (в том числе и власть самих денег)» [Льюис, 1999: 237]. Из характеристики топ-менеджера американского холдинга: «*Opened and staffed 3 offices in Norwalk, Chicago, Fort Lauderdale and Salt Lake City with a total of 90 professionals and \$14 million in annual revenue*» (Открыл и нанял 90 сотрудников для трех офисов в Норфолке, Чикаго, Форт-Лодердейле и в Солт-Лейк-Сити с общим годовым доходом 14 миллионов долларов США).

Характеристики на деловую (профессиональную) личность носителя английского языка являются отображением культурных ценностей и доминант профессиональной картины мира, их изучение представляет важность для процесса

деловых переговоров в рамках межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Язык и личность.— М. : Прогресс, 1989.— С. 3–8.
2. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию : пер. с англ.— М. : Дело, 1999.— 440 с.
3. Hall E. Beyond Culture.— N. Y. : Doubleday, 1976.— 122 p.
4. Hall E. Hidden Differences: Studies in International Communication.— Hamburg : Grunder&Jahr, 1985.— 215 p.
5. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values.— Johnson Graduate School of Management : Cornell University press, 1983.— 187 p.

О. В. Дробышева (Челябинск, Россия)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ И ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Nowadays advertisement in modern linguistics is considered as a means of communication. Advertisement is no longer merely an economic phenomenon; it's becoming a part of pop culture. It not only informs about goods and services but also reflects political and social relations including relations between men and women.

Keywords: *gender, cognitive aspect, man and woman advertising style.*

На современном этапе лингвистических исследований наиболее актуальным является понимание рекламы как коммуникации. Реклама уже перестала быть только экономическим явлением и становится элементом массовой культуры. Она передаёт информацию не только о товарах и услугах, но и об общественных, политических и других типах отношений в обществе, в том числе и о взаимоотношениях мужчин и женщин, в которых, по мнению И. В. Грошева, «последние, как правило, не только стереотипизированы, видеоадаптированы, но и упрощены, сведены до уровня «ритуальных идиом» [Грошев, 2000: 172].

Непосредственные предложения о товарах и услугах обычно представляются в рекламе в контексте других образов, рассказывающих об устройстве общества, его культурных конструкциях и о взаимоотношениях в нём мужчин и женщин.

Реклама всё чаще вмешивается в жизнь человека, управляя им на осознанном и бессознательном уровнях. Сейчас правомерно говорить о некоем рекламном фоне, сопровождающем жизнь современного человека. Реклама находится в центре внимания исследователей разных профилей, в том числе лингвистов, психологов, культу-

рологов и др. Тщательно изучаются механизмы воздействия на получателя, формирование влияния на конкретные поведенческие акты «здесь и теперь», создание устойчивого отношения к конкретным вещам и людям, а также изменение общих смысловых ориентаций.

При всем своем многообразии реклама, как правило, всегда имеет отчетливую прагматическую цель — заставить потребителя обратить внимание на рекламируемый товар или услугу и, в конечном счете, приобрести его или воспользоваться услугой.

Накопленный за историю цивилизации культурный и научный материал используется в современном мире с целью получения материальной прибыли. Открытия в области гендера оказываются серьёзным инструментом влияния на потребительские предпочтения, в данном случае, на уровне гендерного языка рекламы. Ценности и предпочтения, касающиеся роли женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы и социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания. Общеизвестно, что реклама адресуется человеку и стремится

воздействовать на его сознание. Даже на начальной стадии вербальная, визуальная информация создаёт определенные абстракции, понятия, образы, которые в дальнейшем закрепляются в сознании и перерабатываются в конкретные желания и поступки. На этот процесс восприятия и переработки рекламной информации большое влияние оказывает умелое использование психолингвистических факторов, которые содержатся в общественном сознании.

Утверждение о том, что исследования на тему гендера начались только в 70-х гг. прошлого столетия, на наш взгляд, является ошибочным. Е. В. Митрохина, А. В. Бессарабенко в работе «Проблема гендера в истории языка» приводят данные, подтверждающие тот факт, что Вайвз (Vives, 1523) в своей публикации «О воспитании женщины-христианки» уже тогда представил замечания по поводу речевого поведения женщины того времени.

В XVI в. появился тщательно разработанный свод правил общественного, религиозного и в особенности семейно-бытового поведения. «Домострой» содержит ценные сведения о социальном укладе в Русском государстве, подробно рассматривает взаимоотношения между мужьями и женами.

На следующем этапе (1900 — конец 1960-х гг.), в соответствии с классификацией Клива Грея (Clive Grey), работа велась по направлениям: гипотеза о кардинальном различии мужского и женского типов речи; вопрос валидности новых словоформ, таких как в русском языке (*докторша, учительница, повариха*).

Ещё в начале XX в. Зигмунд Фрейд говорил: «Анатомия — это судьба», имея в виду то, что физиологические различия между полами определяют их различие как субъектов истории. Но в 1949 г. во Франции выходит книга Симоны де Бовуар «Второй пол», где автор говорит о том, что в истории утверждаются стереотипы, связывающие с мужчиной сферы «конструирования смысла жизни» — культуры и общества, а за женщиной — закрепляющие сферу воспроизводства жизни, сферу природы. Исследования 1970-х гг. отличаются депопуляризацией содержащихся в них заключений, что свидетельствует о «признании» проблемы лингвистической наукой. Одним из аспектов гендерной лингвистики стала теория противопоставления «женского сотрудничества» «мужскому соперничеству» в лингвистическом (речевом) поведении. Дэйл Спендер («Язык, созданный мужчиной», Spender, 1986) говорит о том, что по своей сути язык изначально предрасположен к установлению превосходства мужчин в обществе.

При изучении гендерного фактора в языке многими лингвистами-гендерологами (И. И. Халеевой, А. В. Кириловой, Д. Ч. Малишевской и др.) называется лингвокультурологический подход, предполагающий изучение мужественности и женственности как базовых культурных концептов.

Общественная значимость категории «гендер» оправдывает его применение ко всем языковым явлениям, имеющим отношение к проблемам пола. «Пол и его проявления не просто «регистрируются» языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения наивной картины мира. Поэтому правомерно установить, как происходит фиксация пола в языке: с помощью каких средств, семантических полей, оценок» [Горошко, 2003: 4].

Со временем пол человека из биологической характеристики трансформировался в характеристику социально-психологическую. Таким образом возникло понятие «гендер», означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. В 60-е гг. XX в. тема языка и пола привлекла внимание лингвистов. Это произошло во многом благодаря тому, что на первое место в лингвистическом описании стал выдвигаться социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нём человеком. В целом при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера и наличия определённых особенностей в мужском и женском вербальном поведении можно выделить три основных подхода:

Первый подход — чисто гендерный, сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех семантических различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе.

Второй подход — научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения женщины и мужчины. Здесь статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий (которые в той или иной мере отражают реально существующие связи лексических единиц в лексической памяти человека).

Третий подход — опирается на когнитивный аспект этих различий. Для него оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование её показателями, но и установление того, что трудно поддаётся

объяснению, так как выходит за рамки стандарта [Каменская, 2002: 13].

Различия между мужчинами и женщинами настолько очевидны, что их перестают замечать. Хотя мужчины и женщины принадлежат к одному биологическому виду и у них много общего, всё же они отличаются друг от друга по ряду важных характеристик: физиологических, психологических, социальных. В какой-то степени подобное различие обосновано объективными биологическими параметрами, но в большей степени — полоролевыми социокультурными стереотипами. А так как реклама, прежде всего, существует в социальном пространстве и влияет на сравнительно большие группы людей, то нас в первую очередь пол интересует не как биологическая, а как социальная характеристика человека, именно в этом аспекте изучает пол гендерная теория.

Гендерный подход основан на идее, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придаёт общество этим различиям. Основой гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, а анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

Гендерные различия — это не только внутренняя психологическая особенность человека, а природные данные, то, что очевидно. Сегодня женщины не пытаются заколачивать шпалы, чтобы добиться равноправия с мужчинами. В современном обществе уже не показывают пальцем на женщину-писателя, женщину-предпринимателя, равно как и на мужчину-повара, мужчину-домохозяина.

Лингвистическая гендерология является новым научным направлением, которому свойственны специфические черты любого нового направления, то есть недостаточная разработанность понятийного аппарата и категорий. Новая научная дисциплина лишь находится в процессе выработки собственных, присущих только ей методов и приёмов исследования. Вместе с тем, работая в языковедческом научном поле, учёные применяют главным образом методы анализа, разработанные для лингвистических исследований, пользуясь, однако, и данными иных научных дисциплин — как близкородственных, так и других гуманитарных наук.

Повышенное внимание к гендерным аспектам языка и коммуникации, наблюдаемое в последние годы, позволяет сделать вывод о том, что от

общей теории гендера гендерные исследования постепенно переходят к более уравновешенному состоянию. Однако и применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых — понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена. Всё это позволяет подойти к феномену *мужественность* и *женственность* не как к неизменной природной данности, а как к поддающимся социальному манипулированию и моделированию. Наша задача заключается в том, чтобы проверить, действительно ли в русскоязычном и западном англоязычном обществе существуют гендерные стереотипы, и ответить на вопрос, каким образом рекламодатели, используя знания о гендерной дифференциации, привлекают внимание мужской и женской аудитории.

Физическая стратификация потенциальных читателей по половому признаку определяет специализацию многих печатных изданий, как «мужских», так и «женских», что, в свою очередь, накладывает отпечаток на гендерную ориентацию предлагаемой ими рекламы.

На основе существующих стереотипов выделяют «женскую» и «мужскую» рекламу товаров общего потребления. «Если в рекламном объявлении речь идет о косметических средствах по уходу за кожей, то реклама признается «женской», а если объектом рекламы является бритвенный прибор, то это «мужская» реклама. Такое понимание рекламы расходитсся с реальностью, так как потребителями «женской» продукции могут быть мужчины, а женщины нередко приобретают товары, предназначенные для мужчин.

Выделяют «женские» и «мужские» стили в рекламе. Для «мужского» стиля характерно отсутствие пафоса, реклама сравнивается с откровенным разговором между двумя мужчинами, она в большей степени обещает расслабление, чем реальную выгоду.

Англоязычный пример рекламы, ориентированной на мужчин:

«Panasonic. Make your breakthrough.»

(Panasonic. Сделай свое открытие).

(Реклама телефона Panasonic для мужчин).

Русскоязычный пример рекламы ориентированной на мужчин:

«Samsung. Стильный дизайн. Крутые возможности».

(Реклама телефона Samsung для мужчин).

«Gillette. Для более гладкого и комфортного бритья».

(Реклама средства для бритья Gillette).

В женском выделяют «капризный» стиль, для которого характерны употребление неологизмов, игра слов и другие стилистические средства. Также в женском стиле выделяют «стиль шик», к которому относят рекламные объявления гляцевых журналов, связанных с миром моды.

Примеры англоязычной рекламы, ориентированной на женщин, с использованием эпитетов:

«RIMMEL new summer collection RAY OF LIGHT sun-drenched glow, dazzling touches, break the rules. Skin kissed with shimmering bronzer. Light-charged lips & effortless, iridescent Eyes».

(Новая летняя коллекция «Лучик света». Солнечный блеск, ослепительные оттенки, нарушающей правила. Золотисто-солнечный цвет кожи. Естественные губы, наполненные блеском, переливающиеся оттенки для глаз.)

(Реклама декоративной косметики)

«CLARINS self tanning. A unique formula promotes a natural-looking, golden, even color. Ultra-easy application. Fresh and non-oily. Tinted self Tanning For Legs instantly gives legs a beautiful, golden, shimmery glow. And show off your back-from-die-beach tan».

(Автозагар. Уникальная формула создает естественный, ровный, золотистый оттенок. Сверхлегкое нанесение. Легкий и нежирный автозагар для ног. Придает ногам красивый, золотистый, сияющий блеск. Продемонстрируйте Ваши «пляжный» загар!)

(Реклама средства для автозагара)

«Блистательная дерзость».

(Реклама женских наручных часов Rolex)

«Захватывающее путешествие».

(Реклама духов Kelly Caleche, Hermes, Paris)

«Ваше любимое шелковое платье, элегантные атласные туфли и чувственный аромат французских духов — вы наблюдаете за мерцанием свечей и считаете минуты. ...Это волнующее ожидание

новогодней ночи, переполняющее самыми приятными эмоциями, это упоительное чувство — приближение волшебства, когда атмосфера праздника с его круговоротом огней и предвкушением счастья захватывает нас...»

(Реклама кофе Carte Noire)

Создается впечатление, что женщина в подобной рекламе ведет диалог с женщиной.

Все вышеуказанные примеры ориентируют нас на то, что приемы, использованные в рекламных текстах, достигаются за счет языковых средств, которые принято ассоциировать с мужской или женской речью.

При изучении фемининного и маскулинного в рекламе следует отметить, что копирайтеры при составлении рекламных текстов выбирают лингвистические средства с учетом особенностей мужской и женской аудитории.

Список литературы

1. Горошко Е., Кирилина А. Гендер: Лингвистические аспекты.— М. : Ин-т социологии РАН, 1999.— 189 с.
2. Горошко Е. И. К вопросу о соотношении количественных и качественных методов анализа данных в лингвистической гендерологии // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Третьей междунар. конф., 27–28 нояб. 2003.— М. : МГЛУ, 2003.— 135 с.
3. Грошев И. В. Дискурсы пола рекламно-гендерного поля // Журн. практ. психолога.— 2000.— № 8.
4. Каменская О. Л. Гендергетика — наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации.— М. : [б. и.], 2002.— С. 13.
5. Митрохина Е. В., Бессарабенко А. В. Проблема гендера в истории языка.— М. : [б. и.], 2000.

Л. В. Житникова, М. А. Ремезова (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СТРУКТУРЕ АМЕРИКАНСКОГО ДЕЛОВОГО ЭТИКЕТА (на материале американских кинокомедий)

The effectiveness of all international business contacts depends not only on the ability to understand partner's verbal message but also on the ability to interpret non-verbal signal in a right way. It is aimed at the investigation of the peculiarities of verbal and non-verbal communication in the pattern of American business etiquette. This research is based on the analysis of American comedies. All communication characteristics being revealed in the procedure of the analysis are resulted from particular features of the American's nation mentality.

Keywords: *verbal and non-verbal communication, business etiquette, the pattern of American business etiquette.*

Деловое общение является необходимой частью человеческой жизни, важнейшим видом отношений между людьми. Вечным и одним из главных регуляторов этих отношений выступают определенные правила поведения, этические нормы, именуемые деловым этикетом. Особое значение деловой этикет имеет для деловых людей, занятых бизнесом, а особенно международным бизнесом. Во многом от того, насколько они владеют наукой и искусством общения, зависит успех их деятельности. Неотъемлемым компонентом делового этикета является невербальная коммуникация. Речевое общение, как правило, сопровождается несловесными действиями, помогающими понять и осмыслить речевой текст. Эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны собеседнику слова и другие элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию, темп и тембр речи.

Исследования развития национальных особенностей американцев помогают нам охарактеризовать современный стиль делового общения как прагматичный, свободный от традиций, ставящий на первое место краткость и силу данного слова. Для американцев важны индивидуальность и права личности. «Западная цивилизация держится на индивидуализме. Личность — это священо <...> Дорожить собой и любить себя — с этого реально начинается цивилизованная жизнь» [Пигалев, 1997: 65].

В любой кризисной ситуации американцу важно выглядеть здоровым, энергичным и уверенным в себе. Они не скрывают свое пристрастие к деньгам. «Американцы постоянно сообщают, что, сколько стоит и какую сумму они получают в год. Эту цифру принято несколько преувеличивать» [Агуреев, 1999: 12].

Американские бизнесмены отличаются высокой деловой активностью, большими способностями в борьбе за прибыль, стремлением утвердить своё превосходство, исключительной уверенностью в себе, стойкостью, выживаемостью, склонностью к риску. В деловых отношениях на производстве доминируют беспрекословное подчинение и жёсткая дисциплина.

Американцы ревностно относятся к соблюдению прав человека, в конфликтных ситуациях чаще всего прибегают к закону, к услугам адвокатов. «Закон вдвойне суров в Америке. Даже самая незначительная незаконная коммерческая операция часто приводит к судебным разбирательствам, огромным штрафам и даже тюремному заключению» [Ягер, 2001: 56].

В неформальных взаимоотношениях американцы общаются друг с другом просто и непринужденно. Они достаточно открыты, улыбкивы, несколько фамильярны даже с людьми, старшими по возрасту и положению, вольно обращаются с правилами светского этикета. Большую роль в деловой жизни США играют женщины. Часто они настаивают на том, чтобы к ним относились именно как к партнеру, а не как к даме. В этой связи не принято проявление чрезмерной галантности, следует избегать вопросов личного характера. По этому поводу И. А. Панкеевым было сформулировано очередное правило делового этикета: «В Америке не пропускайте даму вперед!» [Панкеев, 1999: 247].

На стиль взаимодействия в современном деловом мире в Америке повлияли определенные исторические, географические и религиозные факторы, способствовавшие формированию уникальных национальных характеристик. Самыми яркими из них являются: индивидуализм, прагматизм, трепетное отношение к частной собственности, материализм, ответственность, дружелюбие и оптимизм [Балдвин, 2000]. Именно

эти черты характера определяют американский деловой этикет и позволяют нам сформулировать правила поведения с представителями американской деловой культуры.

Тема настоящей статьи нам представляется актуальной, поскольку, в условиях всемирной интеграции, активно развивается международное партнерство в деловой сфере. И, несмотря на то, что такое взаимодействие приводит к «размыванию» национальных границ, формированию единых норм и правил, каждой отдельной стране присущи свои национальные особенности делового этикета. Невербальное общение является важным компонентом делового этикета, так как оно неразрывно связано с вербальным.

Цель статьи — исследование особенностей вербального и невербального общения в структуре американского делового этикета (на примере американских комедийных фильмов). По данным «Лингвокультурологического словаря», деловой этикет включает правила поведения при устройстве на работу и перемене места, разговора по служебному телефону, деловой переписки, а также особенности оформления интерьера офиса, тонкости отношений мужчин и женщин, начальника и подчиненных в процессе делового общения [Леонтович, 1998: 56].

Согласно мнению американской писательницы Линн Бренен, понятие «деловой этикет» применяется для обозначения всех личностных и коммуникативных навыков, которые используются в профессиональной деятельности [Бренен, 2004: 4]. Джен Ягер, американский социолог, уточняет, что деловой этикет — это не только список правил общения, но и понимание скрытых причин нарушения взаимодействия, а также способность каждого сотрудника быть психологически привлекательным для других [Ягер, 2001: 5].

Итак, деловой этикет — это установленный порядок поведения в сфере бизнеса и деловых контактов, своеобразный кодекс хороших манер и правил поведения, принятых в данном обществе. Отличительной чертой делового этикета являются партнерские отношения, построенные на протокольных принципах равенства и взаимного уважения. Проанализировав понятие делового этикета, мы считаем необходимым изучить структуру делового этикета. Деловой этикет, как любой вид культуры, включает в себя несколько компонентов. Американский социолог Р. Льюис разработал структуру делового этикета, в основе которой лежат четыре группы параметров деловой культуры: отношение ко времени; отношение к природе; межличностные от-

ношения; типы корпоративных культур [Льюис, 2001: 248].

Другую классификацию структуры делового этикета нам дает американская писательница, специалист в области социологии и психологии Линн Бренен: деловой прием, ведение переговоров, невербальное общение, подарки в деловой жизни, правила поведения за столом, дистанция власти. На наш взгляд, структура делового этикета, предложенная Линн Бренен, является более полной, и мы принимаем её за основу, но поскольку мы ограничены рамками статьи, то остановимся на понятии «невербальное общение» [Бренен, 2004].

Рассмотрев его особенности и классификацию, изучив основные средства невербального общения в структуре делового этикета Америки, мы можем сделать следующие выводы: 1) невербальное общение представляет собой обмен невербальными сообщениями между людьми, а также их интерпретацию: невербальные сообщения — сообщения, происходящие без слов (жесты, мимика, позы, одежда, прически, окружающие нас предметы); 2) невербальное общение многофункционально: основными функциями являются экспрессивная (выражение чувств, эмоций), информативная (несут определенную информацию), познавательная (служит показателем душевного состояния человека); 3) невербальное общение включает в себя три группы сообщений: кинесические, пространственные и временные; 4) невербальное общение в американском деловом этикете отличается сдержанностью в прикасаниях, улыбчивостью, демократичным стилем в одежде, раскованной манерой поведения, высокой тональностью голоса, подчеркнутой приветливостью, доброжелательностью и оптимизмом, умением быстро перейти на дружелюбный, заинтересованный тон беседы.

Основной задачей, поставленной перед нами, является анализ вербальных и невербальных особенностей американского бизнес-этикета на основе американских комедийных фильмов.

Нами были проанализированы шесть американских кинофильмов: «Дьявол носит PRADA», «Чего хотят женщины?», «Бетховен», «Невыносимая жестокость», «Красотка», «Из 13 в 30». Данные фильмы были выбраны нами для анализа, поскольку они отвечают главным требованиям нашего исследования: комедийный жанр с присутствием элементов делового этикета. Все вышеперечисленные кинофильмы были сняты в течение последних 10–15 лет. Действие всех фильмов происходит в Соединенных Штатах Америки также в течение последних 10–15 лет. Исследование материала строилось на ос-

нове схемы взаимодействия вербального и невербального общения. Анализ включал в себя четыре основных пункта, соответствующих пунктам этой схемы: замена, дополнение и повторение вербального общения невербальным, а также противоречие между вербальным и невербальным видами общения. В каждом пункте анализ проводился по основным составляющим невербального общения: кинесическим характеристикам, паралингвистическим параметрам, позам, одежде и пространственно-временным характеристикам невербального общения [Крейдлин, 2002].

Изучив особенности вербального и невербального общения в структуре американского делового этикета на примере американских комедийных фильмов, мы приходим к следующим выводам. В ходе исследования выяснилось, что доминантными чертами американского делового характера являются: любовь и бережное отношение к частной собственности, индивидуализм, независимость, прагматизм, конформизм и терпение, мобильность, стремление к конкуренции, деловитость, оптимизм, законопослушность, отсутствие робости перед авторитетами и понятия «грязная работа», борьба за прибыль, стремление утвердить своё превосходство, исключительная уверенность в себе, стойкость, выживаемость, склонность к риску, дисциплина.

Деловой этикет в США — сложное, многоаспектное культурное явление, состоящее из следующих элементов: деловой прием, ведение переговоров, подарки в деловой жизни, правила поведения за столом, дистанция власти, вербальная и невербальная коммуникация. Вербальное общение — это речевое общение людей в процессе их совместной деятельности, представляющее собой универсальное средство коммуникации, так как при передаче информации при помощи речи менее всего теряется смысл сообщения. В зависимости от направленности речевого потока при коммуникации выделяют диалогическую и монологическую речь, главным различием между которыми является количество коммуникантов. Североамериканская деловая культура считается вербальной, основополагающими принципами которой являются принцип вежливости и доброжелательности, неформальность, открытое высказывание собственного мнения, любовь к самопрезентации, высокая доля юмора в общении, лаконичность монологов и диалогов.

Особенностями вербального общения в структуре американского делового этикета является выбор эмоционально-окрашенной экспрессив-

ной лексики, экономия речевых ресурсов, наличие юмористических элементов, коммуникативный оптимизм и доброжелательный коммуникативный настрой.

Вербальное общение в деловой сфере США активно сопровождается невербальным. Невербальное общение, как и структурные компоненты делового этикета США, играет немаловажную роль в американской деловой культуре. Невербальное общение — это совокупность жестов, поз, паралингвистических средств, используемых людьми на работе. Данный компонент представляет особый научный интерес благодаря своей неразрывной связи с вербальным общением.

Американский бизнес-этикет характеризуется утилитаризмом, тщательностью в проработке организации любого дела, дисциплинированностью, нацеленностью сегодня сделать лучше, чем вчера, большим вниманием к мелочам, специализацией кадров и производства, краткостью и ясностью, конструктивизмом.

Особенностями вербального и невербального общения в структуре американского делового этикета являются:

демократизм и неформальность в общении, проявляющийся в выборе неформальных обращений (*babe, baby, buddy, daddy, my love, honey*), ругательств (*ass, hooker, nuts, hell, holy crap, bitch*), в обилии фразеологических оборотов (*to fell and smack smb's head on the pavement; God's sake; my head is on the chopping block*), а также в раскованности поз и выборе одежды) (33 %); эмоциональность, представленная в выборе эмоционально-экспрессивной лексики и жестикуляции (*жест победы, жест-кольцо, покручивание указательного пальца у виска*), мимических характеристиках (*широко открытые глаза, поджатые губы*), прикосновения (*объятия*), громкость общения. (26 %); коммуникативный оптимизм и доброжелательность, которые отражаются в приветствиях (*I'm pleased to meet you both; Welcome abroad*), прощаниях (*it was a great pleasure to meet you*), обращениях, с целью создания благоприятной деловой атмосферы (*Good morning Ms Marshall; good morning Miranda; hi girls*), в виде комплимента коллеге (*..you look...chic*), улыбке, прикосновениях, рукопожатиях, зрительный контакт и т. п. (21 %); юмор, представленный в виде шуток, иронии, сарказма, определенных жестов и мимики (*покручивание указательного пальца у виска, улыбка и т. д.*) (17 %); стремление к быстрой проблеме чаще проявляется в отсутствии этикетных формул во время телефонных переговоров, излишних сборах в офисе

и деловых совещаниях, лаконичности монологов и диалогов, в отсутствии пауз во время общения, в замене речевого вербального общения невербальным (*применение жестов-указателей, закатившиеся глаза, вздохи, поджимание губ, качание головой, движение пальца из стороны в сторону*) (13 %); табуированность (2 %).

Каждая коммуникативная особенность в структуре американского делового этикета является следствием специфических национальных качеств американцев и менталитета нации. На наш взгляд, некоторые из выявленных нами особенностей американского делового общения, например, таких как эмоциональность, юмор, доброжелательность и коммуникативный оптимизм, могут быть универсальными характеристиками делового этикета для всех наций, в то время как отдельные его черты, такие как демократизм и неформальность в общении, стремление к быстрой проблеме скорее будут являться национально-специфическими для американской культуры. Последние являются результатом географических, исторических, политических фактор, кардинально повлиявших на становление американской культуры.

Список литературы

1. Агуреев А. Что русскому хорошо, американцу...— М. : Паспорт экс-Пресс, 1999.— 234 с.

2. Балдвин А. О. О сходстве и различии менталитета и поведения российских и американских.— М. : Кеннан, 2000.— 387 с.

3. Бренен Л. Энциклопедия делового этикета / пер. с англ. Ю. О. Анохиной.— М. : РИПОЛ Классик, 2004.— 352 с.

4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык.— М. : Новое лит. обозрение, 2002.— 581 с.

5. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения.— Волгоград : Перемена, 2002.— 435 с.

6. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию : пер. с англ.— 2-е изд.— М. : Дело, 2001.— 448 с.

7. Панкеев И. А. Энциклопедия этикета.— М. : Олма-Пресс, 1999.— 478 с.

8. Пигалев А. И. Образ Америки в культурологической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси // *Amtricana* : сб. ст по истории и культуре стран американ. континента.— Вып. 1.— Волгоград : Волгоград. гос. ун-т.— С. 65–71.

9. Ягер Д., Сиретт М. Эти странные американцы / пер. с англ. И. Тогоевой.— М. : Эгмонт Россия Лтд., 2001.— 372 с.

10. Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь.— Волгоград : Станица-2, 1998.— 416 с.

Е. С. Закирова (Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ

In the given article a linguistic world-image is analyzed within anthropological and historical study. The process of linguistic world-image formation is considered as the combination of appeals to the language signs' meanings including the knowledge about person and world interaction the essence of which is determined by the category of human's performance and his or her belonging to the certain group or society which influences person's way of thinking. Moreover the analysis of transport engineer as a professional language orientated person in the system of such concepts as linguistic world-image, professional linguistic world-image, linguistic person, the formation of mechanical engineering specialists' professional intercultural competence is performed.

Keywords: *linguistic world-image, scientific professional linguistic world-image, professional linguistic world-image, professional language orientated person, foreign language professional communicative competence, professional intercultural competence.*

В данной статье рассматривается языковая картина мира в рамках антропологического направления в лингвистике, истории изучения языковой и научной картин мира. Процесс формирования картины мира рассматривается как совокупность апелляций к значениям языковых знаков, содер-

жащим знания о взаимодействии человека с миром, сущность которых определяется категорией деятельности субъекта и его принадлежностью к определенной социальной группе или общности, под влиянием которой формируется его образ мышления.

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как и сам человек. Формирование у человека первых картин мира совпадает по времени с процессом антропогенеза (С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк). Тем не менее реалья, называемая термином «картина мира», стала предметом изучения лишь в сравнительно недавнее время.

Исследованиями установлено, что картина мира базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа, и эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинаций явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т. д.

Особого рассмотрения с позиции антропоцентризма заслуживает формирование тех когнитивных представлений об окружающей действительности, которые связаны с профессиональной деятельностью, и которые формируют, в свою очередь, представления о профессионально-детерминированных элементах языковой культуры специалиста в той или иной специальной области. Представляется важным исследование когнитивно-дискурсивной деятельности человека и степени его когнитивно-профессионального уровня как профессиональной языковой личности.

Анализ научной литературы последних десятилетий показывает, что работы, посвященные изучению *профессиональной языковой картины мира*, немногочисленны (С. Л. Мишланова, В. Ф. Новодранова, А. Д. Самигуллина, Л. А. Чернышова). Наиболее ярко описание профессиональной языковой картины мира, на наш взгляд, представлено в исследованиях В. Ф. Новодрановой (языковая картина мира медицины) и Л. А. Чернышовой (языковая картина мира железнодорожной отрасли). В нашем исследовании предпринимается попытка изучения профессиональной языковой картины мира автомобильной отрасли.

Вне всякого сомнения, *автомобиль* занимает огромное место в жизни любого человека. В настоящее время *автомобиль* является самым распространенным повседневным транспортом, которым пользуется почти все население планеты. Большая часть видов транспорта (грузовой, общественный, пожарный, военный, медицинский) использует *автомобиль*.

Однако роль *автомобиля* не ограничивается только его прикладным значением в народном хозяйстве. Велика роль *автомобиля* в формиро-

вании особенностей характера человека: автомобиль предоставляет человеку возможность ощутить себя могучим существом, властелином целой сотни лошадиных сил, почувствовать чарующую, наркотическую магию скорости. Для многих автомобиль — это предмет гордости, символ успеха и богатства. По меткому выражению французского журналиста Жана Франсиса Эльда, «автомобиль для мужчины значит, примерно, то же, что рога для оленя, грива для льва и хвост для павлина».

В автомобилестроении и на автотранспорте занято около одной десятой части всех трудящихся; водитель автомобиля — одна из самых распространенных профессий. Если учесть, что металлургия, нефтяная и некоторые другие отрасли промышленности в какой-то мере работают «на автомобиль», то эта доля еще возрастает.

Важнейшее условие дальнейшего существования и развития автомобиля в меняющихся условиях — это всеобщая верность всех участников его создания и использования — конструкторов, инженеров, эксплуатационников, экономистов — идее точного определения направлений создания безопасного для людей и окружающей среды вида транспорта. Идея автомобиля, сохраняя свое главное значение, развивается, конкретизируется, обогащается вместе с совершенствованием науки и техники, соответственно, с совершенствованием и модернизацией средств транспорта, отвечая социальным потребностям и материальным условиям, стремится к расширению сферы применения автомобиля.

Следует различать два важных подхода к автомобилю. Первый — научно-технический: автомобиль — транспортная машина, к нему применимы все положения, относящиеся к транспорту вообще, и его идея лишь в деталях отличается от идеи любого транспортного средства. Второй — социально-исторический: легковые автомобили, скажем точнее, личные автомобили — это предметы длительного пользования, с ними связаны не только повседневные практические дела владельца, но и его уровень благосостояния, личные интересы, склонности, моральные качества, темперамент и многое другое.

Из-за отмеченных двух взглядов во многих исследованиях интенсивное развитие автомобиля в нашем веке названо феноменом. В этом идея *автомобиля* схожа с исторически сложившимся представлением о личном экипаже. Статистика показывает, что личных автомобилей во всех странах втрое-впятеро больше, чем всех прочих, и примерно втрое больше, чем это необходимо

для обеспечения реальной потребности в транспорте.

Следует отметить и негативные стороны *автомобиля*. Ежегодно на дорогах гибнут сотни тысяч человек и во много раз больше людей получают различные травмы в результате аварий. К этому можно добавить и то, что эксплуатация автомобиля приводит к огромному количеству ядовитых газов, выбрасываемых из выхлопных труб; выбрасываются в природу миллионы тонн ядовитой пыли от стираемых шин и асфальта: отводятся миллионы гектаров земли под дороги, гаражи, станции обслуживания; наносится вред окружающей среде нефтедобывающими и перерабатывающими предприятиями, которые поставляют автомобилям сотни миллионов тонн бензина в год.

Но чем бы ни был *автомобиль* — роскошью, средством передвижения, игрушкой, убийцей или всем этим вместе — он представляет собой удивительное и сложное явление в жизни современного общества. И это явление тщательно изучается не только узкими специалистами в данной области, энергетиками, экономистами, экологами, но и психологами, социологами и даже сексологами [Долматовский, 1986: 11].

В настоящее время, когда автомобильные дороги соединяют государства, единые правила движения по ним с едиными дорожными знаками и указателями позволяют огромному количеству людей — водителям дорожных транспортных средств и автомобилистам, представителям разных наций, языков и народов — понимать друг друга, проявлять взаимное профессиональное уважение и выполнять определенные требования, независимо от того, на дорогах какого государства им приходится взаимодействовать, со всей остротой обнаруживаются проблемы *межкультурной профессиональной коммуникации*, решение которых напрямую зависит от исследования таких понятий, как *профессиональная картина мира* и *профессиональная языковая картина мира*, поскольку они приобретают *межкультурный профессиональный* характер.

Особый интерес представляет отраслевая терминология как продукт профессионального мышления, существующего в рамках определенной национальной языковой картины мира, составной частью которой является *профессиональная языковая картина мира*, определяемая нами как *межкультурная форма выражения единого содержательного вербального (речемыслового) кода профессионального знания*.

Проведение анализа лексического состава отраслевой автомобильной терминологии с пози-

ций антропоцентризма позволяет установить зависимость научно-профессионального мышления от социально-культурных, исторических условий, а также условий научно-технического развития, в которых происходит процесс профессионального познания на уровне когнитивности, поскольку [Daneš, 1990: 172], оперируя дискретными, в высшей степени специализированными, различными и систематизированными единицами и структурами, когнитивность в высшей степени структурирована, а когнитивные структуры ориентированы на отражение структуры внешнего мира в связи с потребностями социальной деятельности — включая сюда сообщение мыслей. Хотя когнитивные структуры привязаны к вербальным (символьным) структурам, а языки мира очень разнообразны, основные механизмы когнитивности универсальны, что и проявляется в семантике языка. Универсальные языковые структуры (patterns), универсальные грамматические категории, а также организация категорий вокруг прототипов свидетельствуют о том, что человек не просто «осваивает» действительность, но активно и целенаправленно организует ее определенным образом для конкретных целей [Croft, 1991: 273].

Необходимо отметить, что когнитивный подход изменил отношение к одному из важнейших понятий — к понятию «терминология», которая рассматривается как результат когнитивной деятельности человека, как концептуальная информация, которая уже стала продуктом человеческой обработки и структуризации знаний [Татаринев, 2006]. В рамках когнитивного терминоведения можно выделить работы, посвященные проблемам дискурса (Л. М. Алексеева, Л. А. Лаврова, Л. А. Манерко), концептуальных моделей (Е. В. Бекишева, Л. В. Ивина, В. Ф. Новодранова), языковой личности в специальной сфере (И. С. Кудашев, С. Л. Мишланова, А. Д. Самигуллина).

Проводимое нами сопоставительное исследование отраслевой терминологии на материале автомобилестроения в разнотерминовых языках, направленное на выявление *эволюции научного мышления* человека в профессиональной области деятельности, можно рассматривать как новое антропологическое направление в когнитивном терминоведении, позволяющее определить как национальные, так и некоторые межкультурные, межэтнические особенности исторического формирования терминологии и синхронного ее состояния, как проявление профессионального мышления.

Нами выявлено, что значительные совпадения в развитии русского и английского терминологического аппарата в исследуемой профессиональной области деятельности человека обусловлены общим пониманием предмета и ходом развития научной мысли, а следовательно, и универсальностью человеческого мышления.

При сопоставительном рассмотрении автомобильной терминологии можно выделить компоненты языковой картины мира, общие для разных языков. Исследование также показывает, что для разных народов в наше время в результате научно-технического прогресса стали общими многие профессиональные понятия, т. е. можно говорить об универсальности *профессиональной картины мира*.

Но в каждом языке эти общие понятия вербализованы средствами данного языка и подчиняются грамматике данного языка. При универсальности *научной профессиональной картины мира* (математика, химия, физика) *языковая профессиональная картина мира* всегда национально-специфична, даже если в ее лексике обнаруживается большое количество интернационализмов.

Исследование автомобильной терминологии определяет необходимость раскрытия и дифференциации таких понятий, как *профессиональная картина мира* и *профессиональная языковая картина мира*, которые, как свидетельствует проведенный анализ, не получили четкого определения в лингвистической литературе. Поэтому в принятом исследовании в качестве рабочих были использованы сформулированные нами определения.

В нашем понимании *профессиональная картина мира* — это *содержательная система научного знания в определенной области профессиональной деятельности человека*. Очевидно, что, если *научная картина мира* представляет собой всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками [Корнилов, 2003], то *профессиональная картина мира* — фрагмент научной картины мира. Профессиональная картина мира универсальна, поскольку объективны сами научные знания.

Профессиональная картина мира, эксплицированная средствами национального языка, — это *профессиональная языковая картина мира*, отражение в языке понятий, связанных с определенной отраслью знания. Таким образом, *профессиональная языковая картина мира* определяется нами как *национальная форма выражения единого содержательного профессионального вербального кода средствами определенного языка*.

Следовательно, профессиональная языковая картина мира — одновременно продукт научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продукт обыденного мышления как результат профессионального осмысления данных научных понятий языковой личностью.

Понятие «языковая личность», разработанное в отечественной лингвистической науке (исследования Ю. Д. Апресяна, Г. И. Берестнева, В. Г. Гака, Ю. Н. Караулова, В. И. Шаховского), имеет несомненное значение для сопоставительного исследования отраслевой терминологии в разносистемных языках, проводимого с позиции антропологистики. Как переводчик в сфере профессиональной коммуникации языковая личность должна владеть научной картиной мира своего родного языка и научной картиной мира переводимого языка. В работе с отраслевой терминологией, представленной в двух языках, языковая личность, одновременно присутствуя в двух научных языковых картинах мира, вынуждена сравнивать родную профессиональную языковую картину с чужой языковой картиной, поскольку отраслевая терминология — часть национальной языковой картины мира. Для принятого нами терминологического исследования важным представляется не просто понятие «языковая личность», но языковая личность, обладающая определенным набором профессиональных сведений в той или иной отрасли научного знания.

Погружение в мир профессии происходит благодаря формированию компетентности специалиста. Чем больше компетентен профессионал, тем богаче его индивидуальная профессиональная картина мира. Поэтому уровень и качество профессиональной подготовки будущего специалиста возможны, если наряду с усвоением определенного багажа знаний, умений и навыков, он будет уметь их самостоятельно применять и совершенствовать. Предприятия транспорта испытывают потребность в специалистах нового типа, способных в полной мере реализовать свой потенциал, умеющих работать в новых экономических условиях, быстро реагирующих на изменения технического и технологического процессов.

Все изложенное позволяет определить суть профессиональной компетентности специалиста в области автодорожного транспорта как комплексную характеристику специалиста, отражающую его готовность и способность осуществлять производственную деятельность в условиях быстро изменяющихся процессов.

Современные условия диктуют необходимость знания иностранных языков. Следовательно, в подготовке специалиста-профессионала значительно возрастают требования к формированию языковой компетенции, в которую составными компонентами входят знание профессиональной терминологии на родном языке и умение ею пользоваться, знание профессиональной терминологии на изучаемом языке и умение ею пользоваться, знание особенностей эквивалентности и адекватности разноязычных терминов, знание национальных особенностей научного дискурса.

Следовательно, базовыми категориями исследования профессионально детерминированных элементов лингвокультуры являются профессиональная языковая личность и профессиональная языковая картина мира. Профессиональная языковая картина мира — это особый когнитивный уровень профессиональной языковой личности, представляющий собой более или менее упорядоченную совокупность сознательных представлений об элементах окружающей действительности, связанных с профессиональной деятельностью.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Антропология в научном переводе // Научно-техническая терминология.— 2004.— Вып. 1.— С. 5–7.
2. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография.— М. : Языки славян. культур, 2006.— 286 с.
3. Бекишева Е. В. Названия болезней как отражение понятийного аппарата медицины // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посв. юбилею В. М. Лейчика.— 2003.— С. 48–54.
4. Бекишева Е. В. Современное состояние медицинского терминоведения // Изв. Самар. науч. центра РАН ; спец. вып. «Актуальные проблемы гуманитарных наук».— 2006.— № 1.— С. 11–18.
5. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антрополингвистики (к лингвистическим основаниям эволюции мышления человека) : учеб. пособие.— М. : Компания Спутник+, 2005.— 114 с.
6. Долматовский Ю. А. Автомобиль за 100 лет.— М. : Знание, 1986.— 238 с.
7. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем : учеб.-метод. пособие.— М. : Акад. проект, 2003.— 304 с.
8. Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура.— М. : Наука, 1986.— 234 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.— М. : Наука, 1967.— 319 с.
10. Караулов Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки — к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке : сб. науч. тр.— М. : Наука, 1986.— 284 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.— М. : Наука, 1987.— 263 с.
12. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.— М. : ЧеРо, 2003.— 349 с.
13. Манерко Л. А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. тр.— Рязань : Изд-во РТУ, 2002.— С. 17–29.
14. Мишланова С. Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе // Научно-техническая терминология.— 2003.— Вып. 1.— С. 30–36.
15. Новодранова В. Ф. Роль обыденного знания в формировании научной картины мира // Терминология и знание : материалы I Междунар. симп.— М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009.— С. 89–93.
16. Чернышова Л. А. О профессиональной языковой картине мира // Вестн. Помор. ун-та.— Сер. : Гуманитар. и социал. науки.— Архангельск : Изд-во ПГУ, 2009.— Вып. 7.— С. 251–257.
17. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энцикл. слов. / Федеральная программа книгоиздания России.— М. : Моск. лицей, 2006.— 528 с.
18. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филол. науки.— 2002.— № 4.— С. 59–67.
19. Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information.— Chicago L : University of Chicago, 1991.— 328 p.
20. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / W. Bahner, J. V. D. Schildt eds. // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists: Berlin (GDR), August 10–15, 1987.— Berlin : Akademie, 1990.— P. 168–179.

А. Р. Залегдинова (Казань, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЖАНРА ТОК-ШОУ (на материале русского и английского языков)

The article is devoted to the structurally-functional analysis of a talk show on the material of Russian and English languages. As a result of research more exact criteria of classification of a talk show are selected, the main communicative roles are defined, communicative tasks of the host and other participants of a talk show are designated. This research is an approach to learning of strategies and tactics in a communicative discourse of a talk show.

Keywords: *communicative discourse, communicative event, communicative roles, communicative tasks, talk show.*

Современная лингвистическая мысль, использующая функционально-коммуникативный подход к языку и речевой деятельности, всё чаще обращается к новым формам коммуникации. Среди них такая малоизученная за счет своей исторической новизны область, как телевизионный дискурс и, в частности, жанр ток-шоу. Некоторые особенности ток-шоу и его специфика выявлены в ряде исследований, однако нет целостного структурного подхода к изучению данного коммуникативного жанра.

Изучая коммуникативные роли, мы опираемся на исследования в области коммуникации Н. Д. Арутюновой и И. Н. Борисовой. Арутюнова Н. Д. считает, что в событии (имеется в виду коммуникативное событие) все действия и процессы получают ролевую интерпретацию [Арутюнова, 1999: 514]. Коммуникативное событие ограничено во времени и пространстве и социально-структурировано, то есть функция коммуникативного события определяется социально-ролевыми характеристиками участников, их целями, способами и социальными нормами взаимодействия [Борисова, 2009: 30]. Таким образом, телевизионный жанр ток-шоу также является коммуникативным событием, которое определяют ограниченность во времени и пространстве, а также социально-ролевые характеристики его участников.

Отсутствие определения понятия ток-шоу (от англ. talk show) в классических русскоязычных толковых словарях обусловлено новизной данного понятия в русском языке. Словарь Longman дает довольно узкое определение ток-шоу: «телевизионное или радиошоу, где люди рассказывают о своей жизни и которым задаются вопросы» (a television or radio show on which people talk about their lives and are asked questions) [Longman Advanced American Dictionary, 2006]. Российские исследователи телевизионных жанров Н. В. Вакурова и Л. И. Московкин характеризуют ток-шоу как разговорный жанр, современный аналог те-

ледискуссии; заимствованный в связи с возможностью прямого эфира западный жанр, адресованный «не всем, но каждому» [Вакурова, 1998: 36]. Наиболее широкое и точное определение ток-шоу дается интернет-ресурсом en.wikipedia.org: «**A talk show** (American and Australian English) or **chat show** (British) is a television or radio program where one person (or group of people) will discuss various topics put forth by a talk show host. Sometimes, talk shows feature a panel of guests, usually consisting of a group of people who are learned or who have great experience in relation to whatever issue is being discussed on the show for that episode. Other times, a single guest discusses their work or area of expertise with a host or co-hosts. A **call-in show** takes live phonecalls from callers listening at home, in their cars, etc. Sometimes, guests are already seated but are often introduced and enter from backstage» («*Ток-шоу (американский или австралийский английский) или чат-шоу (британский английский) — это телевизионная или радио программа, где один человек (или группа людей) обсуждает различные темы, предлагаемые ведущим шоу. Иногда в ток-шоу участвует несколько человек, которые либо изучали тему, обсуждаемую на данной передаче, либо имеют большой опыт, связанный с данным вопросом. Иногда в ток-шоу участвует один приглашенный гость, с которым ведущий или советующие обсуждают его работу или область, в которой он компетентен. Интерактивное ток-шоу принимает звонки от зрителей или слушателей, которые звонят из дома или автомобиля. Часто гости уже сидят на своих местах, но иногда гости появляются из-за кулис*»).

Телевизионный дискурс, в частности, дискурс ток-шоу — малоизученная форма коммуникации, для исследования которой предлагается рассмотреть задачи ведущего с точки зрения его коммуникативной роли на примере таких ток-шоу, как «Larry King Live» (CNN, США, ведущий Ларри Кинг) и «Поединок» (телеканал «Россия 1», РФ, ведущий Владимир Соловьев).

В аспекте жанрового изучения ток-шоу следует различать понятия *коммуникативное событие* и *коммуникативная ситуация* [Борисова, 2009: 36]. Ток-шоу как коммуникативное событие может быть выражено теми или иными моделями условий коммуникативной деятельности, то есть различными коммуникативными ситуациями (спор оппонентов, интервью с известным гостем, беседа с приглашенными участниками-экспертами на болезненную для общества тему и т. д.). К примеру, коммуникативная ситуация ток-шоу «Поединок» — дискуссия оппонентов с противоположными точками зрения, а ток-шоу «Larry King Live» — интервью с известной личностью. Коммуникативная ситуация ток-шоу обусловлена его видом.

Ток-шоу могут различаться по специфике и задачам. Согласно классификации Н. В. Вакуровой и Л. И. Московкина выделяются такие виды ток-шоу, как телемост, беседа, дискуссия, теледебаты.

По определению Н. В. Вакуровой и Л. И. Московкина *беседа* как вид ток-шоу может быть как диалогом, так и полилогом, иногда с использованием вспомогательных кино- или фотодокументов (коротких сюжетов), как правило, без выраженной конфронтации сторон. Беседа существует, по крайней мере, в двух формах — посвященная конкретной общественно-значимой теме или с участием людей, само появление которых на экране способно привлечь аудиторию (нюсмейкеров). Дискуссия как вид ток-шоу — это обычно полилог с участием ведущего и не менее чем двух носителей контрастных точек зрения на некую общественно значимую проблему, или любых нюсмейкеров, одновременное появление которых в кадре символизирует некую противоположность.

У данной классификации есть недостатки, так как исследователь приводит лишь небольшое количество видов ток-шоу, не принимая во внимание и другие критерии деления жанра. Возникает необходимость введения более четкой классификации различных видов ток-шоу.

Опираясь на работы в области классификации телевизионных жанров, можно выделить такие критерии для видового деления:

А. По числу участников: диалог, полилог. В диалоговом ток-шоу — два основных участника: ведущий и приглашенный гость, такой вид ток-шоу практически может быть приравнен к жанру телеинтервью (примеры: «Larry King Live» (CNN, США), «The Oprah Winfrey Show» (ABC, США), авторская программа-интервью «Познер» (Первый канал, РФ)). В полилоговом ток-шоу —

более двух основных участников: ведущий, гости, оппоненты, герои, эксперты, зрители (примеры: «Поединок» (Россия 1, РФ), «Модный приговор» (Первый канал, РФ), «The Jerry Springer Show» (NBC Universal, США)).

Б. По тематике: общественно-политическое («Поединок», Россия 1, РФ), **развлекательное** (часто с элементами перформанса, дефиле) («Модный приговор», Первый канал, РФ), **скандальное** (в центре ток-шоу скандальная, громкая общественная ситуация, событие о котором все говорят) («Пусть говорят», Первый канал, РФ), **социальное** («The Jerry Springer Show», NBC Universal, США), **оздоровительной** («Жить здорово!», Первый канал, РФ) или **культурной** («Что делать?», Россия К, РФ) направленности, **персонафицированное** (направленное на интервью с известной личностью) («Larry King Live», CNN, США; «Познер», Первый канал, РФ).

В. По способу организации: беседа, дискуссия. Телевизионная беседа характеризуется вопросно-ответным стилем общения, коммуникативное событие происходит без открытой конфронтации коммуникантов («Larry King Live», CNN, США). В телевизионной дискуссии несколько коммуникантов (полилог), участники являются оппонентами, носителями контрастных точек зрения («Поединок», Россия 1, РФ).

Г. По времени выхода в эфир: утреннее (Good Morning America, ABC, США), **вечернее** («Friday Night with Jonathan Ross», BBC One, США). Такое деление свойственно преимущественно американским ток-шоу, где время выхода в эфир часто анонсируется самим названием: «Позднее шоу с Дэвидом Лэттерманом» (США), «Вечернее шоу с Джимом Кэмероном» (США) и другие. Со временем выхода в эфир часто связаны не только уровень просмотров и рейтинг передачи, но и его тематическая направленность. Так, скандальные ток-шоу чаще показывают в вечернее время, а оздоровительной направленности — в утреннее («Жить здорово!», «Малахов Плюс», Первый канал, РФ).

Д. По географической принадлежности: телемост («Национальный интерес. Телемост Украина — Россия», Россия 1, Украина, РФ), **ток-шоу одной студии** («Good Morning America», ABC, США).

Также возможны и другие критерии деления ток-шоу на виды. К примеру, можно различать ток-шоу в прямом эфире и снятые заранее; интерактивные (ведущий принимает звонки телезрителей, организует голосование в прямом эфире и т. д.) и без участия телезрителей.

Анализируемое ток-шоу «Поединок» с Владимиром Соловьевым по тематике можно классифицировать как общественно-политическое, а по способу организации как дискуссию. Это полилог, в котором ведущий сталкивает двух оппонентов с противоположными точками зрения, включая в спор таких участников, как эксперты и третейский судья. Ток-шоу «Larry King Live» — это диалоговая беседа персонифицированной тематики, передача проходит в виде интервью с яркой и известной личностью.

Рассматривая коммуникативные роли участников на примерах российских и американских ток-шоу, можно выделить несколько классических коммуникативных ролей, на которых базируется жанр:

1. Ведущий.
2. Оппоненты/гости/герои.
3. Эксперты.
4. Зрители (аудитория).

В некоторых случаях в ток-шоу вводятся и другие роли. К примеру, в ток-шоу «Поединок» на телеканале «Россия 1» присутствует роль **третейского судьи**, который ведет наблюдение за происходящим, высказывает мнение о том, справились ли участники передачи со своими коммуникативными задачами, подводит итог передачи.

Ведущий (в англ. языке host) — неотъемлемая часть ток-шоу, его лицо, он реализует цели и задачи ток-шоу. Данная коммуникативная роль может быть осмыслена сквозь призму теории речевого воздействия, ключевым понятием которого является понятие контроля [Fowler, 1979, Баранов, Паршин, 1986; Киселева, 1978]. Ведущий создает и подчиняется речевому плану, который тесно связан с контролем за его осуществлением.

Основная цель ведущего ток-шоу — вызвать и сохранить интерес зрителя к обсуждаемым вопросам. В связи с разнообразием видов ток-шоу, можно выделить как общие, так уникальные задачи ведущего.

Общие задачи ведущего ток-шоу:

1. **Контроль над темой.** Ведущий должен раскрыть актуальную тему с помощью вербального воздействия на собеседников (участников) ток-шоу с помощью различных коммуникативных тактик.

А) **Раскрытие темы.** Ведущий использует вербальные тактики, подталкивает участников ток-шоу к откровенности.

LARRY KING: How would you assess, Mr. Prime Minister, the Obama administration since they've taken office with regard to this issue? Have things moved forward, have they gone backward, have we stayed

mired? («Tony Blair on Mideast Peace Process; Will There Be Mideast Peace?», Larry King Live, CNN, December 12, 2010, 21.00 ET).

Б) **Соответствие теме.** Ведущий поддерживает тему разговора в нужном русле, следит за тем, чтобы участники не отклонялись от темы, а также не сводили ток-шоу к «выяснению отношений».

В. Соловьев: И у вас традиционный конфликт. Включите нас в ваш спор, дайте нам возможность вас услышать. («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

LARRY KING: Prime Minister Barak, Secretary Clinton essentially urged both of you to stop blaming each other and focus on what needs to be done. Can you be more specific in answer to Prime Minister Fayyad's questions about specific? («Tony Blair on Mideast Peace Process; Will There Be Mideast Peace?», Larry King Live, CNN, December 12, 2010, 21.00 ET).

2. **Экономия времени.** Ведущий следит за лимитом времени, предоставляя право высказывания различным коммуникантам ток-шоу, чтобы выслушать точки зрения, а также максимум комментариев и вопросов. Если это диалоговое ток-шоу, ведущий ограничивает по времени затянувшиеся ответы приглашенного гостя, переводит разговор в нужное русло.

В. Соловьев: Спасибо. У вас будет еще время развить свою точку зрения. Прошу, Сергей. («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

3. **Поддержание остроты.** Ведущий высказывает свою точку зрения, уточняет высказывания участников ток-шоу, задает наводящие вопросы, поддерживая или накаляя тем самым остроту передачи, что напрямую связано с удержанием зрительского внимания.

Сергей Митрохин: А я предлагаю снизить цены, не создавая дефицита, не делая подарка спекулянтам, не раздувая коррупцию в нашей стране. Просто цивилизованными экономическими методами снизить цены...

В. Соловьев: Волшебной палочкой? («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

LARRY KING: There is a key thing here, Prime Minister Fayyad, and we ask directly. Do you trust Prime Minister Barak?

LARRY KING: And Mr. Barak, do you trust Salam Fayyad? («Tony Blair on Mideast Peace Process; Will There Be Mideast Peace?», Larry King Live, CNN, December 12, 2010, 21.00 ET).

4. **Подведение итогов.** Ведущий подводит итоги ток-шоу, сводит все точки зрения воедино, высказывает свое мнение на затронутый вопрос. Задача подведения итогов может выполняться

поэтапно на протяжении всего ток-шоу. Иначе эту задачу можно назвать «сведение к общему знаменателю».

Владимир Соловьев: Но это не вердикт. Это всего лишь мнение. Последнее решение в нашей программе за зрителями. И именно их решение мы и ждем («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

В данном случае ведущий уклонился от собственных выводов, предоставляя право оценки итогов передачи зрителям.

LARRY KING: Oh, my God. Who's going to let go? «For Colored Girls» opens tomorrow. Janet Jackson's been our guest. Jeff Bridges tomorrow night. Time now for «AC 360» and Anderson Cooper.

Ведущий резко обрывает передачу, не делая никаких выводов, что является типичным для ток-шоу Ларри Кинга.

5. Общение со зрителями и телезрителями (интерактив).

В. Соловьев: Итак, напоминая нашим уважаемым телезрителям, что они могут поддержать участников голосованием. Прошу поддерживайте («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

LARRY KING: We'll have some more moments with Tony Blair, and then we'll meet two leaders of each side following this. Don't go away (Larry King Live, CNN, Aired December 12, 2010, 21:00 ET).

Переходя к определению задач других коммуникантов ток-шоу, следует отметить, что нужно говорить об атрибутах коммуникативной ситуации, связанных с социальным статусом участников, но не самими коммуникантами как личностями. Вследствие этого необходимо разграничить ситуативные (задаваемые данным коммуникативным событием) и субъективные (свойственные коммуниканту как личности) признаки участников общения [Борисова, 2009: 40]. Именно ситуативные (задаваемые форматом, спецификой данного вида ток-шоу) признаки коммуникантов будут учитываться нами для определения задач участников различных видов ток-шоу (оппонентов-противников, интервьюируемых гостей, героев ярких историй, экспертов, жюри и т. д.).

К примеру, коммуниканты могут реализовывать следующие задачи, продиктованные спецификой жанрового вида ток-шоу:

1. **«Отстоять свою точку зрения».** Каждый оппонент ток-шоу придерживается своей точки зрения, которую он должен отстоять. Его вспомогательные задачи — скрыть слабые стороны, максимально раскрыть сильные стороны своей позиции, раскрыть слабые стороны позиции противника.

Владимир Жириновский: Тогда вы сами призываете нас к социализму, а хвалите рыночника

Митрохина. Вы себе противоречите. Мы не хотим везде вводить замораживание. Только то, что мы кушаем, чтобы не умереть. И временно, на три месяца, и пускай будет рынок. Чтобы люди жили, чтобы им было приятно, чтобы они были здоровые, счастливые.

2. **«Положительный имидж».** Оппоненты ток-шоу, как правило, известные политики, общественные деятели, бизнесмены, и их сверхзадача создать/сохранить положительный имидж вокруг себя, своей отрасли занятий (партии, общественной организации, бизнеса).

Владимир Жириновский: Я же говорю про те магазины, которые под моим контролем.

Владимир Соловьев: Вот он бизнес Жириновского открылся.

Владимир Жириновский: Там сидят они и молчат. Там 17 рублей килограмм («Поединок», Россия 1, от 2.09.2010).

Здесь Владимир Жириновский говорит о том, что в магазинах под его контролем гречка реализуется по прежним низким ценам, тем самым поддерживая имидж «все для народа».

Следует отметить, что классификацию коммуникативных задач участников ток-шоу возможно продолжить в отдельном исследовании.

В целом, исследование привело нас к выявлению некоторых общих задач ток-шоу. Необходимо отметить, что задачи коммуникантов данного телевизионного жанра решаются с помощью определенных коммуникативных тактик и речевых приемов. Проблематика задач коммуникантов в различных видах ток-шоу требует дальнейшего повидового изучения. Также требуют отдельного изучения вербальные тактики коммуникантов в аспекте типичных коммуникативных ролей в ток-шоу.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.— М. : Языки рус. культур, 1999.— 514 с.
2. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации.— 1986.— С. 100–142.
3. Бирбом М. Хозяин ток-шоу // Спутник-ТВ.— 2005.— № 7.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика.— 3-е изд.— М. : Либроком, 2009.— С. 30–40.
5. Вакурова Н. В., Московкин Л. И. Типология жанров современной экранной продукции.— М., 1998.— С. 36.

6. Вартанов А. С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: на телевизионных подмостках : учеб. пособие. — М. : Кн. дом «Университет», 2003. — 319 с.

7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — 5-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

8. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — 160 с.

9. Кузнецов Г. В. Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист. — 1998. — № 11. — С. 59.

10. Longman Advanced American Dictionary. — Longman Pub Group, 2006. — 1748 p.

11. Fowler R., Hodge K. Language and control. — Norwich : University of East Anglia, 1979.

12. Talk show [Электронный ресурс]. — URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Talk_show.

Х. О. Карасаева (Актау, Казахстан)

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

The writer recreates the steppe world not for the sake of exotic. In its stories the thought is traced that the Kazakh ethnos in all its originality makes an organic part of the Euroasian and universal civilization and life.

Keywords: *different national image, imagiology, intercultural relations.*

Процесс глобализации, происходящий в мире, ведет к необходимости межнационального взаимопонимания и расширению межкультурных связей. В условиях интенсивной коммуникации формируется объективное представление о других странах, народах и их культурах, а также возникает необходимость популяризации знаний о собственном культурно-этническом достоянии.

Во времена, когда межнациональные связи еще не были развитыми, литераторы в своих путевых записках и этнографических очерках описывали характер и образ жизни иного этноса, создавая зачастую поверхностные и упрощенные представления о самобытности народов, которые затем превращались в стереотипы. Инонациональный образ должен быть представлен в контексте подлинной инонациональной культуры с тем, чтобы быть правильно понятым «другим», имеющим собственный культурно-исторический опыт и своеобразное эмоционально-образное восприятие.

Потребность в понимании инонациональной образности определила возникновение имагологии, компаративистского «учения об образах», или исследования устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах...» (Ощепков, 2010: 54–55).

Мариус-Франсуа Гийяр в книге «Сравнительное литературоведение» продекларировал принципы имагологии: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния од-

ной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... — в этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований» (Guyard, 1951: 169–185).

Изучение образа «чужого» в общественном, культурном сознании в определенную эпоху способствует преодолению негативных стереотипов и предрассудков, вызванных «искушением ранжировать, уничижительно обобщать, формировать негативный образ иного ради достижения собственных политических целей и удовлетворения собственного, очень часто сопровождаемого комплексом неполноценности тщеславия» (Вульф, 2003: 10).

Образ казахской степи и казаха-кочевника впервые описан русскими путешественниками, как однообразное и безжизненное пространство, населенное кочевыми племенами, способными на разбойные действия. Это объясняется тем, что в XVIII в. отсутствовали достоверные сведения о природных условиях казахского государства, о характере людей, населяющих степь. По той же причине в русской публицистике и художественной литературе преобладал образ дикого и невежественного казаха, далекого от этических норм цивилизации. С середины XIX века казахи стали получать позитивную оценку, хотя критерием являлось усвоение русской культуры.

В произведениях Д. И. Минаева, В. А. Ушакова, В. Даля, И. И. Железнова и др. показаны реалистичные образы, картины казахского общества, детально описаны традиции, обычаи

и ритуалы, изложены романтические легенды и предания кочевников.

Эти и другие авторы внесли свой вклад в создание позитивного образа казахской степи, являющегося компонентом общепринятого представления о сохраненной традиционной культуре со всеми ее ценностями, казахском обществе, как евразийской цивилизации кочевников с ярко выраженной системой культурно-исторических, морально-нравственных ценностей, государственностью и общественным устройством, в котором высоко ценилось человеческое достоинство.

Евразийский позитивизм Владимира Даля к «диким» народам прослеживается во всем его творчестве, и он не случаен. В течение восьми лет своей службы в Оренбурге писатель не раз совершал путешествия вдоль реки Урал, заезжая в степные аулы, в Букеевскую орду, добираясь до самого Каспия, до Гурьева. В своих поездках по аулам и стойбищам писатель знакомится с нравами, культурно-бытовым укладом жизни казахских родов, с богатейшим народным творчеством, записывая сказания и песни акынов. Даль пишет о степи: «Край здешний, необыкновенный, странный и многообразный... Быт и жизнь этого народа цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинками». Гостеприимство и хлебосольство писатель называет основой уклада местного населения: «...вы можете завязать и, пожалуй, запечатать кошелек, ... никто не возьмет платы за съестные припасы, радушно вам предлагаемые» [Даль, 1995: 132]. В то же время В. Даль не умалчивает тяжелую жизнь казахской бедноты под двойным гнетом, с одной стороны, власти феодально-байской верхушки, а с другой — беспощадного надзора царских чиновников. Уже в то время традиционному занятию казахов, как кочевое скотоводство, учинялись запреты и ограничения, среди которых сужение привычного пространства джайлау для выпаса скота. В связи с этим часть казахского населения переходила к оседлости, осваивая навыки ремесла хлебороба в суровых условиях степи. Акын Махамбет Утемисов писал оренбургскому генерал-губернатору Перовскому: «...пришли праведных чиновников, которые бы вникли в бедственное положение... Особенно мы желаем, чтобы жалобы наши были исследованы господином подполковником Далем» (Махамбет, 1962:5). Писатель пользовался огромным уважением среди казахов за свою человечность, доброту и искренний интерес к степному краю.

Писатель воссоздает мир степи не ради экзотики, в его повестях прослеживается мысль, что казахский этнос при всем своеобразии составля-

ет органическую часть евразийской и общечеловеческой цивилизации, бытие, материальный и нравственный уклад жизни которого закономерны и самоценны.

В творчестве В. Даля заметна своей самобытностью повесть «Бикей и Мауляна», сюжетно перекликающаяся с известными в мировой литературе произведениями о юных возлюбленных. Бикей — юноша, соответствующий всем требованиям к казахскому батыру «сегіз кырлы, бір сырлы», что подразумевает многогранно талантливого человека с чистой и честной душой. Красота души Мауляны раскрывается через мотив ее причастности к народной культуре. Бикей впервые увидел Мауляну во время игры кыз-куу — «догони девушку», и полюбил ее. Но любви не суждено сбыться: у Бикей уже есть нареченная невеста, а Мауляна засватана за брата Бикей Джан-Кучука. Семейно-родовые традиции стоят на их пути, они непреодолимы, герои погибают.

Этнокультурный компонент органично вошел в поэтику повести, отражаясь в сюжете, характерах героев, мотивации их чувств и поступков, описаниях быта. Именно эти традиции объясняют поступки героев. Так, в основе создания образа Исянгельды автор воплотил незыблемость векового партиархально-родового уклада степняков, все его поступки объясняются его положением главы семейства и рода. В образах Бикей и Мауляны воплощены лучшие качества кочевников. Бикей проявляет безусловное уважение к аксакалам (родовые старшины), прежде всего к отцу, беспрекословно соблюдает традиционные обряды. Мауляна же научена традиционному хозяйствованию, ее внутренний мир определен народной культурой.

В то же время В. Даль показывает своих героев незаурядными личностями, которые могут поступить вразрез с традициями, когда дело касается жизненных принципов. Бикей женится по любви, дружит с русскими, не желает подчиняться несправедливому разделу имущества в семействе. В любви Мауляна также поступает не по степным правилам: после смерти Бикей не соглашается стать женой его убийцы Джан-Кучука и ищет защиты у русской власти.

Без высокомерия европейца к «дикому» миру В. Даль описывает своеобразие степного правления, юридических норм, торговли, родовых обычаев, при этом он замечает и негативные стороны степной жизни и традиций, такие как имущественное расслоение казахского общества, незыблемый партиархально-родовой уклад, барымта — угон скота и др.

В. Даль со знанием дела рассуждает о традициях и обычаях казахского народа, описывает

обряды сватовства, ритуалы поминок, национальные игры: ат шабыс (скачки), курес (борьба), кыз куу (догони девушку), о национальной еде, а также довольно уместно использовал этнокультурный смысл символики некоторых атрибутов обихода казахов. Например, головной убор сауке-ке является символом юной девушки, Бикей сообщает своему отцу, что собирается сделать бесік (колыбель), что означает достижение мужчиной самостоятельности и готовности создать семью.

Стилистика авторской речи восходит к восточному красноречию, заметно, что писатель освоил казахскую пословичную традицию и реализовал ее в афористичной речи персонажей, в которой преобладают метафоры и эпитеты из мира природы, степи.

Впервые в казахских повестях В. Даля рельефно и красочно показаны самобытный образ жизни, обычаи, традиции казахов. Прогрессивные взгляды Владимира Даля выразились в стремлении создать у соотечественников адекватное

представление о казахской действительности, образе казаха-кочевника, закладывая основы будущих позитивных евразийских межнациональных и межкультурных отношений.

Список литературы

1. Даль В. (Казак Луганский). Полное собрание сочинений : в 8 т.— М., 1995.— 330 с.
2. Махамбет. Ереулы атка ер салмай... Олендер.— Алматы, 1962.— 160 с.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / предисл. А. Миллера.— М., 2003.— 139 с.
4. Ощепков А. Р. Имагология в курсе «теория культуры» // Высшее образование для XXI века : докл. и материалы VII Междунар. науч. конф. Москва, 18–20 нояб. 2010 г.— Сек. 6. Высш. образование и мировая культура.— Вып. 2 / отв. ред. Вл. А. Луков, Н. В. Захаров.— М., 2010.— С. 54–55.
5. Guyard M.-F. La littérature comparée.— Paris, 1951.— 188 с.

Е. В. Козловская (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Given article is devoted to consideration of features of a mythological picture of the world in Spanish linguoculture, to spheres of the use of given lexical units in an everyday life of the Spanish people and to their reflection in culture of Iberian peninsula.

Keywords: *mythology, linguoculture, symbol.*

Своеобразная картина мира присуща любой социальной общности — от нации или этноса до социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Мифологическая картина мира старается объяснить какое-либо событие в аспекте мифологии, а значит, рассказать о том, как оно произошло, как оно было сделано, сотворено в прошлом. Вся система мифологического объяснения построена на убеждении в реальности мифа. Важно также отметить, что мифологическое объяснение есть некоторое повествование, развернутый рассказ о совокупности и последовательности прошлых событий. Повествовательность мифа стала источником народных эпосов, легенд и преданий.

Проблема «Миф и язык» приобретает особую актуальность, так как имеет целью осмысление этнокультурных истоков национального менталитета. Исследование испанской языковой картины мира в этом отношении представляет несомненный интерес, поскольку испанская менталь-

ность базируется на уникальном синтезе язычества и католичества, послужившем основой народного мифотворчества.

Легенда о Георгии и змее (драконе) отражена в мифологии всех европейских стран. Наибольшую популярность она приобретает во времена крестовых походов, хотя в привычном для нас виде (с некоторыми изменениями) существовала еще в византийской традиции. Сюжет о спасении христианским рыцарем языческой принцессы от чудовища активно использовался христианской церковью для пропаганды торжества истинной веры (неслучайно легенда всегда заканчивается обращением язычников в истинную веру). В многочисленных народных сказках-переложениях легенды о Георгии и драконе элементы сакрального значения подменялись более заземленными: убив дракона, рыцарь в награду женится на принцессе (как, например, в баскской легенде «*Sant Jordi y el dragón*»).

В данной легенде не случайно в качестве «воплощения зла» выступает дракон, прообразом которого является змея (в религиозной литературе — змей). Змея считалась находящейся в постоянном контакте с тайнами земли, вод, тьмы и загробного мира — одинокая, хладнокровная, скрытная, часто ядовитая, стремительно передвигающаяся без ног, способная проглатывать животных во много раз больше себя и омолаживаться, сбрасывая кожу. Змея имеет двойственную репутацию, является источником силы, если ее правильно использовать, но потенциально опасна и часто — эмблема смерти и хаоса, так же как и жизни. Изображения змеи, прибитой к кресту, которые встречаются в средневековом христианском искусстве, и таким образом, стали символом воскрешения и превосходства духа над плотью.

Двойственность репутации змеи, ее символизм, балансирующий между страхом и поклонением, повлияли на то, что она предстает то в образе прародителя, то в образе врага, считается то героем, то монстром. В иберийской мифологии символизм змеи по большей части отрицательный. Причина этого в ее раздвоенном языке, заставляющем предполагать лицемерие и обман, и яде, приносящем неожиданную и мгновенную смерть.

По библейскому сюжету Ева, по убеждениям Змея, предложила Адаму запретный плод (символ святотатственной попытки обрести божественную власть). Отсюда и христианская традиция, представляющая змея как врага человечества и даже идентифицирующая его с сатаной. Поэтому в западном искусстве змея стала основным символом зла, греха, искушения или обмана. Ее изображали у подножия креста в качестве эмблемы первородного греха, в сценах искушения Христа, а также под ногой у Девы Марии.

В легенде «*Sant Jordi*» мы можем видеть эту двойственность змеиной природы в отрывке, который нам повествует о том, что когда дракон был убит и из его ран начала сочиться кровь, то из этой самой крови вырос розовый куст, который явился символом любви и жизни: «*La sangre brotaba de un sinnúmero de heridas tiñiendo de rojo la tierra y corría por los regueros de camino hasta concluir formando un enorme charco que dió origen a un frondoso rosal, de aquellos que conseguían hacer brotar rosas rojas durante todo el año como símbolo del amor*» [Оболенская, 2004: 51]. (*Кровь из ран дракона текла ручьем, окрашивая землю в красный цвет, и, в конце концов, образовалась огромная лужа, на месте которой вырос пышный розовый куст, цветы которого цвели круглый год и являлись символическим воплощением любви*).

Также не случайны розы, которые вырастают на чудесном кусте, красного цвета. Если мы вспомним, что красный цвет также имеет свои характеристики, то у нас получится, что красный цвет (в данном случае, это цвет роз, появившихся из крови змея) является цветом, с одной стороны, упорства, лидерства и любви. А с другой, это символ борьбы, жестокости и разрушения. В христианстве красный цвет обозначает радость и любовь, а в мифологии — жестокость. На примере легенды «*Sant Jordi*», мы можем видеть, как два этих по природе своей несовместимых понятия уживаются в одном мифологическом персонаже (сам дракон — это жестокость и кровопролитие, а его кровь дает начало новой жизни и радости).

Религиозность испанцев отразилась в мифологии не только в виде символов (таких как змей, дракон и т. д.). В испанских легендах часто встречаются упоминания о святых или о чудесах, которые способны творить образы Девы Марии и Христа. Яркими примерами таких легенд могут послужить «*¡Que me vuelva piedra!*» (Страна Басков) и «*La campana de Nájera y la Virgen de la Terraza*» (Наварра).

«*¡Que me vuelva piedra!*» — типичная легенда «высшей» мифологии, где рассказывается, как одна знатная дама из-за своей прихоти совершает святотатство (она сняла со статуи Девы Марии в храме драгоценные четки и затем, когда ее стали обличать в воровстве, она принесла ложную клятву, утверждая, что она не делала этого) и несет за это суровое наказание.

«— ¡Que me vuelva piedra! Dijo señora e inmediatamente se cumplió el castigo» [Оболенская, 2004: 21]. (— *Да чтоб мне в камень превратиться! — сказала сеньора, и тот час же ее слова воплотились в жизнь*).

Мораль мифа учит, что храм и все, что в нем находится, свято, не должно быть осквернено и что, совершив греховный поступок и раскаявшись, человека имеет надежду на прощение. Но если грешник отказывается признавать очевидное даже перед лицом справедливости, то понесет наказание. Тот факт, что эта дама превращается именно в камень, не удивителен. В библейских сюжетах мы можем найти достаточно примеров, когда неисправимые грешники превращались в камень или становились недвижимы. Тем самым это является неким символом того, что их полная грехов жизнь больше не может продолжаться и, достигнув крайней точки, замирает, чтобы остановить непрерывную цепь приводящих в ужас деяний.

Во второй легенде — «*La campana de Nájera y la Virgen de la Terraza*» — сюжет более сложный. Сначала описывается охота с ястребом королевской свиты на куропатку. В начале все видят ход действия, но потом охотник и добыча пропадают из виду. И после недолгих поисков король и его свита находят обоих в скрытой в чаще леса пещере, где ястреб и куропатка дружелюбно стоят рядом друг с другом возле образа Девы Марии.

«*Pero lo que causó el asombro de todos fue ver que a los pies de la Virgen estaban el azor y la perdiz en amigable compañía*» [Оболенская, 2004: 29]. (*То, что ястреб и куропатка казались друзьями, находясь у подножия статуи Девы Марии, вызвало всеобщее удивление*).

В этом отрывке мы можем видеть совершенно не укладывающуюся в голову сцену: хищник и его добыча мило стоят рядом друг с другом. И тут же можно пояснить, почему это происходит. В христианской традиции все равны перед лицом Бога, и поэтому даже непримиримые враги ведут себя как лучшие друзья. Соперничество, вражда... — всё теряет смысл. Куропатка — существо безобидное и пугливое, которое пытается спасти себе жизнь, находит защиту у образа Святой Девы, который умиротворяет строптивого и беспощадного охотника и хищника от природы, каковым является ястреб. Куропатка также своего рода символ покорности и смирения. Сокол же воплощение гордости, силы и жестокости, которая склоняет голову перед кротостью.

Заканчивается легенда тем, что король при-

казывает построить на этом месте монастырь и сделать следующую надпись на одной из часовен: «*Mente sana y espontánea: honor a Dios y libertad a la patria*» [Оболенская, 2004: 29], что означает: «*Здоровый и вольный дух: во славу Бога и свободы родины*». Это также можно интерпретировать, но уже с исторической точки зрения. В легенде речь идет о короле Наварры — Гарсия Санчесе III, названном «из Нájеры» (1035–1054), т. к. его двор располагался в г. Нájера. Король Гарсия сражался за независимость Наварры со своими братьями Рамиро I Арагонским и Фердинандом I Кастильским и победил их в главных битвах при Тафалье и Атапуерке соответственно.

В этом случае несчастная куропатка, нашедшая спасение у ног образа Святой Девы, олицетворяет собой Наварру, которая благодаря милости Божьей смогла добиться независимости.

Особенности мифологической картины мира отражаются не только в испанской культуре (приметы, суеверия, поговорки и т. д.), а также, как мы можем видеть, и в религиозном мировоззрении испанцев.

Список литературы

1. Оболенская Ю. Л. Легенды и предания народов Испании. — М. : Высш. шк., 2004. — 130с.
2. Espinosa A. M. E. Cuentos populares españoles. — Salamanca, 1996.
3. Baroja J. C. Del viejo folclore castellano: páginas sueltas. — Salamanca : Centro de Cultura Tradicional, 1989. — 274 p.

А. С. Корж (Красноярск, Россия)

СИТУАЦИИ «ОБВИНЕНИЕ» И «ИЗВИНЕНИЕ»: СОЦИАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

In the middle of the 19th century against the background of many historical events, social conditions and innovative scientific world views a new approach—anthropological—appeared in linguistics. It involved studying human activity through the language, and studying the language — through human activities. According to E. Benveniste this emerging approach was called a new “linguistic turn” — an appeal to “a man in the language”. A growing interest in communicative activities in general, as well as in cross-cultural communication, led to the relevance of the research and analysis of such concepts as “blame” and “apology” as well as social and behavioral situations “blame” and “apology”. This will help to understand better the process of linguistic communication links between the psychological and social organization of a person to their ways of speech communication, enabling them to function in society.

Keywords: *concept, socio-evaluative concepts, anthropological linguistics, concept «blame», linguo-culture.*

В середине XIX в. на фоне многих исторических событий, социальных условий и новаторских научных мировоззрений в лингвистике на-

мечается новый подход — антропологический — предполагающий изучение деятельности человека через язык, а языка — через деятельность

человека. По словам Э. Бенвениста, этот зарождающийся подход назван новым «лингвистическим поворотом» — обращением к «человеку в языке» [Бенвенист, 2002: 448]. Всё больше известных ученых отводят ключевое место в своих работах анализу чувств через язык. Это, в свою очередь, привело к настоящему концептуальному буму, что отразилось в произведениях русских и зарубежных классиков — Достоевского, Чернышевского, Уайльда, обративших свое внимание к базовым концептам культуры — вине, греху, стыду и другим.

Концепт является одним из ключевых понятий лингвокультурологии. Термином «концепт» в европейской лингвистической традиции называют понятие. Латинское слово *conceptum* означает «зерно, зародыш». Концепты как единицы картины мира обладают значимостью для отдельной языковой личности и для всего общества.

В настоящее время появляется всё больше работ, посвященных анализу разнообразных концептов, категорий, прототипов в различных языках. Концептуальный анализ предполагает рассмотрение не только сугубо лингвистического аспекта, но и различных культурных и социальных предпосылок формирования этих концептов. И, прежде всего, концепты — это некие этические категории, связанные с духовной жизнью народа. Решению проблем реализации культурных аспектов посвящены многочисленные работы А. Вежбицкой. Исследователь выделяет «ключевые слова» как некоторые лексические единицы языка, которые служат ключом к пониманию данной культуры. История ключевых слов есть история нашего мировоззрения, составная часть этого мировоззрения в настоящее время.

Анализ чувств у А. Вежбицкой основан на описании «когнитивного сценария» конкретного чувства, т. е. характеристика типичной ситуации, в которой возникает данная эмоция, а также связанных с ней мыслей и желаний субъекта [Вежбицкая, 2001: 123]. Мы считаем данный подход достаточно эффективным при описании культурных концептов, так как, чтобы сделать возможным межкультурное сопоставление и избавиться от эгоцентричной предвзятости, важно сформулировать культурные правила в терминах универсальных человеческих понятий. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения сохранился богатый коллективный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Национальная специфика речевого этикета в каждой стране чрезвычайно ярка и уникальна, потому что на неповторимые

особенности языка накладываются особенности обрядов, привычек, всего принятого и непринятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете. Поведение людей подчиняется определенным правилам. Среди этих правил есть нормы, свойственные всему человечеству, или группам культур, объединяемым в тот или иной тип цивилизации (такой, как цивилизация современной Западной Европы и Северной Америки, цивилизация Юго-Восточной Азии и т. д.), или национальным культурам (на этом основаны стереотипы поведения, например, «типичного англичанина», «типичного француза» и т. д.). Такие нормы свойственны также субкультурам (к ним относятся поведение и стиль жизни студенческой молодежи, представителей среднего класса и т. д.) или отдельным людям (эти нормы составляют неповторимый личностный узор человеческих поступков и мнений). Специфические нормы поведения проявляются в стиле жизни речевого коллектива и поэтому находят отражение в словарях и в системе паралингвистических средств общения (к ним относятся звуковые средства, сопровождающие речь, мимика и жесты). Нормы поведения составляют часть тех культурных реалий, которые рассматриваются в лингвострановедении, лингвистике, стилистике, прагматике и других науках и учет которых весьма важен для обучения общению на иностранном языке.

Каждой культуре свойственен свой набор концептов, на которых основываются базовые лингвистические и культурологические знания об этой культуре. Некие концепты, такие, как концепт «госпел» (западная культура) или концепт «соборность» (славянская культура), являются уникальными, свойственными лишь определенной культуре, и пока не вышли за ее пределы, хотя и имеют некие аналоги в другой культуре. Но в большинстве своем концепты являются универсальными единицами, понятными и принятыми в совершенно разных культурах, и входят в состав базовых культурных ценностей разных наций. К таковым относятся концепты «стыд», «грех», «нравственность», «вина» и другие.

Именно поэтому мы рассматриваем концепт «вина» в русском и английском языках как явление, неразрывно связанное с культурой и как универсальное человеческое чувство, свойственное человеку как члену общества. Несмотря на то что концепт «вина» находит свое отражение в каждой культуре, для русской и английской культур оно имеет особое значение.

Выделяются базовые концепты русской культуры, в частности, «правда», «закон», «любовь», «ложь», «надежда», «душа» и т. д. Эти мировоззренческие категории присутствуют во всех языках, однако, безусловно, они отличаются и обладают национальной спецификой. К числу ключевых концептов культуры, с нашей точки зрения, принадлежит и «вина». Принадлежность данного понятия к ряду ключевых концептов культуры подтверждается обилием связанных с ним пословиц, поговорок, крылатых выражений, метафорических высказываний, например: *Вина на вину, а грех на грех не приходится; Не всякая вина виновата; Была вина, да прощена* и т. д. Понятия, обозначаемые словами гнезда корня *вин-*, характеризуют нравственные представления людей. Вина — один из основных постулатов русского менталитета, она стоит в ряду с такими понятиями, как Бог, духовность, любовь и т. д. Изучение слова «вина» в диахронном аспекте позволяет получить информацию об особенностях мировосприятия людей разных поколений.

Многие исследователи отмечают важную роль вины и в английской культуре. Видный английский философ-моралист Дж. Остин (J. L. Austin), идеи которого оказались весьма плодотворными и для лингвистов, опубликовал значительное исследование, посвященное выявлению и сглаживанию вины («A Plea for Excuses»). В самом начале он написал: «Предмет настоящей работы — извинения — [...] является или может стать именем целой отрасли философии, даже и весьма разветвленной» [Austin, 1961: 2].

Итак, концепт «вина» можно отнести к ряду социо-оценочных концептов (напр., «стыд», «позор», «совесть» и др.), которые регулируют отношения человека с социумом. По данным Большой советской энциклопедии, «под виной обычно понимается внутренняя, субъективная сторона вредоносного или общественно опасного действия или бездействия, нарушающего правовую норму, психическое отношение лица к характеру совершаемого им действия и к его последствиям» [Большая советская энциклопедия, 2009]. То есть в ситуации вины главным условием является взаимодействие человека с обществом, установившим определенные правила. Как известно, чувство вины является условием успешности извинения для русского речевого общения, что будет подробно рассмотрено нами в дальнейшем исследовании концепта «вина». В английской культуре чувство вины, которое зачастую заставляет говорящего приносить извинения за поступки, кото-

рых он не совершал, но считает себя ответственным за отрицательное состояние адресата, также играет важную роль.

Что касается поступков, вызывающих чувство вины, то они исторически изменчивы и зависят от эволюции норм морали. В словаре В. И. Даля вина определяется как «провинность, проступок, преступление, прегрешение, грех (в знач. проступка), всякий недозволенный, предосудительный поступок». Вина рассматривается в сопоставлении с такими концептами, как преступление, грех и др. [Даль, 1978].

На данный момент мы определили возможные варианты реализации рассматриваемого нами концепта в языке, проведя, таким образом, социолингвистический анализ, и пришли к выводу о том, что реализация концепта «вина» в языке — это некий сценарий ситуаций «обвинение» и «извинение». Ситуация «извинение» занимает немаловажное место в русской и англо-американской лингвокультурах. Анализ концептов сопоставляемых лингвокультур дает ключ к пониманию фундаментальных ценностей и специфики духовности носителей русского и английского языков, и это может быть мотивом для рассмотрения не только понятия вины, но и ситуации ее выявления и особенно сглаживания с позиции адресата и автора извинения. Результатом исследования может стать следующая типология ситуаций «извинение» и «обвинение» для русского и английского языков:

- 1) с позиции автора обвинения/извинения;
- 2) с позиции адресата обвинения/извинения;
- 3) с позиции третьего участника коммуникации (свидетеля обвинения/извинения).

В свете вышеизложенного наибольший интерес для нас представляет изучение концепта «вина» как неотъемлемого элемента семантических ситуаций «обвинение» и «извинение», что является актуальным также и из понимания ценности самого акта извинения, тесно сопряженного с прощением, что особенно важно для русской культуры.

Проведенный анализ позволил нам сделать следующий вывод: для человека, принадлежащего к русской культуре, положительный имидж важнее, чем для человека американской или английской культуры, тогда как отрицательный имидж играет для англо-американцев не столь большую роль. Таким образом, вежливость русских в большей мере является «вежливостью сохранения солидарности», т. е. позитивной вежливостью, чем англоязычная «вежливость сохране-

ния дистанции» или негативная вежливость. Концепт «вина» имеет огромное значение для обвинения и извинения, чувство вины является условием успешности извинения для русского речевого общения. Такое национально-культурное осознание актуально в наше время, когда несколько по-новому оцениваются те или иные аспекты и факты истории нашего государства и общества, отношения между целыми его слоями или отдельными индивидами. С другой стороны, исследование концепта «вина» и семантических ситуаций «обвинение» и «извинение» представляет значительный интерес и важность в аспекте межкультурной коммуникации для преодоления межкультурных коммуникативных неудач как в личном, индивидуальном, так и в официальном общении.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика.— М. : УРСС, 2002.— 448 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс].— 3-е изд.— М. : Сов. энцикл., 1969–1978.— 30 т. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/Ви/16?q=>
3. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики.— М. : Познание, 2001.— 123 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс].— 7-е изд.— М. : Рус. яз., 1978.— URL: <http://www.slovardalja.net/word.php?wordid=3219>
5. Austin J. L. A Plea for Excuses. Philosophical Papers / ed. J. O. Urmson & G. J. Warnock. Oxford : Oxford University Press, 1961.— С. 2.

Н. С. Котова (Челябинск, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЦВЕТЫ» (на материале англоязычных словарей)

This article is devoted to the analysis of the semantic fields that are used in order to reveal the peculiarities of cognition of a certain cultural society, to define the content of the concept “flower” and to verbalize it. Firstly we speak about the definition of the main notions. Then we pass over to the illustration of the main ideas of the author by providing the data from several dictionaries. In conclusion we present the model that we used in describing the structure of the concept “flower”.

Keywords: *concept, concept-sphere, semantic sphere, semantic field, flower.*

Термин «языковая картина мира» связывает язык с мировидением, с тем или иным способом концептуализации окружающей действительности при помощи языковых средств. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка.

Составной частью семантического пространства языка является семантическое поле отдельного взятого концепта. Его изучение позволяет выявить особенности когнитивной деятельности определенной этнической группы и конкретизировать содержание знаний рассматриваемой концептосферы [Попова, Стернин, 2002: 13].

Термин «семантическое поле» имеет множество определений.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре находим следующее определение семантического поля — это совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство

обозначаемых предметов [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 380].

Семантическое поле характеризуется связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей. Наиболее общие типы связей — это связи парадигматического типа (синонимические, антонимические, родо-видовые и др.). Например, группа слов **цветок**, **корень**, **стебель**, **лист** и т. д. может формировать как самостоятельное семантическое поле, объединённое отношением «часть—целое», так и входить в состав семантического поля **цветы**. В этом случае лексема **цветок** будет служить гиперонимом для таких лексем, как лютик, фиалка, нарцисс и т. д.

Семантическое поле также характеризуется взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка [Лингвистический энциклопедический словарь,

1990: 381]. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Элементы отдельного семантического поля связаны регулярными и системными отношениями, и, следовательно, все слова поля взаимно противопоставлены друг другу. Семантические поля могут пересекаться или полностью входить одно в другое. Значение каждого слова наиболее полно определяется только в том случае, если известны значения других слов из того же поля. Отдельная языковая единица может иметь несколько значений и, следовательно, может быть отнесена к разным семантическим полям. Семантический признак, лежащий в основе семантического поля, может также рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и с его опытом.

Наряду со значительными по объёму полями в их составе выделяются различного рода обзоримые микрополя. Наиболее простая разновидность микрополя — это лексико-семантическое поле, единицами которого являются лексемы, принадлежащие к одной части речи и объединённые общей категориальной семой в значении. Такие поля нередко также именуются семантическими классами или лексико-семантическими группами. Примером минимального семантического поля парадигматического типа может служить синонимическая группа.

Таким образом, лексические единицы входят в семантические поля на основании того, что:

1) обладают общим (интегральным) семантическим признаком, объединяющим все единицы поля и выраженным лексемой с обобщённым значением (в нашем случае можно выделить значение «растение, которое имеет цветы»). Например, роза, лилия, незабудка, тюльпан, daisy, daffodil, bluebell etc.— входят в семантическое поле названий цветов как имеющие общую архисему. В соответствии со **Словарём русского языка** С. И. Ожегова это «растение с органами размножения в виде зелёной чашечки, ярко окрашенного венчика из лепестков вокруг пестика и тычинок» [Ожегов, 1988: 712] или в **Толковом словаре русского языка** под редакцией Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка, т. 4, 2000 : 1204]: «растение, имеющее органами размножения цветки» и reproductive organ in plants, blossom (репродуктивный орган в растениях, цветок) в **Оксфордском этимологическом словаре** [Oxford Dictionary of English Etymology, 1992: 364];

2) частные (дифференциальные) признаки (от одного и более), например, «красота» (красивый/

страшный), «свежесть» (увядший/цветущий), аромат (душистый/кислый), «характеристика поверхности» (нежный/колючий).

Общий семантический признак, объединяющий элементы конкретного семантического поля, в других семантических полях того же языка может выступать как дифференциальный. Например, признак «место произрастания, садовые», объединяющий такие существительные, как «роза», «гладиолус», «тюльпан», «гвоздика», становится дифференциальным при переходе к семантическому полю, включающему обозначения других отношений, например, по признаку натуральный/искусственный: искусственный, бумажный, каменный, засушенный и т. д. Это проявление иерархического вида связи между единицами семантического поля.

Единицы семантического поля могут также различаться стилистическими, узуальными, деривационными и коннотативными компонентами значения. Например, словосочетание «black rose» может обладать дополнительным коннотативным значением — отрицательной экспрессивностью.

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента.

Обратимся к источникам, которые описывают структуру семантического поля *flower* в английском языке. Для этого нами были проанализированы данные нескольких словарей — тезаурусов: **Roget's International Thesaurus**, **Roget's Pocket Thesaurus**, **Collins Paperback English Thesaurus**. В тезаурусе **Roget's International Thesaurus**, кроме перечисленных синонимов и производных от существительного *flower*, указаны и другие части речи, а также смежные понятия.

Roget's International Thesaurus:

Flower (цветок): posy, blossom (цветок, расцвет), bloom (цветок, цветение, расцвет), blow, floweret (цветочек), floret (цветочек), floscule (цветочек, отдельный цветок), wildflower, wild flower (дикий цветок), gardening (садоводство), horticulture (садоводство), floriculture (цветоводство), hortorum (сад).

Flower arrangement (композиции из цветов): bouquet (букет), posy (букетик цветов), posy (маленький букет цветов), boughpot (букет цветов), boutonniere (бутоньерка), buttonhole (петля), corsage (букетик на корсаже женского платья), spray (украшение в виде букета или веточки), wreath (венок), festoon (петля), garland (гирлянда), chaplet (венок), lei (гирлянда цветов для ношения на шее).

Flowering (цветение): florescence, efflorescence, flowerage, blossoming, blooming, inflorescence, blossom, bloom, blowing, blow, unfolding, unfoldment, anthesis, full bloom (цветение, расцветание, расцвет).

Types of inflorescence (виды цветения): raceme (кисть, гроздь), corymb (щиток), umbel (зонтик), panicle (метёлка), cyme (щиток, полужонтик), thyrse, spadix (початок), verticillaster (полумутовка), head (головка), capitulum (головка), spike (колос), spikelet (колосок), ament (серёжка), catkin (серёжка), strobile (шишка), cone (шишка, колосок), pine cone (сосновая шишка).

Flower parts (части цветка): petal (лепесток), perianth (околоцветник), calyx (чашечка), epicalyx (наружная чашечка, подчашие), corolla tube (венчик), corona (корона, венец), androecium (андроцей), anther (пыльник), stamen (тычинка), microsporophyll (микроспорофилл), pistil (пестик), gynoecium (гинецей), style (столбик), stigma (рыльце, стигма), carpel (плодолистик, плодник), megasporophyll (мегаспорофилл), receptacle (цветоложе, цветоножка), torus (ложе, цветоложе).

Verb (глагол): flower, be in flower, blossom, bloom, be in bloom, blow, effloresce, floreate, burst into bloom (цвести).

Adjectives (прилагательные): floral (цветковый), flowery (цветочный), florid (цветистый), flowered, floreate, floriate, floriated (с цветочным орнаментом, украшенный цветами); flowering, blossoming, blooming, abloom, bloomy, florescent, inflorescent, efflorescent, in flower, in bloom, in blossom (цветущий); floricultural (цветоводный), uniflorous (одноцветковый), multiflorous (многоцветковый); radicleflorous, rhizanthous (образующий цветки от корня); garden, horticultural (садовый), hortulan (садовый, садоводческий).

Spheres of usage (сферы употребления): agriculture (сельское хозяйство), horticulture, gardening (садоводство).

Horticulture (садоводство): landscape (ландшафт), gardening (сад), landscape architecture (ландшафтный дизайн), grounds-keeping (землеустройство); truck gardening, market gardening, olericulture (выращивание овощей на продажу, огородничество, товарное овощеводство); flower gardening (цветочный сад), flower growing (выращивание цветов), floriculture (цветоводство), viticulture, viticulture (виноградарство, витикультура), orcharding, fruit-growing, pomiculture (плодоводство); citriculture (цитрусовое садоводство).

Garden (сад): jardin (сад), bed (клумба, грядка), flowerbed (клумба), border (бордюр), ornamental border (декоративный бордюр), paradise, garden

spot (садовый участок), vineyard, vinery, grapery, grape ranch (виноградник).

В данном словаре приводятся также многочисленные наименования цветов [Roget's International Thesaurus, 1992: 241].

В словаре **Roget's Pocket Thesaurus** наблюдается аналогичная тенденция: кроме перечисленных синонимов, составляющих базисный уровень, учтён деривационный принцип и смежные понятия. Так как основные разделы данного словаря совпадают с приведёнными выше, обратим внимание только на дополнительные подгруппы. Сюда относятся:

Verb (глагол): vegetate, grow, flourish (произрастать, расти, разрастаться), bud (давать почки, расцветать), timber (крепить), retimber (перекреплять), plant (сажать), trim (подрезать, подстригать), graft (прививать), prune, cut (обрезать, подрезать).

Management of plants (виды работ с растениями): cultivation (разведение), husbandry (земледелие), faming (прославление), tillage (обработка почвы), vintage (сбор винограда), arboriculture (древоводство, лесоводство), forestry (лесничество, лесное хозяйство).

Types of gardens: botanic (or flower, kitchen, market, truck) garden (ботанический, сад цветов, палисадник, огород для выращивания на продажу); nursery (питомник, рассадник); greenhouse, hothouse, conservatory (оранжерея, теплица); grassplot (газон, искусственная лужайка), lawn (лужайка), shrubbery (кустарник), arboretum (дендрарий), orchard (фруктовый сад), orangery (апельсиновый сад).

В словаре **Collins Paperback English Thesaurus** помимо синонимов и однокоренных слов приведены ещё и ряд антонимов прилагательного *flowery*.

Flowery: austere (строгий), bare (голый, пустой), basic (основной), modest (скромный), muted (приглушённый), plain (простой, незамысловатый), restrained (сдержанный, умеренный), simple (простой), Spartan (спартанский), unadorned, unembellished (неукрашенный).

В словарях указаны практически все составные части цветка, названия сортов, профессии, заведения и мероприятия, места произрастания, виды композиций, правила ухода, продукты потребления, связанные с использованием цветов. Приведённые выше семантические поля позволяют сделать некоторые выводы о содержании концептосферы «цветы», а также и о национально-культурной специфике англоязычного культурного сообщества.

Распространённость флоронима *flower* в английской языковой картине мира указывает на трепетное отношение к садоводству.

Практически каждый представитель данного лингвокультурного сообщества имеет сад на приусадебных участках, клумбы и комнатные растения. Цветами украшены и фасады домов, а также бордюры вдоль тротуаров. К растениям зачастую относятся как к членам семьи. В результате фонд английского языка содержит большое количество лексем, описывающих садоводство, а именно процесс разведения цветов, сорта, виды, различные приспособления, цветочные шоу, наименования профессий и т. д.: *cut-flower cleaner* установка для очистки цветов; *cut-flower industry* — промышленное выращивание цветов на срезку; *cut-flower packing machine* — машина для упаковки срезанных цветов; *cut-flower production* — производство цветов на срезку; *cut flower* — срезанные цветы; *flower bed* — цветочная грядка, цветник, клумба; *flower market* — цветочный рынок; *flower girl* — цветочница; *flower show* — выставка цветов; *flower-stand* — жардиньерка, подставка для цветов; *flower-laying ceremony* — церемония возложения цветов.

Список литературы

1. Беленко Е. В. Концептосфера «продукты питания» в национальной картине мира : дис. канд. филол. наук.— Челябинск, 2006.— 274 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка.— 20-е изд., стер.— М. : Рус. яз., 1988.— 750 с.
3. Стернин И. А., Попова З. Д. Язык и национальная картина мира.— Воронеж, 2002.— 60 с.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова.— М. : Астрель, АСТ, 2000.— Т. 4. 752 с.
5. Collins Paperback English Thesaurus.— Glasgow: Harper Collins Publishers, 1996.— 709 p.
6. Chapman R. L. Roget's International Thesaurus.— N. Y. : HarperCollins Publishers Inc., 1992.— 1299 p.
7. Roget's Pocket Thesaurus.— N. Y. : Pocket Books, 1946.— 484 p.
8. The Oxford Dictionary of English Etymology. C. T. Onions.— Oxford, 1996.— 1024 p.

С. С. Краева (Челябинск, Россия)

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ «БЛАГОДАРНОСТЬ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЯХ

This article deals with describing of national communication style and is devoted to the analysis of speech act "gratitude" in Russian and German communication styles.

Keywords: *pragmatic linguistics, national communicative style, linguistic personality, communicative act, category of politeness.*

Коммуникативный стиль является предметом изучения многих наук — психологии, социологии, политологии, теории коммуникации, прагматики, лингвокультурологии.

Если в психологии, социологии, политологии исследуется личность и речь идет о коммуникативном стиле отдельного человека — его поведенческих стереотипах, харизме, его «энергетическом» влиянии на партнера по общению, целью изучения является установление параметров манеры общения конкретной личности, то в лингвистических науках цели ставятся несколько иные. Ученые-лингвисты стремятся изучить коммуникативный стиль конкретной нации, установить параметры, характерные для коммуникативного поведения большинства представителей той или иной нации, находящие свое отражение в языке.

В психологии всё началось с введения А. Адлером термина «жизненный стиль», по-

том появился «поведенческий стиль», и всё сводилось к исследованию сознания и поведения одного индивида. Во всем мире люди рождаются, вырастают и живут в сообществах и так или иначе вынуждены общаться, что неизбежно ведет к формированию поведенческого стиля у каждого человека. В рамках психологии можно выделить психотип, например, экстраверт — интроверт (К. Г. Юнг) и т. д., но не вызывает сомнения факт, что такие психотипы релевантны для всех людей независимо от их места проживания и языковой среды.

Для определения коммуникативного стиля нации основополагающим является лингвистический фактор. При исследовании коммуникативного этностиля речь идет об изучении коммуникативного поведения представителей конкретной нации, группы людей, проживающих в конкретном ареале, для которых язык данного ареала

является родным. При этом в расчет не принимаются примеры коммуникативного поведения иммигрантов в данной стране, ведь случаи полной ассимиляции крайне редки, а, как известно, заложенные в раннем возрасте социальные установки и правила, ориентированные на одну культуру, трудно преодолеть в более зрелом возрасте при переходе в другую культуру. Язык определяет мышление, общение на родном языке неизбежно накладывает отпечаток на коммуникативный стиль индивида, даже если он долгое время прожил в другой стране и «научился думать» как ее жители.

О тесной связи языка и сознания народа говорил еще В. фон Гумбольдт: «Язык... всеми тончайшими нитями своих корней сросся... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем строгом сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт]. Таким образом, если понимать под духом народа его менталитет, то очевидна значительная роль языка в формировании картины мира, и, следовательно, именно в коммуникативном стиле нации проявляется ее менталитет — система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах [Лурье, 1998: 228].

В связи с исследованием национального коммуникативного стиля большой интерес представляют работы Т. В. Лариной и Л. В. Куликовой.

Для Т. В. Лариной, посвятившей свое исследование сравнению русских и английских культурных традиций, национальный стиль коммуникации является такой же объективной данностью, как и национальный язык, и отражает коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции.

По мнению Л. В. Куликовой, национальный коммуникативный стиль находится на пересечении коммуникативистики, культурологии и прагматической лингвистики. Такая локализация национального коммуникативного стиля позволяет интерпретировать его как культурно и лингвистически обусловленную целостную сущность.

Национальный стиль коммуникации реализуется в коммуникативном поведении языковой личности, являющейся представителем данного

этнокультурного сообщества, и проявляется на всех уровнях ее структуры: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Каждая языковая личность реализует себя на уровне идиолекта — индивидуальной лингвистической системы с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях — то есть в ходе общения индивид демонстрирует свою систему коммуникативных ценностей. По точному замечанию Н. И. Формановской, есть коммуникативные личности многословные и немногословные; говорящие по теме и отклоняющиеся от неё; говорящие логично, ясно, убедительно, выразительно и не обладающие такими способностями; скромные и нескромные; лидеры и ведомые и т. д. [Формановская, 2002: 65]. Однако, несмотря на разнообразие идиолектов, все они, как речевая деятельность представителей определенного культурного сообщества, подчинены правилам вербального и невербального построения коммуникативных ситуаций, принятым в данном сообществе. В сознании каждого индивида присутствуют репрезентации всех возможных вариантов разных речевых событий (покупка товара в магазине, поздравление с днем рождения, приглашение в гости и т. д.) и общепринятых языковых форм, используемых для их осуществления в рамках своего привычного окружения. Другими словами, идиостиль языковой личности формируется под влиянием национального коммуникативного стиля.

Описание национального коммуникативного стиля предполагает выделение стилеобразующих черт, а также экстралингвистических факторов, формирующих их, в результате чего возникает возможность представить коммуникативное поведение народа в виде целостной и логичной системы. Национальные особенности коммуникативного поведения, с которыми люди сталкиваются в процессе межкультурного взаимодействия, являются коллективными привычками народа, закрепленными традицией, в соответствии с которой представители нации выбирают те или иные коммуникативные стратегии и средства коммуникации (вербальные и невербальные) в процессе межличностного взаимодействия. Как результат этих процессов вырабатывается национальный стиль коммуникации. Под традицией, влияющей на формирование национального стиля коммуникации, понимаются социально-культурные отношения, культурные ценности, нормы и обычаи, характерные для данной культуры, особенности проявления вежливости представителями данной нации. Исходя из этого, можно

говорить о том, что важнейшим фактором формирования национального стиля коммуникации является культура.

С культурой тесно связана категория вежливости. Несмотря на свою универсальность, категория вежливости обуславливается национальной спецификой и предопределяется культурой народа, поэтому разные нации могут по-разному понимать вежливость или то, что считается вежливым в одной культуре — стиль коммуникации одной нации — может считаться странным или грубым в другой. Если в русском языковом сознании вежливость рассматривается как антипод грубости, то для западных наций — немцев или англичан — вежливость является демонстрацией уважения [Маслова, 2007: 151–152]. Как частный пример проявления вежливости можно рассматривать благодарность.

Речевое действие «благодарность» является частью коммуникативного акта — «минимальной единицы речевого взаимодействия говорящих, определяемой интенциями и стратегией достижения цели общения» [Щукин, 2007: 115]. Коммуникативный акт — это всегда диалог, состоящий из исходной и ответной реплик. При этом благодарность является реакцией на слова или поведение партнера, из чего следует вывод, что благодарность всегда будет ответной репликой.

На примере сорока пяти отрывков текстов на русском языке и сорока отрывков текстов на немецком языке, содержащих лексемы «спасибо» и «danke», мы провели сравнительный анализ употребления данных лексем в русском и немецком языках.

В результате анализа отрывков из романов русскоязычных писателей было выделено шесть семантических групп реализации лексемы «спасибо»:

1. *Спасибо* как формула вежливости (45 %) — реакция на действия собеседника, его помощь, участие, благодарность за угощение (протянул конверт с деньгами, поинтересовался самочувствием, поздравил с каким-либо праздником):

— Хотел звонить. А ты сам заявился, — и протянул два конверта. — Спасибо, — сказал я (А. Волос); — Спасибо, очень хорошее вино, — поблагодарила Таня, вернув стакан (Л. Улицкая).

2. *Спасибо* как искреннее проявление благодарности (15, 5 %) — реакция на помощь, участие, но эмоционально более нагруженная:

— Спасибо вам, — сказал Жолудев с чувством. Его благодарность была безмерной (Л. Зорин); — Поклон уходящему. Спасибо тебе, старичок, прощай (Там же).

3. *Спасибо* как вежливый отказ (22 %) — смягчение формулы отказа «нет» — пересекается с группой «спасибо как формула вежливости» — смягчая свой отказ словом «спасибо», собеседник показывает свое положительное отношение к партнеру по коммуникации, уважение к нему, проявляет вежливость:

Если в гостях нас спрашивают, не голодны ли мы, она всегда отвечает: Нет, что вы, спасибо. Вообще-то, я бы что-нибудь съел, честно говорю я (С. Штерн); — Может, тебе налить? — Нет, спасибо (Л. Улицкая).

4. *Спасибо* как НЕблагодарность — ирония / сарказм (11 %):

— Спасибо тебе, что ты меня в эту дыру вытащила (Л. Улицкая); — Мантулить! Где я могу мантулить?! Что, ящички таскать? Спасибо! — Почему ящички?! (А. Волос).

5. *Спасибо* в директивном речевом акте (4,5 %):

— Не скромничай. Молодчик. Ты смотрелся неплохо. Скажи «спасибо». — Я ваш должник (Л. Зорин); — Не упустите мяса из крабов. Скажете девушке спасибо (Там же).

6. Лексема «спасибо» в пословице (2 %):

— Из «спасибо» шубы не сошьёшь, — вздохнул он. (Волос А.)

При этом для некоторого числа примеров были релевантными две группы сразу, ср.: Он побродил вокруг автобуса, заглянул в салон, забрался туда, спустя минуту жажнул дверью, появился с длинной, собранной в круг, веревкой в руке. Показал ее издали стоящим у гроба — вот вам, держите, и бросил веревку на дорогу. Сел в кабину, и автобус снова двинулся. — И на том спасибо, — сказал Саша. — А то уж я и не знал на чем волочить. Саша шел к лежащей в снегу веревке. Автобус, рыча и сипло отхаркиваясь, двигался задом — словно пятась от Саши (З. Прилепин).

Из контекста ясно следует, что говорящий недоволен результатом, следовательно, его реакция не может быть искренней благодарностью, и данная реплика попадает в группу «спасибо как формула вежливости», ведь как-то ему помогли и за это нельзя не поблагодарить. Однако контекст дает нам понять, что у говорящего не было другого выхода, и эта помощь для него единственный выход из сложившейся ситуации, а раз так, то его благодарность все же может быть охарактеризована как искренняя, и тогда данный пример следует отнести ко второй группе «спасибо как искреннее проявление благодарности».

В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой лексема «спасибо» имеет следующие значения: 1. Выражает

благодарность. С. за угощение. С. за внимание (формула вежливого заключения доклада, выступления). 2. в знач. сказ., кому-чему. Надо быть благодарным за что-н. С. соседу, что помог. С. дождику, будут хорошие всходы. 3. частица. Хорошо, удачно, что... (разг.). Трудно было бы с деньгами, да с. сын работает. 4. спасибо, нескл., ср. и (прост.) спасибо, ср. Слово благодарности (разг.). Спасибо не сказал. Из спасибо шубы не сошьешь (посл.). *Спасибо и на том (разг.) — благодарность за что-н. немного, хорошо, что хоть так сделал, что хоть это есть. За (одно) спасибо (сделать что-н.) (разг.) — бесплатно, не получив никакой выгоды. Некрасиво, да спасибо (прост.) — о чем-н. не очень красивом, но удобном, прочном. уменьш. спасибочко (к 1 знач.) [Ожегов, 1995: 743].

Все значения лексемы «спасибо», приведенные в словаре, связаны с проявлением или выражением благодарности, таким образом, мы можем наблюдать проявление в речи еще двух дополнительных значений: спасибо — отказ и спасибо — ирония.

Толковый словарь немецкого языка «Duden» дает следующие значения лексемы «danke»: *danke* [nhd. verkürzt aus «ich danke»] (Höflichkeitsformel): a) zur Unterstreichung einer höflichen Ablehnung od. Annahme eines Angebots o. Ä.: ja d.!: nein d.!: «Wollen Sie mitfahren?» — «Danke [nein]!»; «Soll ich Ihnen helfen?» — «Danke, es geht schon!»; d. schön!; d. sehr!; jmdm. [für etw.] Danke/d. sagen; kannst du nicht Danke schön/d. schön sagen (dich bedanken)?; b) als kurze Form der Dankesbezeugung: d., das war sehr freundlich von Ihnen; «Wie gehts?» — «Mir gehts d.!» (ugs.; danke, ich will, kann nicht klagen) [Duden].

Первое значение предполагает вежливое согласие / отказ от какого-либо предложения (помощи, угощения и т. д.), а второе предполагает проявление благодарности из вежливости, вежливый отклик на вопрос «как дела». Поскольку, как следует из словарной статьи, лексема «danke / благодарю, спасибо» образовалась как сокращение от «ich danke / я благодарю», при анализе учитывались в том числе примеры, содержащие развернутый вариант с глагольной формой «ich danke Ihnen».

В результате анализа отрывков из романов немецкоязычных писателей было выделено 4 семантических группы реализации лексемы «danke»:

1. *Danke* как формула вежливости — реакция на действия собеседника (72,5 %):

«Wollen Sie mir nicht suchen helfen?» K. machte einen Schritt, aber der Direktor-Stellvertreter sagte:

«Danke, ich habe es schon gefunden»... (F. Kafka) — Не поможете ли вы мне найти их? — К. подошел было к нему, но заместитель директора сказал: Спасибо, уже нашел...; «Aber wir beten für Sie». «Danke», erwidere ich (E. M. Remarque). — Но мы молимся за вас. — Спасибо, отвечаю я.

В этой группе нам видится возможным на основе полученных результатов выделить подгруппу семантической реализации лексемы «danke», а именно «усиленная вежливость». При этом усиление выражается повтором либо распространением (10 %):

«Was hältst du davon, eh?» «Danke», sagte Momo und lächelte zum ersten Mal, «vielen Dank!» (M. Ende). — Что ты об этом думаешь? — Спасибо, сказала Момо, в первый раз улыбувшись. Большое спасибо!; Roth muss sie irgendwo aus einem Papierkorb gefischt haben; sie ist an einen Schlächter Sack gerichtet, der lange tot ist. «Danke vielmals», sage ich. «Das ist eine rechte Freude!» (E. M. Remarque). — Рот, вероятно, выудил его из корзины для бумаг; оно адресовано некоему мяснику Заку, который давно умер. — Большое спасибо, — говорю я. — Вы доставили мне огромную радость.

2. *Danke* как вежливый отказ (10 %):

«Aber ich mach's gern», sagte er. «Nein», sagte ich, «danke» (H. Böll). — Но мне это ничего не стоит, настаивал он. — Нет, сказал я, спасибо; — Soll ich's Ihnen mal holen und vorlesen? — Nein, danke, — sagte ich (Там же). — Хотите, я принесу [газету] и прочту Вам? — Нет, спасибо, сказал я.

3. *Danke* как формула вежливости при завершении речи (2,5 %):

Ich bitte Sie also, alle weiteren Pläne in diesem Sinne zu fassen. Mehr habe ich nicht zu sagen, danke (M. Ende). — Так что прошу вас соответственно планировать свои действия. Больше мне нечего сказать, благодарю за внимание.

4. Речевой акт во внутреннем монологе — когда говорящий знает, что следует сказать спасибо из вежливости, но по каким-то причинам не делает этого и констатирует данный факт, обращаясь к себе (5 %):

Ich glaube, ich sagte nicht einmal Danke, als ich die Tüte nahm und rasch wegging (H. Böll). — Помоему, я даже не поблагодарил ее, схватил пакет и бросился к двери; Ich legte auf, ohne ihm Danke oder auf Wiedersehen zu sagen (Там же). — Я повесил трубку, не сказав ни спасибо, ни до свидания.

Из всего вышесказанного следует, что выражение вежливой благодарности, которое объективируется лексемами «спасибо» и «danke» в русском и немецком языках соответственно, имеет более

высокую частотность употребления в немецком языке. Анализ отрывков текстов на русском и немецком языках показал, что немецкая языковая личность склонна более эксплицитно проявлять вежливость, усиливая благодарность повтором лексемы «danke» или распространением, русская же, напротив, может выражать благодарность более искренне. Вежливый отказ является частотной формой речевого действия «благодарность» как для немецкой, так и для русской языковой личности — 10 и 22 % соответственно. В результате исследования языкового материала мы предполагаем, что такое значительное расхождение в процентном соотношении может быть объяснено тем фактом, что русские люди чаще отказываются от предложения чего-либо из вежливости, а немцы отказываются по причине отсутствия желания, поскольку значение вежливого отказа даже закреплено в словаре.

В ходе исследования не было зафиксировано ни одного употребления лексемы «danke» в ироническом смысле, тогда как 11 % примеров употребления лексемы «спасибо» попадает в группу «спасибо как НЕблагодарность — ирония / сарказм». Возможно, что ироническое употребление лексемы «danke» в принципе не характерно для немецкого коммуникативного стиля, однако для однозначного установления данного факта требуется провести более обширное исследование языкового материала.

В ходе межкультурного общения следует помнить, что коммуникация является не просто обменом информацией между индивидами, она может иметь как положительную, так и отрицательную смысловую нагрузку и выражать отношение индивида к партнеру. И нередко проблемы в общении с носителями другой лингвокультуры возникают именно по причине неспособности собеседников правильно расшифровать речевые действия друг друга (понять глубину благодарности, распознать иронию), продемонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с норма-

ми, принятыми в данном обществе, данной культуре, данной нации.

Вот почему так важно знание норм вежливости, характерных для определенной культуры. Обращение к национальному стилю коммуникации помогает лучше узнать партнеров по общению, говорящих на другом языке, понять их мировосприятие, объяснить их поведение, научиться правильно действовать в контексте другой лингвокультуры.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_htm, свободный.
2. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. — Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. — 392 с.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Языки славян. культур, 2009. — 512 с.
4. Лурье С. В. Историческая этнология : учебное пособие для вузов. — М. : Аспект-пресс, 1997. — 445 с.
5. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре : монография. — М. : Гнозис, 2007. — 320 с.
6. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход : учеб. пособие. — М. : Рус. яз., 2002. — 261 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеолог. выражений. — 3-е изд., стер. — М. : Азъ, 1995. — 928 с.
8. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь : более 2000 единиц. — М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 746 с.
9. Duden — Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс] / CD-ROM, 6 Aufl. — Mannheim, 2006.

Ю. А. Кузнецова (Самара, Россия)

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

The article is devoted to the question of using interpretative analysis as the path of politological studies of US-Russian relations at the end of XX and the first years of XXI century. Concept "partnership" of diplomatic discourse and its influence on US-Russian relations is observed. This concept played an ambiguous part though being a reflection of future development of Russian state and US-Russian relations overestimation.

Keywords: *diplomatic discourse, US-Russian relations, interpretative analysis, politological studies, concept "partnership".*

После распада Советского Союза ресурсы международной деятельности России оказались сильно подорваны. Проблемы сокращения ресурсов в 90-х гг. XX в. дополнялись жесточайшим культурно-идеологическим кризисом российского государства и общества, вынужденных выживать в условиях разрушения советской идеологии, морали, советской национальной идеи. Маяком, на который взяла курс российская политическая элита, стала культура США. И в этом отношении Россия оказалась далеко не единственной державой. Как отмечал К. Леви-Строс «Далекие от состояния закрытости в себе самих, все цивилизации признают, одна за другой, превосходство одной из них — западной цивилизации. Страны "недостаточно развитые" упрекают других на международных ассамблеях не в том, что их озападнивают, но в том, что не столь быстро представляют им средства себя озападнить» [Леви-Строс, 2000: 341].

Выступая в Совете безопасности ООН 31 января 1992 г. президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин заявил, что «Россия видит в Соединенных Штатах Америки, в Западе, не просто партнеров, но союзников. Это — важнейшая предпосылка, я бы сказал, революция в мировом сотрудничестве между государствами цивилизованного мира» [Дипломат. вестн., 1992: 13].

Упоминание в этом заявлении США перед собирательным понятием «Запад» было закономерно. США являлись лидером капиталистического мира, чьи ресурсы значительно превосходили возможности остальных стран. Американо-российские отношения в 90-е гг. XX в. — начале XXI в. становились наиболее значимым направлением российской внешней политики, на котором на ощупь определялись ориентиры собственных границ. Немаловажным в развитии этих отношений явился фактор дипломатического и в целом политического дискурса. На наш взгляд, анализ значимых концептов политического дискурса американо-российских отношений в этот период может дать определенное представление

о соотношении *realpolitik* и *idealpolitik* в российской дипломатии, показать, каким образом символ в политическом дискурсе влиял на фактическое развитие отношений.

Методология исторических и политологических исследований включает методы ретроспективного, структурного и сравнительного анализа, приемы системного подхода, инструментарий, характерный для так называемого ментального анализа, или ментализма. На наш взгляд, методологическую базу политологических исследований значительно обогатили бы методы анализа основополагающих концептов политического дискурса американо-российских связей. То есть приемы, помогающие установить, насколько схожие коннотации рождали одни и те же понятия в российской и американской политических элитах, насколько они друг друга понимали и говорили на одном языке. В качестве главного метода изучения концептов выступает интерпретативный анализ.

Статистический анализ дипломатических документов позволяет утверждать, что вплоть до 1998 г. одним из основополагающих концептов двусторонних отношений было «партнерство».

Частота употребления (особенно в выступлениях президента Б. Н. Ельцина) показывает, что этот концепт являлся для российской стороны наиболее эмоционально насыщенным концептом дипломатического дискурса американо-российских отношений первых постсоветских лет. Он в большинстве случаев сопровождался концептами «дружба» и «союз». В выступлениях У. Дж. Клинтона концепт «партнерство» встречается реже и более четко связан с определенными сферами взаимодействия — такими, как ограничение вооружений и недопущение возвращения России к авторитаризму. То есть именно в тех сферах, где интересы двух сторон совпадали и потенциал действия для решения возникающих проблем был примерно равен. Очевидно, российская сторона, вкладывала в концепт «партнерство» смысл более емкий, чем вклад в равных ча-

стях в общую деятельность, смысл, в целом соответствующий концепту «дружба».

Первым, кто подверг критике такое определение складывавшейся системы американо-российских отношений, стал американский исследователь, автор книг по истории СССР С. Коэн. Уже в ноябре 1992 г. он утверждал, что никакой «новой эры» в американо-российских отношениях нет и быть не может. По его словам, «образ России как лучшего друга Америки и ее партнера строится на предположении, что российская внутренняя и внешняя политика вдохновлена США или, по крайней мере, глубоко проамериканская. Он предполагает... что Россия принимает демократию и капитализм западного типа, избегает имперской политики по отношению к другим бывшим советским республикам и фактически выступает в союз с США в мировой политике, включая политические проблемы, связанные с ядерным оружием. Между тем, все эти сферы русской политики характеризуются путаницей, противоречиями и неопределенностью, но ни в одной из них и близко нет того, что отвечало бы американским представлениям о правильной российской политике» [Коэн, 2001: 117]. По мнению исследователя, миф о партнерстве будет очень скоро развенчан и этот процесс окажется болезненным для обеих сторон. Стивен Коэн ввел в этой статье понятие «холодного мира» как определение модели отношений, которая последует за периодом так называемого «партнерства».

Вряд ли можно считать, что официальная риторика о равноправном партнерстве всерьез воспринималась российским правительством. В «Хартии российско-американского партнерства и дружбы» оговаривались принципы, которым обязывалось следовать российское руководство в проведении внутренней политики. К ним были отнесены демократия, свобода, защита прав человека, уважение прав меньшинств, в том числе национальных [Дипломат. вестн., 1992: 8]. То, что в документе, заключенном с иностранным государством, регламентировались положения, касающиеся государственного строя и внутренних дел России, имело существенное значение, поскольку позволяло судить о том, какие в действительности складывались отношения между Вашингтоном и Москвой. Хартия представляла собой «кодекс поведения», которому российское руководство обязалось следовать. Фактически Москва согласилась признать за США право быть неформальным арбитром в оценке российских реформ. В свою очередь, США заявляли о намерении оказать поддержку на двусторонней и много-

сторонней основе курсу реформ, выработанному российским правительством и американскими советниками. В интересах развития двусторонней торговли США также высказывали готовность снять ограничения времен «холодной войны» [Дипломат. вестн., 1992: 10].

В следующем году новая демократическая администрация выдвинула концепцию, которая скоро стала цитироваться и российскими, и американскими политическими деятелями и аналитиками как концепция «стратегического партнерства» с Россией. Однако в выступлении президента У. Дж. Клинтона перед Обществом американских издателей (Анаполис, 1 апреля 1993 г.), где впервые была обоснована эта концепция, прозвучали слова, отражавшие гораздо более узкий подход Вашингтона к отношениям с Россией, чем было интерпретировано как той, так и другой стороной в дальнейшем. У. Дж. Клинтон предложил американской общественности концепцию «стратегического партнерства с российской реформой», то есть политику поддержки демократических и экономических реформ в России [Public Papers of the Presidents of the United States. Government Printing Office, 1994: 375].

Несмотря на то, что в дальнейшем, во время встречи в Ванкувере и в ходе визита У. Дж. Клинтона в Москву в январе 1994, Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин и Президент США У. Дж. Клинтон определяли американо-российские отношения как «равноправное партнерство» [Дипломат. вестн., 1993: 18; 1994: 12], суть складывавшихся взаимосвязей не изменялась и продолжала отвечать узкому пониманию концепции «стратегического партнерства с российской реформой». Закреплялась формула «помощь за реформы», которая предполагала влияние США на внутреннюю политику России, но не восстановление ее позиций на международной арене как действительно равноправного партнера США.

Планы расширения НАТО, конечно же, противоречили критериям действительно равноправного партнерства, но вполне укладывались в рамки концепции «стратегического партнерства с российской реформой». В связи с этим жесткая негативная реакция России на планы расширения НАТО с некоторым удивлением воспринималась демократической администрацией, которая считала, что определенное понимание с российским руководством было достигнуто. Однако в Вашингтоне не был принят во внимание рост влияния оппозиции на российское правительство. Рост антизападных настроений в России

также способствовал изменению приоритетов в российской внешней политике, которая от поддержки американских инициатив перешла к восстановлению своего влияния в «ближнем зарубежье», критике решения о расширении НАТО и политики США на Балканах.

Возникшие противоречия в американо-российских отношениях дали повод усомниться в эффективности концепции «стратегического партнерства». В 1994 г. известный американский политолог Зб. Бжезинский в статье «Преждевременное партнерство» [Brzezinski, 1994: 67–83] высказал убеждение, что для стратегического партнёрства США и России не было оснований. Причиной тому он считал сильное несоответствие потенциалов двух стран. Россия рассматривается политологом в качестве клиента, объекта воздействия американской внешней политики, но никак не в качестве партнера США. Аргументация этой мысли была расширена автором в книге «Великая шахматная доска» [Бжезинский, 1999]. Модель отношений США и России в 90-е гг. XX в. Зб. Бжезинский оценивал не как партнерство, а как отношения донора и клиента.

Таким образом, к 1998 г. концепт «партнерство» по отношению к американо-российским связям практически исчезает из дипломатического дискурса. Этот концепт сыграл неоднозначную роль, поскольку явился отражением завышенных ожиданий как с той, так и с другой стороны, способствовал поддержанию эйфории первых постконфронтационных лет, явился одной из причин разочарования российской и американской элит в возможностях налажива-

ния конструктивного диалога. Однако, с другой стороны, этот концепт стал основополагающим в *idealpolitik* курса Клинтона по отношению к России, гарантией оказания материальной и экспертной помощи со стороны США в проведении рыночных реформ на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска.— М. : Междунар. отношения, 1999.— 256 с.
2. Ванкуверская декларация // Дипломат. вестн.— 1993.— № 7–8.— С. 18–19.
3. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России.— М. : АИРО — XX, 2001.— 304 с.
4. Кэмп-Дэвидская декларация Президента России Б. Н. Ельцина и Президента США Дж. Буша о новых отношениях // Внешняя политика России : сб. док. 1990–1992.— М. : Междунар. отношения, 1996.— С. 225.
5. Московская декларация. 14 января 1994 г. // Дипломат. вестн. МИД РФ.— 1994.— № 3.— С. 12–14.
6. Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Дипломат. вестн.— 1992.— № 13–14.
7. Brzezinski Zb. The Premature Partnership // Foreign Affairs.— 1994.— March/April.— P. 67–83.
8. Clinton W. J. Remarks to the American Society of Newspaper Editors in Annapolis (April 1, 1993) // Public Papers of the Presidents of the United States. Government Printing Office.— Washington, 1994.

О. В. Ланская (Липецк, Россия)

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДВА ГУСАРА»

In the article the concept “house” is considered. The author researches such key-words as “house”, “garden” and “window”. Besides the author concerns such lexico-thematic groups as “room”, “family”, “domestic” and “nature”. Considerable lexical units in the text get sense “harmony”, “beauty”, “consolidation”, “happiness”, “drama” and date back antitheses “life in the village” — “serving in the regiment”, “past — present”, “father — children”, “mother — daughter”, “father — son”, “Turbin — Polosov” and others.

Dating back to mythopoetical tradition the key-words “den” and “window” set the unity of the house and the world, the harmony of existence. On the other hand they are connected with the notions “misery”, “the absence of ideal” and “sin”.

Keywords: concept, key-word, lexicothematic group, seme.

При исследовании художественного текста уникальная природа концепта помогает выявить многообразные минимальные значения изучаемого слова. Концепт может восприниматься как структура,

в которой в свернутом виде на уровне ключевого слова, являющегося её ядром, а также ассоциаций с ней связанных, реализуются тема и идея произведения, находит отражение его образная система.

Одним из основных концептов в русской языковой картине мира является концепт «дом».

В повести Л. Н. Толстого «Два гусара» в главах IX–XV слово *дом* как репрезентант одноимённого концепта является одним из ключевых. Данная лексическая единица по-особому выстраивает пространство, в котором существуют герои произведения. Дом хозяйки Морозовки, Анны Фёдоровны, — это, с одной стороны, патриархальный мир, в котором человек чувствует своё единение с природой; с другой — мир мечты о счастье и воспоминание о прошлом.

Описание пространства в главе IX первоначально выстраивается по схеме «деревня (Морозовка) — гостиная (дом)». После указания на место действия (деревня) автор описывает хозяйку помещичьего дома, людей, которые в нём проживают. При этом в качестве гиперонимов используются лексемы *семейство* и *домашние*. *Домашний человек*, по В. И. Далю, — это «свой, близкий, живущий въ домѣ» [Даль, 2006: т. I, 466]. *Семейство* же — «совокупность близкихъ родствениковъ, живущихъ вмѣстѣ; <...> родители съ дѣтьми» [Даль, 2006: т. IV, 173]. Данные толкования свидетельствуют о том, что перечисленные лексические единицы имеют, с одной стороны, общие семы 'место проживания', 'дом', 'близкий по духу человек', 'совместное проживание'; с другой — слово *семейство* обладает семой 'кровное родство', которая фиксирует отличие данной лексики от лексики *домашние*. В связи с этим в лексико-тематическую группу «дом» входят следующие номинации: *Анна Фёдоровна* («*Анна Фёдоровна* была жива» [Толстой, 1979: т. 2, 270]), *мать* («Простаясь с матерью, Лиза одна пошла в бывшую дядину комнату» [Толстой, 1979: т. 2, 291]), *мамаша* («— Да разве вы их будете звать, мамаша?» [Толстой, 1979: т. 2, 279]), *дочь* («Опять мысли о дочери, о старом и молодом графе, преферансе странно перемешивались в её голове»; «<...> потом видела свою дочь в объятиях молодого графа» [Толстой, 1979: т. 2, 291]), *брат* («Анна Фёдоровна этим временем, перекрестив и расцеловав, по обыкновению, нежно брата, дочь и воспитанницу, тоже удалилась в свою комнату» [Толстой, 1979: т. 2, 290]), *братец* («<...> а вы, братец ... братец! Вы в гостиной уж ночуйте» [Толстой, 1979: т. 2, 279]), *дядя* («любезный дядя» [Толстой, 1979: т. 2, 291]; «Ты перейди к дяде» [Толстой, 1979: т. 2, 279]), *дяденька* («— Дяденька, идите смотреть: гусары идут к нам!» [Толстой, 1979: т. 2, 271]), *Лиза*, *Лизанька*, *Лизочка* («— Лизанька, ты бы платице муслинде-леневое надела к вечеру»; «<...> приготовить

надо твою комнату, Лиза»; «Нет, Лизочка, как бы я желала тебе...» [Толстой, 1979: т. 2, 279]), *сестрица* («— Ничего, сестрица! Я на полу лягу» [Толстой, 1979: т. 2, 279]), *племянница* («научила племянница» [Толстой, 1979: т. 2, 270]), *Пимочка*, *воспитанница* («*Пимочка*, *воспитанница* Анны Фёдоровны, подле него твердила урок под руководством Лизы» [Толстой, 1979: т. 2, 270]), *Устюшка*, *Устюша* («*Устюшка!*» [Толстой, 1979: т. 2, 279]; «*Устюша* рассказывала там (в девичьей.— О. Л.) про гусаров» [Толстой, 1979: т. 2, 272])).

Необходимо обратить внимание на то, что в доме Анны Фёдоровны домашние, обращаясь друг к другу, употребляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*братец*, *дяденька*, *мамаша*, *сестрица*, *Лизочка*, *Лизанька*, *Пимочка*, *Устюша*, *Устюшка*), что свидетельствует о том, что в доме царят доверительные, дружеские, нежные отношения, что все искренне любят друг друга. При этом близкие отношения распространяются и на людей, принятых в семейный круг в силу разных обстоятельств (*Пимочка*), и крепостных (*Устюша*). В то же время необходимо учитывать, что суффикс *-уш*, (*-юш*) в тексте приобретает особое значение, связанное с темой, идеей произведения, историческими реалиями. На это указывал академик В. В. Виноградов: «Об оттенках экспрессии суффикса *-уш* (*а*), *-юш* (*а*) в собственных именах можно судить по такому замечанию Л. Толстого в «Воскресении»: «... полу-горничная, полу-воспитанница. Её и звали так средним именем — не Катенька и не Катенька, а Катюша»» [Виноградов, 1972: 122]. В повести же «Два гусара» уменьшительно-ласкательный суффикс *-уш*, употреблённый также в сочетании с суффиксом *-к* (*Устюша*, *Устюшка*) в имени собственном крепостной, свидетельствует о том, что в доме создан мир, в котором по-доброму относятся к своим слугам.

В первую очередь, пространство дома определяется с помощью слов *комната*, *спальня*, *горница*, *чайная*, *гостиная*, *девичья*, *коридор*, *кладовая* с семами 'комната' и 'помещение', входящих в лексико-тематическую группу «комната»: «<...> вы ведь сами знаете, братец, что негде: моя спальня, Лизина горница, гостиная да вот эта ваша комната — вот и всё»; «Старики снова уселись в чайную, а Лиза пошла в девичью положить в ящик наколотый сахар» [Толстой, 1979: т. 2, 272]; «<...> а вы, братец... братец! вы в гостиной уж ночуйте» [Толстой, 1979: т. 2, 279]; «Лиза побежала в кладовую за грибами и свежим сливочным маслом» [Толстой, 1979: т. 2, 281]. В свою

очередь, лексико-тематическая группа «комната» связана с лексико-тематической группой «мебель», в которую входят слова *стол, столик, диван, стул, кровать, этажерка, лежанка*: «Анна Фёдоровна, с седой головой, в лиловой кацавейке, на диване перед круглым *столом* красного дерева раскладывала карты» [Толстой, 1979: т. 2, 270]; «Куда несёшь *стол*? оставь тут, — суежилась Анна Фёдоровна, — да две *кровати* принеси <...> да на *этажерке* подсвечник хрустальный возьми» [Толстой, 1979: т. 2, 279]; «Кошка мягко упала на пол, медленно поворачивая пушистым хвостом, вскочила на *лежанку*»; «<...> выпив полстакана квасу, приготовленного у постели на *столике*, она (Анна Фёдоровна. — О. Л.) легла в постель» [Толстой, 1979: т. 2, 290].

При описании дома в деревне ключевыми словами в тексте являются слова *комната* (из *комнаты, в комнату, в комнате, комнату, комнатке, комнатку*) и *окно* (на *окне, за окном, из окна, в окно, у окна, окнами, от окошка, окошка*): «Человек! — крикнул он (Турбин. — О. Л.), — спроси чего-нибудь завесить это *окошко*, а то ночью дуть будет» [Толстой, 1979: т. 2, 280]; «Анна Фёдоровна вместе с братцем вошли в чайную комнату, из которой *окна* были на деревню» [Толстой, 1979: т. 2, 271]. При этом лексема *окно* приобретает в тексте символическое значение. С одной стороны, *окно* фиксирует открытость пространства дома («В небольшой гостиной старого домика, с открытыми балконной дверью и *окнами* на старинный звездообразный липовый сад, сидело всё семейство и домашние Анны Фёдоровны» [Толстой, 1979: т. 2, 270]; с другой — пространство закрытое («Из *окна* очень мало было видно, заметно было только сквозь пыль, что какая-то толпа двигается» [Толстой, 1979: т. 2, 271]). Первоначально *окно* в этом патриархальном мире обозначает не границу между своим и чужим, а воспринимается как знак единства мира, его гармонии, о чём свидетельствует использование в качестве однородных членов предложения номинаций *окно* и *этажерка, сад и комната*: «Последние лучи заходящего солнца, как и всегда в эту пору, бросали сквозь липовую аллею раздробленные косые лучи на крайнее *окно* и *этажерку*, стоявшую около него. В *саду* и в *комнате* было так тихо, что слышалось, как за окном быстро прошумит крыльями ласточка, или в комнате тихо вздохнёт Анна Фёдоровна, или покряхтит старичок, перекладывая ногу на ногу» [Толстой, 1979: т. 2, 270]. Дом воспринимается как частичка мироздания, вечности, в которой люди и природа слиты воедино. Слова *солнце, сад, комната, окно,*

ласточка, старичок, (липовая) аллея, (последние, косые) лучи, имя собственное Анна Фёдоровна с общей семой 'единение' свидетельствуют о том, что мир существует как явление, принадлежащее в сознании человека прошлому, настоящему и будущему, что всё преходяще и в то же время вечно. Картина, созданная автором, проникнута светом, что зафиксировано через словосочетание *раздробленные косые лучи* с семами 'свет', 'жизнь', 'тепло', 'счастье', 'покой', в схеме «липовая аллея — окно — этажерка». При этом слова *тихо, слышалось, прошумит, вздохнёт, покряхтит* с семами 'звук' и 'отсутствие звука' также приобретают семы 'тепло', 'покой' и 'единение'.

Одновременно определения *раздробленные* и *косые* имеют семы 'конец', 'грусть', 'смерть', т. к. слово *раздробленный* от *дробить*, с этимологической точки зрения, обозначает «вырубать» [Фасмер, 1985: т. I, 539]. Слово же *косой* восходит к значениям «режет», «нож», «отрезать, оскоплять», «раскалываю» [Фасмер 1985: т. II, 345]. Картина эта проникнута любовью. Отсюда использование в тексте слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами *комнатка, окошко, низенькое*: «Комнатка же его (дяди. — О. Л.) вот эта, прямо на сад, и *окошко низенькое*: луна прямо к нему ударяла» [Толстой, 1979: т. 2, 287].

У окна обычно располагается брат Анны Фёдоровны: «Старый братец, расположившись у *окна*, <...> вязал на рогульке снурочек из белой бумаги» [Толстой, 1979: т. 2, 270]. У окна в девичьей сидит няня: «<...> старая няня, сидевшая у *окна* с чулком, вздохнула и прочитала даже, втягивая в себя дух, какую-то молитву» [Толстой, 1979: т. 2, 272]. У распахнутого окна Лиза разговаривает с Турбиным: «Он (Полозов. — О. Л.) молча потихоньку отошёл от неё (Анны Фёдоровны. — О. Л.) и присоединился к графу и Лизе, которые разговаривали у *открытого окна*» [Толстой, 1979: т. 2, 286]. В этот момент вид из окна (из дома) покоряет своей удивительной красотой и Лизу, и Турбина. С одной стороны, Турбина восхищает прекрасная погода («Какая чудная погода!» [Толстой, 1979: т. 2, 287]); с другой — это восхищение природой неестественно, что зафиксировано с помощью лексемы *стёклышко* в значении «монокль»: «— Приятно в деревне жить! — сказал граф, вставив в глаз *стеклышко*, глядя то на сад, то на Лизу» [Толстой, 1979: т. 2, 287]. В Словаре В. И. Даля слово *стеклышко* обозначает «гранёное или отбитое стекло, осколок, черепок» [Даль, 2006: т. IV, 321]. Данная лексическая единица образована от слова *стекло*, значение которого объясняется следующим образом: «<...>

идеть въ очки близорукихъ» [Даль, 2006: т. IV, 321]. В БАС *стёклышко* — это «монокль, лорнет» [БАС, т. XIV, стб. 827].

Слово *стёклышко* в тексте приобретает семы 'отсутствие искренности', 'поза', 'театральное действие', 'игра', 'светские манеры'. Восходит данная лексическая единица и к таким значениям, как «притворство», «неблагодарность» и «непорядочность». Узнав, что Лиза уступила ему свою комнату, граф восклицает: «Неужели?.. Ах, боже мой!.. Век себе не прощу этого беспокойства» [Толстой, 1979: т. 2, 287]. При этом «в знак искренности чувства выбрасывая стеклышко из глаза» [Толстой, 1979: т. 2, 287]. Затем снова стёклышко возвращается на своё место, и герой через него вновь начинает смотреть на мир. И мир он видит в искажённом свете, и характер Лизы не понимает, что зафиксировано в синтаксических единицах *хитро дала мне почувствовать и легка ему показалась победа над нею* (Лизой.— О. Л.) [Толстой, 1979: т. 2, 287]. Слово *окно* приобретает семы 'место соблазнения', 'нарушение правил приличия', 'пошлость', 'осквернение пространства дома', 'бесчувственность' и др.: «Экая славная девочка! — подумал граф, снова вставив *стеклышко*, глядя на нее и, как будто усаживаясь на окне, стараясь ногой тронуть ее ножку.— И как она хитро дала мне почувствовать, что я могу увидеть ее в саду, у окна, коли захочу» [Толстой, 1979: т. 2, 287].

В восприятии корнета Полозова окно связано с представлением о смысле жизни и счастье: «Что за вздор эти почести и слава военная! — думал он (Полозов.— О. Л.), глядя на завешенное шалью *окно*, сквозь которое прокрадывались бледные лучи месяца.— Вот счастье — жить в тихом уголке, с милой, умной, простою женою! Вот это прочное, истинное счастье!» [Толстой, 1979: т. 2, 288].

По-особому формируют пространство символические слова *сад* и *луна*. Слово *сад* в Словаре В. И. Даля толкуется как «участокъ земли, засаженный стараньемъ челоѡѡка деревьями, кустами, цвѡтами, съ убитыми дорожками и разнаго рода и вида затѡями, украшеньями» [Даль, 2006: т. I, 128]. В тексте же *сад* — это не просто участок земли, засаженный растениями, это пространство

сакральное, которое напрямую связано с бытием человека, его онтологической сущностью. Слова *сад*, *луна*, *месяц* символизируют собой красоту мира, его гармонию, духовное начало в человеке, тайну, которая его окружает. Символика сада восходит к таким понятиям, как «жизнь» и «смерть» (см. у В. И. Даля: «*Садъ поздно зацвѡтаетъ, къ смерти хозяина*» [Даль, 2006: т. I, 128]). Также символизирует *сад* и «первичное состояние божественного неведения, когда люди существовали в гармонии с Богом, природой и друг другом» [О'Коннелл, Эйри, 2007: 90].

Итак, концепт «дом», ключевые слова *дом*, *сад* и *окно*, а также лексико-тематические группы «комната», «семья / домашние» и «природа» в тексте приобретают семы 'гармония', 'красота', 'единение', 'счастье', 'мечты' и восходят к противопоставлениям «жизнь в деревне — служба в полку», «прошлое — настоящее», «отцы — дети», «мать — дочь», «отец — сын», «Турбин — Полозов» и др. Восходя к мифопоэтической традиции, исследуемые лексические единицы, с одной стороны, фиксируют единение дома и мира, гармонию бытия; с другой — связаны с понятиями «пошлость», «отсутствие идеала» и «грех». С помощью данных лексических единиц раскрываются языковая картина мира второй половины XIX века, особенности идиостиля великого русского писателя Л. Н. Толстого.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т.— М. : Рус. яз. : Медиа, 2006.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове).— М. : Высш. шк., 1972.— 614 с.
3. О'Коннелл М., Эйри Р. Знаки и символы : иллюстрир. энцикл.— М. : Эксмо, 2007.— 256 с.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. В. Виноградова.— М. ; Л. : Наука, 1948–1965. (БАС).
5. Толстой Л. Н. Два гусара // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. II.— М. : Худож. лит., 1979.— С. 239–296.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т.— М. : Прогресс, 1985–1988.

М. П. Леонова (Гёттинген, Германия)

КОНЦЕПТ РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БУНИНА

A motif of the femme fatale as an active force, using her physical attractiveness as a means to lure and destroy a man, takes a fully different interpretation in the works of Bunin. The emphasis is shifting from consideration of the femme fatale to a man, which unites in himself the object function as well as the function of the subject of self-destruction. The concept of the femme fatale is considered thereby solely from the point of view of a man as the bearer of the perspective and achieved with the category of "fatal victim".

Keywords: *a motif of the femme fatale, subject of self-destruction, the category of "fatal victim".*

Мотив роковой женщины занимает не последнее место в литературоведении и привлекает уже на протяжении десятилетий внимание исследователей. Несмотря на большое количество работ, посвященных этой теме, как в области славянского литературоведения, так и в других филологических дисциплинах, при попытке определения концепта, лежащего в основе мотива «роковой женщины», исследователь всякий раз сталкивается с диффузностью этого понятия. Так, Карола Хильмес определяет *femme fatale* как женщину, играющую фатальную роль в жизни мужчины, понимая при этом под фатальной ролью в большинстве случаев летальный исход его существования [Hilmes, 1990: 10]. Справедливо указывая на активную разрушительную роль роковой женщины и стремясь охватить многообразие реализаций этой роли в литературе, Хильмес на второе место ставит саморазрушение, вплоть до физического самоуничтожения роковой женщины [Hilmes, 1990: 224], что приводит к смещению акцента рассмотрения с роковой женщины как субъекта в цепи отношение «субъект—объект» в сторону объекта. Интересным нам кажется также наблюдение Хильмес о зачастую бессознательном со стороны роковой женщины разрушении мужчины [Hilmes, 1990: 229]. На сознательную эксплуатацию своего сексуального образа с целью увлечения мужчины с его последующим уничтожением указывает также Френцель [Frenzel, 1999: 774–788], подчеркивая неспособность роковой женщины к отношениям с мужчиной вне схемы «субъект—объект», т. е. ее неспособность существовать в рамках *взаимоотношений*. Таким образом, мужчина становится как субъектом, так и объектом отношений, вследствие которых он разрушает сам себя. Пример подобного совмещения ролей мы находим у Ивана Бунина в его повести «Митина любовь», в которой Митя не выдерживает собственного представления об измене любимой и кончает жизнь самоубийством. Его любовь к Кате является как исходной, так и конечной точкой в цепи отношений, разделяясь

на «реальную» и «представленную» и таким образом ставя протагониста в конфликт с собственным воображением, что и приводит к самоубийству протагониста¹. Подобная интерпретация не только напрашивается, но и сознательно навязывается автором в результате описания с перспективы главного героя всего происходящего и не происходящего, как, например, видения Мити, в котором ему является Катя в саду. Образ Кати имеет характер наброска, незавершенной картины, в центре которой находится ее восприятие не как единого целого, а как набора деталей, таких, как серое платье, шляпка. Рассмотренные как сигналы, описанные детали являются носителями информации как об описываемом объекте, так и о наблюдателе, т. е. носителе перспективы². Почему же Бунин лишь намечает образ Кати через детали и пару фраз и ситуаций? Кроется ответ в носителе перспективы, который замечает немного и сосредоточен исключительно на своих переживаниях³? Рассмотрим подробно, что же изображает Бунин, чтобы набросать образ Кати. Разговоры о том, что Катю Егоров предлагал лепить голую, стихи, прочитанные «с деланной обольстительностью заглядывая ему в глаза, задумчиво и медлительно» [Бунин, 2008: 517], история их встреч, «хорошенькое личико» [Бунин, 2008: 527], «женственность, мешающаяся с детскостью» да «ее голубая скромная

¹ Этот разрыв действительности и сознания станет в художественной системе Ив. Бунина обычной формой воплощения жизни. При этом жизнь сознания будет все более выдвигаться в его изображениях на первый план, сосредоточивая в себе бунинское представление о сущности человеческой жизни [Лявданский, 1985: 74].

² Первый план — это показ реального мира, сюжет второго плана — мир, созданный воображением... [Проходова, 1985: 126].

³ Подобную интерпретацию мы находим у Линкова. Говоря об Арсеньеве он подчеркивает, что «...у Бунина мы видим людей только в одной плоскости — плоскости восприятия Арсеньева, в свете его чувства, а главным образом — сами эти чувства» [Линков, 1989: 161].

иляпка» [Бунин, 2008: 527]. Посредством перечисленных деталей Бунин набрасывает типичный, легко узнаваемый образ *femme fatale*, единственная цель наличия которого — быть признанным. Схематичность не случайна, а желаемая. Узнаваемость концепта является основой его дальнейшей реализации в тексте и раскрытия его «реального» смысла.

Ставя в центр рассмотрения прежде всего роковую роль встречи с женщиной в жизни протагониста, Бунин на первый план выводит событийность подобной встречи¹. При этом на первый план выходят такие категории, как *уникальность* ситуации, т. е. ее принципиальная неповторимость, релевантность ситуации для главного протагониста и ее результативность. В произведениях Бунина мы найдем в большинстве случаев эксплицитное указание на две первые категории событийности встречи главного протагониста с *femme fatale* на уровне высказываний и оценок самого протагониста. Такие высказывания носят в большинстве случаев оценочный характер и выражаются в форме утверждения единственности и исключительности любовной связи с роковой женщиной, как, например, «*Ama nobis quantum amabitur nulla!*» (*Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет!*) в рассказе «Руся» или воспоминание об этой связи, как о лучших минутах в жизни протагониста, как, например, в рассказе «Темные аллеи»: «*Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные!*». Ощущение и осознание единственности, неповторимости подобного переживания и заключает в себе релевантность указанной любовной связи для протагониста. Категорию результативности мы встречаем как в очевидном виде, как, например, в форме физической гибели протагониста, так и в завуалированном — в форме невозможности счастья, любви, неспособности к чувству, получающем отражение прежде всего на уровне рефлексии протагониста, а не на уровне сюжета. Таким образом, в произведениях Бунина мы можем отметить одну характерную черту, выражающую сущность рокового характера любовной свя-

зи,— принципиальная невозможность для протагониста счастья вне отношений с *femme fatale*, что и определяет их роковой характер: «*Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста*» [Бунин, 1988: 254].

На уровне реализации концепта можно разделить все новеллы Бунина по их результативности на три группы: 1. *Самоуничтожение протагониста*. Протагонист заканчивает жизнь самоубийством, т. е. физически прекращает свое существование. Пример подобной реализации мы находим в повести «Митина любовь», на что уже указывалось выше. 2. *Уничтожение протагониста посредством уничтожения femme fatale*. Подобный пример мы находим в рассказе «Дело корнета Елагина», в котором протагонист убивает Марию Висневскую по настоятельной ее просьбе и, убив ее, внезапно отказывается от плана самоубийства вопреки первоначальному намерению. Подобное решение, однако, не является сигналом освобождения протагониста из-под власти и разрушительного влияния роковой женщины, что можно было бы предположить на первый взгляд. Реакция Елагина на его арест и его поведение в процессе следствия подчеркивают его полную идентификацию с жертвой убийства. При этом протагонист рассматривает себя как орудие воли *femme fatale*, вне существования которой его пребывание на этом свете не имеет никакого значения. 3. *Уничтожение протагониста на уровне метафоры*. Так, в рассказе «Руся» протагонист на вопрос о том, чем же окончился его роман со «*скучающей дачной девицей*» [Бунин, 1988: 283] отвечает, что он «*застрелился, а она закололась кинжалом...*» [Бунин, 1988: 285]. Звучащий как шутка ответ оказывается точечным обозначением события, развертывающегося в рамках воспоминаний протагониста. В рамках воспоминаний реконструируется образ Руси, а также вся история любовных отношений между Русей и главным героем. Таким образом, из точки возникает история, которая на уровне подачи информации и ее структуры носит фрактальный характер². Фрактальность подобного воспоминания эксплицитно отражается в метафоре сине-лилового глазка, через который главный герой заглядывает в свое прошлое: «*Сине-лиловый глазок над дверью тихо глядел в темноту. Она скоро заснула, он не спал, лежал, курил и мысленно смотрел в то лето...*» [Бунин, 1988: 285]. Через глазок (точку) протагонист смотрит в свое

¹ Под событийностью мы понимаем набор характеристик, определяющих какое-либо действие как событие, и опираемся на каталог подобных характеристик, сформулированный Вольфом Шмидом в его работе «Нарратология». В центр нашего рассмотрения мы ставим особенно такие характеристики, как релевантность, непредсказуемость, результативность и, конечно, неповторимость события. У Шмида: 1) релевантность, 2) непредсказуемость, 3) консекутивность, 4) необратимость, 5. неповторимость [Шмид, 2003: 13–18].

² Подробнее к фрактальной структуре литературного текста см. [Леонова, 2010: 297–308].

прошлое, т. е. разворачивает его в историю, которая тоже в себе не линейна, а представляет собой фрактальную структуру из эпизодов, вводимых в повествование такими точечными временными маркерами как слово *однажды*: «Однажды она промочила в дождь ноги...» [Бунин, 1988: 285]. Т. к. эпизоды предлагаются читателю не в линейной последовательности, история обольщения главного героя Русей с такими атрибутами, как обнаженное тело, или непоследовательное поведение, или смесь детскости с опытностью¹, обозначающие на уровне сюжета и описания протагонистки концепт *femme fatale* и делающие его для читателя узнаваемым, должна быть реконструирована в ее последовательности самим читателем. Нелинейность воспоминаний подчеркивается их фрагментарностью и приводит к восприятию самой истории не как протекающего во времени динамичного развития, а как развития внутри рамок, определенных концептом. Потому и не удивляет читателя внезапное театральное появление матери Руси и ее абсурдная, аффектированная реакция: «—Я все поняла! Я чувствовала, я следила! Негодай, ей не быть твоею! И, вскинув руку в длинном рукаве, оглушительно выстрелила из старинного пистолета...» [Бунин, 1988: 289]. Театральность произносимых фраз и сам выстрел из «старинного» пистолета подчеркивают искусственность, игровой характер концепта, реализация которого приводит к решению Руси в пользу ее матери и отказу главному герою от места домашнего учителя: «— Негодай, вон из моего дома! Марья Викторовна, выбирайте: мать или он! Она прошептала: — Вы, вы, мама...» [Бунин, 1988: 290].

4. «Роковая жертва». На первый взгляд не имеющая с концептом ничего общего роковая жертва представляет собой особый случай создания событийности, при котором уникальность, релевантность и результативность любовной связи достигаются не исключительно путем обольщения протагониста с последующим его изгнанием из рая, как это происходит в классическом случае реализации концепта, а путем навязывания ему чувства вины. В этом навязывании роковая жертва идет на все средства от чисто вербального обвинения до самоуничтожения, представляющие собой две крайние точки в комплексном создании ощущения вины

у главного героя и его самоидентификации через это ощущение. Эти два полярных случая мы бы хотели рассмотреть более подробно. Первый случай навязывания вины мы находим в рассказе «Темные аллеи», в котором главная протагонистка не только называет главного протагониста обольстителем: «Очень вы бессердечно меня бросили», но и любовную связь с ним обозначает как единственную в ее жизни, после окончания которой она «хотела руки на себя наложить» [Бунин, 1988: 253]. На замечание протагониста, что «все проходит, мой друг... Любовь, молодость — все, все. История пошлая, обыкновенная...» [Бунин, 1988: 253], отвечает Надежда: «Все проходит, да не все забывается» [Бунин, 1988: 254]. Прошлая любовь эксплицитно представлена как событие, которое не только изменило жизнь Надежды, но и не закончилось, на что многократно указывает сама протагонистка. С перспективы Николая Алексеевича на протяжении всего рассказа делаются замечания, которые подчеркивают бессобытийность тогдашнего любовного приключения. Так он, говоря, что все проходит, и, называя их связь с Надеждой «обыкновенной историей», с одной стороны, подчеркивает банальность эпизода, а с другой, отсылает к «Обыкновенной истории» Гончарова, в которой пылкий молодой человек с романтическими воззрениями превращается в респектабельного и реалистичного, циничного господина. Отчего из старика, утомленного жизнью, при встрече с Надеждой мужчина становится энергичным, краснеющим? «Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить» [Бунин, 1988: 253]. Событийность любви для главного героя подчеркивается также наличием оспин на его красивом лице, что можно рассматривать как сигнал уникальности и неординарности бывшей связи как связи, оставившей не только душевный, но и физический след в жизни протагониста. Результативность ее подчеркивается протагонистом в признании, что он «любил», но «никогда не был счастливым», что и делает невозможность счастья основной результативной составляющей событийности встречи с роковой женщиной. Для Надежды разрыв с Николаем Алексеевичем при всей его кажущейся событийности не является событием, т. к., меняя внешние условия ее существования, ничего не меняет в ее воззрениях. Не меняя своих убеждений и оставаясь в рамках одного концепта, она ставит Николая Алексеевича, поменяв-

¹ Детскость как атрибут *femme fatale* отмечает Сюсанна Милднер: Она достигает желаемого результата через эротику, красоту и детскую непосредственность. (Sie erzielt ihre Wirkung durch Erotik, Schönheit und kindliche Unbefangenheit.) [Mildner, 2007: 22].

шего свои жизненные воззрения с романтических «стихи читали» [Бунин, 1988: 253] на реалистические «обыкновенная история», на границу эти двух концептов, тем самым обозначая их несостоятельность при столкновении с жизнью. Надежда играет роль судьи, который вызывает по справедливости: «*Не отдал вовремя — пеняй на себя*» [Бунин, 1988: 254]. Фраза, повторенная протагонистом, приобретает ключевое значение для понимания рассказа. Надежда отдала протагонисту «лучшие минуты своей жизни» [Бунин, 1988: 254], но на самом деле это были лучшие минуты и его жизни: «*Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие минуты, а волшебные...*» [Бунин, 1988: 255]. Протагонист умер, что и подчеркивается фразой «*мертвых с погоста не носят*» [Бунин, 1988: 254]. Перемена концепта на метауровне приводит на уровне поэтики к раздвоенности протагониста, обозначаемой как конфликт между восприятием протагониста его любовной связи с Надеждой, с одной стороны, как банальной, а с другой — как исключительной: «*Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у нее руку, и тотчас стыдился своего стыда*» [Бунин, 1988: 254]. Таким образом, в отличие от рассмотренных выше случаев превращения роковой женщины из субъекта в объект отношений, мы имеем в случае роковой жертвы смещение акцента с заданных через концепт жертвы исходных позиций жертва — объект, совратитель — субъект на совратителя как объекта чувства вины, которое и является основой неповторимости, результативности и релевантности, а следовательно, и рокового характера встречи с жертвой.

Примером подобного смещения служит рассказ «Галей Ганская». Главный протагонист начинает описание истории своей любовной связи с Галей Ганской с обозначения своего жизневосприятия в момент встречи, и, следовательно, концепта, который якобы реализуется протагонистом на уровне сюжета: «*Я как раз в ту пору провел две весны в Париже, вообразил себя вторым Мопассаном по части любовных дел и, возвращаясь в Одессу, ходил пошлейшим щеголем...*» [Бунин, 1988: 353]. Таким образом, намечается исходная точка, из которой как читатель так и собеседник главного протагониста должны реконструировать историю совращения Гали Ганской главным протагонистом. В рассказе описываются три этапа развития отношений протагониста с Галей: Галей-подростком, Галей-девушкой и Галей-женщиной. Уже при описании первой встречи у собеседника после признания главного протагониста, что «до

конца ничего не было. Целовались ужасно, ну и все прочее, но тогда меня жалость взяла» [Бунин, 1988: 356], возникает сомнение в соответствии главного протагониста концепту совратителя, на что эксплицитно и указывается: «*Плохой же ты был Мопассан*» [Бунин, 1988: 356]. Заметим, что замечание о несоответствии концепту возникло у слушателя лишь после того, как он узнал о реакции Гали на поцелуй главного протагониста при второй встрече: «*Потом вдруг вырвалась и, поправляя шляпку, просто и убежденно говорит: — Ах, какой вы негодяй. Какой негодяй*» [Бунин, 1988: 356]. Принимая во внимание, что и первая, и третья встречи образуют перекличку на уровне пространства, т. к. происходят в мастерской главного протагониста, обнаруживаем маркированность второй встречи как переломного момента, некоей цезуры в развитии отношений главного героя с Галей. Присмотревшись к слову *вдруг*, обнаруживаем непредсказуемость реакции Гали с точки зрения протагониста. Это *вдруг* и является точкой столкновения концептов и переломной точкой во всем сюжете рассказа. Уже Галей, а не протагонист (как это было при первой встрече) предлагает пройти посмотреть мастерскую, где и происходит сексуальное сближение главных героев. Это Галей организует все встречи с протагонистом в течение двух недель у него в мастерской, носящие исключительно сексуальный характер. При попытке отдалиться на время от Гали главный герой получает категорический запрет со стороны Гали Ганской. С целью сохранения своей власти и исключительности Галей идет даже на самоубийство, что в конечном счете приводит протагониста к восприятию любовной связи с Галей как «особенно дорогого любовного воспоминания или какого-нибудь особенно тяжкого любовного греха» [Бунин, 1988: 352]. Эта двойственность восприятия и рождает его уникальность. Чувство вины, рожденное жертвой, приводит протагониста к желанию покончить жизнь самоубийством: «*Я хотел застрелиться... Чуть с ума не сошел...*» [Бунин, 1988: 358] и делает встречу с Галей Ганской уникальным, релевантным, результативным событием и маркирует ее как роковую.

Таким образом, концепт *femme fatale* приобретает у Бунина конкретные очертания как встреча с женщиной, воспринимаемая протагонистом как уникальное, релевантное и результативное событие, результативность которого заключается в осознании протагонистом невозможности счастья вне отношений с *femme fatale*.

Список литературы

1. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Повести. Рассказы.— М. : Эксмо, 2008.— 798 с.
2. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Рассказы 1932–1952 : собр. соч.— М. : Худож. лит., 1988.— Т. 5.— 638 с.
3. Леонова М. Фрактальная структура литературного текста на примере романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» // Паисиви Четения : науч. тр.— Т. 48, кн. 1.— 2010.— С. 297–308.
4. Линков В. Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989.— 172 с.
5. Лявданский Э. К. Действительность и жизнь сознания в прозе Ивана Бунина // Иван Бунин и литературный процесс начала XX века (до 1917 года) : межвуз. сб. науч. тр.— Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1985.— С. 60–71.
6. Проходова В. П. Автор и герой в прозе И. А. Бунина 1910–1915-х годов («Хорошая жизнь», «Грамматика любви») // Иван Бунин и литературный процесс начала XX века (до 1917 года) : межвуз. сб. науч. тр.— Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1985.— С. 123–129.
7. Шмид В. Нарратология.— М. : Языки славян. культур, 2003.— 311 с.
8. Frenzel E. Verführerin. Die dämonische // Motive der Weltliteratur: Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte.— Stuttgart : Kröner, 1999.— 941 s.
9. Hilmes C. Die femme fatale. Ein Weiblichkeitstypus in der nachromantischen Literatur.— Stuttgart : Verlag J. B. Metzler, 1990.— 262 s.
10. Mildner S. Konstruktionen der Femme fatale. Die Lulu-Figur bei Wedekind und Pabst.— Frankfurt am Main : Peter Lang, 2007.— 143 s.

М. Ф. Масгутова (Челябинск, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ДРУЖБА» В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ (на примере английского языка)

The article is dedicated to the research of the language peculiarities of the conceptual notion "Friendship" in English which is represented by various lexical units such as derivatives, synonyms, terms, predicative forms.

Keywords: conceptual representation, lexical unit, lexical notion.

Дружба — важная составляющая жизни каждого представителя лингвосообщества. Концептуальное представление «дружба» имеет достаточно широкий репертуар разноуровневых средств языковой объективации в английском языке. Анализ лексических репрезентантов концептуального представления «дружба» в английском языке позволяет выявить лингвокультурные аспекты его интерпретации.

Материалом анализа стали синонимические ряды с доминантой «дружба», дериваты лексемы «дружба», сочетания с компонентом, имеющим отношение к исследуемому материалу.

Лексический пласт рассматриваемого концептуального представления содержит единицы, связанные синонимическими отношениями. Согласно нашей картотеке лексикографических данных (словарный материал выбран из 70 словарей английского языка), лексема «friend» входит в большой синонимический ряд. Все синонимы занимают разное положение в номинативном поле рассматриваемых понятий «friend» и «friend-

ship». Концептуальное представление «дружба» включает как составляющую понятия «друг».

Синонимический ряд с доминантой «дружба» можно распределить на микрогруппы, согласно основному значению, по разным основаниям. Центральным компонентом в нем является ядерный член, занимающий центрированное положение, в семантике которого основной признак стал определяющим и неотъемлемым. Периферийные члены, занимающие соответственно периферийное положение в номинативном поле понятий «friend» и «friendship», содержат вторичные, маркированные значения. Результаты анализа синонимического ряда лексемы «friend» в английском языке представлены в таблице.

Значения разных лексических номинантов английского «friendship», занимающих центрированное положение, имеют свои определенные наборы семантических компонентов:

1) attachment (дружба — привязанность) — центрированное положение: rela-

Синонимический ряд лексемы «friend»

Положение в номинативном поле	«Друг-товарищ» (<i>Friend is a person you know well and regard with affection and trust</i>)	«Друг — союзник, сторонник» (<i>Friend is as associate who provides cooperation or assistance</i>)	«Друг-знакомый» (<i>Friend is a person with whom you are acquainted</i>)
Центрированное положение	Companion	Supporter	Acquaintance
Периферийное положение	alter ego, amigo, best friend, comrade, buddy, chum, crony, pal, sidekick, partner, fellow, associate, confederate, coworker, confidant, intimate, flatmate, girlfriend, light, mate, rommie, roommate, roomy, bedfellow, playmate, main man, soul mate, cobber, bosom friend, boon companion, bosom buddy, boyfriend, confrere, sidekick, hon	ally, Maecenas, adherent, protagonist, champion, contributer, admirer, booster, associate, blood brother, cohort, sponser, advocate, patron, backer, investor, peer, equal, match, compeer, partisan, protagonist, benefactor, adherent, well-wisher, colleague. Антонимы: foe, enemy, rival, opponent, competitor, adversary, antagonist	individual, mortal, soul, person, bunkmate, campmate, connection, end man, homeboy, familiar, messmate, pickup, class fellow, classmate, school fellow, schoolmate, schoolfriend, beau

tionship, bond, alliance, community, link, association, tie — периферийное положение; 2) friendliness (**дружба — дружелюбие**) — центрированное положение: affection, harmony, goodwill, intimacy, company, amicability, camaraderie, affinity, familiarity, closeness, rapport, fondness, companionship, good will, amity, concord, benevolence, comradeship, amity, acquaintanceship, good-fellowship — периферийное положение. В данной группе периферийное положение занимают антонимы: unfriendliness, conflict, hostility, hatred, resentment, strife, animosity, aversion, antagonism, antipathy, enmity, bad blood; 3) closeness (**дружба — близость**) — центрированное положение: love, regard, affection, intimacy, warmth, fondness, cordiality, comradeship — периферийное положение.

На лексическом уровне реализация концептуального представления «дружба» в лексикографических источниках в английском языке также представлена большим количеством **сложных и производных слов**, словосочетаний с лексемой «друг» и «дружба», которые широко используются в разных видах дискурса (политическом, военном, религиозном).

В английском языке словообразовательные процессы (аффиксация, словосложение) в равной степени участвуют в формировании близких по значению лексических единиц.

Дериваты лексемы «друг» в английском языке:

1. Существительные: *friendship, friendliness, friendlessness, friending, friendly.*

2. Наречия: *friendlily*.

3. Прилагательные: *friendlike, friendless, friend-ed*.

4. Глаголы: *befriend, defriend*.

Словослияние (телескопию) можно проследить при образовании таких слов, как *framily* (*friend + family*) — «круг близких людей»; *friendemy* (*friend + enemy*) — «ложный, мнимый друг». Оба слова эмоционально маркированы, поскольку первое имеет положительную коннотацию, а второе несет отрицательную оценку.

Понятия «друг» и «дружба» имеют яркое **комбинаторное выражение**. Специфику концептуального поля «друг» определяет большая группа адъективных сочетаний, которые являются определенными маркерами отношения к дружбе и друзьям: *bosom, close, good, intimate, faithful, fast, loyal, staunch, strong, true; false; lifelong; mutual; personal; special, inseparable, kind, kindly, amiable, benevolent, well-disposed, kindly disposed, kind-hearted, affectionate, close*.

Особого внимания заслуживают такие адъективные сочетания, как *fair-weather friend* «ненадежный друг, друг только в счастье», *summer friend* «ненадежный друг» и *false friend* «ложный друг». Данные сочетания имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, что дает основание полагать, что в англоязычной картине мира концептуальное представление «дружба» изначально содержало компонент «желание совершить хороший поступок». Несчастье рассматривалось как период, когда дружба испытывается, а не как то единственное время, когда ожидается активная поддержка.

Согласно англоязычным комбинаторным словарям, адъективные сочетания концептуального представления «дружба» в английском языке включают следующее: «*close, firm, intimate, strong, warm, lifelong, long, real, true, faithful*» [Фоломкина, 2003. С. 98].

Все адъективные сочетания можно разделить на несколько категорий, согласно тем функциям и признакам, которые они имеют по отношению к понятию «друг»:

– **признак времени и продолжительности отношений**: *lifelong, old, lasting, longstanding*;

– **личностные качества друга**: *faithful, loyal, staunch, strong, kind, kindly, amiable, benevolent, well-disposed, kindly disposed, kind-hearted, affectionate*;

– **степень близости отношения**: *close, intimate, distant, neutral, situational, random*;

– **личная оценка отношений с другом**: *inseparable, personal, bosom, best, favorite, precious*;

– **негативная оценка**: *fair-weather, false, summer*.

Особого внимания заслуживает функционирование сочетаемости понятий «дружба» и «друг» в составе предикатов. Все варианты предикатов имеют стилистическую или оценочную маркированность и выполняют определенную функцию, согласно своему значению.

В результате анализа словарного материала и национального корпуса английского языка, который насчитывает 18 000 речевых отрезков с лексемой-номинантом «*friend*» и 2 000 речевых отрезков с лексемой-номинантом «*friendship*», были выделены следующие группы глаголов в сочетании с этими лексемами:

– **глаголы, указывающие на возникновение дружбы**, — *to ratify, to find, to begin, to cement, develop, make, strike up, to form a friendship, friendship springs up; to make friends, to become friends, to get friends*;

– **глаголы, указывающие на разрыв дружеских отношений**, — *to break up, to destroy, to forfeit, to end up friendship*;

– **глаголы, указывающие на развитие дружеских отношений**, — *to cultivate, to keep, to foster, to promote, to cherish friendship, to repair, to investigate, reciprocate, to expect, to act out, to deepen, to feign, to remain, to last*.

Как видно из примеров, лексемы «дружба» и «друг» отличаются широкой предикативной сочетаемостью, в каждом случае приобретая разные оттенки значений.

В английском языке лексема «**friend**» образует такие коллокации, как *friend class, friends in high places, to be no friend of, circle of friends, friend function, friend of Dorothy, friend, friend face, friend operator, friend-or-foe identification, friend-or-foe transponder, friend privilege, Friend's virus, friend of the court, friendsourcing*.

Лексема «*friendship*» образует ряд нейтральных и стилистически окрашенных коллокаций: *friendship's demise, the gesture of friendship, the spirit of friendship, recent, brotherly friendship, the use of friendship, the pleasure of friendship, the stone of friendship, useful tools of the friendship trade, the quality of friendship, the significance of friendship, warm, demanding friendship, the pretence of friendship, the realm of friendship, the strength of a friendship, patterns of friendship, the betrayal of friendship, development of friendship, the friendship treaty, the beginning of relationship, guarded friendship*.

Говоря об **устойчивых** сочетаниях с лексемой «**friendly**», отметим, что они относятся к экономическому, военному и политическому дискурсу.

В **политическом дискурсе** можно выделить такие устойчивые сочетания, как friendly nation, friendly foreign government, friendly visit, friendly relations, friendly cooperation, friendly competitor, friendly intercourse, friendly rivalry, friendly air, friendly internationals, friendly power, friendly cryptanalyst, friendly hostile air, friendly state, friendly situation, friendly atmosphere. Они характеризуют внешнюю политику и отношения между государствами. Данные устойчивые сочетания имеют значение одобрения, поскольку в них уже заложено исследуемое представление.

В **экономическом дискурсе** используются следующие устойчивые сочетания с лексемой «friendly»: friendly takeover, friendly intermediaries, friendly tender offer, friendly takeover bid, описывающие экономические понятия, сделки.

В **военном дискурсе** употребляется много сочетаний с лексемой «friendly». Например, friendly forces, friendly troops, friendly aircraft, friendly air movements, friendly fire, friendly forward disposition, friendly interceptor, friendly information, friendly lines.

Лексема «friendly» образует также коллокации, выражающие отношение к людям, как friendly attitude, friendly gesture, friendly greeting; коллокации, относящиеся к явлениям природы — friendly ice, friendly showers, friendly wind; к компьютерной технике — friendly machine, friendly software; к юридическим терминам —

friendly suit, friendly witness; к вычислительной технике — friendly signal, friendly numbers.

В англоязычной картине мира понятие «friend» является составным элементом терминологических сочетаний в названиях организаций.

В **экологическом дискурсе**: friends of Siberian forests — движение «Друзья сибирских лесов!; friends of Nature — «Друзья природы»; friends of the Earth — общество «Друзья Земли».

В **религиозном дискурсе**: friends of God — «Друзья Земли» (христианская община, появившаяся в первой половине XIV в. в Швейцарии); friends United meeting — общее собрание квакеров; friends World Committee for Consultation — Всемирный консультационный комитет «Общества друзей».

Таким образом, анализ номинативной системы английского языка показал, что лексема «friend» характеризуется разнообразной семантической структурой, обширными синтагматическими и парадигматическими связями на уровне семантики и словообразования. Результаты исследования позволяют заключить, что концептуальное представление «дружба» является сложным структурно-смысловым и лексически вербализованным образованием.

Список литературы

1. Фоломкина С. К. Англо-русский словарь сочетаемости. — М. : Рус. яз., 1998. — 1034 с.

А. А. Матвеева (Уфа, Россия)

КАТЕГОРИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

The article gives the analysis of the “us vs. them” category through evaluation. Models of the expression of the “us vs. them” category by means of evaluation in the English-speaking linguo-cultural society have been elaborated. The specificity of each model has been brought out.

Keywords: us vs. them, evaluation.

Цель данной статьи — представление результатов исследования категории «свой — чужой» сквозь призму оценки. Материалом исследования послужили тексты художественных произведений британских и американских писателей и тексты периодических изданий Великобритании и США. Анализ подвергся 591 текстовый отрывок, в котором категория «свой — чужой» выражена посредством оценочных единиц.

Под категорией «свой — чужой» в данной работе понимается универсальная категория, основывающаяся на самоотождествлении лично-

сти с определённой общностью, понимаемой как «свои», и отграничении себя от некоего континуума, соотнесение с которым определяет «чужих». Под **оценкой** в данной работе понимается отношение между нормативной картиной мира субъекта оценки и объектом оценки, оцениваемым положительно или отрицательно по какому-либо основанию.

Исследование категории «свой — чужой» в ракурсе оценки позволяет говорить о следующих результатах. В качестве рабочей гипотезы было предложено пять гипотетических моделей

оценочной реализации категории «свой — чужой»: 1. «Свое» хорошо, «чужое» плохо; 2. «Чужое» хорошо, «свое» плохо; 3. И «свое», и «чужое» хорошо; 4. И «свое», и «чужое» плохо; 5. И «свое», и «чужое» обладают и хорошими, и плохими чертами. Из них в ходе анализа зафиксировано 4 модели: а) «свое» хорошо, «чужое» плохо; б) и «свое», и «чужое» хорошо; в) и «свое», и «чужое» плохо; г) и «свое», и «чужое» обладают и хорошими, и плохими чертами.

В процессе исследования была выявлена специфика каждой из четырёх зафиксированных в ходе анализа моделей оценочной реализации категории «свой — чужой». Специфика модели «“Свое” хорошо, “чужое” плохо» совпадает с формулировкой данной модели. Модель «“Свое” хорошо, и “чужое” хорошо» предполагает, что «свое» всё же лучше, чем «чужое». Прочтение модели «“Свое” плохо, и “чужое” плохо» сводится к тому, что негативные черты «своего» подвергаются компенсации, а негативные черты «чужого» — нет. Специфика модели «И “свое”, и “чужое” обладают и хорошими, и плохими чертами» заключается в том, что положительные характеристики «чужого» девальвируются, а отрицательные характеристики «своего» компенсируются.

Пример (1) реализует модель «“свое” хорошо, “чужое” плохо». В центре статьи «Thai Court Rules to Extradite Arms Suspect to U. S.» из газеты «The New York Times» за 20 августа 2010 г. находится судебный процесс против российского бизнесмена Виктора Бута, обвиняемого в торговле оружием. Контекст показывает, что Виктор Бут является для автора статьи «чужим».

(1) (a): *Mr. Bout, who inspired the movie “Lord of war”, starring Nicholas Cage, is suspected of running a large-scale arms trafficking organization that provided weapons to governments, rebels and insurgents across the globe.*

(1) (b): *... the United States began pursuing Mr. Bout in the 1990s after officials became alarmed that he was making conflicts more deadly by showering warring parties with weapons on an unprecedented scale, including such weapons as sophisticated attack helicopters.*

They became aware in the mid 1990s that he had fundamentally altered the way wars were being waged. He was flying in planeloads of this stuff. There was a lot of alarm that we were facing something new. It was the privatization of warfare...

(1) (c): *Mr. Bout has delivered weapons into Africa and Afghanistan, among other places, but has also flown missions for the Pentagon in Iraq and the*

United Nations. Sometimes Mr. Bout was hired to fly in arms to a particular group, the authors note, and then was paid by the United Nations to deliver humanitarian aid to the same area.

(1) (d): *Mr. Bout was arrested in March 2008 at a hotel in Bangkok after agreeing to sell millions of dollars worth of arms to undercover agents for the United States Drug Enforcement Administration posing as rebels from the Revolutionary Armed Forces of Colombia, or FARC.*

Отрицательная характеристика Виктора Бута представлена преимущественно через метафорические средства (*Lord of war, Merchant of death, showering warring parties with weapons*). Автор статьи сделана попытка представить действия Виктора Бута не просто как плохие, но как чудовищные через посредство интенсификаторов: «*large-scale*», «*across the globe*», «*on an unprecedented scale*», «*fundamentally*», «*plane-load*», «*millions*» и т. д. Указание на то, что иногда Виктор Бут снабжал одну и ту же местность как оружием, так и гуманитарной помощью, призвано подчеркнуть его абсолютную беспринципность.

Россия как ещё один представитель сферы «чужого» также описывается в статье посредством отрицательных оценок. Так, например, Россия ассоциируется в статье с негативной эмоцией гнева по отношению к законным, по мнению автора статьи, действиям США.

(1) (e): *Russia, which had been seeking to prevent Mr. Bout from being placed in the American legal system, reacted angrily to the ruling.*

В противопоставление России, представленной в статье в качестве «чужой», Соединённые Штаты, позиционирующиеся как «свои», предстают как воплощение нормы, ассоциируются с понятиями законности и правосудия. Они охарактеризованы с помощью единиц «*normal*», «*legal*», «*justice*».

(1) (f): *...the United States could work through normal channels to achieve justice.*

Таким образом, статья построена на противопоставлении понятий преступности и озлобленности, характеризующих «чужих» (Виктор Бут и Россия), и нормы и правосудия, маркирующих «своих» (США). В итоге, статья иллюстрирует модель «“свои” оцениваются позитивно, а “чужие” оцениваются негативно».

Пример (2) реализует модель «и “свое”, и “чужое” хорошо». Среди действующих лиц романа Ф. Фитцджеральда «Tender is the night» присутствуют Дик Дайвер и Франц Грегоровиус. Они представляют разные национальности: Дик —

американец, Франц — швейцарец, уроженец кантона Во.

(2): *«I've only got one, Franz, and that's to be a good psychologist — maybe to be the greatest one that ever lived.»*

Franz laughed pleasantly, but he saw that this time Dick wasn't joking.

«That's very good — and very American,» he said. «It's more difficult for us.» He got up and went to the French window. 'I stand here and I see Zürich — there is the steeple of the Gross-Münster. In its vault my grandfather is buried. Across the bridge from it lies my ancestor Lavater, who would not be buried in any church. Nearby is the statue of another ancestor, Heinrich Pestalozzi, and one of Doctor Alfred Escher. And over everything there is always Zwingli» — I am continually confronted with a pantheon of heroes [Fitzgerald, 1997: 24].

Анализ контекста приводит к определённым выводам. Прилагательное «good», используемое Францем Грегоровиусом для характеристики Дика Дайвера и всех американцев в целом, свидетельствует о том, что Франц оценивает американскую нацию положительно. Вместе с тем он даёт перечисление своих предков — знаменитых учёных. Говоря о своём предке Лаватере, Франц упоминает о том, что ни одна церковь не осмелилась бы похоронить его на своей территории (это означает, что открытия данного учёного были настолько революционными, что пошатнули даже религиозные устои общества). Говоря о другом своём предке Генрихе Песталоцци и докторе Альфреде Эшере, Франц отмечает, что им поставлены памятники. Упомянув Цвингли, Франц употребляет выражения «*always over everything*». Это показывает, что Франц гордится своими соотечественниками-предшественниками и оценивает их чрезвычайно высоко. По отношению к ним Грегоровиус использует словосочетание «*a pantheon of heroes*». Нация Франца Грегоровиуса — это нация, породившая героев. Это имплицитно выражает высокую степень позитивной оценки по отношению к своим соотечественникам со стороны Грегоровиуса.

В высказываниях «*That's very good — and very American. It's more difficult for us*» Франц противопоставляет представителей собственной нации («*us*») и американцев. Положительная оценка присутствует в тексте в отношении и тех, и других. Однако степень интенсивности позитивной оценки по отношению к американцам и по отношению к швейцарцам неодинакова. Американцы охарактеризованы только с помощью лексемы «good».

Прославлению соотечественников посвящён целый абзац (для их характеристики применяются языковые единицы «*heroes*» и «*pantheon*»), словосочетание «*over everything*», имплицитно выражает, что открытия многих соотечественников-учёных влияют на развитие человечества). Эти данные, равно как и сам факт наличия противопоставления «*American vs. us*», создают импликацию «наша нация лучше». Аксиологический итог анализируемого отрывка — «американцы хорошие, и мы хорошие, но мы лучше».

Данный пример иллюстрирует специфику анализируемой модели — «своё» всё же лучше. Отсюда сущность модели может быть сформулирована следующим образом: и «своё», и «чужое» маркируются как хорошее, но показано, что «своё» лучше.

Пример (3), в качестве которого служат выдержки из статьи «Menace from Moscow» из The Times, June 4, 2007 реализует модель «и «своё», и «чужое» плохо».

(3): *Russia's behaviour over the past year has irritated and alarmed Western partners... This has exacerbated worsening East-West relations, which are suffering from a Big Chill, if not a Cold War.*

Mr. Putin neither acknowledges nor regrets anything he has done, and that has prompted some critics in the West to call for Russia's expulsion from the G8. And in a combative interview with The Times, he attempted to turn the tables with sharp attacks on Western policies. ...

Mr. Putin has not forgotten his KGB training or the mindset of the old Soviet Union. Whenever communist leaders were criticised for abuses, the retort was to point to supposedly similar cases in the West and accuse Western leaders of hypocrisy. Putin's focus is sharp: Guantanamo, Iraq and US withdrawal from the AntiBallistic Missile Treaty have been controversial among G8 members. But in his interview Mr Putin went further than mere rebuttal: his tone was as coldly menacing as some of his responses...

It is in no one's interest to expel an angry Russia from G8. His partners should listen to Mr. Putin's well-marshalled arguments but tell him bluntly where he is wrong.

Автор статьи, британский журналист, проводит разграничение «своих» и «чужих» по цивилизационной линии «Запад — Восток» («*East — West relations*»). «Свои» — это западное общество («*Western society*»), «чужие» — это восток («*East*»), представленный по преимуществу Россией.

Статья пронизана негативной оценкой. Основная часть отрицательной оценки, фиксируемой в статье, относится к России и В. В. Путину

как её представителю. Данная оценка выражается через лексические единицы, передающие негативную оценку («*wrong*», «*irritate*», «*alarm*», «*worsen*», «*combative*», «*abuse*», «*attack*», «*accuse*», «*menace*», «*angry*»); имплицитруется в таких высказываниях, как «*Mr. Putin neither acknowledges nor regrets anything he has done*», «*Russia's behaviour ... has exacerbated worsening East-West relations, which are suffering from a Big Chill, if not a Cold War*».

Вместе с негативной оценкой по отношению к «чужому» в статье присутствует и негативная оценка по отношению к «своему». Об отрицательных чертах, присущих западному сообществу, автор статьи говорит, используя лексему «*controversial*»: *Guantanamo, Iraq and US withdrawal from the AntiBallistic Missile Treaty have been controversial among G8 members*. Но отрицательные характеристики в данном случае оказываются оправданы. Прежде всего, автор сам принадлежит к западному сообществу. Он видит угрозу данному сообществу со стороны Востока (*Russia, Iran, North Korea*) — об угрозе красноречиво говорит заглавие статьи «*Menace from Moscow*», об этом идёт речь и в тексте статьи (*But in his interview Mr. Putin, formidably briefed, went further than mere rebuttal: his tone was as coldly menacing as some of his responses*). Если нечто представляет угрозу своему сообществу, оправданными становятся многие действия, противоречащие общепринятым нормам морали, только бы они были способны защитить «своё». Кроме того, автор «смягчает акценты»: поступки «своих», которые другой мог бы назвать преступлениями (*Guantanamo, Iraq, etc.*) он характеризует, используя лишь определение «*controversial*».

Сравнивая отрицательную оценку, которой в статье характеризуется «чужое», с отрицательной оценкой, которой в статье характеризуется «своё», следует отметить следующие особенности: негативная оценка по отношению к «чужим» количественно превосходит негативную оценку по отношению к «своим» (ср. избыток средств выражения отрицательной оценки в адрес России с минимальным выражением таковой в адрес западного сообщества); негативная оценка по отношению к «своим» смягчена (ср. предельно «мягкую» по степени выражения отрицательной оценки лексему «*controversial*» с «жестким» и безапелляционным «*wrong*»); отрицательные действия «своего» оправданы необходимостью искать защиту от угрозы, тогда как для отрицательных черт «чужого» нет никакого оправдания.

Таким образом, специфика модели «и «своё», и «чужое» плохо» заключается в том, что отрицательные характеристики «своего» оправданы, а «чужого» — нет, что и предопределяет в конечном итоге правоту «своего» и неправоту «чужого».

Модель «И «своё», и «чужое» обладают и хорошими, и плохими чертами» может быть проиллюстрирована на **примере (4)**, в рамках которого маркируется «чужое», которое обладает и хорошими, и плохими чертами. Примером служит отрывок из повести Дж. Сэлинджера «*Zooey*», относящийся на с. 235–236.

Зуи Гласс воспринимает Лэйна Кутелла, молодого человека своей сестры Фрэнни, как «чужого», что можно увидеть из анализа контекста. Так, например, Зуи делает вид, что не знает, кто такой Лэйн.

(4) (a): *Zooey rinsed his razor. «Who in hell is Lane?» he asked.*

«You know very well who he is, young man,» Mrs. Glass said with emphasis. «Lane Coutell. He's only been Franny's boy friend for a whole year. You've met him at least half a dozen times that I know of, so just don't pretend you don't know who he is» [Salinger, 235].

Тот факт, что Лэйн является «чужим» для Зуи, подтверждается и последующей информацией. Зуи отрицает утверждение своей матери о том, что Лэйн является приятным человеком.

(4) (b): *...He's been very sweet, and he's terribly concerned and worried about Franny.*

Not like some people we know, eh? Well, I hate to disillusion you, but I've sat by the hour with him and he's not sweet at all. He's a charm boy and a fake... [Salinger, 1982: 235].

Зуи предполагает в поступках Лэйна низменные мотивы.

(4) (c): *I can tell you one thing. If he's worried about Franny at all, I'll lay odds it's for the crummiest reasons. He's probably worried because he minded leaving the goddam football game before it was over — worried because he probably showed he minded it and he knows Franny's sharp enough to have noticed. I can just picture the little bastard getting her into a cab and putting her on a train and wondering if he can make it back to the game before the half ended' [Salinger, 1982: 235].*

Зуи считает Лэйна полным ничтожеством.

(4) (d): *«Exactly — in nine cases out of ten. And this Lane pill isn't the exception, you can be sure. Listen, I talked with him for twenty deadly goddam minutes one night while Franny was getting ready to go out, and I say he's a big nothing.» He reflected,*

arresting his razor stroke. «What in hell was it he was telling me? Something very winning. What was it?.. Oh, yes. Yes. He was telling me he used to listen to Franny and me every week when he was a kid — and you know what he was doing, the little bastard? He was building me up at Franny's expense. For absolutely no reason except to ingratiate himself and show off his hot little Ivy League intellect.» Zooey put out his tongue and gave a subdued, modified Bronx cheer. «Phooey,» he said, and resumed using his razor. «Phooey, I say, on all white-shoe college boys who edit their campus literary magazines. Give me an honest con man any day» [Salinger, 1982: 236].

Вместе с этим в характеристике, которую Зуи даёт Лэйну, встречаются как лексемы с положительной оценочной семантикой, так и лексические единицы, передающие отрицательную оценку. К единицам, выражающим позитивную оценку, принадлежат «charm boy» и «winning». Единицы с негативной оценочной семантикой включают в себя «fake», «crummy», «bastard», «pill».

Отрицательная оценка остаётся в тексте неизменной, тогда как положительная оценка подвергается девальвации. Во-первых, это количественная девальвация: количество средств выражения позитивной оценки в два раза меньше количества средств выражения негативной оценки. Во-вторых, в тексте можно увидеть качественную девальвацию положительной оценки. Средства выражения положительной оценки, используемые Зуи для характеристики Лэйна, описывают последнего как обаятельного человека. Но, как видно из контекста всего отрывка, обаяние, а также умение польстить собеседнику и тем самым понравиться ему не являются качествами, которые Зуи ценит в людях. Зуи оценивает моральные качества людей. Положительные качества, выделяемые в аспекте таких характеристик человека, как обаяние и умение очаровывать, вступают в противоречие с положительными качествами, выделяемыми в сфере духовности; и нравствен-

ная сторона оказывается важнее обаяния и очарования. В-третьих, в тексте наблюдается девальвация положительной оценки через реверсию оценки (термин И. А. Стернина). Лексема «winning», имеющая положительную оценочную семантику, даётся в тексте курсивом, что меняет знак оценки на противоположный (*What in hell was it he was telling me? Something very winning*).

Аксиологический итог, выделяемый на основании анализа вышеприведённого отрывка, можно сформулировать следующим образом: «чужой» характеризуется в тексте и с помощью средств, несущих позитивную оценку, и с помощью средств, передающих негативную оценку, но позитивная оценка подвергается многоуровневой девальвации, что в итоге приводит к целиком негативному восприятию «чужого».

Подводя итог, можно сказать, что анализ языкового материала показывает, что **специфика оценки, выражающей «своё» и «чужое», заключается в том, что «своё» позитивно, а «чужое» негативно**, при этом эти отношения могут быть усложнены дополнительными нюансами: говорящий может допустить наличие некоторых позитивных черт в «чужом» и присутствие некоторых негативных черт в «своём», но отрицательные черты «своего» подвергаются компенсации, а положительные черты «чужого» — девальвации.

Список литературы

1. Fitzgerald F. S. Tender is the night.— London : Penguin books Ltd, 1997.— 392 p.
2. Salinger J. D. Nine stories. Franny and Zooey. Raise high the roof beam, carpenters.— М. : Progress publishers, 1982.— 438 p.
3. The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com>. 2010, свободный.
4. The Times [Электронный ресурс].— URL: <http://www.timesonline.co.uk>. 2007, свободный.

Т. М. Матвеева (Челябинск, Россия)

**ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ
В ЯЗЫКЕ ДЕГУСТАТОРОВ
(на материале немецкого языка)¹**

The article is devoted to the peculiarities of categorization and conceptualization of a professional wine taster. The author deals with the linguistic creativity.

Keywords: *professional linguistic identity, conceptualisation and categorisation of professional knowledge, perception categories, prototype, linguistic creativity, metaphoric model.*

Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, — не только в лингвистике, но и в психологии, философии, лингводидактике. Языковая личность оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее значимых проблем языкознания.

Понятие «профессиональная языковая личность» появилось сравнительно недавно и связано с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы в современной лингвистике, а также повышением интереса ученых к исследованию языков профессиональной коммуникации.

Под профессиональной личностью Е. И. Голованова понимает «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 2008: 156].

Дегустация — это органолептическая (сенсорная) оценка продуктов питания, в основном вина и других напитков. Дегустировать — значит внимательно изучить продукт, качество которого хотят оценить; подвергнуть его испытанию органами чувств, прежде всего органами вкуса и обоняния; попытаться познать его, выявить и выразить его достоинства и недостатки.

Дегустацию осуществляют профессиональные дегустаторы — люди, способные проводить органолептический анализ в составе дегустационной комиссии или индивидуально. В наши дни дегустация как метод определения качества продовольствия сохранилось во всей своей полноте и со всеми древними правилами лишь в отношении оценки виноградных вин. В других сферах пищевого производства дегустаторы пользуются химическими, биохимическими и физическими методами оценки качества товаров.

Качество работы дегустатора зависит не только от его чувствительности, его способности определять вкус, оно зависит также от его умения выразить получаемые им впечатления. Натренированность и навыки создают более тесную связь между впечатлениями и принятой терминологией. Важно, чтобы применяемые термины, которые неизбежно являются воображаемыми, отличались однозначностью и универсальностью. Специальная лексика дегустатора-профессионала уточняется по мере приобретения опыта от своих старших коллег, владеющих словарем по данной тематике. Несмотря ни на что, следует признать, что терминология дегустации часто еще неточна и носит местный характер.

Любая профессиональная единица является результатом когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и категоризации различных типов знания. Сложный характер познания обусловлен множественностью объектов окружающего мира, их признаковым различием, а также степенью познанности и выделенности в сознании. Он предполагает взаимосвязь и интеграцию различных когнитивных уровней. К основным относятся три: эмпирическое восприятие (перцептивно-предметная деятельность), понятийное осмысление и интерпретивно-оценочное осмысление [Магировская, 2009].

Для настоящего исследования интерес представляет вербализация неявного знания дегустатором-профессионалом, а именно представление перцептивной информации, которая организована в виде перцептивных категорий и концептов.

Для перцептивной категоризации характерна эталонность, которая проявляется в прототипической номинации, суть которой состоит в сопоставлении предмета мысли с определенным прототипом на основе выделения или приписывания им общих с данным прототипом свойств и признаков. Причем количество таких признаков может быть минимальным. Такое понимание категоризации позволяет осмыслить и когнитивные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

механизмы не прямой номинации. Гибкость прототипических категорий обуславливается их полевой структурой: ядро-прототип обеспечивает стабильность категориальной системы, а периферия дает импульс для лингвокреативной вариативности. Это позволяет быстро и эффективно интегрировать новые знания в уже имеющуюся систему прототипических категорий и приводить к образованию новых категорий. Лингвокреативным продуктом такой категоризации выступают знаки вторичной номинации [Алефиренко, 2002: 201–211].

Когнитивной основой метафоры как знака вторичной номинации является перекатегоризация, т. е. перенос одних мыслительных образов на другие посредством метафорической или метонимической модели. Перекатегоризация по метафорической модели осуществляется путем переноса мыслительного образа эталонной категории на когнитивную структуру познаваемого объекта. Такая перекатегоризация опирается не только на семантику слов, но и использует человеческий опыт, особенности восприятия и воображения, а также этнокультурные знания. Из вышесказанного следует, что метафора — это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы — источника при концептуализации новой сферы. Метафоры заложены в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и осуществляет действия, это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления.

На вербальном уровне эти сущности представлены метафорическими выражениями, которые объективируют метафорические модели, репрезентирующие вино в языке специалистов.

Метафорическая модель «Вино — живой организм» представлена понятийной сферой «Человек». Вино персонифицируется, и продукту приписываются характеристики человеческого организма. У вина есть тело — это общее строение продукта. Скелетом вина, на котором держится тело, является алкоголь. Про вино, которое уже не способно проявить все свои качества, говорят, что оно утратило тело или даже что у него тело подурнело. Про вино с чрезмерно развитым телом скажут, что оно пополнилось, ср.: *voller Körper* (полное тело), а в противном случае — что оно похудело, ср.: *die Weine von der Mosel sind nicht schwer, sondern subtil und elegant*. (Мозельские вина не тяжелые, тонкие и элегантные). Следует отме-

тить, что ведущую роль в метафорическом представлении вина играет феминность. Если в вине гармонично сочетаются все части тела, дегустатор решит, что оно ладно скроено, а в противном случае — что вино совсем хилое, ср.: *Merlot hat bei voller Reife einen wohl geformten Körper* (Зрелое «Мерло» обладает хорошо скроенным телом). Когда ладно скроенное вино чуточку тяжеловато, обсуждаются его бедра или его стройность, например: *volle, muskelöse, körperreiche Weine mit Kraft und dichter Struktur* (полные, мускулистые, ладно скроенные вина с плотной структурой и силой).

Женщина следит за модой, у нее есть платья. Платье вина — пожалуй, одна из самых выразительных метафор в языке, посвященном вину. Логика вещей подсказывает нам, что под прекрасным платьем должно скрываться не менее прекрасное тело, ср.: *Diese Weine (Chardonnay) sind leicht zugänglich und pure Sineslust, sie entsprechen eher dem Schönheitsideal von Rubens als dem von Botticelli* (Вина «Шардоне» легко доступны и чувственны, они соответствуют идеалу красоты скорее Рубенса, нежели Боттичелли). Когда мужчины, ценители всего прекрасного и изящного, аплодируют элегантной и нарядно одетой женщине, то, конечно, аплодисменты эти относятся не только к ее наряду. Таким же ценителем прекрасного проявляет себя дегустатор, дающий визуальную оценку платью вина. Это — первый психофизиологический контакт, который предвещает последующие впечатления от вина, приятные или неприятные. Ведь красивый цвет радует наш глаз. В данном случае цвет — это обещание. Платье вина может быть сверкающим, роскошным, мерцающим, ослепительным, интенсивным, легким, строгим, а если говорить только о цвете — рубиновым, цвета луковой шелухи, золотым, красновато-коричневым с золотистым оттенком, янтарным, ярко-красным. Бывает, что платье вина не обещает ничего хорошего, и тогда про вино говорят, что оно — подозрительное, неоткровенное, что оно чего-то не договаривает либо что оно — тусклое, пасмурное, грязное, густое, перегруженное и т. д.

Человеку помимо физической жизни свойственна психическая. Человеческая психика проявляет себя в характере, темпераменте и эмоциях.

Вино может быть укомплектованным, уравновешенным или, наоборот, неуравновешенным (если одна из субстанций явно довлеет над другими). При минимальном количестве сложных эфиров и кислот вино считается нервным, при достаточном количестве — угловатым,

а при их избытке — щедрым или благородным, ср.: *majestätische Weine* (королевские вина), *die Adel und Größe ausstrahlen* (излучать благородство и величие). Вино, в котором слишком мало сложных эфиров и кислот, признается лишенным нервов. Там, где есть тело, должна быть и душа; лишь тогда вино будет живым, ср.: *mit seinem harmonischen Charakter bietet der Bardolino ein unbeschwertes Trinkvergnügen* (своим гармоничным характером «Бардолино» доставит бесспорно удовольствие).

У каждого вина есть не только свое тело, винные свойства и платье, но и свой темперамент. Это — самый важный параметр при дегустации, поскольку темперамент — сугубо индивидуальная характеристика вина; от него зависит его ценность и «личные качества», на основании которых напиток относится к разряду вин превосходных или заурядных, породистых или обычных, ср.: *Guter Riesling strahlt Adel aus* (хороший «Рислинг» излучает благородство).

Очевидно, что от специалиста требуется не только развитые органолептические способности, но и высокий уровень развития лингвистической компетенции.

Таким образом, метафорическое представление профессионального знания обнаруживает зависимость от характера концептуальной и классифицирующей деятельности специалиста и выступает средством порождения новой информации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М. : Academia, 2002. — 394 с.
2. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. — 2-е изд. — М. : Элпис, 2008. 304 с.
3. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке. — М. ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — 223 с.

Т. В. Мизюрина (Челябинск, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР» В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКАХ

Nowadays, gender identity is the gender a person self-identifies as. One's biological sex is directly tied to specific social roles and expectations. Biological differences in males and females influence the development of gender in humans. Gender is a range of characteristics used to distinguish between males and females, particularly in the cases of men and women and the masculine and feminine attributes assigned to them. Depending on the context, the discriminating characteristics vary from sex to social role to gender identity.

Keywords: *gender, gender linguistics, males and females.*

В последнее время большую популярность приобрели исследования гендерных особенностей языковых единиц. Половая дифференциация в речи стала известна с XVII в., когда были открыты новые туземные племена, у которых наблюдались довольно значительные различия в речи в зависимости от пола говорящего. Прежде всего это касалось женщин, так как их речевое поведение регламентировалось более чем мужское. Первоначально речевые различия объяснялись природой женщин и мужчин.

Термин «гендер» впервые был введен в научный оборот на Западе в конце 1960-х гг. для анализа социальных отношений и преодоления наивных суждений о том, что биологические различия являются определяющими для поведения и социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Развитие гендерной теории и результаты исследований, основанных на гендерном

подходе, постепенно привели к осознанию того, что рассматривать любую социальную проблему без учета гендерной составляющей неполно и односторонне.

Интересная точка зрения по поводу развития и становления понятия «гендер» принадлежит Алле Кириловой. «Становление и интенсивное развитие гендерных исследований в лингвистике приходится на последние десятилетия XX века, что связано со сменой научной парадигмы в гуманитарных науках под влиянием постмодернистской философии. Новое понимание процессов категоризации, отказ от признания объективной истины, интерес к субъективному, к частной жизни человека, развитие новых теорий личности, в частности теории социального конструктивизма, привели к пересмотру научных принципов. Новый подход потребовал и применения новой терминологии, более точно соответствующей

методологическим установкам исследователей, что и стало причиной введения в научное описание термина гендер, призванного подчеркнуть общественно конструируемый характер пола» [Кирилина, 2000: 138].

По определению К. Уэста и Д. Циммермана, гендер — это «реально существующая система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка» [Пушкарев, 2000: 31].

Гендер конструируется обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, экономике, культуре, политической структуре, образовании и других). Антропологи, психологи и социологи подчеркивают, что «гендер определяется не биологически, а социально и посредством культуры, являясь культурно и исторически относительным» [Большой толковый социологический словарь, 1999: 110]. Его значение, интерпретация и выражение изменяются и внутри, и между культурами, служа объектом исторических перемен.

«Словарь гендерных терминов» дает следующее определение: «Гендер (gender) 1) (общее значение) — различие между мужчинами и женщинами по анатомическому полу; 2) (социологическое значение) социальное деление, часто основанное на анатомическом поле, но не обязательно совпадающее с ним. Таким образом, социологическое использование термина может отличаться от повседневного» [<http://www.owl.ru/gender/011.htm>].

В своей работе «Теория и методология гендерных исследований» О. А. Воронина выделяет «три направления в понимании гендера и проведении гендерных исследований:

- гендер как инструмент социологического анализа;
- понимание гендера в рамках женских исследований;
- гендер как культурологическая интерпретация [Воронина, 2001: 416].

Ольга Александровна считает, что существует три основных теории гендера:

«Первая теория» — теория социального конструирования гендера, или понимание гендера как социальной конструкции.

Вторая теория — понимание гендера как сети, структуры или процесса, т. е. гендера как стратификационной категории в совокупности (сети) других стратификационных категорий, рассмот-

рение гендера в ряду таких стратификационных категорий, как класс, раса, возраст» [Воронина, 2001: 219].

Иными словами, гендерная проблематика, как совокупность социальных и культурных аспектов, состоит во взаимосвязи и неотделима от основных категорий, характеризующих человека как индивида (т. е. класс) и также категорий, описывающих его физиологические особенности (раса, возраст, пол, класс).

«Третья теория» — понимание гендера как культурной метафоры. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов: мужское — рациональное, духовное, божественное, культурное; женское — чувственное, телесное, греховное, природное» [Воронина, 2001: 219].

Понятие «гендер» формирует классификационные ряды элементов социальных и культурных ожиданий общества от мужчин и женщин. Данные ряды соответствуют изменяющимся взглядам общества из-за развития в целом социума, его религиозных взглядов и научно-технической прогрессии. Гендер конструируется обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, экономике, культуре, политической структуре, образовании и др.).

«Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы асимметричны таким образом, что мужчины и все «мужское/маскулинное» (черты характера, модели поведения, профессии и прочее) считаются первичными, значимыми и доминирующими, а женщины и все «женское/фемининное» определяется как вторичное, незначительное с социальной точки зрения и подчиненное. Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола [Воронина, 2001: 368]. Иными словами, с определенного момента времени почти в каждом обществе, где социально предписанные характеристики имеют два гендерных типа (ярлыка), одному биологическому полу предписываются социальные роли, которые считаются культурно вторичными. Не имеет значения, какие это социальные роли: они могут быть различными в разных обществах, но то, что приписывается и предписывается женщинам, оценивается как вторичное (второсортное). «Социальные нормы меняются со временем, однако гендерная асимметрия

остается. Таким образом, можно сказать, что гендерная система — это социально сконструированная система неравенства по полу. Гендер, следовательно, является одним из способов социальной стратификации общества, который в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст, организует систему социальной иерархии» [Воронина, 2001: 368].

В последние десятилетия гендерные исследования стали признанным направлением развития гуманитарного знания по всему миру, включая Африку, Азию, Восточную Европу, Россию. Это связано с ростом внимания к проблемам женщин, имеющим международный характер. Регулярные международные конференции, конгрессы, проводимые при поддержке женских организаций, собирают сотни слушателей. Образовательные программы приобрели глобальный характер, в особенности те из них, которые ориентированы на страны третьего мира. Они делают акцент на политических вопросах, проблемах дискриминации женщин на рынке труда, на проблемах милитаризма, беженцев, репродуктивных прав, семьи.

Сегодня можно говорить о существовании собственно гендерных исследований, изучающих оба пола, а точнее — процесс социального конструирования различий между полами. Гендер считается институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом — одним из параметров социальной идентичности индивида. Общественные институты (армия, школа, церковь и т. д.) поддерживают различия, придают им статус нормы и интерпретируют как природно обусловленные. Общественные ритуалы также создают гендерную асимметрию — в одежде, повседневном обиходе и символике. Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы — упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола.

Возникновение гендерных исследований в отечественной лингвистике датируется обычно серединой 90-х гг. XX в. Именно в этот период в российской научной литературе появился термин «гендер», и отечественному читателю стали доступны зарубежные теоретические труды по гендерной проблематике. Отечественное языкознание, однако, не игнорировало проблему пола, а рассматривало ее (еще до возникновения термина «гендер») в рамках других лингвистиче-

ских дисциплин. Эти исследования не были системными, не претендовали на статус научного направления и не были связаны с теорией социального конструктивизма, но отечественные ученые внесли свой вклад в разработку проблематики гендерных исследований.

В современной отечественной науке наблюдается большое разнообразие методологических установок в изучении гендера, восходящее к различному пониманию его сущности. Первоначально систематизировались концепции зарубежных ученых, обсуждались возможности применения ряда зарубежных методов и методик на материале русского языка, собирался и обобщался материал отечественных исследований, относящихся к гендерной проблематике.

В настоящее время можно утверждать, что в российском языкознании сложилось собственное научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации. Данное направление получило название — лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика. Свидетельством тому может служить появление значительного количества публикаций по гендерной проблематике на материале не только русского, но и других языков, ранее не подвергавшихся анализу с гендерной точки зрения. Кроме того, регулярно проводятся конференции, семинары и другие научные форумы, появляются периодические издания, создаются научные подразделения, занимающиеся изучением гендера.

Одной из особенностей развития гендерных исследований последних лет является специализация и применение гендерного подхода в области частнонаучных исследований. В лингвистике этот процесс проявляется в первую очередь в росте числа кандидатских и докторских диссертационных исследований по гендерной проблематике. Так же характерным признаком укрепления позиций лингвистической гендерологии как самостоятельного научного направления можно считать появление ряда работ методологического характера, в которых поставлен вопрос о применении гендерного подхода в обучении межкультурной коммуникации. Рассматриваются проблемы разработки общенаучных подходов к изучению гендера в лингвистике, сформулированы частнонаучные задачи исследования гендерных аспектов языка и коммуникации, ведутся перспективы дальнейшего научного поиска.

Повышенное внимание к гендерным аспектам языка и коммуникации, наблюдаемое в последние годы, позволяет сделать вывод, что от общей

теории гендера гендерные исследования постепенно переходят к более уравновешенному состоянию. Однако и применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых — понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь (Collins) : пер. с англ. Т. 1. — М. : Вече, АСТ, 1999. — С. 110.
2. Воронина О. А. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций. — М. : МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001. — С. 219.
3. Воронина О. А. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». — 2-е изд. — М. : Моск. центр гендер. исслед. : Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 2001. — С. 316, 368.
4. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике. (Философский и методологический аспекты) // Обществ. науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 138.
5. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отеч. история. — 1995. — № 3. — С. 31.
6. Гендер в лингвистике : слов. гендер. терминов [Электронный ресурс] // <http://www.owl.ru/gender/011.htm>. 2011, свободный.

Л. М. Минкин (Харьков, Украина)
С. А. Моисеева (Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ МЕНТАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГУСТАВ ГИЙОМ

The article addresses general issues of phenomenology and epistemology and on this methodological ground explores in depth psychosystematics and psychoeconomics of the French language, the former being new trends in language theory formulated by G. Guillaume. The main conclusion drawn in the article lies in postulating the possibility of combining two approaches to studying mentality — «from the outside», proceeding from postverbal forms and «from the inside», reconstructing the kinetism of cognitive processes.

Keywords: language, speech, speech act, thinking, cognitive semantics, epistemology, phenomenology, psychosystematics, psychomechanics.

Ментализм не является новой концепцией в лингвистике. Основное различие в менталистских подходах сводится к наблюдению отношения языка и мышления «изнутри» или на основе поствербальных форм, оба подхода представляют два аспекта лингвистической эпистемологии [Bajric, 2005: 9]. Г. Гийом считал недостаточным изучение мыслительно-языкового процесса только по поствербальному результату, так как вне поля зрения исследователей остается языковая система, упреждающая и обуславливающая речь [Гийом, 2004: 20]. В самом общем виде трином Г. Гийома выглядит так: превербальные мыслительные операции > язык > речь [Guillaume, 1969: 32–33]. Все составляющие тринома — реальные сущности, с одной стороны, это язык, существующий «в нас» в виде потенции, с другой — воспринимаемые органами чувств речевые акты. Скрытая лингвистическая реальность — система языка — представляет абстрактное понятие, для ее интерпретации необходимо обратить внимание на специфику взаимоотношений мышления и языка. Общая когнитивная структура обуслов-

ливает статус языка как «науки всех наук» [Гийом, 2004: 148]. Такая эпистемологическая функция языка обеспечивается его двуединой онтологией. В. Валет уточняет, что не сам язык следует считать преднаукой, а речевой акт «как интеграл языка и речи» [Valette, 2006: 190]. Абсолютизация когнитивной семантики представлений языка без их речевого воплощения ведет к отрыву от эпистемологической функции языка, которая коррелирует с его онтологией (с его феноменологией в широком смысле). Характеристика феноменологии как метода направлена на онтологию, на сущее. «Выделение бытия сущего и экспликация самого бытия — задача онтологии» [Хайдеггер, 2001: 2]. «Именно Хайдеггеру принадлежит мысль, что Бытие непостижимо не иначе как через посредство языка, который неподвластен человеку, ибо не человек мыслит себя на языке, но язык мыслит себя через человека» [Эко, 2004: 437]. Предпосылками исследования в языке являются как данные чувственного восприятия, так и опытное наблюдение. Воспринимая реальное — речевые акты,

нам «трудно уловить, что происходит внутри нас [Гийом, 2004: 20]. Двудейное онтологическое основание лингвистической реальности — дихотомия язык / речь, их скрытое и видимое бытие. Первооснова, сущее этой дихотомии — язык, представляющий потенциальную систему, видимое бытие, обнаруживается только в речи. Интеграция языка и речи берет свое начало в превербальный период, основой которого является диалектическое отношение «язык / мышление». Предваряя рассмотрение связи мышления, языка и речи, отметим, что рефлексивное движение мышления обусловлено перехватами, которые оно само осуществляет; конечным результатом кинетизма комплекса «язык / мышление» являются речевые акты [Минкин, Моисеева, 2004: 103]. «Содержание языка — это данная человеческому сознанию совокупность мыслимого, но не в виде выражения, а в виде систематизированного представления. Содержание речи — это выборочная часть мыслимого, использованная для производства действительно обдуманного» [Гийом, 2004: 96]. Речевой акт как финальная единица речевой деятельности может быть рассмотрен одновременно как теленомическая конструкция, со стороны языка (в мышлении человека) и со стороны интенции высказывания (думающего человека). Подразумеваемый в этом случае трансцендентальный субъект интегрирует обе составляющие речевого акта — высказывания. Это означает, что когнитивная теория представляет и теорию высказывания [Valette, 2006: 145]. В феноменологическом описании языка, его бытия, привилегированная роль принадлежит сознанию, поскольку «приоритет сознания распространяется на самое существование человека...» [Макаров, 2003: 28]. Э. Гуссерль писал: «Учение о категориях должно исходить из этого, самого радикального из бытийных различий: бытие как сознание [т. е. *res cogitas*] и бытие как «засвидетельствованное» сознанием, «трансцендентное» бытие [*res extensa*] [цит. по: Хайдеггер, 2001: 164]. Г. Гийом считает, что язык — это область бессознательного. Онтологический переход от бессознательного к сознательному в речевой деятельности происходит на границе «прошедшее — настоящее / будущее» оперативного времени речевого акта, охватывающего соответственно область языка и речи [Valette, 2006: 203]. Оставаясь ментальным феноменом, лингвистическая интуиция (бессознательное) противопоставляется интенции целеустремлений в плане реализации фразового и дискурсивного. Поскольку язык — это зона бессознательного, его функцио-

нирование как преднауки остается не осознанным субъектом речи. Важной предпосылкой феноменологического описания языка является содержание и отношение внутреннего универсума человека (универсум во-мне) и внешнего (универсум вне-меня) [Гийом, 2004: 167]. В антропологическом измерении языка первоосновой внутреннего и внешнего универсумов являются отношения «человек / универсум», в состав которого, в конечном счете, входит отношение «человек / человек» [Там же: 161–162]. Гийом пишет: «Речь строится на основе языка. Рассматривать речевую деятельность подобным образом — значит быть реалистом [Там же]. Фактически онтология лингвистической реальности редуцируется до феномена «дискурс». При таком восприятии дискурса, естественно, изменяется эпистемологический вектор изучения, и язык выносится за скобки [Valette, 2006: 167]. «Классическая диада лингвистики язык и речь — на современном, антропологическом этапе развития науки о языке раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение» [Карасик, 2004: 360]. Интерес к дискурсу — большой, и для этого есть много причин на современном этапе развития науки [Макаров, 2003: 14–43]. Чтобы обосновать глубоко дискурсивный подход, часто ссылаются на мнение Ф. Соссюра, который отмечает, что язык является единственным объектом лингвистики. В то же время ученый признает речь отдельной лингвистической дисциплиной [Соссюр, 1997: 58]. Намеченное Ф. Соссюром разграничение языка и речи в лингвистической теории Г. Гийома интерпретируется в новых парадигмах знаний, включающих, в частности, прагматику и когнитивистику (хотя у Гийома сам термин «когнитивистика» и его производные отсутствуют). Прагматика, по мнению Г. Гийома, принадлежит речи (прагматическое целеустремление); однако ученый говорит и о гиперпрагматике как об обобщенном представлении в виртуальном пространстве языка. Общая интенция, будучи частью гиперпрагматики, редуцируется и конкретизируется в дискурсе. В центре внимания Г. Гийома находились также вопросы познания (эпистемологии) языка и связанные с этим методики. Новая аксиоматика исследования (познания) языка предполагает, что предметом рассмотрения является не реальность самих объектов независимо от субъектов наблюдения, а их индивидуальная интерпретация в процессе отношения наблюдателя и наблюдаемого [Valette, 2006: 167]. При этом не сами «факты, а конструкты формируют знания о внешнем мире» [Соссюр,

1997: 59]. Такая эпистемология получила название «конструктивистской» [Valette, 2006: 167]. Подобный эпистемологический подход к языку реализует Г. Гийом. В центре внимания ученого — наблюдение над конструктивным процессом каузации прежде всего скрытого, потенциального этапа, включающего уже сформированную структуру — языковую систему и построение единиц языка в виде знаков, когда знаковые (физические) структуры, интегрируясь с мыслительными (психологическими), становятся их «носителями», обеспечивающими восприятие. Такая взаимная каузация (языка и мышления) — хроногенетический процесс, неоднократно повторяется в архитектонике речевой деятельности [Guillaume, 1969: 33]. Конечный этап конструктивной каузации представлен вариантами значений при реализации знаков (*effets de sens*) в процессе речевой деятельности. Отметим, что собственно ментальный этап каузации, восходящий к отношению «человек / человек», коррелирует с отношением «универсум / человек». В процессе конструктивной каузации складываются определенные отношения между психическими (ментальными) и физическими структурами. По мнению Г. Гийома, «Единственная исследовательская позиция, соответствующая задачам языка та, которая везде видит в нем диаду физическое / ментальное и может следить за «частными диадами физическое / ментальное» [Гийом, 2004: 72–73]. Эта исследовательская задача познания решается в процессе эпистемогенеза, когда лингвист-наблюдатель, осуществляет два вида когнитивной деятельности: собственно наблюдение и конструирование [Плотникова, 2006: 74]. В последние годы преподавательской деятельности Г. Гийом сосредоточил внимание на речи (дискурсе) — наблюдаемой лингвистической реальности. Его реконструкция лингвистом языка (невидимого, металингвистического объекта), имеющего нейронный субстрат, представляет значительное достижение аналитической нейролингвистики в области эпистемологии и воссоздания теории языка [Valette, 2006: 255–256]. Г. Гийом отмечает, что постоянная позиция лингвиста должна заключаться в непрерывном поиске видения, присущего глубокому пониманию [Гийом, 2004: 44]. Подчеркивая особенность языка, эмпирическую основу его теории, которая базируется не на эксперименте, а на наблюдении, Г. Гийом теоретически допускал «присутствие» наблюдателя в системе языка [Guillaume, 1969: 27], подобно тому, как автор теории дополнительности Н. Бор настаивал «на включении наблюдателя и ус-

ловий опыта в физическое описание природы» [цит. по: Реферовская, 1997: 248]. Г. Гийом, по сути, осуществляет эпистемологическую деятельность в области языка с момента открытия им фундаментального когнитивного механизма двойного движения мысли в направлении единичного и всеобщего: «...языковое сознание обязано своей потенцией тому, что способно обобщать и индивидуализировать. Если лишить его такой двойной способности, которая составляет единое целое (внутреннее бинарное целое), то человеческое сознание потеряет силу и дееспособность» [Гийом, 2004: 119]. В познавательной деятельности лингвиста — конструктора и реконструктора языка эта двойная способность сознания предполагает постоянно возобновляемые операции на этапах партикуляризации (смотреть, видеть, наблюдать) и генерализации (думать, понимать, теоретизировать) [Valette, 2006: 196]. В этой эпистемологической дихотомии основными являются коррелирующие глаголы *видеть* и *понимать* [Там же] как аргументы последующих когнитивных операций, обусловленных разграничением самого объекта и его теории. Когниция проявляется, прежде всего в конструктивной направленности языка, в отношениях «человек / универсум (вне-меня)», соотносимых с отношениями «человек / человек (универсум во-мне)». Именно между двумя этими универсумами осуществляется обоюдное движение (кинетизм) мышления, что и составляет основу фундаментального механизма речевой деятельности [Там же: 139]. Путь познания, реконструкции невидимого на основе видимого, в частности для характеристики ментальности языка и речи («изнутри»), представляет одну из эпистемологических универсалий. Силой своего разума человек проникает в ментальную сферу языка, представляющую собой созидательную работу человеческой мысли по восприятию и осмыслению окружающего мира. При этом мысль создаёт язык для своего собственного выражения через речь. Г. Гийом, восприняв теорию многих учёных, и прежде всего Ф. де Соссюра, о разграничении языка и речи, впервые представил новое направление в науке о языке — психосистематику, которая располагает собственной методикой исследования — позиционной лингвистикой [Гийом, 2004: 53]. Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определённые и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, при этом подчёркивается, что язык независим от мышления. Мышление совершенно свободно в своём движении [Там же]. Речи

принадлежат пути, которым следует мышление, чтобы обеспечить себе оптимальный перехват [Valette, 2003: 10]. Перехват — это место встречи, соприкосновения мышления и речи. Перехватить — это одновременно задержать и понять. Перехваты, которыми оперирует мысль, придают мышлению потенциальную значимость [Там же]. Структура языка обусловлена внутренней деятельностью мысли по мере её продвижения от общего к частному и от частного к общему и может быть перехвачена в определённые моменты движения поперечными срезами, которые разбивают её на ограниченные отрезки, получающие языковое обозначение [Реферовская, 1997: 123]. Г. Гийом, определяя концептуальное содержание психосистематики как языка, существующего в мышлении в уже построенном виде [Гийом, 2004: 186], подчёркивает, что такое строение когерентно, оно интегрирует свои составные части и обладает собственной целостностью, которая заключается в воспроизведении последовательно языковых явлений в их развёртывании по горизонтали и в проведении их анализа с помощью сечений продольного развёртывания, как это делает само мышление [Там же: 53]. В основе теории психосистематики языка находится субстрат движения мысли от общего к частному и от него снова к общему с её перехватами, на основе такого движения строится вся архитектура речевой деятельности. Все изменения, связанные с полем речевого использования слова «подразумевают идею, прочно присвоившую себе определенный знак» [Там же: 158]. В языковой системе слово-знак однозначно, а в речи однозначно или многозначно, поскольку «различные варианты расширенности (*extensité*) или, лучше, растяженности (*tensité*) <...> содержатся в потенции в каждом слове на доречевом уровне» [Там же: 157]. На оси движения мысли «общее — > частное — > общее системное» значение слова локализуется в позиции «частное». Универсализация и сингуляризация слова представляют изменение не его формы, а «размера» (растянутости) его содержания, зафиксированного как итог рече-мыслительной деятельности результативного и процессуального планов. Кроме самой позиционной методики, которая в определённой степени гарантирует реальность того, что происходит в мышлении (в ментальной сфере), а также соответствует теории психосистематики для определения оперативного темпорального пространства, важны следующие общие постулаты, на которых базируется анализ работы мышления:

1. Всякая мысль, участвующая в производстве речи, представляет движение.

2. По мере развития этого движения осуществляются перехваты, отмечающие ранние и поздние моменты их «остановки».

3. Такое движение имплицитно существует оперативного времени [Valin, 1971: 39–40]. Очевидно, что любое движение имеет временное измерение и для любого движения необходимо определённое время. Если согласиться с существованием темпорального субстрата становления форм языка и речи, то, очевидно, необходимо разграничить оперативное время этих двух объектов лингвистической реальности: разные конструктивные операции, с одной стороны, в языке, с другой, в речи. Первые касаются потенциально значимых единиц, а вторые — реализованных. В основе образования языковых и речевых единиц лежат определённые психомеханические операции с той разницей, что, как было отмечено, единицы языковой системы представляют результативный этап этих операций, а речь — процессуальный. Глоттогенез, обозначающий построение языка во времени, предшествует праксеогенезу, построению речи. Темпоральное пространство глоттогенеза, охватывающего внутреннее оперативное время, характерно для кинетизма мышления с его самоперехватами, которые маркируются соответствующими языковыми формами. В неизмеримо кратком оперативном времени праксеогенеза кинетические перехваты мышления преобразуются в статические [Boone, Joly, 1996: 293]. Оперативное время дискурса (праксеогенеза) является субстратом взаимодействия языковых и речевых значений. На пространстве оперативного времени речевого акта все его этапы — прекоконструктивный (мыслительный), языковой и речевой — мотивированы соответствующей работой мышления (когнитивными процессами) в его свободной зоне и зоне, ограниченной построением лингвистических знаков [Там же: 88]. В акте речи мысль пробегает путь «от времени в потенции» до «времени в действительности» [Реферовская, 1997: 38]. Постигание операции психомеханизмов свободного и автономного мышления возможно только путем теоретической реконструкции. Поскольку мышление является «конструктором». Психомеханика объединяет уже на начальной фазе язык, само мышление человека и речевую деятельность, финалом которой является высказывание. Онтологию психомеханики можно представить следующим образом: психомеханика — начальная фаза языка (когнитивная

теория), мышление человека (область мыслимого), финальная фаза — речь (теория речезыкового акта — высказывания), думающий человек и его интенция (область продуманного), трансцендентальный субъект, интегрирующий язык и речь. Теория психомеханики, во-первых, открывает путь для изучения ментально-языкового процесса «изнутри»; во-вторых, является основой для комплексной характеристики когнитивности языка и речи, для интерпретации трехуровневой теории значения: концепта, языкового значения, значения речевого [Минкин, Моисеева, 2004: 108], которая объясняет систематическую каузацию на пути потенция > реализация. Очевидно, на этом пути в соответствии с интенцией субъекта и содержанием потенциального означаемого слова осуществляется особая структуризация знания, когда взаимодействуют значения слов одного лексико-семантического поля; такие конструкции знания в виде крупных понятийных структур представлений (фреймов, сценариев и т. д.) занимают определенное пространство в когнитивной организации системы языка. Высказанное предположение о наличии в языке более крупных понятийных образований, нежели слово, видимо, может быть предметом отдельного исследования в аспекте психосистематики и психомеханики.

Завершая изложение некоторых положений феноменологии, эпистемологии языка, его психосистематики и психомеханики, отметим, что, очевидно, возможно совмещение двух аспектов изучения ментальности только «снаружи» — в поствербальных формах и «изнутри» — на основе теории психомеханики. Совмещение двух подходов к рассмотрению ментальности открывает путь к методике конверсии и реконверсии мысленного и словесного высказывания. Наконец, определение инструментальной функции языка (речи) как «преднауки» невозможно без признания того, что язык является как бы депозитарием опыта, сформировавшихся представлений, внутреннего ментального мира человека.

Список литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрепиной. — М. : Прогресс, 2004.
2. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003.
4. Минкин Л. М., Моисеева С. А. К проблеме соотношения мышления, языка и речи // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразша. — 2004. — № 635. — С. 103–109.
5. Минкин Л. М. Теория праксематики: оперативное время речевого акта // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. — Вып. 7, ч. I. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. — С. 12–22.
6. Минкин Л. М. Предложение, высказывание, речевой акт // Вісн. Київ. нац. лінгвіст. ун-ту, 2007. — Т. 10. — № 2. — С. 5–15.
7. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. — Вып. 1. — Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. — М. : Гнозис, 2006. — С. 66–80.
8. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Г. Гийома. Курс лекций по языкознанию. — СПб. : Акад. проект, 1997.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1997.
10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. — СПб. : Высш. религиоз.-филос. шк., 2001.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб. : Symposium, 2004.
12. Якобсон Р. Язык и бессознательное. — М. : Гнозис, 1996.
13. Bajric S. Question d'intuition // Langue française. — 2005. — № 147. — P. 7–18.
14. Guillaume G. Observation et explication dans la science du langage (I) // Guillaume G. Langue et science du langage. — P. : Librairie A. — G. Nizet; Quebec : Presses de l'Université Laval, 1969. — P. 25–45.
15. Valette M. Enonciation et cognition: deux termes in absentia pour deux notions omniprésentes dans l'oeuvre de Guillaume // Le français moderne. — 2003. — T. LXXI — № 1. — P. 6–25.
16. Valette M. Linguistiques énonciatives et cognitives françaises. — P. : Honoré Champion éditeur, 2006.

В. В. Пасынкеева (Челябинск, Россия)

**ДВУЯЗЫЧИЕ И ДВУКУЛЬТУРИЕ
ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-БИЛИНГВОВ**

Le rôle du facteur subjectif dans l'espace du texte littéraire est lié au problème de personnalité linguistique comme catégorie du texte littéraire. L'auteur est le porteur de la vision artistique du monde. Les écrivains-bilingues voient le monde à travers le prisme de deux langues et de deux cultures. Le contact avec l'ancienne culture des écrivains-bilingues prend des formes médiateurs; leur identité culturelle se caractérise par l'hybridation. Les particularités de la vision individuelle du monde conditionnent le choix des moyens linguistiques pour la réalisation des objectifs pragmatiques de l'écrivain.

Les mots-clés: *personnalité linguistique, vision du monde, écrivain-bilingue, les objectifs pragmatiques.*

Диалог культур часто происходит благодаря некоторой единице общения — тексту. Культуру можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые ей. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому.

Вопрос о роли субъективного фактора в пространстве художественного текста затрагивает проблему языковой личности автора как категории художественного текста. Автор — это носитель акта художественного видения и творчества, основная задача художника — найти существенный подход к жизни извне. Этим художник, и искусство вообще, создают совершенно новое видение мира, образ мира. Автор становится носителем мироотношения, выражением которого является все произведение или их совокупность. Индивидуализм автора как творца, по мнению М. М. Бахтина, — это «активная индивидуальность видения и оформления», создание совершенно нового образа мира [Бахтин, 2000: 225].

Писатели-билингвы смотрят на мир через призму двух языков, что делает их восприятие специфичным. Нельзя сказать, что писатели-билингвы — это редкое явление: двадцатому веку принадлежат множество имен, получивших всемирную или европейскую известность за литературные произведения, написанные ими не на их родном языке: *А. Труайя, А. Макин, Н. Саррот, В. Набоков, П. Целан, А. Кристоф, Р. Гари* и др.

Принимая во внимание факт ухода в чужую языковую систему, то есть смену творческого языка, и отсутствие, как правило, выдающихся произведений, написанных ими на родном языке, считается возможным использовать для этой

категории писателей не только термин билингвизм, но также *транслингвизм*, как наиболее объективно отражающий суть явления [Балеевских, www.bibliofond.ru/view.aspx?id=76925].

Можно выделить следующие причины транслингвизма: 1) личные лингвистические и культурологические пристрастия; 2) потребность более широкого самовыражения и самоутверждения (возможность получить известность за пределами своего этноса); 3) вынужденная эмиграция по политическим, экономическим и другим соображениям (В. Набоков, Э. Труайя, Э. Триоле, Н. Саррот, А. Кристоф); 4) форма протеста (А. Макин) [Вайнрайх, 1900: 35].

Мигрируя, человек перемещается не только из одной страны в другую, но и из поля одной культуры в другое. Контакт с прежней культурой принимает опосредованные формы. Хотя мигрант продолжает оставаться «мостом» между разными культурами, характер его посредничества сильно меняется, так как его культурная идентичность характеризуется гибридизацией, а не просто смешением разных элементов двух культур. Попытка разобраться в своем предназначении, роли посредника культур становится мощным толчком к художественному творчеству. В последние десятилетия развитие западной литературы отмечено интересом именно к такому художественному творчеству [Балеевских, www.bibliofond.ru/view.aspx?id=76925].

Особенности индивидуального видения мира автора-билингва обуславливают отбор языковых средств, которые являются наиболее подходящими для отображения действительности и реализации прагматических установок писателя.

Например, в произведениях французского писателя-эмигранта *А. Макина* широко используется иноязычная лексика, которая выполняет значительную культурную нагрузку в тексте. Её экспрессивность, образность и эвфемистичность

выражают характерные особенности определенной среды и персонажей произведений. Эта лексика является закономерным следствием влияния русского языка на язык писателя. В ряде случаев иноязычная лексика в тексте служит выражению авторского отношения к России в целом [Тер-Минасова, 2000: 64].

Реальности двух стран раскрываются благодаря иноязычной лексике, репрезентирующей реалии русского общества, с одной стороны, и лексических средств отражения французских реалий, с другой стороны. Противопоставление в одном контексте русских и тождественных им французских лексических единиц приводит к созданию лексической оппозиции, которая позволяет раскрыть специфику изображенных предметов и явлений с разных точек зрения, акцентируя их специфические свойства. В научных исследованиях последних лет такое явление определяется как *русскость*, *французскость*, *немецкость*, *английскость* и т. д. Но более адекватным для таких писателей как, например, А. Макин и А. Труайя, представляется термин «русское начало». Эти писатели намеренно делают уникальную способность «двойного видения» мира особенностью своего идиостиля.

Оба писателя иммигрировали во Францию, и оба они пишут на французском языке. Их произведения имеют много общего, они посвящены теме России, в них присутствуют описания русского быта, русские традиции и культура. Однако нельзя не отметить, что эти писатели во многом различаются, и это может быть обусловлено тем, что они иммигрировали во Францию по разным причинам, в неодинаковые экономико-социальные эпохи, в разном возрасте, что проявляется в разных образах России и Франции в их произведениях. Билингвизм каждого из них проявляется по-разному.

Билингвизм А. Макина представляет собой уникальное явление. С самого детства А. Макин знает французский язык также хорошо, как русский, от бабушки-француженки. В 1987 г. во время поездки во Францию он попросил политического убежища. Во Франции Макин преподает и пишет романы только на французском языке, но все его романы обращены к России, и вся его проза, хотя и написана по-французски, основана не только на французской, но и на русской литературной традиции. Двукультурные писателя сделали язык его произведений особенным. А. Макин прибегает к широкому употреблению как русских, так и французских реалий, что представляет определенные трудности при переводе, ког-

да необходимо показать принадлежность автора к двум культурам.

Анри Труайя — один из самых популярных и читаемых современных французских писателей. Во время Революции его отец был вынужден уехать со всей семьей из России. Однако, несмотря на то, что А. Труайя провел в России только девять лет своей жизни, он был русским и французом в одинаковой степени. Более половины его произведений, так или иначе, касаются темы России. Анри Труайя называл себя «французским писателем, пропитанным далекими русскими воспоминаниями, или русским человеком, переделанным на французский лад». Действительно, А. Труайя нельзя назвать только французским писателем, т. к. язык его произведений в той же степени наделен билингвизмом, как и он сам. Произведения А. Труайя являются диалогом писателя не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей русской культурой. Для него описание событий, происшедших в России, погружение в атмосферу своей родины также не обходится без заимствований из русского языка, отображающих русские национальные реалии.

Но Анри Труайя создает совершенно особый образ России, отличный от восприятия А. Макина. Для него Россия — это, прежде всего, место, где он провел свое детство, поэтому она не потеряла свое очарование. Русскость А. Труайя имеет *фольклорный* оттенок.

Проанализировав русскую составляющую и особенности ее проявления в произведениях писателей-билингвов А. Макина и А. Труайя, можно отметить некоторые лингвокультурные сходства и различия:

1. Русскость А. Макина проявляется как на лексическом, так и на стилистическом уровнях. Его романы посвящены России, но все события описаны им на французском языке, который становится для него инструментом, *языком-посредником*, он влияет на его сознание, делает язык более четким, дисциплинированным. А. Макин создает «*межъязык*», который становится средством выражения двойного видения мира писателем.

2. Произведения А. Труайя тоже насыщены заимствованиями из русского языка и реалиями, которые являются своего рода экзотизмами для франкоговорящего реципиента. В его произведениях часто встречаются реминисценции и цитаты из русской классической литературы.

3. В отличие от А. Макина, А. Труайя выносит все пояснения русских реалий в сноски. Труайя

калькирует русский язык, за счет чего его произведение приобретают фольклорный оттенок.

4. Различие этих авторов проявляется и в их отношении к России и Франции. Для А. Макина Франция — это своего рода Атлантида, «земля обетованная» из бабушкиных рассказов, где он находит впоследствии политическое убежище, а Россия — ее полная противоположность. А. Труайя, наоборот, представляет Россию в «розовом» свете, для него — это страна великих писателей, страна со своим собственным уникальным менталитетом. А французский язык служит инструментом, с помощью которого автор описывает события, не забывая, однако, вплетать в повествование руссизмы.

5. Но основное сходство А. Макина и А. Труайя проявляется в том, что они сделали образ России центральным в своих произведениях, и этот образ с помощью французского языка приобретает неожиданные, новые тона.

Список литературы

1. Балеевских К. В. Сходство и различие русской и французской стилистических традиций в переводе романа Андрея Макина «Французское завещание» [Электронный ресурс] // Мир словарей.— URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=76925>
2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук.— СПб. : Азбука, 2000.— 336 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика.— Вып. 111.— М. : Прогресс, 1999.— С. 7–42.
4. Телешова Р. И. Влияние русской литературы на стиль произведений Анри Труайя [Электронный ресурс] // Русский филологический портал.— URL: <http://www.philology.ru/literature3/teleshova-03.htm#8>
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.— М. : Слово, 2000.— 262 с.

М. В. Пименова (Кемерово, Россия)

РУССКИЕ ПАРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ПРАВДА И ИСТИНА

The article reveals the essence of the notion “conceptual system” and gives examples of different sub-systems that form it. In the current research the structures of the Russian correlative concepts “truth” and “verity” are compared from the point of view of their dominating characteristics.

Keywords: *conceptual system, correlative concepts, conceptual dimension.*

Концептуальная система — это совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка. Они реализуются в виде репрезентантов — языковых знаков. Концептуальную систему можно назвать ментальным каркасом языковой картины мира. Концептуальная система — сложное образование: ее формируют концептуальные подсистемы, такие, например, как концепты небесного мира (*солнце, звезды, луна, комета, планета, небо* и др.), ландшафтные концепты (*земля, море, река, луг, лес, тайга, океан, озеро* и др.), зооконцепты (*птица, зверь, хищник, бабочка, божья коровка, стрекоза* и др.), антропоконцепты (*властитель, правитель, подданный, воин, путник, музыкант, учитель* и др.), социоконцепты (политические концепты, идеологические концепты, интерперсональные концепты, религиозные концепты, этические концепты) и т. д.

Под *парными концептами* понимаются те, у которых слова-репрезентанты считаются полными или частичными синонимами. Существование слов-дублетов обусловлено историческими факторами развития языка: на каком-то этапе в од-

ном языке появляются двойные именованья одного и того же референта. Так, концепт *луна* объективируется в русском языке вариантом (синонимом) *месяц*. По времени появления первичным является слово *месяц*. Позже в русском языке *месяц* вытесняется словом *луна*. Примерами парных концептов служат такие, как *истина* и *правда*, *ложь* и *обман*, *горе* и *злосчастье*, *мечта* и *грёза* и др. При сопоставлении структур парных концептов большая часть признаков совпадает. Интерес представляет та часть структуры, которая показывает расхождение в когнитивных признаках.

Исследование структуры концепта остается одной из важных проблем современной лингвистики и концептологии в частности. Под *структурой концепта* понимается совокупность всех потенциальных признаков, свойственных тому или иному концепту. *Концепт* — это «национальный ментальный образ, некая идея, которая имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми способами и средствами» (Пименова, 2002: 100).

Структура концепта традиционно представляется в виде набора признаков. Ряд лингвистов говорит о совокупности концептуальных признаков, составляющих структуру концепта¹, причем набор и сочетание признаков носит национально-специфичный характер. При этом отмечается сложная внутренняя структура самого концептуального признака, который, в зависимости от уровня анализа, может быть подразделен на ряд других признаков. С другой стороны — каждый признак — это особый концепт.

Концепт рассматривается не просто как некая аморфная совокупность компонентов, простая сумма признаков, а как иерархически организованная *система*, обладающая явными признаками самоподобия. Основным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими, такими же.

Процесс концептуализации есть процесс идентификации искомого за счет выявления признаков. Концептуальная структура формируется шестью классами признаков (Пименова, 2007: 17): мотивирующим признаком слова — репрезентанта концепта (иногда могут существовать несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова), образными признаками (выявляемыми через сочетаемостные свойства слова — репрезентанта концепта), понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова — репрезентанта концепта, ценностными признаками (актуализируемыми как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом — репрезентантом концепта), функциональными признаками, символическими признаками — выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом — репрезентантом концепта. Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленивать некий объект — реально или виртуально существующий — из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками.

Сопоставим структуры концептов *правда* и *истина* с позиций их доминирующих признаков.

¹ «Концепт — это сложный комплекс признаков, исследование которых позволяет определить структуру искомого концепта. Опираясь на тексты, возможно выявить практически весь набор признаков, формирующих структуру того или иного концепта» (Пименова, 2002: 104).

Правда и *истина* — два самостоятельных концепта. Хотя некоторые лингвисты считают их репрезентантами словами-дублетами.

Истина в современном русском языке определяется как «1. то, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда; подлинность, правдивость; нравственный идеал, справедливость, добро; 2. филос. Верное отражение объективной действительности в сознании человека (ср.: *Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки; потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости...* Гоголь. Мёртвые души); 3. Положение, утверждение, суждение, установленное наукой, проверенное практикой, опытом (ср.: *Голова его представляла сложный архив мёртвых дел, лиц, эпох, цифр, религий, ничем не связанных политико-экономических, математических или других истин, задач, положений и т. п.* Гончаров. Обломов)» (СРЯ I: 689).

Правда имеет более широкое поле толкований: «1. То, что соответствует действительности; истина; то, что представляется кому-либо правильным, верным с точки зрения морали, этики, то, чем должен руководствоваться человек в своих поступках; реалистическое изображение жизненных явлений в художественном произведении, на сцене и т. п.; 2. То, что исполнено истины; правдивость; разг. Правильность суждений или поступков; правота; 3. Справедливость, порядок, основанный на справедливости; 4. ист. В составе средневековых названий сводов законов (*Русская Правда. Саллическая Правда*); 5. в знач. нареч. Верно, справедливо, в самом деле. Употребляется для подтверждения слов собеседника, означает «действительно», «в самом деле так»; 6. в знач. вводн. сл. Действительно, в самом деле; 7. в знач. уступительного союза *хотя*» (СРЯ III: 351).

Как указывает И. И. Срезневский, «др.-рус. (Дог. Игор. 945 г.) и ст.-сл. *истина* — «правда», «верность», «законность» (Срезневский I: 1144). П. Я. Черных пишет, что старшее значение слова *истина* — «то, что соответствует действительности», «нечто подлинное», «нечто настоящее» (Черных I: 360).

Как указывали некоторые исследователи, истина соотносится с Богом, *правда* — с жизнью (*Будь прав или виновен он Пред нашей правдою землею, Навек он вышешю рукою В «цареубийцы» заклеямен.* Тютчев. 29-е января 1837). Эпитеты *истины* подтверждают такую связь. *Истина*, как Бог, бывает *бессмертная, великая, вечная, высокая*.

В этих эпитетах также «прочитываются» функции Бога — быть спасителем, утешителем, успокоителем (*истина спасительная/ успокоительная/ утешительная*). Эпитеты, свойственные *правде*, определяют похожую, но не совсем идентичную связь с Богом. Как бог, *правда* бывает бессмертная, большая, великая, вечная, вселенская, нетленная, совершенная. Функции, свойственные Богу-правде, своеобразны: *правда* может быть грозная, беспощадная, беспристрастная, жестокая, резкая, строгая, суровая, ужасная, утешительная. Всё это указывает на функции Бога — быть судьёй и вершителем судеб. Бог карает и милует, его решения кажутся жестокими и суровыми. Общими категориальными признаками *истины* и *правды* выступают *святость, вечность, утешительность*.

У *правды* и *истины* возможно совмещение и взаимодополнение признаков (*правда-истина*). *Истина* может выступать в качестве постоянного и неизменного признака по отношению к *правде* (*истинная правда*; но **правдивая истина*). *Истину* отличает от *правды* признак неизменности, постоянности (*Кто же умён и хорош? Кто же всегда одинаков? Истине друг и родня?* Некрасов. Песни о свободном слове. Публика).

Известная метафора жизни — путь — свойственна и для описания ситуации поиска *истины* и *правды*. Пути жизни бывают истинными и ложными; *истинный путь* трудно отыскать самостоятельно, необходима помощь извне. На такой путь направляет тот, кто его знает (*направить/ наставить/ обратить/ вводить кого на путь истинный*). Обычно это связано и поиском духовного пути, желанием душевного спасения. *Правда* — крепость духа (ср.: *Да будет дух его спокоен И в правде твёрд, как божий херувим*. Лермонтов. Ребёнка милого рожденье...). *Житейские истины* известны всем, их называют *прописными, общеизвестными*; метафоры пути *истины* определяют такие пути, как *избитые, истертые, стёртые, ходячие* (в последнем случае — метонимический перенос). *Правда* так же описывается метафорами пути. Наставляют на *путь правый* — *правильный*. Это трудный путь, *истинный*, преодоление его требует воли, в отличие от неправого пути (ср.: *Стоять он будет на пути В недоумении, в тревоге И думать: глупо умирать, Чтоб им яснее доказать Что прочен только путь неправый...* Некрасов. Зачем меня на части рвёте...). Жизнь прожить можно правдиво, но не истинно (*Поддай, Фелица! Наставленье: Как пышно и правдиво жить, Как укрощать страстей волненье И счастливым на свете быть?*

Державин. Фелица). Для русской народной культуры свойственно *искание правды*; люди — *искатели правды* — вызвали особое уважение, это искатели истинного духовного пути, бунтари. Их называли *людьми большой совести*. Искатели *истины* — духовные провидцы (*Свет плоти — солнце, свет духа — истина посл.*). Поиски *правды* необходимо начать с себя (*Не ищи правды в других, коли в тебе её нет посл.*).

Есть две конечные цели пути жизни — земное благо (богатство) или *истина* (*Золота мне не нужно, я ищу одной истины*. Пушкин. Сцены из рыцарских времён). *Истина* и *правда* — это некое знание, которое не каждый человек может усвоить (*истина/ правда святая*), при это *истину* ведают (и именно она спасает), а *правду* — знают (— *Послали в Клин нарочного, Всю истину довели,* — *Филипушку спасли*. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). Узнать *правду* — основное желание обманутого человека (*Коли знать всю правду хочется...* Некрасов. Коробейники). Другими словами, *истина* — это знание онтологическое, *правда* — знание гносеологическое. При этом *истина* — духовное знание, знание божественного устройства мира, скрытое в знаках этого мира (*прописные истины*), *правда* — знание обыденное, повседневное (*житейская правда*). Вот такая реликтовая классификация знаний, сохранённая русским языком.

Истина божественная — это сокровенное, тайное знание (*догадываться об истине*). Такое знание не сиюминутное, а сохранённое в веках (*А ты, поэт! Избранник неба, Глашатай истин вековых, Не верь, что не имущий хлеба Не стоит вещих струн твоих!* Некрасов. Поэт и гражданин). Восприятие *истин* выражается в метафорах зеркала: в разуме, как в зеркале, отображаются *истины* (*В яркой истинны зеркале Образ твой очам блестит...* Тютчев. Песнь радости). *Житейская истина*, наоборот, азбучная, банальная, безусловная, бесспорная, грошовая, дешёвая, затасканная разг., пошлая устар., *прописная, простая, тривиальная, хрестоматийная, элементарная*. Познание *житейской истины* (как и *правды*) описывается метафорами зрительного восприятия (*очевидная правда/ истина, самоочевидная истина*; ср. также: *Седый собор Ареопога, На истину смотря в очки, Насчет общественного блага Нередко ей давал щелчки...* Державин. На смерть графини Румянцевой).

Истина есть тайна, сокрытая от человека. Человек может только *догадываться об истине*. *Истина* сама открывается познающему. И такое событие представляется метафорой озарения

(меня озаарило/осенило). Иногда человек приукрашивает то, что, по его мнению, считается *истиной*, в этом ему помогает воображение (*Оставля мысли, принялся я за повести, но, не умея с не-привычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старалась украсить истину живостью рассказа, а иногда и цветами моего воображения*. Пушкин. История села Горюхина). И тогда истина скрыта ложью мнения (*Пусть истину скрывает ложь: Что ж делать? Все мы человеки!..* Лермонтов. Жалобы турка). Истину, как и правду, можно раскрыть перед кем-либо (*раскрыть правду/истину перед кем*). Человек носит в себе правду. Правду он может открыть или скрыть ([Поэт:] *Но, сколько б ни было причин, Я горькой правды не скрываю И робко голову склоняю При слове «честный гражданин»*. Некрасов. Поэт и гражданин). Как пишет Н. Д. Арутюнова, «истина скрыта от человека по природе вещей, правда — по воле человека. Истина сокровенна, правда — укрываема; истина есть тайна, оберегаемая миром, правда — секрет, хранимый человеком» (Арутюнова, 1991: 28).

Правда ассоциативно связана с верой (— *Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, послужи ещё одну службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка*. А. Толстой. Поди туда, не знаю куда), истина — это некое убеждение (*Как бы твёрдо он был убеждён в истинах, открытых ему его благодетелем...* Л. Толстой. Война и мир), в котором можно усомниться (*Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования*. Пушкин. История села Горюхина). Вера и правда в таком случае иррациональны, а истина — рациональна (ср.: *Истина с земли, а правда с небес* псалт.). Недаром у концепта разум в русском языке объективируются признаки Бога (ср.: *верить в высший разум*). Вере и правде служат как некой верховной силе — светоносному Богу (*служить по вере и по правде* устар.; *верой и правдой служить кому; Наша вера — в силе. Наша правда — в нас!* Есенин. Инония; *В груди его вера святая царит, Что правда сильнее булата!* Архангельский. В дороге; *И до конца я веры не утрачу, Что озарит наш мир любви и правды свет*. Плещеев. Призраки). Правда — это отражение света Бога-истины (ср.: *Правда — свет разума* посл.). В возможность правды, как Бога, верят ([Пьер] *испытывал несчастную способность многих, особенно русских людей, — способность видеть и верить в возможность добра и прав-*

ды и слишком ясно видеть зло и ложь жизни, для того чтобы в силах принимать в ней серьёзное участие. Л. Толстой. Война и мир). Не всякая вера является истинной; истинной вере учат народ посланники Бога (*«Послан-де я от бога учить вас истинной вере, апостолы Пётр и Павел мне со-родичи...»* А. Толстой. Пётр Первый). Удел таких посланников — возвещать о святых истинах (*Счастлив, кто гласом твёрдым, смелым, Забыв их сан, забыв их трон, Вещать тиранам зако-нелым Святые истины рождён! И ты великим сим уделом, О муз питомец, награждён!* Тютчев. К оде Пушкина «На Вольность»). Сама вера на Руси называется православной — по правильному слову, которым славят Бога. Бог защищает правых (*Воскресни, боже! боже правых! И их молению внимли: Приди, суди, карай лукавых, И будь един царём земли!* Державин. Властителям и судьям).

Правду и истину сближает ещё один общий концептуальный признак — ‘правда—истина—содержание / смысл слов’ или ‘Логос’ (*ни слова правды*). Правда хранится в сердце, а ум решает — открывать ли ее другим (— *Мы убогим нашим умишком порешили сказать вам, великим государям, правду...* А. Толстой. Пётр Первый). Логос—правду—истину отличают признаки беспристрастности (*Вот слово правды беспристрастной: Блажен болтающий поэт И жалок гражданин безгласный!* Некрасов. Поэт и гражданин), откровения (*«Вострепещи, мурза несчастный! И страшны истины внимли, Которым стихотворцы страстны Едва ли верят на земли; Одно к тебе лишь доброхотство Мне их открыть велит*. Державин. Видение мурзы), невозможности усвоить каждому (*Он тех людей узрит гробницы, Их эпитафии пройдёт, Времён тогдашних небылицы За речи истинны почтёт, Не мысля, что в сём месте сгнили Сердца, которые любили!..* Лермонтов. Оставленная пустынь предо мною...). Не всем дано распознать в словах правду (*Его лукавая насмешливая улыбка всё сбивает с толку, и не знаешь: правду говорит или глумится, своё держит на уме*. Фурманов. Мятёж), как не всем дано говорить правду (*Да правды из мошенника И топором не вырубешь, Что тени из стены!* Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Истина целостна и неделима, правда членима. Мельчайшие единицы измерения правды связаны с водой и веществом (*капля/ частица правды*), при этом правда ассоциируется со вкусовыми ощущениями (*горькая правда*). Бóльшее количество правды неопределённо (*В этом много*

Правды горькой и простой, Но ведь это против бога, Против веры... ой! ой! ой! Некрасов. Песни о свободном слове. Осторожность; Подзадорили детинушку — Он почти всю правду бух! Некрасов. Коробейники). Правду говорят всю или её часть (Неясный инстинкт сказал Пьеру, что в этих оговорках и повторяемых просьбах **сказать всю правду** выражалось недоброжелательство княжны Марьи к своей будущей невестке... Л. Толстой. Война и мир).

Истина — это внутренний голос ([Шуйский:] Но знаешь сам: бессмысленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна, Легко пустой надежде предана, Мгновенному внушению послушна, Для истины глуха и равнодушна, И баснями питается она. Пушкин. Борис Годунов). Такой голос традиционно ассоциируется с совестью. Истинность — постоянный признак совести. Однако совесть выше правды; совесть — от Бога, значит, совесть — это истина (Я тебя в этом уверяю по истинной совести. Гоголь. Мёртвые души). Концептуально совесть связана и с правдой (по совести говоря — по правде говоря). Совесть и правда в русской языковой картине мира в определённых контекстах выступают в качестве синонимов ([Чацкий:] Ей всё равно, другой ли, я ли, Никем по совести она не дорожит. Грибоедов. Горе от ума; ср.: по правде никем не дорожить; — Сделайте милость, — не в службу, а в дружбу; съездите вы в К-ой уезд, разузнайте вы это дело по совести. Лесков. Язвительный; ср.: разузнать всё по правде «как на самом деле»; Ты дай нам слово верное На нашу речь мужицкую Без смеху и без хитрости, По совести, по разуму, По правде отвечать. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо; Иван Артемьевич понимал, что нужно слушаться дочери в этих делах. Но, по совести, жил скучновато. А. Толстой. Пётр Первый). Совестью, как правдой, могут поступиться (поступаться/ поступиться (своей) совестью). Восприятие правды описываемая метафорами света; такое восприятие отождествляется со знанием, пониманием (И вдруг ужасная правда осветила его совесть, но освежила поздно, без пользы, уже тогда, когда перед глазами стоял лишь бесповоротный и непоправимый факт. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы). Внутренняя чистота — важный фактор жизни человека. Незапятнанность совести требует соблюдения правды, но не истины (За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сиrote-горемыке!... Гоголь. Мёртвые души).

Правда и совесть — это мерило нравственности, добродетели (— Одно, что тяжело для меня, — я тебе по правде скажу, Andre, — это образ мыслей отца в религиозном отношении. Л. Толстой. Война и мир; Где совесть с правдой обитают? Державин. Фелица), отсюда — правая совесть. Совесть — это справедливость (— Не я ли в удовольствие ваше, то есть по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. Пушкин. Дубровский). Совесть и правда понимаются как жизненная сила (Сила народная, Сила могучая — Совесть спокойная, Правда живучая! Некрасов. Кому на Руси жить хорошо; ср.: Сила с неправдою Не уживается, Жертва неправдою Не вызывается... Некрасов. Кому на Руси жить хорошо). Совесть-правда локализуется в душе и сердце (— Послушай, милая моя невестушка, — сказал он подумавши, без гнева, но с важностью, — ты такая умница, что я скажу тебе правду без обиняков. Я не люблю ничего держать на душе. Аксаков. Семейная хроника; Сии сердца, в которых правды нет, Они, о друг, бегут, как приговора, Твоей любви младенческого взора, Он страшен им, как память детских лет. Тютчев. К Н.). Правда в народном восприятии наполняет сердце, хранится в нем (Злобою сердце питаться устало — Много в ней правды, да радости мало. Некрасов. Саша).

Правда в жизни воспринимается при помощи внутренних чувств — интуиции, чутья (Я чувствую, что, кроме меня, надо мной живут духи и что в этом мире есть правда. Л. Толстой. Война и мир), инстинкта (Наташа успокоивалась на мгновенье, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя всё это и правда и ничего не было, — инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви её к князю Андрею погибла. Л. Толстой. Война и мир). Правда индивидуальна, каждый знает свою правду (И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а нигде её нет посл.; Правда твоя, правда моя, а где она? посл.; [Сальери:] Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше. Для меня Так это ясно, как простая гамма. Пушкин. Моцарт и Сальери).

Мир истины и правды отделяет тонкая черта от мира земного ([Штольц] считал себя счастливым уже и тем, что мог держаться на одной высоте и, скача на коньке чувства, не проскокать тонкой чертой, отделяющей мир чувства от мира лжи и сентиментальности, мир истины от мира смешного, или, скача обратно,

не заскакать на песчаную, сухую почву жесткости, умничанья, недоверия, мелочи, оскорбления сердца. Гончаров. Обломов). Как указывает А. Д. Шмелёв, «истина... принадлежит Богу, или «горнему» миру. Правда с этой точки зрения оказывается «приземлённой», относящейся к «дольному» миру. Это различие отчётливо видно из семантики сочетаний познать истину (без указания источника) и узнать (у кого-л. или от кого-л.) правду» (Шмелёв, 2002: 192).

Правда описывается метафорами солнца (немеркнущая правда; [Патриарх:] Ты тихо ждёшь — да пройдёт заблужденье: Оно пройдёт, и солнце правды вечной Всех озарит. Пушкин. Борис Годунов; Над всею Русью тишина, Но — не предшественница сна: Ей солнце правды в очи блещет, И думу думает она. Некрасов. Тишина; «Но, — говорит, — не слабейте душою: Солнышко правды взойдёт над землёю!» Некрасов. Саша) и света (светлая правда; Правда светлее солнца посл.; И до конца я веры не утрачу, Что озарит наш мир любви и правды свет. Плещеев. Призраки). Правда горячая, как солнце (правда обжигает сердце; ср. также: На правду да на смерть, что на солнце: во все глаза не взглянешь посл.; жгучая правда). Истина холодная, как космос; человека такая истина не согревает. Истина выше правды, она находится выше солнца. Истина отождествляется со всеми звездами-солнцами (ср.: Когда на лучший мир покину дольный прах, Тот мир, где нет сирот, где вере исполнение, Где солнца истины в нетленных небесах?.. Тютчев. Одиночество). Трон истины одновременно в небе и груди человека (В его дела и чувства Гармонию внести лишь можешь ты. В твоей груди, гонимый жрец искусства, Трон истины, любви и красоты. Некрасов. Поэту). Правда царит в небе, но связана она с солнцем, отсюда её ассоциации с творчеством (Не робеть перед правдой-царицею Научила ты Музу мою. Некрасов. Рыцарь на час).

В русской языковой картине мира истина и правда объективируются антропоморфными признаками; ср. схожие признаки внешности истины (истина голая/ нагая/ обнаженная/ страшная; Тогда лишь истина явилась С своей ужасной наготой. Пушкин. Полтава), правды (правда голая/ нагая/ неприкрытая/ оголённая/ страшная; встретиться/ столкнуться лицом к лицу с правдой); физические признаки правды (живая/ трезвая правда); эмоциональные признаки истины (истина печальная), правды (невесялая/ печальная правда); ментальные признаки истины (мудрая истина), правды (мудрая прав-

да), признаки характера истины (истина резкая/ суровая), правды (грубая/ мужественная/ суровая правда).

Правда укоренена в земной жизни, она описывается вегетативными метафорами (неискоренимая правда; По мужеству воин, по жизни монах И сеятель правды суровой, О «новом вине и о старых мехах» Напомнив библейское слово... Некрасов. Притча). Такая правда жизни обыденная, жизненная, житейская. Правда есть опора земли. Здесь наблюдаются скрытые признаки Древа Мирового (ср.: Не внемлют! Видят — и не знают! Покрыты мздою очеса: Злодействы землю потрясают, Неправда зыблет небеса. Державин. Властителям и судьям).

Правда ценна (Правда дороже золота посл.; Дороги твои сорок соболей, а на правду и цены нет посл.), даже если она непривлекательная, неприятная, польза от неё состоит в сохранении души и сердца (Пускай мне время доказало, Что правды в них и проку мало, Как в праздном лепете детей, Но и теперь они мне милы — поблекшие цветы с могилы Погибшей юности моей! Некрасов. О письма женщины, нам милой). Ценность правды состоит в её силе (Деньги могут много, а правда всё посл.). Такая сила — от Бога (Кто правду хранит, того бог наградит посл.; За правду бог и добрые люди посл.). Неправда от лукавого (С этой ненавистью правою, С этой верою святой Над неправдою лукавою Грянешь божьею грозой... Некрасов. Песня Ерёмушке), её считают грехом (Всякая неправда грех посл.). С неправдой борются (В порыве ярости, с неправдою людской Безумная клялась начать упорный бой. Некрасов. Муза). Правда борется сама и наказывает (Правда глаза колет посл.; Правда уши дерёт посл.).

Подведём некоторые итоги. Истина находится в «верхних слоях» горнего мира и одновременно в груди человека, это — солнце, но невидимое для обычного человека, правда — на небе — и это тоже солнце, согревающее и дающее жизнь — и одновременно в душе или сердце человека. Правда — связующее звено между Богом-истиной и миром.

Истина не судит, правда — судит. Истина не вершит судьбы, правда распоряжается судьбой человека. Это два разных Бога: истина спасает, утешает, успокаивает, это, скорее, языческая Великая Богиня-Мать, правда — наказывает и карает (а это, вероятно, христианский Бог — вершитель судеб, беспощадный и непреклонный Бог Ветхого Завета). Истина постоянна, правда — изменчива.

Истина, опускаясь до «земного» уровня, теряет свою ценность. У истины нет физических признаков (она бестелесна, нематериальна). Она, скорее, значима для человека как духовное знание. *Истина* не постигается полностью. Если *истина* приоткрывается человеку, он продолжает в ней сомневаться. Мнение в народном понимании — это ложь (ср. однокоренные слова: *сомнение, мнить*, «казаться, мерещиться»).

Правда выражает обыденную этику, христианские 10 заповедей в ней дополняются одиннадцатой: «Не лги». Она — эталон, по которому определяются нормы взаимоотношения между людьми. Этот эталон есть совесть — интуитивное знание того, что разрешено, позволено, а что — нет.

Языковое мышление связано с концептуальным делением мира, многоаспектность такого деления соотносится со способами его осмысления, учитывающими различные планы существования мира, уровни его представления, разного рода измерения, отношения между фрагментами мира или человеком и участком мира. Огромная роль в концептуальном делении мира принадлежит культуре народа, в которой нашли свое отражение историческое развитие нации, нравы, традиции, обычаи, мифология и религия народа. Ментальность как интеллектуальная деятельность обнаруживает связь с процессом познания, спецификой осмысления мира и его фрагментов, с одной стороны, с другой — с языком и материальной и духовной культурой народа.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М. : Наука, 1991. — С. 21–30.
2. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. — СПб. : Норинт, 2000. — 221 с.
3. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. — Сер. Филология. — 2002. — Вып. 4 (12). — С. 100–105.
4. Пименова М. В. Концептуализация и объективация *истины* и *правды* // Язык. История. Культура : к 50-летию Кемеров. гос. ун-та и 25-летн. юбилею каф. ист. языкознания и славян. языков КемГУ / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : ИПК «Графика», 2003. — С. 25–35. (Сер. «Филологический сборник». Вып. 5).
5. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. — Кемерово : КемГУ, 2007. — 500 с. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 9).
6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1981–1984.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. — М. : Рус. яз., 1993.
8. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к слов. — М. : Языки славян. культур, 2002. — 224 с.

О. А. Степаненко (Курган, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

The article deals with the development of the individual author's mapping of the world. The object of the scientific research is the German fictional discourse. Different aspects of the evolution of the writer's linguistic mapping of the world are considered, there are: cultural and historical changes, changes in the writer's world outlook, dynamics of his linguistic and conceptual mapping of the world.

Keywords: *linguistic mapping of the world, linguistic personality, evolution, discourse, discursive analysis.*

В качестве одного из актуальных направлений в изучении языковой картины мира отмечается исследование поэтической или индивидуально-авторской картины мира [Маслова, 2008: 170]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет динамика индивидуально-авторской картины мира писателя, что предполагает изменение и развитие концептуальной и языковой картины мира того или иного автора. Учитывая, что эволюция, как и динамика, связана с движением

и развитием, считаем обоснованным говорить об эволюции индивидуально-авторской картины мира, имея в виду, прежде всего, изменение концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ) писателя во временном аспекте.

В рамках данной статьи попытаемся проанализировать определенные тенденции развития авторской картины мира известного немецкого поэта Ф. Брайна в том аспекте, который задан те-

мой нашего исследования. В контексте изучения эволюции ККМ и ЯКМ современного немецкого поэта Ф. Брауна отметим ряд основополагающих моментов, на которые мы опираемся.

Эволюция АКМ может быть охарактеризована как в культурно-историческом аспекте, так и относительно изменений языковых средств, объективирующих концептуальную картину мира поэта. В первом случае имеем в виду соответствующие культурно-исторические изменения в Германии и тесно связанные с ними определенные изменения в мировоззрении поэта. Во втором случае речь идет о наблюдении за изменениями ЯКМ путем исследования конкретных языковых репрезентаций концептуальной базы автора.

Разделяя мнение О. А. Корнилова [Корнилов, 2003: 6], считаем, что эволюция ЯКМ объясняется воздействием изменяющихся условий повседневной жизни, появлением новых реалий, требующих своей вербализации и включения в ЯКМ. Кроме того, важно подчеркнуть следующее: ценность ЯКМ в том, что она отражает спонтанное, целостное восприятие мира человеком. Это целостное восприятие мира включает «и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и знания, не поддающиеся логическому осмыслению, и явные заблуждения» [Корнилов, 2003: 20–21]. Прежде чем непосредственно обратиться к поэтическим произведениям Ф. Брауна, материалам нашего исследования, считаем необходимым уточнить ряд понятий, которыми мы оперируем в данной статье, в силу наличия их многообразных толкований и различных подходов. Рассмотрим наиболее актуальные в контексте нашего исследования понятия ЯКМ и ЯЛ.

Базовое определение языковой личности, данное Ю. Н. Карауловым и ставшее по праву хрестоматийным, не утратило своей актуальности и в наши дни: «ЯЛ — это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов, 1989: 3]. ЯЛ автора объединяет в себе 3 основных уровня абстракции, поскольку личность автора понимается как представитель рода человеческого вообще и определенного этнолингвокультурного сообщества, в частности, а также (*the last but not the least!*) как индивидуальность, обладающая своими предпочтениями и установками. Последний из перечисленных трех уровней не менее важен, чем предыдущие два, если учесть самоочевидный факт, что автор художественного произведения является «нестандартной языковой личностью» (термин

Г. Г. Слышкина). Любое поэтическое или прозаическое произведение подобно лакмусовой бумаге «проявляет» индивидуальную, авторскую ККМ, его смысловые доминанты.

ЯКМ автора является его представлением о мире, стоящим за конкретным языком, носителем которого данный автор является, и репрезентирована системой языковых средств, прежде всего, лексическими средствами языка. Автор в силу своей «нестандартности» обогащает ККМ, создавая свои, только ему присущие ассоциации. В связи с вышесказанным в качестве исходной рассматриваем следующую дефиницию ЯКМ, согласно которой ЯКМ — это «информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями» [Телия, 1988: 178].

Обратимся к произведениям замечательного немецкого поэта Ф. Брауна, которого не без оснований называют «единственным в своем роде» — «*exemplarischer Dichter*» [Braun, 2008: 87]. В процессе анализа произведений Ф. Брауна опираемся на известную теорию Ю. Н. Караулова, согласно которой рассматриваются три уровня ЯЛ автора: вербально-семантический, когнитивный и мотивационный [цит. по: Зинченко, 2007: 150]. Созвучно этому художественно-литературный дискурс в рамках данной статьи понимается как совокупность процесса и результата речевой деятельности писателя в трех аспектах: лингвистическом, когнитивном и прагматическом.

Для достижения цели исследования прибегаем к помощи методов лингвистического анализа, среди которых: семантический, контекстуальный и дискурсивный анализ. Не умаляя роли остальных методов анализа, отметим особую значимость дискурсивного анализа, который рассматривается в рамках данной статьи «как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл» [Чернявская, 2006: 78]. Таким образом, вслед за В. Е. Чернявской «будем говорить о дискурсе как о языковом выражении определенной общественной практики, упорядоченным и систематизированным особым образом использованием языка, за которым стоит социально, идеологически исторически обусловленная ментальность» [Там же].

Анализируя конкретные произведения, мы, как правило, обращаемся к уровню конкретной языковой реализации дискурсивного содержания,

другими словами, к текстам данных произведений, осуществляя их лингвистическую интерпретацию. Суть собственно дискурсивного анализа заключается в обращении к социально-историческому контексту, целому спектру различного рода факторов (политических, идеологических, национально-культурных), что открывает возможность постижения глубинного смысла, заключенного в тексте произведения.

Рассматривая поэтические произведения Ф. Брауна, представителя писателей ГДР, мы задаем ключевой в рамках дискурсивного анализа вопрос об условиях, позволивших поэту связать с определенными словами определенный смысл, и пытаемся проследить эволюцию его индивидуально-авторской картины мира, т. е. изменения в его мировоззрении и мировосприятии. Каждое из анализируемых нами ниже стихотворений Ф. Брауна является, на наш взгляд, определенной ветхой не только в его творчестве, но и в жизни немецкого общества (имеется в виду ГДР).

В 1966 г. было опубликовано его стихотворение «Die Mauer», посвященное Берлинской стене, которое, по справедливому мнению критика М. Брауна [Braun, 2008: 86], явилось «верхом бунтарства» — «ein Ausbund an Renitenz» (здесь и далее перевод наш — О. С.). Сам факт упоминания о «стене» в этот период (60-е гг. XX в.) требовал, на наш взгляд, определенного гражданского мужества. Неслучайно М. Браун сравнивает это стихотворение с «прикосновением к открытым ранам ГДР» — «Allein schonder lyrische Hinweis auf die Mauer rührte 1966 an die offenen Wunden der DDR» [Там же]. Данная метафора, на наш взгляд, не может быть воспринята как преувеличение в соответствующем культурно-историческом контексте Германии. Трудно не согласиться и с мнением по поводу «неидеальности» поэта, когда подчеркивается его лояльность по отношению к социализму. Однако нельзя не заметить, с какой болью и негодованием Ф. Браун говорит о чудовищности происходящего. При этом Ф. Браун не выбирает изящные слова, скорее, наоборот: стена ассоциируется у него с «грязью из бетона» («Dreck» — разг. «грязь, дрянь») — «Das ist Dreck aus Beton...». Эта «каменная граница» («steinerne Grenze») «держит курс на войну»:

Schrecklich
Hält sie, steinerne Grenze
Auf was keine Grenze
Kennt: den Krieg. ...

Поэт подчеркивает недопустимость и неуместность такого «сооружения», прибегнув к лексеме «Unbau», где префикс «un» выражает явно отрица-

тельную оценку аналогично оценочному значению слов «Unmensch», «Unstern» («изверг», «злой рок»).

Ich sag: es steht durch die Stadt
Unstattlich, der Baukunst langer Unbau
Streicht das schwarz
Die Brandmauer (scheißt drauf).

Осознавая свою сопричастность к стране, в которой он живет, Ф. Браун иронизирует по поводу политики, проводимой в ГДР, отходит все дальше от социалистической действительности, озвучивая скандал, связанный со стрелками («Mauerschützen»). Однако при этом он иронизирует и над теми, кто спешно покидал ГДР, которую поэт, используя перифразу, называет «das halbe Land» (дословно — «полустрана»):

Und sie hält
Im friedlichen Land, denn es muß stark sein
Nicht arm, die abhaun zu den Wölfen
Die Lämmer. Vor den Kopf
Stößt sie, das gehn soll, wohin es will, nicht
In die Mässengräber, das
Volk der Denker.
Aber das mich so hält, das halbe
Land, das sich geändert hat mit mir, jetzt
Ist es sichrer, aber
Ändre ichs noch? Von dem Panzer
Gedeckt, freut sichs
Seiner Ruhe, fast ruhig? Schwer
Aus den Gewehren fallen die Schüsse:
Unsre Schande: zeigt sie
Macht nicht in einem August.

Признавая оправданность критики в адрес Ф. Брауна по поводу его «политического лавирования» (выражение М. Брауна), нельзя не признать, что он не был «придворным поэтом»: «Ein Hofdichter Walter Ulbrichts oder Erich Honeckers war er nicht» [Braun, 2008: 87]. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть стихотворение «Die Mauer». Возникает закономерный вопрос: почему долгое время поэт оставался «утопическим социалистом», как многие другие писатели старшего поколения (Г. Кант, Д. Ноль, Криста Вольф) и некоторые писатели его поколения? Убедительный ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, В. Эммерих [Emmerich, 2008: 78], когда говорит о вере писателей в новый социалистический строй, с которым они связывали свою судьбу, не представляя себе последствия. Сблaзн проявить свое согласие с «хорошим новым государством» (ГДР) уже «в зародыше подавлял все возможные критические предубеждения»: «Die Sehnsucht, nach dem zerstörten Sinnkonstrukt Nationalsozialismus mittels einer gleichsam weihnachtlichen Neugeburt einer neuen, scheinbar unbe-

fleckten, mythischen Glückverheissung teilhaftig zu werden, die Verlockung, endlicheinmal ohne schlechtes Gewissen „dafürsein“ zu können im guten neuen Staat, erstickte alle möglichen kritischen Vorbehalte schon im Keim» [Emmerich, 2008 :78]. Позднее пришло «отрезвление», однако Ф. Браун, как и многие другие, сохранял иллюзию относительно «истинного социализма». Действительно, «чем грязнее практика, тем чище утопия» — «Je befleckter die Praxis, desto reiner die Utopie» [Emmerich, 2008: 79]. С одной стороны, чем больше эти иллюзии отрывались от действительности, тем светлее казались обещания, связанные с этими иллюзиями, но, с другой стороны, эти иллюзии уже ничего не имели общего с реальностью.

Внутренние противоречия и амбивалентность, присущие Ф. Брауну, проявились достаточно ярко в его стихотворении «das Lehen», написанном в 1987 г.:

Die Bleibe, die ich suche, ist kein Staat.
Mit zehn Geboten und mit Eisendraht:
Sähe ich Brüder und keine Lemuren.
Wie komm ich durch den Winter der Strukturen.
Partei mein Fürst: **sie hat uns alles gegeben**
Und alles ist noch nicht das Leben.
Das Leben, das ich brauch, wird nicht vergeben.

Название «das Lehen» связано с историческим понятием. Имеется в виду «само ленное поместье», право на владение поместьем (по наследству) в обмен на обязательство быть преданным». Так, в словаре, «das Lehen» — «gegen Verpflichtung zum Treue und Kriegsdienst verliehenes erbliches Nutzungsrecht an einem Landgut», «das verliehene Gut selbst» [Wahrig, 1968: 2325].

Каждая строка выражает целую гамму чувств, которые испытывает поэт: горечь, досаду, сарказм. Причина «гневного, с чувством досады признания преданности своему государству» [Braun, 2008: 87] связана с постепенной утратой иллюзий относительно своей страны.

Несмотря на преданность, которую поэт как личность испытывает по отношению к своему государству, он подвергает критике партию (СЕПГ), олицетворяющую собой государство. Правящая партия, которая считает, что «все дала своим гражданам», ассоциируется у него с неким «князем», господином, хотя на самом деле это далеко не так. Особая горечь автора, на наш взгляд, звучит в словах: «Und alles ist noch nicht das Leben» — «все — не значит еще жизнь». Автор сознательно шел на определенный риск, когда прозрачно намекал на определенные «препоны» со стороны партии и социалистического государства: «Wie komme ich durch den Winter der Strukturen». Эта

яркая метафора не случайна: поэт имеет в виду конкретную историю, связанную с его прозаическим произведением «Unvollendete Geschichte», которое было написано в 1975 г. и опубликовано 13 лет спустя. Обращает на себя внимание очевидная связь уже на уровне названия с известным стихотворением средневекового поэта Вальтера фон дер Фогельвейде «Ich han min lehen», в котором отражено амбивалентное отношение преданности к господину. В данном случае это позволяет говорить об интертекстуальности. Скептическое отношение поэта по отношению к своему государству звучит достаточно убедительно, но этот скептицизм вызывает у него горечь разочарования и крушение иллюзий.

Отметим, что стихотворение «Das Lehen», появилось накануне падения Берлинской стены — момента, который, по мнению Ф. Т. Груба, означал конец «горячей» фазы «поворота» — «heisse Phase der Wende» [Grub, 2008: 6]. Что же понимается под так называемым поворотом («Wende»)? Ф. Т. Груб поясняет, что под «поворотом» понимается период политических событий с начала лета 1989 г. до выборов в марте 1990 г. После выборов до 3 октября 1990г. длился период объединения Германии. Понятия «Wende» и «Einheit» тесно связаны друг с другом благодаря историческим фактам, причем первое выступает предпосылкой второго. На наш взгляд, поэзия Ф. Брауна (например, рассмотренные выше стихи) в определенной мере может быть отнесена к литературе «поворота» (заметим попутно, что существуют два немецких термина относительно этого понятия — «Wendeliteratur» и «Literatur der Wende»). Хотя его стихи были написаны до этого периода, несомненно, они внесли свой вклад, послужив причиной этих событий. Тесная связь указанных выше исторических фактов в немецком контексте отражается и в поэзии Ф. Брауна.

В 1990 г. в газете «Neues Deutschland» было опубликовано стихотворение Ф. Брауна «Nachruf», которое, по признанию критика [Braun, 2008: 88], — одно из самых дискутируемых поэтических произведений периода «поворота».

Da bin ich noch: mein Land gehtin den Westen
KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE DEN PALÄSTEN
Ich selber habe ihm den Tritt versetzt.
Es wirft sich weg und seine magre Zierde.
Dem Winter folgt der Sommer der Begierde.
Und ich kann bleiben, wo der Pfeffer wächst.
Und unverständlich wird mein ganzer Test
Was ich niemals besass wird mir entrissen.
Was ich nicht lebte, wird ich ewig missen.

Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle
Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle.
Wann sag ich wieder mein und meine alle.

Со времени своего появления стихотворение «Nachruf» (в переводе «Некролог» или «Надгробная речь») стало частью самых жарких дискуссий, прежде всего, по поводу легитимности объединения Германии. Уже сам заголовок эксплицирует резкую реакцию поэта на соответствующий исторический факт в истории Германии. Ф. Браун, точнее, его лирический герой выражает свое упрямство стоять на своем как сторонник той страны, которая, по его словам, «ушла на Запад» — «Da bin ich noch: mein Land geht in den Westen». Горькая ирония пронизывает признание лирического героя. Поэт воспринимает объединение как насильственное присоединение ГДР со стороны Запада, который цепко держит в своих «когтях» то, что должно принадлежать поэту, т. е. было его собственностью: «Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle». Экспрессивность и эмоциональность звучания строкам придает соответствующая лексика: глагол «entreissen» («вырвать, отнять, выхватить»), выражение «etw. auf der Kralle haben». Позднее, например, в сборнике, опубликованном в 1999 г., это стихотворение имеет название «Eigentum», явно указывающее на связь с поэмой Фридриха Гёльдерлина (немецкого поэта 1770–1843), что далеко неслучайно, т. е. в творчестве Ф. Гёльдерлина находит выражение его разлад с обществом и самим собой.

Можно, наверное, согласиться с интерпретацией критика Михаэля Брауна, который считает, что поэт представляет общество ГДР как некую женщину, которая «унижается» («wirft sich weg»), лишаясь своего скудного украшения («seine magere Zierde»), а сам выступает в роли отвергнутого любовника, яростно сетующего на происходящее. Таким образом, лирический герой, как и сам поэт, не в силах справиться со своими чувствами, его удручает разочарование, звучащее, на наш взгляд, в каждой строке. Поэт понимает, что надежда была лишь ловушкой «Die Hoffnung lag...». Он лишен всего, т. е. лишен Родины, которой ему будет всегда не хватать «...wird ich ewig missen».

Более позднее название «Eigentum» («Собственность»), эксплицирующее связь с поэмой Ф. Гёльдерлина (см. выше), представляется вполне оправданным, если учесть, что в «родственной» поэме речь идет о поэзии, как последнем пристанище поэта. Как и его знаменитый предшественник, Ф. Браун лишился всего, его собственная жизнь не удалась, так что свое убежище он находит лишь в поэзии. Глубоко меланхолич-

но звучат строки: «Und unverständlich wird mein ganzer Text».

Выступая на семинаре в университете Гёттингена (2007 г.), М. Браун назвал это стихотворение «наиболее эстетически удачным примером меланхолического сознания писателей ГДР после «поворота» 1989 г.» — «Dieses Gedicht ist bis heute das ästhetisch gelungenste Exempel für das melancholische Bewusstsein der DDR — Schriftsteller nach der Wende von 1989» [Braun, 2008: 88].

Дискурсивное пространство поэтических произведений, созданное Ф. Брауном, представляет его индивидуально-авторскую картину мира, маркированную его языковой личностью, которая проявляется во всей множественности субъективных моментов. Именно из этих моментов исходит неповторимая эстетическая энергетика, присущая данному автору. В процессе анализа стихов поэта, рассмотренных выше, можно убедиться в том, что Ф. Браун не только «прощается» со своими иллюзиями относительно социализма, он впадает в глубокую меланхолию в связи с различными потерями, т. е. на смену социалисту-утописту приходит, образно выражаясь, «отравленный» своими же иллюзиями, разочаровавшийся в жизни меланхолик.

Список литературы

1. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. Отсистемного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 224 с.
2. Караулов Ю. Н., Красильников Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / под ред. Д. Н. Шмелева. — М. : Наука, 1989. — С. 3–11.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М. : ЧеРо, 2003. — 349 с.
4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 296 с.
5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М. : Наука, 1988. — С. 173–204 с.
6. Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 136 с.
7. Braun M. Ich bin die grösste Lüge des Landes. Melancholie statt Utopie: Die «Wendezeit» in gedichten // Deutschland und die «Wende» in Literatur, Sprache und Medien / Hrsg. H. Casper — Heh-

ne, I. Schweiger.— Göttingen : Universitätsverlag, 2008.— S. 85–96.

8. Emmerich W. Die literarische Intelligenz in Ost und West seit 1945 : Selbstbilder-Optionen — Entscheidungen // Deutschland und die «Wende» in Literatur, Sprache und Medien / Hrsg. H. Casper — Hehne, I. Schweiger.— Göttingen : Universitätsverlag, 2008.— S. 67–84.

9. Grub F. T. «Wende» und «Einheit» im Spiegel der deutschen Literatur.— Saarbrücken, 2003.— 679 s.

10. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch // Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH / Lexikon — Verlag ; Gütersloh ; Berlin ; München ; Wien, 1968, 1975.— 4323 s.

3. П. Табакова (Петропавловск, Казахстан)

«ТАНДЫРНАЯ САМСА» И «ВАРИАНТЫ» РУССКОГО ЯЗЫКА

Some problems of Russian language functioning are regarded in the given article. The author thinks that, in spite of a large number of lexical borrowings from contacting languages, the Russian literary language in the territory of the former Soviet Union is identical to the Russian language in Russia.

Keywords: *bilingualism, language variants, lacuna, borrowings, ethnos.*

В современной лингвистической литературе все чаще высказываются гипотезы о формировании в бывших республиках Советского Союза «вариантов» русского языка. Появились такие понятия, как «исконный русский язык» (русский язык на территории России), «русский язык ближнего зарубежья» и т. п.

Защищаются диссертации, в которых утверждается, что в Казахстане русский язык является особым вариантом русского языка. Однако, как пишет В. С. Ли: «применительно к рассматриваемой проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ языка (в частном случае — русского языка)» [Ли, 2004: 455].

Данная версия оказалась привлекательной, хотя и недоказуемой. Как справедливо пишет Олжас Сулейменов: «В 90-х с отменой цензуры (вместе с ней отменили научную редактуру) в России и новых государствах массово возникла псевдонаучная литература — крикливая, в ярких обложках, абсолютно бездоказательная: версии назывались, но ничем не обосновывались» [Сулейменов, 2002: 8]. Это мнение известного писателя и учёного в большой степени относится к гуманитарным наукам, в том числе и к лингвистике, хотя общепризнано, что серьёзные лингвистические исследования порой давали больше, чем археологические раскопки. К сожалению, в эпоху свободной печати мысли, аргументы, концепции, т. е. то, чего требует исследовательская работа, нередко подменяются новомодной терминологией, за которой очень сложно найти хоть какой-то смысл.

В 2005 г. Г. М. Бадагулова в докторской диссертации на тему «Функционально-коммуникативная модель русского языка Казахстана» пишет о складывающейся новой модели русского языка в постсоветских Республиках. Она взяла на себя смелость описать особенности *русского языка Казахстана*. Автор ставит перед собой поистине грандиозную задачу: представить системное описание русского языка с учётом *всех* его уровней как языка регионально-го, определяя его как русский язык Казахстана [Бадагулова, 2005: 5]. Русский язык в условиях двуязычия, несомненно, испытывает влияние языка, с которым он непосредственно функционирует. Но какова степень этого влияния и приводит ли оно к появлению варианта русского языка?

В данной статье мы попытаемся разобраться, насколько аргументирована и корректна идея вариантов русского языка.

Не будем скрывать, что тема доклада и его название родились после чтения статьи А. Н. Рудякова. В его статье «Геополитика и русофония» [Рудяков, 2011: 190–196] идеи о вариантах русского языка доведены, на наш взгляд, до логического абсурда, *ad absurdum*, или, если угодно, до логического конца. Что должно только радовать, так как история развития языкознания знает немало направлений и концепций в изучении языка, какое-то время признаваемых актуальными и современными, но в итоге оказавшимися тупиковыми, когда их развитие было доведено до логического завершения — абсурда. Признавая, что даже отрицательный результат в науке есть определённый вклад в её развитие, отдадим должное

автору в его логических построениях в защиту вариантов языка.

Е. А. Журавлёва, развивая идею казахстанского русского языка, рассматривает русский язык как полинациональный и признаётся, что понятие «вариант» языка заимствовано из американской лингвистики, где в него включаются *любые* языковые разновидности. Она разграничивает национальные варианты в пределах нации (например, диалектные варианты) и разных наций, признавая русский язык в Казахстане — казахстанским вариантом русского языка или русским языком Казахстана. Считая, что полинациональный «характер русского языка проявляется не только в языке других этносов, использующих его в качестве родного, второго родного или языка межнационального общения, но и в языке этнических русских, проживающих в полиэтнических государствах» [Журавлёва, 2011: 125–129], она утверждает, что русский язык в Казахстане используется в устном бытовом общении. И это в то время, когда русский язык по Конституции Республики Казахстан признан *официальным* языком, что означает, что на нём дублируются с казахского языка все официальные документы страны.

Достаточно глубоко изучены варианты таких полинациональных языков, как английский (британский, американский, австралийский, новозеландский варианты); испанский (кубинский, аргентинский); французский (канадский).

В один ряд с этими языками ставится и русский язык. Утверждается, что в нём идёт *автономное* развитие языка на территории Российской Федерации. А в странах, где русский используется как язык межнационального, официального или второго государственного языка, он испытывает процессы, ограниченные данным регионом. «Всё это связано с тем, что базовых знаний, изначально заложенных в *лексической* системе и рассчитанных на коммуникацию в России, оказывается недостаточно для осуществления коммуникации в ситуации дву- и полилингвизма» [Журавлёва, 2011: 128].

Е. А. Журавлёва сосредоточила свой научный интерес на изучении *лексики* русского языка в Казахстане. Она отметила многие лексические единицы, функционирующие в речи русских в Казахстане, употребляя термин «регионализм». Ни термин, который достаточно широко употреблялся в лингвистике, ни лексические единицы как факт заимствования из казахского языка не вызывают возражений. Возражения вызывают те выводы, к которым приходит исследователь, как нам представляется, без достаточных доказательств.

Учёный утверждает, что в Казахстане функционирует «именно русский литературный язык со всеми его основными для ярусов чертами и правилами». Следовательно, признаёт, что существует целая система ярусов литературного русского языка, каждый из которых, конечно, имеет свои особенности и правила функционирования. Так что же, по материалам этого исследования, даёт возможность признать русский язык в Казахстане особой разновидностью, вариантом, русского языка, употребляемого на территории России? Ответ сводится к следующему: «Ярко проявляющимся отличием русского языка в Казахстане от русского языка, развивающегося на исконной территории (Россия), при сравнении *лексических* систем, является корпус единиц близкого контактирующего языка (казахского) и русских единиц, отражающих реалии казахстанской действительности» [Журавлёва, 2008: 19].

Мы не считаем возможным на основании изменений только на лексическом ярусе русского языка признать его вариантом, о других же фактах автор умалчивает: «Эти особенности и *многие другие* позволяют относить русский язык к группе полинациональных языков, таким как английский, французский или испанский языки» [Журавлёва, 2008: 19].

Вызывает возражения категоричный вывод Е. А. Журавлёвой: «Итак, когда речь идёт о русском языке за пределами России, речь идёт об особом *национальном варианте* русского языка, внутри которого возникают свойственные данному варианту языковые состояния». Далее автор отмечает, что русский язык перешёл в ряд полинациональных языков «за сравнительно короткий период времени... последние 17 лет» [Журавлёва, 2008: 23].

А. Н. Рудяков предлагает заменить привычные понятия новыми: геоллингвистика, русофония. При этом предлагает внести глобальные изменения в научную лингвистику и не скрывает прагматической цели исследования: «статья характеризует *желаемое* изменение направления видения русскими языковой реальности» [Рудяков, 2011: 195]. Желаемое, конечно, для автора. Желаемое — это хорошо. Но соответствует ли оно действительности?

Выскажем свои возражения по поводу «множества национальных вариантов» русского языка: украинского, казахстанского, белорусского и др., в том числе крымско-татарского. В качестве доказательства существования украинского варианта русского языка А. Н. Рудяков приводит такой вариант как «в Украине — на Украине», а доказательством русского национального крымско-

татарского варианта — номинацию «тандырная самса». Эта номинация означает традиционное блюдо крымско-татарской кухни, в русском языке оно не имеет соответствующего названия, так как в русской культуре нет самой реалии. Наличие лакуны в русском языке жители Крыма, руссковорящие, компенсируют заимствованием из языка крымских татар. Этого, по мнению автора, достаточно, чтобы русский язык этих людей признать вариантом национального русского языка, по утверждению автора — русофобии. Что касается вариантов «в Украине» — «на Украине», то, по нашему мнению, это варианты литературной нормы — и не более. Проблема с «тандырной самсой» также решается просто: с позиций традиционной лингвистики — это заимствование из другого языка.

Однако автор все заимствования считает показателем формирования вариантов русского языка в результате взаимодействия с живыми языками нашей планеты: с английским, немецким, китайским, японским, арабским, испанским и другими языками. Мы приводим только те языки, которые перечислены в работе автора. Формой этого партнёрства, утверждает автор, «посредством которого происходит частичное взаимопроникновение языковых систем, являются национальные варианты языка» [Рудяков, 2011: 193]. Автор откровенно пишет: «Трудно представить себе число этих партнёров-языков, предоставляющих русскому языку возможность стать лучше, совершеннее». Утверждается, что в собственно периферийной зоне варианты русского языка возникают «как итог его взаимодействия с теми языками, которые более не существуют... или только начинают своё взаимодействие» [Рудяков, 2011: 193].

Из этого утверждения можно сделать вывод, что есть латинский вариант русского языка, греческий, тюркский — ведь из этих языков значительно больше заимствований, чем, например, из китайского или японского языков, о которых упоминается в статье.

Завершая эту часть обсуждения проблемы, выскажем свои возражения: закреплённые лингвистикой понятия подаются в другой терминологии — русофобия, геолингвистика. Оставим без комментариев утверждение: «Глобальному миру присуща геополитика, а значит и геолингвистика и георусистика. Реальность требует такого рода изменений» [Рудяков, 2011: 195].

Согласно этой гипотезе, варианты видятся везде, к ним отнесены территориальные диалекты и социальные жаргоны, которые не могут быть вариантами литературного языка, так как не яв-

ляются составляющими литературного языка; заимствованная лексика всегда рассматривалась как источник постоянного пополнения лексического состава русского, как и любого другого, национального языка.

У нас сложилось мнение, что вопрос о вариантах национального русского языка в республиках бывшего Советского Союза слишком политизирован и не имеет достаточных научных оснований. Приведём некоторые аргументы несостоятельности гипотезы о вариантах русского языка.

Варианты английского и испанского языков сложились за длительный период, на протяжении около 400 лет. Республики приобрели самостоятельность 20 лет назад. За этот период говорить об изменениях в русском, или любом другом языке, просто преждевременно.

Теперь о главном: — для русского языка в новых независимых государствах сложилась другая языковая ситуация; рассмотрим её на примере Казахстана:

а) в Казахстане был и остаётся высокий уровень распространённости русского языка. В связи с этим нет необходимости косноязычно изучать русский язык на бытовом уровне;

б) для всех носителей русского языка характерен высокий уровень образования, т. е. знание русского литературного языка;

в) наличие многомиллионной русской диаспоры, носительницы русского языка;

г) большая востребованность русского языка во всех сферах жизни: в политике, экономике, культуре, науке, образовании и т. д.;

д) открытость границ общения — рядом Россия, люди читают российскую прессу, смотрят телепередачи на русском языке, действует безвизовый режим на границе с Россией;

ж) в русском языке в Казахстане отмечаются только лексические заимствования из казахского языка, но их значительно меньше, чем заимствований из английского языка.

Варианты типа английского и других языков формировались в другую временную эпоху, характеризовавшуюся иными средствами связи. Современный технический прогресс исключает возможность изоляции языка на территории отдельного государства. На развитие английского языка, например, в Австралии оказывала влияние территориальная удалённость от Англии. Функционирование русского литературного языка в Казахстане протекает в других условиях. И в перспективе в связи с глобальными изменениями отношений в экономике, политике консервация русского языка в Казахстане не предвидится.

Таким образом, постоянное общение с русскими в России, свободное перемещение людей, издательской продукции, доступность российских печатных СМИ, телевидения, образования на русском языке, Интернета не позволяют русскому языку в Казахстане функционировать в какой-то иной форме, отличной от русского литературного языка.

Когда мы, русские, получившие образование на русском языке за границей, возвратились из эмиграции в 1950-е гг., мы, как и наши российские соотечественники, не заметили никаких вариантов языка, хотя оторванность от России продолжалась не 20 лет, а более длительный срок, со времени гражданской войны, и контакты с Родиной, были, мягко говоря, затруднены. Однако мы впитывали родной язык в семье и изучали его по отблескам классической литературы. Литературный русский язык объединял весь русский мир, хотя и пережил в 1920-е гг. эпидемию новояза.

Язык и культура являются определяющими факторами этнической идентичности личности. Глубинные языковые процессы проходят очень медленно и современникам «не дано предугадать», как и когда они завершатся. Мы считаем, что в обозримом будущем говорить о появлении нового русского языка на рубеже лингвокультур (в бывших советских республиках) преждевременно, русская интеллигенция в этих условиях относится к своему языку особо бережно, как к самой важной составляющей его этнической принадлежности. Русский язык для русских, оказавшихся волею судеб за границей, — это феномен духовного единства всех современников и сородичей.

Это хорошо осознают и дети, родившиеся и выросшие за границами России. Сошлюсь на стихи Ивашкина Михаила, ученика 9-го класса из г. Петропавловска, разместившего своё стихотворение в Интернете. Посвящая свои стихи 20-летию независимости Казахстана, он озабочен судьбой родного, русского, языка:

Я готов свою жизнь
С твоей жизнью делить.
Но взволнован судьбой
Моего языка —
Он мой хлеб, моя соль,
Моих предков душа.

В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков, в рамках которого происходят различные процессы интерференции. Русский язык в условиях казахско-русского двуязычия, несомненно, испытывает влияние казахского языка.

Однако из этого никак не следует вывод о появлении особого русского языка Казахстана. «Представляется, что пока к этому умозаключению, — пишут Н. Н. Чайковская, Л. П. Осенмук, — следует отнестись с известной долей осторожности, поскольку видимые изменения затрагивают лишь самый подвижный уровень языковой системы русского языка — лексический» [Чайковская, Осенмук, 2009: 35].

Для исследования необходимы источники и материалы, отражающие реальную картину языковой ситуации. В первую очередь, нужно разграничивать речь носителей русского языка и речь билингвов. Носителями литературного языка, по общепринятому определению, являются лица, для которых «русский язык является родным», они родились и длительное время живут в городе, имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке. Большинство билингвов, общаясь на русском языке, сохраняют отдельные грамматические нормы своего языка. «Для решения вопроса о собственно специфических явлениях в русской речи билингвов, — пишут учёные из Перми, — требуются тщательные и планомерные исследования, которые, в свою очередь, должны основываться на надёжном материале» [Боронникова и др., 2011: 34]. В анализируемых нами исследованиях вообще не выделяется речь билингвов, не говоря уже о надёжности источников, взятых для исследования.

Список литературы

1. Бадагулова Г. М. Функционально-коммуникативная модель русского языка Казахстана : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2005.
2. Боронникова Н. В., Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Доценко Т. И. Проблемы изучения русской речи билингвоединого региона // Социальные варианты языка — VII. — Н. Новгород, 2011. — С. 33–35.
3. Журавлёва Е. А. Русский как полинациональный язык // Вестн. Кокшетаус. ун-та. — 2011. — № 3–4. — С. 125–129.
4. Ли В. С. Языковая культура и языковые субкультуры. К проблеме взаимодействия языков и культур // Межкультурная коммуникация и актуальные проблемы казахской филологии. — Алматы, 2004. — Т. 1. — С. 455.
5. Рудяков А. Н. Геополитика и русофония // Вестн. Кокшетаус. ун-та. — 2011. — № 3–4. — С. 190–196.

6. Сулейменов О. Пересекающиеся параллели.— Алматы : Дадир, 2002.

7. Чайковская Н. Н., Осенмук Л. П. Особенности функционирования русского языка в

Казахстане (К вопросу о существовании «казахстанского русского языка») // Русский язык в Казахстане: реалии и перспективы.— Усть-Каменогорск, 2009.— С. 35.

И. В. Телешева (Челябинск, Россия)

МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПЕРИОДЫ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Today many cognitive scientists and linguists recognise that in all aspects of life we define our reality in terms of metaphors. The article explains why metaphor is a natural way to describe illness and health of a society.

Keywords: *metaphor, morbid metaphors, political discourse, metaphoric model, slot, frame.*

В русском национальном сознании издавна особую роль играет морбиальная метафора. Уподобление политической реальности живому организму человека позволяет выделить глубинные смыслы и представить оригинальную модель социальной реальности. Метафора помогает смоделировать окружающий мир человека, предлагая ему определенный способ категоризации действительности, порождая соответствующий эмоциональный эффект, которые, в свою очередь, оказывают влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности.

Происходящие в настоящее время изменения в экономической, политической и культурной жизни находят отражение в языке масс-медиа, особенно прессы.

В текстах СМИ отражается специфика восприятия действительности носителями той или иной культуры, иными словами, они отражают особенности культурной картины мира как преломления реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека. В материалах СМИ появляются и закрепляются новые реалии, именно они оказывают определяющее влияние на формирование общественных взглядов, мнений, на восприятие окружающей действительности и, как следствие, на формирование культурной картины мира, которая, в свою очередь, обуславливает способ выражения той или иной идеи, того или иного концепта.

Когнитивная лингвистика анализирует метафоры с позиций метафорического моделирования, сущность которого состоит в раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний. Разработки в этой области знания затрагивают достаточно широкий

круг вопросов, одним из которых является анализ активно функционирующих в политическом языке метафор.

Метафорическая модель, актуализирующая смыслы, связанные со сферой-источником «болезнь», получила широкое распространение в российском политическом дискурсе, что позволяет признать ее «фактом современного культурного сознания», в связи с чем можно предположить, что это явление носит не просто национальный, а «более общий, если не глобальный характер» [Шмелева, 200: 5].

Как известно, в общественном сознании здоровье человека представляется как величайшая ценность, которую необходимо беречь, поскольку в противном случае оно будет растрчено, а физические и душевные болезни могут принести много страданий.

В соответствии с семантикой источниковой сферы общество в целом представляется как больной организм, требующий немедленной медицинской помощи, в противном случае может наступить летальный исход. Субъекты политической деятельности, следовательно, репрезентируются как врачи, лекари, призванные залечить раны или исцелить больной организм.

В исследованиях А. П. Чудинова, посвященных морбиальной метафорике, отмечается, что образы, соответствующие метафоре больного организма, объединены концептуальными векторами агрессивности, тревожности, отклонения от естественного порядка вещей, что отражает «безысходность, дурные предчувствия», «представления о неправильности и недопустимости существующего положения» [Чудинов, 2000: 67].

Для описания метафорической модели «Общество — это здоровый/больной организм» используются когнитивные категории фрейма

и слота. Фрейм является описанием типизированной ситуации, состоящим из слотов. Слоты представляют собой элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

Метафорическая модель «Общество — это здоровый/больной организм» регулярно представлена следующими фреймами: «Пациенты и медицинский персонал», «Виды болезни», «Причины болезни», «Способы лечения», «Состояние пациента».

Очень часто экономика, политические структуры, отдельные регионы, отрасли хозяйства России метафорически обозначаются как *больной, полудохлый организм* или *пациент, которому требуется срочное лечение*, люди, партии и иные организации, стремящиеся сделать что-либо для страны, предстают в виде *врачей, хирургов, терапевтов, санитаров, работников санэпидемстанций, эпидемиологов, патологоанатомов*.

Характерным для русскоязычных текстов проявлением стало метафорическое употребление лексики, принадлежащей к разным частям речи, входящей в словообразовательное гнездо «боль»: боль, болезнь, болезненный. Денотативная область функционирования затрагивает практически любую сферу политической деятельности: политическую систему в целом, органы государственной власти, общество, социальные отношения.

В современном политическом дискурсе России постоянно приписываются разные виды болезней. С точки зрения сферы нарушений можно выделить два варианта болезней: физическое расстройство и душевное расстройство.

Часто органы государственной власти, экономика страдают от таких инфекционных заболеваний, как *грипп, простуда, лихорадка, чума, проказа, СПИД, сифилис, туберкулез, менингит*.

Такие метафоры эксплицируют негативные ассоциативные признаки, связанные с нездоровьем, неестественным функционированием социально-политических систем. Пораженный болезнью орган, зараженный человек неизменно испытывает страдание, боль и достаточно уязвим.

В других случаях отмечается *душевное нездоровье* субъектов экономической и политической деятельности, например, *паранойя, истерия, психоз, шизофрения, слабоумие, маразм, идиотизм, олигофрения, эпилепсия* и другие.

Современная общественно-политическая ситуация воспринимается массовым сознанием как «душевно» нездоровая, ненормальная, что и отражается в прессе.

Причинами болезней, охвативших Россию, чаще всего метафорически являются слова *вирусы, аллергены, микробы*. Причиной заболевания могут оказаться также *паразиты, бактерии, грибковые инфекции*. Таким образом, указываются «внешние источники» политических катаклизмов.

Находящаяся в «запущенном» состоянии политическая система требует принятия не просто действенных, эффективных мер, а радикальных методов лечения, оздоровления, способных вывести пациента из тяжелого состояния.

При лечении болезней политические лекари выписывают *рецепты*, применяют *инъекции*, ставят *прививки*, иногда оказываются необходимыми *интенсивная* или даже *шоковая терапия, хирургическое вмешательство*. Раны обрабатывают *зеленкой*, а в помещениях проводят *дезинфекцию*.

При диагностике и лечении болезней, охвативших Россию, используют *таблетки, горькие пилюли, горчичники, наркотические вещества, клизмы, скальпели, хирургические зонды*.

Во многих контекстах при разворачивании метафоры оказывается, что лечение больному либо помогает, либо нет, пациент либо *выздоровливает*, либо *умирает*. Зачастую методы лечения не приносят ожидаемых результатов, что приводит к *летальному исходу*.

Зачастую состояние *больного* (российской экономики и общества в целом) представлено как *близкое к смерти, очень тяжелое и критическое*.

Если *больной* обречен и лечение бессмысленно, он *отходит в мир иной*, его *хоронят* и устраивают *помины*.

Данные метафоры свидетельствуют о безысходности ситуации, в которой оказалась пострадавшая Россия, и неверии в лучшее будущее со стороны русского народа.

Остается надеется, что великий дух и мощь России помогут ей выстоять и пережить все беды и напасти, свалившиеся на ее могучие неженские плечи.

Примеры морбиальной метафоры свидетельствуют о подчеркнутой метафоричности языка современной политики. В периоды кризисов и депрессии российская экономическая и политическая действительность не может восприниматься иначе как больной организм человека, что позволяет говорить о типичном для наших дней восприятии современного мира как нездорового физически и психически. Важно подчеркнуть то, что российская пресса особенно активно обличает метафорические болезни своей родной страны.

Список литературы

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000).— Екатеринбург,

2001.— 238 с.

2. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. об-ва.— Екатеринбург, 2001.— Т. 7.— С. 28–34.

К. Р. Типиева (Челябинск, Россия)

КРИЗИС ЕВРОЗОНЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ (на материале англоязычных СМИ)

Cognitive linguistics looks upon conceptual metaphor as means of interpreting one idea in terms of another, unknown through known. The current economic crisis is a crisis of global scale — a phenomenon new to the contemporary generation. This paper investigates conceptual metaphors used in American and British mass media for representation of the economic crisis in the eurozone.

Keywords: *cognitive linguistics, conceptual metaphor, economic crisis.*

На протяжении последних нескольких лет одной из самых обсуждаемых в обществе тем является мировой (глобальный) экономический кризис. Несомненно, настоящий кризис прямо или косвенно коснулся каждого человека, возможно, именно поэтому все, что касается мирового кризиса, широко освещается прессой, обсуждается людьми разного происхождения и социального положения. Т. В. Шмелева рассматривает «кризис экономический, и не какой-то другой, а тот, что стал объектом всеобщего внимания с осени 2008 года», как ключевое слово текущего момента [Шмелева, 2009: 63].

Последним наиболее заметным этапом в развитии мирового финансового кризиса стал кризис еврозоны — стран Европы, использующих евро в качестве национальной валюты. Все мировое сообщество наблюдает за происходящими событиями, решениями политиков и результатами предпринимаемых правительствами стран Европы шагов.

Экономический кризис такого обширного — глобального — масштаба стал новым неизвестным явлением для современного мирового сообщества, требующим осмысления и осознания. Одним из языковых инструментов познания нового, неизвестного является метафора. Подобный подход к метафоре как к когнитивному инструменту, средству познания окружающей действительности сформировался в рамках когнитивной лингвистики. В классической работе «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона излагаются основы когнитивного подхода к изучению метафоры. Авторы говорят, что «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание», «метафора

пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность», «метафора — ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Лакофф, Джонсон, 2004: 18].

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры сферы-источника (source domain) и когнитивной структуры сферы-цели (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образу источника, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping). Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [Баранов, 2004: 11].

Материалом для данной статьи послужили публикации в англоязычных (американских и британских) средствах массовой информации, посвященные теме экономического кризиса еврозоны. В результате исследования было обнаружено, что наиболее продуктивными являются традиционные для англоязычной культуры метафоры из сфер-источников «война», «театр», «болезнь», «путь/движение».

Важное место в формировании метафорического образа экономического кризиса еврозоны занимает морбиальная метафора. С помощью морбиальной метафоры передается ощущение «отклонения от естественного порядка вещей, представления о неправильности и недопустимости существующего положения» [Чудинов, 2001: 11].

Морбиальная метафора представляет кризис как болезнь и разновидности болезней (*malaise*), поразившую здоровый организм (в нашем

случае — страны еврозоны), или причиняющий страдания источник боли (*pain*):

Royal Bank of Scotland UK economist Ross Walker pointed to signs of stronger growth in the US, which should also benefit Britain despite Europe's malaise. [The Independent 27.12.2011].

Europe: Still a huge pain in the neck for investors [The Economist 27.12.2011].

Предпринимаемые официальными лицами и организациями меры по борьбе с кризисом метафорически описываются как медицинская помощь (*aid*), лекарства или инъекции (*dose, injection*), а улучшение экономической ситуации представляется как оздоровление, восстановление, реабилитация (*recovery, rehabilitation*).

Timely Aid for Europe's Banks [The New York Times 23.12.2011].

This week, the European Central Bank, under the energized leadership of Mario Draghi, took the desperately needed step of injecting hundreds of billions of euros into the Continent's tottering banking system [The New York Times 23.12.2011].

The solution to that central issue is not stiff doses of austerity for all. Stronger economies, like Germany, need stimulus... And ailing economies, like Greece, Italy and Spain, need to boost their competitiveness and growth by labor market reform, freer market competition, fairer tax systems and more efficient government. Those changes will revitalize them faster... [The New York Times 23.12.2011].

Like everywhere else, most European governments have seen their borrowing balloon during the recession and anaemic recovery [BBC 27.10.2011].

Согласно О. П. Ермаковой, истоки морбиальных метафор в публицистических текстах «восходят к идее уподобления общества живому организму со всеми его особенностями» [Ермакова 2000: 51]. Морбиальные метафоры обладают значительным прагматическим потенциалом и особенно активно используются в периоды различных политических и экономических кризисов. Прагматические смыслы, формируемые морбиальной метафорой, можно сформулировать следующим образом: экономика находится в тяжелом состоянии, необходимо срочно принять меры по преодолению кризисной болезни, чтобы больной в конечном итоге выздоровел [Салатова, 2011: 165].

Довольно частотными и продуктивными в описании кризиса в Европе являются военные метафоры, представляющие экономический кризис как войну. Избрание военной сферы в качестве универсального источника для концептуализации как мира политики, так и других сфер

человеческой деятельности становится традиционным, что, в первую очередь, связано с богатой военной историей человечества, во многом способствовавшей формированию милитаризованного сознания [Каслова, 2003: 55]. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на значимость концептуальной метафоры СПОР — это ВОЙНА (ARGUMENT is WAR), отнеся ее к числу базисных в американской культуре [Лакофф, Джонсон, 2004: 26].

С помощью военных метафор образно описываются попытки и по восстановлению экономики: страны *борются* с кризисом, *сражаются* за какие-либо позиции (*to struggle, to fight*), *защищают* (*defence*) и *спасают* (*to save*) тех или иных участников войны с кризисом.

At the very least Mr. Cameron should make up with Mrs. Merkel, who had previously fought hard to keep the British at the table [The Economist 17.12.2011].

But while Germany can afford to rescue its banks, as the Irish Republic has already demonstrated, other countries may not be able to rescue theirs [BBC 27.10.2011].

Spain's new economic minister braced the struggling nation for a fresh slump yesterday as its new centre-right government prepares to announce austerity measures later this week [The Independent 27.12.2011].

In Mr. Cameron's defence, he has to contend not only with Conservative Eurosceptic backbenchers, but also a Eurosceptic public [The Economist 17.12.2011].

Планы и предпринимаемые меры по выводу стран из кризиса метафорически представлены как *тактика* и *стратегия* (*tactics, strategy*):

Yet it does not have to be — so long as Mr. Cameron is prepared to mend fences and align his tactics with a strategy to be part of Europe [The Economist 17.12.2011].

Те или иные средства, возможности и принимаемые решения по противодействию экономическому кризису метафорически описываются как экипировка, снаряжение и различные виды оружия:

Remember, his [Mr. Cameron's] recalcitrance at the summit means that the new bulldog Cameron is better equipped to face down the Little Englanders [BBC 11.10.2011].

That will help the banks and might in theory feed the demand for euro-zone sovereign debt. But it hardly counts as the «big bazooka» investors want, if only because the banks are wary of taking losses on ever larger stashes of government debt [The Economist 17.12.2011].

Согласно Е. В. Колотниной, при исследовании американского экономического дискурса обнаруживается, что метафорическая модель ЭКОНОМИКА — это ВОЙНА входит в число самых продуктивных, и это позволяет сделать вывод, что «военные метафоры становятся универсальным средством осмысления экономических реалий» [Колотнина, 2002: 113].

Как и милитарная, театральная метафора, относится к числу наиболее традиционных в самых различных лингвокультурах. Исследователи отмечают, что истоки восприятия мира как театра восходят к Шекспиру [Кузьмина, 1999: 79].

В соответствии с жанрами театрального искусства различные ситуации метафорически номинируются как комедия (*comedy*), что передает абсурдность и негативное отношение к описываемой ситуации, в то время как отчаянное и безысходное положение дел описывается метафоричным прилагательным «драматический» (*dramatic*).

A comedy of euros (заголовок статьи в издании *The Economist*).

The dramatic impact of the continent's woes on the UK's prospects is underlined by comparison with the beginning of 2011 [The Independent 27.12.2011].

Метафоры сферы-источника «театр» образно представляют развитие событий как сценарий (*While strategists largely agree that the worst-case scenario — a break-up of the eurozone — is an unlikely (and unwanted) outcome* [CNNMoney 3.01.2012]), а главные события, разворачивающиеся в действии экономического кризиса, находятся под светом прожекторов:

As the November elections near, the political gridlock that frustrated investors last year will remain in the spotlight [CNNMoney 3.01.2012].

Успешные игроки на экономическом поле метафорически номинируются как «звезды»:

Until financial markets crashed in 2008, Spain and Ireland were hailed as economic stars... [The Economist 27.12.2011].

Широкое распространение и употребление театральной метафоры на современном этапе не в последнюю очередь связывают с развитием СМИ. Особое распространение театральная метафора получила в политическом дискурсе. По мнению политологов, усиление тенденции к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привело к популяризации политики, к распространению, так называемой «символической политики» или «политики театра», «основанных на образах или «имиджах» политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроени-

ям и вкусам» [Гаджиев, 1994: 234]. В целом, театральная метафора формирует прагматические смыслы ориентированности на зрителей, зрелищности, накала развивающихся событий, за которыми интересно наблюдать.

Метафорические переносы из сферы-источника «путь/путешествие» являются традиционной для англоязычной культуры. Развитие событий представляется как прохождение пути, путешествие, причем различного характера: как морское путешествие, так и пешее.

Investing experts may be predicting a modest rise for stocks in 2012, but it will be far from smooth sailin [CNNMoney 3.01.2012].

Способ действия или решение какой-либо проблемы, связанной с экономическим кризисом, или выход из затруднительного положения метафорически представляются как путь, дорога, тропа (*way, path*).

"Or you could see something where Greece decides to go its separate way," [Peter] Tuz added [CNNMoney 3.01.2012].

In return the European Central Bank (ECB) needs to give total support to all solvent members. That would leave much to do, especially to unleash growth and to reform the banking system. But investors would at least see a clear path ahead [The Economist 27.02.2011].

Предпринимаемые меры по борьбе с кризисом метафорически описываются как движение, шаг вперед:

"Of all the actions we've seen so far, the ECB's loan program is a big step that will help the banks," said Tuz... [CNNMoney 3.01.2012].

An even worse outcome looms large if Europe's debt crisis takes a fresh turn for the worse... [The Independent 27.12.2011].

В целом метафорические наименования из сферы-источника «путь/путешествие» несут положительную оценку, актуализируя образы движения вперед, к лучшему, в то время как различные изменения часто представляются как поворот, угроза сойти с правильного пути, сбиться с верного направления.

Немногочисленными, но яркими метафорическими переносами из сферы источника родства (родственных отношений) представлен экономический кризис еврозоны в англоязычных СМИ. Разногласия между странами еврозоны, оказавшимися в ситуации экономического кризиса, метафорически описываются как ссоры и размолвки в семье (или между близкими людьми), а принятие единых решений метафорически номинируется как примирение:

While strategists largely agree that the worst-case scenario — a break-up of the eurozone — is an unlikely (and unwanted) outcome, the problems could get worse than they are now, despite the efforts to solve them [CNNMoney 3.01.2012].

At the very least Mr. Cameron should make up with Mrs. Merkel, who had previously fought hard to keep the British at the table [The Economist 27.12.2011].

Таким образом, осмысление экономического кризиса еврозоны происходит через призму метафор с источниками сферами «болезни», «войны», «театра», «пути/путешествия». Особо следует отметить морбиальные метафоры, как наиболее употребляемые для описания кризиса еврозоны. О значимости концептуальной метафоры «Война» для американской лингвокультуры говорилось еще в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Данные концептуальные метафоры являются традиционными для англоязычной культуры, однако в свете развития СМИ, стирания информационных и культурных границ можно говорить о том, что данные концептуальные метафоры приобретают скорее глобальный характер, становясь общими для многих языковых культур, чем специфичными, характерными для конкретной культуры.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти двадцать пять лет спустя // Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова.— М. : Едиториал УРСС, 2004.— 256 с.
2. Гаджиев К. С. Политическая наука.— М. : Междунар. отношения, 1994.— 226 с.
3. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995).— М., 2000.
4. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук.— Екатеринбург, 2003.— 208 с.
5. Колотнина Е. В. Развертывание концептуальной метафоры в английском экономическом тексте // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. об-ва.— Екатеринбург, 2003.— Т. 9.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова.— М. : Едиториал УРСС, 2004.— 256 с.
7. Салатова Л. М. Отражение образов кризиса российскими СМИ [Электронный ресурс].— URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling37/ling37_23.pdf.2012, свободный.
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000).— Екатеринбург : УрГПУ, 2003б.— 238 с.
9. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика.— 2009.— Вып. 28.— С. 63–67.
10. Юдина О. Л. Морбиальная метафора в русском и британском управленческом дискурсе [Электронный ресурс].— URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/yudina_119_254_258.pdf.2012, свободный.

Т. Г. Точилкина (Миасс, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КОНЦЕПТА «ЗНАКОМСТВО» СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

In this article Russian and English idioms with meaning of feature characteristic relation of person are analyzed. These idioms are an important fragment of life by expression of cultural traditions in the idiomatic picture of the world and by definition of a role of given idioms in language picture of two nations.

Keywords: worldview, linguistic view of the world, concept, phraseological units.

В данной статье нами анализируются русские и английские фразеологизмы со значением характеристики отношений человека, которые являются важным фрагментом действительности при выражении культурных традиций во фразеологических картинах мира и при определении

роли данных ФЕ в языковых картинах двух наций.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности создает: он формирует

для говорящего на нем народа **картину мира** (КМ).

Термин «картина мира» впервые был выдвинут в физике в конце XIX — XX в.

В аспекте философии и логики этот термин был использован австрийским философом и логиком Людвигом Витгенштейном в «Логико-философском трактате» [Витгенштейн, 2001]. В антропологию, семиотику и лингвистику данный термин был введен немецким языковедом Лео Вайсгербером.

В. П. Руднев определяет картину мира как «систему интуитивных представлений о реальности» [Руднев, 1998: 127].

Картина мира — «результат переработки информации о среде и человеке» [Маслова, 2001: 64].

«КМ — это порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира» [Корнилов, 2003: 5–6].

Таким образом, в современной науке понятие «картина мира» рассматривается:

1) как совокупность объективных знаний об окружающей действительности, состоящая из жизненно важных для человека понятий (концептов);

2) как картина мира, отображенная с помощью специальных (языковых) знаков, несущих информацию об объективной действительности; ее составляют поля слов-концептов, образующих тезаурус как языка в целом, так и тезаурус отдельной языковой личности.

Применительно к лингвистике КМ (картина мира) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире [Корнилов, 2003: 4].

Картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т. д., ибо она включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам. Иначе говоря, языковая картина мира в целом и главном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей [Маслова, 2001: 67].

Языковая картина мира — это всего лишь условное отражение реальности, пофрагментарное воспроизведение ментальных установок в лексических единицах языка [Касьяненко, 2009].

Культурные ценности, составляющие центральную часть языковой картины мира, находят различные способы языкового выражения.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Именно фразеологические единицы (ФЕ) играют специфическую роль в создании языковой картины мира, т. к. природа их значения тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке [Маслова, 2001: 67]. Таким образом, формируется мир говорящих на конкретном языке, т. е. фразеологическая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных во фразеологии.

Основополагающей дефиницией концепта «Знакомство/Acquaintance» являются отношения между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга.

Среди ключевых идей для русской языковой картины мира А. Д. Шмелев выделяет — «*высокую требовательность в человеческих отношениях* (друг, общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться, просить, просьба)» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005: 11].

В английской языковой картине мира характерное предписание относительно значимости отношений между людьми звучит в старой английской цитате:

Choose the friends like books, few but choice
‘Выбирай друзей, как книги, — мало, но с разбором’ [Джеймс Гоуэль, 1659, цит. по Вежицкой, 2001: 69].

Отношения между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга, высокая требовательность в человеческих отношениях пронизывают всю культуру и являются одним из главных понятий всякого индивидуального, коллективного, народного, национального мироощущения.

Фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «Знакомство/ Acquaintance» со значением характеристики отношений человека, представляют собой важное звено во фразеологической картине мира русского и английского языков.

Анализ фразеологических словарей русского языка позволил выявить ФЕ со значением характеристики отношений человека, являющиеся репрезентантами концепта «Знакомство». К данным фразеологическим единицам относятся ФЕ: *на дружеской ноге, на равной ноге, на родственной ноге, водить хлеб-соль, братья (братство) по оружию, закадычный друг, водой не разольешь,*

черная кошка пробежала между кем-л., носит-ся как <дурень [дурак]> с писаной торбой, держат в почтительном [в известном] отдалении, держат в черном теле, держат ухо востро, держат ушки на макушке, держат язык на привязи, водить [держат] на помочах, друг ситный и другие.

Фразеологические словари английского языка представляют следующие ФЕ со значением характеристики отношений человека, являющиеся репрезентантами концепта «Знакомство/ Acquaintance»: *have someone on a string* (держат на коротком поводке), *keep someone at arm's length* (держат кого-л. на (почтительном) расстоянии), *serve two masters* (служить и нашим и вашим), *big boy* (друг ситный), *ill-treat* (плохо обращаться (держат в черном теле)), *one of the boys* (свой парень), *bosom friend* (закадычный друг), *as thick as thieves* (водой не разольешь) и другие.

В нашей картотеке, которая насчитывает 1917 примеров с единицами, репрезентирующими концепт «Знакомство» в русской языковой картине мира, фразеологическая единица *закадычный друг* (*подруга*) встречается всего трижды, *друг ситный* — один раз, *водой хлеб-соль* — один раз.

В картотеке среди примеров-репрезентантов концепта «Acquaintance» в английском языке встретились только одна ФЕ *big boy*.

«Экой ты, братец! Да знаешь ли? Мы с твоим барином были **друзья закадычные**, и жили вместе» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Максим Максимыч).

«Федор оглянулся и увидел Алину, **закадычную** Макину **подружку**» (Е. Вильмонт. Здравствуй, груздь).

«Чертов таможенный чиновник, я тебе устрою красивую встречу двух закадычных друзей» (Т. В. Устинова. Жизнь, по слухам, одна!).

Если в первых двух примерах фразеологическое сочетание «закадычный друг» имеет положительное значение, то во втором — ироничный и даже угрожающий оттенок, т. е. меняется его коннотативная часть.

Анализ этимологических словарей позволяет сделать вывод, что «закадычный» — постоянный, верный, задушевный:

«Закадычный, например, закадычный друг. Обычно связывают с кадык (ср. задушевный)» [Фасмер, 1986: 75].

«Закадычный. искон. суф. производное от (залить) за кадык «напиться». Исходное значение «собутыльник» > «задушевный» [Шанский, 2005: 91].

«Закадычный. Постоянный, верный, задушевный; закадычный друг Собст. русск. Восходит к

сочетанию (залить) за кадык — напиться водки. Ср. тюрк. Кадык. Первонач.: Закадычный — собутыльник. Сингармонизм А — Ы» [Глинкина, 2001: 116].

В английском языке ФЕ *закадычный друг* соответствует ФЕ *bosom friend*.

Новый англо-русский словарь под редакцией В. К. Мюллера дает следующее толкование лексемы *bosom*- «1) грудь; пазуха; 3) сердце, душа» [Мюллер, 1997: 77].

ФЕ русского языка *закадычный друг* произошла от выражения *залить за кадык* (*напиться водки*), в то время как в английском языке фразеологически связанное значение *закадычный* в ФЕ *закадычный друг* от *bosom* — *сердце, душа*.

Таким образом, ФЕ в английском языке *bosom friend*, соотносящаяся с ФЕ в русском языке *закадычный друг*, имеет иное образное основание в русском языковом сознании.

Фразеологическая единица *друг ситный* не означает, что этот человек твой друг, напротив, оно имеет пренебрежительное значение.

«— Где миски? — строго спросил он.

— На, пожалуйста! — кричал Шухов

— Отодвинься ты, **друг ситный**, не засты! — толкнул он кого-то» (А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича). В английском переводе — «*look for yourself*», *Shukhov shouted. He gave somebody a push. "Out of the way, big boy, don't block the view"*.

«Ситный -ая, -ое. 1. Просеянный сквозь сито. Ситная мука. 2. Испеченный из такой муки с. хлеб. Купить буханку ситного (сущ.). * Друг ситный (разг.) — шуточно-фамильярное обращение к кому-н» [Ожегов, 1997: 625].

«Ситная мука, битая сквозь сито, решетная. Ситный хлеб, более ржаной, ситник. Хотя решетом, да ежедень; а ситный, не сытный» [Даль, 1978: 189].

Идиомы *друг ситный* не означает, что этот человек твой друг, напротив, оно имеет пренебрежительное значение.

Словарь Oxford Collocations Dictionary приводит следующее толкование выражения *big boy* «*Your boy is quite big for his age*»; «*Don't cry — you're a big boy now*» [С. 79]. Выражение *big boy* в английском языке имеет значение *большой мальчик*. Таким образом, *друг ситный* не равно словосочетанию *big boy*.

ФЕ *водой не разольешь* <не разлить> кого — «не разлучишь, не помешаешь дружбе. Подразумевается, что близкие отношения, основанные на взаимном доверии, общности интересов и взглядов, тесном духовном единении и со-

циальном взаимодействии, на совместной жизнедеятельности, способствуют созданию прочного, сплоченного союза между людьми, который невозможно расторгнуть или разорвать. В смысловой основе образа фразеологизма лежит оксюморон — сочетание противоположных по значению понятий, действий: обычно водой пытаются разлить вцепившихся друг в друга в драке людей или животных, т. е. понятие о тесной дружбе выстраивается в образе фразеологизма на основе представления о врагах, о ненавидящих друг друга людей» [Телия, 2006: 132–133].

ФЕ *водой не разольешь* <не разлить> кого в английском языке — *as thick as thieves (if people as thick as thieves, they are very close friends who have no secrets from each other)*, что дословно переводится «быть такими близкими (друг другу), как воры».

Рассмотренные ФЕ, характеризующие отношения человека, представляя собой фрагменты русской и английской языковых картин мира. Национальная культура отражается через связь с культурно-национальными стереотипами, эталонами, символами. Некоторые из английских идиом схожи с русскими, часто имеют в нашем родном языке точную аналогию: *fight like cats and dogs* — *жить как кошка с собакой*, *keep someone at arm's length* — *держат кого-л. на (почтительном) расстоянии*. Но каждый конкретный язык включает в себе свою национальную самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира.

ФЕ английского языка и в эмоциональном, и оценочном плане более нейтральны, сдержаны, чем в русском языке: *закадычный друг, друг ситный, держать в черном теле* и другие — *bosom friend, big boy, ill-treat* (в английском языке соответственно).

Изучение языковых картин мира способствует решению проблем соотношения языка и культуры, языка и мышления, языка и общества, языка и поведения, языка и обучения языку.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М. : АСТ ПРЕСС книга. — 784 с. — (Фундамент. словари).
2. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М. : Языки славян. культур, 2001. — 272 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.Philosophy.ru/library>
4. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1978–1980.
5. Касьяненко Л. С. Становление языковой картины мира // Вестн. Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-та. — 2009. — № 3.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЧеРо, 2003. — 349 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учебн. заведений. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1997. — 944 с.
9. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М., 1998.
10. Словарь-справочник: этимологические тайны русской орфографии / авт.-сост. Л. А. Глинкина. — Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2001. — 400 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М. : Прогресс, 1986. — 672 с.
12. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — 8-е изд., стер. — М. : Дрофа, 2005. — 398 с.
13. Зализняк А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи языковой картины мира : сб. ст. — М., 2005. — 554 с. (Язык. Семиотика. Культура).

М. А. Федоров (Улан-Удэ, Россия)

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА
КАК АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ГИПОТЕЗЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ**

The Sapir-Whorf hypothesis is hotly debated for almost a century and has its supporters as well as opponents. The cognitive paradigm took the discussion to a new level allowing parties to touch upon the issues of the connection between language, thought and culture. The basic role of culture is a strong argument to re-define the “linguistic relativity” into “cultural relativity” and state that conceptual system and language are cultural tools.

Keywords: *concept, linguistic relativity hypothesis, culture.*

Гипотеза лингвистической относительности (ГЛО), ставшая предвестником антропологической парадигмы в языкознании, своими корнями уходит в постулаты В. фон Гумбольдта о тесной связи языка и мышления:

1) «разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»;

2) «человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... человек преимущественно — и даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений, живет с предметами так, как их преподносит ему язык»;

3) «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт, 1984: 80].

Великий немецкий ученый предугадал сущность языка как культурного феномена: он утверждал, что языковые изменения могут происходить только при условии «одновременной самодеятельности всех» [Гумбольдт, 1984: 65]. Однако поскольку не было удовлетворяющего объяснения, как такие действия могут быть скоординированы, то единственным разумным объяснением для ученого было действие внутренней силы, духа народа.

Гумбольдт был одним из первых, кто подметил орудийность языка, сущность которой заключается в том, что язык развивается в направлении речевой деятельности языкового коллектива. Так, он утверждал, что «умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам» [Гумбольдт, 1984: 68]. Для немецкого мыслителя было очевидным, что язык обусловлен культурой как способом адаптации к окружающей среде [Каган, 1996] и, следовательно, разность приспособления к внешнему миру делала невозможным одинаковое восприятие действительности у представителей разных культур.

Мы не нашли указания на то, что Э. Сэпир причислял себя к ученикам В. фон Гумбольдта, однако его идеи, как и идеи его последователей, можно сказать, «вышли из гумбольдтовской шинели». Известный американский лингвист предлагает следующие постулаты:

1) каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, которая залегает глубоко в подсознании носителей языка;

2) мысль отливается в существующие языковые формы и поддается прямому соотношению с его мировоззрением;

3) язык — это символическая система, способ отображения всех мыслимых разновидностей нашего опыта;

4) «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы»;

5) результатом относительности форм выражения является относительность формы мышления [Э. Сепир, 1993].

Б. Уорф несколько переформулировал основные положения своего учителя, акцентируя тезис об относительности форм восприятия действительности:

1) мир предстает перед нами как «калейдоскопический поток впечатлений»;

2) мировосприятие и последующее поведение обусловлены языковой категоризацией;

3) языковая категоризация действительности является негласным соглашением;

4) язык как соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка [Уорф, 1960].

Глобальность выводов ГЛО послужила причиной критики с самых разных сторон, и в рамках данной статьи мы можем остановиться лишь на некоторых аспектах. Исследования Э. Малотки опровергли выводы Б. Уорфа относительно категории времени у племени хопи. Тезисы глубинной грамматики Н. Хомского значительно подрыва-

ли существенную роль лингвистического релятивизма. Исследование Б. Берлина и П. Кея показало, что область цветообозначения подчиняется общим законам, которые определяются физиологическими возможностями человека воспринимать цвет и не зависят от семантики языка [Бурас, Кронгауз, 2011].

Особый интерес вызывает анализ работ Уорфа, выполненный М. Блэком, который говорит, что различные формулировки основных положений американского лингвиста часто противоречивы, многое преувеличено, а обращение к метафизике не получает должного обоснования. Однако это не мешает М. Блэку дать положительную оценку работам Уорфа на том основании, что не только прозрения, но и ошибки американского лингвиста оказались интересными и плодотворными [Блэк, 1960].

В отечественном языкознании ГЛО в целом получила отрицательную оценку. Наиболее ярко возражения представлены в статье В. А. Звегинцева, основной тезис которого гласит, что язык, выполняя посредническую роль, является производным от действительности и от человеческого сознания. Из этого следует, что язык лишь отражает окружающую действительность, а структурное разнообразие языков свидетельствует не более чем о неодинаковом отражении в языках картин объективного мира. Следовательно, язык не может ни управлять развитием и функционированием человеческого сознания, ни указывать человеческому мышлению правила его поведения [Звегинцев, 1960].

Б. А. Серебренников, допуская возможность регулирующего воздействия языковой системы на мышление, также указывает на примат окружающего мира по отношению к понятийной системе и языку. Неодинаковое членение действительности в системе языка объясняется ученым неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох [Серебренников, 1970].

Однако ГЛО имеет и своих сторонников. Весьма убедительно в защиту этой гипотезы писала А. Вежицкая: «Культуроспецифичные слова представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечению этих способов...» [Вежицкая, 1999]. Ученый, основываясь на богатом лексическом материале, подчеркивает, что способ выражения не является произвольным, но обусловлен культурой.

Относительно вопроса абсолютизации роли языка в восприятии действительности, А. Вежицкая говорила, что «взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые ему дает его родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения...». Однако возможность обойти «условия соглашения» никоим образом не исключает влияния языка на мышление, поскольку, как подчеркивает исследователь, это «можно сделать только ценой определенных издержек (использования более длинных, более сложных, более громоздких выражений, нежели те, которые мы используем, опираясь на обычный способ выражения, предоставляемый нам нашим родным языком)» [Там же]. Таким образом, по мнению А. Вежицкой язык не детерминирует восприятие, а направляет его. Этому воздействию можно сопротивляться, но немногие решаются выйти за пределы родного языка по причине извечной косности и консервативности человека.

На наш взгляд, А. Вежицкая довольно успешно парирует все лингвистические выпады против ГЛО. Но без внимания остаются возражения, предложенные когнитивистами, мишенью для критики которых оказывается сам тезис о влиянии языка на мышление. Другой упрек направлен на то, что никакие фундаментальные исследования не были проведены сторонниками гипотезы для подтверждения разности восприятия поведения. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин, указывая на существование различных уровней мышления, справедливо утверждают, что отсутствие языка не означает невозможности мышления. Однако, говоря об исключительной роли языка в овладении абстрактным мышлением [Стернин, 2001: 51], ученые все-таки проливают воду на мельницу ГЛО, поскольку разность языкового инвентаря будет способствовать различающимся векторам в мыслительной и речевой деятельности на высоком уровне абстрактности.

На наш взгляд, пример об отсутствии языковых обозначений цвета и наличия этих цветов в культурной практике [Стернин, 2001: 54] не столько опровергает ГЛО, сколько относит его в другую категорию: выражение культурно-значимых смыслов может передаваться не только при помощи языка, но и жестами. Иначе, если доказано, что нет никаких речевых способов передачи значений цветов, не выраженных лексически, трудно представить, как подрастающее поколение учится создавать орнаменты, если учитель не имеет возможности поправлять своих питомцев.

Создается впечатление, что критические замечания способствуют больше дополнению ГЛО, чем полному ее опровержению. Так, пример об отсутствии общей лексемы со значением снега [Стернин, 2001: 55] скорее предупреждает против поспешных выводов об отсутствии соответствующих концептов, поскольку в языке могут существовать и другие языковые средства кроме лексических для передачи общих значений, не говоря уже об экстралингвистических. В связи с этим вывод, предложенный уважаемыми когнитивистами, представляется чересчур категоричным: «концепты как единицы мышления не зависят в содержательном плане от языка народа — содержание концепта определяется не языком, а отражением действительности сознанием познающего эту действительность субъекта» [Стернин, 2001: 57].

Представляется возможным два возражения против этого вывода — в специфике формирования концепта и специфике его употребления. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы стоим на той позиции, что генезис концепта носит локально-культурный характер, возникая в процессе когнитивной деятельности индивида и впоследствии развиваясь по уровням абстракции. А. В. Кравченко указывает, что репрезентации, лежащие в основе концептов, могут быть в равной степени основаны как на первой, так и второй сигнальных системах по причине одинаковой доступности для восприятия обеих [Кравченко, 2000: 23]. Поскольку значимые единицы языка представляют собой не элементарное отражение действительности, а продукт ее коммуникативного использования [Лосев, 1982: 13], то концепты, как основанные, так и модифицированные при помощи языка представляют собой культурно-искаженное отражение объективной реальности.

Другим аспектом возникновения концептов являются особенности генезиса разных типов концептов. Групповые концепты, получая свое развитие из индивидуальных, проходят некий процесс стандартизации в процессе речевой практики, будучи опять же представленными единицами языка. Более того, продвижение концептов по этапам абстракции делает это невозможным без языка. Это дает основание утверждать, что содержание культурных концептов обладает некоторой степенью зависимости от языка, которая на данном этапе кажется нам значительной.

Вопрос о специфике употребления сводится к тому факту, что основным средством репрезентации концептов является язык с ярко выраженной в нем специфической картиной мира. И здесь можно еще раз вернуться к аргументу А. Вежбицкой

о неизбежных издержках при выражении смыслов, не заложенных в языковой системе.

Еще одним когнитивным аргументом в пользу относительности восприятия можно считать теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Можно выделить следующие тезисы, предлагаемые учеными.

- Наша обыденная концептуальная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.
- Концепты управляют нашей повседневной деятельностью, упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми.
- Специфика метафорического структурирования акцентирует одни стороны концепта и затушевывает другие.
- Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека [Lakoff, Johnson, 2003].

Подчеркивая первичность концептуальной системы, авторы указывают на то, что специфика функционирования языковых знаков является прямым следствием культурной специфичности концептов. Тем самым относительность восприятия, детерминированная концептуальной системой и отраженная в языке, является достаточно аргументированным тезисом, позволяющим несколько изменить некоторые положения теории относительности в языке.

В свою очередь, концептуальная система является производной от культуры как специфического способа деятельности, направленного на адаптацию к окружающему миру и консолидацию общественного целого. Это означает, что относительность восприятия и поведения по своей природе является не лингвистической, а культурной. Язык, являясь орудием культуры, лишь закрепляет в инвентаре культурно значимые смыслы и способы размышления о них, и делает его максимально удобным именно для выражения этих смыслов.

Говорить о том, что язык детерминирует восприятие, настолько же нелепо, насколько утверждать, что невозможно написать письмо при помощи лопаты. Тот факт, что назначение лопаты связано с другой функцией не отрицает возможности ее использования для каллиграфических целей, но ее форма указывает, что она была создана для деятельности другого рода. Тезис Э. Сэпира о формальной завершенности любой языковой системы свидетельствует о том, что можно перевести Библию или другой базовый

текст нашей культуры и на язык пираха, и на йимитхирр, являющимися неоспоримым свидетельством в пользу культурной относительности [Бурас, Кронгауз, 2011], но перевод кардинально изменит эти языки, в значительной мере устранив существующий сейчас релятивизм.

Список литературы

1. Блэк М. Лингвистическая относительность [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/black-60.htm>. 1960, свободный.
2. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности [Электронный ресурс].— URL: <http://elementy.ru/lib/431377>, 2011, свободный.
3. Вежбицкая А. Понимание культуры при помощи ключевых слов языка.— М. : Аспект Пресс, 2001.— 331 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию.— М., 1984.— 326 с.
5. Звегинцев В. А. Теоретико-методологические предпосылки гипотезы Сепира—Уорфа [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/zvegintsev-60a.htm>, 1960, свободный
6. Каган М. С. Философия культуры.— СПб. : Петрополис, 1996.— 416 с.
7. Кравченко А. В. Методологические основания когнитивного анализа значения // Когнитивный анализ слова.— Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000.— С. 8–32.
8. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.— 480 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике.— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001.— 191 с.
10. Серебренников Б. А. Язык как общественное явление [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/serebrennikov-70.htm>, 1970, свободный
11. Сэпир Э. Грамматист и его язык [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sapir-93a.htm>, 1993, свободный
12. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm>, 1960, свободный
13. Lakoff G. Johnson M. *Metaphors we live by* / The University of Chicago Press.— Chicago : The University of Chicago Press, Ltd. ; London, 2003.— 276 с.

К. Л. Филатова, Д. В. Спиридонов (Екатеринбург, Россия)

СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ЭПИЗОДА: ФРАНЦУЗСКИЙ VS БАСКСКИЙ

We propose a model of tactile metaphor used for conceptualizing the anthropological scenario of touching. The model includes SUBJECT of perception, OBJECT of perception and the CONTACT between them, their properties and actions. Our analysis is based on data from French and Basque, non cognate European languages.

Keywords: *perceptive metaphor, primary metaphor, tactile episode, French, Basque.*

Когнитивная лингвистика более склонна заниматься анализом языкового отражения чувственного восприятия, чем другие направления языкознания. Одним из её основополагающих постулатов является тезис о воплощённом значении (embodied meaning), который сводится к утверждению о том, что некоторые части нашей концептуальной системы и языка несут на себе отпечаток структурного строения наших тел и особенностей их функционирования [Goschl, 2005: 35]. В контексте данной теории, *осязание* как универсальный физиологический феномен должно играть важную роль в организации воплощённой семантики. Тактильная метафора как составная часть перцептивной метафоры вос-

ходит к ещё более общей когнитивной стратегии СОЗНАНИЕ КАК ТЕЛО (MIND AS BODY), описанной в [Lakoff & Johnson, 1980] и [Sweetser, 1990]. Осязание как феномен неспособно фокусироваться на произвольно выбранном объекте (как зрение и, в меньшей степени, слух), что накладывает ограничения на структурную связь с мыслительной деятельностью; с другой стороны, его непосредственная связь с физической манипуляцией объектом и неспособность «работать» на расстоянии — необходимые контактность и близость — соотносимы с субъективностью получаемых данных.

В рамках методологии описания перцептивных эпизодов, предложенной в одной из наших работ

[Филатова, 2009], мы намереваемся использовать антропологический конструкт сцены для анализа осязательного эпизода. Сцена должна быть описана с учётом трёх неотъемлемых составных частей, имманентно присущих любому перцептивному эпизоду: это *субъект* восприятия, *объект* восприятия и то, что можно условно обозначить как *среда* между ними; применительно к осязанию, которое предполагает непосредственный контакт между субъектом и объектом восприятия, под средой мы понимаем *характер контакта*. Каждый из трёх компонентов может быть охарактеризован по двум основным параметрам: его *действие* и его *свойства* — что обеспечивает сохранение логической структуры «субъект — предикат — признак».

В данной работе мы рассмотрим два основных элемента тактильной сцены — тактильные действия над объектом (фиксируемые соответствующими глаголами) и тактильные свойства объекта (прилагательные) — на материале двух неродственных европейских языков, французского и баскского, выделяя обнаруживаемые в этих языках метафорические модели.

Тактильные действия над объектом

В данной работе мы рассматриваем лишь действия, связанные с касанием, прикосновением и трением. Сначала выделим те метафорические модели, которые представлены в обоих языках.

ТРОГАТЬ — ЭТО ВЛИЯТЬ НА ЧУВСТВА. Во французском языке эта модель представлена глаголами *toucher* ‘трогать’, развивающим значение ‘растрогать, тронуть, задеть’ (*C'est trus touchant* «Это очень трогательно»), и *effleurer* ‘слегка касаться’, имеющим метафорическое значение ‘производить мимолетное впечатление’. В баскском эта метафора поддерживается следующими глаголами, в основном значении обозначающими касание: *ukitu, uki, ukitzen* ‘взволновать, растрогать, впечатлить’ (*Ama ikusteak ukitu zuen* «При виде своей матери он разволновался»); *hunkitu, hunki, hunkitzen* ‘взволновать(ся), впечатлить(ся), вызвать эмоцию’ (*Sakon hunkitu naute hitz horiek* «Эти слова взволновали меня»).

ТРОГАТЬ — ЭТО ВСТУПАТЬ В КОНТАКТ. Ср. фр. *toucher* ‘затрагивать, касаться, относиться к кому-л.’ (*cela ne me touche pas* ‘это меня не касается’); *effleurer* ‘слегка затронуть (вопрос, проблему)’; баск. *ukitu, uki, ukitzen* ‘примыкать, граничить, соприкасаться’ (*gure etxeek elkar ukitzen dute* ‘наши дома стоят рядом’).

ОЩУПЫВАТЬ — ЭТО ПОЛУЧАТЬ ИНФОРМАЦИЮ. Ср. фр. *tâter* ‘прощупывать, зондировать, выяснять’ (*tâter l'opinion* ‘зондировать мне-

ние’, *tâter l'ennemi* ‘прощупывать врага’); ‘отведать, попробовать, испытать’ (*tâter au vin* ‘пригубить вино’, *у tâter* ‘разбираться в чем-либо’); *tâtonner* ‘действовать неуверенно’; *palpable* ‘осязаемый, осязаемый → явный, очевидный’. В баскском эта метафора представлена, в частности, глаголом *haztakatu, haztaka(tu), haztakatzen* ‘трогать, ощупывать, искать на ощупь’, ‘исследовать, тщательно изучать’.

ТЕРЕТЬ — ЭТО ПРИЧИНЯТЬ (ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ИЛИ ФИЗИЧЕСКУЮ) БОЛЬ. Ср. фр. *frotter* ‘тереть → бить’; *astiquer* ‘чистить, доводить до блеска → вздуть, взгреть, отдубасить’; *râper* ‘тереть на терке → раздражать’ (*râper la gorge* ‘драть горло’). Баск. *marruskatu, marruska, marruskatzen* ‘тереть’ имеет вторичные значения ‘взволновать, впечатлить’ и ‘мучить, истязать, пытаться’.

Среди культурно специфических метафор можно выделить следующие:

Фр. **ТРОГАТЬ — ЭТО ДОСТИГАТЬ ЖЕЛАЕМОГО ОБЪЕКТА:** *toucher* ‘касаться, трогать → поражать, нанести удар’, *toucher le port* ‘зайти в порт’, *toucher le but* ‘попасть в цель’, *toucher l'argent* ‘получить деньги’, *toucher la notorité* ‘получить известность’; *palper* ‘ощупывать, пальпировать → разг. получать деньги; брать взятку’.

Фр. **ТЕРЕТЬ — ЭТО СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ:** *frotter* ‘тереть → давать (поверхностные) знания’ (ср. : *Il est légèrement frotté de littérature* «Он поверхностно знаком с литературой»); *polir* ‘полировать, натирать → просвещать, смягчать нравы, воспитывать; отделявать, выправлять, оттачивать, доводить до совершенства’. В баскском этой модели соответствует обратная модель **ТЕРЕТЬ — ЭТО ПОРТИТЬ:** *marruskatu* ‘измывать, истрепать, замусолить’; *urratu, urra, urratzen* ‘рвать, ломать на кусочки, нарушать’ (*Erori eta soinekoa urratu zuen* «Она упала и порвала платье»).

Возникновение пространственной метафоры у глаголов касания и эпистемической — у глаголов ощупывания вполне ожидаемо. Более интересно осмысление трения. Трение и царапание осмысляется как обработка объекта. Отсюда оценочные варианты развития метафоры: позитивная оценка связана с тем, что эта обработка понимается либо как полировка (придание гладкости), либо как натирание чем-либо (т. е. нанесение дополнительного слоя, как во фр. *frotter* ‘натирать → давать (поверхностные) знания’); негативная оценка возникает из понимания трения как лишения гладкости, откуда метафорические значения причинения боли и нарушения целостности.

Тактильные признаки объекта

Мы рассмотрим только слова, обозначающие степень гладкости поверхности. Так же сначала выделим общие модели.

ШЕРОХОВАТЫЙ — ЭТО НЕСОВЕРШЕННЫЙ.

Эта модель широко представлена в обоих языках и реализуется в обозначении самых разнообразных негативных качеств как вещи, так и человека. Фр.: *rugueux* 'шероховатый → лишенный совершенства', 'со сложным характером, которому не хватает сдержанности в общении с другими (о человеке)', 'вызывающий (о поведении, словах)'; *rêche* 'упрямый, неуживчивый'; *raboteux* 'недостаточно любезный'; *épineux* 'неприветливый (о человеке)', 'тернистый, трудный, затруднительный, щекотливый (о проблеме, вопросе)'. Баск.: *latz*, 'шероховатый, шершавый → тяжёлый, сложный, неприятный'; *zakar* 'резкий, неприятный', 'сильный, агрессивный'; *zimur* 'мелочный, жадный, скупой'. Обратное качество дает метафору ГЛАДКИЙ — ЭТО СПОКОЙНЫЙ И ГАРМОНИЧНЫЙ: фр. *lisse* 'гладкий → спокойный, чистый (о небе, воде и проч.)', баск. *lau* 'простой, прямой'; баск. *leun* 'мягкий, приятный' (ср.: *usain leuneko urrina* «духи с приятным запахом»).

ЛИПКИЙ — ЭТО НАВЯЗЧИВЫЙ. Фр. *collant* 'липкий → надоедливый'; *gluant* 'навязчивый, надоедливый'; *visqueux* 'вызывающий отвращение своей угодливостью'; *tenace* 'твёрдо стоящий на своем → стойкий, прочный, упорный; цепкий'; баск. *eranskor*, *itsakor* 'заразный'.

СКОЛЬЗКИЙ — ЭТО НЕНАДЕЖНЫЙ, РИСКОВАННЫЙ. Эта метафора, как и предыдущая, реализуется по-разному. Фр. *glissant*, *savonneux* 'скользящий → рискованный, ненадёжный' (ср. *être sur une pente savonneuse* 'идти по наклонной, втянуться в рискованное дело'). В баскском этой французской метафоре соответствует *lerrakor* 'скользящий → имеющий наклонности к чему-то плохому'. Однако в этом же языке скользкость трактуется как лъстивость (*labain* 'лъстивый, подхалимский, подбострастный').

К культурно специфическим метафорическим моделям следует отнести баскскую модель СКОЛЬЗКИЙ — ЭТО ПОХОТЛИВЫЙ, основанную, по всей видимости, на эротических ассоциациях: *irristakor* 'похотливый, блудливый', *limuri*, *limuri* 'распущенный, похотливый, сладострастный'.

Степень гладкости поверхности существенна при соприкосновении и последующем движении: собственно, отсутствие или наличие трения, легкого или затрудненного скольжения являются характеристиками движения. По этой причине

не развитие метафорических значений в данном случае сходно в двух рассматриваемых языках: шершавая структура поверхности вызывает затруднение движения, поэтому осмысляется как негативное свойство. При этом при развитии вторичных метафорических значений существенна идея взаимодействия: шершавый объект является неудобным, неприятным, сложным для взаимодействующего с ним субъекта. Напротив, гладкий — это удобный, спокойный, не вызывающий неприятных ощущений.

Развитие значения ненадежности, рискованности у прилагательных с первичным значением 'скользящий' более интересно: с одной стороны, скользкая поверхность объекта связана с невозможностью надежной, уверенной манипуляции им, невозможностью удержать объект, с другой, в обоих языках прилагательное «скользящий» имеет тенденцию осмысляться как характеристика поверхности, по которой осуществляется движение, при этом развивается метафорическое макрозначение 'имеющий склонность к чему-то негативному, могущий привести к негативным последствиям'. Данную метафорическую модель, вероятно, можно рассматривать как вариант пространственной метафоры, осмысляющей низ как нечто негативное, а верх — как нечто позитивное: скольжение как тип движения — это пассивный процесс, и он всегда направлен вниз.

Опыт изучения фрагмента тактильной сцены дает основания считать его продуктивным предметом исследования. В настоящее время в поле нашего внимания также находятся глаголы, называющие различные способы воздействия на объект, связанного с непосредственным прикосновением к нему («уколоть», «ущипнуть», «сжать», «сдавливать», «ударять», «шлепать», «гладить» и др.), прилагательные, называющие степень твердости объекта и его температурные характеристики, а также глаголы, называющие реакцию предмета на внешнее воздействие, его воздействие на субъекта («прогнуться», «поддаться», «обжечь» и проч.). В результате мы надеемся построить когнитивную модель концептуализации тактильного эпизода, которая бы учитывала как возможные параметры объекта и субъекта, так и способ воздействия субъекта на объект и объекта на субъект. Также существенны вопросы совершенствования методики изучения перцептивной метафоры в языке — это касается и определения номенклатуры семантических признаков, релевантных для описания различных перцептивных сцен (в т. ч. осязательной), и разработки методики верификации метафорических моделей

(в частности, минимальных требований к лексической репрезентации соответствующего метафорического значения в лексической системе изучаемого языка — с учетом парадигматических и деривационных отношений в лексике).

Принципиально важным нам представляется привлечение «экзотических» языков, наподобие баскского. Несмотря на известные трудности, которые возникают в этом случае у исследователя, данная исследовательская перспектива кажется нам продуктивной по двум причинам: во-первых, она позволяет «столкнуть» неродственные, а в идеале и не контактирующие между собой языки, благодаря чему можно выявить нетривиальные метафорические модели, требующие специального этнолингвистического объяснения, и тем самым полнее описать векторы возможной концептуализации перцептивной сцены; во-вторых, анализ такого материала позволит внести вклад в лексическую типологию, понять,

насколько полно отдельные фрагменты сцены представлены в различных языках мира.

Список литературы

1. Филатова К. Л. Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском языке в сопоставлении с русским языком : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 236 с.
2. Goshler J. Embodiment and body metaphors [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.metaphorik.de/09/goshler.pdf>
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
4. Sweetser E. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 174 p.

Н. К. Хан (Караганда, Казахстан)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТОЛОГИИ

Issues of identity cause active interest of many scientists including linguists. Studies of linguistic identity, human mentality and language picture of the world are actively conducted in the modern philological science. Language picture of the world allowing to reveal the problems of identification of Russian-speaking Korean writers in Kazakhstan on the material of their works is attempted to be analysed in this article. Language picture of the world as a way of reality representation reveals not only stylistic features of literary work, but also reflects the authors' perception of the world and the problem of identification. Special attention is paid to the socio-linguistic contactology and conditions of formation of the linguistic identity of writers. Analysis is based on the material of short stories by A. Kim.

Keywords: *linguistic identity, language picture of the world, problem of identification.*

Как известно, концепция «язык — фундамент общества» была выдвинута ещё в эпоху Возрождения. До настоящего времени вопрос о языковом существовании нации не теряет своей актуальности. Большая часть информации приходит к человеку через лингвистический канал, поэтому картина мира формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных его способностей. Сложно не согласиться с мнением Э. Д. Сулейменовой, отмечающей, что «...никакой коммуникативный процесс нельзя отрывать от социальных и конкретных условий его протекания, от факторов, которые детерминируют коммуникацию, будучи сами детерминированы исторически конкретной жизненной практикой общества» [Сулейменова, 2001:

111]. Следовательно, картина мира каждого человека может меняться в зависимости от условий его существования, социального статуса, возраста и т. д., что находит отражение в языке, языковом сознании, языковой репрезентации образа мира, языковой картине мира.

На языковую картину мира влияет сфера деятельности субъекта, внося в нее определенные профессиональные черты, индивидуальные формы и средства выражения. Картины мира каждого человека разительно отличаются друг от друга по типу выражения и представления, личного опыта, что находит отражение в языковой картине мира как синтетическом единстве субъективного и объективного начал в мировоззрении личности, как духовно-индивидуальной и культурно-исторической единой и целостной субстанции.

Интерпретация языковой картины мира требует субъективной активности ее носителя, способного адаптировать в языке индивидуальный и накопленный культурой опыт миропонимания, пропустив его через свое собственное духовное художественное видение.

Вместе с тем современные динамичные процессы глобализации, взаимопроникновение различных культур и межкультурной коммуникации, активные процессы урбанизации, разнообразных социальных и языковых контактов во всех сферах жизни вызвали у разных народов интерес к специфическим национально-культурным ценностям, национальной самобытности, вопросам идентификации. В этом случае хотелось бы вспомнить о том, что определение языка как средства выражения духа народа появилось тогда, когда человек выделил себя из природы и осознал это, когда более или менее оформилось национальное самосознание. Специфичность же языкового выражения действительности можно обнаружить в работах Э. В. Кондильяка, утверждавшего мысль о влиянии языка на восприятие внешнего мира и о том, что люди привыкли постигать его тем способом, каким эти вещи выражены на родном языке.

Все вышеуказанное мы считаем важным для нашей работы, поскольку невозможно исследовать языковую картину мира, не принимая во внимание способность языка отражать языковыми средствами действительность и великую воздействующую силу СЛОВА. Неслучайно Н. Д. Арутюнова отмечает полифункциональность языка, которая воспринимается как двойник *homo sapiens*. Язык формирует сознание, в нем отражается портрет этноса и отдельного человека, создает социальный портрет личности, магически влияет на душу человека; язык может быть другом, врагом, оружием, орудием человека. Он объединяет людей и является знаком индивидуальности, выделил человека из природы, может варьироваться, но остается целостным в любых своих проявлениях.

Появление понятия языковой картины мира в лингвистике позволило глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира, поскольку языковая картина мира формируется в недрах языка, а сам язык, репрезентирует другие картины мира (наивную, научную, детскую, художественную, профессиональную и т. д., которых может быть множество) человека, отражая при этом его кумулятивное опытное знание мира. Так как в самой природе челове-

ка заложена возможность создания семиотической системы, предназначенной для различных целей общения, то нам бы хотелось определить для данной работы значение понятия *языковая картина мира*, в определении которой мы опираемся на точку Е. С. Кубряковой, как той части «...концептуального мира, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова, 1988: 142].

Вопрос о языковой картине мира чаще всего рассматривался как вопрос о различных видениях мира, когда исследователи обращали внимание прежде всего на различия, существовавшие между языками (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, Г. А. Брутян, Р. И. Павилинис и др.) Э. Д. Сулейменова в определении «языковой картины мира» выделяет «два пласта»: один связан с формированием языковой картины мира безотносительно к конкретным языкам и различиям, существующим между ними; другой — с языковой картиной мира, формируемой конкретными национальными языками и ориентированной на те различия, которые существуют между разными языками, в первую очередь, в системе лексических номинаций. Однако необходимо учесть, что как когнитивное явление «языковая картина мира» не складывается из значений или суммы значений отдельных слов. Следовательно, языковая картина мира может вербализоваться только в виде текста как способа, средства, результата коммуникации человеческого сообщества.

При изучении закрепленного в конкретном языке описания мира необходимо также выявить не только общие, универсальные принципы организации действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком — как самим его строим, так и национально-культурным сознанием его носителей. В этом случае включение в отображение действительности является необходимым, поскольку современные исследователи определяют язык не только как средство общения, но и как хранилище информации, накопленной языковым коллективом, живущим в определенной экологической среде, осваивающим ее при сменяющихся, но характерных именно для данного этноса (сообщества) социальных условий. Тем самым язык фиксирует практически все, что принято считать национально-культурным достоянием народа — носителя языка.

Анализ языковой картины мира того или иного писателя позволит нам не только выявить общие явления, но и проникнуть в образ мышления нации, в способ национального видения мира, понять особенности менталитета носите-

лей данной культуры и данного языка. Мы согласны с В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым [Иванов, Топоров, 84: 178], считающим, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира универсальный характер. Следовательно, языковая картина мира является носителем концептуальных категорий о мире представителями конкретного народа.

Исходя из вышесказанного, мы неслучайно обратились к творчеству А. Кима. Наш интерес определен активным интересом лингвистов к национально-художественному билингвизму русскоязычных писателей, поскольку любой художественный текст отражает в языке произведения личный опыт автора и является оригинальным средством передачи специфики контактированного языкового сознания этноса. Согласно мнению Н. Л. Лейдермана, «...особая национальная картина мира — та самая иллюзия «нерусского» видения мира в одежде русского слова», замечает, что «...типы образных ассоциаций — это механизм самых интимных, подсознательных психических реакций. Они несут в себе доведенную до рефлекса родовую память этноса: они порождены условиями жизни — природой, бытом, трудом, правами и теми ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Это самые мельчайшие архетипы национального сознания» [Лейдерман, 2007: 38–49].

Повесть А. Кима «Рассказы моего отца» является своеобразной летописью корейской диаспоры на постсоветском пространстве. Произведение представляет интерес для нашего исследования своей типичностью. Мы считаем, что писатель намеренно избегает создания богатой образной системы, поскольку повесть носит автобиографический характер, а сдержанный стиль изложения передаёт сдержанность отношений между сыном и отцом (в чём и выражается уважение между людьми разных поколений), ощущение некоторой «стёртости» воспоминаний.

Религиозный синкретизм, влияние национального этномифического мироощущения, сложное, своеобразное отношение к жизненно важным категориям добра и зла, жизни и смерти, красоте и гармонии, бытового уклада и правил поведения передавались корейцами из поколения в поколение. Человеческие контакты с миром в художественном произведении представляются во всем его многообразии: социальном, психологическом, морально-этическом, эстетическом, философско-религиозном.

Одним из важных средств создания этнического фона в повести является безэквивалентная лексика, образующая лакуны. Нами обнаружено 11 лексем: *кан* (пол, прогреваемый снизу), *подушка*, *набитая рисовой шелухой*, *корка подгоревшего риса* (камачи), *удунан* человек, *соевая паста* (дзяй) и т. д. Используя их в тексте повести, А. Ким использует лексические значения слов: «Он сидел на кане — теплой лежанке... Он разорвал и выкинул в печку подушку, набитую рисовой шелухой... Дядя велел принести соевой пасты, которою и залепил ожог на зад...». В повести А. Ким приводит 3 определения лексемы *удунан-человек*: «*Михаил и в драках, как это говорится, был удунан-человек. Это определение сложное. Во-первых, значит, что силен и беззрассуден; потом — что хоть кол на голове теши, а он потом будет гнуть своё; в-третьих, что в делах своих действует без политики, идёт напропалую*» [Ким, 1988: 49].

Имя собственное в художественном произведении всегда многофункционально, символично, образно. Имя человека всегда значимо в социуме любого народа и каждого человека. Согласно А. В. Суперанской, имя собственное — это судьба человека, карма, надежда. У всех народов бытует поверье, что имя должно быть удачливым, определяющим судьбу. Мы отмечаем, что в культуре корейцев глубоко символичен образ тигра. Это сильное, хитрое, умное животное, символизирующее не только власть, достаток, мудрость, но и жестокость, коварство. До сих пор в корейском языке существует много пословиц и поговорок, посвященных этому животному: *Держать в заточении летающего тигра; Добудет даже то, что прилипло к носу тигра (о безумно храбром человеке); Мало, как тигру бабочка; Где много соблазнов, там тигры водятся; В ущелье, где нет тигра, заяц верховодит; Тигра-то нарисуеть, а костей его не нарисуеть (т. е. нелегко познать внутренний мир человека)*» [Лим Су, 1979: 7], что свидетельствует о большой значимости зоонима для культуры народа. В сборнике корейских народных изречений Лима Су нами обнаружено 38 изречений, посвящённых тигру.

Исходя из всего этого, становится ясно, что неслучайно двум мальчикам даны имена Каменный Тигр и Рычащий Тигр. Младшему дано ласковое имя Розовый Юг. Однако впоследствии старшие братья были крещены: «*Моего отца по рождении крестили в православной церкви села Благословенного, нарекли Андреем. Однако в семье его звали и корейским именем, которое, переведённое на русский, означает Каменный*

Тигр» [Лим Су, 1979: 30]: «*Мальчик, коренастый, крепкий силач, окрещён был Михаилом, а корейское имя его тоже означало Тигр, но только — Рычащий Тигр»* [Лим Су, 1979: 37].

Можно объяснить параллельное употребление национального и русского имени фонетическими трудностями в произношении, активным взаимопроникновением культур, статусом русского языка. Вместе с тем описан процесс христианизации героев и замены имени собственного русским. Сегодня национальное имя собственное корейцами постсоветского пространства практически утеряно. На данный момент корейцами постсоветского пространства сохранены только корейские фамилии, что является свидетельством аккультурации диаспоры.

Произведения не только А. Кима, но и М. Пакка, Л. Сона, А. Хана, Г. Кано объединяет ярко выраженная амбивалентная этничность корейцев постсоветского пространства, сложная ментальная картина мира и неоднозначность в оценке и характеристике идентичности корейцев, которая находит свое выражение в различных формах стереотипизации (в языке, поведении, мышлении). В этом плане хотелось бы отметить, что те черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национального характера — это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Под этническим стереотипом мы понимаем обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей этнической группы.

Говоря о стереотипах вербальной и невербальной коммуникации в повести А. Кима, отмечаем, что стереотипы вербального мужского поведения героев наиболее ярко выражены в письме дяди своим племянникам, когда он прощается с ними и объясняет свой поступок тем, что выполнил свои долги перед погибшим братом: не вернулся в свою собственную семью, пока не нашел останки брата и не перезахоронил их; пока не вырастил его детей. Стилистика, конструирование предложений, разговорные обороты корейского языка А. Ким мастерски передает на русском языке. Невербальные стереотипы поведения корейцев характерны в описании поведения героев.

Отмечая наиболее важные моменты стереотипизации корейцев, невозможно обойти вниманием вопрос идентификации. Под этнической идентичностью личности понимается осознание себя представителем определенного этноса, переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других. В совре-

менной науке существует немало разноречивых трактовок понятия «идентификация», но преобладает её понимание как процесса перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей его внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях.

Казахстан — уникальное полиэтническое государство, своеобразная этнолингвистическая «лаборатория», так как на территории республики проживает более ста различных народов. Б. Хасанов в своей монографии «Языки народов Казахстана и их взаимодействие» обращал внимание на «казахско-русско-корейское трехязычие», отмечая при этом, что самый распространенный тип двуязычия среди корейцев — одностороннее корейско-русское двуязычие [Хасанов, 1976: 155]. В газете «Коре Ильбо» приводятся статистические данные, которые свидетельствуют о том, что 25,8 % владеют родным языком, 28,8 % владеют казахским, 100 % — русским [Коре Ильбо, 2001: 65]. То есть родным для большей части корейцев является русский язык.

Следовательно, сегодня невозможно говорить о полном владении корейским языком корейцев постсоветского пространства, т. к., хотя статистические данные свидетельствуют о том, что каждый четвертый кореец владеет родным языком, мы считаем этот факт сомнительным, поскольку указанные 25,8 % вряд ли все владеют нормированной и письменной формами языка.

В этом плане нам представляется интересным тезис Й. Л. Вайсгерберга: «В языке каждого народа отражается его мысленная сфера, промежуточная между действительностью и сознанием, образующая норму духовной жизни человека, так как каждое выражение связано с определенным содержанием, которое представляет собой не просто отражение мира, а особый мир, созданный мыслью. Каждый языковой коллектив создает в своем мире особое мировоззрение в соответствии со всеми склонностями, жизненными обстоятельствами и историей» [Вайсгербер, 1993: 42].

Естественно, что сложная судьба корейского народа, неоднократно менявшего родину, нашла своеобразное выражение в картине мира корейских писателей и отразилась на формировании языковой личности писателя.

Таким образом, языковые контакты корейцев нашли отражение в творчестве А. Кима и проявились в своеобразном сплетении русского и корейского языков. Считаем важным обратить внимание на то, что языковая личность А. Кима как

писателя формировалась при активном функционировании русского языка во всех сферах жизни, что отразилось на индивидуальности его творчества, что достаточно ярко выражено в языковой картине мира повести.

Языковая картина мира повести А. Кима «Рассказ моего отца» произведений писателя отражает своеобразный лингвокреативный способ мышления и мироощущения в широком религиозно-философском смысле, особенности менталитета, синкретизировавшего в себе архетипы корейской и русской культур, проявляющихся в художественных образах.

Список литературы

1. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопр. языкознания. — 1993. — № 2. — С. 73.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское

и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — М. : Наука, 1984. — 270 с.

3. Ким А. Рассказы моего отца // Страницы лунного календаря : сб. прозы корейс. писателей. — М. : Сов. писатель, 1990. — 304 с.

4. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М. : Наука, 1988. — 216 с.

5. Лим Су. Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев. — М. : Наука, 1979. — 312 с.

6. Пак А. Казахстанские корейцы в зеркале статистики // Коре Ильбо. — 2001. — 6 апр. — С. 6.

7. Сулейменова Э. Д. Актуальные проблемы казахстанской лингвистики: 1991–2001 // Материалы к докладам на Международной конференции МАПРЯЛ. — Алматы : Арыс, 2001. — 84 с.

8. Хасанов Б. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. — Алма-Ата : Наука КазССР, 1976. — 216 с.

А. А. Харитонов (Челябинск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

The concept of “Middle Ages” appeared in the Renaissance to denote the time interval separating the last of such a highly esteemed members of its antiquity. Traditionally, the beginning of the period believed the attack of the Roman Empire (V cent.), and end — the death of the Byzantine Empire and the discovery of America by Christopher Columbus (XV cent.). To Italy — this is an early Renaissance, while historians of English literature even XV century usually considered in the literature of the Middle Ages).

Keywords: *the Latin alphabet, futhark, graphics, Late Antiquity, Early Middle Ages.*

В период Средневековья правильными языками считались *три* основных, т. н. «священных» языка: древнееврейский, древнегреческий и латинский. Они противопоставлялись «вульгарным», т. е. живым новоевропейским языкам. Реальная жизнь, однако, внесла в указанную схему существенные коррективы. Древнееврейский язык изначально был чужд подавляющему большинству христианского мира, и его знание в рассматриваемый период (как, впрочем, и позднее) всегда являлось уделом немногих. Число владеющих греческим языком в странах Западной Европы также оставалось на протяжении средних веков (в отличие от античной эпохи) незначительным, чему в немалой степени способствовала отчужденность между католической и православной церквями, завершившаяся в 1054 г. открытым разрывом. Отражением подобного положения вещей стала известная поговорка: «Graecum est, non legitur» («Это по-гречески не читается»). Таким

образом, безусловное первенство в иерархии языков безраздельно принадлежало латыни. Само понятие грамотности означало прежде всего знание этой последней, а социально значимым признавалось деление людей на *litterati* (образованных, т. е. владеющих латынью) и *idiotae* — неграмотных, знающих лишь «грубый» родной язык. Причем интернациональный статус латыни влек за собой одну существенно важную особенность: в тех случаях, когда она выступала в качестве переводящего языка (особенно если речь идет о религиозно-богословской и философской литературе), относить перевод к той или иной национальной традиции можно лишь чисто условно, имея в виду разве что национальность переводчика или его географическое местопребывание.

Вместе с тем, наряду с латынью, в тот или иной период достаточно важную роль могли играть и другие языки. Характерен в этом отношении пример старофранцузского, который получил весь

ма широкое международное распространение не только в Англии (где после норманнского завоевания и вплоть до конца XIV в. он занимал господствующие позиции), но и в других странах. На нем писали Марко Поло и Рустичелло, создавая известную книгу о странствованиях венецианского купца; его использовал флорентийский юрист и дипломат Брунетто Латини при написании энциклопедического труда «Книга сокровищ», считая, что этот язык — «наиболее приятный и наиболее распространенный среди людей». Позднее на ту же тему Латини написал первую итальянскую дидактическую поэму «Малое сокровище».

Естественно, что старофранцузский часто выступал и в роли исходного при переводе «художественной литературы» — произведений, где речь шла о воинских подвигах, сражениях, любовных приключениях и т. п.

Письмо появляется у того или иного народа, в той или иной культуре, как правило, в связи с возникновением необходимости удовлетворять потребности его духовно-познавательной деятельности и государственности. По отношению к народам Европы целиком сохраняет свою справедливость распространенная в истории мировой культуры формула «За религией следует алфавит».

На ее Востоке было принято от Византии христианство в форме, которая допускала возможность богослужения на родном языке и поощряла создание своего алфавита на основе греческого и перевод церковных текстов на родной язык. На ее Западе проводником христианства был Рим, проповедовавший принцип «трехъязычия» (освященные авторитетом Библии и христианской церкви древнееврейский, греческий и латинский языки). Здесь в религиозном обиходе в основном использовался только латинский язык (часто в региональной разновидности) и при необходимости создавалась своя письменность (сперва во вспомогательных целях), опирающаяся на постепенное, первоначально чисто стихийное приспособление латиницы к родному языку, фонологическая система которого существенно отличается от латинской.

Все европейские системы письма возникали на основе заимствования (авторского или стихийного) не столько форм букв, сколько способов построения алфавита и системы графики, сложившихся в греческом или латинском письме. Здесь хорошо прослеживается формулируемый общей грамматологией универсальный принцип развития систем письма в сторону их фонетизации

(и фонемизации — для языков фонемного строя), т. е. движения от идеографии к фонографии (фономографии). Европейские системы письма являются алфавитными, а такое письмо представляет собой, как известно, наиболее совершенную систему звукового письма для языков фонемного строя. Оно строится на однозначном соответствии между графемами и фонемами, т. е. стремится к реализации идеальной формулы графической системы. И тем не менее часто наблюдаются отклонения от идеала, состоящие: а) в наличии множества графем («аллографов» или «графемных рядов») для обозначения одной фонемы; б) в использовании разных графем для передачи обязательных и факультативных аллофонов одной фонемы; в) в употреблении одной графемы для обозначения разных фонем — нередко с учетом позиции в слове; г) в наличии ряда позиционных вариантов одной графемы. Оптимальное решение проблемы графики заключается в построении если и не исчерпывающего, то вполне достаточного и вместе с этим экономного набора правил фиксации фонематически существенных для данного языка звуковых различий (фонологических дифференциальных признаков).

Формирование письменностей на основе латиницы представляло собой долгий и противоречивый процесс стихийного приспособления знаков латиницы к иного рода системам фонем и графем. Между культурными центрами (как правило, монастырями) и школами переписчиков шла острая конкурентная борьба, связанная с отстаиванием тех или иных графических приемов.

Создание письменности на базе латиницы проходило следующие этапы:

- 1) записывание местными письменами в текстах на латинском языке собственных имен (топонимов и антропонимов) и других слов;
- 2) вписывание на полях или между строк латинских текстов переводов на родной язык отдельных слов (глосс), словосочетаний и целых предложений;
- 3) переводы религиозных (а впоследствии и светских) текстов на родной язык;
- 4) создание оригинальных текстов различных жанров на родном языке.

Ирландские миссионеры вели активную деятельность в Скандинавии, Германии, Франции, Бельгии, Италии, Паннонии и Моравии, серьезно повлияв на установление в этих странах определенных графических канонов и на осознание этими народами права на широкое использование письма на родном языке. Особенно серьезное влияние они оказали на формирование письменности

у англосаксов. Вместе с тем можно обнаружить следы воздействия на развитие ирландской графики со стороны миссионеров из кельтской Британии.

У германцев (Скандинавия, Англия, Германия) первоначально было распространено руническое письмо. Старший рунический алфавит насчитывал 24 знака (он условно называется футарком — по первым четырем буквам рунического алфавита: f-u-th-a-r-k). Это письмо использовалось в III–VII вв., т. е. до принятия христианства. Значительна фонографичность этой системы, не отражающей лишь различия долгих и кратких гласных. Футарк в Англии длительное время употреблялся параллельно наряду с латиницей, рано внедрившейся (в VII в.) в письмо на родном языке. В него позже были добавлены новые знаки (сперва четыре, потом еще пять) для сугубо английских фонем (в частности, для фиксации одной буквой дифтонга как целостной фонологической единицы, для обозначения возникшего в результате i-умлаута лабиализованного переднего гласного [y], для различения палатализованных и непалатализованных заднеязычных смычных согласных).

В Скандинавии число знаков в футарке сократилось с 24 до 16 (младший футарк). Младшему футарку была присуща меньшая фонематичность (передача одной руной нескольких фонем, неразличение глухих и звонких согласных, необозначенность многих различий у гласных). Но вместе с этим находят отражение результаты перестройки систем фонем в скандинавских языках. Алфавит с числом знаков с меньшим вдвое числом фонем, как показал исторический опыт, может функционировать достаточно эффективно.

В Дании появляется письмо с «пунктированными рунами», позволившее обозначать различия между передними гласными лабиализованными и нелабиализованными (под влиянием знакомства с английским руническим письмом во время военных походов). Но постепенно наблюдается исчезновение «языческого» рунического письма в связи с принятием христианства и внедрением письма на латинской основе (быстрее всего в Германии, затем в Англии и в последнюю очередь в скандинавских странах).

Отдельные руны в некоторых версиях письма у германцев интерпретировались с ориентацией на латинскую основу. До наших дней сохраняется лишь руна для передачи th в исландском алфавите.

Англосаксы были первым германоязычным народом, перешедшим к систематическому ис-

пользованию латинского письма для записи текстов на родном языке. Здесь наблюдалось незначительное влияние на применяемые графические приемы рунического письма, но прослеживалось очень серьезное воздействие латинских и особенно ирландских образцов (применение диграфов для дифтонгов, обозначение веляризованного [ɹ] и палатализованных заднеязычных смычных согласных сочетаниями из нескольких букв). Одной графемой обозначались заднеязычное [x] и горланное [h].

Этот и ряд других графических способов были заимствованы у англосаксов немецким письмом. Уже в VI в. франкский король Гильперих предлагал реформу латинского алфавита вместе с заимствованием некоторых рун из древнеанглийского футарка для передачи немецких фонем. В конце VIII в. появляются первые верхненемецкие письменные памятники. Наблюдается большое разнообразие графических приемов не только в одном монастыре, но и у одного писца. Для передачи верхненемецких фонем часто используется комбинирование ряда латинских букв. В нижне-немецком новые графемы появляются под влиянием английского письма.

В Скандинавию латинское письмо проникает поздно. Оно находится здесь под сильным влиянием английских и немецких, а в ряде случаев ирландских образцов. В датском письме используются неперечеркнутые и перечеркнутые буквы при передаче различий между твердыми и мягкими согласными, а также и между нелабиализованными и лабиализованными передними гласными. В Исландии создается первый теоретический трактат о принципах построения алфавита, но в формировании исландской графики больше господствовала стихия.

Сравнительно поздно письменность появилась в романоязычных странах, что объясняется, по всей очевидности, распространенным умением читать и понимать тексты на мертвом уже к V в. латинском языке. В романском языковом ареале (Romania) наблюдались серьезные различия в озвучивании одного и того же церковного текста в соответствии с особенностями местного народно-разговорного языка. Своя письменность формируется во Франции в IX в., в Провансе в XI в., в Испании, Португалии, Италии и Каталонии в XII–XIII вв. При этом частыми и значительными были совпадения в арсенале использовавшихся графических приемов в силу общности романской речи поздней античности и раннего средневековья как исходного материала и некоторых общих тенденций звукового развития.

Так, обычно непоследовательно обозначается качество гласных, но достаточно информативно передается посредством различных буквосочетаний качество согласных, например, обозначение бокового и носового среднеязычных сонантов. Эти новые фонемы фиксируются как результаты изменения смычных заднеязычных согласных. Довольно поздно (XVI в.) начинают разграничиваться латинские буквы Uu и Vv, Ii и Jj, что имело общеевропейский характер. Графема Ww (из сдвоенного uu/vv) формируется на германской почве.

Первые чешские памятники латиницей появляются в XIII в., хотя латиница проникла к западным славянам раньше глаголицы и кириллицы. Чешскую письменность создают в монастырях монахи, учившиеся у немцев. Поэтому столь ощутимо влияние образцов латинской и немецкой графики. Создание идеальной фонографической чешской графики оказывается возможным только лишь в результате реформы Я. Гуса в 1412 г.

Польская письменность создается на основе латиницы с ориентацией на чешскую и немецкую графику. Здесь особо сказались трудности, вызванные большим числом специфических польских согласных, а также носовых гласных. Способ передачи назальности гласного посредством добавления особого знака к основному гласному сложился под влиянием глаголицы.

Список литературы

1. Звегинцев В. А. История лингвистических учений: Позднее Средневековье : курс лекций.— СПб., 2010.— 17 с.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений : курс лекций.— М., 2008.— 112 с.
3. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики : курс лекций.— М., 2005.— 267 с.
4. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений : курс лекций.— М., 2009.— 26 с.
5. Березин Ф. М. История лингвистических учений : курс лекций.— М., 2005.— 54 с.

Е. В. Харченко (Челябинск, Россия)

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

The report deals with the variants of influence of the corporate culture under which we understand professional, organizational cultures as well as their interaction. The special attention is given to the problem points which potentially contain possibility of misunderstanding, pseudo-understanding and conflict.

Keywords: *intercultural communication, corporate culture, language awareness, psycholinguistics.*

Интерес к корпоративной культуре, особенно ясно обозначившийся в наши дни, не случаен: социально-экономические изменения, разрушение привычных ценностей, отсутствие единых политических ориентиров способствуют выделению групп, связанных общей деятельностью, идеологией и т. д. Корпоративная культура представляет особый интерес по нескольким причинам: во-первых, современный человек большую часть времени посвящает работе, во-вторых, именно корпорации стараются сознательно влиять на культуру внутри группы для удовлетворения своих потребностей.

Сегодня можно отметить смещение фокуса внимания с изучения продуцирования речи на процессы восприятия и понимания, что определяет в целом качество взаимодействия. Оговоримся: мы специально выбрали термин взаимодействие как родовое понятие для коммуникации и общения, поскольку не считаем их синонимичными. Под взаимодействием в данном случае мы пони-

маем процесс обмена знаками между контактирующими людьми. К знакам относятся не только вербальные, но и невербальные средства.

Все чаще проблема эффективности взаимодействия рассматривается в рамках межкультурной коммуникации, ведь для понимания необходимо не только владение языком как кодом доступа к знаниям собеседника, но и общность сознаний, без которой, по словам Е. Ф. Тарасова, общение носит патологический характер [Тарасов, 1998].

Под корпоративной культурой мы понимаем культуру корпорации, т. е. объединения людей в рамках одной организации или профессии.

Ученые сходятся во мнении, что каждая организация обладает своей, часто стихийно сложившейся, корпоративной культурой, которая носит тотальный характер, проявляется во всех малейших деталях и, являясь неосознанной, крайне сложно поддается изменениям. Мы определяем корпоративную (организационную) культуру как набор наиболее важных предположений,

принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Объекты нематериальной культуры также являются результатом деятельности людей, но сотворены они не руками, а разумом и чувствами, эти объекты недоступны непосредственному осязанию (их нельзя увидеть, потрогать), но поскольку они существуют в нашем сознании и поддерживаются при общении, мы можем «проявить» (овнешнить) их через речь человека. Таким образом, корпоративная культура понимается нами как совокупность текстов, используемых в конкретной организации для выражения специальных смыслов. Корпоративная культура организации строится на общности сознания ее членов, что находит отражение в словах и выражениях, которые сотрудники постоянно повторяют в своей речи.

В качестве примера приведем данные, полученные при коммуникативном аудите (с использованием тестирования) конкретной организации. Как особо важные понятия можно выделить:

ЕДИНЫЙ ПОДХОД: *коллективное выполнение; согласованное руководство; слаженность работы коллектива фирмы; коллектив работал слаженно, как единый механизм; сплоченности и хорошей организации в коллективе; все работают, как один механизм; общее устремление к единой цели; когда работает команда; все вопросы решаются коллективно; единый подход к решению стоящих перед ними задач; в коллективе вырабатывают общий подход к решению возникающих проблем; коллектив работал сплоченно, как единая команда; слаженная работа с производством, конструкторами и сотрудниками сбыта, продвижения, рекламы; согласованность в работе; нет единого подхода к решению стоящих проблем.*

ЧЕТКАЯ ЗАДАЧА: *я вижу перспективу своей работы; четко поставить цель и задачи перед коллективом; вижу цель; более четкая постановка задачи; вижу перед собой четко поставленную цель и задачу; все знают куда идти; четко поставленная задача; нет четко сформулированной задачи.*

Эти высказывания позволяют говорить о сложившейся корпоративной культуре на предприятии, которая в качестве важных положений выделяет *единый подход* и *четкую задачу*. Это может быть причиной недопонимания и конфликтов с представителями другой культуры, где ведущими принципами могут быть *персональная ответственность* и *скорость принятия решений*. Этих

базовых представлений может быть большое количество, т. к. они, как правило, формируются под влиянием основателя и/или лидера. В то же время можно выделить два основных вида взаимодействия с внешними клиентами, которые ожидаются при столкновении с представителями организации в нашей культуре. Это «личностный» и «бюрократический» подход. Сегодня они, как правило, разделяются исходя из формы собственности: от госучреждений ожидают «бюрократический» подход, от частных — клиентоориентированный.

Таким образом, при взаимодействии носителей разных организационных корпоративных культур большое значение имеет осознание базовых ценностей организации.

Не менее интересна проблема взаимодействия носителей разных профессиональных корпоративных культур. Мы считаем, что *профессиональная культура* — это универсальная система, включающая профессиональные знания и ценности, которые в виде образцов и норм, принятых в конкретной профессиональной области, регулируют профессиональную деятельность. По нашим данным, при восприятии образа профессионала большое внимание уделяется его внешнему виду (наличие формы или стереотипного образа) и окружению (место работы, инструмент). Не случайно возраст, шприц, белый халат у врача влияют на уровень доверия к нему. Следует напомнить, что при первом контакте большое внимание уделяется именно невербальной информации, после «считывания» которой от профессионала ожидаются определенные стандарты поведения, отступление от которых может привести к санкциям со стороны собеседника.

Особый интерес представляет формирование особого образа мира, профессиональная деформация человека. Мы согласны с Е. А. Климовым, который говорит, что не следует сводить идею профессионализма только к представлению о высоком уровне умелости профессионала [Климов, 1996: 386]. Он пишет, что «профессионала надо рассматривать как сложную систему, имеющую не только внешние функции («отдачу»), но и необходимые и, как правило, сложные и многообразные внутренние, в частности психические функции». К этим внутренним функциям Е. А. Климов относит «и построение образа будущего результата деятельности, и некоторое «вынашивание» представлений о путях и способах, вариантах достижения этого результата, и эмоциональную преднастройку к работе, и общее сознание защищенности в обществе, уверенность в за-

встраиваем дне, и удовлетворенность ситуацией в семье, «дома», и «больной зуб», и многое, многое другое, включая и образ окружающего мира вообще» [Климов, 1996: 386–387]. Нам близко понимание профессионализма Е. А. Климовым, который «не как просто некий высший уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, а как определенную системную организацию сознания, психики человека» [Климов, 1996: 387].

Не случайны и появления типичных фраз, например, психолога можно выделить по выражению «Вы хотите об этом поговорить?». Это буквальный перевод фразы «Do you want to talk about it?», стереотипно ассоциирующейся с (американскими, в основном) психоаналитиками и размноженной в качестве punchline в бесчисленных анекдотах про них.

Интересные результаты были получены при «опознании выражений» вне контекста: на отдельном листке был предложен список из 25 высказываний (целые и незаконченные предложения), рядом с которыми предлагалось написать профессию или род деятельности того, кому могли бы принадлежать эти слова. В опросе принял участие 341 респондент с разными социобиопсихологическими характеристиками.

Анализ полученных данных показывает, что:

1) при определении профессии говорящего вне контекста респонденты часто ориентируются на слова в самом высказывании как на подсказку: *Особенностью данной модели является...* — модельер (105), *В соответствии с законодательством...* — юрист (180), судья (77), адвокат (30);

2) есть профессионально маркированные высказывания, которые подавляющее большинство респондентов определили как принадлежность представителей определенной профессии: *Что я могу вам предложить?* — продавец (228), *Как вы*

себя чувствуете? — врач (251), доктор (54), медсестра (11), терапевт (7), *Что будем заказывать?* — официант (300), *Запишите тему в тетради...* — учитель (256), преподаватель (42), педагог (18), *Я выпишу вам направление...* — врач (204), доктор (36), медсестра (33), терапевт (17), *В случае аварии вы получите...* — страховой агент (202);

3) можно предположить, что существующая норма поддерживается как однообразием выборов, так и тем, что иные реакции носят либо шуточный характер, либо отражают индивидуальное восприятие (немотивированное для большинства); например, высказывание *Как вы себя чувствуете?* — определили как принадлежащее медицинским работникам 334 респондента из 341: врач (251), доктор (54), медсестра (11), терапевт (7), анестезиолог, больница, зубной врач, медики (2), медицина, поликлиника, сиделка, фельдшер; иные реакции — гробовщик, друг, забота, инспектор ГАИ, подхалим, преподаватель, сосед-злопыхатель.

Таким образом, можно сделать вывод, что при взаимодействии носителей разных корпоративных культур проблемы непонимания или псевдопонимания могут возникнуть из-за разницы сознаний. Не случайно сегодня все чаще говорят о том, что скоро два профессионала, не владеющие общим языком, смогут быстрее договориться, чем владеющие языком, но не имеющие общности сознаний.

Список литературы

1. Климов Е. А. Психология профессионала. — М. : Изд-во Ин-та практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. — 400 с.
2. Тарасов Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М., 1998. — С. 30–34.

О. А. Хрущева (Оренбург, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ НОМИНАЦИИ (на материале современного английского языка)

The article contains the results of family words analysis in the modern English language. The research has been carried out in the aspects of word formation, semantics and pragmatics.

Keywords: family words, word formation, semantics, peculiarities.

Особенности языка социальных групп издавна привлекали внимание ученых-лингвистов и становились объектом многочисленных социолингвистических исследований, в ряду которых мож-

но назвать работы по изучению сленга, жаргонов, профессиональных языков и прочие. Однако семья как единица социума и как носитель уникального языкового кода не подвергалась деталь-

ному изучению со стороны лингвистов, но является, по нашему мнению, инновационной и многообещающей сферой анализа.

В 1962 г. в научном журнале «American Speech» была опубликована статья А. У. Рида «Семейные слова в английском языке» [Read, 1962: 5–12], в которой автор анализирует ряд образцов и приходит к выводу о том, что, несмотря на фактическую невозможность лексикографического описания разрозненных примеров, материал подобного рода ценен для лексикологии, так как по нему можно судить о тенденциях в языке. А. У. Рид также отметил, что семья выступает областью лингвистического экспериментирования, так как именно в семейном кругу носитель языка может позволить себе свободно оперировать формами и моделями языка.

Одним из примеров, которые использует автор в статье, является слово *hoosh-mi* из обихода королевской семьи Великобритании; принцесса Маргарет в детстве называла так еду из картофельного пюре, мяса и подливы, перемешанных вместе, но позднее указанное слово применялось в их семье для обозначения любых спутанных или смешанных объектов.

В 1998 г. П. Диксон опубликовал первый словарь семейных слов «Family Words: The Dictionary for People Who Don't Know a Frone from a Brinkle» [Dickson, 1998]. В этом издании собраны результаты лексикографической деятельности П. Диксона в области семейной номинации; общее количество единиц составляет три тысячи. Автор отмечает, что уникальные лексемы, фразы или даже невербальные знаки существуют в каждой семье, хотя природа их неоднородна.

Так, например, некоторые семейные слова являются диалектными или архаическими формами общеупотребительных слов: лексема *beezele*, применяемая в одной семье на протяжении четырех поколений в значении «раздражать, беспокоить, тревожить», но не отраженная ни в одном из известных им словарей, оказалась единицей, давно вышедшей из употребления.

В ряде случаев слова, считающиеся уникальными продуктами словотворчества конкретной семьи, на самом деле являются общеупотребительными, о чем члены этой семьи не подозревают: ирландская семья издавна использовала слово *gonif* в значении «вор», не осознавая, что это общеизвестная лексема с аналогичным значением в еврейском языке.

При определенных условиях образцы семейной номинации переходят в разряд общеупотребительных лексем, известных широкому кругу носителей языка и фиксируемых лексикографи-

ческими изданиями. Примером может служить слово *googol*, используемое в математике для обозначения числа, изображаемого в десятичной системе счисления единицей со ста нулями, и созданное в 1938 г. девятилетним племянником американского математика Э. Каснера [Kasner, 2001: 20]. Еще одним доказательством перехода семейных слов в стандартную лексику выступает аббревиатура *M. Y. O. B.*, коррелятом которой выступает фраза *Mind Your Own Business* — не лезь не в свое дело. Возможным вариантом коррелята является фраза *Mind Your Own Baby*, применяемая в случае раздражающих замечаний со стороны посторонних в адрес родителей ребенка по поводу его поведения, одежды. Следует подчеркнуть, что в словаре П. Диксона количество семейных слов-аббревиатур составляет 32 единицы, что позволяет нам выделить аббревиацию как один из продуктивных способов образования семейной номинации (о чем подробнее будет сказано ниже).

В настоящее время сфера семейной номинации привлекает интерес все большего количества исследователей. В 2008 г. на сайте «The English Project» было размещено обращение к пользователям с просьбой направлять в адрес редакции уникальные слова, используемые в кругу их семей, что в результате привело к изданию книги «Kitchen Table Lingo», в которой были собраны все присланные единицы [Kitchen Table Lingo, 2008].

Проекты П. Диксона и авторов сайта «The English Project» стали источниками материала для проведения нашего исследования, посвященного анализу семейной номинации в аспекте словообразования, семантики и прагматики.

Уникальные слова возникают в кругу семьи в большинстве случаев спонтанно, в результате словотворческой деятельности ее членов-носителей языка, стремящихся заполнить лакуны в языке и создать слово, отсутствующее в кодифицированном словаре, но необходимое в силу сложившихся жизненных обстоятельств. Так, например, по аналогии с прилагательным *ambidextrous* «умелый, ловкий, одинаково свободно владеющий обеими руками» было создано слово *ambisinistrous*, в основе которого лежит лексема *sinistrous* «левый, левосторонний», для обозначения неуклюжего человека, неспособного аккуратно выполнять работу руками, то есть человека, у которого обе руки как будто левые.

В большинстве случаев семейные слова рождаются из детских уст в результате речевых ошибок, когда ребенок неверно воспроизводит услышан-

ное, и вследствие детской этимологии. Нередко подобные слова, вызвав смех окружающих, входят в коллекцию оригинальных образований, понятных лишь ограниченному кругу лиц и активно используемых ими; причем за каждым таким семейным словом кроется легенда, история его возникновения, хранимая и почитаемая членами семьи. Так, слово *stewpit* возникло в семье, когда малолетняя дочь однажды спросила у отца как пишется слово *stew*, а чуть позже обратилась с тем же вопросом о слове *pit*. Ситуация прояснилась, когда ее старший брат обнаружил на двери своей комнаты надпись «Will is *STEWPI*T» (орфографически искаженное слово *stupid*). С тех пор лексема *stewpit* применяется в этой семье для именования случаев проявления крайней глупости [Parker, 2009].

Легенды, объясняющие возникновение того или иного слова, способствуют специфической мотивированности семейной номинации. Семантика слов, создаваемых в среде семьи, в большинстве случаев отличается прозрачностью для людей, посвященных в историю их создания. Однако для понимания значения семейных слов, образованных по аналогии с общеупотребительными лексемами, знание легенды не является обязательным; их семантика может быть легко воспринята любым носителем языка. Примером подобных наименований служат лексемы *overdog* и *afterbear*: слово *overdog* создано по аналогии с *underdog* — «трудога, неудачник, аутсайдер» и антонимично ему по значению; *afterbear* возникло на основе аналогии с *forebear* — «предок, предшественник», трансформация значения подобна первому примеру.

Аналогия является не единственной моделью образования семейных слов. По результатам проведенного анализа можно судить о том, что семейная номинация отличается вариативностью словообразовательных форм. Наиболее продуктивными способами производства новых слов в среде семьи являются блендинг, словосложение, аффиксация, аббревиация, сращение, звукоподражание.

Блендинг представляет собой особый тип словообразования, при котором происходит взаимодействие двух или более единиц, проходящих процесс усечения и объединяющихся в единую лексему, либо имеющих сходные фрагменты в своей структуре и объединяющихся путем наложения. Примеры блендов в семейной номинации весьма многочисленны и могут быть проиллюстрированы такими единицами, как *applaudience* < *applaud* + *audience* — аудитория, пришедшая на концерт с целью поддержки выступающих

аплодисментами (слово используется для подбадривания детей, которые боятся сидящих в зале зрителей), *barkative* < *bark* + *talkative* — прилагательное, используемое в отношении собак, которые слишком много лают, *chizzly* < *chilly* + *drizzly* — определение, используемое для описания промозглой погоды с моросью.

Сращения во многом подобны блендам, но образуются за счет слияния слов конкретного высказывания. Примерами сращений в семейной номинации могут служить такие единицы как *musgos* < *must go* — остатки пищи, объедки, которые нужно выбросить, *pipimist* < *pip he missed* — иногородный объект в напитке (например, в лимонаде о кусочках лимона), *couldja* (*house*) < *could you love me enough to live in it?* — слово, используемое для именования старого небольшого, как правило, сельского домика (коррелятивная фраза представляет собой вопрос, который задается будущей супруге, и вызывает ассоциации с русской пословицей «С милым рай и в шалаше»).

В ряде случаев в семейной номинации участвуют целые фразы, не подвергаясь сращению. Их использование также трактуется семейной традицией и ограничивается конкретными жизненными обстоятельствами. Например, высказывание *You should see my aunt* было однажды произнесено в семье помощником по хозяйству, который использовал его в ответ на обвинение в глупости и нерасторопности; с тех пор все члены семьи применяют эту фразу в качестве реакции на проявление чьей-либо глупости. В то время как *pass the potatoes* является известной членам семьи кодовой фразой о необходимости сменить тему разговора за столом.

Примеры аббревиации приводятся выше, но здесь мы позволим себе рассмотреть данное понятие в более широком смысле и подразумеваем под ним разнообразные виды сокращений. В ряду образцов семейной номинации встречаются специфические виды смешанных цифровых сокращений, которые во многом сближаются с шифрами. Например, сокращение *17B* используется в семье, когда пожилые родственники начинают рассказывать старую смешную историю, является неким сигналом и обозначает, что шутки всем окружающим давно известны и даже якобы пронумерованы; сокращение *143* применяется как зашифрованное признание в любви и образовано от цифр, соответствующих количеству букв в словах, составляющих фразу *I (1) love (4) you (3)*.

Ономатопея выступает достаточно продуктивным способом образования семейной номинации. К звукоподражательным словам относятся такие

единицы, как *hahas* — слово, используемое для именования очков (объясняется звуками, которые производятся при протирании стекол); *ahh-hees* — неприятное ощущение при надевании мокрого купальника, что вызывает дрожь и соответствующие звуки.

Семейная номинация является универсальным языковым феноменом, так как «все семьи, если они являются более чем просто союзом связанных друг с другом личностей, если они часто собираются все вместе, и особенно если они предпочитают семейную компанию обществу других людей, обладают собственным сленгом» [Partridge, 1950]. В данной работе были рассмотрены некоторые языковые особенности семейной номинации, но сущность анализируемого нами феномена остается во многом нераскрытой и требует дальнейшего детального изучения.

Список литературы

1. Dickson P. Family Words. The Dictionary for People Who Don't Know a Frone from a Brinkle.— Washington, DC : Broadcast Interview Source, Inc., 1998.— 174 p.
2. Kasner E. Mathematics and Imagination.— Courier Dover Publications, 2001.— 400 p.
3. Kitchen Table Lingo / foreword by M. Bragg.— Virgin Books, 2008.— 224 p.
4. Parker R. Families have languages of their own [Электронный ресурс].— 2009.— March 27.— URL: <http://wordnut.com/category/language/vocabulary/>.
5. Partridge E. Slang Today and Yesterday.— N. Y. : Macmillan, 1950.— 496 p.
6. Read A. W. Family Words in English // American Speech.— 1962.— Vol. 37, № 1.— P. 5012.

К. С. Шалгимбекова (Костанай, Казахстан)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

The article focuses on the historical periods of the polyethnic population formation in Kazakhstan, on the questions of three languages possession. The notions “literacy”, “culture”, “language” and others are made more precise. There is the author’s interpretation of the notion “linguistic literacy”.

Keywords: *linguacultural literacy, polyethnic population, language environment, multiculturalism, multilingualism.*

Вопросы лингвокультурной грамотности являются актуальными для населения современного мира в связи с глобализацией, ростом межкультурных взаимоотношений и конфронтацией, возникающей в результате столкновения культур. На протяжении XIX–XX вв. на территории современного Казахстана шли интенсивные миграционные процессы, происходило формирование полиэтнического населения. Массовая колонизация края казахами и крестьянами-переселенцами из центральных губерний России и Украины к 1917 г. резко изменила демографическую картину: доля славянского этноса приблизилась к трети населения. Последующие события 1930–1940-х гг. периода репрессий и Второй мировой войны пополнили этническую карту населения эвакуированным населением из западных регионов СССР. Годы освоения целинных и залежных земель, строительство крупных промышленных объектов в 1950–1970-е гг. привели к тому, что в регионе коренное население стало меньшинством, а русский язык стал основным средством общения. Следствием этого явилось, во-первых,

массовое закрытие национальных школ, причем не только казахских, но и украинских, немецких; во-вторых, игнорирование вопросов, связанных с обучением на казахском и других языках, сохранением национальных культур и традиций нерусских народов. Отсюда и доставшиеся в наследство проблемы лингвокультурной грамотности населения, когда требовалось официально знание двух и более языков, а должного отношения к культуре и традициям других народов не было. Таким образом, проблемы лингвокультурной грамотности в полиэтнической среде назревали ещё в советский период.

К моменту распада СССР Казахстан оказался самой русифицированной республикой Центральной Азии. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., казахским языком владело всего 0,9 % русского населения Казахской ССР, в то время как русским языком — 62,8 % казахов. Выражая потребность в параллельном и равном развитии всех языков и культур в Казахстане, видный казахский поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов (кстати, пишущий на

русском языке) указывал: «Возвысить степь, не унижая горы». Обретение государственной независимости Казахстана предопределило изменение отношения к языковой политике. Политико-правовые реформы закрепили положение казахского языка как государственного, а русского как официального. Были приняты «Закон о языках в Республике Казахстан», «Закон об образовании», «Концепция развития языков» и другие программные документы, где гарантируется равноправное развитие всех языков и национальных культур для формирования поликультурного гражданского общества. Вместе с тем в информационном пространстве русский язык традиционно доминировал, несмотря на то, что доля программ и передач на казахском языке в соответствии с новым законодательством должна была быть не менее 50 %.

В настоящее время в регионе сформировалась уникальная по своему составу полиэтническая среда (около 120 этносов), где русский язык действительно стал языком межнационального общения во всех сферах деятельности. Именно в такой среде необходимо решить проблемы лингвокультурной грамотности населения.

Сегодня в Республике Казахстан реализуется Концепция развития образования Республики Казахстан до 2015 г., которая направлена на устранение недостатков прошлого, создание гражданского общества, где человек, независимо от своей этнической принадлежности, осознает себя полноправным, культурноценным членом данного общества, имеющим возможность комфортно жить не только в своей стране, но и в мире. «Молодой гражданин Казахстана должен быть образованным, открытым мировым инновациям и в то же время не забывающим о своих корнях, традициях» — таким хотел бы видеть молодое поколение Президент Республики Н. А. Назарбаев.

Значительным шагом на пути реализации Концепции развития образования Республики Казахстан до 2015 г., базовыми компетенциями которой являются трехязычие, поликультурность, коммуникативность и технократичность, является эксперимент КРАТ, в соответствии с которым в школах началось внедрение обучения на трех языках: русском, казахском и английском [Электронный ресурс]. Введение трехязычия предполагает:

- обеспечение полноценного сохранения и развития национальной идентичности через усиление приоритета казахского языка как государственного;

- целесообразность обучения на трех языках в условиях школы и других структур с углубленным изучением английского языка;

- создание общей и частных методики полилингвального образования;

- определение кадровых, материально-технических, учебно-методических условий для поэтапного перехода к обучению на трех языках.

Владение государственным языком (казахским), в первую очередь, дает человеку понимание своей уникальности как гражданина Казахстана, непохожесть на другие народы. Русский язык играет консолидирующую роль в объединении этносов, проживающих на данной территории, позволяет сохранять связи с населением постсоветского пространства, подчеркивает общность населения бывшего Советского Союза, а владение английским языком позволяет интегрироваться в мировое сообщество.

Необходимо сказать, что данная Концепция носит долгосрочный характер и ее реализация должна обеспечить создание поликультурного гражданского общества и единство наций без потери самобытности, формирование лингвокультурной грамотности населения.

Обратимся к понятиям «грамотность» и «лингвокультурная грамотность».

В XIX в. для получения статуса «грамотный» необходимо было научиться читать. У тех, кто умел писать и считать, этот статус становился ещё выше. Вопросы определения понятия «грамотность», его статистического обозначения во время переписей населения в конце XIX в. и первой половине XX в. неоднократно рассматривались на европейских и международных совещаниях по демографической статистике и программам переписей населения. Генеральная конференция ЮНЕСКО (10-я сессия, Париж, 1958) рекомендовала всем странам при проведении переписей населения считать грамотными лиц, умеющих читать с пониманием прочитанного и написать краткое изложение о своей повседневной жизни [Электронный ресурс].

До революции 1917 г. на современном постсоветском пространстве грамотными считались лица, умеющие хотя бы читать; в развитых капиталистических странах — лица, владеющие навыками чтения и письма. Сегодня трактовка вопроса выглядит немного иначе: по-настоящему грамотными могут себя считать лишь те, кто в совершенстве владеет правилами, определённым уровнем знаний и навыков, имеет сформированное самосознание, умеет критически мыслить.

В Российской педагогической энциклопедии грамотность рассматривается как «определённая степень владения человеком навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка». Применительно к характеристике населения это один из базовых показателей его социально-культурного развития. Авторами отмечается, что конкретное содержание понятия «грамотность» менялось исторически, расширяясь с ростом общественных требований к развитию индивида — от элементарных умений читать, писать, считать и т. п. к владению минимумом общественно необходимых знаний и навыков (т. н. функциональная грамотность) [Рос. пед. энцикл., 1993].

В Большой советской энциклопедии грамотность (от греч. *grammata* — чтение и письмо) трактуется как определённая степень владения навыками устной и письменной речи, является одним из важнейших показателей культурного уровня населения. Конкретное содержание понятия «грамотность» меняется на различных этапах экономического и политического развития общества вместе с повышением его культурных запросов [Сов. энцикл., 1968].

Традиционно в лингвистике и методике обучения языкам используются понятия «функциональной грамотности» и «элементарной грамотности». Функциональная грамотность понимается, как способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней [Ярцев, 1998: 454]. В отличие от элементарной грамотности как способности личности читать, понимать, составлять простые короткие тексты и осуществлять простейшие арифметические действия, функциональная грамотность — это атомарный уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной культурной среде.

Выделяются различные виды грамотности: информационная, научная, правовая, компьютерная, экономическая и т. д. Общими характеристиками всех видов грамотности являются: во-первых, определённая степень владения знаниями и умениями в какой-либо сфере, во-вторых, система социальных и культурных ценностей, в-третьих, способность к интерпретации явлений. Поэтому в нашем исследовании под *грамотностью* понимается *интегральная характеристика личности, отражающая определённую*

степень владения знаниями и умениями, системой ценностей и способности к интерпретации явлений действительности.

Рассмотреть сущность понятия «лингвокультурная грамотность» невозможно без уточнения таких понятий, как «культура» и «язык». В данном случае необходимо ответить на вопрос: «В чём проявляется взаимосвязь языка и культуры?».

Проблема взаимодействия языка и культуры уже давно находится в сфере интересов представителей различных наук (В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Я. Гримм, Р. Раек, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. П. Сысоев, А. А. Леонтьев, В. В. Сафонова, С. Г. Тер-Минасова, А. Г. Дульянинов, В. В. Воробьев, В. В. Библер, Г. Д. Томахин и многие другие).

В современной лингвистике и лингвокультурологии сложилась принятая большинством учёных точка зрения, согласно которой язык и культура являются разными семиотическими системами, которые имеют, однако, много общего: во-первых, культура, равно как и язык, представляют собой формы сознания, отображающие мировоззрение человека; во-вторых, культура и язык существуют в диалоге между собой; в-третьих, субъектом культуры и языка всегда является индивид или социум, личность или общество; в-четвертых, общей чертой для языка и культуры выступает нормативность; в-пятых, историзм является одним из сущностных свойств культуры и языка; в-шестых, языку и культуре присуща антонимия «динамика — статика».

Различаются эти два феномена следующим образом: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура подобно языку является знаковой системой, она неспособна самоорганизовываться; 3) язык и культура — это разные семиотические системы [Маслова, 2001: 57].

Эти рассуждения позволяют сделать вывод о том, что культура не абсолютно соответствует, а структурно подобна языку.

Как отмечает В. А. Маслова, на сегодняшний день имеют место три подхода, которые наметились в решении проблемы соотношения языка и культуры [Маслова, 2001: 79].

Первый подход разрабатывался такими учеными, как С. А. Атановский, Г. А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э. С. Маркарян и другие. Согласно данному подходу, язык является простым отражением культуры, поскольку он отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности. Изменяется действитель-

ность, меняются и культурно-национальные стереотипы, изменяется и сам язык. Таким образом, если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым.

В рамках второго подхода к исследованию проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры особый интерес представляет «гипотеза Сепира—Уорфа», которая основывается на понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова и постулирует значительную зависимость мышления от языка. Гипотеза Сепира—Уорфа дала толчок многочисленным исследованиям в области взаимосвязи языка, мышления и культуры. Среди них особое место принадлежит работам А. Н. Леонтьева [Леонтьев, 1977] и его последователей. Учёные этой группы утверждают, что между языком и реальным миром стоит человек, носитель языка и культуры. Именно он воспринимает и осознает мир посредством органов чувств, создает на этой основе представления о мире. Они в свою очередь рационально осмысливаются в понятиях, суждениях, умозаклчениях, которые уже можно передать другим людям. Таким образом, между реальным миром и языком стоит мышление.

Необходимо отметить, что данная гипотеза оценивается современными учеными далеко не однозначно. Тем не менее к ней обращаются исследователи, занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления, и считающие, что данная гипотеза способствует осмыслению таких понятий как «языковая картина мира». На наш взгляд, совершенно правомерно мнение ученых, что языковая картина мира является вторичным образованием, сознанием чувственного отражения, мировосприятия сквозь призму ранее накопленного опыта и его творческим переосмыслением, она выступает важнейшим компонентом национальной культуры [Верещагин, 1983: 57].

Представители третьего подхода к решению проблемы взаимосвязи языка и культуры полагают, что язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык есть специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов и основной инструмент ее усвоения. В соответствии с этим подходом, окружающий мир человека представляется в трех формах: реальный мир, культурная картина мира, языковая картина мира. Реальный мир — это объективная действитель-

ность, существующая независимо от человека, мир, окружающий его. Культурная картина мира представляет собой отражение реального мира через призму понятий, сформированных в процессе познания мира человеком на основе как коллективного, так и индивидуального опыта. Эта картина специфична для каждой культуры, возникающей в определенных природных и социальных условиях, отличающих ее от других культур. Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Язык подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. Эта картина мира тесно связана с культурной картиной мира, находится в непрерывном взаимодействии с ней и восходит к реальному миру, окружающему человека [Грушевицкая, 173: 97]. Культурная картина мира всегда богаче, чем языковая картина мира. Однако именно в языке реализуется, вербализуется культурная картина мира, хранится и передается из поколения в поколение.

Важным для нашего исследования является, аргументировано обоснованное учеными этого направления утверждение, что ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она вынуждена постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. Поэтому вербальная коммуникация является необходимым условием существования и развития человеческой культуры, она обеспечивает единство культурных процессов в рамках данной общности, хранение и передачу культурных ценностей.

Таким образом, лингвокультура представляет собой совокупность явлений культуры и явлений языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании отдельной личности, и проявляется в формах письменной и устной коммуникации. Как отмечает в своей работе С. С. Кунанбаева [Кунанбаева, 2005: 57], понятие «лингвокультура» синтезирует в органичное целое «язык—культуру—личность» и отражает материально-духовную самобытность лингвоэтносов, позволяя их представителям эффективно взаимодействовать в глобальном общемировом жизненном пространстве, используя знание языка и культуры партнеров по общению как основу взаимопонимания и сотрудничества. В связи с этим сегодня мы должны говорить не столько о языковой грамотности представителей различных культур, сколько об их лингвокультурной грамотности.

На основании анализа понятий «лингвокультура», «грамотность» мы даем авторскую трак-

товку понятия «лингвокультурная грамотность». *Лингвокультурная грамотность — это интегральная характеристика личности среднестатистического представителя полиэтнической среды, которая отражает определенную степень владения умениями устной и письменной речи, знаниями национальных традиций, системы социальных и культурных ценностей, способность адекватно интегрировать лингвокультурные концепты.*

Список литературы

1. Концепция развития образования Республики Казахстан до 2015 года [Электронный ресурс].— Астана, 2004.— URL: <http://www.unesco.kz/rcie/data/koncepciya.htm>.
2. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000587/index.shtml>
3. Российская педагогическая энциклопедия.— Т. 1.— М. : Дрофа, 1993.— 928 с.
4. Советская энциклопедия.— М. : Академия, 1968.— Т. 4.— С. 362–363.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцева.— М. : Большая Рос. энцикл., 1998.— 685 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений.— М. : Академия, 2001.— 259 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание.— М. : Полиздат, 1977.— 304 с.
8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.— М. : Рус. яз., 1983.— 269 с.
9. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садыхин А. П. Основы межкультурной коммуникации.— М. : ЮНИТИ, 2003.— 253 с.
10. Кунанбаева С. С. Современное иноязычное образование: Методология и теории.— Алматы : Эдельвейс, 2005.— 264 с.

О. В. Шефер (Челябинск, Россия)

ИМИДЖФОРМИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ ФИРМЫ «КНАУФ»

The target audience of building materials market can't be completely covered by one of a mass media channels alone or by a single marketing tool. Integrated marketing communications are a tool of choice to build and maintain a positive image and to boost sales. KNAUF, a global supplier of building materials, deploys integrated marketing communications in the form of presentation films, which have proved to be an effective image builder.

Keywords: *integrated marketing communications, image-building information, presentation film.*

В связи с ростом конкуренции на рынке строительных материалов, одним из актуальных вопросов деятельности организации данной сферы является реализация продукции. Для её обеспечения необходимо грамотное маркетинговое продвижение, которое может включать в себя различные коммуникационные инструменты маркетинг-микса, активно используемые международной фирмой «Кнауф» (KNAUF).

Все элементы комплекса маркетинга связывают воедино маркетинговые коммуникации, основной задачей которых является определенная комбинация коммуникационных инструментов, предназначенных для доставки информации различной значимости, охватывающей целевой рынок в рамках выделенного бюджета [Смит, Бэрри, Пулфорд, 2001: 11].

В маркетинге строительных материалов, как и в классическом маркетинге, в комплекс комму-

никаций фирмы «Кнауф» входят: реклама, public relations, личные контакты, стимулирование сбыта, прямой или интерактивный маркетинг.

Комплекс коммуникаций фирмы «Кнауф» строится как взаимосвязь и интеграция рекламы, PR-деятельности и личных контактов, нацеленных на создание позитивного имиджа организации, отражающего корпоративную культуру и формирующего общественное мнение различных целевых аудиторий.

Наиболее эффективным средством создания единой маркетинговой координированной концепции и формирования положительного имиджа фирмы «Кнауф» являются интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК).

Д. Шульц, С. Танненбаум и Р. Лаутерборн предлагают использовать ИМК как «новый способ понимания целого, которое видится составленным из таких отдельных частей, как реклама, связи

с общественностью, стимулирование сбыта, материально-техническое снабжение, организация взаимопомощи сотрудниками и др.» [Шульц, Танненбаум, Лаутерборн, 2004: 22]. По мнению этих авторов, ИМК перестраивают маркетинговые коммуникации для того, чтобы увидеть их такими, какими они представляются потребителю — как поток информации из единого источника.

По определению Американской ассоциации рекламных агентств, интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК) — это концепция планирования маркетинговых коммуникаций, исходящая из оценки стратегической роли их отдельных направлений (рекламы, стимулирования сбыта, связей с общественностью и др.) и необходимости поиска оптимального сочетания для обеспечения чёткости, последовательности и максимизации воздействия коммуникативных программ посредством интеграции всех дискретных обращений [Котлер, 2005: 626].

ИМК объединяют в себе все инструменты маркетинговых коммуникаций, предназначенные для формирования обращений, направляемых целевой аудитории и служащих для продвижения продукции фирмы к потребителю, поддерживая положительный имидж. Различные элементы коммуникационного комплекса используются так, чтобы преимущества одного, например, директ-маркетинга, компенсировали недостатки другого, например, рекламы, что позволяет усилить воздействие и повысить степень согласованности обращений.

Исходя из целевых аудиторий, конкретизируются основные обращения к целевым аудиториям (к каждой — своё) и определяются мероприятия, посредством которых возможно воздействие на них. Для одних целей — рекламные объявления, основная функция которых воздействие; для других — выставки, являющиеся средством PR, доминирующая функция которых — информирование; для третьих — личные продажи, оказывающие прямое воздействие на месте продажи. Все эти средства помогают создать имидж организации, в том числе и производящей строительные материалы.

Такие интегрированные коммуникации оказывают более сильное влияние на целевую аудиторию по сравнению с обычными маркетинговыми программами, поскольку исключают противоречия в восприятии различных видов обращений, объединённых общей темой. Это достигается за счет обеспечения совместимости обращений, поступающих к читателю по различным каналам коммуникации. Люди, охваченные интегрированными технологиями обращения, начинают,

не задумываясь, автоматически идентифицировать и интегрировать различные маркетинговые обращения в общую идею.

Таким образом, интегрированные маркетинговые коммуникации: управляют всеми аспектами коммуникации, синтезируют и интегрируют коммуникативные среды; взаимодействуют со всеми группами, важными для организации; направлены на улучшение и поддержание бренда, имиджа и увеличение прибыли; повышают лояльность потребителей; способствуют достижению конкурентного преимущества и позиционированию компании; ведут к интеграции и согласованию миссии и стратегий компании.

Именно поэтому интегрированные маркетинговые коммуникации, обладающие таким набором преимуществ, используются фирмой «Кнауф».

Одной из форм интегрированных маркетинговых коммуникаций, применяемых фирмой «Кнауф», являются презентационные фильмы.

Презентационный фильм, включающий элементы презентации, представляется эффективным имиджевым инструментом компании на рынке. Презентационные фильмы и видеоролики выгодно использовать на выставках, презентациях, специализированных ярмарках, семинарах, пресс-конференциях, брифингах и других мероприятиях демонстрационного типа. Короткие фильмы-визитки размещают на web-сайте предприятия и на всевозможных других ресурсах Интернета (доски объявлений, промышленные порталы, интернет-каталоги и т. д.). Такой фильм легко переслать партнерам или контрагентам по электронной почте [Производство фильмов и роликов http://art1684.valuehost.ru/uslugi_video_rol_proizvodstvo_rolikov_film_rolik.html].

При этом презентационный фильм обычно решает следующие задачи:

- 1) ознакомить инвесторов с историей компании;
- 2) дать информацию о конъюнктуре рынка;
- 3) рассказать о занимаемой компанией доле рынка;
- 4) дать информацию о спросе на продукцию/услуги, его тенденциях и объемах продаж;
- 5) представить информацию о существующих и возможных производственных мощностях;
- 6) рассказать о представительствах компании в регионах и т. д. [Съемка и производство корпоративных фильмов <http://www.expotelevision.ru/films.html>].

Являясь средством внешней коммуникации, презентационный фильм имеет несколько

сегментов целевой аудитории: деловые партнёры, потенциальные клиенты, государственные служащие и широкая общественность. Он интегрирует в своём инструментарии рекламные и PR-средства для различных аудиторий, способствуя достижению стратегической цели и налаживанию долгосрочных партнёрских отношений, а также формируя корпоративную идентичность и имидж.

Презентационный фильм создаёт такой имидж фирме «Кнауф», который способствует формированию у целевой аудитории чувства доверия и надёжности, что является важным долгосрочным ресурсом.

Информация, на основе которой формируется образ фирмы, а затем и имидж, называется имиджформирующей [Панасюк, 2007: 35]. Управление имиджформирующей информацией задаётся возможностями самого объекта, требованием задач и аудитории, находящихся своё отражение в различных технологиях, средствах и каналах.

Наиболее эффективными и дорогостоящими в продвижении любой организации, в том числе фирмы «Кнауф», является аудиовизуальный канал.

Презентационные фильмы в данном случае представляют собой одну из перспективных коммуникативных форм передачи аудиовизуальной информации целевым группам. Именно сужение целевой аудитории для фирмы «Кнауф» до профессионалов-партнёров, которым важно качество строительного материала и технологичность, позволило сделать коммуникацию более эффективной, поскольку это дало возможность сконцентрироваться на более узком участке коммуникативной цепочки продвижения, реализуемой через презентационные фильмы.

Передавая прямую целенаправленную имиджформирующую информацию, следующую от объекта имиджа до аудитории имиджа, презентационный фильм фирмы «Кнауф» использует элементы как рекламных, так и PR-технологий, входящих в комплекс средств интегрированных маркетинговых коммуникаций, реализуя среднесрочные и долгосрочные эффекты.

Целенаправленность воздействия и информирования презентационных фильмов, в данном случае, необходима для того, чтобы вызвать интерес к сообщению, привлечь адресатов речи на сторону фирмы «Кнауф», заставить их запомнить важную информацию и, в конечном счёте, сформировать положительный имидж и создать спрос на товар.

При этом целенаправленность не предполагает, как это было уже сказано, один узкий сегмент целевой аудитории, поэтому создавая презентационные фильмы, фирма «Кнауф» преследует не одну, а несколько задач: познакомить с технологиями фирмы «Кнауф», показать преимущества комплексных систем «Кнауф» на конкурентном рынке, рассказать историю становления, развития и тенденций фирмы «Кнауф», отразить философию фирмы «Кнауф».

Для реализации данных задач, решаемых в презентационных фильмах, фирма «Кнауф» предлагает различную тематику и концепции. Например, фильмы «Knauf WARM-WAND», «Brandschutz mit Knauf», «Boden mit dem Syfenvorteil», «Nivellierestrich» показывают технологические преимущества комплексных систем «Кнауф»; фильм «Hardmut» описывает достоинство одного продукта «Кнауф» — дюбеля Hardmut; «Imagefilm 2009», «Imagefilm 2010» — рассказывают об истории, руководителях, объектах, продукции и о вкладе фирмы «Кнауф» в поддержание природных ресурсов; «Schallschutz — Das Schweigen der Männer» — это юмористический фильм о семейной паре, спасающейся от храпа мужа с помощью фирмы «Кнауф».

Столь разнообразную тематику нельзя свести к единой форме, поэтому в презентационных фильмах «Кнауф» можно выделить следующие виды:

- 1) презентационный фильм «видеоинструкция» («PutzPin — der Putzträger», «Knauf WARM-WAND»);
- 2) технический презентационный видеофильм («Cubo — Raum für mehr Freiraum», «Boden mit dem Systemvorteil»);
- 3) фильм-визитка («Cleaneo — Akustikdecke», «Brandschutz mit Knauf»);
- 4) имиджевый видеоролик («Imagefilm 2009», «Imagefilm 2010», «Boden ist Knauf»);
- 5) презентационный видеоклип («Fliesenestrich», «Schallschutz — Das Schweigen der Männer»).

Однако есть и такие фильмы, которые нельзя однозначно отнести к какому-либо виду, так как они включают элементы инструкции, показывающих принцип сбора и эксплуатации комплексных систем, элементы технологического процесса, чередующиеся с динамичным монтажом под ритмичную музыку и минимальным речевым озвучением, например, «Nivellierestrich» и «Hardmut».

В качестве героев или персонажей фильмов фирма «Кнауф» всегда использует живых людей, представителей строительной сферы или сотрудников фирмы. Это способствует усилению эффекта воздействия, вызова эмоций, поло-

жительных ассоциаций и ожиданий аудитории, а также подчёркивает естественность и правдивость информации, накладывая свой отпечаток на средства презентационных фильмов. Речевое воздействие, осуществляемое посредством аудиовизуальной информации, не только информирует с помощью PR-информации, но и манипулирует поведением с помощью эмоциональных рекламных средств, находящих отражение в презентационном фильме.

Решая рекламно-маркетинговые задачи продвижения продукции на рынке и создания или поддержания имиджа компании, презентационный фильм использует максимальное количество информации при минимальном объёме текста. Поэтому, отвечая требованиям разных сегментов профессиональной аудитории, фильмы «Кнауф» используют как нейтральную, так и специализированную лексику, а максимальная сжатость речевых средств сочетается с аудиовизуальной выразительностью и экспрессивностью.

Презентационный фильм оказывает воздействие и информирование с помощью различных средств — текста, визуальной информации и музыки.

Двумя наиболее характерными средствами проявления основ стратегической коммуникации являются логотип и слоган. Фирма «Кнауф» не забывает об этом, поэтому в каждом презентационном фильме можно увидеть данные средства идентификации. Слоган «КНАУФ — немецкий стандарт» позволяет «сконцентрировать» основные особенности, отразить позиционирование и философию фирмы «Кнауф» в одной фразе, которая и внедряется в сознание потребителей во всех фильмах.

Помимо данных средств, фирма «Кнауф» использует ряд различных методов и приёмов, отражающих как рекламные, так и PR-технологии, информирующие, а также воздействующие как на сознание, так и на подсознание целевой аудитории.

В качестве очевидных, но всё же отдельных методов рекламного характера нами были выделены «утвердительные высказывания» и «выборочный подбор информации».

Метод «утвердительные высказывания» состоит в использовании утверждений, которые представляются в качестве факта, при этом подразумевается, что эти заявления самоочевидны и не требуют доказательств. Например, в фильме «Cleaneo — Akustikdecke» потолок Knauf Cleaneo улучшает воздух, экономит электроэнергию и способствует звукоизоляции.

Сущность метода «выборочный подбор информации» состоит в использовании только тех фак-

тов, которые являются выгодными для информационно-психологического воздействия рекламы. Использование этого метода в имиджевых видеороликах «Imagefilm 2009», «Imagefilm 2010», «Boden ist Knauf» бесспорно.

Также были выделены несколько наиболее частотных приёмов рекламного воздействия, реализующихся в презентационных фильмах фирмы «Кнауф». Приём «концентрация на нескольких чертах или особенностях» используется в связи с непродолжительностью презентационных фильмов, поэтому в рамках одного презентационного фильма информация концентрируется лишь на некоторых качествах и чертах товара. В числе таких особенностей на фирме «Кнауф» выступают экологичность, высокое качество, забота о здоровье, надёжность.

«Дополнительное свидетельство» основано на том предположении, что если совместно с тем или иным утверждением приводится также дополнительное свидетельство о его подтверждении, то потребитель склонен доверять этому подтверждению. Например, в фильме «Cubo — Raum für mehr Freiraum» принимает участие технический институт города Дармштадта.

Приём «создание контраста» помогает подчеркнуть отличие и исключительность товаров, что и находит своё отражение в фильме «Knauf WARM-WAND», продвигающем инновационную комплексную систему наружного утепления.

«Сравнение», использованное в фильмах «Nive-lierestrich» и «Hardmut», показывает преимущество одного товара перед другим. В данном приёме основной акцент делается на разумную и наглядную демонстрацию преимуществ того или иного товара по сравнению с другими, аналогичными.

Приём «такие же, как все» позволяет связывать тот или иной товар с конкретной аудиторией потребителей, будь то обыкновенная семья (фильм «Schallschutz — Das Schweigen der Männer»), строительная организация или архитекторы (фильм «Cleaneo — Akustikdecke»). Благодаря данному приёму прослеживается чёткая связь между предполагаемой группой потенциальных покупателей того или иного продукта и их образом, присутствующим в презентационных фильмах «Кнауф».

В презентационных фильмах «Кнауф» особый акцент также делается на простоте использования и скорости получения эффекта. Примером этого могут служить фильмы «Schallschutz — Das Schweigen der Männer» и «Fliesenstrich».

«Использование положительных и ценностных образов, понятий и слов», как приём подчёркива-

ет основные ценности фирмы «Кнауф», апеллируя к таким понятиями, как дом, семья, здоровье, экология и т. п. Создавая устойчивые ассоциации данный метод, применяемый в фильмах «Boden ist Knauf» и «Imagefilm 2010», вызывает у адресата положительные эмоции.

Сценарий «проблема—решение» довольно часто применяется в презентационных фильмах фирмы «Кнауф», делая акцент на позиционировании товаров в качестве способа решения важной проблемы. Более половины презентационных фильмов «Кнауф» используют данный приём.

И последний приём — фактор юмора, нашедший отражение только в одном фильме «Кнауф» «Schallschutz — Das Schweigen der Männer».

При этом хотелось бы отметить, что многие презентационные фильмы аккумулируют в себе несколько приёмов, повышая эффективность и выступая имиджформирующим средством, включающим в себя: целенаправленность, интегрированность, воздейственность, информативность, оптимизированность, релевантность, жанровую разновидность фильмов, тематическое разнообразие и отражение философии.

Обобщая вышесказанное, можно с уверенностью говорить, что использование в презентационном фильме различных средств, стратегий и тактик свидетельствует о создании синергии, являющейся одной из целей интегрированных маркетинговых коммуникаций. Интеграция

маркетинговых коммуникаций призвана исключить противоречия между отдельными видами презентационных фильмов, увеличить совместимость используемых обращений, тем самым повышая эффект их применения. Таким образом, презентационный фильм является дорогим, но эффективным и миджформирующим средством интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Список литературы

1. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент.— СПб. : Питер, 2005.— 800 с.
2. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники.— М. : Омега-Л, 2007.— 266 с.
3. Производство фильмов и роликов [Электронный ресурс].— URL: http://art1684.valuehost.ru/uslugi_video_rol_proizvodstvo_rolikov_film_rolik.html
4. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга.— М. : ЮНИТИ-Дана, 2001.— 415 с.
5. Съёмка и производство корпоративных фильмов [Электронный ресурс].— URL: <http://www.expotelevision.ru/films.html>.
6. Шульц Д., Танненбаум С., Лаутерборн Р. Новая парадигма маркетинга. Интегрированные маркетинговые коммуникации.— М. : ИНФРА-М, 2004.— С. 22–52.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Wajih Guehria (Nanterre, France)

Anna Makerova (Nanterre, France / Tcheliabinsk, Russie)

«METHODOLOGIE D'IMMERSION» SUR LE TERRAIN (exemple d'enquête sociolinguistique)

This study is based on a sociolinguistic inquiry that was conducted deeply through the youth groups of Montreuil with technical and appropriate means that were focusing on the rap and the multilingual melting-pot.

Mots-clés: *enquête sociolinguistique, rap, situations de contact de langues, analyse de corpus.*

Introduction

Cette proposition est le résultat d'une enquête sociolinguistique menée auprès des jeunes de Montreuil (banlieue est d'Ile-de-France), dans un contexte multilingue. C'est à cette fin que, des entretiens semi-directifs et des enregistrements écologiques ont été effectués au studio de rap *La Pêche (Montreuil)* et au squat montreuillois en l'an 2011.

1. Le corpus, présentation du site

Tout au long du travail, j'ai pris part aux certaines activités de La Pêche — studio de rap où je me suis occupée de regarder, d'écouter et de converser avec les jeunes, ainsi que de collecter et de réunir des informations¹.

Je me suis immergée dans la vie du studio de rap où j'ai pu observer les interactions langagières. Le but était de vérifier l'hypothèse selon laquelle : *La diffusion des phénomènes de contact de langues va au-delà des communautés initialement concernées.*

1.1. Difficultés d'accès sur le terrain

J'ai fait la connaissance des deux rappeurs-animateurs Diak's et Michemila, lorsqu'ils sont devenus célèbres dans le département 93, avec un tournage de l'émission « Comment tu tchatches ? » sur la chaîne France Ô en 2007 à laquelle j'assistais en tant que spectatrice. Le contact fut facile dans la mesure où je me suis présentée en tant que personne étrangère s'intéressant à la langue des jeunes à Paris. Au début de mes rencontres avec les jeunes de Montreuil, j'avais l'impression que les locuteurs avaient peu d'intérêt pour décrire leur langage. Une personne ne faisant pas partie de leur groupe est généralement une non-

initiée pour les jeunes. Donc, dévoiler leurs codes à des gens qui n'appartiennent pas à leur milieu, c'est un peu trahir la complicité du groupe. Mais, j'ai fait quelques pas de hip-hop et chanté du rap russe, ce qui les a amenés à me proposer de rapper avec eux.

Mon désir de comprendre leur langage m'a permis d'être acceptée. Souvent, j'étais même raccompagnée jusqu'à la station du métro (Mairie de Montreuil) par un ou des jeunes du site.

1.2. Montreuil, café La Pêche

Créé en 1994, le café La Pêche (photo) est ouvert depuis son début au développement d'un cadre de rencontres, d'expression et de soutien aux différents projets. Durant quatorze ans, cet équipement à vocation culturelle, humanitaire et sociale a développé des axes complémentaires pour initier et soutenir les projets de tous les horizons géographiques dans des programmes d'activités des jeunes de Montreuil. La Pêche organise régulièrement des concerts. La programmation tient compte de la diversité des courants musicaux tout en affirmant son identité au travers de deux esthétiques majeures que sont le groove²/ hip-hop³

² Le nom groove signifie « sillon » en anglais ; le verbe groove veut, quant à lui, dans un style relâché, dire « s'amuser », « s'éclater ». Dans la musique le groove c'est une sensation et une dynamique spécifique appliquées à un motif rythmique régulier, comme le swing en jazz. C'est également un « état » indéfinissable de la musique, qui peut signifier un moment un peu « magique », de grâce, où elle « décolle » rythmiquement.

³ En anglais, to be hip signifie « être à la mode, dans le vent », et hip signifie « hanches ». To hop, « sauter », n'a peut-être pas de rapport avec l'expression hip-hop, qui s'est figée pour désigner un courant culturel, et non en référence à une danse particulière (les bases des danses hip-hop ne reposant pas, de toute façon, sur un usage particulier des sauts ou du mouvement des hanches). D'après D. Dufresne, en argot américain (le slang), Hip = compétition, dernier cri, Hop = danser.

¹ Par participation nous entendons le mode de notre présence au sein du milieu observé. Au début j'effectuais de simples visites au café La Pêche afin de prendre la connaissance des jeunes. Au bout de quelque temps, j'ai participé aux déjeuners et divers événements que le site organise chaque jour où l'on peut voir les jeunes du quartier.

Vue extérieure du café La Pêche; la photo est prise en juin 2008

et le rock¹. Pendant deux ans je suis allée sur le terrain (à La Pêche) selon un parcours reproduit presque à l'identique. Le chemin m'a été décrit par un jeune de Montreuil. En pensant d'être mieux acceptée, je parlais avec une coupe à la garçonne en jean troué et en tee-shirt, je prenais le métro jusqu'à la station Mairie de Montreuil, puis je marchais. Mon parcours passait par une cité qui offre une mobilité appréciable jusqu'au café La Pêche.

2. La méthodologie

Le cadre méthodologique dépend de la problématique, et des hypothèses adoptées pour la résoudre donc, des objectifs à atteindre et par conséquent du terrain sur lequel on décide de travailler pour y parvenir. Comme le dit Fishman :

« L'une des véritables caractéristiques de la recherche sociolinguistique est que la sélection des méthodes est une conséquence des données du pro-

blème : elle n'en est absolument pas indépendante » [Fishman cité par Melliani, 2000: 25].

2.1. L'observation participante

L'observation participante méthode développée par B. K. Malinowski, anthropologue britannique, un des fondateurs du fonctionnalisme, apparaît comme importante dans le champ de l'anthropologie, l'ethnographie, la sociolinguistique partageant le mode de vie des gens observés et s'appliquant préférentiellement à une société de tradition orale.

En sociolinguistique, elle a été préconisée et utilisée par W. Labov (1978) dans ses travaux sur les pratiques langagières des jeunes de ghettos de New-York et appliquée en France, par B. Laks (1980, 1983) qui a étudié les pratiques langagières d'un groupe de six adolescents fréquentant la *Maison pour tous* à Villejuif.

Cette méthode repose sur le travail approfondi et suivi du chercheur auprès de la communauté étudiée pour les chercheurs.

L'observation participante est présentée comme un dispositif de recherche caractérisé par « une période d'interactions sociales intenses entre le chercheur et les locuteurs dans le milieu de ces derniers ». Les ethnologues insistent sur le fait que pour effectuer une observation participante, il faut généralement commencer par négocier l'accès au terrain. Cette démarche suppose, comme le dit S. Aouroux (1998 : 89–

¹ Le rock est un genre musical, apparu dès la fin des années 1950 aux États-Unis et au Royaume-Uni. Le genre prend ses racines dans le rock 'n' roll, le rhythm and blues, la country des années 1940 et 1950 ainsi que dans la folk music, le jazz et la musique classique. Il est caractérisé par une mélodie vocale dominante, souvent accompagnée par une (ou plusieurs) guitare électrique, une guitare basse et une batterie, mais peut également être accompagné de synthétiseurs/piano, de cuivres ou d'autres instruments.

111) que les linguistes de terrain « soutiennent une thèse concernant la nature du langage » qu'il résume de la façon suivante :

« Il y a continuité entre la langue et les besoins pour vivre dans un milieu donné ; l'essence du langage est une pratique linguistique concrète et non une grammaire abstraite ; le langage parlé dépasse tout ce qu'une formalisation théorique peut en dire ».

L'observation participante a été un élément important pour moi. Car celle-ci m'a servie de support de pré-enquête, et c'est à partir de l'observation de mes informateurs dans les deux cafés de rap que j'ai constitué le guide d'entretien semi-directif. Pour ma part, ma démarche va du global (recueil de données par observation participante pendant les événements organisés par les deux cafés en tenant compte du paradoxe de l'observateur) à l'analytique (via enquête semi directive) pour revenir à une synthèse interprétative.

Pour moi, avec les jeunes de Montreuil, j'entends par « négociation d'accès au terrain » le travail effectué pour gagner la confiance des jeunes afin qu'ils acceptent de collaborer avec moi. Et cette négociation, en tant qu'elle comporte déjà des interactions intenses avec les jeunes, donne l'occasion d'effectuer les premières observations ; elle fait donc partie de l'observation participante. Avec de « nouveaux arrivants » montreuillois, rien n'était jamais acquis définitivement, il fallait toujours renégocier l'accès à La Pêche et exposer les motifs de mon intérêt.

2.2. Le guide d'entretien semi-directif

Le guide d'entretien semi-directif a été élaboré à la suite d'une série de questions libres. Après avoir signé le consentement de participation les locuteurs ont passé à l'enquête. Les questions, au nombre de douze, ont été construites en fonction de la problématique de ma recherche mais, afin de faciliter le dialogue avec mes locuteurs, j'ai simplifié les questions, et utilisé des mots compréhensibles de manière à ce qu'ils ne se placent pas en état d'insécurité linguistique, d'autant qu'il s'agit de jeunes à niveau scolaire assez moyen.

Dans le même ordre d'idées, j'ai essayé de classer les questions selon un ordre logique permettant de mettre à l'aise le locuteur. Par exemple, en faisant en sorte que les questions générales précèdent les questions spécifiques.

J'ai aussi tenu compte des réactions et propos des locuteurs, la forme des questions a été conçue au cours de l'enquête (si le locuteur ne comprenait pas la question) ainsi que l'ordre des questions. J'ai subordonné ma parole à la parole du locuteur en m'efforçant d'être toujours à l'écoute.

Deux types de questions ont été utilisés dans mon enquête:

1. Les questions de *fait* : elles sont relatives aux phénomènes observables, aux faits vérifiables sur le plan empirique ; leur validité peut être vérifiée par l'observation :

Ex.: Pouvez-vous caractériser le langage de jeunes de Montreuil ?

2. Les questions d'*opinion* : elles sont d'ordre psychologiques, portant sur les opinions, les attitudes, les motivations et les représentations des locuteurs :

Ex. : Quelles sont les valeurs pour les jeunes d'aujourd'hui ?

Dans l'ensemble, les questions étaient ouvertes, c'est-à-dire posées sans suggestion de réponse, sans réponse préétablie. L'avantage en est qu'elles donnent l'entière liberté au locuteur pour exprimer son point de vue. Leur inconvénient reste de générer des réponses imprévisibles, donc difficiles à traiter et à coder.

Extrait № 1 (enregistrement, café La Pêche)

Achraff : *[Pour moi les valeurs euh pour moi c'est l'intégrité pour moi voilà rester intègre c'est-à-dire pas faut faut avoir des principes voilà donc moi c'est l'intégrité et c'est aussi euh la reconnaissance ne pas oublier d'où on vient parce que parce qu'on a un peu d'argent ou autre oublier ses racines sa culture et c'est aussi la fiabilité pour moi aussi voilà faut être fiable et de confiance pour moi si si on a acquis ces valeurs pour moi on peu avancer après voilà].*

La reprise partielle dans la réponse de la formulation de la question montre que celle-ci ne déroutait pas le locuteur : de même pour le cadre de référence de question devait être clair et cohérent pour tous les locuteurs.

Pouvez-vous définir les jeunes d'aujourd'hui ? c'est qui les jeunes ?

Extrait № 2 (enregistrement, café La Pêche)

Aliou : *[C'est qui les jeunes les jeunes les jeunes c'est nous (rire) les jeunes de maintenant c'est nous et les jeunes de nos jours ils sont: moi je pense qu'ils sont aptes hein ils sont bien c'est vrai qu'maintenant y a beaucoup de trucs y a des y en a qui dérivent tout ça mais suffit juste de quelques trucs pour que chacun parce que on leur donne pas confiance aux jeunes donc là ils ont pas confiance y en a ils ont pas de chance y en a à cause de leur nom ils sont: discriminés ils sont: euh voilà donc ils sont ils sont obligés de faire des trucs illicites pour pouvoir survivre donc euh faut les comprendre un peu moi je cautionne pas qu'ils fassent des trucs illicites hein mais: parfois y en a ils ont pas le choix donc euh si ils font des trucs c'est par obligation mais: s'il y avait au moins un minimum euh on nous propose tout le temps les jeunes des quartiers on leur propose juste de aller faire des bowlings des trucs comme ça au bout d'un moment*

ils en ont marre ils deviennent experts mais ça va pas leur apporter que quelque chose euh de concret pas de travail donc euh à force ça revient au même ils restent en bas de chez eux ils font rien du tout donc euh voilà les jeunes y en a ils attendent qu'à qu'on leur ouvre les portes et après ils s'envoleront de leurs propres ailes].

Aliou répond facilement à la question en témoignant de la vie des jeunes et de leur passe-temps quotidien.

Si l'entretien m'a permis le contact direct avec les locuteurs sur lesquels portait l'enquête, et s'il a offert l'avantage de placer l'enquêteur et l'enquêté dans une relation humaine et coopérative, il a néanmoins été nécessaire de modifier le guide initial en enlevant les questions pouvant être mal comprises ou mal interprétées par les locuteurs. Il était en effet difficile de formuler les questions claires, bien ordonnées et dénuées pour tous.

3. Les participants

Pour les besoins de mon étude, le critère déterminant dans la sélection de mes informateurs a été celui de l'âge : il varie entre 16 et 22 ans. Les locuteurs choisis appartiennent à la population locale de classe moyenne urbaine : ils sont collégiens ou lycéens.

3.1. Le déroulement des entretiens

Pendant les entretiens, j'ai choisi de recourir au tutoiement et ce, pour deux raisons: d'une part, les locuteurs interviewés sont jeunes, d'autre part, je voulais les mettre à l'aise. Les échanges se sont déroulés selon le désir des jeunes, en tête à tête ce qui m'a permis d'expliquer une question qui n'était pas bien comprise.

Au cours du travail, il fallait veiller à ce que les entretiens se fissent dans un environnement adéquat et prévoir un enregistrement de qualité pour me rappeler exactement du contenu de l'entretien: les enregistrements ont été effectués dans le studio. J'ai utilisé les minidisques; les enregistrements faits une fois ont été transcrits par mes soins.

3.2. Les lyrics

Les quarante textes de morceaux de rap ont été recueillis de différentes manières:

1. D'une part, j'ai pris les chansons et les paroles de rap produites pendant les soirées de rap et dans des ateliers d'écriture organisés par La Pêche.

2. D'autre part, les textes de rap underground m'ont été envoyés ou conseillés par des amis rappeurs montreuillois et ouraliens.

Au début, la sélection de textes était non ciblée ; j'ai pris les textes proposés, recherchés ou trouvés par les jeunes de Montreuil. Pendant les entretiens j'ai aussi demandé à chaque locuteur de rapper son morceau préféré.

Conclusion

Durant ma présence sur le terrain, j'ai accepté les habitudes vestimentaires et langagières des jeunes locuteurs tout en restant dans la position de leur « grande sœur ». Grâce aux jeunes qui m'ont acceptée, j'ai pu assister aux « ateliers d'écriture de rap » et « open mics » pendant lesquels j'ai pu converser, faire les enregistrements, entretenir un lien particulier avec les jeunes.

Cette étape de travail était fructueuse pour moi en ce qui concerne la prise de contacts avec les jeunes. Tout au début, ils avaient peu d'intérêt de décrire leur pratique, mais quelques mois après, mes locuteurs ont accepté d'être enregistrés et même pendant les entretiens ils avaient envie de s'exprimer et d'être entendu.

Le terrain m'a aussi permis de faire ressortir les généralités sur les mécanismes d'accès, d'immersion et enfin d'acceptation de la part des jeunes. De la même manière, le café de rap permet de se poser des questions, d'avoir de nouvelles manières d'appréhender la pratique langagière chez les jeunes.

Biblio

1. Auroux S. Les enjeux de la linguistique de terrain / dans S. Bouquet (dir.) // Diversité de la science du langage d'aujourd'hui.— 1998.— № 129 de Langages.— P. 89–111.
2. Labov W. Le parler ordinaire, la langue dans les ghettos noirs des Etats-Unis.— Paris : Editions de Minuit, 1978.— T. 1.
3. Laks B. Langage et pratiques sociales. Etude sociolinguistique d'un groupe d'adolescents, dans // Actes de la Recherche en Sciences Sociales.— 1983.— № 46.— P. 73–97.
4. Melliani F. La langue du quartier, Appropriation de l'espace et identités urbaines chez les jeunes issus de l'immigration maghrébine en banlieue rouennaise.— Paris : L'Harmattan, 2000.

Т. В. Андрусенко (Оренбург, Россия)

ПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТА

The article is consecrated to the positional analysis (the method of study space and time organization of texts). This analysis permitted to study the development of the text as a self-organizing system. In the development of textual space take place the periods of the formation, of fluctuations and the stabilization.

Keywords: positional analysis, text, space, position, interval, wordform, symmetry, asymmetry.

Одним из основных достижений лингвосинергетики является разработка позиционного анализа. Синергетические системы организованы в соответствии с пропорцией золотого сечения. Отправной точкой для определения этапов развития системы выступает гармонический центр, совпадающий с золотым сечением, удаленным от начала текста на 0,618 часть. От точки гармонического центра идет отсчет для определения предыдущих и последующих точек, для чего 0,618 делят на коэффициент золотого сечения, равный 1,618, полученное число 0,382 будет соответствовать расположению позиции, предшествующей гармоническому центру (АСП1), и т. д. Полученные точки являются позициями, которые выступают в текстах любой этимологии постоянными величинами [Москальчук, 2003: 56]. Становление физического пространства текста происходит относительно этих позиций-констант. «Для того чтобы локализовать элемент, нужно разделить порядковый номер словоформы на количество словоформ в тексте» [Белоусов, 2005: 16].

Позиционная структура находит свое отражение в метроритмической матрице — стабильно воспроизводимой схеме расположения текста [Белоусов, 2005: 17] (рис. 1). Метроритмическая матрица позволяет представить текст как линейное целое, где позиции выступают границами между интервалами [Москальчук, 2003; Корбут, 2004: 17].

Метод позиционного анализа был разработан Г. Г. Москальчук для изучения пространственно-временной организации текстов [Москальчук,

2003: 42]. Согласно позиционному анализу, сильные позиции располагаются следующим образом: *Абсолютное начало* текста (первая словоформа) имеет координату «0» (далее — АбсН), *Зачин* удален от точки «0» на 0,146 часть от объема целого текста, *Гармонический центр зоны начала* на 0,236 (далее — ГЦн), *Гармонический центр* на 0,618 от объема целого текста (далее — ГЦ), *Абсолютный конец* текста (последняя словоформа) совпадает с точкой «1» (далее АбсК). Повторы в тексте маркируют сильные позиции [Москальчук, 2003: 41].

В позиционной структуре текста особое место принадлежит ГЦ и ГЦн. Название этих узловых в становлении текстового пространства точек раскрывает их функцию — приводить систему в состояние стабильности (гармонии). В ГЦн заметно увеличивается тенденция симметрии (роста повторов). ГЦ является важнейшей позицией, которая связана с пропорцией «золотого сечения» как конститутивного принципа строения текста. Г. Г. Москальчук отмечает, что ГЦ является сильной позицией текста, «стягивающей воедино все наиболее существенные структурные, ритмико-интонационные, смысловые связи» [Москальчук, 2003: 42].

Абсолютно слабые позиции расположены справа и слева от гармонического центра на расстоянии 0,236. В слабых позициях отмечается рост асимметричных характеристик и, как следствие, происходит резкое сокращение числа повторов. В двух абсолютно слабых позициях (далее — АСП1, АСП2) асимметрия достигает мак-

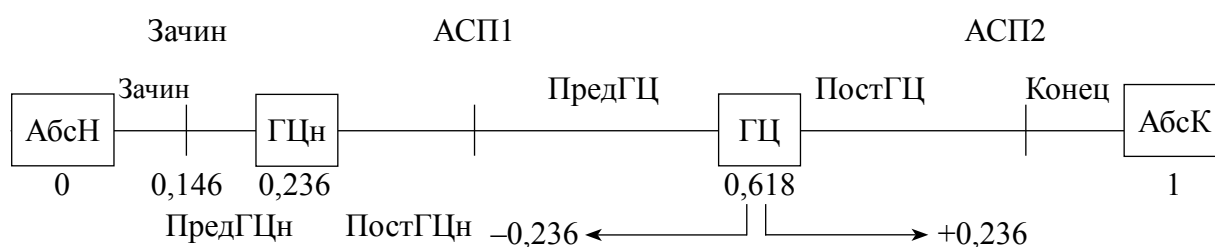

Рис. 1. Метроритмическая матрица

симула, что способствует асинхронизации формирования структуры. Асимметрия, дестабилизируя систему, тем не менее играет конструктивную роль, способствуя развитию текстового пространства: «чтобы однообразие не тормозило мысли, необходимо варьировать как единицы текста, так и свойства самого текста» [Васильева, 1983: 190–199].

Участки текста, расположенные между позициями, являются интервалами. Таким образом, текст состоит из 6 интервалов:

1) между точками АбсН и Зачином дислоцируется интервал (от 0 до 0,146);

2) между Зачином и ГЦн — интервал Предгармонический центр начала (далее — ПредГЦн) (от 0,146 — до 0,236);

3) между ГЦн и АСП1 — интервал Постгармонический центр начала (далее ПостГЦн) (от 0,236 до 0,382);

4) между АСП1 и ГЦ — интервал предгармонический центр (далее — ПредГЦ) (от 0,382 до 0,618);

5) между ГЦ и АСП2 — интервал постгармонический центр (далее ПостГЦ) (от 0,618 до 0,854);

6) между АСП2 и АбсК — интервал Конец (от 0,854 до 1).

Ниже приведен пример позиционного анализа французского публицистического текста, начало каждого интервала обозначено жирным шрифтом:

L'Abbé Pierre

/ **Зачин** La personnalité préférée des Français s'est éteinte le 22 janvier 2007 à l'âge de quatre-vingt-quatorze ans. L'homme à la cape et au béret, silhouette devenue légendaire, s'est battu toute sa vie aux côtés des plus souffrants, sans-logis bien sûr mais aussi plus récemment sans-papiers. /**ПредГЦн** Sans peur et sans relâche, il a exigé des puissants plus de justice et des Français, « au cœur dur mais à la tripe sensible », / **ГЦн** plus / **Пост ГЦн** de partage et de générosité.

Résistant de 1942 à 1944, député de 1945 à 1951, il défend alors à l'Assemblée nationale la cause des sans-abri, dont le problème est crucial dans cette période de l'après-guerre. Il fonde en 1949 la communauté des chiffonniers d'Emmaüs dans/ **ПредГЦ** la

banlieue de Paris, chargée au départ de la collecte d'objets usagés dont la revente assure un revenu et une activité aux plus démunis. Le mouvement prend de l'ampleur en France, diversifie ses activités au fil des ans (agriculture, alphabétisation...) et revendique aujourd'hui 327 associations dans 39 pays.

En 1954, au cours d'un hiver particulièrement froid, l'Abbé Pierre lance à la radio un appel en faveur de / **ГЦ** ceux / **ПостГЦ** qui n'ont pas de logement et provoque ce qu'il appellera « l'insurrection de la bonté ». En 1985, il apporte son soutien à l'humoriste Coluche lors de la création de ses « Restos du Cœur », se bat aux côtés des sans-papiers et occupe en 1996 l'église Saint-Ambroise avec les familles sans toit soutenues par le mouvement Droit au Logement. En 2004, le président de la République le / **Конец** promeut grand-croix de la Légion d'honneur.

Au sein de l'Église catholique, il n'a pas hésité à prendre des positions contraires à celles de sa hiérarchie, que ce soit en faveur du mariage des prêtres, de l'ordination des femmes ou des droits des homosexuels.

Для изучения процессуальных характеристик текста воспользовались позиционным анализом. Позиционный анализ позволил проследить за формированием структуры французского и русского текстов, за влиянием симметричных / асимметричных процессов в текстовой системе. За единицу анализа принята словоформа.

Алгоритм позиционного исследования состоял из следующих этапов (продемонстрируем влияние позиций на становление физического пространства на примере 50 французских и русских публицистических текстов).

1. Корпус текстов из 50 французских и 50 русских газетных статей проанализирован с помощью компьютерной программы Lingvo 7.

2. Произведен подсчет среднего арифметического словоформ в каждом интервале, результаты представлены в сводной таблице.

3. В ходе проведения позиционного анализа вышеуказанного корпуса текстов были определены этапы развития текста как синергетической системы, которые аналогичны в текстах разных языков. Следующий график по-

**Количественное распределение словоформ
по интервалам внутритекстового отрезка пространства—времени**

Текст	Зачин	ПредГЦн	ГЦн	ПостГЦн	ПредГЦ	ГЦ	ПостГЦ	Конец
Французские	28	16	1	28	43	1	43	27
Русские	22	12	1	23	34	1	34	23

зволяет продемонстрировать становление пространственно-временных характеристик текста. Интервал Зачина характеризуется нисходящим направлением графика, что свидетельствует о преобладании симметрии на данном участке текста и, соответственно, ростом структурных повторов (рис. 2).

Данная тенденция — стремление к симметрии — усиливается в интервале ПредГЦн, примыкающем к ГЦн. Вышеуказанный факт наглядно показывает стабилизирующую роль ГЦн в становлении системы.

После точки ГЦн в интервале ПостГЦн прослеживается нарастание асимметричных процессов, система выходит из состояния равновесия. Восходящая линия графика говорит об асимметричной тенденции. В синергетической системе произошли флуктуации: резкие структурные изменения, данные изменения, несмотря на их дестабилизирующий характер, дают системе импульс для дальнейшего развития. Флуктуации в системе происходят под влиянием АСП1, где асимметрия достигает максимума. В Абсолютно слабых позициях в системе имеет место бифуркация, при которой возможно непредсказуемое развитие системы. На отрезках ПредГЦн и ПостГЦн происходит тематическое оформление.

На следующем этапе, в области ПредГЦ, все большее значение приобретает симметрия, которая будет максимальной в точке ГЦ, что наглядно

подтверждает стабилизирующую роль ГЦ. Рост симметричных процессов маркируется на графике нисходящей линией. Такая стабилизация оказывается недолговременной, и уже в интервале ПостГЦ, примыкающем к АСП2, симметрия сменяется асимметрией. Зоны ПредГЦ и ПостГЦ выполняют противоположные функции, ПредГЦ отмечен ростом показателей симметрии, а ПостГЦ — ее уменьшением. Текст, являясь синергетической системой, постоянно балансирует между двумя противоположными тенденциями: симметрией и асимметрией. Асимметрия, внося дисбаланс в систему, дает ей дополнительную энергию, необходимую для ее дальнейшего развития. Без асимметричных процессов текстовая система развивалась бы по инерции и потеряла бы свою информативность.

После АСП2 и до АбсК текст характеризуется структурной стабильностью, в тексте, как в любом живом организме, по мере приближения к концу внутренняя энергия системы сокращается [Белоусов, 2005: 120–129].

Таким образом, универсальным средством изучения пространственно-временной организации текста служит метод позиционного анализа, который представляет текст в виде позиций — инвариантов текста. В формировании текста исключительно важная роль принадлежит гармоническому центру — системноорганизующему ядру. Симметрия приводит внутренние процессы в системе в состояние рав-

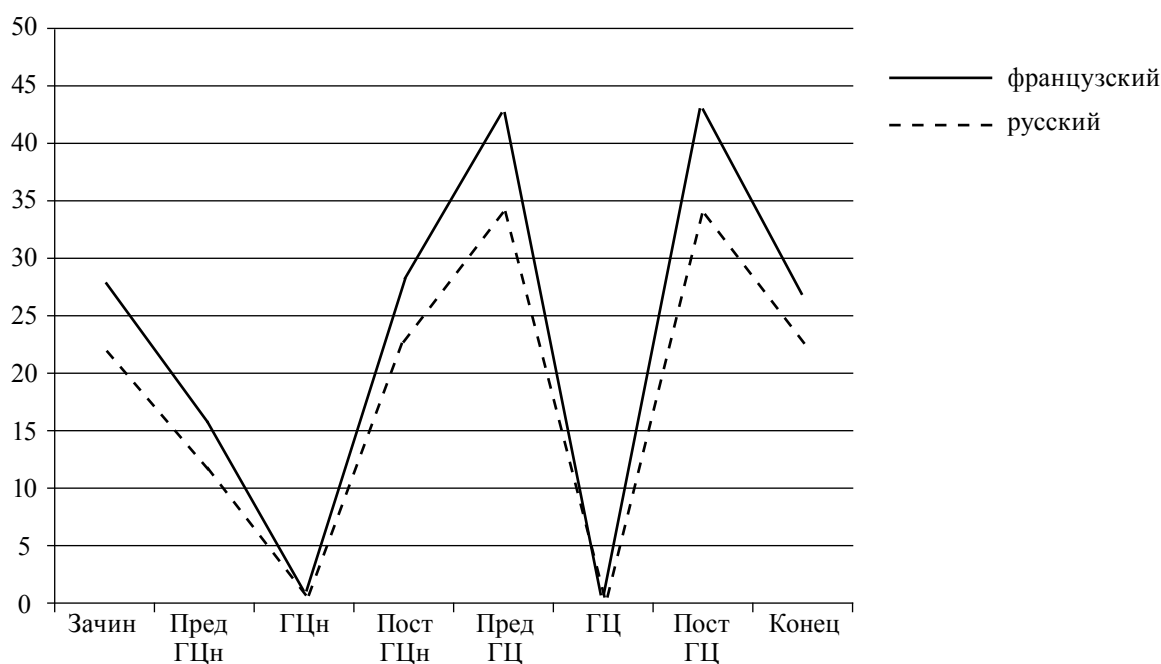

Рис. 2. Позиционный анализ французских и русских текстов

новесия, благодаря чему текст сохраняет свою целостность. Позиционный анализ демонстрирует этапы формирования текстового пространства, позволяет в композиции текста выделить смыслоформирующие фрагменты. Текст, как и другие сложные самоорганизующиеся системы: биологические объекты, произведения искусства — в своем формировании проходит этап становления (область Зачина), период флуктуаций, резких структурных изменений (ПостГЦн и ПостГЦ), период стабилизации после прохождения точки АСП2.

Список литературы

1. Белоусов К. И. Текст: пространство, время, темпоритм : монография.— Новосибирск : Сибир. огни, 2005а.— 248 с.
2. Васильева А. Н. Художественная речь.— М. : Рус. яз., 1983.— 256 с.
3. Корбут А. Ю. Текстосимметрия : монография.— Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004.— 200 с.
4. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс.— М. : Едиториал УРСС, 2003.— 296 с.

Е. А. Аносов (Челябинск, Россия)

О МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ СТЕРЕОТИПНОСТИ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

The following article deals with the matters of stereotypical expression of men and women's traits in Russian proverbs and sayings. It also describes some of the most prolific mechanisms of stereotype creation. The most productive types of the latter prove to be different kinds of metaphoric transference, hyperbole and antithesis.

Keywords: *proverb, saying, Old Testament, stereotype, male, female, gender, metaphor, hyperbole, antitheses.*

Паремии языка являются отражением народной мудрости отдельно взятой нации. В них собраны образы людей, описано их поведение в различных ситуациях. Будучи обобщёнными суждениями, пословицы и поговорки несут в себе неизбежное упрощение жизненных ситуаций и свойств человеческого характера. Стереотипность образов, описываемых в паремиях, способствует более лёгкому их восприятию и последующей интерпретации воспринимаемым субъектом [Рябова, 2003: 121].

Данная статья имеет целью лишь выявление и описание методов создания стереотипности мужских и женских образов в пословицах и поговорках и не затрагивает функционирование паремиологических единиц в речи, случаи употребления, сочетаемости с другими единицами либо иные их аспекты.

Способы и механизмы создания гендерных стереотипов в паремиях в стилистическом плане весьма разнообразны, а само формирование образов в пословицах и поговорках происходит под влиянием нескольких факторов. При этом, как правило, учитываются особенности языка, рождающего языковые единицы. В общем и целом, несмотря на некоторые отличия структурного и функционального плана между различными языковыми системами, можно выделить сходные признаки формирования образов в паремиях, характерные для русского, английского, а также ряда других европейских языков, и основанные, в большинстве своём,

на различных типах переноса значения свободного словосочетания [Жуков, 1986: 21]. В данной работе способы создания стереотипов будут рассмотрены на материале русского языка.

Образы, описываемые в пословицах и поговорках, метафоричны. Метафоричность сочетаний бывает разного свойства: она может достигаться переносом по сходству действия (*Жениться — не лапоть надеть; Женское сердце что котёл кипит, Женское сердце видит больше, чем глаза десяти мужчин*), признака (*Жена не (гусли) балалайка, поиграв, на стену не повесишь; Жена не сапог (лапоть), с ноги не сбросишь; Бабий язык — чёртово помело; Жена мужу пластырь, а он ей пастырь; Жена, как тень: беги за ней — убегает, убегай от неё — догоняет; Девичья краса — как майская роса*) или положения (*Муж в дому, что крест на церкви; Муж в тюрьме, а жена в сурьме*). Возможно сходство с физическим состоянием от пребывания в каком-либо месте (*В тени леса лучше, чем в тени листка, а под мужниным крылом лучше, чем в тени леса*) либо с конкретным физиологическим ощущением (*С немым жениться — заживо в гроб ложиться; Умная жена, как нищему сума*). Отдельную группу составляют метафоры, образованные на основе сходства с поведением животного (*Мужик без бабы, что гусь без воды; Мужик богатый, как бык рогатый; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Птица радуется весне, а младенец матери;*

Пусть мужик, как ворона, а всё ж бабе оборона; Женится петух, а прихорашивается курица; Неженатый — как волк, а женился — как шёлк. Часть метафор базируется на внешнем сходстве (*Умница — как пёстрая курица*), сходстве от внешнего воздействия (*То ли его жена гладила, то ли его кошка поцарапала*), а также на сходстве с интенсивностью и результатами протекания физических явлений (*Поженился, как на льду обломился; На богатенькой женился, под пятою очутился*).

Как видно из вышесказанного, перенос по сходству признака и по сходству с поведением животного является наиболее распространённым и действенным среди метафорических способов создания стереотипных образов в паремиях. Сравнение мужчин и женщин с предметами и животными на основе какого-либо признака позволяет наглядно и упрощённо выразить их взаимоотношения в отвлечённой форме и способствует лучшему пониманию мотивов их поступков и действий.

Причиной необычайной продуктивности метафорических переносов в языке и речи, по словам О. И. Глазуновой, является «плодотворное сочетание в их структурной организации нескольких функций» [Глазунова, 2000: 173]. «Наряду с информативной функцией, <...> метафора обладает широким спектром прагматических возможностей: эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных», что мы и наблюдаем в приведённых примерах.

Помимо метафорического переноса, существует несколько других весьма распространённых и продуктивных способов выражения стереотипов в паремиях. Одним из них является антитеза: *Муж пьёт — полдома горит, жена пьёт — весь дом горит; Муж — голова, жена — душа; Жена умирает, а муж со смеху помирает; Муж на дудочке играет, а жена с голодухи помирает; Мужика на двор, бабу в дом; Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; От мужика пахнет ветром, а от бабы дымом; Чужая жена лебёдушка, своя жена полынь горькая!* [Даль, 1866]. Её использование позволяет усилить степень выраженности описываемого качества или признака и тем самым акцентировать на нём внимание воспринимающего субъекта.

Высказывания типа «чёрное — белое» априори являются стереотипными, представляя собой антонимичную пару, где один из компонентов наделён признаком, имеющим социально одобряемую оценку, а другой — признаком с противоположным значением. Именно поэтому использование антитезы в качестве основного приёма создания

образности, а вместе с тем и стереотипности языковых единиц, является наиболее эффективным.

Пословицы и поговорки часто содержат совет, выраженный в форме императива и адресованный мужчине: *Не кайся — рано вставши да молод женившись; Не ищи красоты, красота приглядится; Не верь коню в поле, а жене в доме; Жену выбирай не глазами, а ушами; Люби жену, как душу, трясى её, что грушу; От пожара, от потопы, от злой жены — Боже сохрани!* [Фелицына, 1988]. Такая организация языковых единиц позволяет без лишних предисловий получить руководство к действию и понять суть ситуации.

Приём гиперболизации в пословицах и поговорках также весьма частотен в использовании: *В ямочки на женских щеках даже крепости проваливаются; Когда жена сбежать захочет, то ров и стену перескочит; У женщины больше хитростей, чем у самого чёрта; Влюблённая жаба и море переплывёт.* Его применение многократно усиливает эмоциональную окраску пословицы и её экспрессивность.

Паремии в форме риторического вопроса не столь частотны, однако этот приём также увеличивает степень экспрессивности языковой единицы: *Девушки хороши да пригожи, да отколь же злые жёны берутся? Зачем мне мягкие губы, когда сундук пустой?*

Способы создания стереотипности в паремиях русского языка различаются как в стилистическом плане, так и по частоте использования. Наиболее действенными и часто используемыми среди них являются антитеза, гиперболизация и метафорический перенос по сходству признака, что обеспечивает большую экспрессивность и эмоциональность паремий для более лёгкого их восприятия.

Список литературы

1. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований.— СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000.— 190 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т.— СПб., 1863–1866.
3. Жуков В. П. Русская фразеология.— М., 1986.
4. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество.— М., 2003.— Вып. 1–2.— С. 120–139.
5. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановед. слов.— М. : Рус. яз., 1988.— 272 с.

А. О. Байчорова (Санкт-Петербург, Россия)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА

Nonce words and words combination as signature style of M. A. Bulgakov are the subject for this study. The research task is to elicit nonce words in Bulgakov's writings that are studied during school course. Relevancy of the study is that nonce words are not mentioned in school books. While speaking about innovation words they use term "neologism". Nonce words marked on the moment of their usage even for one time in particular context are studied. Variation that implies entry of subtext caused by negative affective evaluation of word-combination or activity of the performed action defined by this word-combination is observed in the studied word group.

Keywords: individual word creation, occasionalisms.

Любой исторический процесс неизбежно оставляет свой след в литературе, и XX век с его революциями и войнами создал благодатную почву для широкого употребления в художественной литературе такого понятия, как окказионализмы (индивидуально-авторские слова, словосочетания, фразеологизмы).

Впервые термин «окказиональное слово» был предложен Н. И. Фельдман. В понимании автора термина окказиональное слово — это слово, употреблённое лишь один раз, в конкретном речевом отрезке, образованное «на случай». Как отмечал А. Г. Лыков, «Окказионализм — это, так или иначе, нарушение грамматических, словообразовательных или лексических норм языка, неправильность. Но это мотивированная неправильность, носящая целесообразно организованный характер...» [Лыков, 1976: 93].

Ненормативность — явление характерное для окказиональных слов первой четверти XX века. Такие языковые нарушения были вполне оправданы, так как они помогали расширить словарь, предавали речи особую напряженность и выразительность. Многие окказиональные слова, словосочетания и фразеологизмы вошли в активный словарь и, оторвавшись от контекста, стали жить своей новой жизнью.

Предметом для исследования послужили окказиональные слова и словосочетания как индивидуально-авторские образования М. А. Булгакова.

Задача исследования — выявить окказионализмы, которые функционируют в произведениях М. Булгакова, предусмотренных школьной программой. Актуальность исследования заключается в том, что в школьных учебниках об окказионализмах нет упоминания. Говоря о словах-новообразованиях, здесь используют термин «неологизмы», поэтому школьники затрудняются в определении разницы между речевой ошибкой и индивидуально-авторским словотворчеством.

В чём же разница между окказиональным словом и неологизмом? Неологизм (о чём говорит и

сам термин) — это новое, недавно появившееся в языке слово, новизна которого со временем исчезнет и которое получит «безусловное хождение» (по выражению Л. В. Щербы), а «позже станет обычным, каноническим словом» (Н. И. Фельдман). Окказионализм — это факт речи, индивидуально-авторское образование, созданное самим автором, использованное в том или ином произведении данного автора и не вошедшее в систему языка. Главной особенностью окказионализма, по мнению А. Г. Лыкова, является его «хроническая» новизна. Это слово, которое только начинает свою жизнь в языке. Многие слова, образованные и использованные в произведениях писателей и поэтов, дойдя до наших дней, «не постарели» и у других авторов уже не использовались. «Следовательно... окказионализм изъят из фактора исторического развития и изменения» [Лыков, 1976: 103]. Важным свойством окказиональных слов, словосочетаний и фразеологизмов является их одноразовость, они создаются говорящим, чтобы употребить их в речи лишь один раз. По сравнению с каноническими словами окказионализмы предельно конкретны, свежи, уникальны и имеют признак экспрессивности. Причём, чем больше нарушены при образовании окказионализма словообразовательные нормы, тем ярче проявляется этот признак.

Рассмотрим пример:

«—Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе?

— Да жена **напетлюрила**. С самого утра сегодня **болботунит**...» [Белая гвардия].

Из данного примера видно, что глагол **напетлюрила** образован приставочно-суффиксальным способом, а глагол **болботунит** можно считать сложным, так как он, по-видимому, образован при помощи слияния синонимичных глаголов **болтать** (разг.) и **ботать** (жарг.) и окказионального суффикса -унит, эти глаголы экспрессивны в силу особенности своего внутреннего словообразовательного строения.

Индивидуальное словотворчество, в результате которого появляются окказиональные слова или словосочетания, основано на уже имеющихся в языке корневых и аффиксальных морфемах, которые служат в данном случае стройматериалом. При этом наблюдается процесс, подобный созданию метафоры: *«Товарищ Бездомный, — заговорило это лицо юбилейным голосом, успокойтесь!»*; *«Стёпа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объёмистом ювелиришном графинчике»* [Мастер и Маргарита].

Большой интерес представляют окказионализмы, наблюдаемые в контексте, в составе метафор, являющиеся эпитетами или участвующие в создании других тропов. Оказавшись в составе тропа, они во много раз усиливают его художественную выразительность и эмоциональность, отражают все нюансы мыслей и чувств. Участвуют в создании стилистического приёма и выполняют функцию гиперболизации.

«— Ты дура, — сказал Василиса жене.

Ванда изменилась в лице и сказала:

— Я знала, что ты хам уже давно. Твое поведение в последнее время достигло геркулесовых столбов» [Белая гвардия].

В ходе исследования было отмечено, что в окказиональных словосочетаниях М. Булгакова наблюдается несколько видов варьирования фразеологических единиц, где прием замены компонента приводит к выделению, подчеркиванию фразеологизма в тексте. При этом автор преследует несколько целей: конкретизация значения фразеологизма, усиление образности, внесение дополнительных оттенков, усиление экспрессии. Иногда замена одного из компонентов влечёт за собой появление подтекста, вызванного отрицательной эмоционально-оценочной окраской узуального фразеологизма или интенсивностью совершения действия, обозначаемого фразеологизмом.

Исходя из выше изложенного, можно отметить, что окказиональные слова и словосочетания, встречающиеся в произведениях М. Булгакова, подвергаются варьированию и их условно можно разделить на три группы (речь идет только о тех окказионализмах, которые подверглись исследованию):

1. **Компонентное варьирование** фразеологических единиц (замена одного из компонентов) используется автором для конкретизации значения фразеологизма, внесения дополнительных

смысловых оттенков, усиления экспрессивности и образности: *«— Извините, профессор, — очень обиделся пациент и раздул ноздри, — вы действительно очень уж презрительно смотрите на нас. Я... — И тут он стал надуваться, как индейский петух»* [Собачье сердце].

Иногда замена одного из компонентов узуального фразеологизма влечёт за собой появление подтекста, вызванного отрицательной эмоционально-оценочной окраской фразеологизма или интенсивностью совершения действия, обозначаемого фразеологизмом. Рассмотрим примеры:

«Василиса вскопчил внизу в холодном поту. Со сна он завопил истошным голосом и разбудил Ванду Михайловну» и *«Сердце у Василисы оставалось, и вспотели цыганским потом даже ноги»*. [Белая гвардия]. Здесь наблюдается весьма интересное противопоставление одного и того же внутреннего состояния человека — ужас и страх — путем использования эпитетов-прилагательных *холодным* и *цыганским*, которые могут в данном случае считаться контекстуальными антонимами. Рассмотрим ещё пример:

«— Имейте в виду, Шариков... господин, что я, если вы позволите ещё одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме. Шестнадцать аршин — это прелестно, но ведь я вас не обязан кормить по этой лягушачьей бумаге?» [Собачье сердце]. Сравним узуальный фразеологизм *филькина грамота* — ничего не значащая бумажка и окказиональный фразеологизм *лягушачья бумага*, в данном контексте *бумага* — это документ, но эпитет *лягушачья* указывает на то, что этот документ для профессора Преображенского не имеет никакой юридической силы и ничего не значит для него. Дополнительный смысловой оттенок, экспрессивность усиливается инверсией *«— Имейте в виду, Шариков... господин,...»* Ср. «Господин Шариков». К этой же группе можно отнести окказионализм *отвесил нелепость*. Интересен он тем, что образован из двух компонентов, взятых из узуальных фразеологизмов *отвесить оплеуху* и *сказать нелепость*: *«— Но тебе придётся примириться с этим, — возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, — не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чём она — в твоих интонациях»*. [Мастер и Маргарита].

2. **Инверсия или синтаксическое варьирование**. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «русский язык в отличие от многих других языков, характеризуется свободным порядком слов. Но эта

свобода на практике, в живой речи оказывается экспрессивно значимой и выполняет определённые стилистические функции» [Кубрякова, 1988: 26]. *«Стёпины мысли уже побежали по двойному рельсовому пути, но, как всегда бывает во время катастрофы, в одну сторону и вообще чёрт знает куда. Головную Стёпину кашу трудно даже передать»* [Мастер и Маргарита].

«...Удостоверение в кармане.— Чому ж це вы без погон?..— продолжал Мышлаевский.— «На Владимирской развеваются русские флаги... Две дивизии сенегалов в одесском порту и сербские квартиреры... Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте части»... за ноги вашу мамашу!...» [Белая гвардия].

Фразеологизмы в выше указанных примерах несут стилистическую нагрузку, выполняют экспрессивно-оценочную функцию и используются как средство воздействия на эмоциональную сферу адресата.

3. Количественное варьирование. Языковая система допускает сокращение фразеологической единицы, поскольку каждый носитель языка подчиняется закону «экономии языковых средств». Этому же закону подчиняются и окказиональные фразеологизмы, хотя, по мнению В. З. Санникова, «усечение фразеологизма, использование лишь части его компонентов аномально и встречается в языке чрезвычайно редко» [Санников, 1999: 300]. *«Пока официанты вяжали поэта полотенцами, в раздевалке шёл разговор между командиром брига и швейцаром»* [Мастер и Маргарита].

В произведениях М. Булгакова как следствие творческого акта писателя наблюдаются словосочетания, образованные путём трансформации уже существующих словесных комплексов (расширение компонентного состава), которые наделены новым смыслом с оценочной окраской. Проследим на примере: *«— Ба! — воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего.— Менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, нежданный, но предвиденный гость?»* [Мастер и Маргарита].

Наряду с окказиональными словосочетаниями, образованными из узуальных слов различных стилей речи, М. Булгаков создаёт такие слова, которые в языке не существовали: *«— Заграница,— говорил Александр Семенович, выкладывая яйца на деревянный стол, разве это наши мужицкие яйца... Все, вероятно, браманутры, чёрт их возьми! Немецкие...»* [Роковые яйца].

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что большая часть окказионализмов, функционирующих в произведениях М. Булгакова, подвергается компонентному, синтаксическому и количественному варьированию. Наблюдается образование окказиональных словосочетаний путём трансформации уже существующих словесных компонентов. Используются окказионализмы с оценочной окраской, в основном негативной и иронической, как средство воздействия на эмоциональную и интеллектуальную сферы адресата. Кроме того, они выполняют усилительную и образную функции. Участвуют в создании стилистического приёма и выполняют функцию гиперболизации интенсивности. Окказиональные слова и словосочетания образуются за счёт морфологической и синтаксической деривации оборотов, метафорического и метонимического переосмысления свободных словосочетаний.

Список литературы

1. Греч Н. Чтение о русском языке.— СПб., 1840.— 292 с.
2. Лыков А. Г. Современная русская лексикология.— М., 1976.
3. Кубрякова Е. С. О природе варьирования языковых единиц и его основных типах // Проблемы вариативности в германских языках.— М., 1988.— 26 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры.— М., 1999.— 300 с.
5. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вopr. языкознания.— 1957. № 4.— С. 64–73.

В. В. Бачурская (Челябинск, Россия)

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

This article is about the syntactic methods of the linguistic manipulation used in the publicistic genre in order to manipulate or even change the social ideology. The authors often use different types of citation, composite sentences and passive voice.

Keywords: *linguistic manipulation, syntax, journalism, ideology, word order, own / alien.*

В публицистическом стиле реализуются такие функции языка, как функция воздействия и функция сообщения (или коммуникативно-информативная функция). Основная цель публицистики, ее социальное назначение состоят в том, чтобы оказывать постоянное и глубокое влияние на общественное мнение, формировать это мнение, воздействуя тем самым на сознание людей, на их мировоззрение, на восприятие ими своей и чужой культуры. «Формируя общественное мнение и воздействуя на становление массового сознания, публицистика тем самым способствует... социальной ориентации, всестороннему духовному самоопределению, выработке единого мироотношения, что находит выход в поведении или в какой-либо другой форме социальной активности» [Прохоров, 1998: 55].

Под речевым воздействием чаще всего понимают использование особенностей устройства и функционирования паралингвистических знаковых систем (в том числе кинесика и метаграфема — в случае письменной речи), и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения.

Все конкретные средства речевого воздействия, используемые в газетно-публицистических текстах, иначе говоря, приемы речевого воздействия, могут быть объединены в две основные группы методов: базовые методы и вспомогательные (экспрессивные) методы речевого воздействия [Глинчевский, 2005: 18–20]. Несомненно, особый интерес, с лингвистической точки зрения, представляют именно вспомогательные или лингвостилистические методы, используемые на графико-фонетическом, лексическом и морфолого-синтаксическом уровнях языка.

Достаточно широкий выбор средств речевого воздействия предоставляется синтаксисом. Выбор синтаксической конструкции способен, в частности, менять точку зрения, включать или не включать в фокус внимания тех или иных

участников ситуации и тем самым достигать того же эвфемистического эффекта — или, напротив, избегать его.

Хорошо известный и описанный прием речевого воздействия — это использование пассивного залога вместо активного и так называемая номинализация, т. е. перевод словосочетания с глаголом в отглагольное существительное (*захвачены заложники, захват заложников*): при использовании пассивного залога информация о реальном производителе действия может не упоминаться без того, чтобы возникало ощущение неполноты сказанного; на первый план выходит само событие, а ответственность за него вроде бы никто и не несет [Муратова, 2003].

Во французских газетно-публицистических текстах номинализация широко используется в заголовках, привлекая внимание к самому событию, оставляя пока неизвестными его участников. Таким образом, внимание читателя привлекается зачастую одним единственным словом, за которым — через двоеточие — следует дальнейшая расшифровка содержания.

«Présidentielle 2012: la blogue battle» (Выборы президента 2012: война блогов).

Этот же прием может служить для сужения круга читателей и выделения «своих», отличных от «чужих» читателей, которые при первом же взгляде на подобные заголовки публицистических статей определяют, насколько те им интересны.

Кроме того, средством сознательного сужения числа адресатов, к которым адресован текст, т. е. средством подобного разделения на «своих» и «чужих» может служить особая усложненность синтаксиса (использование сложных конструкций, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, однородных членов предложения и т. д.).

Для целей речевого воздействия может использоваться упорядочение элементов в конструкциях с сочинительными союзами. Порядок их следования обычно является неслучайным, и, помещая какой-то элемент на первое место, говорящий способен, помимо прочего, устанавливать отношения «свой/

чужой» (например, о *матче между «Спартак» и «Локомотив»* будет говорить болельщик «Спартак» и приглашать слушающего к солидарности с собой и со «Спартак», а о *французско-российской встрече на высшем уровне* — явно только француз), а также устанавливать иерархические отношения в образе действительности.

Часто авторы публицистических статей прибегают к цитированию, полноценному — цитирование всей фразы с указанием ее источника, либо частичному — заключение в кавычки части фразы или словосочетания.

Таким образом вводится так называемый прецедентный текст, который может оказать влияние через ссылку на мнение авторитета или приблизить излагаемую информацию к аудитории, сделать ее более понятной и знакомой (для этой цели часто используется цитирование известных фраз, реплик из кинофильмов, фраз из литературных произведений, поговорок, пословиц и т. д.).

Однако можно выделить еще такой графико-синтаксический прием, как псевдоцитирование, когда в кавычки заключается не подлинная цитата, а те слова, которые, по мнению автора, должны привлечь внимание читателя, создать намек на авторитетное мнение, тем самым воздействуя на восприятие информации и формируя отношение к происходящим событиям.

«Les Israéliens frapperont quand ils seront persuadés que Tehéran est au seuil de la bombe. Le problème est de savoir où est le seuil», dit un diplomate proche du dossier. («Израильяне нанесут удар, когда будут уверены в том, что в Тегеране вот-вот создадут ядерное оружие. Сложнее всего узнать, когда именно это произойдет», — говорит приближенный к делу дипломат).

Khamenei a bien enregistré le message et s'est félicité de ces «bonnes déclarations» prouvant, selon

lui, que les Américains sortaient de leurs «illusions». (Хаменеи записал послание и поздравил себя с «хорошим выступлением», доказывающим, что американцы начали, наконец, освобождаться от своих «иллюзий»).

Французская пресса в целом достаточно часто использует как подлинное цитирование, так и псевдоцитирование. Второе часто используется при создании публицистом авторских неологизмов, изменении известных цитат или при иронии (les tenants du «bien-être animal» — сторонники «животного благоденствия» (в статье о продуктах халяль)).

Таким образом, синтаксические приемы речевого воздействия используются авторами газетно-публицистических статей зачастую не только для оказания влияния на общественное мнение в целом, но и для определения «своего» читателя, чье мнение, собственно, и должно быть в первую очередь подвержено коррекции.

Список литературы

1. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие. — М. : РИП-Холдинг, 1998. — 310 с.
2. Муратова М. А. Средства речевого воздействия в языке СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20030127-apelsin-pr.html>. 2012, свободный.
3. Ширяев Е. Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского литературного языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. — М., 1996. — С. 181–203.
4. Глинчевский Э. И. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 19. Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2005. — № 4. — С. 18–27.

А. А. Баяхметова (Костанай, Казахстан)

К ВОПРОСУ О МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ПРОЦЕССЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

The article deals with the morphonological principals in the process of the word formation.

Keywords: *morphonological phenomena, morpheme, formant, interfication, truncation, imposition, stress, alternation, word formation, derivative suffix.*

Наряду с такими вопросами в области производных, как отражение словообразовательных связей, характер их определения в толковых словарях, степень мотивации их значения значением соответствующего производящего слова, немаловаж-

ную роль играет и исследование их сочетаемостных особенностей. «Аналитический аспект изучения словообразования среди других проблем на первый план выдвигает проблему сочетаемости морфем, поскольку его задача состоит в том,

чтобы ответить на вопрос, как от данного мотивирующего слова путём присоединения морфем (суффиксов, префиксов, корня, соединительных гласных) образовать нужное слово. Решить эту проблему можно лишь при тщательном изучении сочетаемости морфем в слове», — пишет М. В. Панов [Панов, 1975: 86].

В современном русском языке, как правило, нет строгой прямолинейности и логичности в образовании слов. Существенным признаком типологической характеристики языков, на наш взгляд, является вопрос о способах связи, соединения морфем в слове. Если описываются последовательно все этапы словообразовательного процесса, то целесообразно описывать правила морфонологических явлений. Одним из этапов в образовании производных мы называем морфонологическую подготовку к словообразованию с образующим словом. Вслед за В. А. Горпиничем мы выделяем такие морфонологические явления:

1) «те, что осуществляют подготовку образующих средств их соединения: усечение образующих слов и интерфиксация образующего форманта;

2) те, что осуществляют процесс соединения: агглютинация и фузия;

3) те, что оформляют соединение морфем в единый звуковой комплекс как словесную единицу: ударение» [Горпинич, 1973: 33].

Усечение не имеет самостоятельного деривационного значения, оно выступает как дополнительное средство морфо- и фонотактического характера, без которого не может состояться процесс словотворчества. Как правило, результаты усечения обнаруживаются в мотивированной, а не мотивирующей основе. Конечной целью усечения является приспособление производящей основы к созданию производного слова.

В процессе словотворчества усечение основывается на закономерностях морфемных соединений в слове. Взаимоприспособление морфов реализуется лишь после того, когда произошёл выбор образующих морфов. Вслед за Ю. В. Рождественским мы считаем, что: «Словопроизводством называется один из способов словообразования, суть которого состоит в сочетании корневых и аффиксальных морфем по определённым формальным правилам» [Рождественский, 2005: 56]. Мы считаем, что выбор суффикса можно предусмотреть рядом правил, которые позволяют планировать, какой суффикс следует использовать при построении новой лексической единицы, способен ли он вступить в сочетаемые отно-

шения. Если структурным препятствием при словопроизводстве оказываются конечные элементы мотивирующего слова, то они подвергаются усечению. Как правило, усекаются конечные элементы производящей основы. В процессе словотворчества деривационный суффикс встречает определённые трудности в соединении с основой мотивирующего слова, таким образом, оттесняет те структурные элементы, которые затрудняют процесс образования производных.

Исследование сочетаемостных возможностей форманта *-ок* в результате корневой валентности позволяет сделать вывод о максимальной и минимальной усекаемой величине в процессе словотворчества.

Фактический материал извлечён из «Обратного словаря русского языка» (Советская энциклопедия, М., 1974), в котором собраны существительные на *-ок*, встречающиеся в следующих словарях русского языка:

1. Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. — М.; Л., 1948–1964.

2. Словарь русского языка. — Т. I–IV. — М., 1957–1961.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1991. — 748 с.

4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. I–II. — М., 1935–1940.

Среди морфонологических явлений, порождаемых суффиксом *-ок* в результате корневой валентности, мы выделили:

1) усечение акцентной инфинитивной флексии с переходом ударения на корневую морфему: *отрубить* — *отрубок*, *обрубить* — *обрубок*, *отсадить* — *отсадок*, *подсадить* — *подсадок*, *откормить* — *откормок*, *оттоптать* — *оттопок*, *обжигать* — *обжигок*, *обжигать* — *ожжок*, *отжимать* — *отжимок* (всего 91 пример);

2) усечение акцентной инфинитивной флексии с переходом ударения на звук [о] суффикса *-ок*: *мотать* — *моток*, *смотреть* — *смотрок*, *гудеть* — *гудок*, *стрелять* — *стрелок*, *валить* — *валок*, *сидеть* — *седок*, *пинать* — *пинок*, *жевать* — *жевок*, *нырять* — *нырок*, *плевать* — *плевок*, *клевать* — *клевок*, *ходить* — *ходок*, *гудеть* — *гудок*, *стрелять* — *стрелок*, *возить* — *возок*, *манить* — *манок*, *звонить* — *звонок*, *щипать* — *щипок*, *играть* — *игрок*, *бросать* — *бросок*, *кусать* — *кусок*, *катать* — *каток*, *колотить* — *колоток*, *кивать* — *кивок*, *свистеть* — *свисток* (всего 25 примеров);

3) усечение инфинитивной флексии с сохранением ударения на корневой морфеме: *наста-*

вить — *наставок*, *добавить* — *добавок*, *прибавить* — *прибавок*, *срезать* — *срезок*, *обмерить* — *обмерок*, *не домерить* — *недомерок*, *подвесить* — *подвесок*, *отбросить* — *отбросок* (всего 8 примеров);

4) усечение инфинитивной флексии с сохранением ударения на префиксе **вы**: *вылетить* — *вылепок*, *выродить* — *выродок*, *выкормить* — *выкормок*, *вымерить* — *вымерок*, *выпороть* — *выпороток*, *выработать* — *выработок*, *выпороть* — *выпорок*, *вырубить* — *вырубок*, *выплавить* — *выплавок*, *высадить* — *высадок*, *вычистить* — *вычисток*, *выселить* — *выселок*, *вырасти* — *выросток* (всего 13 примеров);

5) усечение акцентной инфинитивной флексии с переходом ударения на префикс **вы**: *выводить* — *выводок*, *высевать* — *высевок*, *выплывать* — *выплывок* (всего 3 примера);

6) усечение инфинитивной флексии с переходом ударения с корневой морфемы на префикс **вы**: *выплёвывать* — *выплевок* (всего 1 пример);

7) усечение финали -ну в производных: *прыгнуть* — *прыжок*, *глотнуть* — *глоток*, *кивнуть* — *кивок*, *зевнуть* — *зевок*, *хлопнуть* — *хлопок* (всего 5 примеров);

8) усечение инфинитивной флексии, в результате чего парно-мягкие согласные отвердевают: *манить* — *манок*, *расценить* — *расценок*, *слепить* — *слепок*, *храпеть* — *храпок*, *кипятить* — *кипяток* (всего 101 пример).

В большинстве случаев усечение делает мотивирующую основу словообразовательно достаточной величиной, которая способна взаимодействовать с деривационным формантом. Сравним, насколько продуктивно усечение в ряде производных с формантом *-ец*. Нами выявлено, что к числу регулярных отсечений в результате корневой валентности относится усечение суффикса *-ец*, который передаёт: 1) значение названия лица по месту жительства; 2) название лица по национальной принадлежности; 3) название лица по принадлежности к общественным и идейным течениям, партиям, учреждениям. В русском словообразовании данное усечение наблюдается в 100 % случаев. Это объясняется комбинаторными особенностями форманта *-ец*, который практически не допускает после себя словообразовательных морфем, согласно фонетическим законам русского языка: *украин-ец* — *украин-к-а*, *торго-вец* — *торгов-к-а*, *чечен-ец* — *чечен-к-а*, *одnodвор-ец* — *одnodвор-к-а*, *эстон-ец* — *эстон-к-а* и др.

В пределах словообразования разных лексико-семантических групп морфонологическое усечение отличается разной продуктивностью.

Большой степенью продуктивности отмечается усечение суффикса *-ок* и *-ец*. Наряду с этими суффиксами можно выделить усечение суффиксов *-чик/щик-*, *-ник/ик-*, *-ин-* со значением названия лица мужского пола перед суффиксами *-чиц/щиц-*, *-ниц/иц-*, *-к-*, *-анк-а* со значением названия лица женского пола. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет нам сделать вывод, что образование производных в результате корневой валентности суффиксов *-ок* и *-ец* сопровождается морфонологическим явлением: усечением.

Среди морфонологических явлений, порождаемых суффиксом *-ок* в результате корневой валентности, мы выделили:

1) явление нулевой морфонологии: *куб* — *кубок* (всего 1 пример); это обусловлено историческими причинами и не зависит от позиции, грамматическое значение определяется присоединением суффикса *-ок*;

2) чередование твёрдого конечного согласного [с] производящей основы с согласными [б], [д]: *грести* — *гребок*, *скрести* — *скребок*, *развести* — *разводок*, *вывести* — *выводок*, *отвести* — *отводок* (всего 5 примеров); это чередование обусловлено действием фонетического закона в русском языке о видах чередования;

3) чередование на морфемном шве корня [г // ж]: *ватага* — *ватажок*, *очаг-очажок*, *рычаг* — *рычажок*, *шаг* — *шажок*, *снег* — *снежок*, *берег* — *бережок*, *сапог* — *сапожок*, *полусапог* — *полусапожок*, *пирог* — *пирожок*, *круг* — *кружок*, *друг* — *дружок* (всего 41 пример); чередование [г // ж] связано с определённым положением: звук [г], попав на конец слова, заменяется звуком [ж];

4) чередование на морфемном шве корня [к // ч]: *табак* — *табачок*, *кабак* — *кабачок*, *наждак* — *наждачок*, *ученик* — *ученичок*, *бык* — *бычок*, *жук* — *жучок* (всего 126 примеров); согласно фонетическим законам языка звук [к] может заменяться на звук [ч]; чередования согласных звуков [к — ч, г — ж, х — ш] восходят к исторической эпохе и, как правило, связаны с изменением заднеязычных в определённой позиции в отмеченные звуки;

5) чередование на морфемном шве корня [г // ч]: *флаг* — *флачок*; в исключительных случаях звук [г], попав в конец слова, может заменяться звуком [ч], нами зафиксирован лишь один случай;

6) чередование на морфемном шве корня [х // ш]: *запах* — *запашок*, *смех* — *сmeshок*, *штрих* — *штришок*, *стих* — *стишок*, *ворох* — *ворошок*, *посох* — *посошок*, *кожух* — *кожушок*, *валух* — *валушок*, *слух* — *слушок*, *пух* — *пушок*, *лопух* — *ло-*

пушок, петух — петушок, пастух — пастушок, обух — обушок, грех — грешок, жених — женишок, дух — душок (всего 17 примеров); данное чередование обусловлено позицией перед [о], когда [х] заменяется на [ш]. В современном русском языке заднеязычные согласные г, к, х чередуются с шипящими ж, ч, щ, причем заднеязычные занимают позицию перед гласными заднего ряда (исконными);

7) чередование на морфемном шве корня [б' // б]: *голубь — голубок* (всего 1 пример); объяснение данного чередования смотрите в п. 11;

8) чередование на морфемном шве корня [д' // д]: *гвоздь — гвоздок* (всего 1 пример); формант -ок возвращает исконную твёрдость звуку [д], утраченную им в результате ассимиляции по мягкости со звуком [з];

9) чередование на морфемном шве корня [н' // н] — ш: *гребень — гребешок, ремень — ремешок, камень — камешок, щепень — щепешок, корень — корешок, плетень — плетешок* (всего 6 примеров); согласно фонетическим законам языка, звук [н'] заменяется на [ш];

10) чередование на морфемном шве корня [т' // т]: *ноготь — ноготок, локоть — локоток, коготь — коготок, дёготь — деготок, лапоть — лапоток, пята — пятачок, ломоть — ломоток, чуть — чуток, чуть — чудок, десять — десяток, знать — знаток, зачать — зачаток, начать — начаток, бить — биток, вить — виток, завить — завиток, пережить — пережиток, прожить — прожиток, пожить — пожиток, отжить — отжиток, налить — налиток, добыть — добыток, убыть — убыток, взять — взятки* (всего 24 примера). В этом случае действует правило отвердения, когда парно-мягкие согласные заменяются твёрдыми;

11) чередование на морфемном шве корня [р' // р]: *зверь — зверок* (всего 1 пример). Данное чередование продиктовано фонетическим законом III лабиализации;

12) чередование на морфемном шве корня [ж, жд // д]: *сажать — садок, рассуждать — рассудок, вырождать — выродок, подсаживать — посадок, отсаживать — отсадок, высаживать — высадок, пересаживать — пересадок* (всего 7 примеров); это чередование объясняется фонетическим законом русского языка;

13) чередование в корне «нуль — и»: *рвать — рывок, кувыряться — кувырок, фыркать — фырок* (всего 3 примера); в этом случае мы имеем дело с грамматическим чередованием; чередуются самостоятельные фонемы друг с другом;

14) интерфиксация: *в-ши-(в)-ок, над-ши-(в)-ок, пере — ши — (в) — ок* (всего 3 примера); это регу-

лярное явление в словообразовании различных языков;

15) интерфиксация для соединения двух основ в составе сложного с суффиксом -ок: *перв-(о)-годок, туп-(о)-умок, одн-(о)-леток, одн-(о)-годок, электр-(о)-движок* (всего 5 примеров); данная интерфиксация употребляется исключительно в словообразовании и является регулярным явлением в языке;

16) наращение инфинитивной основы: *вить — вилок* (всего 1 пример); наращение происходит за счет согласной [л];

17) наращение инфинитивной основы: *знать — знаток, бить — биток, пить — питок, убыть — убыток, слить — слиток, придать — придаток, добыть — добыток, устать — устаток, остаться — остаток, налить — налиток, начать — начаток, пережить — пережиток, прожить — прожиток, отжить — отжиток, передать — передаток, не знать — незнаток, зачать — зачаток, начать — начаток, зажить — зажиток, вить — виток* (всего 20 примеров); наращение происходит за счет согласной [т];

18) мена конечных согласных глагольной основы [j-н] в *рисовать с рису[jy]т* — *рисунок*, [j-в] — в *сеять (се[j-y]т)* — *сев-ок* (всего 2 примера);

19) переход ударения с корневой морфемы на гласный [о] суффикса -ок: *угол — уголок, сын — сынок, череп — черепок, серп — серпок, табун — табунчик, брат — браток* (всего 395 примеров). Наиболее продуктивными являются следующие виды чередования: л' / л' (всего 30 примеров); н' / н' (всего 13 примеров); р' / р' (всего 17 примеров). Например: *штабель — штабелёк, стебель — стебелёк, день — денёк, огонь — огонёк, пустырь — пустырёк, штырь — штырёк* и т. д.

Как видим, у большинства рассматриваемых производных в процессе корневой валентности происходят морфонологические явления, связанные с флексийными усечениями, сменой ударения, чередованием на морфемном шве корня.

Таким образом, приведённые примеры и аргументы дают достаточные основания для того, чтобы отнести морфонологические явления к деривационному явлению, к числу словообразующих закономерностей, которые необходимо учитывать при исследовании процесса словотворчества.

Список литературы

1. Панов М. В. О степенях членности слов // Развитие современного русского языка. Словообразование слова. — М. : Наука, 1975. — 238 с.

2. Горпинич В. А. Морфонологические связи суффикса -ск- в русских адъектонимах (сравнительно с украинскими и белорусскими) // Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. — Симферополь, 1973. — С. 33–37.

3. Рождественский Ю. В. Введение в языкознание : учеб. пособие. — М. : Академия, 2005. — 336 с.

4. Словарь современного русского литературного языка. — Т. I–XVII. — М. ; Л., 1948–1964.

5. Словарь русского языка Академии наук СССР. — Т. I–IV. — М., 1957–1961.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1991. — 748 с.

7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. I–II. — М., 1935–1940.

С. Т. Бейсембаева (Караганда, Казахстан)

СЕМАНТИКА УМОЛЧАНИЯ В НЕМЕЦКОМ СИНТАКСИСЕ

The article deals with passing over in silence semantics phenomenon. The phenomenon is a semantic category with the meaning of language reticence and the system of language units of different levels. In the article the german syntactic means — the indefinite — personal and elliptical sentences — as a means of expressing the passing over in silence meaning are considered.

Keywords: *silence semantics phenomenon, expression means, syntactic means, indefinite-personal sentences, elliptical sentences.*

Деятельностная онтологическая картина речевого общения, ставшая объектом исследования прагмалингвистики, является новой вехой на пути постижения такого многогранного феномена, как умолчание.

Умолчание интенсивно употребляется в различных видах немецкого дискурса — в художественной литературе, в сфере публицистики и политики. Высокой частотностью она обладает в повседневной речи. Разнообразие аспектов употребления умолчания указывает на сложность и многоплановость данного явления. Определённое место семантика умолчания занимает в немецком синтаксисе. Для её выражения служат разнообразные синтаксические средства, такие, как например, неопределённо-личные, безличные, эллиптические, псевдопридаточные и тавтологические предложения, пассивные конструкции и вводно-модальные компоненты.

В данной статье рассматриваются неопределённо-личные изэллиптические предложения в немецком языке, выражающие семантику умолчания.

Неопределённо-личные предложения в немецком языке характеризуются неизменным наличием в их структуре неопределённо-личного местоимения *man*. Это местоимение появилось в результате семантического развития имени существительного *Mann* — мужчина, человек. Кроме неопределённо-личных предложений оно употребляется в роли подлежащего в обобщённо-личных и неопределённо-личных побудительных предло-

жениях. Местоимение *man* означает неопределённое количество лиц, одно неопределённое лицо, реже определённое количество лиц или одно определённое лицо, о которых даёт понять контекст.

Семантику умолчания *man* выражает при обозначении одного или множества неопределённых лиц. Неопределённость действующего лица имеет при этом интерпретационный характер, поскольку неопределённо-личные предложения с *man* выражают ситуацию мнимой неопределённости. В. В. Химик пишет по этому поводу следующее: «Характерная черта ситуации мнимой неопределённости — совмещение значений неопределённого лица и определённого» [Химик, 1990: 52]. Передача мнимой неопределённости через неопределённо-личное *man* продуктивно используется для решения некоторых прагматических задач, свойственных семантике умолчания: «Ein wenig Unternehmungsgeist, Schwester Gertrud! **Man** ist nur einmal jung!» (Grass, Die Blechtrommel) Местоимение *man* заменяет здесь конкретное лицо — Гертруд, но говорящий употребляет здесь обобщённый субъект *man*, чтобы его речь не воспринималась Гертруд слишком нравоучительной. В следующем примере также очевиден случай мнимой неопределённости: под *man* имеется в виду Анна, к которой Георг не решается обратиться прямо, чтобы не задеть её чувства: «Was hat dir Therese eigentlich von Doktor Berthold erzählt?», fragte Anna. — „O“, sagte Georg, „**man** interessiert sich ja noch sehr lebhaft, wie es scheint.“ Anna antwortete nicht.» (Schnitzler, Der Weg ins Freie).

Прагматические возможности неопределённо-личных предложений с *man* могут выражаться в монологической речи повествователя, когда, например, говорящему неприятно назвать прямо лицо, которое являясь для говорящего близким человеком, проявило себя по отношению к нему негативным образом: «Allmählich drängte **man** mich von diesen Besuchen im unteren Stockwerk ab, ich hatte oben zu bleiben, **man** hatte auch seine Nerven.» (Fleißer, *Das kleine Leben*). Под *man* подразумевается дочь персонажа: она не желает, чтобы мать вмешивалась в её жизнь, беседовала с её друзьями. Дочь поселила старую мать на верхнем этаже, чтобы она не спускалась лишний раз вниз и не имела возможности общаться с её друзьями.

Неопределённо-личные предложения с *man* продуктивны, когда это местоимение используется для замены отрицательного денотата. В немецкой литературе, в устах персонажей, пострадавших от фашизма, оно часто эвфемистически заменяет такое обозначение, как «Nazisten»: «**Man** hatte die beiden alten Leutchen eingedeutscht. Sie waren keine Polen mehr und träumten nur noch auf kaschubisch.» (Grass, *Die Blechtrommel*) или: «Der Jude füllte die Gläser. „**Man** hat meine Person einmal so überaus wichtig genommen, daß **man** mich von einer Hölle in die andere schlepte“. Er streckte seine linke Hand aus. Sie war verkrüppelt.» (Dürrenmatt, *Der Verdacht*). В воспоминаниях бывших солдат немецкой армии *man* заменяет соответственно представителей со стороны противников. Так, один из бывших немецких солдат, взятых в плен советскими войсками и отправленный в лагерь для военнопленных, вспоминает: «Wir mussten uns auf einem kalten zugigen Gang umziehen, und da galt das Gesetz des Stärkeren. **Man** holte einen Haufen Kleider heraus, entlaust, gereinigt, die von unseren Kameraden stammten.» (Weihnachtsgeschichten aus der schweren Zeit).

Man умело используется как средство передачи семантики умолчания журналистами, когда необходимо скрыть имена известных, популярных лиц, уличая их в каких-либо неодобряемых обществом действиях. Например, одна из статей в рубрике «Society Mode» немецкого журнала «Bunte» называется «**Man** sieht sich. **Man** kennt sich. **Man** küsst sich.» [Bunte, 9. 2004]. Название статьи создаёт ситуацию мнимой неопределённости: далее мы узнаём, что в статье говорится о том, как модель Анна Николь Смит прилюдно страстно поцеловала в губы во время показа мод женщину-модельера Бетси Джонсон. Данное название негласно напоминает читателям журнала случай, когда певица и актриса

Мадонна, довольно откровенно поцеловала на вручении одной из американских премий свою коллегу Бритни Спирс. Этот факт американской действительности со свободными нравами долгое время был предметом обсуждения и осуждения в прессе всего мира.

К перифрастическому *man* прибегают иногда, чтобы выйти из положения, когда не знают, как обратиться к кому-либо — на «вы» или на «ты»: «**Man** ist ja ein junger Kavalier geworden.» (Helm, *Der Enkel der Schellenbergs*).

Именно об умолчании при использовании неопределённо-личных предложений с местоимением *man* говорится в произведении Ш. Цвайга «Fauche»: «Statt zu sagen „Ich meine“... schreibt er in seine Rapporte „**Man** erzählt sich“» и Р. Мусиля «Mann»: «**Man** dachte damals daran — aber *dieses „man“ ist mit Willen eine ungenaue Angabe; man könnte nicht sagen, wer und wieviele so dachten.*» Такое использование *man* можно объяснить стремлением повествующего отстраниться от называемых им действий и снизить свою долю ответственности. Это характерно и для устойчивой неопределённо-личной фразы «(so) sagt man»: «Oskar hätte... gleichzeitig den Aufpasser gemacht, während Herbert, wie **man so sagt**, schnell bei der Hand gewesen wäre.» (Grass, *Die Blechtrommel*); «Also vielleicht ein Sportclub. Sport verbindet, **sagt man**.» (Thoma, *Das Salz*).

Другим синтаксическим средством, передающим семантику умолчания, являются эллиптические предложения. Редукции в них подвергаются чаще всего лексемы с отрицательным денотатом и коннотатом, и эллипсисы в таком случае выступают в функции эвфемизмов. Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать предмет сообщения, оставив всё-таки любому носителю языка возможность догадаться, о чём идет речь, и на основе этого является одним из средств выражения семантики умолчания.

Рассмотрим пример лексического эллипсиса, реализующего семантику умолчания: «Erstaunt ließ Oskar es sich gefallen, daß jener ihm bisher gleichgültige Mensch... mehr zu sich als zu Maria sagte: „Das geht doch nicht. **Man kann doch den eigenen Sohn nich. Selbst wenn er zehnmal** und alle Ärzte *dasselbe* sagen. Die schreiben das einfach so hin.“» (Grass, *Die Blechtrommel*). «Сокращение господствующего элемента словосочетания», как называет эллипсис П. А. Лекант [Лекант, 2002: 252], является важным средством выражения семантики умолчания. Семантическая редукция в эллиптических конструкциях «**Man kann doch den eige-**

nen Sohn nich» и «Selbst wenn er zehnmal», в которых отсутствует часть сказуемого, в данном случае — инфинитив, может быть восполнена не одним словом, а целой семантической группой: *man kann doch den eigenen Sohn nich* (подразумеваются: *preisgeben, beleidigen, verraten, vernichten*), *selbst wenn er zehnmal* (подразумеваются: *verrückt ist, krank ist, dumm ist*). Эллипсисы выполняют здесь эвфемистическую функцию. Лексическое средство *dasselbe* также вуалирует неприятный факт — печальный диагноз врачей, умственную и физическую отсталость персонажа Оскара.

Ещё один пример лексического эллипсиса, реализующего эвфемистический потенциал, позволяя восстанавливать редуцированные фрагменты с отрицательными коннотациями. См.: «„Wer ist Schmitz?“ — „Der Haaröl-Gangster!“, sage ich, „so ein Millionär, wissen Sie...“ — „Und **den haben Sie mit einem Dolch?**“ — „**Klar.**“» (Frisch, Stiller). В первом случае, в вопросе умолчанию подвергнута лексема из семантической группы «töten» (*umbringen, totmachen, vernichten*), а ответ эллиптически имплицитно неназывает ситуацию.

Для немецкой разговорной речи характерны эллиптические предложения, заканчивающиеся на вуалирующие **und so, oder so, und und und**. Такой конец высказывания используется, когда говорящий просто не утруждает себя говорить предложение до конца. В случае, когда высказывание не договаривается до конца намеренно, и *und so, oder so, und überhaupt, und und und* употреблены в эвфемистических целях, они выражают семантику умолчания. Например, когда говорящий не желает говорить о самом себе отрицательно: «Betrübt erzählt ein Mädchen ihrer Freundin: Jetzt werden sie bestimmt sagen, *ich bin unbescheiden und so.*» (Grass, Die Blechtrommel), или скрывает что-то: «Ich klaue an ganz anderen Stellen: natürlich klaue ich *manchmal, Kohlen und so.*» (Böll, Geschäft ist Geschäft). В данном примере приведено тройное средство семанти-

ки умолчания: места краж обозначены сочетанием неопределённого местоимения *ganz* с диффузным прилагательным *anderen* и существительным с размытой семантикой *Stellen*, время краж «затушёвано» посредством неопределённого *manchmal*, а заканчивается предложение оборотом *und so*, имплицитно подразумевающим предметы краж.

Сочетание *oder so* используется, например, когда подчёркивается незначительность чего-либо: «Ich dachte, vielleicht kann ich bei Ihnen eine Arbeit kriegen, im Garten **oder so.**» (Widmer, Der blaue Siphon).

Используя в конце речи *und und und*, говорящий может подвергнуть умолчанию действия негативного характера: «Dabei war der wirklich insgesamt kraß, er hat mich nur vollgebagert, man müsse die Regierung stürzen **und und und.**» (Rellin, Ich habe einen Liebhaber).

Категория умолчания объединяет в себе богатый опыт человеческого общения, средств речевого воздействия. Возникновение умолчания и его значений обусловлены многочисленными интенциями говорящего: смягчить выражение, сделать речь более вежливой, сказать так, чтобы предвосхитить возможные возражения, приукрасить, ввести в заблуждение, обмануть, заинтересовать, сделать речь убедительной, создать адресату условия для сотворчества, доставить эстетическое наслаждение, передать атмосферу загадочной неопределённости или поразить блеском языковой игры. Наряду с другими синтаксическими средствами немецкого языка, неопределённо-личные и эллиптические предложения способны выражать семантику умолчания, передавая данные интенции.

Список литературы

1. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. — Л. : ЛГУ, 1990. — 184 с.
2. Лекант П. А. О коннотативных смыслах высказывания // Очерки по грамматике русского языка. — М. : Дрофа, 2002. — 312 с.

О. А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ В БЕЗЛИЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

One of traditionally stated properties of impersonal sentences in different languages is absence of a meaningful subject at the sentence structure level, while the absence of a semantic subject in such sentences is not such a clear issue yet. Since the so called impersonal sentences constitute a heterogeneous class of predicative structures at the semantics level, the issue of the subject at all levels can not but take into account the various semantics of such structures. In the present article there are attempts being made to single out prototypic properties forming the category of impersonality, which are inherently linked with determining subject semantics.

Keywords: agent, subject, impersonality category, prototypic features.

Одним из признаков безличного предложения традиционно называют отсутствие подлежащего, тогда как отсутствие субъекта в этих предложениях признают далеко не все лингвисты: «...безличность по своему существу — ...это всегда бесподлежащность, хотя и далеко не всегда бессубъектность в смысле отсутствия семантического субъекта» [Бондарко, 1991: 24; также см. Супрун, 2008: 82].

Большинство концепций, рассматривающих безличные предложения, так или иначе связаны с «поиском» субъекта безличного предложения. Однако даже такой, казалось бы, бесспорный признак безличной структуры, как отсутствие подлежащего, подвергается сомнению. Например, В. М. Павлов полагает что этот критерий порождает ряд трудностей. Предложение *Вам нравится?*, сопровождаемое жестом, указывающим на определенный материальный объект, лингвист предлагает считать вполне двусоставным, с эллиптированным подлежащим. В то время как предложение *Вам здесь нравится?* обладает всеми признаками собственно безличного предложения, обладающее всем комплексом грамматических признаков такого предложения. Вместе с тем отсутствие подлежащего и во втором случае не значит, что «... в передаваемом мыслительном содержании нет компонента, который соответствует реальному объекту оценки, сопряженной с определенным эмоциональным состоянием оценивающего субъекта, на который указывает беспредложный дательный падеж» [Павлов, 1992: 72].

В любом случае, лингвисты сходятся во мнении, что «источник» действия (причина, деятель) виртуально существует и осознается языковой личностью, но либо неизвестен и не может быть определен [Пешковский, 2001: 317, 320], либо не назван [Галкина-Федорук, 1950: 310–311], в этом случае он представлен как некая таинственная, стихийная и даже мифическая сила, не имеющая определенного имени [Галкина-Федорук, 1950: 310–312].

Вопросы также возникают при обращении к материалу некоторых европейских языков (английский, немецкий, французский), где безличное предложение на уровне структурного оформления всегда имеет двучленную структуру. По поводу инициального прономинального элемента данных структур нет единого мнения, в подавляющем большинстве концепций он рассматривается как формальное подлежащее, десемантизированное, обладающее исключительно синтаксическим, строевым значением — своеобразное маркирование безличности предложения [Плоткин, 1975; Пупынин, 1992; Чейф, 2009]. Собственную значимость в семантическом плане за инициальным элементом признавали немногие. Так, Д. Болинджер полагал, что семантика прономинального безлично-субъектного элемента — максимально широка, приписывая ему значение «амбиентность» [Bolinger, 1973: 261–270]. Также интересна позиция Г. Т. Поленовой, которая связывает семантику и форму этого местоименного элемента этимологически с древними лексемами, отражающими мифические представления о некой божественной силе [Поленова, 2006: 160–161].

Что касается субъектного содержания, то оно в большинстве случаев трактуется как «среда проявления признака» [Пупынин, 1992: 49], «бытие» или «неопределенно представляемая целокупность бытия или его неопределенной части», «окружающая, или конкретная действительность», «всеобъемлющая мысль о действительности», «неопределенная всеобщность мира восприятий» и т. п. [Кацнельсон, 2010: 36–37], «здесь и сейчас» [Золотова, 1982: 112–113] и т. д. Сама форма глагола — 3-е лицо ед. ч. и каузативный характер категориальной глагольной семантики вызывают мысль о том, что глагол с чем-то должен согласовываться. Сторонники концепции предикативного центра безличного глагольного предложения не допускают мысли о том, что признак может быть абсолютным, т. е. не иметь своего носителя, ибо в этом случае он перестает

быть признаком [об этом см. подробно: Павлов, 1992: 79]. Более того, только допустив абсолютный характер безличного предиката, можно говорить о его подлинной безличности, или «аперсональности» [термин В. М. Павлова]. В связи с этим, носителем предикативного признака в безличных предложениях становится внешняя среда: «...устранение подлежащего из структурной схемы безличного предложения и, следовательно, обозначаемого подлежащим явления не равносильно тем самым устранению сказуемого-предикатной функции, которая имеет здесь проекцию на “нечто” во внешней среде» [Павлов, 1992: 79].

В данных концепциях «среда проявления признака» может быть уточнена с помощью локализатора¹ или с помощью указания на лицо, испытывающее состояние: *Холодно — В доме холодно — Ему холодно*, но в любом случае, «среда проявления признака» рассматривается «...как нечто имманентное представленному в безличной конструкции процессу или состоянию и существенное для него, поскольку не имеющий субстанционального носителя признак должен как-то (= в чем-то) проявляться» [Пупынин, 1992: 50]. И далее: «Именно среду следует считать носителем признака, обозначенного безличным предикатом. Иначе говоря, среда проявления признака выступает как доминанта (основа) субъектной семантики в содержании безличных конструкций» [Пупынин, 1992: 50]. В этом выявляется коренное противопоставление предложений личных и предложений безличных — субъект первых субстанционален, субъектная семантика вторых — не субстанция, но среда. Среда и субстанция резко противопоставляются друг другу по признакам: дискретности (субстанция) — недискретности (среда); субстанция непосредственно перцептивна — среда косвенно перцептивна (благодаря процессу или состоянию, происходящим в ней); субстанция отграничена от среды — среда может включать субстанцию. Среда характеризуется рассеянностью в пространстве, недискретностью (нерасчлененностью), косвенной перцептивностью, проницаемостью (диффузностью, способностью интегрировать субстанции), относительной стабильностью (инертностью), несущественностью источника признака. Таким образом, сре-

да рассматривается как периферия предметности (в широком смысле) [Пупынин, 1992: 50–51]. Можно сказать, что несколько иную точку зрения на проблематику понимания субъекта безличных предложений как среды проявления признака выдвинул В. М. Павлов. В его трактовке участки среды, в которых проявляются процессы и происходят явления, отражаемые в семантике безличных предложений, — это исключительно локализаторы, но не носители предикативного признака, потому что «...такие процессы как правило, не “порождаются” этими компонентами среды, не являются продуктами какой-либо их “самодетельной” активности», а также «...компонент среды, к которому относится отображаемое безличным предложением явление, не выступает в своем отношении к нему и как носитель предикативного признака» [Павлов, 1992: 85]. И далее: «Явление оказывается выделенным из окружающей среды и, не утрачивая свойства быть в мысли, пропозиционально предикатом того, что представляется как среда в целом или некоторая ее часть, оно “берется” сознанием так, что для этого “предиката” не нужно искать дискретизируемого вовне по отношению к нему “субъекта”» [Павлов, 1992: 86]. Аналогичную идею высказывала Т. Б. Алисова в отношении семантики предикативного ядра безличных предложений, определяя главный член рассматриваемых структур как «диффузный субъекто-предикат» [Алисова, 1969: 29–33]. Полную бессубъектность безличных предложений признавали В. Г. Гак и С. Д. Кацнельсон, причем бессубъектными в концепциях лингвистов являются и двусоставные эквиваленты безличных предложений (ср. : *Дождит — Дождь идет*) в силу полной семантической опустошенности глагола во втором случае [Гак, 1969: 83; Кацнельсон, 1972: 59–60]. Этой же концепции придерживается А. В. Супрун, исследовавший безличные предложения на материале романских языков (см. [Супрун, 2008: 82–83]).

Таким образом, концепция субъекто-предикатной недискретности как основного признака безличных предложений представляется, на наш взгляд, наиболее убедительной при описании специфики концептуального логического ядра безличных предложений. В действительности очень сложно свести подлинную семантику безличных предложений к структурам типа «среда проявления признака гремит» или «целокупность бытия или его неопределенной части морозит».

Итак, безличные предложения односоставны, единственный элемент — предикативный центр — безличного предложения — это не под-

¹ Г. А. Золотова носителем предикативного признака в предложениях типа *Светает; Морозно* считает также среду («здесь и сейчас»), эксплицируемую в локативных формах, отсутствие таких локализаторов в предложении происходит, по мнению ученой, исключительно по причине избыточности по модели эллипсиса [Золотова, 1982: 112–113].

лежащее (субъект) и не сказуемое (предикат), что очень тонко подметил еще А. А. Шахматов, назвав этот элемент «главным членом предложения». Однако вопрос о статусе этой единицы до сих пор нельзя считать решенным. В этой связи особую значимость получают концепции, так или иначе указывающие на «нерасчлененность» когнитивного субстрата безличности (событие), коррелирующее в семантическом плане с недискретностью субъекта и предиката. Однако здесь возникают также две точки зрения. Первая (А. А. Шахматов, А. В. Бондарко, В. М. Павлов, И. Ю. Свинцова и др.) видит в предикате безличного предложения средоточие его семантики. Отталкиваясь от посылки об инвариантном характере двусоставной структуры предложения, поскольку именно в ней эксплицирована субъектно-предикатная структура, в рамках данных концепций безличные глагольные структуры считаются соотносимыми с двусоставными, т. е. также являются субъектно-предикатными, в которых, однако, субъект не эксплицирован отдельной лексемой, но имплицирован в предикат. Содержание предложений типа *Светает; Морозит; Полюхает; Моросит* рассматривается как содержание явления, «...о котором можно сказать, что оно само себе и субъект, и признак этого субъекта» [Павлов, 1992: 86]. Вторая точка зрения на фокус, ядро семантики безличного предложения принадлежит С. Д. Кацнельсону [Кацнельсон, 2010: 39], который вслед за В. Бранденштайном, видит своеобразие имперсональной семантики в том, что в подобных предложениях субъект содержится в грамматическом предикате, в то время как предикат на глубинном уровне отсутствует. Предложения типа *Дождит* ученый возводит к семантическому варианту *Дождь есть*. Базовой концепцией, послужившей основой для данного вывода, является тезис о том, что древние языки не дифференцировали имя и глагол, точнее о том, что глагол генетически связан с именем, произведен от него. В данной теории, хоть прямо и не указывается на примат субъекта над предикатом, эта идея довольно ясно имплицитруется. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что безличные (и шире — односоставные) предложения зафиксировали в языковой форме довольно архаичную систему, в которой языковое сознание не дифференцировало именные и глагольные характеристики в четко зафиксированных морфологических формах, что отражало определенные закономерности отражения фрагмента действительности человеческим сознанием языковой личности. В современных

языках говорящему предоставляется выбор различных структурных вариантов сентенциональной структуры — именного или глагольного односоставного предложения, а также двусоставного — для описания одной и той же денотативной ситуации (ср. *Дождь; Идет дождь; Дождит*), что зависит исключительно от интенций говорящего в отношении объективации категории предикативности, для выражения которой в современных языках наличествуют морфологически и синтаксически сформировавшиеся и определенные формообразующие категории.

Список литературы

1. Bolinger D. L. Ambient “it” is meaningful too // J. of Linguistics.— 1973.— Vol. 9, № 2 CUP.— P. 261–270.
2. Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения.— М., 1969.— С. 27–36.
3. Бондарко А. В. Носитель предикативного признака (на материале русского языка) // Вопр. языкознания.— 1991.— № 5.— С. 27–41.
4. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения.— М., 1969.— С. 77–85.
5. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.— С. 302–320.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.— М.: Наука, 1982.— 368 с.
7. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.— 216 с.
8. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования.— СПб., 2010.— 422 с.
9. Павлов В. М. Субъект в безличных предложениях // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / под ред. А. В. Бондарко.— СПб.: Наука, 1992.— С. 71–100.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— 8-е изд.— М., 2001.— 451 с.
11. Плоткин В. Я. Перестройка личных местоимений в истории английского языка // Исследования по германской филологии.— Кишинев: Штиинца, 1975.— С. 3–20.
12. Поленова Г. Т. Диахроническая типология глагола ‘sein’ в составе немецких аналитических

конструкций // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя (к 100-летию со дня рождения В. Н. Ярцевой). — М., 2006. — С. 156–164.

13. Пупынин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопр. языкознания. — 1992. — № 1. — С. 48–64.

14. Супрун А. В. Грамматика и семантика

простого предложения: на материале испанского языка. — М. : URSS, 2008. — 264 с.

15. Чейф У. Л. Значение и структура языка / пер. с англ. С. Д. Кацнельсона. — М. : URSS, 2009. — 428 с.

16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — М. : УРСС, 2001. — 620 с.

Т. Ю. Быкова (Челябинск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ВОЙНА» В СОВЕТСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

This article deals with the review of the pre-war period of the Soviet Union through the conceptual metaphorical model. This work describes metaphors with the source domain "War". The manipulative influence metaphors produce on people is shown.

Keywords: *cognitive linguistics, conceptual metaphor, metaphorical model, discourse, Soviet media, language of the Soviet reality.*

Дж. Сантаяна однажды сказал: «Для солдат получать удовольствие от войны — достоинство, для офицера — недостаток, для государственного деятеля — преступление» [Дж. Сантаяна, цит. по Давтян, 2010: 157].

Если мы заглянем в историю не только нашей страны, но и всего мира, трудно будет обнаружить продолжительные периоды отсутствия военных действий. Невозможно представить культуру, в которой явления разного порядка не трактуются в терминах войны. Именно это обуславливает высокую частотность метафорической модели СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ЭТО ВОЙНА в рамках нашего исследования. Вопросу военной метафоры уделялось немалое внимание. Детальное изучение метафоры «Argument — is war» — «Спор — это война» провели Д. Лакофф и М. Джонсон, доказав, что метафоры максимально структурируют наше восприятие, наше мышление и наши действия. В дальнейшем военная метафорика привлекала внимание многих ученых [Баранов, Караулов, 1991; 1994; Будаев, 2006; 2011; Веснина, 2011; Чудинов, 2001; 2003; Koller, 2002; 2004; Wei, 2001; и др.].

Стало общим утверждение, что «военные» метафоры — наиболее яркая черта политических текстов едва ли не всего советского периода, причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные моменты (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов и др.). Так, А. Н. Баранов, исследуя политический дискурс 1990-х гг., выделил главенствующую роль военных метафор: «В сферу метафоры войны попадает почти

всё: разнонаправленные общественные силы современности, “субъекты”, политические субъекты, ценности и идеалы общественного сознания, объекты и цели перестройки, способы и средства действия общественных сил» [Баранов, электронный ресурс].

Следует отметить тот факт, что рассматриваемый довоенный период (1930–1938 гг.) связан с неумолимой классовой борьбой пролетариата с меньшевиками, хотя события разворачиваются далеко не на поле боя. Передовые статьи и газетные фельетоны — пожалуй, единственные свидетели того времени. Концептуальные метафоры, отобранные посредством сплошной выборки, позволяют нам заглянуть в сознание советского гражданина и проанализировать его позицию в обществе, отношение к проблеме в целом.

Наша задача — рассмотреть особенности использования военной метафоры в советском и американском политическом дискурсе, репрезентирующей образ Советского Союза. Она является одной из наиболее высокочастотных и продуктивных метафорических моделей.

В советском и американском политическом дискурсе мы выделяем следующую фреймово-слотовую структуру военной метафорической модели.

1. Фрейм «Война и её разновидности»

В основе данного фрейма лежит ряд концептуальных метафор, содержащих номинации *война, сражение, побоище, битва, атака, бой, схватка*. Для американского видения ситуации в советском Союзе также характерны метафоры, входя-

щие в состав данного фрейма: *war* (война), *crusade* (крестовый поход), *consolidation wars* (война за объединение), *joust* (рыцарский поединок), *battle* (битва), *air war* (воздушная война), *ground war* (наземная война), *trench war* (окопная война), *propaganda war* (агитационная война), *power battle* (битва за власть), *fight* (бой).

2. Фрейм «Организация военной службы»

Слот 2.1. «Участники военных действий». Как и на войне, политическая ситуация строится на определенных иерархических отношениях ее участников: *солдат*, *партизан*, *генерал*, *главнокомандующий*, *офицер*, *боец*, *застрельщик*, *сапер*, *враг*. При анализе американского политического дискурса нами также были выделены метафоры, представляющие участников военных действий: *general* (генерал), *soldier* (солдат), *commander-in-chief* (главнокомандующий), *officer* (офицер), *warrior* (воин).

Слот 2.2. «Военные подразделения». Здесь мы сможем встретить как привычные номинации военных подразделений: *армия*, *батальон*, *дивизия*, *полк*, так и достаточно устаревшие: *орда*, *легион*, *полчище*. Американский политический дискурс не лишен в этом плане метафорических единиц, номинирующих военную структуру: *army* (армия), *battalion* (батальон), *troops* (войска).

3. Фрейм «Военные действия и военный инвентарь»

Слот 3.1. «Военные действия». Метафоры, представленные в данном слоте, используются для репрезентации различных политических действий внутри страны. Если мы будем говорить о советском политическом дискурсе, то здесь будет уместным замечание о том, что весь военный потенциал направлен на так называемое наведение порядка в большевистских организациях сверху до низу. Достижение поставленных целей осуществляется не без участия метафорических единиц, фигурирующих в СМИ: *бросаться в бой*, *отдавать приказ*, *вступать в бой*, *уйти на фронт*, *атаковать*, *нападать*, *оккупировать*, *ополчиться*, *сопротивление*, *отступать*, *оборона*, *вести огонь*, *обстреливать*, *маневр*, *наносить удары*. Для американского политического дискурса также характерно употребление метафор, принадлежащих анализируемому слоту: *to attack* (атаковать), *to defend* (защищать), *conquest* (завоевание), *to capture* (захватывать), *target* (цель), *to target* (целиться), *to fire* (стрелять), *explosion* (взрыв), *to fortify* (укреплять), *to protect* (защищать), *to sweep* (зачищать), *to crush* (сокрушать), *to destroy* (уничтожать), *to shoot* (стрелять), *to hold the line* (удерживать линию обороны).

Слот 3.2. «Виды вооружений». Этот слот показывает, насколько вооружены все стороны политических конфликтов, каким оружием они пользуются для разрешения спорной ситуации. Для советского политического дискурса характерно наличие как традиционных видов оружия, так и более устаревших: *пулемет*, *автомат*, *снаряды*, *штык*, *меч*, *пушка*, *бомба*, *патрон*, *копье*, *меч*, *пистолет*, *наган*, *кувалда*, *сабля*, *хлыст*, *острый наконечник*. В американском политическом дискурсе мы отслеживаем употребление распространенных видов оружия: *knife* (нож), *weapon* (оружие), *gun* (пистолет), *bomb* (бомба), *sword* (меч), *firearms* (огнестрельное оружие), *arsenal* (арсенал), *bullet* (пуля).

Слот 3.3. «Военные сооружения и диспозиция». Как и все военные действия, политические конфликты происходят на определенной территории и требуют подготовки специальных укреплений: *окопы*, *штаб*, *позиция*, *фронт*, *полигон*, *лагерь*, *поле битвы*, *форпост*, *окоп*, *дымовая завеса*. В американском политическом дискурсе в качестве метафорических сооружений и диспозиции используются: *fortress* (крепость), *front* (фронт), *bastion* (бастион), *position* (позиция), *war camp* (военный лагерь).

4. Фрейм «Начало войны и её итоги»

Ситуация в Советском Союзе довоенного периода представлена как действие, имеющее своё начало, кульминацию и итоги: *развязать войну*, *вступить в военные действия*, *на пороге войны*, *захватить*, *объявить войну*, *одержать победу*, *поражение*, *капитуляция*, *проигравшие*. В американском политическом дискурсе встречается меньшее число метафорических единиц данного фрейма: *truce* (перемирие), *victory* (победа), *to win* (победить), *casualties* (потери), *defeat* (поражение).

Все вышеупомянутое позволяет нам сделать вывод о том, что милитарные метафоры являются значимым компонентом российско-американского политического дискурса. Советский Союз рассматривается как реальное поле боя. Все участники наделены чертами воинов, обладают метафорическим оружием и способны противостоять друг другу на невидимом фронте войны.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора : материалы к слов. — М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. — 193 с.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Политика как диалог [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ruthenia.ru/marginalia/mix_body.html, свободный.

3. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук.— Екатеринбург, 2006.— 232 с.
4. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дис. ... канд. филол. наук.— Екатеринбург, 2010.— 250 с.
5. Давтян А. О. Книга мудрости.— М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.— 304 с.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография.— Екатеринбург, 2001.— 238 с.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография.— Екатеринбург, 2003.— 248 с.
8. Jansen C., Sabo S. The Sport / War Metaphor: Hegemonic Masculinity, the Persian Gulf War, and the New World Order // *Sociology of Sport J.*— 1994.— Vol. 11.— P. 1–17.
9. Koller V. «A Shotgun Wedding»: Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol.*— 2002.— Vol. 17, № 3.— P. 179–203.
10. Koller V. Businesswomen and war metaphors: ‘Possessive, jealous and pugnacious’? // *J. of Sociolinguistics.*— 2004.— Vol. 8, № 1.— P. 3–22.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by.*— Chicago : University of Chicago Press, 1980.— 237 p.
12. Wei J. M. Y. *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse.*— Lanham : Lexington Books, 2001.— 144 p.

Н. В. Ваталева (Владивосток, Россия)

УСТАНОВЛЕНИЕ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА СТАТИСТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

In terms of statistical analysis of Chinese speech act verbs distribution we made an attempt to show up the links between lexical units inside the examined semantic field. An investigation is made on the basis of the questionnaires, which were drawn up by us in Chinese language and were filled up by ninety informants. Upon closer investigation we counted the correlation coefficients of each pair of speech act verbs, identified the links character between lexemes and made a qualitative assay of findings.

Keywords: *lexico-semantic field, speech verbs, statistical method, correlation coefficient, hyperonym, hyponym.*

В данном эмпирическом исследовании принята попытка установить связи между глаголами речевой деятельности (далее РД) с помощью анализа их употребления и взаимозаменяемости в одних и тех же контекстах. Мы предположили, что связь значений двух глаголов одного лексико-семантического поля может быть установлена путём анализа их взаимозаменяемости в одном и том же контексте, т. е. если два глагола могут употребляться в одном контексте, они, бесспорно, находятся в определённых корреляционных отношениях. В основу практического исследования была положена методика, испытанная В. А. Московичем, который, в свою очередь, устанавливал взаимосвязи между прилагательными цвета, анализируя их сочетаемость с одними и теми же существительными [Москович, 1969: 51–58].

Наше исследование проводилось на базе Дальневосточного федерального университета

(г. Владивосток) и научно-производственной компании ЗАО «Кронос» (г. Омск) с ноября 2010 г. по февраль 2011 г. В исследовании приняли участие 90 носителей языка из 17 провинций КНР в возрасте от 16 до 61 года с разной гендерной принадлежностью: соотношение лиц женского и мужского пола составило 58:32. Социальная дифференциация респондентов обусловлена не только территориальными, возрастными и половыми различиями, но и уровнем образованности, профессией. Таким образом, в состав экспериментальной группы вошли школьники, студенты, преподаватели, инженеры. Им предлагалось заполнить анкету, за основу которой было взято упражнение из учебника И. Б. Голуб на использование в речи лексических единиц синонимического ряда глаголов речевой деятельности [Голуб, 2001: 13]. Данное упражнение было переведено на китайский язык в соответствии с присущими разговорному стилю

китайского языка особенностями. Респондентам необходимо было заменить глагол 说 *shuō говорить* подходящими по смыслу глаголами речевой деятельности.

На начальном этапе работы с собранным материалом мы подсчитали общее количество использованных носителями языка глаголов говорения, что составило 170 лексических единиц. Частота употребления той или иной лексемы варьируется от 1 до 972 раз. Наиболее частотный характер носит употребление в речи таких глаголов, как: 讲 *jǎng рассказывать* (972 раз), 问 *wèn спрашивать* (534 раз), 回答 *huídá отвечать* (415 раз), 说 *shuō говорить* (369 раз), 答复 *dáfu отвечать* (211 раз), 讨论 *tǎolùn обсуждать* (147 раз), 喊道 *hǎndào кричать* (127 раз).

Стоит отметить, что при замене 说 *shuō говорить* на синонимичные глаголы респонденты оформляли последние видовыми суффиксами 了 *le*, 着 *zhe*, 过 *guò*, дополнительными результативными элементами, использовали удвоенную форму глаголов.

了 *le*, 着 *zhe*, 过 *guò* являются показателями видовременных категорий и поэтому не влияют на значение оформленных ими лексических единиц [Яхонтов, 1957: 78]. При подсчёте общего количества использованных носителями языка лексем глаголы, оформленные данными показателями, были засчитаны в своей нулевой форме без соответствующих формообразовательных элементов [Солнцев, 1970: 11–19].

Удвоение форм глаголов мы также не отнесли при подсчёте к отдельным глаголам, вместо того мы зачили их нередуцированные соответствия. Удвоенная форма глагола — это особая категория, значение которой состоит в передаче непродолжительного, кратковременного характера действия [Яхонтов, 1957: 101–107].

Дополнительные результативные морфемы путём добавления к глаголам образуют результативные глаголы. Второй компонент полученной результативной конструкции «задаёт некоторую интерпретацию ситуации, обозначаемой оформляемым глаголом, добавляет «вещественный» оттенок значения» [Антонян, 2003: 210]. В связи с этим при подсчёте общего количества лексем мы учли все результативные глаголы в качестве отдельных лексических единиц со своими индивидуальными значениями.

На втором этапе нашей работы с анкетными данными был применён статистический метод. Мы вычислили вероятность встречаемости каждого глагола РД. Для этого разделили число встречаемости каждого глагола на общее число

встречаемости всех глаголов. Число встречаемости всех глаголов составляет 3 870 — это количество, полученное путём перемножения встречаемости каждого контекста в нашем исследовании на все позиции для постановки глаголов РД, иначе говоря, контексты. Встречаемость каждого контекста равна количеству респондентов, участвующих в данном исследовании, то есть 90, а позиций для постановки глаголов, контекстов, в нашей анкете 43. Под контекстом понимается совокупность лексических единиц, в окружении которых используется глагол речевой деятельности. Проиллюстрируем расчёт вероятности встречаемости некоторых глаголов во всех анкетах следующими примерами:

答复 <i>dáfu</i> <i>отвечать</i>	$211 / 3\,870 = 0,05452;$
讲 <i>jǎng</i> <i>рассказывать</i>	$972 / 3\,870 = 0,25116;$
问道 <i>wèndào</i> <i>спрашивать</i>	$32 / 3\,870 = 0,00827.$

Далее мы рассчитали априорную вероятность совместной встречаемости каждого глагола речевой деятельности в каждом заданном контексте. Для этого перемножили встречаемость контекста (90) и вероятность встречаемости каждого глагола РД. Продемонстрируем эти вычисления посредством нижеследующих примеров:

答复 <i>dáfu</i> <i>отвечать</i>	$90 \times 0,054\,52 = 4,906\,8;$
讲 <i>jǎng</i> <i>рассказывать</i>	$90 \times 0,251\,16 = 22,604\,4;$
问道 <i>wèndào</i> <i>спрашивать</i>	$90 \times 0,008\,27 = 0,744\,3.$

Реальная же встречаемость рассматриваемых выше лексических единиц в каждом контексте представлена в табл. 1.

Далее нам предстояло найти абсолютные отклонения по формуле $A - a$, где A — реальная встречаемость глаголов РД в одном и том же контексте, a — априорная вероятность встречаемости исследуемых глаголов в каждом контексте. Рассмотрим примеры (табл. 2).

На третьем этапе нам предстояло рассчитать коэффициент корреляции каждой пары глаголов РД. Для этого мы воспользовались формулой расчёта коэффициента корреляции Пирсона:

$$r_{xy} = \frac{\sum (d_x \cdot d_y)}{\sqrt{(\sum d_x^2 \cdot d_y^2)}},$$

Таблица 1

Реальная встречаемость глаголов РД в каждом контексте

Контексты Глаголы РД	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
答复		12	1	10	5	8	13	1	4	12	1	1	2	12	2
讲	1	2	1	33	1	40	2	24	21	8	23	25	30	6	29
问道	7		6		2		1			1					
Контексты Глаголы РД	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
答复	10	3	2	16	2	5	9	1	7	4	10		1	11	
讲	4	44	23	7	38	36	3	39	6	37	7	39	39	7	54
问道	4								2						
Контексты Глаголы РД	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43		
答复	2		2	1	13	1	3	2	7		2	6	7		
讲	33	1	48	48	3	33	3	31	7	40	31	21	43		
问道		2					6		1						

Таблица 2

Абсолютное отклонение реальной встречаемости глаголов РД
от априорной вероятности встречаемости

Контексты Глаголы РД	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
答复	-4,9	7,09	-3,9	5,09	0,09	3,09	8,09	-3,9	-0,9	7,09	-3,9	-3,9	-2,9	7,09	-2,9
讲	-21	-20	-21	10,3	-21	17,3	-20	1,39	-1,6	-14	0,39	2,39	7,39	-16	6,39
问道	6,25	-0,7	5,25	-0,7	1,25	-0,7	0,25	-0,7	-0,7	0,25	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7
Контексты Глаголы РД	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
答复	5,09	-1,9	-2,9	11,	-2,9	0,09	4,09	-3,9	2,09	-0,9	5,09	-4,9	-3,9	6,09	-4,9
讲	-18	21,3	0,39	-15	15,3	13,3	-19	16,3	-16	14,3	-15	16,3	16,3	-15	31,3
问道	3,25	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	1,25	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7
Контексты Глаголы РД	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43		
答复	-2,9	-4,9	-2,9	-3,9	8,09	-3,9	-1,9	-2,9	2,09	-4,9	-2,9	1,09	2,09		
讲	10,3	-21	25,3	25,3	-19	10,3	-19	8,39	-15	17,3	8,39	-1,6	20,3		
问道	-0,7	1,25	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7	5,25	-0,7	0,25	-0,7	-0,7	-0,7	-0,7		

где r_{xy} — коэффициент корреляции двух глаголов;
 d_x — абсолютное отклонение первого глагола
 в каждом контексте;

d_y — абсолютное отклонение второго глагола в
 каждом контексте.

В своей работе В. А. Москович предложил нижеследующую оценку корреляционной связи, представленную в табл. 3 [Москович, 1969: 54].

Таблица 3

Схема корреляционной связи

Сила связи	Направление связи	
	прямая (+)	обратная (–)
Очень сильная	0,45...1	–0,45...–1
Сильная	0,35–0,45	–0,35...–0,45
Средняя	0,25–0,35	–0,25...–0,35
Слабая	0,12–0,25	–0,12...–0,25

В нашем исследовании интерес составляет именно прямой характер корреляционных отношений между лексемами: благодаря выявлению прямых связей мы можем в полной мере понять и проследить организацию лексических единиц в лексико-семантическом поле глаголов речи.

В результате выполнения всех вычислительных операций нами была составлена таблица корреляционных отношений между всеми исследуемыми лексическими единицами. Данная таблица достаточно объёмна, вследствие чего представляется возможным продемонстрировать её лишь фрагментарно. Однако перед тем как перейти непосредственно к таблице, введём следующие обозначения силы связи, представленные ниже градацией серого цвета.

Обозначения отношений между лексемами
к табл. 4

Обозначение	Силы связи	
	0,45...1	очень сильная связь
	0,35...0,45	сильная связь
	0,25...0,35	средняя связь
	0,12...0,25	слабая связь
	–1...0,12	нерелевантная связь

Согласно полученным данным по расчёту коэффициента корреляции, мы изобразили существующие связи между словами лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности в виде схемы, изображённой на рисунке. При том, что поле нашего исследования насчитыва-

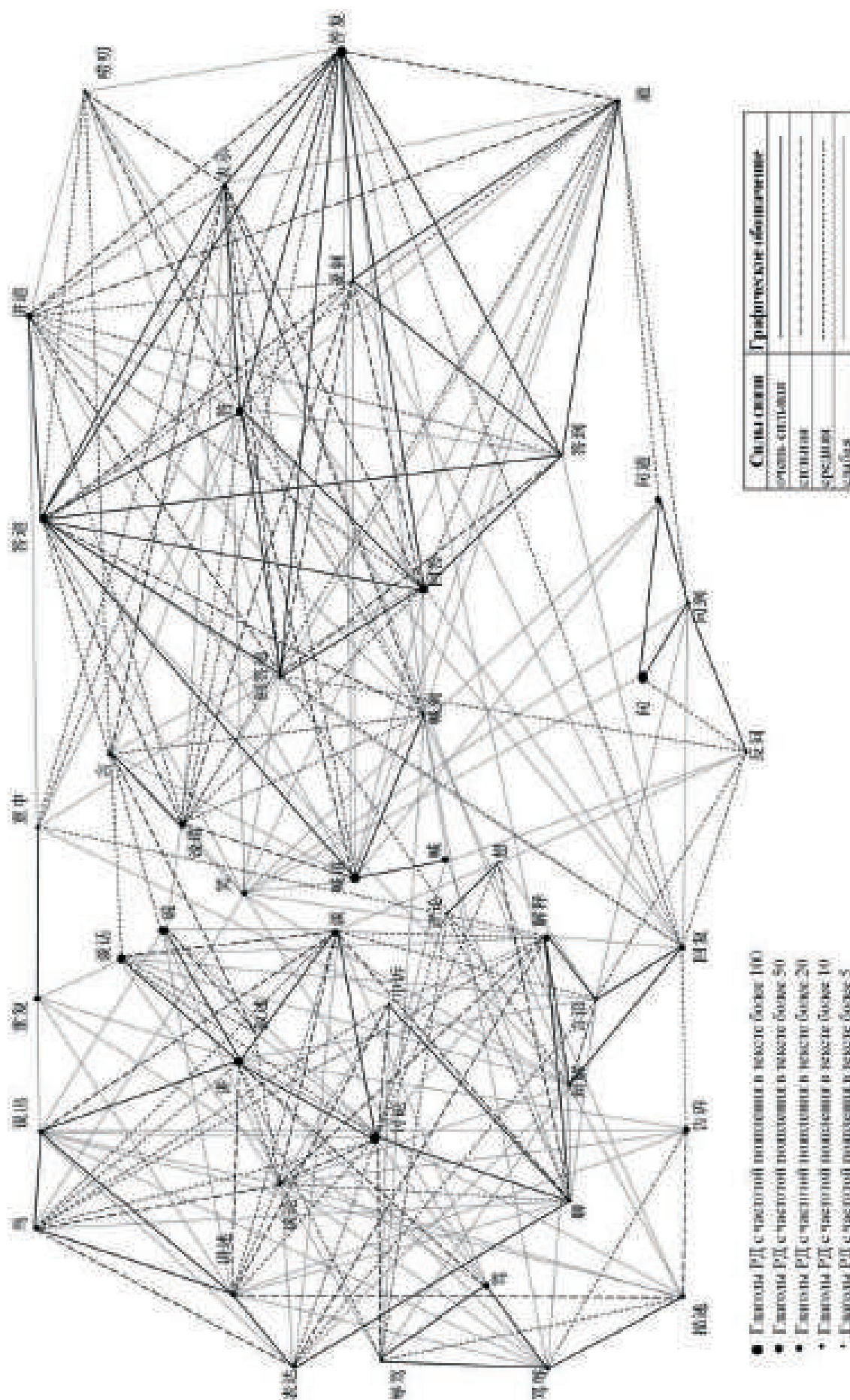
ет 170 лексических единиц, для составления схемы связей нам пришлось ограничить первое количество в силу технических причин: были отобраны все глаголы, встретившиеся в разных контекстах пять и более раз. Таких глаголов оказалось 47. Глаголы, используемые носителями языка менее пяти раз, с точки зрения статистических данных, незначительны для нашего исследования, однако их употребление в речи информантов представляет научную ценность.

Детальное изучение составленной схемы подводит нас к следующим выводам. Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) глаголов речевой деятельности представляет собой совокупность нескольких семантических групп. Наиболее крупными из них являются группы глаголов с семантикой «говорить», «отвечать», «спрашивать», «кричать». Объединение глаголов в группы определено выявленными семантическими отношениями и полностью согласуется с нашим языковым чутьём. В центре каждой группы стоит лексическая единица, отражающая общее значение членов групп, — гипероним. Гиперонимы всех гипонимических групп составляют ядро лексико-семантического поля глаголов речи. Стоит заметить, ранее мы полагали, что к ядру лексико-семантического поля глаголов РД относятся единицы, синонимизирующиеся с различными значениями слова *говорить* [Ваталева, Иоффе, 2010: 25]. Тем не менее на основании презентуемого графического материала мы можем уточнить ядерный состав интересующего нас семантического класса. Ядро семантического поля глаголов РД образуют гиперонимы 讲 *jǎng* *рассказывать*, 问 *wèn* *спрашивать*, 回答 *huídá* *отвечать*, 说 *shuō* *говорить*, 答复 *dáfu* *отвечать*, 讨论 *tǎolùn* *обсуждать*, 喊道 *hǎndào* *кричать*. Эти глаголы отнесены нами к ядру по частотному признаку встречаемости в тексте, а также по наличию устойчивых связей с другими лексическими единицами. К ближайшей периферии исследуемого поля относятся лексические единицы, связанные с гиперонимами, входящими в состав семантических групп, сильными и средними семантическими корреляциями. Например, к ближайшей периферии в лексико-семантической группе (далее ЛСГ) со значением «спрашивать», доминантой которой является глагол 问 *wèn*, можно отнести глаголы 问道 *wèndào* *спрашивать*, 问到 *wèndào* *спросить*. К дальней периферии относятся гипонимы, имеющие слабые связи с другими лексическими единицами. В ЛСГ «спрашивать» такой лексической единицей является глагол 反问 *fǎnwèn* *задавать встречный вопрос, возражать*. Приведём ещё примеры (табл. 5).

Таблица 4

Коэффициент корреляции каждой пары глаголов РД

Глаголы	重复	笑	想	问道	问	讨论	谈论	谈话	谈	说出	说	鸟	描述	骂	解释	讲述	讲述	讲	回答	喊道	喊	告诉	道	答复	答道	答	表达
表达	-0,07	0,11	-0,07	-0,13	-0,1	0,29	0,23	0,08	0,25	-0,2	0,22	-0,03	0,42	0,02	0	0,39	0,47	0,12	-0,18	-0,13	-0,07	0,09	-0,09	-0,17	-0,18	0,03	0
答	-0,18	0,01	-0,02	-0,13	-0,31	-0,48	-0,28	-0,49	-0,25	0,32	-0,14	-0,21	-0,08	-0,14	-0,13	-0,2	-0,09	-0,25	0,19	-0,49	0,73	0,02	0,22	0,71	0,66	0	0,03
答道	-0,13	0,22	-0,16	0,01	-0,2	-0,52	-0,27	-0,43	-0,46	0,45	-0,35	-0,35	-0,23	-0,04	-0,15	-0,18	-0,01	-0,37	0,54	-0,7	0,77	0,5	0,33	0,79	0	0,66	-0,18
答复	-0,12	-0,1	-0,03	-0,11	-0,3	-0,45	-0,33	-0,41	-0,39	0,31	-0,15	-0,26	-0,15	-0,13	-0,19	-0,27	0,06	-0,36	0,38	-0,53	0,78	0,22	0,44	0	0,79	0,71	-0,17
道	-0,08	0,14	-0,09	0,28	0	-0,24	-0,2	-0,23	-0,23	0,3	-0,21	-0,1	-0,13	-0,14	-0,1	-0,18	0,05	-0,2	0,41	-0,37	0,27	0,19	0	0,44	0,33	0,22	-0,09
告诉	-0,09	-0,68	0,12	-0,19	-0,24	0,04	0,2	0,1	0,07	-0,13	0,2	-0,05	0,08	0,37	0,26	-0,14	0,06	0,19	-0,03	0,23	-0,01	-0,13	-0,12	0	0,08	-0,15	0,02
喊道	-0,07	0,11	0,06	0,11	-0,02	0,17	-0,09	-0,17	-0,04	0,03	-0,2	-0,08	-0,11	-0,09	-0,06	0,04	-0,17	-0,16	0,07	-0,13	-0,14	0,59	0	-0,12	-0,05	-0,2	0,02
喊	-0,1	0,14	-0,1	0,14	-0,09	-0,33	-0,24	-0,35	-0,22	0,44	-0,19	-0,18	-0,15	-0,1	-0,01	-0,1	-0,18	-0,21	0,23	-0,48	0,18	0	0,59	-0,13	0,19	0,22	0,5
回答	-0,17	0,05	0,01	-0,13	-0,26	-0,4	-0,26	-0,29	-0,38	0,3	-0,29	-0,34	-0,18	-0,16	-0,2	-0,25	-0,06	-0,33	0,25	-0,57	0	0,18	-0,14	-0,01	0,27	0,78	0,73
讲	0,17	-0,28	0,04	-0,52	-0,4	0,45	0,3	0,47	0,53	-0,44	0,53	0,53	0,27	0,21	0,24	0,35	0,04	0,44	-0,36	0	-0,57	-0,48	-0,13	0,23	-0,37	-0,53	-0,7
讲述	-0,08	0,1	-0,11	0,05	-0,11	-0,29	-0,16	-0,18	-0,29	0,31	-0,23	-0,04	-0,15	0,1	-0,01	-0,2	0,1	-0,14	0	-0,36	0,25	0,23	0,07	-0,03	0,41	0,38	0,54
讲述	0,18	-0,01	-0,12	-0,22	-0,15	0,32	0,33	0,05	0,29	-0,29	0,52	0,14	0,71	0,45	0,15	-0,03	0,08	0	-0,14	0,44	-0,33	-0,21	-0,16	0,19	-0,2	-0,36	-0,37
解释	-0,11	0,12	0,08	-0,17	-0,13	0,2	0,4	0,19	0,27	-0,12	0,01	-0,1	0,3	-0,02	-0,12	-0,16	0	0,08	0,1	0,04	-0,06	-0,18	0,17	0,06	0,05	0,06	-0,01
骂	0,18	0,13	-0,08	-0,13	-0,13	0,13	-0,02	0,02	0,19	-0,17	0,1	-0,04	-0,18	0,08	0,5	0	-0,16	-0,03	0,2	0,35	-0,25	-0,1	0,04	-0,14	-0,18	-0,27	-0,18
骂	0,08	-0,22	-0,09	-0,17	-0,22	0,11	0,15	0,05	0,11	-0,05	0,2	-0,02	-0,13	0,58	0	0,5	-0,12	0,15	-0,01	0,24	-0,2	-0,01	-0,06	0,26	-0,1	-0,19	-0,15
描述	0,11	-0,28	-0,08	-0,16	-0,17	0,05	0,23	-0,01	-0,03	-0,2	0,19	0	0,06	0	0,58	0,08	-0,02	0,45	0,1	0,21	-0,16	-0,1	-0,09	0,37	-0,14	-0,13	-0,04
鸟	-0,08	0,12	-0,08	-0,15	-0,11	0,28	0,37	-0,04	0,31	-0,23	0,65	-0,03	0	0,06	-0,13	-0,18	0,3	0,71	-0,15	0,27	-0,18	-0,15	-0,11	0,08	-0,13	-0,15	-0,23
说	0,02	-0,19	0,07	-0,45	-0,38	0,18	0,17	0,45	0,14	0,17	0,18	0	-0,03	0	-0,02	-0,04	-0,1	0,14	-0,04	0,53	-0,34	-0,18	-0,08	-0,05	-0,1	-0,26	-0,35
说出	0,14	-0,17	-0,15	-0,28	-0,25	0,22	0,25	0,01	0,38	-0,38	0	0,18	0,65	0,19	0,2	0,1	0,01	0,52	-0,23	0,53	-0,29	-0,19	0,2	0,2	-0,21	-0,15	-0,35
说道	-0,12	0,25	0	-0,06	-0,12	-0,37	-0,15	0,05	-0,32	0	-0,38	0,17	-0,23	-0,2	-0,05	-0,17	-0,12	-0,29	0,31	-0,44	0,3	0,44	0,03	-0,13	0,3	0,31	0,45
谈	-0,03	0,03	0,19	-0,29	-0,22	0,52	0,36	0,09	0	-0,32	0,38	0,14	0,31	-0,03	0,11	0,19	0,27	0,29	-0,29	0,53	-0,38	-0,22	-0,04	0,07	-0,23	-0,39	-0,46
谈话	0,13	-0,01	-0,1	-0,36	-0,14	0,31	0,23	0	0,09	0,05	0,01	0,45	-0,04	-0,01	0,05	0,02	0,19	0,05	-0,18	0,47	-0,29	-0,35	-0,17	0,1	-0,23	-0,41	-0,43
谈论	-0,11	0	-0,11	-0,25	-0,11	0,37	0	0,23	0,36	-0,15	0,25	0,17	0,37	0,23	0,15	-0,02	0,4	0,33	-0,16	0,3	-0,26	-0,24	-0,09	0,2	-0,2	-0,33	-0,27
讨论	0,01	-0,05	0,27	-0,33	-0,2	0	0,37	0,31	0,52	-0,37	0,22	0,18	0,28	0,05	0,11	0,13	0,2	0,32	-0,29	0,45	-0,4	-0,33	0,17	0,04	-0,24	-0,45	-0,48
问	-0,07	0,22	-0,11	0,87	0	-0,2	-0,11	-0,14	-0,22	-0,12	-0,25	-0,38	-0,11	-0,17	-0,22	-0,13	-0,13	-0,15	-0,11	-0,4	-0,26	-0,09	-0,02	-0,24	0	-0,3	-0,2
问道	-0,1	0,16	-0,1	0	0,87	-0,33	-0,25	-0,36	-0,29	-0,06	-0,28	-0,45	-0,15	-0,16	-0,17	-0,13	-0,17	-0,22	0,05	-0,52	-0,13	0,14	0,11	-0,19	0,28	-0,11	0,01
想	-0,05	-0,35	0	-0,1	-0,11	0,27	-0,11	-0,1	0,19	0	-0,15	0,07	-0,08	-0,08	-0,09	-0,08	0,08	-0,12	-0,11	0,04	0,01	-0,1	0,06	0,12	-0,09	-0,03	-0,16
笑	0,08	0	-0,35	0,16	0,22	-0,05	0	-0,01	0,03	0,25	-0,17	-0,19	0,12	-0,28	-0,22	0,13	0,12	-0,01	0,1	-0,28	0,05	0,14	0,11	-0,68	0,14	-0,1	0,22
重复	0	0,08	-0,05	-0,1	-0,07	0,01	-0,11	0,13	-0,03	-0,12	0,14	0,02	-0,08	0,11	0,08	0,18	-0,11	0,18	-0,08	0,17	-0,17	-0,1	-0,07	-0,09	-0,08	-0,12	-0,13

Семантические корреляции между глаголами РД, выявленные на основе статистического метода анализа дистрибуции слов

Таблица 5

ЛСГ	Доминанты выделенных ЛСГ	ЛЕ ближайшей периферии	ЛЕ дальней периферии
«Говорить»	讲 jǎng рассказывать, 说 shuō говорить, 讨论 tāolùn обсуждать	谈话 tánhuà беседовать 谈 tán разговаривать 聊 liáo болтать 说出 shuōchū сказать	言 yán произносить 谈论 tánlùn обсуждать 讲述 jiǎngshù излагать 叙述 xùshù описывать
«Отвечать»	回答 huídá отвечать, 答复 dáfu отвечать	答 dá отвечать 答道 dádao ответить 答到 ответить 回答道 huídá отвечать	讲道 jiǎngdào говорить 唠叨 láodao болтать 道 dào молвить 说道 shuōdao толковать
«Кричать»	喊道 hǎndào кричать	喊 hǎn выкрикивать 喊到 hǎndào крикнуть	说道 shuōdao толковать 笑 xiào высмеивать 言 yán произносить

Функциональная активность гиперонимов объясняется их семантическим положением — «более бедным с точки зрения семного состава значением, способным выражать характеристики разной степени обобщённости, а также большей дистрибутивной свободой по сравнению с гипонимами, более насыщенными семантическими признаками и менее свободными в своей сочетаемости» [Котцова, 2010: 30]. Стоит принять во внимание, что вопрос об отнесённости лексем к ближайшей и дальней периферии ЛСП глаголов речевой деятельности остаётся открытым. Мы же при определении положения исследуемых лексических единиц полагались на данные, полученные нами при установлении корреляционных отношений между этими лексемами.

Проведённое анкетирование позволило нам не только более детально рассмотреть структуру ЛСП глаголов РД, установить силу связи между лексемами, но и в созданных нами искусственных условиях выявить лексические единицы, которые наиболее часто используются носителями языка в повседневном «живом» общении. Это существенно сэкономило нам время: общаясь с носителями языка напрямую или изучая современную аутентичную литературу, мы бы не встретили такого многообразия глаголов речи.

Список литературы

1. Антонян К. В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. — М. : Муравей, 2003. — 270 с.
2. Ваталева Н. В., Иоффе Т. В. К вопросу о структурно морфологическом анализе синонимичных глаголов речевой деятельности современного китайского языка // Вестн. ИГЛУ. Сер. Филология. — 2010. — № 2 (10). — С. 24–30.
3. Голуб И. Б. Упражнения по стилистике русского языка : учеб. пособие. — М. : Рольф, 2001. — 240 с.
4. Котцова Е. Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола) / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2010. — 44 с.
5. Москович В. А. Статистика и семантика: Опыт статистического анализа семантического поля. — М. : Наука, 1969. — 305 с.
6. Солнцев В. М. Типологические свойства изолирующих языков // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. — М., 1970. — С. 11–19.
7. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. — 182 с.

Т. М. Власова (Владивосток, Россия)

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ТИПЫ ОЦЕНОЧНЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ

Communication is supposed to consist of speech acts. But verbalized messages are not the only component of social interaction. Many scholars claim that nonverbal signs occupy a much greater part in communication and play a much greater role at that. The article deals with evaluatory communicative acts, which are used to express a speaker's evaluation of some components of the discourse. Evaluation often serves as the basis of some emotions or attitudes which are expressed in the expressive or verdictive communicative acts correspondingly. The study is based on English fictional texts, which are considered to be a reliable source of linguistic information as they reflect real life discourse and real ways of communication.

Keywords: *discourse, non-verbal means of communication, illocution act, evaluation.*

Участвуя в общении, коммуниканты оформляют свои интенции в виде коммуникативных поступков, которые соответствуют принятым в обществе форматам общения [Карасик, 2009: 358]. Одним из ключевых концептов прагмалингвистики является речевой акт, т. е. целенаправленное действие, совершаемое в соответствии с принципами речевого поведения, существующими в определенном обществе. Коммуникативные интенции, однако, могут кодироваться не только с помощью речевых знаков, но и неречевых, поскольку последние точно так же, как и речь, отражают структуру психической деятельности коммуниканта.

Невербальные сигналы играют большую роль в дискурсе, так как они имеют ряд преимуществ перед вербальными, а именно: многоканальность (общение идет одновременно с помощью жестов, мимики, тона и громкости голоса), непрерывность («Nonverbal communication can be going on all the time...» [Dou, 2007: 174]); краткость и простота [Dou, 2007: 64]; немедленная реакция; спонтанность; надежность: («Most people can deceive us much more easily with words than they can with their bodies» [Bovee, 1992: 29]); большая действенность в силу большей эмоциональности.

Невербальные сигналы передают в 5 раз больше информации, чем вербальные [Пиз, 2011: 33]. Неудивительно поэтому, что авторы, стремясь к предельно точному отражению реального дискурса, уделяют большое внимание описанию невербального поведения героев, например:

• The first song... was about losing your virginity in a hedge. Dad *squirmed in his seat* while Sheril... *tut-tutted* [SM, 147] (Герой и его подруга отрицательно оценивают исполняемую песню; ничего не выражая вербально, они транслируют свою оценку невербальными знаками: он ерзает, она использует нефонематические звуковые сигналы, которые выдают ее оценку: неодобрение и раздражение (disapproval or annoyance [LD]).

Fiona was *speechless* and Mark kept *shaking his head*, saying how totally unsuitable it was and didn't I know that these games corrupted children's minds? [SM, 5] (Реакция родителей на подаренные их детям игры — негативная; чтобы не обидеть сестру Фиона предпочитает молчать, а Марк передает свое отношение к подарку как вербально, так и невербально).

В данной статье рассматривается использование невербальных сигналов для реализации оценочных иллокутивных актов. Оценка — это сопоставление коммуникантами объектов окружающего мира, сравнение их свойств и соотнесение их с системой ценностей, сформированной у партнеров по коммуникации. Оценка является понятийной категорией, поскольку включает положительное или отрицательное суждение человека об объекте действительности. Структура оценки включает субъект оценки, с точки зрения которого дается оценка, объект оценки, сам оценочный элемент и «точку отсчета», то есть шкалу оценок и оценочные стереотипы) [Василенко, 2010: 63].

Содержание и структуру коммуникации определяя ценностные ориентиры и идеалы, поскольку они оказывают существенное влияние на совершение говорящим речеспихических действий как в плане мотивации, так и в плане содержания (т. е. используемых знаковых средств). [Сидоров, 2009: 62–63] Существуют разные средства презентации оценки, выбор которых обусловлен условиями общения и намерениями коммуниканта. Вербальные средства обычно идентифицируют оценку, номинируя ее с помощью слов оценочной семантики (например: хорошо, плохо, нравится, люблю, ненавижу и т. д.), а невербальные транслируют оценку с помощью языка тела и эмоциональной фонетики. В реальном человеческом общении его вербальный и невербальный коды обеспечивают единый коммуникативный процесс. Рассмотрим следующие примеры:

• *Her eyes were now sparkling. She broke into a smile. "It sounds lovely."* [ES, 85]. *'I hate London too,' said Jack, and kicked the table* [SM, 303] (Город вызывает у героя настолько сильную неприязнь, что вербально выраженной оценки недостаточно, чтобы передать ее, поэтому она усилена экспрессивным жестом).

Невербальное «высказывание» в дискурсе реализует коммуникативные интенции его участников и имеет свою иллокутивную силу, эквивалентную речевому акту, например:

• *Seated at the one opposite, Ryder raised an eyebrow in my direction.* (курсив мой) *Perhaps not too clever, darling.* (курсив автора) [EB, 218] (Невербальный знак выражает негативную оценку героем неудачного хода жены в карточной игре, а также удивление по этому поводу; она этот знак воспринимает, расшифровывает и мысленно вербализует). *Pisspot rolled his eyes in a God-help-us manner* [KW, 165].

Невербальные знаки, используемые для реализации иллокутивных оценочных актов, имеют преимущество перед вербальными в том, что первые отличаются большей экспрессивностью, простотой исполнения, краткостью. В. И. Карасик пишет о том, что поскольку наше общение строится на основе знаковой достаточности, нет смысла в обиходном разговоре использовать сложное дискурсивное образование, если вместо развернутого высказывания можно моментально выразить соответствующую реакцию с помощью невербального сигнала [Карасик, 2009: 283]. А в тех случаях, когда по каким-то причинам вербальный канал передачи информации заблокирован, невербальный код остается единственным способом трансляции иллокутивных смыслов, например:

• *The Phelans sat low in their seats, some rubbing eyes and foreheads, others staring wildly at the walls. For the moment, all twenty-two lawyers were incapable of speech* [JG, 160] (Описанные автором невербальные сигналы свидетельствуют о глубоком шоке, переживаемом юристами и их клиентами после оглашения завещания, содержание которого оценено ими крайне негативно. Испытываемое участниками дискурса потрясение настолько сильно, что вербальный канал передачи ими информации оказался на некоторое время заблокирован, окружающие воспринимают только невербальные знаки).

Определение иллокутивных типов оценочных коммуникативных актов (эквивалентных речевым актам) представляет сложность в связи с тем, что понятие оценки нередко смешивают с поня-

тием эмотивности, так как в дискурсе они часто взаимосвязаны и взаимообусловлены. Надо понимать, что оценка — это логическая квалификация сообщаемого; рационально-логическое выражение ценности денотата [Василенко, 2010: 64], лишенное эмоционального компонента. В самом общем смысле оценку можно лексикализировать словами «хорошо — плохо».

Однако в дискурсе на оценку обычно наслаивается эмоциональная реакция, вызванная данной оценкой, поэтому в реальном дискурсе имеет место многомерность значения коммуникативного знака, который в этом случае можно квалифицировать как эмоционально-оценочный. Эмоционально-оценочный коммуникативный акт является результатом отражения взаимодействия эмоциональности и оценки: эмоции как психические переживания субъектом своего отношения к окружающему и оценки как результата этого процесса. Если оценка объекта сочетается с выражением отношения к нему, сформированному в результате этой оценки, то на оценочное значение наслаивается значение вердиктивности, т. е. суждения, мнения об объекте оценки. Поскольку в реальном дискурсе оценка практически всегда связана с выражением либо эмоций, сопровождающих данную оценку, либо отношения к объекту оценки, представляется целесообразным подразделить оценочные иллокутивные акты на вердиктивно-оценочные и экспрессивно-оценочные. В определенных дискурсивных ситуациях коммуникативный акт может иметь еще более сложную структуру: это происходит, когда оценка объекта сопровождается как демонстрацией отношения к нему, так и проявлением эмоций. Назовем такие иллокутивные акты вердиктивно-экспрессивными.

Экспрессивы

Эмоционально-оценочный иллокутивный акт (экспрессив) является многомерным коммуникативным действием, в котором на оценку наслаивается эмоциональная реакция. Он является результатом отражения взаимодействия эмоциональности и оценки, причем они так тесно связаны, что часто невозможно определить, что первично: являются ли эмоции психическими переживаниями субъектом своей оценки компонентов дискурса либо, напротив, оценка формируется на основе возникших эмоций. Утверждая, что невербальная коммуникация важнее вербальной, С. Bovee и J. Thill отмечают, что для передачи эмоционального состояния коммуникантов особое значение имеет их невербальное поведение, «accounting for 93 percent of the emotional meaning that is exchanged in any interaction» [Bovee, 1992: 29].

К экспрессивно-оценочным иллокутивным актам относят проявление партнерами по коммуникации *радости, огорчения, гордости, любви, ненависти, веселья, счастья, грусти, негодования, раздражения* и других эмоций. Представляется возможным систематизировать экспрессивы по признаку позитивности—негативности выражаемой эмоции и оценки.

Экспрессивы положительной оценки, например:

• “Then if we like it, we can get married.” “That’s a novel idea,” she said, her *face radiant* [ES, 35] («Сияющее» лицо демонстрирует состояние радости и счастья, испытываемых героиней). “Was your mother a militant suffragette?” The old woman suddenly *gleamed* at him. “She was!” [PG, 37] (Семантика глагола «gleam» передает состояние радостной взволнованности женщины). “I have metaphorical pigs. I have theoretical pigs.” Louise *giggled*... [PG, 243] (Героиня реагирует на шутку партнера смехом, что является знаком испытываемых ею позитивных эмоций).

Экспрессивы отрицательной оценки, например:

• “You’re not taking him back, are you?” “No,” Stephanie said *indignantly* [JF, 398] (Автор номинирует эмоционально-оценочное значение тона голоса героини). “Besides, I haven’t exactly decided to go yet.” Chet *rolled his eyes to the ceiling* [RC, 264] (Кодифицированное значение мимического жеста, используемого автором для описания реакции героя на сообщение партнера,— выражение раздражения и досады).

Невербальные средства общения не обладают способностью прямо номинировать эмоции, испытываемые коммуникантом в данной ситуации общения, поэтому автор может уточнять семантику экспрессива, указывая характер эмоции, выражаемой невербальным сигналом, например:

• Turning to Kat, she *squeezed her shoulder affectionately* [BB, 120] (Тактильный контакт служит средством выражения нежности и любви, испытываемой героиней к Кэт). “Tony, perhaps you should see to your other guests.” There was a *note of sharp displeasure in her voice* [SS, 397]. “Toby cooks a lot of lentils,” Miriam agreed. Andrew’s *eye widened in silent horror* [PG, 126].

Вердиктивы

Вердиктивный иллокутивный акт (вердиктив), отражающий суждение, мнение об объекте, всегда основан на оценке. Коммуникант формирует свое отношение к составляющим дискурса, исходя из своей оценки: если он решает, что объект оценки — хороший, то он ему нравится; если

плохой — не нравится. К вердиктивам относятся *похвала — порицание, одобрение — неодобрение, восхищение — неприязнь* и т. п. Можно заметить, что вердиктивы образуют семантические пары на основании позитивности или негативности оценки, поэтому представляется логичным систематизировать их по данному признаку:

Вердиктивы положительной оценки, например:

• “...‘D’you know what number I am now?’ “As a matter of fact I do.” She *smiled*. “You’re are in the top fifty.” [ES, 86] (Улыбка сигнализирует одобрительное отношение девушки к обсуждаемой ситуации). “You must’ve paid a small fortune for it.” “That’s okay,” Isabel replied *lightheartedly*. “The Fermi Award was a small fortune.” [ES, 116] (Положительное отношение к понесенным затратам выражено беспечным тоном голоса героини).

Вердиктивы отрицательной оценки, например:

• She seductively smoothed down her dress. The guys *stared* at her while the girls *rolled their eyes* [SM, 173] (В то время как соблазнительный жест героини вызывает заинтересованность юношей, девушки, напротив, с помощью кодифицированного мимического жеста демонстрируют резко отрицательное отношение к ней). “What was he afraid of?” “Himself.” Rosa’s *voice was filled with irony* [RP, 381] (Ирония в голосе Розы демонстрирует ее негативное отношение к обсуждаемому объекту).

Поскольку невербальные средства общения не обладают способностью прямо номинировать отношение коммуниканта к партнеру, предмету обсуждения или ситуации общения, то автор может пояснять иллокутивное значение невербального сигнала, например:

• “Are you suggesting we, the lawyers, front the initial five hundred thousand?” Hembra asked, his tone one of *contempt* [JG, 288] “Dog show? Say dog show?” Drummond was looking at me *with great distaste*... [KW, 97].

Вердиктивы-экспрессивы

В дискурсных ситуациях, в которых оценка объекта коммуникантом сопровождается как демонстрацией отношения к нему, так и проявлением эмоций, имеют место многомерные иллокутивные акты, которые можно назвать *вердиктивы-экспрессивы*, например:

• He *regarded* this Amazon with *astonishment and admiration*. “You must be very strong.” [LB, 81] (Автор номинирует как испытываемую героем эмоцию — удивление, так и отношение к объекту оценки — восхищение). “I was-s-s a cat myself

in a former existence." I rolled my eyes at Gertrude, but she accepted the man's statement *without blinking* [LB, 112] (Мимический жест «закатанные глаза» выражает отрицательное отношение к содержанию высказывания объекта оценки, а также раздражение, сопутствующее данной оценке. Второй субъект оценки, Гертруда, однако, ничем не выдает своей оценки коммуникативного поведения партнера).

Коммуникация состоит из множества актов, каждый из которых имеет неповторимые, индивидуальные черты, но одновременно воспроизводит регулярно повторяющиеся [Сидоров, 2009: 11], что позволяет их систематизировать с учетом иллокутивных смыслов, передаваемых этими актами. Анализ примеров оценочных иллокутивных актов, отраженных в англоязычном художественном дискурсе, позволил подразделить их на две основные группы: вердиктивы, в которых оценка сочетается с выражением отношения к объекту оценки, и экспрессивы, в которых оценка сопровождается демонстрацией связанных с ней эмоций. Невербальные сигналы, имеющие иллокутивную силу оценки, связаны либо со звуковыми характеристиками речи (особенностями голоса и тона, голосовыми неартикулируемыми реакциями), либо с поведением коммуникантов (выражением лица, взглядом, жестами, прикосновением и физическими изменениями).

Список литературы

1. Василенко А. П. Оценочно-эмотивное содержание русских и французских фразеологизмов // Филол. науки: вопр. теории и практики.— 2010.— № 1 (5), ч. 1.— С. 63–65.
2. Карасик В. И. Языковые ключи.— М.: Гнозис, 2009.— 406 с.

3. Пиз А. Язык телодвижений.— М.: Эксмо, 2011.— 462 с.
4. Сидоров Е. В. Онтология дискурса.— М.: URSS, 2009.— 228 с.
5. Bovee C. L., Thill J. V. Business communication today.— N. Y.: McGraw-Hill, Inc., 1992.— 660 p.
6. Dou W., Clark G. W., Prosser M. H. Intercultural Business Communication.— Beijing, 2007.— 402 p.
7. Longman Dictionary of Contemporary English.— L.: Longman, 1987.— 1229 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.— Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002.— 1691 p.

Цитируемые источники

- BB** — Bradford B. T. Being Elizabeth.— London: Harper, 2009.— 446 p.
- EB** — Buchan E. Revenge of the Middle-Aged Woman.— L.: Penguin Books, 2002.— 358 p.
- ES** — Segal E. Prizes // Reader's Digest Condensed Books.— 1995.— Vol. 3.— P. 7–160.
- JG** — Grisham, J. The Testament.— London: Arrow, 1999.— 472 p.
- KW** — Waterhouse K. Billy Liar on the Moon.— Bungay: Penguin Books, 1975.— 202 p.
- LB** — Brown L. J. The Cat Who Said Cheese.— N. Y.: Jove Books, 1997.— 264 p.
- PG** — Gregory Ph. Perfectly Correct.— London: Harper Collins Publishers, 1997.— 294 p.
- RC** — Cook R. Contagion.— London: Pan Books, 1997.— 529 p.
- RP** — Patterson R. N. Eyes of a Child // Reader's Digest Condensed Books.— 1995.— Vol. 3.— P. 299–496.
- SM** — Moriarty S. In My Sister's Shoes.— N. Y.: Penguin Books, 2008.— 314 p.
- SS** — Sheldon S. Master of the Game.— London: Harper, 2005.— 673 p.

К. Ю. Войнова (Барнаул, Россия)

ТЕКСТ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

The article reviews the heterogeneous polycode text from travel catalogue — text of tourist destination as a complex textual formation in which verbal and visual elements constitute a single whole. The given paper observes the background of such text, distinguishes its basic features and attempts at analyzing the text of tourist destination, its functioning and complex influence on recipients in terms of Cognitive linguistics.

Keywords: *touristic destination, concept, polycode text.*

В связи с появлением новых информационных технологий, непосредственно влияющих на процесс осмысления и интерпретации информации,

происходит изменение способов познания и представления окружающей действительности, что находит свое отражение практически во всех ти-

пах текстов. Как отмечает Е. Е. Анисимова, переход к новой научной парадигме и стремительный рост объемов визуальной информации обуславливает повышенный интерес лингвистов к невербальным средствам коммуникации, «информационная емкость и прагматический потенциал которых нередко выше, чем у вербальных средств» [Анисимова, 2003: 3]. Как следствие, в фокусе внимания современного языкознания оказывается рассмотрение основных особенностей и закономерностей функционирования разных типов поликодовых текстов. Одним из специфических типов текста, требующих всестороннего изучения, является текст туристической дестинации.

Термин «туристическая дестинация», введенный в оборот в конце XX в., традиционно понимается как «географическая территория, *локальность*, имеющая определенные границы, которая может *привлекать и удовлетворять потребности достаточно широкой группы туристов*» [Боголюбов; Орловская, 2005] (Курсив мой.— К. В.). Одним из способов презентации знания о локальности, которую потенциальный турист выбирает для своего пребывания, является специфический текст, направленный на формирование определенного образа туристической дестинации [Leirer, 1979]. Для обозначения такого типа текста мы считаем целесообразным ввести в научный оборот понятие «текст туристической дестинации», который определяется нами как текст, адресованный потенциальному туристу и представляющий посредством различных знаковых систем знание об уникальных характеристиках определенной локальности, находящейся либо в стране проживания реципиента, либо за ее пределами. К таким текстам мы относим туристические каталоги, путеводители, рекламные брошюры, которые отражают исключительность туристической территории, ее исторических, природных, культурных и иных значимых объектов [Горохов, 2007].

Текст туристической дестинации может рассматриваться как особая познавательная структура, в результате взаимодействия с которой у реципиента складывается определенная совокупность «эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков дестинации..., влияющих на создание определенного образа» [Панкрухин, 1999: 130]. Иными словами, в сознании индивида формируется определенный фрагмент картины мира — особое ментальное образование, фиксирующее знание о конкретной локальности. Специфическое знание представлено в текстах особым образом —

с помощью вербальных и авербальных средств, иначе говоря, текст туристической дестинации предстает как многомерное, поликодовое явление, «состоящее из многих различных элементов» [Чернявская, 2009: 83], посредством взаимодействия которых находят свою репрезентацию ведущие концепты текста.

При выборе туристского продукта потенциальный турист руководствуется серией мотивов, главными из которых являются выбор географической локальности для последующего пребывания, её природная и климатическая специфика, а также характер и содержание отдыха. Именно поэтому в текстах туристической дестинации можно выделить конечное количество ядерных концептов, к которым, несомненно, относятся концепты «страна», «природа», «отдых». Рассмотрим текст туристической дестинации, представленный на развороте каталога «Somatheeram Ayurveda Resort» (рис. 1), в аспекте выявления роли вербальных и авербальных средств в репрезентации доминантных концептов.

В тексте туристической дестинации концепт «страна» представлен всем комплексом фотографических и картографических элементов, а также вербальным компонентом текста, включающим заголовок, описание географического положения и маршрута. Являясь информативно значимым элементом текста, заголовок «The heaven of your dreams» (Рай, о котором вы мечтаете) привлекает внимание реципиента, прежде всего своей метафоричностью. Метафора представляет собой особую когнитивную структуру, является частью повседневной жизни человека, обуславливает его мышление и действия [Лакофф, Джонсон, 1980]. В результате взаимодействия с метафорой в заголовке в сознании реципиента создается определенный образ дестинации — образ рая на земле: места вечного блаженства, воплощение человеческих надежд и упований. По мнению Б. Г. Соколова, рай — это сфера мечты, которая выносится за пределы человеческой жизни и способна реализоваться только в будущем [Соколов, 2003]. В качестве проекции такого будущего, в рассматриваемом тексте туристической дестинации представлены фотограммы (рис. 2).

Фотограммы по сути являются фотометафорой рая, где вода — начало всех начал, небо, отраженное в воде, — символ чистоты, горы символизируют духовный мир, рай, возвышенность и «место встречи человека с богом». Дестинация, таким образом, уподобляется раю, предстает как реализованная мечта, награда за труды, как заманчивое место, к которому с помощью ментального

Рис. 1

Рис. 2

переноса может приблизиться потенциальный турист. Использование метафоры в тексте туристической дестинации не только добавляет ему выразительности и экспрессивности, но и является важным средством познания действительности, действенным способом воздействия на реципиента: на его интеллект, чувства и волю [Чудинов, 2001]. Кроме этого, сочетание вербального и авербального элементов в совокупности с развернутой метафорой по-особому представляют в тексте знание о дестинации, значительно увеличивая его когнитивный потенциал.

Концепт «страна» репрезентируется и с помощью картограмм. Расположенные в левой части страницы, они объединяют в своей структуре как вербальный, так и авербальный элементы, создавая при этом особое поликодовое образование «текст в тексте», когнитивную значимость которого трудно переоценить (рис. 3).

Следует отметить, что картограммы структурированы в тексте особым образом: карта Индии расположена непосредственно под фотографическим элементом и выделена светло-зеленым цветом, ниже расположена карта штата Керала, выполненная в темно-зеленом цвете. Введение картограммы в текст туристической дестинации несет существенную когнитивную нагрузку, помогая в формировании мысленных географических представлений. Являясь вербально-авербальным элементом, картограмма отображает территориальное распределение многих явлений и процессов, в ней фиксируется определенное знание о географических реалиях, являющихся наиболее значимыми для реципиента текста.

Вместе с тем знание, представленное картограммами, дублируется и вербально в виде определенного маршрута: «Destination: Somatheeram; route: India — Kerala — Trivandrum» (Направление: от-

Рис. 3

ель Соматеерам; маршрут: Индия — штат Керала — город Тривандрум). Таким образом, реципиент воспринимает сначала целое, общее впечатление о стране, плавно переходя к более частным, мелким частям — штату, городу, отелю. Важную роль в формировании знания о локальности играют топонимы, являющиеся идентификаторами географического объекта. По мнению Д. И. Ермолович, представления и знания людей, связанные с определенным топонимом, как правило, различаются, но известность определенной местности зачастую способствует тому, что признаки географического объекта приобретают общезыко-вой статус [Ермолович, 2001]. При взаимодействии с текстом туристической дестинации, реципиент получает информацию о признаках географического объекта уже из его названия, формируя при этом начальные представления о месте его возможного пребывания.

Эти представления дополняются подробным описанием географического положения дестинации: «Somatheeram is 21 kms from International Airport at Trivandrum, the capital city of Kerala and 9 kms south of the renowned Kovalam Beach» (Отель расположен в 21 км от международного аэропорта Тривандрум, столицы штата Керала и в 9 км к югу от известного пляжа Ковалам). Выбор дестинации для потенциального туриста во многом зависит от доступности места туристского назначения, а также его удаленности от значимых объектов — аэропорта, пляжа, курортного центра, именно поэтому дается точное и развернутое описание локальности. Фотографический и картографический элементы, а также авербальный компонент, взаимодействуя между собой и дополняя друг друга, представляют знание о туристической дестинации в контексте знания о стране.

Наряду с концептом «страна», особое место в рассматриваемом тексте занимают репрезентан-

ты концепта «природа». На авербальном уровне концепт «природа» представлен тремя самыми крупными фотограммами, на которых запечатлены горы в лучах заходящего солнца, бескрайний горизонт, уходящий в море, и разнообразная растительность сада. На двух мелких фотограммах представлены отдельные растения, характерные для локальности.

Репрезентируя природную реальность, вербальные компоненты рассматриваемого текста лишь частично дублируют авербальные, включая при этом описание и тех объектов, которые не представлены фотографически: «It is green all over. Never ending stretches of coconut palms, paddy fields, plantations, lakes, rivers and a beach stretching down as far as 300 miles» (Керала очень зелёный штат. Бесконечно простирающиеся кокосовые пальмы, рисовые поля, плантации, озера, реки и пляж, протянувшийся почти на 600 км). На этом этапе включается креативная работа мышления реципиента, которое в отсутствие визуальных опор воссоздает описываемое посредством квазипиктографических ментальных образований. Обращает на себя внимание предложение «Kerala is indeed the handiwork of a Goddess with a green thumb», где штат Керала сравнивается с изделием ручной работы, к которому приложила свою «зеленую руку» некая Богиня. В дополнение к фотографическому компоненту текста, метафора даёт возможность создать наглядный образ роскошной природы в описываемой локальности.

Концепт «природа» так же представлен и гетерогенным (вербально-авербальным) элементом — климатограммой (рис. 4).

Климатограмма выполнена в желто-зеленом цвете и расположена под заголовком «Climate chart of Kerala» (климатическая таблица штата Керала), что позволяет реципиенту легко дифференцировать ее в пространстве текста. На климатограмме

Рис. 4

цифрами указана максимальная и минимальная температуры по месяцам («max. temperature, min. temperature») в градусах по Цельсию («temperature °C») и количество дождливых дней в месяце («avrg. days with rainfall»). Название месяцев представлено сокращенно: «jan, feb, mar, apr, may, jun, july, aug, sep, oct, nov, dec» с января по декабрь соответственно.

Включение в климатограмму этих данных связано, в первую очередь, со спецификой самой дестинации — Индии с ее сезоном дождей. Дожди с усилением ветра обычно продолжаются с мая по сентябрь, что отчетливо видно на климатограмме, на которой большинство дождливых дней приходится как раз на это период. Знание о климатических и сезонных особенностях, представленное в тексте вербально-авербально, является одним из ключевых для реципиента при планировании путешествия, поскольку позволяет выбрать наиболее благоприятный период для отдыха в конкретной местности в определенное время.

Как было сказано ранее, одним из доминантных концептов текста туристической дестинации является концепт «отдых», представленный вербальным и фотографическим компонентами. Из семи фотографических элементов рассматриваемого текста в качестве репрезентанта концепта «отдых» можно, безусловно, рассматривать три фотограммы. На фотограммах изображены люди, деятельность и позы которых связаны с пассивным и активным отдыхом, — это компания людей, прогуливающаяся по берегу, женщина, читающая книгу в гамаке, и женщина, лежащая в комнате отеля с бокалом в руках. Фотограммы подчеркивают уникальность отдыха в дестинации, тем самым привлекая определенную категорию туристов.

Концепт «отдых» вербализован такими английскими существительными, как «ease» (по-

кой, беззаботность), «calm» (невозмутимость, спокойствие), «comfort» (отдых, расслабление), «heaven» (рай, блаженство) «dream» (мечта, грёза). В результате взаимодействия с вербальным и фотографическим компонентами текста создается определенная атмосфера умиротворенности и комфорта, при этом достигается устойчивое положительное представление об отдыхе в описываемой локальности.

Наряду с вышеупомянутыми авербальными компонентами текста — фотограммой, картограммой, климатограммой, когнитивно значимой является и цветовая гамма текста. На фотограммах преобладают оттенки зеленого, символизирующего «девственную природу», присутствует голубой цвет, как символ «небесного, божественного проявления» и желтый цвет, который «лицетворяет собой Солнце и тепло» [Миронова, 2004]. Цветовое оформление рассматриваемого текста способствует созданию единой атмосферы беззаботности и спокойствия, при этом все элементы текста направлены на убеждение реципиента. Потенциальному туристу предлагается сначала ментально «переместиться» именно в описываемую дестинацию, подталкивая его в последствии к реальному путешествию.

Таким образом, текст туристической дестинации предстает как целостное гетерогенное образование, в котором с помощью вербального, авербального и вербально-авербального элементов репрезентированы наиболее значимые для потенциального туриста концепты. При этом авербальный компонент текста несет основную смысловую нагрузку, что обусловлено спецификой туристских услуг, не имеющих материальной формы, а вербальный компонент дополняет, раскрывает или частично дублирует авербальный. Репрезентанты концептов рассматриваемого текста направлены на создание положительного об-

раза описываемой локальности с целью дальнейшего продвижения туристского продукта — отдыха в конкретной туристической дестинации.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов.— М. : Академия, 2003.— 128 с.
2. Боголюбов В. С., Орловская В. П. Экономика туризма.— М. : Академия, 2005.— 192 с.
3. Горохов А. Ф. Комплексный подход к формированию маркетинговой стратегии развития туристической дестинации : автореф. дис. ... канд. экон. наук.— СПб., 2007.
4. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур.— М. : Р. Валент, 2001.— 200 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем.— М. : Едиториал УРСС, 2004 — 256 с.
6. Миронова Л. Н., Иванов Д. Г. Учение о цвете [Электронный ресурс].— URL: <http://mironovacolor.org/book.html/>.2011, свободный.
7. Образ рая: от мифа к утопии. Сер. Symposium.— Вып. 31 [Электронный ресурс].— URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/paradise/index.html>.2011, свободный.
8. Панкрухин А. П. Территориальный маркетинг [Электронный ресурс] // Маркетинг в России и за рубежом.— 1997. — № 3; 1999.— № 5, 6.— URL: <http://www.koism.rags.ru/publ/articles/01.php>.2011, свободный.
9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие.— М. : ЛИБРОКОМ, 2009.— 248 с.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры [Электронный ресурс].— URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.2011, свободный.
11. Michael C. Hall The Contribution of Neil Leiper to Tourism Studies [Электронный ресурс].— URL: http://canterburyz.academia.edu/CMichaelHall/Papers/155710/The_Contribution_of_Neil_Leiper_to_Tourism_Studies 2011, свободный.

Е. А. Гейм (Челябинск, Россия)

ВИДЫ И ФОРМЫ СУБСТРАТА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

The article reveals sociolinguistic background of the existence of substrate as a result of language blending and assimilation in the medieval period of the European and particularly Romanic languages' formation.

Keywords: *substrate, language expansion, assimilation, Romanization.*

Изучение языкового субстрата было начато в первой половине XIX в. датским ученым Я. Бредсдорфом, затем приобрело широкий размах после выхода в свет работ итальянского лингвиста Г. Асколи, была развита Г. Шухардтом, а позже В. Брэндалем, А. Мейе, Б. Террачини. Но еще в 1821 г. В. Гумбольдт писал: «Смешение различных диалектов является одним из самых важных факторов в процессе образования (генезиса) языков. Иногда возникающий язык получает новые элементы большей или меньшей важности от других языков, которые слились с ним, иногда высокоразвитый язык портится и деградирует, беря очень немного из чужого материала, но прерывая нормальное движение своего развития при употреблении своих более совершенных форм согласно чужеземным образцам и, таким образом, портя свои формы» [1. С. 213].

Г. Асколи был первым, кто применил понятие субстрата для объяснения возникновения конкретных языковых явлений. Возникновение романских языков он объяснял следующим влиянием: «Я думаю,— писал он,— что было бы полезно в процессе развития романских языков сделать наибольший упор на этнические моменты. Я, в частности, имею в виду те преобразования латинского, которые следует возводить к влиянию кельтского на романский язык» [1. С. 213]. В соответствии с данной установкой Асколи приписывал возникновение испанского *h* из латинского *f* (*ferrum* > *hierro*) воздействию иберийского.

По мнению В. Брэндала, субстрат даже может сообщить языку постоянную инерцию, которая проявляется на всех последующих стадиях развития языка. Так, якобы кельтский субстрат способствовал превращению латинского языка в

старофранцузский, старофранцузского во французский классического периода, а этого последнего — в современный французский [1. С. 214]. Под понятие субстрата в современном языковедении подводится не только воздействие языка иного семейства, но также и результат влияния исчезнувших языков того же самого семейства. Следы кельтского субстрата многократно устанавливались во французском и германских языках.

Говоря об условиях формирования субстрата, необходимо отметить, что социолингвистические процессы могут привести к постепенному отмиранию одного из двух взаимодействующих языков либо способствовать включению его сохранившихся остатков в качестве субстрата в другой язык, который становится преемником первого.

Одной из социолингвистических предпосылок, связанных с вытеснением языков и возникновением субстрата, является языковая экспансия. О. Б. Ткаченко отмечает: «Типичным примером... является экспансия латинского языка в западной и центральной части Римской империи, так называемая романизация, приведшая через несколько веков после падения западной части Римской империи и захвата варварами римской провинции Дакии к образованию группы родственных романских языков, на которые распалась единая народная латынь,— итальянского, сардского, португальского, испанского, галисийского, каталанского, французского, провансальского, ретороманского, далматинского, румынского» [2. С. 149]. В результате римского завоевания перешло на латинский язык коренное кельтское население современной Франции и коренное иберийское население Испании; образовались современные французский и испанский языки. Они продолжают традицию латинского языка, а не местных кельтских и иберийских наречий. Сам латинский язык распространился в Италии в результате поглощения местных (италийских, этрусских и др.) наречий, которые исчезли. Возникновение субстрата — это следствие взаимодействия двух языков, когда наблюдается явление экспансии пришлого языка и одновременный упадок местного языка, который становится субстратом первого. Именно языковые субстраты при широкой экспансии первоначально единого языка являются одной из основных причин его распада на ряд родственных языков. «Субстрат, являясь остатком отмершего языка, способствует одновременно зарождению новой языковой жизни, возникновению нового языка» [2. С. 200].

Субстрат предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия. Источником субстрата может быть как родственный языку-победителю, так и неродственный. Языковые субстраты связывают существующие современные языки с предшествующими языками на определенной территории, а значит, они отражают историческую преемственность языков и культур на этой территории.

Влияние субстрата на язык-преемник во многом зависит от дальнейшей социолингвистической ситуации, в которой последний будет находиться. Если он будет территориально обособлен среди родственных ему языков, элементы субстрата имеют больше возможностей в нем закрепиться. Если же он находится в тесной связи с родственными языками, многие из таких элементов устраняются.

Явления субстрата могут проявляться на любом уровне языковой системы от фонетики до лексики либо в виде единиц и категорий, либо в виде специфических процессов исторических изменений в системе языка-победителя, как, например, изменение латинского *u* > французский *ü* как факт галльского субстрата.

Роль субстрата в формировании лексики языков-преемников можно выяснить на примере субстратов романских языков. Общим предком романских языков, о котором, в отличие от других праязыков, науке многое известно, была латынь. Причиной образования ее местных диалектов, которые в дальнейшем преобразовались в отдельные романские языки, явился своеобразный характер развития латыни в разных провинциях Римской империи. Ведь перед тем, как вытеснить местные языки, она длительно с ними взаимодействовала. Особенностью лексических субстратных элементов является то, что они обозначают реалии, неизвестные народу, носителю языка-победителя. Такие субстратные элементы часто трудно отличить от заимствований. Также важной представляется совокупность внешних, социолингвистических обстоятельств, сопутствующих смене языков.

Когда речь идет о лексических элементах, не всегда можно выявить границу между субстратом и заимствованием. В. А. Абаев пишет: «...субстрат и заимствование представляют проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате это проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется толь-

ко на некоторые разряды лексики. Интимность и глубина сближают субстратные связи со связями, основанными на родстве. И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи. В отличие от них заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом. Когда мы пытаемся уяснить, в чем причина своеобразия языковых последствий субстрата, уяснить, почему эти последствия оказываются интимнее и глубже, чем при заимствовании, даже самом интенсивном, мы приходим к проблеме двуязычия. Субстрат связан с переходом с одного языка на другой — процессом... сложным и трудным. Этот процесс предполагает, как переходный этап, более или менее продолжительный период двуязычия. А длительное двуязычие создает предпосылки для далеко идущего смещения и взаимопроникновения двух языковых систем. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить только на почве двуязычия» [3. С. 59].

Вопрос взаимодействия языков в области грамматики освещен значительно меньше, чем вопрос о лексическом взаимовлиянии. Обычно говорится о малой проницаемости грамматического строя языка. Например, Н. Б. Мечковская отмечает: «Внутренний характер грамматической семантики и высокая степень ее системной организации затрудняют иноязычное влияние на грамматику» [4. С. 389]. Грамматика по сравнению с лексикой является более устойчивой. По замечанию В. И. Абаева, «...лексика имеет репутацию самого неустойчивого элемента языка. Действительно, нигде в языке так не распространено заимствование, как в лексике. Отсюда известное недоверие к лексике при решении генетических вопросов, в том числе и вопросов субстрата. Однако это недоверие законно только до тех пор, пока мы подходим к лексике недифференцированно. Но когда мы внимательнее изучим исторические судьбы различных слоев лексики, мы убеждаемся, что в ней есть некоторые весьма устойчивые элементы, которые по своей стойкости могут соперничать с самыми стойкими элементами фонетики и морфологии. Сюда относятся местоимения, числительные и глаголы, названия частей тела, термины родства, основные социальные термины. Эти слова, образующие основной лексический фонд языка, живут тысячелетия и мало подвержены заимствованию. Поэтому при решении генетических вопросов на них можно положиться так же, как на любые устойчивые структурные элементы языка» [3. С. 64–65]. Вероятно, сложность проникновения чужезычных элементов в грамматическую сферу связана с их частотностью. Поскольку элементы грамматического строя на-

ходятся все время в работе, заимствовать грамматические элементы, изменить грамматический строй очень трудно. Тем не менее изменения происходят и в грамматике. Однако они происходят, когда речь идет о длительном, тесном взаимодействии языков, которое как раз и характерно для субстратных отношений.

Влияние фонетики субстрата может быть более или менее глубоким. Это связано с большей или меньшей влиятельностью или стойкостью особенностей субстратного языка, что зависит от социума, в котором произошла языковая смена, и от его взаимоотношения с социумом, от которого воспринят язык. Многое зависит и от условий, в которых происходил контакт, закончившийся сменой языка. Поскольку часто эти условия почти или полностью неизвестны, исследователям приходится их предполагать на основе их непосредственных языковых последствий, более или менее заметных следов воздействия фонетики субстрата. Фонетические последствия субстратных влияний обнаруживаются в виде разных явлений. Иногда речь идет о заимствовании отдельных звуков или целых их групп, в других случаях влияние субстрата сказывалось в стимулировании его фонетической системой тех звуковых процессов, которые могли происходить в языке-преемнике и самостоятельно. Фонетическое воздействие со стороны субстрата может обнаруживаться не только в области отдельных явлений, но и в виде системных фактов, охватывающих либо фонетику в целом, либо обширные ее области. Способ артикуляции звуков, проявляющийся в видоизменениях со стороны носителей другого языка согласно с их произносительными особенностями, накладывает отпечаток на всю фонетику вновь усваиваемого языка в целом. Большая или меньшая фонетическая влиятельность субстрата объясняется конкретными внутри- и внешелингвистическими факторами. Субстрат получал возможность наиболее сильного воздействия на язык-преемник в тех случаях, когда его влияние не ограничивалось воздействием других противостоящих ему тенденций и когда язык-преемник не имел длительной письменной традиции.

Таким образом, при всем многообразии конкретных случаев взаимодействия двух языков, результатом которых явилась смена языка, вызванная вытеснением одного языка другим, особенности сложного социолингвистического процесса обнаруживают общие моменты. Смена языка обычно является следствием взаимодействия нескольких факторов, которые должны рассма-

триваться в их совокупности: количественное отношение смешивающихся народов, культурное превосходство одного из народов, географические факторы, структура сталкивающихся языков и другие.

Список литературы

1. Абаев В. И. О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР.— 1956.— Т. 9.— С. 57–69.

2. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию.— М.: Высш. шк., 2007.— 453 с.

3. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию.— М., 1962.— 384 с.

4. Мечковская Н. Б. Язык как исторически изменяющееся явление // Общее языкознание.— Минск, 1983.— С. 335–421.

5. Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку.— Кострома, 2007.— 352 с.

В. А. Генералов (Челябинск, Россия)

О МОДЕЛИРУЕМОСТИ И КРИТЕРИЯХ СЛОЖНОСТИ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ (на примере английского языка)

A subject of terminology who creates or reproduces a complex multi-component term should conceive its structure in the most general sense. Using a set of rules of term generation, an addresser activates interrelated mechanisms of the encoding of the hierarchical structure of multi-component terms, while an addressee performs the retroactive decoding of modifying segments in the body of a multi-component term. The present article considers such parameters of multi-component terms as the order of the ranking of modifiers, the number of complexification steps of the onomasiological source basis, as well as criteria of the finiteness of a multi-component term's structure.

Keywords: multi-component term; model-based construct; binominal structure; general model of term generation; steps of modification; significant modifying position; transformational grammar; type of modification; criteria of multi-component term complexity and finiteness.

Моделирование как теоретический и практический способ лингвистического исследования применяется широко, хотя понятие ‘модели’ не является однозначным, и разными лингвистами понимается по-разному. Известно, как интенсивно разрабатывали свои языковые модели В. Гумбольдт, Фердинанд де Соссюр, К. Бюлер. Различают модели-образцы и модели-конструкты. Первые являются субститутами реальных объектов исследования, или квазиобъектами, вторые представляют собой дедуктивно-гипотетические комплексы, в которых заложен поиск инвариантной (базовой) структуры и которые сопровождаются процессами абстрагирования и формализации.

«Констатация моделируемого характера языка на разных уровнях становится в современной лингвистике аксиомой. Многообразие подходов к исследованию этого важного свойства рождает различные определения понятия «модель» — от относительно конкретной схемы закономерного расположения элементов в языковых единицах до гипотетического научного построения — конструкта, не являющегося частью языка как систе-

мы [Мокиенко, 1989: 1]. В. Скаличка отмечал, что моделируемость есть структурное, типологическое понятие: «Внутренняя модель означает, что две и более составных частей языка (или другой структуры) каким-то образом подобны друг другу, и что подобие другой как таковое “переживается”» [Там же].

Анализ многочисленных употреблений МКТ в различных коммуникативных типах текстов свидетельствует в пользу повторяемости общей структуры многокомпонентных терминов и приводит к выводу о том, что в основе всего разнообразия МКТ лежит определенная абстрактная схема, которую мы называем общей семантико-синтаксической моделью МКТ, сокращенно общей моделью МКТ. Под ОМ МКТ подразумевается некая гипотетическая предельная структура термина, характеризующая полным составом ономаσιологических признаков в ней, набором всех возможных параметров и финитностью (законченностью) ее линейной протяженности (термин, как известно, усложняется последовательно от так называемого ономаσιологического базиса влево путем применения

взаимосвязанных ономаσιологических признаков). Общая модель также должна содержать в себе определенный состав компонентов с обобщенным семантическим значением. Понятие «компонент» МКТ, применяемое в настоящее время, является, на наш взгляд, довольно расплывчатым и неадекватным, поскольку неясно, что собственно подразумевается под понятием «компонент» — отдельное слово, модифицирующее звено, цепочка определителей или целый модифицирующий комплекс. В силу этого исследование и обоснование общей модели МКТ способствовало бы прояснению целого ряда проблем теории МКТ.

Любой многокомпонентный термин в принципе сводим к составному термину — так называемому номинативному биному, по выражению некоторых исследователей. Существуют простые, неосложненные, и осложненные номинативные биномы, или МКТ. Как, например, соотносятся между собой простой и сложный бином с единым ономаσιологическим базисом? Мы исходим в этом вопросе из того, что простой номинативный бином является, в сущности, частным случаем предельного сложного многокомпонентного термина, который как бы интегрирует простой бином, и его двухчастность получается на гораздо более сложном уровне. Несмотря на спорность этой точки зрения, она позволяет применить нестандартные подходы в трактовке многокомпонентных терминов. И действительно, как соотносятся между собой термины с общим ономаσιологическим базисом? В термине «**universal hand-operated road construction soil-compacting device**» отмечаются четыре ступени/степени/шага модификации. В состав этого предельного многокомпонентного термина входят промежуточные ступени модификации, которые представляют собой отдельные субтермы, некоторые из которых или все по отдельности могут самостоятельно функционировать в техническом подязыке как отдельные термины разной сложности (например, биномы: **soil-compacting device**; **road construction soil-compacting device**; **hand-operated road construction soil-compacting device** и **universal hand-operated road construction soil-compacting device**). Здесь закономерно возникает мысль о правомерности нижеследующих положений:

1. Существует изоморфность всех генетически связанных структур, имеющих общий ономаσιологический базис.

2. Существуют семантически обобщенные ячейки, или потенциальные значимые позиции в структуре абстрактной модели термина, кото-

рые замещаются по мере усложнения исходного базиса.

Эмпирическим путем нами были определены нижеследующие потенциальные позиции с обобщенным семантическим значением:

1-я позиция обычно характеризуется семантическим отношением *предназначения* (DESTINATION):

soil-compacting ← **device**.

2-я позиция обозначает сферу *относительности* и технического объекта, обозначаемого базисом термина (LOCATION):

road construction ← **soil-compacting device**.

3-я позиция характеризует *функциональные* свойства технического объекта (MANIFESTATION):

hand-operated ← **road construction soil-compacting device**.

4-я позиция выражает определенный *параметр* объекта (PARAMETRISATION):

universal ← **hand-operated road construction soil-compacting device**.

По нашему мнению, четырехступенчатая модель семантико-синтаксической структуры многокомпонентного термина является предельной. В английском языке не отмечены терминологические структуры с числом ступеней модификации, превышающим четыре.

На четвертой ступени развертывания базового термина **device** все ступени (позиции/ячейки) потенциально открытой общей структуры (ОМ) реализованы, данный субтерм является законченным и предельным.

В своей университетской грамматике, в разделе, посвященном премодификации, английские исследователи I. Svartvik et al. [Svartvik, 1982: 2] приводят примеры двух словосочетаний, применяя системы различных скобок для презентации разных типов межкомпонентных связей:

1) **new {giant size [cardboard (detergent box)]}** («новая картонная коробка большого размера для стирального порошка»);

2) **{[(house property) tax] office} furniture** («мебель конторы, занимающейся налогообложением собственности на жилье»).

Если обозначить компоненты терминов символами А, В, С, D и Е, то систему межкомпонентных связей можно представить более наглядно:

Развертка 1: **E:{D:[C:(B:A)]}**

Развертка 2: **{[(E:D):C]:B}:A**

Эти два приведенных типа словосочетаний представляются зеркальными. Данные схемы отражают сложную семантику межкомпонентных связей. Представленные примеры свиде-

тельствуют о том, что в английском языке существует два типа/модуса развертывания ступеней модификации, ассоциативный и когезионный. В первом типе модифицирующие компоненты непосредственно определяют базис МКТ, но сами при этом семантически между собой не связаны и друг с другом не взаимодействуют, например:

New giant size cardboard detergent box → **new|giant size|cardboard|detergent|box** (ассоциативная модификация).

Во втором типе модифицирующие компоненты определяют базис МКТ опосредованно, сами при этом находясь между собой в последовательных субъектно-предикатно-объектных отношениях по типу S—V—O, например:

house property tax office furniture → **furniture** ↔ LOCATED IN ↔ **office** ↔ IMPOSING **taxes** ↔ LEVIED ON ↔ **property** PERTAINING TO ↔ **houses** (когезионная модификация).

Многие исследователи уже давно отмечали проявления спаянности и смысловой неразрывности между компонентами в одних случаях и не-контактное соположение компонентов в других. Исследователь терминологии И. Е. Краснова отмечает, что «путем сложной переработки сигналов слушатель (читатель) в конечном итоге приходит к получению интегрального смысла высказывания, фиксируемого в коде смысла в виде его содержательной схемы. Это — последний этап в схеме смыслового восприятия, называемый в психологии фазой смыслоформулирования. Предшествует же ему... фаза установления смысловых связей 1) между словами и 2) между смысловыми звеньями. На смысловое восприятие высказывания оказывает влияние целый ряд факторов, среди которых особое значение имеют глубина структуры (т. е. количество узлов ее членения) и направление развертывания зависимости внутри фразы» [Краснова, 1987: 3].

Таким образом, несмотря на поверхностно идентичное структурирование, многокомпонентные термины явным образом расходятся по двум типам модификации. Один и тот же реальный объект может быть выражен в двух модусах усложнения. В зависимости от экстралингвистических факторов субъект терминологии выбирает конкретную систему координат, или, другими словами, исходит из парадигмы функций, которые выполняет реальный объект, включаемый в систему функциональных отношений.

По 1-му типу происходит экспликация исходного базиса, когда значимые ячейки/позиции модифицирования заполняются ономастическими признаками. По 2-му типу эксплицируется

последовательность S—V—O (субъект — предикат — объект): компонент, выражающий объектность в одной определительной цепочке, изменяет свой статус и начинает выражать субъектность в последующей цепочке S—V—O. В некоторых терминах наблюдается более чем одна цепочка S—V—O в модифицирующей части МКТ.

Однако общая модель/схема реализации значимых позиций на практике не является слишком жесткой. Наблюдаются термины с непоследовательной реализацией позиций, с «пропуском» ячеек. В некоторых случаях модифицирующие признаки заполняют «не собственные» позиции. Тем не менее ранжирование компонентов между собой по степени их экстенсии (семантическому охвату референтов) строго выдерживается в соответствии с их ранговым значением.

С возникновением трансформационной и генеративной грамматик исследователей стал интересовать вопрос о том, как формируются в речи синтаксические структуры. Американский лингвист Ноам Хомский, автор концепции порождающих грамматик, ввел понятие трансформационной грамматики. В его теории так называемые «выражения», то есть последовательности слов, отображают «поверхностные структуры», в основе которых лежат «глубинные структуры». Американские психологи и лингвисты выступали против вероятностных, стохастических моделей порождения речи, которые изображали развитие речи в форме перехода одного слова к другому, т. е. против ассоцианизма. В нашем исследовании мы придерживаемся подходов и методов анализа, применяемых в генеративной и трансформационной грамматиках.

В отличие от генеративистов психолингвисты не ставили себе задач представления особого порождающего устройства, отвечающего за генерирование правильных конструкций, а исследовали механизмы речи. Проблемами речевых структур занимались психолингвисты Ч. Осгуд (создатель контент-анализа), Т. Бивер, Д. Слобин, Дж. Грин, М. Гарретт, Дж. Фодор, Дж. Миллер, У. Уэксел и др. Вопросы линеаризации и связности текста решали В. Левелт (голландский психолингвист) и З. Хэррис. Подходы и положения данных авторов представляются нам чрезвычайно важными, поскольку основным в исследовании многокомпонентных терминов является изучение их структуры как результата взаимодействия между линейной структурой термина на внешнем уровне анализа и сложной иерархической структурой межкомпонентных связей на уровне глубинного анализа синтаксирования его компонентов,

а также изучение их эксплицитно и имплицитно выражаемых связей и отношений. Нам представляются важными вопросы членимости МКТ, приемы их кодирования и декодирования, определение статуса отдельных модифицирующих компонентов, а также анализ ступеней развертывания МКТ. Не последнее значение в этой связи имеет исследование критериев сложности и предельности структуры МКТ.

Ниже приводятся несколько сопоставительных примеров для иллюстрации неоднозначности понятия сложности компонентного состава термина:

1. **Safe fast road** — «скоростная дорога».

Понятие «**safe**» означает «безопасный», понятие «**fast**» — «быстроходный». Действительно, если дорога является скоростной, значит, она одновременно обеспечивает и достаточный уровень безопасности дорожного движения. Соответственно, безопасная автомобильная дорога позволяет проходить по ней автомобильному транспорту с повышенной скоростью. Таким образом, эксплицитно русский эквивалент английского термина проще по структуре, но имплицитно он также содержит семантическое значение безопасности. Следовательно, семантическая структура двух сопоставляемых терминов одинакова, или эквивалентна. И число ступеней модификации обоих терминов одинаково: 1 ступень. В английском термине определители **safe** и **fast** образуют единый, логически спаянный модифицирующий комплекс: **safe fast road**. Иная интерпретация представляется маловероятной. Получается так, что семантическая структура обоих терминов эквивалентна, количество ступеней модификации одинаково. Данные термины являются равносложными. Но их отличие состоит в том, что они имеют разную л и н е й н у ю протяженность. В этом случае возникает вопрос: что считать критерием сложности структуры термина? Как коррелируются между собой линейная протяженность термина и его внутренняя организация?

2. **Low-volume high-pressure gas** — «сжатый газ».

3. **High-volume low-pressure gas** — «несжатый газ».

Логика английских терминов объяснима: если газ занимает небольшой объем, но обладает большим внутренним давлением, то он является, соответственно, «сжатым», и наоборот. В примерах 2–3 английские термины являются равносложными русскими терминам по семантической структуре, но более сложными синтаксически, так как в них модифицирующая часть представляет со-

бой единый комплекс из нескольких лексем: **low-volume high-pressure gas** и **high-volume low-pressure gas**.

Налицо противоречие: термин может иметь сложный состав модифицирующей части, но являться простым по количеству ступеней модификации. Что же тогда является критерием сложности и предельности термина? Какими факторами определяется финитность развертывания исходного базиса термина? По нашему мнению, предельность термина должна определяться всей совокупностью структурных, семантических, морфологических и психолингвистических факторов.

В настоящее время принято считать, что «линейный порядок языковых элементов в любом языке сопряжен с передачей некоторого значения, задача исследователя — определить объем и номенклатуру передаваемых линейным порядком значений, установить степень значимости данного языкового феномена для системы конкретного языка» [Смирнова, 1986: 4]. Семиологический подход к линейному порядку позволяет вскрыть механизмы функционирования знаковых единиц в линейной последовательности. Линейный порядок представляет собой знак с максимальной степенью релятивности и опосредованности. «Означаемым линейного порядка является информация о внутренних отношениях между знаками» [Там же]. Исследователь отмечает что линейный знак имеет двойственную природу: с одной стороны, порядок как всякий знак, осуществляет предикацию, сообщая о явлении действительности через линейное расположение его элементов, а с другой — сигнализируя о внутренних отношениях между своими компонентами, номинирует предмет объективной действительности. И далее: порядок как знаковая система отличается вторичностью, потому что, будучи знаком, он реализует свое значение на основе знаковости компонентов, его составляющих. Знаковость в свою очередь может быть символической и иконической. Иными словами, линейная развернутость словосочетаний может представлять собой либо произвольный знак, не имитирующий языковую реальность, либо иконический знак, имитирующий и моделирующий объекты языковой действительности и взаимодействия между ними [Там же].

Данное положение является важным для интерпретации МКТ, поскольку проводимые нами исследования позволяют сделать вывод о том, что экстралингвистический контекст функционирования технического объекта

непосредственно влияет на характер отношений между компонентами в МКТ, значит, и определяет его модель. По нашему мнению, иерархия модифицирующих позиций в составе МКТ повторяет взаимозависимость и взаимодействие функций и операций, в систему которых включен реальный технический объект.

Нам представляется, что предельными в английском языке являются как четырехступенчатые сложномодифицированные многокомпонентные термины, так и термины со значительной протяженностью модифицирующего набора. Интересно, что Чарлз Остгуд определял предельность любого словосочетания по формуле: 9 ± 2 . Эмпирические исследования, проведенные нами, подтверждают, что предельный МКТ максимально содержит в своем составе 11 лексем. Однако данный вопрос требует, по нашему мнению, проведения дальнейших исследований.

Выводы. 1. Анализ употреблений многокомпонентных словосочетаний в различных коммуникативных текстах свидетельствует в пользу существования общей модели МКТ. В структуре МКТ выделяются значимые модифицирующие позиции, которые заполняются определенными признаками, относящимися к различным семантическим классам и обладающими определенными ранговыми значениями.

2. Причиной и движущей силой модификации исходного термина является экспликация признаков, имманентно присущих реальному объекту.

3. Термин может иметь сложный состав модифицирующей части, но являться простым по количеству ступеней модификации. Основным критерием сложности термина является количество ступеней модификации, которые проходит исходный базис. Также имеет значение общая линейная протяженность модифицирующей части МКТ.

4. Теоретическое значение предлагаемой общей структуры МКТ может заключаться в создании классификаций и описаний МКТ, а также в построении научно обоснованной системы их прогнозирования.

5. Практическое значение обобщенной модели порождения МКТ связано с ее использованием при анализе разноотраслевых терминов, интерпретации их текстовых реализаций и решении учебно-методических задач.

Список литературы

1. Мокиенко В. М. Славянская фразеология.— М. : Высш. шк., 1989.— С. 49.
2. Svartvik I., Leech G., Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English.— М. : Высш. шк., 1982.— 349 с.
3. Краснова И. Е. К проблеме понимания английских многокомпонентных терминов (на материале терминов психологии): лингводидактические исследования.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987.— С. 41–47.
4. Смирнова Н. Ф. О семиологическом подходе к изучению линейного порядка языковых элементов.— Минск : 1986.— С. 6–31.

А. С. Даулетов (Сургут, Россия)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале произведения «Книга джунглей» Р. Киплинга)

The paper under consideration considers the problems of the category of gender in the English and the Russian. The author deals with authentic works by English-speaking writer R. Kipling and his book of stories "The Jungle Book". In his paper the author contrasts the gender categories, addressing the text translated by professional translator E. M. Chistyakova-Ver.

Keywords: *category of gender, translation, communicative peculiarities.*

Предметом настоящего исследования явились противоречия толкования категории рода в теоретической и практической грамматике современного английского языка, которые осложняют переводчикам передачу истинных взаимоотношений субъектов и объектов в текстах переводов.

По мнению академика В. В. Виноградова, категория рода — обязательный элемент значе-

ния существительных. Почти каждое имя существительное относится к какому-либо роду, и вне этой категории находятся только существительные, не имеющие формы единственного числа — *pluralia tantum*. В современных языках встречаются как трехродовые системы (например, в славянских языках и немецком языке), так и двухродовые (в романских, иранских). Как указывает

В. А. Виноградов, развитие аналитизма в английском языке привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений в именах, род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через анафорические местоимения *he, she, it* (он, она, оно) [Виноградов, 2002: 418].

По мнению Н. А. Кобриной, *et al* определение мужского, женского и среднего рода может соответствовать лексическому значению существительного (*boy, girl, table*). Определение рода может также быть выражено различного вида словообразованием, таким как суффиксы женского рода (*-ess, -ine, -ette*) и сложные слова различных моделей (*male-frog, she-wolf*) [Кобрина, 1999: 134–135].

Как отмечает А. Кибрик в своей статье, текст — языковое произведение неограниченной длины. Тексты являются предметом исследования не только (и даже, пожалуй, не столько) лингвистики, но и литературоведения, семиотики и других наук. Художественный текст отражает культурные ценности автора, его взгляд на строй окружающего бытия, его сложившуюся картину мира. Языковая картина мира — исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о *внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира—Уорфа — с другой [Кибрик].

Современные представления о языковой картине мира в изложении Ю. Д. Апресяна представляет собой ситуацию, когда каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира [Зализняк]. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представле-

ния отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир [Зализняк].

Одним из источников такого опыта могут служить художественные тексты. Они являются сосредоточением обильного пласта языковых реалий, присущих той или иной культуре. В художественных произведениях можно проследить такие стилистические приемы, как персонификация, олицетворение, и в связи с этим можно столкнуться с разным родовым толкованием животных, растений, географических объектов и явлений. Большой интерес в этом плане представляет собой произведение английского писателя, поэта и новеллиста Джозефа Редьярда Киплинга «Книга Джунглей» (*The Jungle Book*) [Kipling].

Как указывает В. В. Виноградов, категория рода отчетливо обнаруживается только в формах единственного числа. Мужской, женский и средний род имен существительных выражается, прежде всего, синтаксически — той или другой формой прилагательного, сочетающегося с данным существительным, напр.: *большой город, большая фабрика, большое озеро*. Но, наряду с этим, принадлежность существительного к тому или иному роду в подавляющем большинстве случаев определяется и морфологически — характером основы и окончаниями в том или другом типе склонения.

В способах образования имен существительных мужского и женского рода часто наблюдается соотносительность, особенно в названиях лиц. Имена существительные среднего рода, обозначающие неодушевленные предметы или являющиеся названиями действий и состояний, не соотносительны по словообразованию с именами существительными мужского и женского рода [Виноградов, 1952: 108–109].

Одним из отличительных признаков русских суффиксальных морфем от английских профессор А. Д. Аракин считает наличие во многих из них сем грамматического рода. Такие суффиксальные морфемы, как *-ач, -овец, -ник, -тель, -чик* и другие, даже при отсутствии основы указывают на носителя действия, в то время как морфемы *-овк-а, -ниц-а, -щиц-а* и т. д. свидетельствуют о принадлежности соответствующего лица к женскому полу [Аракин, 2005: 191].

Кроме грамматических родов, в именах существительных различаются категория имен

одушевленных и категория имен неодушевленных.

Интерес к актуализации категории рода обусловливается тем, что в произведении действующие лица с нарицательными именами, такие, как волки, медведь, питон, тигр, пантера и прочие, являются олицетворенными персонажами истории. Данные герои используются с именами собственными, и в подтверждение этому в тексте мы можем встретить их написание с заглавной буквы. В различных упоминаниях героев в тексте автор использует такие местоимения, как *herself*, *hers*, *she* и другие, которые указывают на принадлежность героя или предмета к определенной родовой категории, которая не всегда соответствует принадлежности к родовой категории в русском языке. Эти расхождения следует учитывать для того, чтобы понять истинный смысл и специфику взаимоотношений героев.

Исследование актуализации категории рода проводилось на материале художественного текста объемом 24000 словоформ. Категорию рода представляют 29 словоформ. Из них местоимение *he* определяет 14 лексем, таких как *man*, *cub*, *wolf*, *Father Wolf*, *jackal*, *tiger*, *beast*, *fool*, *baby*, *bear*, *panther*, *leader*, *kite*, *rock snake*; местоимение *she* определяет две лексемы *woman* и *Mother Wolf*; а местоимение *it* определяет 13 лексем (*cub*, *fire*, *herd*, *branch*, *city*, *hand*, *road*, *thatch*, *word*, *donkey*, *plain*, *skin*, *song*). Из приведенного списка лексем видно, что одно и то же существительное *cub* в тексте приводится в качестве мужского, а также неопределенного рода.

Анализируя английский художественный текст Р. Киплинга «*The Jungle Book*», мы находим существительные, которые согласно категории неодушевленности в современном английском языке характеризуются местоимением *it*: *cub*, *fire*, *herd*, *branch*, *city*, *hand*, *road*, *thatch*, *word*, *donkey*, *plain*, *skin*, *song*. Помимо английского аутентичного текста исследуется текст перевода «Книга Джунглей» на русском языке, выполненный Е. Чистяковой-Вэр.

Сравнение оригинального текста и текста его перевода позволяет читателю увидеть, что некоторые лексемы совпадают по своим семантическим выражениям рода в английском и русском языках: *wolf* (волк), *jackal* (шакал), *tiger* (тигр), *beast* (зверь), *man* (человек), *bear* (медведь), *kite* (коршун). Их автор подтверждает именами собственными персонификацию таких персонажей, как: *jackal* — *Tabaqui*, *tiger* — *Shere Khan*, *wolf* — *Akela*, *rock snake* — *Kaa*, *kite* — *Rann*, *panther* — *Bagheera*, *bear* — *Baloo*, которые дают-

ся в тексте с местоимением *he*: *It was the jackal—Tabaqui, the Dish-licker—and the wolves of India despise Tabaqui because he runs about making mischief... Shere Khan, the Big One, has shifted his hunting grounds*. В роли повторной номинации используется имя собственное, которое подтверждается местоимением *he* [Kipling].

Переводчик Е. Чистякова-Вэр также следует русским традициям мировосприятия категории мужского рода, зафиксированной в толковом словаре русского языка: «тигр» (м. р.), «шакал» (м. р.), «волк» (м. р.), «питон» (м. р.), «коршун» (м. р.) и «медведь» (м. р.) [Ожегов, 1989: 651], например: *Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности... Шер Хан переменял место охоты* (Пер. Е. Чистяковой-Вэр) [Киплинг].

Некоторые персонажи в аутентичном тексте характеризуются дополнительной лексической номинацией, которая проявляется появлением суффикса *-er*, например, *Dish-licker* и *leader*: *It was the jackal — Tabaqui, the Dish-licker... till at last he is killed by the wolves and a new leader comes up — to be killed in his turn* [Kipling]. Образование английских лексем с помощью суффикса *-er* демонстрирует англоязычное мировосприятие персонажей, тяготеющее к мужскому роду. Автор текста перевода также относит существительные «лизоблюд» и «вожак» к существительным мужского рода в русском языке, например: *Говорил шакал Табаки, лизоблюд... пока, наконец, стая не убивает его и не является новый вожак, которого в свою очередь тоже убьют* (Пер. Е. Чистяковой-Вэр) [Киплинг]. Стоит обратить внимание на словосложение, путем которого было образовано слово *Dish-licker*, а также на его написание с заглавной буквы, что говорит о явлении персонификации и становлении имени нарицательного именем собственным.

Помимо словообразования читатель встречается в тексте с категорией рода на примере сложных слов: *Father Wolf* (Отец Волк) и *Mother Wolf* (Волчица Мать): *It was seven o'clock of a very warm evening in the Seonee hills when Father Wolf woke up from his day's rest, scratched himself, yawned, and spread out his paws... Mother Wolf lay with her big gray nose dropped across her four tumbling, squealing cubs* [Kipling]. Текст перевода свидетельствует о чужеродности в русской культуре лексем «Отец Волк» и «Волчица Мать», так как в русском языке принято наименовать животных «волк» и «волчица» в зависимости от рода животного, а в тексте перевода словообразование происходит по английскому типу мышления.

Father и *Mother* в оригинальном тексте четко указывают на категорию мужского и женского родов главных персонажей произведения (животных), так как изначально автор определил слово *wolf* мужским родом: *The Law of the Jungle lays down very clearly that any wolf may, when he marries, withdraw from the Pack he belongs to* [Kipling]. Соответственно при прочтении *Mother Wolf* читателю заранее ясно, что имеется в виду уже самка волка, волчица.

Особый интерес представляет существительное *fool*. В тексте оригинала автор определяет существительное *fool* мужским родом: *The fool has had no more sense than to jump at a woodcutter's campfire, and has burned his feet* [10]. В тексте перевода Е. Чистякова-Вэр использует также существительное «глупец», относящееся к мужскому роду в русской культуре, не меняя родового значения персонажа при переводе на русский язык: *У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе лапы* (Пер. Е. Чистяковой-Вэр) [Киплинг].

Но стоит учесть, что слово *fool* было применено в контексте при обращении к объекту «тигр», который также является лексемой мужского рода. Лексема *fool* не демонстрирует четкого отнесения к какому-либо роду, так как не имеет аффиксальных указателей, и не образовано словосложением, указывающим на мужской род.

В качестве примера, где категория рода не совпадает в двух культурах, что может привести к недопониманию содержания текста читателями другой культуры, можно выделить слово *Panther* (пантера): *It was Bagheera the Black Panther... Everybody knew Bagheera, and nobody cared to cross his path* [Kipling]. В тексте оригинала автор подразумевает животное мужского рода — самца пантеры, тогда как в русском языке слово «пантера» в общем значении относится к женскому роду, например: *Это была Багира, черная пантера, вся черная*.

Это несовпадение категории рода в двух культурах приводит к искажению смысла взаимоотношений персонажей с главным героем в оригинальном тексте и создает трудности для корректного понимания: в тексте у человека Маугли в окружении почти все животные, с которыми он рос и жил, являются представителями мужского рода, в том числе и пантера *Bagheera*, то есть их взаимоотношения трактуются как связь ученика и учителя, воспитателя, наставника. Однако в тексте перевода читатель видим взаимоотношения человека и пантеры-самки, что несет в себе значение связи противоположностей: мужского

и женского начала, связь ученика и учительницы, воспитательницы, наставницы, так как переводчик сохранил название животного «пантера», которое в русской культуре определяется женским родом: *Everybody knew Bagheera, and nobody cared to cross his path* [10]. При изучении способов перевода персонажа становится ясным, что использование других существительных семейства кошачьих, например, «тигр», «барс» или «леопард» не найдет применения, так как тигр уже присутствует в рассказе и более того является главным врагом главного героя, территория развития рассказа (Индия) не является территорией обитания барсов, а окрас леопарда не подходит под описание в тексте, так как Р. Киплинг в тексте оригинала использовал структуры, подчеркивающие исключительную черноту и однородность окраса персонажа. В тексте перевода Е. Чистякова-Вэр главным образом делает ударение именно на подвид персонажа в семействе кошачьих — пантера. Все это вместе и составляет трудности для переводчика при максимально приближенной передаче специфике значений персонажей.

Особый интерес представляют синонимы *baby* (ребенок) и *cub* (детеныш). Согласно законам теоретической грамматики слово *baby* в английской культуре определяется местоимением *it* до достижения ребенком двух лет. В русской культуре слово «ребенок» определяется мужским родом с рождения, вне зависимости от возраста. Р. Киплинг в тексте определяет слово *baby* мужским родом: *The baby was pushing his way between the cubs to get close to the warm hide* [10]. Примечательно то, что в данном отрывке пол ребенка еще неизвестен читателю, хотя далее по тексту будет известно, что это мальчик. Употребленное переводчиков слово «ребенок» сохраняет родовое значение объекта в тексте. Что касается слова *cub* (детеныш), то автор в начале развития действия дважды определяет данное слово местоимением *it*: «*Is that a man's cub?*» said Mother Wolf. «*I have never seen one. Bring it here*». Во всех остальных случаях столкновения с данным словом — местоимением *he*, то есть мужским родом: *Now, the Law of the Jungle lays down that if there is any dispute as to the right of a cub to be accepted by the Pack, he must be spoken for by at least two members of the Pack...* Первое упоминание объекта *cub* в тексте не позволяет читателю определить его принадлежность к какому-либо роду, но затем по мере развития рассказа текста автор характеризует его родовую принадлежность к мужскому роду. Наряду с положительным отношением к этому объекту

в тексте перевода используется уменьшительно-ласкательная форма слова «дитя» — «детеныш», которая в русской культуре передает значение мужского рода: *Надо заметить, что в силу постановлений Закона Джунглей, в случае споров относительно права вступления какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться, по крайней мере, двое из стаи...* (Пер. Е. Чистяковой-Вэр) [Киплинг].

Подводя итоги проведенного исследования, в тексте «*The Jungle Book*», мы видим, что коммуникативная особенность проявляется в процессе коммуникации персонажей, в специфике их взаимоотношений. Персонажи, играющие более или менее значимые роли в развитии событий в тексте, одушевляются, и в них читатель может заметить принадлежность к определенному роду. Смысл приемов персонификации заключается в четком выражении особенностей взаимоотношений и взаимодействия персонажей текста в дискурсивном контексте. Через текст читатель может проследить разную категоризацию мира автора текста оригинала и автора текста перевода, отражающуюся через местоимения, которыми автор определяет различных персонажей истории. Из 29 словоформ категории рода 15 лексем сохранили семантическое значение рода в тексте оригинала и тексте перевода. Переводчик Е. Чистякова-Вэр в тексте перевода на русский язык сохранила все случаи родового выражения олицетворенных персонажей, кроме одного: *panther Bagheera* (пантера Багира) — вместо мужского рода переводчик определяет персонажа женским родом для адаптации к русской культуре и русскому мировосприятию, так как слово «пантера» в русском языке относится к женскому роду.

В 13 лексемах, где предметы и явления определены местоимениями *it*, переводчик также выразил персонажей различной родовой принадлежностью, так, в русском языке все объекты относятся к тому или иному роду. Объекты, определенные местоимением *it*, остаются на периферии коммуникативных событий, описанных в тексте, то есть активно не участвуют в жизни главного героя и были упомянуты в небольших случаях. В английской и русской культурах объекты жи-

вотного и растительного мира и явления отличаются различной характеристикой рода. Для правильного понимания читателя специфики животных, растений и других объектов оригинальная трактовка категории рода в аутентичном тексте при переводе может быть выражена той, которая отличается от текста оригинала, но соответствует мировосприятию культуры читателей текста перевода. Вследствие этого читателями может остаться невоспринятым некоторый объем дискурсивной информации, например, специфика взаимоотношений персонажей и их взаимодействия, описываемая автором в оригинальном тексте произведения.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. — М. : Физматлит, 2005. — 232 с.
2. Виноградов В. А. Род // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Рос. энцикл., 2002. — С. 417–418.
3. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. — Л. : Просвещение, 1971. — 367 с.
4. Кобрин Н. А., Корнеева Е. А., Осовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. — СПб. : Союз, 1999. — 496 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1989. — 750 с.
6. Зализняк А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-strict.dtd>
7. Кибрик А. Лингвистика текста [Электронный ресурс]. — URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/TEKST.html
8. Категория рода // Лингвотек : энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lingvotech.com/catrod>
9. Киплинг Р. Книга Джунглей [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/
10. Kipling R. The Jungle Book [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gutenberg.org/2/3/236/>

Л. М. Дегтярева (Ростов-на-Дону, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ (на материале русского и немецкого языков)

In this article on the material of the police memories is investigated the pragmatic potential of the intensifying particles in Russian and German. Analyzed speech means step out, on the equal footing with others, in the function of the markers of the speech influence of the sender of the text to the receiver of the text.

Keywords: *pragmalinguistics, pragmatic potential, speech effect, memory, text sender, text recipient.*

Современная лингвистика в качестве приоритетных рассматривает проблемы, связанные с коммуникативной личностью, с говорящим и воспринимающим человеком, с отправителем и получателем текста. Объектом пристального внимания лингвистов стал человек и отражение его восприятия действительности в языке. К таким направлениям относится прагмалингвистика.

Прагмалингвистика фокусирует внимание на отношении человека к языковым знакам, закодированным в языке, а также на выборе наиболее удачных, с точки зрения ситуации, отправителя и получателя текста, единиц для производства высказываний. Для достижения определенной цели, оказания речевого воздействия на получателя текста отправитель текста производит выбор тех лингвистических единиц, которые, по его мнению, оптимальны для достижения поставленной воздействием цели.

Целью данной статьи является описание прагматического потенциала усилительных частиц на материале русского и немецкого языков. Материалом для исследования послужили тексты речевого жанра «памятка», изданные органами полиции России и Германии. Памятка представляет собой текст, содержащий информацию правоохранительных органов о наиболее часто совершаемых преступлениях и о способах обеспечения безопасности населения [Дегтярева, 2008: 5].

Под прагматическим потенциалом нами понимается воздействующая сила языковых средств, с помощью которой достигается определенный перлокутивный эффект отправителя текста на получателя текста, в результате которого изменяется отношение получателя текста к изображаемой действительности.

Для усиления речевого воздействия на получателя текста отправитель текста использует языковые средства, которые увеличивают прагматический эффект высказывания. К таким речевым средствам относятся и усилительные частицы.

В русском языке такими частицами являются *вот, даже, даже и, еще, же, и, уже (уж), как, ну, определенно, просто, так, то, только, хоть, что*

и др. [Богачев, 2005: 180; Виноградов, 2001: 546; Шанский, Тихонов, 1987: 245 и др.]. В немецком языке: *aber, auch, bereits, besonders, bloß, denn, doch, durchaus, etwa, ganz, (so)gar, gerade, höchst, immer, mal, noch, nur, schon, sehr, so* и др. [Duden, 1995: 764; Engel, 1996: 592; Eroms, 2000: 222 и др.].

Существование в языке усилительных частиц объясняется особенностью их функции. Это особенность заключается в том, что они «усиливают, подчеркивают, выделяют» [Девкин, 1979: 165] информацию, способствуя тем самым привлечению к ней внимания получателя текста памяти. Употребление усилительных частиц в высказываниях объясняется их способностью в свернутой форме сообщить больше информации, чем содержится непосредственно в самой фразе [Сушинский, 1987: 116].

Приведем примеры из текстов памяток на русском языке:

(1) *В недобросовестной рекламе, попадающей даже в средства массовой информации, БАДы позиционируются как высокоэффективные средства для лечения практически всех заболеваний* [Не лечитесь у мошенников, 2011: 8].

(2) *Любые выплаты пенсионерам осуществляются только прикрепленными социальными работниками, и вы, скорее всего, знакомы с ними* [Полиция России напоминает, 2011: 16].

В примере 1 усилительная частица *даже* употребляется для усиления и выделения словосочетания *в средства массовой информации*. Выбор отправителем текста памятки частицы *даже* объясняется его стремлением донести до получателя текста памятки информацию о том, что *даже* СМИ иногда могут рекламировать заведомо ложную информацию о высокоэффективных целебных возможностях БАДов.

В примере 2 усилительная частица *только* указывает на то, что кроме социальных сотрудников *никто другой* не имеет права осуществлять социальные выплаты пенсионерам. Здесь основной задачей отправителя текста памятки является подчеркивание особой коммуникативной важности сообщаемого факта в условиях данной речевой ситуации и акцентирование на нем

внимания [Сущинский, 1987: 113] получателя текста памяти.

Рассмотрим примеры из текстов памяток на немецком языке:

(3) *Informieren Sie Ihre Nachbarn über die Funktion einer vorlandenen Alarmanlage und auch darüber, dass Sie Ihre Beleuchtung, Ihr Radio oder ähnliche Einrichtungen über Schaltautomaten steuern* [Sicherheit im Urlaub. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt, 2011].

В приведенном нами примере 3 выбор отправителем текста памятки частицы *auch* объясняется его стремлением обратить особое внимание получателя текста памятки на принятие таких мер безопасности, как информирование соседей о включении приборов автоматического освещения, радио и др. во время отсутствия.

Обратимся к следующему примеру:

(4) *Ziehen Sie als Autofahrer beim Parken immer den Zündschlüssel ab, ...wenn möglich sollte in diesem Fall immer jemand am Auto bleiben* [Sicherheit im Urlaub. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt, 2011].

Выбор отправителем текста памятки усиленной частицы *immer* в примере 4 свидетельствует о его стремлении подчеркнуть важность постоянных мер безопасности — *всегда* вынимать ключ зажигания, *всегда* кто-то должен находиться рядом с автомобилем.

В примере 5 усиленная частица *aber* употребляется в значении *непременно, обязательно, конечно же*. Выбор отправителем текста памятки частицы *aber* объясняется его стремлением усилить речевое воздействие на получателя текста памятки, акцентируя его внимание на необходимости быть особенно внимательным к незнакомцам до открытия и после закрытия супермаркетов:

(5) *Achten Sie dabei aber auf Unbekannte, die hier vor Beginn und nach Ende der Öffnungszeit warten* [Informationen für Gewerbetreibende: Großveranstaltungen. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt, 2011].

Рассмотрим примеры 6 и 7:

(6) *Bieten Sie diebstahlsgefährdete Artikel nur an der Kasse oder mit Bedienung an* [Informationen für Gewerbetreibende: Großveranstaltungen. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt, 2011].

(7) *Halten Sie den griffbereiten Kassenbestand so gering wie möglich* [Informationen für Gewerbetreibende: Großveranstaltungen. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt, 2011].

В примере 6 частица *nur* стоит в препозиции к существительному *an der Kasse* и под-

черкивает его коммуникативную важность, привлекает внимание к нему получателя текста памятки и усиливает на него речевое воздействие. Все это важно для обеспечения безопасности граждан и предупреждения краж из супермаркетов.

В примере 7 усиленная частица *so* выбирается отправителем текста памятки для того, чтобы акцентировать внимание получателя текста памятки на значимости описываемой ситуации по обеспечению безопасности и сохранности кассовой наличности.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что усиленные частицы обладают прагматическим потенциалом. Под прагматическим потенциалом мы понимаем воздействующую силу, с помощью которой достигается определенный перлокутивный эффект на получателя текста памятки. Для привлечения внимания к информации и оказания на получателя текста памятки эффективного речевого воздействия отправитель текста памятки использует, наряду с другими, усиленные частицы. Они придают большую убедительность информации, изменяют отношение получателя текста памятки к изображаемой действительности и способствуют совершению определенных действий по обеспечению безопасности: относиться внимательно к рекламе и посетителям всевозможных организаций, принимать своевременные меры безопасности по охране своего дома, автомобиля, предупреждению краж и др.

Список литературы

1. Богачев Ю. П. Русский язык с основами языкознания : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений.— М. : Академия, 2005.— 304 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой.— 4-е изд.— М. : Рус. яз., 2001.— 720 с.
3. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика.— М. : Междунар. отношения, 1979.— 257 с.
4. Дегтярева Л. М. Речевое воздействие текстов памяток правоохранительных органов на население : дис. ... канд. филол. наук.— Краснодар, 2008.— 184 с.
5. Сущинский И. И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (Немецкий язык) // Вопр. языкознания.— 1984.— № 2.— С. 9–13.
6. Сущинский И. И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль

в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) // *Вопр. языкознания*.— 1987.— № 6.— С. 110–120.

7. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология.— 2-е изд., испр. и доп.— М. : Просвещение, 1987.— 256 с.

8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch.— 3te, bearb. und erweit. Aufl.— Mannheim : Dudenverlag, 1996.— 1816 s.

9. Engel U. Deutsche Grammatik.— 3te korrigierende Aufl.— Heidelberg : Julius Groos Verlag Heidelberg, 1996.— 888 s.

10. Eroms H.-W. Syntax der deutschen Sprache.— Berlin ; N. Y. : de Gruyter, 2000.— 512 s.

Источники материала

11. Моя экономическая безопасность. Как не стать жертвой аферистов.— МВД России, 2011.— 36 с.

12. Полиция России напоминает! Пенсионеры, инвалиды, ветераны и родители несовершеннолетних, эта памятка — для вас.— МВД России, 2011.— 23 с.

13. Sicherheit im Urlaub. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt [Электронный ресурс].— URL: <http://www.polizei.propk.de>, 2011, свободный.

14. Informationen für Gewerbetreibende: Großveranstaltungen. Programm Polizeiliche Kriminalprävention. Infoblatt [Электронный ресурс].— URL: <http://www.polizei.propk.de>, 2011, свободный.

Т. И. Дровоз (Магнитогорск, Россия)

ЭМОТИКОНЫ КАК СРЕДСТВО ЭМОТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

The article concerns the use of emoticons in the virtual discourse, especially in the humor discourse. The emotions play an important part in the unofficial communication; emoticons are applied in order to replace nonverbal part of the communication. Different functions of the emoticons in the virtual humor discourse are considered in the article.

Keywords: *emoticons, virtual discourse, Internet, humour.*

До недавнего времени виртуальное общение считалось более формализованным и сухим по сравнению с реальным общением, что связывали с опосредованной природой данного типа коммуникации. Однако в настоящее время социологи, психологи, психо- и социолингвисты обращают внимание на то, что среда Интернет порой дает широчайшие возможности для самореализации и самопрезентации личности, для межличностного общения и идентификации вне социальных ограничений [Белинская, Чучкова].

Интернет-среда на сегодняшний момент представляет собой практически универсальный механизм социализации в процессе межличностного общения. Общение начинается с идентификации, развивается в соответствии с той или иной поведенческой стратегией и включает информационно-эмоциональный обмен.

Участники виртуального общения создают собственную виртуальную личность, которую, как правило, они стремятся наделить положительным вербальным имиджем. Имидж участника формируется в основном текстом всех его сообщений, которые, как отмечается, ориентированы на взаимопонимание и контакт [Брудный, 1998: 96].

При стандартном межличностном общении автор сообщения при построении коммуникации может полагаться на реакцию адресата, выраженную невербально — с помощью мимики или жестов. В виртуальном общении эта доля оставалась пустующей, ее необходимо было заполнить каким-либо образом, доступным для данного типа общения.

Универсальным международным кодом для выражения эмотивной невербальной составляющей стали эмотиконы.

Эмотиконы (от англ. emoticons — emotion + icon), или смайлы (от англ. smiley — to smile), — графические символы, различное сочетание которых напоминает человеческое лицо, использующиеся для передачи эмоций в сетевой коммуникации. Универсальность эмотиконов заключается в том, что их система едина для всего Интернета, что обеспечивает однородность восприятия вне зависимости от того, носителями каких языков являются участники общения. Общий иконический характер [Шейгал, 1996: 211] систем эмотиконов поддерживает коннотативную связь между классической:

:-) или =) или :) — улыбка, радость;

:(или =(— грусть, печаль;

:D или :D — смех;

o_O или oO или o.O — удивление и т. д.;

и азиатской системой эмотиконов:

(n_n) улыбка; (^_^) — улыбка, радость, счастье, кавай;

(<_>), (v_v) — грусть; (o_o) — удивление [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Эмотикон>].

Поскольку общение в киберпространстве больше не является прерогативой избранных, с появлением уже готовых анимированных смайлов знание значений набора символов оказывается излишним, и эмотиконы вышеперечисленных систем становятся своего рода визитной карточкой отдельного коммуниката. В настоящее время используются упрощенные варианты смайлов, такие как) или)) — по степени интенсивности эмоций, (или ((, o_O.

В виртуальном общении эмотиконы выполняют целый ряд различных задач: они выражают эмоции, придают высказыванию большую экспрессивность и индивидуальность, выполняют мелиоративную функцию, а также служат сигналом для переключения на код шутивого, юмористического общения, выступает в качестве инициальных знаков [Коновалова, 2009: 64], выражают готовность продолжить общение в ироническом ключе, переводят сарказм в иронию.

Можно отметить, что эмотиконы имеют общую с юмором просоциальную природу.

При реализации юмористических интенций решающим является социальный контекст, так как юмор, прежде всего, межличностный феномен, который основывается на интеракции определенного рода и сам оказывает на нее влияние. Человек начинает распознавать юмор как таковой и классифицировать ситуацию как игровую и несерьезную. Эффективность любой коммуникации определяется полнотой взаимопонимания. Взаимопонимание в игровом юмористическом контексте является ключевым моментом и во многом определяется реакцией адресата, в которой проявляется его готовность начинать и продолжать общение в юмористическом ключе.

Эмотиконы в виртуальном юмористическом дискурсе служат эффективным инструментом при выполнении следующих функций:

1. Безусловно, одной из важнейших функций юмора была и остается контактообразующая функция. Смеховая коммуникация всегда обнаруживает внутреннее устремление к увеличению числа участников: она отличается неполнотой и незавершенностью даже в диалоге двух субъектов. При этом смех проявляется тем ярче, чем больше людей вовлечены в сферу его воздей-

ствия — он изначально требует социального пространства.

Эмотиконы в данном контексте выступают в качестве инициального сигнала, служащего для переключения кода на шутивое общение. Наиболее показателен в этом плане следующий пример, когда на приглашение к шутивому общению следует остроумный ответ:

<Miri> 2 % der Weltbevölkerung haben rote Haare :D

<Mephisto> Vor dem Mittelalter waren das sicher mehr. [<http://www.bash.org.de>]

<Miri> 2 % населения Земли — рыжие :D

<Mephisto> До Средневековья их определенно было больше.

2. В качестве приема деэскалации. Необходимо отметить, что толерантное отношение к другим пользователям является социально приемлемым для виртуального сообщества. В напряженных, неопределенных, неловких ситуациях юмор — это полезный метод избежать жесткой конфронтации, обогнуть неловкости, покритиковать в игровой форме. Благодаря этому, юмор — это потенциальная техника деэскалации, то есть средство избежать или смягчить напряжение и предотвратить конфликты. Эмотиконы, употребляемые в определенном контексте, могут снизить напряжение, перенести акценты, сменить сарказм иронией:

xxx: А мы вчера с Ленкой ходили в спорт-бар. А там за соседним столиком какие-то молодые люди так громко разговаривали и постоянно говорили «Марадонна». Я сначала молчала, молчала, а потом подошла и сказала, что правильно говорить Мадонна. Один из них на меня так долго сначала смотрел, а потом попросил мой телефон. Сказал, что будет звонить и спрашивать, как правильно говорить. Наконец-то хоть кто-то подумал, что я умная!!!

ууу: Это да...))))) [<http://www.bash.org.ru>]

3. Для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации.

В межличностном общении невербальная составляющая зачастую оказывается столь же важной, как и вербальная, это эмоциональная реакция собеседника, на которую автор опирается при построении коммуникации. В юмористическом дискурсе реакция реципиента, его готовность продолжать общение в игровом ключе, интерес имеют крайне важное значение, составляют основу остроумия. Иногда достаточно только использовать эмотикон, чтобы показать свой интерес, например:

«11: сiju ржу дома, не могу успокоиться»)

111: короче стою сегодня курю около метро, после универа. ко мне подходит поцан и спрашивает спички. а я как раз утром из дома коробок прихватил. ну я ни слова не говорю, вытаскиваю из кармана, протягиваю.

222:)) [<http://www.bash.org.ru>]

4. В качестве иллюстрирующего приема для выражения индивидуальности автора. Часто для этого применяются окказиональные или редкие в использовании эмодзи, например:

* Wild слушает А. Новиков — Пускай Ты Выпита Другим **d(0_0)b**

<bones©> саундтрек к сумеркам?

<bones©> али жалобная песня подмагазинных синяков? [<http://www.bash.org.ru>]

Данный эмодзи **d(0_0)b** относится к группе азиатских эмодзи и означает «человек в наушниках». Его использование лишено прагматического значения, он применяется просто как иллюстрация некоего действия с ироничным контекстом.

5. Как проявление игровой природы юмористического виртуального дискурса.

Юмористический и интернет-дискурс имеют схожую игровую природу. Стремление к игре — одно из наиболее сильных и значимых составляющих личности, начиная с самого раннего детства. Некая театральность, «детскость», дурашливость, свойственная эмодзи, по сути, является продолжением гримасы или кокетства в реальном общении.

Очень часто эмодзи, употребляющийся в конце юмористического текста, служит призывом к реакции реципиента, аналогом фразы: «разве это не смешно/ не грустно?». Правда, грусть в данном контексте будет наигранная, а эмодзи иллюстрирует и усиливает подтекст. Эмодзи, использованный в конце следующего высказывания, обозначает притворную печаль, что усиливает авторскую иронию:

xxx: Кошка, сидя на ноуте, умудрилась в поисковике найти вакансию на инженера автоматизации на языке программирования питон.

xxx: По-моему, она что-то от меня скрывает :([<http://www.bash.org.ru>].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о высокой значимости эмодзи в качестве вспомогательного средства при передаче эмоций, сопровождающих юмор, иронию, сарказм, опосредованной юмористической коммуникации в Интернете. Виртуальная среда использует все более универсальные инструменты, способствующие максимально успешной коммуникации, что особо значимо именно для юмористического дискурса.

Список литературы

1. Белинская Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности [Электронный ресурс].— URL: <http://banderus2.narod.ru/70244.html> 2001, свободный
2. Брудный А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие.— М. : Лабиринт, 1998.— 332 с.
3. Коновалова Ю. Е. Средства компенсации отсутствия эмоциональности в СМС-сообщениях // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та.— Сер. Лингвистика.— 2009.— № 1.— С. 64–69.
4. Чучкова Г. С. Интернет-коммуникация как фактор личностного развития: на примере общения в чатах : дис. ... канд. психол. наук.— М., РГГУ, 2008.
5. Шейгал Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты.— Волгоград, 1996.— С. 204–211.
6. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эмодзи>, 2011, свободный.
7. URL: <http://www.bash.org.de>, 2012, свободный.
8. URL: <http://www.bash.org.ru>, 2012, свободный.

А. И. Дубских (Магнитогорск, Россия)

**СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ПЕРСОНЫ
В «ЗВЕЗДНОМ» ИНТЕРВЬЮ**

This work is done in line with studies of mass-medial discourse. The object of the study is the texts of the “star” interviews as forms of interview-portraits. The main purpose of “star” interview is attraction of attention of mass addressee and permanent maintenance of his/her interest in the person of the respondent that stipulates the choice of interviewees of divergent strategy of self-presentation. To achieve these goals such instrument as epatage is used, which is recognized to be a guaranteed way to be distinguished and remembered.

Keywords: mass-medial discourse, the «star» interview, divergent strategy of self-presentation, epatage, provocation.

Развитие и становление коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов к проблемам функционирования языка сосредоточили интерес исследователей-языковедов на процессуальных аспектах языковой деятельности, сделав связную речь, именуемую дискурсом, полноценным объектом лингвистического описания. Исследования в этой области неизбежно привели ученых к признанию дискурса (устного и письменного) — главной и высшей единицей коммуникации.

Данная работа выполнена в русле исследований масс-медиаального дискурса. Объектом исследования являются тексты «звездных» интервью как разновидности интервью-портрета. Предметом исследования стала дивергентная стратегия самопрезентации респондентов и ее языковое воплощение. Материалом исследования послужили тексты интервью, опубликованные в журнале «Der Spiegel» в 2007–2010 гг.

Вслед за М. Р. Желтухиной масс-медиаальный дискурс понимается нами как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов [Желтухина, 2003: 43].

Особо следует подчеркнуть конструктивную роль масс-медиаального дискурса в организации интервью.

В центре внимания нашей работы находится портретное интервью. Интервью-портрет — устойчивая художественно-публицистическая жанровая форма, направленная на раскрытие человека как уникального явления действительности методом собственно интервью, разговора, опроса или беседы, отражения его внутренней сути (содержания) через отбор наиболее ха-

рактерных внешних деталей облика, профессии, социального статуса и другой атрибутики личности, выраженных в прямой речи героя (автопортрет), и отображения полученного результата методом монолога, диалога или полилога и особенными художественно-документальными средствами периодической печати, радио, телевидения, Интернета.

Если в основе жанра интервью всегда лежит метод интервью (изначальная позиция информационного неравенства), то в основу интервью-портрета природой положен принцип коммуникации (изначальная позиция информационного равенства). Таким образом, если интервью — межвидовой жанр, то интервью-портрет, по логике, должен быть межродовым.

Интервью-портрет сфокусировано на одном герое. Героем такого интервью может стать человек, который проявил себя в какой-либо сфере общественной жизни и привлекает интерес широкой публики. В ряду портретных интервью особо выделяют интервью со «звездами».

В «звездном» интервью акцент делается на неординарность личности, чертах, выделяющих ее из числа других. Такое интервью нацелено на создание яркого эмоционально-психологического портрета, вопросы носят личный характер. Это объясняет тот факт, что «звездное» интервью содержит большой объем личностной информации и является менее информативным с точки зрения его общественно-политической значимости.

«Звездное» интервью следует отнести к разряду умеренно и даже низко структурированных. Текст интервью отличается от всех остальных тем, что не имеет четкой композиционной структуры, структурные составляющие представлены различным сочетанием вопросов, ответов, комментариев. Подведение итогов (концовка) присутствует далеко не во всех звездных интервью.

Типичная композиция «звездных» портретных интервью представлена типом импровизирован-

ной беседы, то есть такими вопросно-ответными единствами, которые нельзя переставить местами. Предполагается, что журналист в таких случаях следует исключительно за ответами интервьюируемого, то есть его вопросы возникают спонтанно по ходу беседы. Однако в процессе подготовки к интервью журналист очерчивает определенный круг тем, которые получают развитие в форме импровизированной беседы.

Основная цель «звездного» интервью — привлечение внимания массового адресата и постоянное поддержание его интереса к персоне респондента, что обуславливает выбор интервьюируемым дивергентной стратегии самопрезентации. Дивергентная стратегия самопрезентации направлена на демонстрацию нестандартных индивидуальных характеристик личности. В этом случае «звезда» пытается выделиться среди своих конкурентов, привлечь внимание других людей при помощи своей оригинальности.

Для достижения этих целей ведущую роль играет такой инструмент, как эпатаж. Термин «эпатаж» происходит от французского глагола *e'pater* — ошеломлять, приводить в величайшее изумление. Согласно толковому словарю русского языка «эпатаж» — вызывающее поведение или скандальная выходка, нарушающая общепринятые нормы; противостояние и конфликт с внешним миром [Ожегов, Шведова, 1999: 875].

Грамотное использование эпатажных техник открывает большое количество возможностей по вовлечению массового получателя в круг интересов «звезды», делает их ее постоянными поклонниками.

К лексико-семантическим средствам реализации тактики эпатирования относится целенаправленный выбор лингвистических единиц, характеризующих обращение респондента к табуированным темам, отрицание им концептов общечеловеческих ценностей, его противозаконные действия.

Самая эксплуатируемая эпатажем тема — это тема порочности, проявляющаяся в нравственной распущенности, пропаганде аморального образа жизни, эксплуатации сексуальных данных ради продвижения по карьерной лестнице и т. п. *Ich meine, der Sex-Antrieb ist der stärkste im Leben. Er kann sogar Revolutionen inspirieren (Jeanne Moreau)*. В этом примере французская актриса и певица Жанна Море, говоря о значении сексуальных импульсов в жизни человека, использует прилагательное *stark* в превосходной степени. Таким образом, сексуальное побуждение признается самым сильным. Во второй части высказы-

вания возможностям сексуальных мотивов придается мощь и охват революционных движений, которые, по мнению актрисы, являются следствием этих стимулов. Подобное культивирование роли секса в общественной жизни привлекает внимание, вызывает широкий резонанс среди поклонников.

Одной из форм провокационного поведения является неприятие общечеловеческих ценностей: Бог, жизнь, семья, счастье. Фаворитом здесь является обращение к религиозной тематике: *Es gibt viele Religionen, die uns fressen. Alle diese menschenvernichtenden Religionen. Alle. Diese Priester. Das ist der Lärm, der mich so ankotzt (Sean Penn)*. В этом примере американский актер Шон Пенн демонстрирует свое пренебрежительное отношение к различным религиям, духовным лицам, религиозным символам. Причастие *menschenvernichtende* в значении *уничтожающие человека* дескридитирует роль религиозных ценностей и догм. В высказывании также используются парцелляционные конструкции, выполняющие актуально-выделительную и негативно-оценчную функции. В них содержится смысл, выражающий авторское отношение к содержанию высказывания.

Частым для тактики эпатирования является рассказ представителями шоу-бизнеса о своих поступках, заслуживающих порицание: *Damals hatte ich einen super Schwarzhandel mit den Amis. Leider nahmen mich die Bullen fest, aber zum Glück war ich noch zu jung fürs Gefängnis (Depardieu)*. Признаваясь в том, что он был замешан в торговле с американцами на черном рынке, французский актер Жерар Депардьё не раскаивается, а напротив, сожалеет о ее окончании. Кроме того, Депардьё гордится высоким уровнем своей деятельности, подчеркивая степень ее успешности с помощью слова-интенсификатора «*super*». Сниженная разговорная лексика («*die Amis*», «*die Bullen*»), а также лексика с отрицательной коннотацией («*Gefängnis*») способствует созданию и укреплению у адресата представления о личности респондента, как о человеке, склонного к авантюрным противозаконным действиям.

Лингвистические единицы, с помощью которых звездные респонденты акцентируют внимание адресатов на своем эпатажном поведении, можно классифицировать по частям речи. Они могут быть выражены:

– существительными (*Drogen, Schwarzhandel, Gefängnis, Affäre, Desaster, Mist, Diebstahl*): *Jedesmal wenn es um Release ging begannen meine Erfahrungen mit Drogen (Wainright)*. Режиссер

Вайнрайт признается, что в прошлом перед премьерными фильмами употреблял наркотики. Такое поведение вызывает осуждение читателей;

– прилагательными (*skandalös, hysterisch, verückt*): *Für mich begann eine Zeit, in der ich bekannt war für die Frauen, mit denen ich skandalöse Affären hatte* (Peter Bogdanovich). Режиссер Питер Богданович признается, что пользовался своей известностью для общения с девушками. Характеризуя эти отношения, режиссер использует прилагательное *skandalös* с отрицательной оценочной семантикой;

– глаголами и глагольными сочетаниями (*klaunen, stehlen, betrunken sein, rauchen*): *Ich konnte drei Monate lang sturzberunken sein* (Depardieu). В этом примере актер Жерар Депардьё использует глагольное сочетание с отрицательной оценочной семантикой *betrunken sein* в значении «напиваться до беспамятства», тем самым акцентируя внимание на своей склонности к алкогольным напиткам.

Проведенное исследование показало, что дискурс интервью-портрета в качестве разновидности дискурса масс-медиа сохраняет общие системные черты и обнаруживает инвариантные

признаки. Композиция «звездного» интервью как разновидности портретного интервью, принимает форму импровизированной беседы. Основной целью данного вида интервью является привлечение внимания массового адресата и постоянное поддержание его интереса к персоне звезды, что обуславливает выбор интервьюируемым дивергентной стратегии самопрезентации. Для достижения этих целей используется такой инструмент как эпатаж. Наиболее частотные эпатажные техники — провоцирующие шокирующие заявления, обращение респондента к табуированным темам, отрицание им концептов общечеловеческих ценностей.

Список литературы

1. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография.— М. : Волгоград, 2003.— 132 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М. : Азбуковник, 1999.— 911 с.

А. А. Елистратов (Челябинск, Россия)

О РОЛИ ВНЕШНИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ¹

The article deals with necessary and unnecessary loan-words in the modern Russian sports vocabulary. Reasons and consequences of the borrowing process are revealed. The status of loan-words has been defined.

Keywords: *sport, sports vocabulary, terminology, jargon, foreign borrowings.*

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть процесс заимствования слов и выражений из иностранных языков в русскую спортивную лексику, выявить причины заимствований и определить стилистический статус заимствованных единиц.

На протяжении многих десятилетий внешние заимствования являются одним из источников формирования спортивной лексики. Как известно, большинство видов спорта приходят в Россию из других стран. Вместе с ними в русский язык проникают новые слова и выражения. Процесс лексического заимствования из одного языка в другой редко бывает простым, одномоментным и, как правило, проходит несколько этапов. Заимствование спортивной лексики

из одного языка в другой представляет собой, прежде всего, заимствование не столько лексических единиц, сколько понятий, которые отсутствуют в той или иной культуре. Поэтому лексическая единица усваивается параллельно с понятием и проходит несколько этапов ассимиляции.

На первом этапе наблюдается приток новых, иноязычных слов и выражений в связи с появлением в стране нового вида спорта. Этот этап называется *проникновением* [о процессе заимствования см.: Аристова, 1978]. Он особенно характерен для лексических единиц недавно возникших видов спорта. На этой стадии новые лексемы часто отображаются в неизменной, латинской графике, иногда выделяясь курсивом: «В те времена *slamdunk* было довольно редким явлением... Поэтому мой *slam* произвел впечатление» [Хомичюс, 2001: 57].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

Однако факт проникновения слова еще не говорит о его заимствовании. Приток подобной лексики в язык связан с новизной видов спорта, неосвоенностью их терминологии, отсутствием соответствующих эквивалентов в национальном языке, возрастными рамками самих спортсменов, большую часть которых составляет молодежь. Знание подобных слов и выражений в среде носителей новых видов спорта, наряду с профессиональными и жаргонными, служит показателем принадлежности к числу «избранных», владеющих «секретами мастерства», средством разграничения «своих» и «чужих». По наблюдениям Д. С. Лотте, «стремление сделать свою терминологию непонятной для “непосвященных” вместе с боязнью называть предметы, кажущиеся сложными (или действительно являющиеся сложными), обыденными словами весьма характерно для молодых терминологий» [Лотте, 1982: 55]. Часто возникает «мода» на «свежую» лексику. «В связи с заимствованиями из других языков наименований для специальных понятий необходимо также иметь в виду, что и в языке бывает “мода” на заимствованные слова», — отмечает В. П. Даниленко [Даниленко, 1977: 168]. Так, летом 2002 г. чемпионат мира по футболу именовался *мондиалем*, а футболисты Бразилии, ставшие чемпионами мира четвертый раз, — *тетракампеонами* [Крысин, 2002: 29].

Несмотря на то, что характерной чертой моды является быстротечность, существует вероятность закрепления новых лексем в словаре специалистов. Именно так обстояло дело, например, с лексикой бокса в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, когда возникла насущная необходимость ее упорядочить и стандартизировать. Дело это оказалось непростым. По воспоминаниям заслуженного мастера спорта СССР по боксу К. В. Градополова, «именно из-за рубежа пришли к нам в то время такие названия ударов, как “тур де вальс”, “штопорный”, “солнышко Демпси” и другие. ...Под влиянием зарубежной литературы и старых тренеров, бравировавших знанием иностранных названий боксерских приемов, некоторое время у нас бытовали беспорядочно применявшиеся термины. Так, боковой удар пережил множество названий: “косой”, “кривой”, “хук”, “крюк”, “кроше»» [Градополов, 1972: 135].

Второй этап языковой интерференции можно охарактеризовать как «борьбу» иноязычных и национальных терминов за номинацию того или иного явления. Он тесно связан с зарождением корпоративной культуры отдельного вида спорта, поскольку наличие такой «борьбы» слов в речи

носителей языка свидетельствует о процессе осмысления лексемы в ходе специальной деятельности. Именно здесь решается дальнейшая судьба лексической единицы:

а) иноязычное слово прочно закрепляется в словаре этого вида спорта, безальтернативно к национальному языку (с учетом норм и особенностей ассимилирующего языка) и становится термином;

б) иноязычное слово и его национальный эквивалент сосуществуют в языке на равном положении и находятся между собой в синонимичных отношениях;

в) иноязычное слово полностью вытесняется исконными словами-терминами. Как правило, оставшиеся иноязычные термины являются интернациональными.

Можно выделить третью стадию в развитии спортивного термина в языке — исчезновение. В определенной степени эта стадия совпадает со стадией вытеснения. Однако исчезновение терминов может быть также связано с исчезновением каких-либо спортивных реалий, например, упражнений, инвентаря, технических элементов, движений или с политическими событиями.

В последние два десятилетия наблюдается приток значительного числа иноязычных слов в русский язык вообще и в русскую спортивную лексику в частности. Ученые отмечают, что «интенсификация общения с иностранцами как результат распада СССР — важное условие не только непосредственного заимствования лексики из иностранных языков, но и приобщение носителей русского языка к интернациональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам» [Крысин, 2002: 28]. Влияет на интенсивность процесса заимствования и распространение Интернета наряду с отсутствием строгого контроля над языком СМИ. Это особенно касается лексики спорта как явления международного. Здесь исследователь сталкивается с проблемой упорядочивания и стратификации спортивной лексики, так как «свежезаимствованные» лексические единицы не являются терминами. Они не фиксируются спортивными терминологическими словарями (это, возможно, вопрос времени) и часто не имеют четких формальных и/или содержательных признаков. Например, вышеупомянутый *мондиаль* зафиксирован «Футбольным словарем сленга» в форме *мундиаль* [Никитина, Роголева, 2007], а слово *тетракампеоны* вовсе отсутствует. Правильнее было бы включать подобные лексемы в разряд модных слов и выражений, непродолжитель-

ное время бытующих в ограниченной среде и/или находящихся на первой ступени заимствования. Исходя из соображений их новизны, окказиональности, неконвенциональности, немотивированности, часто — ограниченности рамками конкретной социальной / профессиональной группы и недолговечности, такие лексические единицы следует отнести к жаргонизмам. С другой стороны, у этих слов есть признаки варваризмов, то есть иноязычных слов, пригодных для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев [Реформатский, 1967: 96]. У простых любителей спорта, не говоря уже о тех, кто спортом не интересуется совершенно, эти непонятные, чуждые лексемы нередко вызывают непонимание и раздражение. В данном случае уместно вспомнить элементы чешской терминологии, проникшие в русскую спортивную лексику в начале прошлого века, и их крайне неприятную, жесткую оценку, данную профессором Б. А. Лариным в предисловии к словарю гимнастических терминов: «Терминология не должна представлять собой какой-то особый “халдейский”, понятный только посвященным язык, а должна быть доступна широким массам трудящихся и по возможности быть ближе к живому разговорному языку» [Гимнастическая терминология, 1938: 4–5]. Судя по всему, проблема «халдейского» языка спорта обострилась в двадцать первом веке с легкой руки средств массовой информации. Исследователь современного русского языка М. А. Кронгауз замечает: «Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). В репортажах о боксе появились загадочные панчеры и крузеры, в репортажах о футболе — дерби, легионеры, монегаски и манкунианцы. Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идет речь. Я не знал, что такое кёрлинг, кайтинг или банджи-джампинг (теперь знаю). Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две ассистенции. Поняв, что речь идет о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-вторых, разочлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, “западло”» [Кронгауз, 2009: 13–14]. Приведем еще примеры непонятных слов, зафиксированных тем же автором: *зорбинг*, *фрисби*, *акватлон*, *проспект* (перспективный боксер), *челленджеры* и *контендеры* (претенденты на титул чемпиона по боксу).

К засилью иностранных слов в спортивной журналистике следует относиться серьезно. Работа в средствах массовой информации позволяет запускать в оборот лексические единицы, которые позже, попав в массовый обиход, могут изменить свой статус вплоть до официально-терминологического. Так, по воспоминаниям А. В. Суперанской, «лет пятьдесят тому назад, когда играя в волейбол, кто-то посылал мяч очень далеко, мы в шутку кричали: “Пусть автор [этого удара] сбегает!”, “Автора послать!”. Современные спортивные комментаторы абсолютно серьезно говорят: “Автор удара Иванов!”, “Авторский удар!”» [Суперанская, 2007: 9]. Некогда разговорное слово *автор* не без влияния спортивных журналистов сегодня фиксируется в терминологических словарях, например: *автор гола* и *автор автогола* [Рылов, 1997]. И еще один комментарий от М. А. Кронгауза: «Ведь эти слова, будучи по существу жаргонизмами, используются не только на каком-нибудь интернет-форуме любителей бокса или тенниса (где они вполне уместны). Они проникают в тексты, предназначенные, как говорится, для массового читателя» [Кронгауз, 2009: 69].

Таким образом, существуют предпосылки для перехода недавно заимствованных слов в разряд терминов. Они проистекают из немотивированности подобных слов, их иностранной формы, которая, с одной стороны, непонятна для русского уха, но, с другой стороны, звучит престижней «заурядного» русского слова. Их экзотичность, при соответствующей «поддержке» со стороны СМИ, быстро «затирается», что делает их обыденными в специальной и общей речевой практике. Если вышеупомянутой «ассистенции» трансформация в термин пока еще, кажется, не грозит, то слово *ассист* в значении *результативной передачи в баскетболе* уже отмечено в «Словаре профессионального спортивного языка» [Исмаева, 2006], а слова *ассистент* и *ассистировать* зарегистрированы в словаре футбольных терминов [Рылов, 1997]. Приведем еще примеры заимствований из словарей субстандартной спортивной лексики: *шингерды* (англ. *shinguards* — щитки) — щитки вратаря, *док* (сокращение от англ. *doctor* — врач) — врач, *кэп* (сокращение от англ. *captain* — капитан) — капитан команды, *сэйв* (англ. *save* — спасение) — бросок / прыжок вратаря, в результате которого он ловит / отбивает мяч / шайбу, летящий в ворота [Орлов, 1993; Никитина, Рогалева, 2007]. Очевидно, что некоторые из них (*шингерды*, *док*, *кэп*) имеют давно освоенные в русском языке синонимы и, следовательно, являются избыточными.

Возможно, что часть подобных транслитерированных слов закрепится в русском языке в связи с необходимостью номинировать новые понятия и реалии спортивной деятельности, выделять ранее незамеченные нюансы. Спорт меняется и требует новых наименований для отображения перемен. Если в слове закрепляется новое свойство всем известного понятия, то есть предпосылка для того, чтобы оно (слово) стало термином, вступив в родовидовые отношения с остальными элементами терминологии. Например, в лексике баскетбола это может быть *рибаундер* — игрок, подбирающий мяч, отскочивший от щита; *трипл-дабл* — статистическая категория, согласно которой игрок набирает в одном матче двузначные цифры по трем индивидуальным показателям из пяти возможных (набранные очки, подборы, результативные передачи, блок-шоты, перехваты) [Исмаева, 2006]. Если возникнет необходимость уточнить разницу между щитками игрока и вратаря в футболе, то можно заимствовать лексему *ишингерды*, а *щитки* оставить в значении «щитки полевого игрока». Пока же подобные лексические единицы приходится включать в сниженный разряд спортивной лексики.

Особенно много транслитерированных слов и выражений в жаргоне спортивных фанатов. Очевидно, что самыми значимыми факторами их употребления являются пресловутая мода на новые словечки, распространенная в этой среде, претензия на корпоративность и замкнутость своей субкультуры с одновременным желанием выделиться из круга рядовых любителей спорта, которых, в частности, футбольные фанаты презрительно именуют «кузьмичами». Язык фанатов охватывает массу слов и выражений, заимствованных из других языков, нередко — без всякой надобности: *бас* (англ. *bus* — автобус) — автобус; *кальчо* (итал. *calcio* — футбол) — итальянский футбол; *моб* (англ. *mob*) — группировка фанатов; *скам* (англ. *scum* — отбросы) — неинтересный матч; *скарффер* (англ. *scarf* — шарф) — фанат, носящий шарф; *скаут* (англ. *scout* — разведчик) — фанат-разведчик; *суппортёр* (англ. *supporter* — сторонник, болельщик) — преданный фанат; *тикет* (англ. *ticket* — билет) — билет на матч или на поезд; *торсида* (португ. *torcer* — болеть) — большая группа фанатов; *фирма* (англ. *firm* — фирма; группа людей, работающих вместе) — группировка фанатов; *эстадио* (исп. *Estadio* — стадион) — стадион и др. [Никитина, Роголева, 2007]. Еще одной, немаловажной причиной заимствований служит интернационализация фанатского движения. Успехи спортсменов из других стран и примеры зарубежных «соратников» по фанат-

ской субкультуре подталкивают молодых людей к употреблению иностранных слов и выражений. То же самое можно сказать об отечественных спортсменах, работающих за границей, которые склонны применять иностранные слова и выражения в своей речи.

Безусловно, первое место по заимствованиям в современную русскую спортивную лексику следует отдать английскому языку. Причины этого кроются в престижности английского как языка почти интернационального. Особенно велико влияние англоязычных средств массовой информации и Интернета. Невозможно отрицать и очевидные успехи спортсменов из англоговорящих стран, что заставляет поклонников спорта во всем мире усваивать соответствующие лексические единицы.

Таким образом, внешние заимствования в спортивную лексику русского языка проходят несколько этапов становления. Большая часть заимствованных лексем отсеивается на стадии проникновения в язык-реципиент, и лишь малая часть иностранных слов, связанных с определенным видом спорта, закрепляется и осваивается носителями языка-получателя. К сниженным словам и выражениям стоит причислить те лексические единицы, которые, во-первых, находятся на стадии проникновения и не являются терминами в строгом смысле слова, во-вторых, употребляются лишь отдельными представителями или узкими группами субъектов спортивной и околоспортивной деятельности, для которых подобная лексика выполняет, прежде всего, функцию самовыражения и разделения окружающего мира на «своих» и «чужих». Среди причин заимствований в спортивную лексику выделяются интернационализация спортивного движения и, в значительной мере, общее влияние английского языка.

Список литературы

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 152 с.
2. Гимнастическая терминология. С приложением словаря. — М. : Физкультура и спорт, 1938. — 44 с.
3. Градополов К. В. Воспоминания боксера. — М. : Физкультура и спорт, 1972. — 304 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М. : Наука, 1977. — 246 с.
5. Исмаева Ф. Х. Словарь профессионального спортивного языка. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. — 108 с.

6. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва.— М. : Знак : Языки славян. культур, 2009.— 232 с.
7. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопр. языкознания.— 2002.— № 6.— С. 27–34.
8. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов.— М. : Наука, 1982.— 151 с.
9. Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Футбольный словарь сленга.— М. : Астрель, 2007.— 317 с.
10. Орлов В. Б. Словарь спортивного жаргона.— Челябинск : [б. и.], 1993.— 72 с.
11. Реформатский А. А. Введение в языкознание.— М. : Просвещение, 1967.— 544 с.
12. Рылов А. С. Футбольная терминология : слов.-справ.— Н. Новгород, 1997.— 126 с.
13. Суперанская А. В. Русский язык начала XXI века // Журналистика и культура рус. речи.— 2007.— № 3.— С. 4–17.
14. Хомичюс В. Капитан великой команды.— М. : ОЛМА-пресс, 2001.— 350 с.

Т. И. Зеленина, Н. В. Буторина (Ижевск, Россия)

ЭРГОНИМЫ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

The paper discusses ergonims — proper names of enterprises, companies and other organizations. The research is concentrated on the names of commercial firms in the service sector of Izhevsk. Ergonims, as the branch of onomasiology, reflect both the linguistic identity of a person who nominates objects and the modern nominative processes in different languages, in general. During the last decades Russian ergonims have changed a lot because of the political and economic transformations in the country. Russia has moved from the Soviet system to the market economy. Ergonims carry out the nominative, informative and advertising functions, thereby reflecting the city language environment and the evolution of modern communication.

Keywords: *ergonims, development dynamics, word formation.*

Каждое имя — это слово, развивающееся по законам языка. Однако если бы ономастика ограничивалась лишь лингвистическим компонентом, не было бы основания выделять ее в особую дисциплину. Специфика изучаемого предмета состоит в том, что, лингвистический в своей основе, он включает также этнографический, исторический, географический, социологический компоненты, которые помогают лингвисту выделять специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именованьем [Суперанская, 1973: 7].

При изучении имен собственных, а именно, эргонимов, становится возможным изучить не только специфику семантической структуры и механизм их формирования, но и обнаружить лингвокультурную информацию. Самобытный характер эргонимов — результат настоящего и прошлого нации, источник к пониманию ее культуры.

Термином *эргоним* в лингвистике обозначается наименование делового объекта. В настоящей статье рассматриваются наименования сферы обслуживания г. Ижевска (кафе, бары, рестораны, туристические агентства, салоны красоты, спортивные и развлекательные клубы). Данная тематическая группа нами ранее рассматривалась в значительной мере с точки зрения заимствований [Зеленина, Полянцева, 2010: 257–266].

Эргонимы могут многое рассказать об истории и культуре страны или города, коллективных стереотипах, а также о состоянии общества в тот или иной период. Эргонимия несет на себе ярко выраженный отпечаток своей эпохи, является ее продуктом. Можно сказать, что эргоним должен соответствовать требованиям общества.

Изменения в политической и экономической сферах России повлекли за собой изменения в общественном сознании и, следовательно, в языке. Эргоним стал в определенной степени «вывеской» этих общественных изменений.

С переходом российской экономики к рыночному типу возникла масса новых коммерческих предприятий, появилась потребность в эффективном коммерческом имени фирмы для позиционирования на рынке [Кара-Мурза, 2008: 302]. Еще два десятилетия назад наименования деловых объектов не отличались разнообразием и лингвистическим колоритом. Сегодня многочисленные городские объекты получили индивидуальные собственные имена. Старые названия, связанные ранее с другой формой собственности, были заменены новыми, соответствующими текущим потребностям. На смену широко представленным в советское время эргонимам-аббревиатурам и эргонимам-шифров

кам пришли новые «товарные» эргонимы, выполняющие информативную, рекламную, эстетическую функции. Например, в Ижевске на месте «Столовой № 9» появляется кафе «Золотая гильдия», однотипные «Парикмахерские» уступают место салонам красоты со звучными названиями «Клеопатра», «Престиж», «Фантазия» и т. п.

Начало «рыночных реформ» Ижевск встретил со слаборазвитой индустрией потребления. Явно не хватало предприятий общественного питания. С начала 1990-х гг. сеть точек потребления была сильно переформатирована: стали возникать многочисленные торговые центры, новые предприятия бытового обслуживания населения (парикмахерские, салоны красоты, косметологические салоны). С начала 2000-х гг. активно развиваются сети фитнес-центров, аптек и ювелирных магазинов [Сахарных, 2009: 12].

От прочих групп имен собственных эргоним отличается структурно-семантическое разнообразие. В качестве названий может использоваться любая языковая единица — от отдельного графического знака, до целого предложения. Эргонимическое поле г. Ижевска в сфере обслуживания представлено:

– *эргонимами-словами*. В этой группе выделяются названия, представленные различными частями речи, принимающими на себя характеристики имени существительного (*Хрустальное, Лазурное, Изуми, Оле-Оле*);

– *эргонимами-словосочетаниями*, представленными сочетаниями: прил. + сущ. в имен. пад. (*Важная персона, Римские каникулы, Восточная околица*); числ. + сущ. (*Седьмое небо, За 7 морей, Пять континентов*); сущ. в имен. пад. + сущ. в косв. пад. (*Планета пиццы, Мир гимнастики, Бюро путешествий*); сущ. в имен. пад. + сущ. в имен. пад. (*Zima Leto, Хмель и солод*);

– *эргонимами-предложениями*. Данная группа немногочисленна и представлена преимущественно этикетными формулами, междометиями (*Браво, Bon-jour, Бон вояж, Эврика*).

При этом для эргонимов свойственны все основные пути создания наименований: деривация, словосложение, семантические переносы, образование составных наименований, заимствование из других языков.

Как известно, эргонимы образуются двумя способами: семантическим и собственно словообразовательным.

Семантический способ образования представлен эргонимами, образованными следующим образом:

1. *Трансонимизация* — переход собственных имен из одного разряда в другой. Трансонимизация может происходить без формальных изменений производящей ономаемы, может сопровождаться аффиксацией или сложением основ [Подольская, 1990: 14]. Кроме того, возможно образование сложных номинативных единиц, один из компонентов которых — оним.

Процесс трансонимизации происходит непрерывно и не всегда замечается носителями языка в процессе его использования, поскольку в сущности своей вся номинативная деятельность человека протекает в опоре на готовые и известные из предыдущего опыта языковые знаки, словарный инвентарь языка пополняется в значительной мере за счет вторичной номинации.

При трансонимизации возможны и естественные переходы имени с одного объекта на другой, напр. река *Москва* — город *Москва*, и естественное перенесение имени в иное ономастическое поле, напр. ресторан «*Москва*», гостиница «*Москва*», журнал «*Москва*».

Как показало наше исследование, в эргонимии г. Ижевска трансонимизация является весьма продуктивной моделью номинации. Активность разных видов онимов в номинации организаций различна: а) *антропонимы* (*Алиса, Граф Шувалов, Долорес, Любавушка, Светлана*); б) *топонимы* (*Балтика, Ижевск-тур, Кама, На Майской, У Невского*); в) *мифонимы, теонимы* (*Адам, Ариадна, Ковер-самолет, Орфей*); г) *названия произведений литературы и искусства* (*Айвенго, Ассоль, Мимино, Одиссея, Робинзон*); д) *фитонимы* (*Жасмин, Ирис, Орхидея, Саккура, Тюльпан*).

Итак, в качестве деривационной базы выступают в основном антропонимы. При анализе языкового материала мы выявили, что абсолютное большинство производящих личных имен — женские имена. В корпусе примеров имеется незначительно число названий учреждений, образованных от фамилий.

Исследователи отмечают, что существуют разные *мотивы* использования антропонимов в эргонимии. Во-первых, это именованности по принадлежности — посессивные номинации. Включение в названия коммерческих организаций фамилий владельцев — давняя традиция российского купечества [Долганова, 2006: 108]. Однако в проанализированном нами материале такие названия отсутствуют. Названия на базе личных имен (*Анна, Елизавета, Татьяна* и т. п.) практически анонимны — настолько неконкретно даваемое ими указание на владельца.

Во-вторых, личные имена могут использоваться как «пустые» знаки с приоритетом формы над содержанием [Долганова, там же]. При свободном выборе антропонима номинаторы учитывают красоту имени (*Нелли, Линда*), его этимологический смысл или наличие прозрачной внутренней формы (*Любавушка*).

В-третьих, на базе антропонимов, чьи денотаты обладают широкой известностью, создаются суггестивные номинации. Богатая энциклопедическая информация имени собственного приводит к появлению коннотации, достаточной для использования онима в качестве символа. При переходе антропонима в класс эргонимов комплекс сведений о первоносителе имени редуцируется, нередко до одной личностной черты. Эта черта, благодаря которой соотносятся антропоним и эргоним, становится внутренней формой именования [Долганова, там же]. Так салон красоты получает имя «*Клеопатра*», ставшей символом совершенной красоты, а туристическое агентство «*Колумб*» носит имя великого мореплавателя.

Деривационной базой названий учреждений являются достаточно часто и топонимы. Созданные на их основе названия содержат информацию о местонахождении именуемого объекта, т. е. являются координатными.

Номинации, связанные с географическими реалиями Ижевска, можно рассматривать как результат топонимической метонимии. Таковы названия «*У Невского*» (имеется в виду собор Александра Невского в центре города, напротив которого расположено кафе), «*У лося*» (кафе расположено около памятника лосю), «*На Майской*» (кафе расположено на ул. Майская).

Выполнение топонимическими названиями суггестивной функции возможно благодаря известности их денотатов в социокультурном пространстве. Энциклопедическая информация топонима в этом случае редуцируется до самого общего значения «европейский город», «столица», «привлекательный район столицы», «фешенебельный курорт» и т. п. Таковы названия «*Техас*», «*Moskva*», «*Прага*», «*Saint-Tropez*», «*Манхэттен*», «*Валенсия*».

Особое внимание заслуживает эргоним «*Gorky bar*». Он образован на основе топонима — летний сад имени М. Горького. Топоним же, в свою очередь, образован от антропонима. Таким образом, перед нами пример двойной трансонимизации.

На ижевских улицах можно увидеть названия коммерческих организаций, созданные на основе собственных имен произведений духовной деятельности человека. Все они связаны с явлени-

ями массовой культуры, так как их адресат — широкая потребительская аудитория. Вызывая воспоминания об объекте, носящем первичное имя, такие названия влияют на предпочтения потребителя, успешно выполняя аттрактивную и суггестивную функции: «*Айвенго*», «*Мимино*», «*Мадам Баттерфляй*».

2. *Онимизация* — переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов [Подольская, 1988: 102].

Онимизация представлена двумя основными типами: метафорой (напр., салоны красоты «*Шарм*», «*Чародейка*», «*Diva*», спортивные клубы «*Стальной лев*», «*Викинг*») и метонимией (напр., *бигуди* — «приспособление для укладки волос» — парикмахерская «*Бигуди*»; *кофейник* «сосуд для варки или для подачи кофе» — кафе «*Кофейник*»).

Собственно словообразовательный способ образования эргонимов представлен:

1) *аббревиацией* — образованием нового слова на базе сочетания слов или (реже) одного слова путем сокращения исходных слов: «ХО» (хороший отдых), «*Ижтуртранссервис*», «*СТС-тур*», «*V. I. P. 18*»;

2) *аффиксацией* — образованием нового слова путем присоединения аффикса (суффикса, префикса) к основе: «*ОстровОК*», «*Блинофф*». В приведенных примерах аффиксация выступает в качестве игрового способа словообразования. Он нацелен на реализацию рекламной функции эргонима, на привлечение внимания потребителя. Например, берется слово, обозначающее некую характеристику товара, и из него создается антропоним — условная фамилия, которая задает персонифицированное восприятие товара: классическая русская блинная «*Блинофф*»;

3) *словосложением* — образованием нового слова путем объединения в одно словесное целое двух слов или двух и более основ: «*Евростиль*», «*Евроклуб*», «*Стрела-тур*», «*Спортмиссия*».

Некоторые словообразовательные компоненты, напр. *евро-*, *интер-*, выступают как компоненты «престижности», используемые для реализации рекламной функции и символизирующие высокое качество предлагаемой продукции. При этом различные словообразовательные компоненты могут выполнять и информативную функцию. Яркими примерами служат названия многих туристических фирм: «*Гео-тур*», «*Капитан-тур*», «*Natali-тур*», «*Корона-Тур*». Семантика слова «тур» (фр. *tour* «поездка, путешествие») четко определяет специализацию учреждений.

Весьма популярно особое графическое оформление эргонима: «*Angel b.a.r.*», «*Куда.ру*», «*Путешественник*», «*Сарафан*» (архаические элементы кириллического алфавита).

При всем разнообразии эргонимов, основанных на игровых приемах либо основанных на случайных личных ассоциациях, слабо или вообще не связанных с предоставляемой услугой, на улицах Ижевска можно встретить и эргонимы, конкретно информирующие о том или ином виде товаров или услуг: спортивный комплекс «*Мир гимнастики*», пивная «*Хмель и солод*», блинная «*Блинная горка*», «*Республиканский центр туризма и отдыха*», «*Союз туристов Удмуртии*» и др.

Существует и ряд эргонимов, потенциально или косвенно информирующих потребителя о товаре или услуге: спортивный клуб «*Спортмиссия*», кафе «*Мамины блины*», парикмахерская «*Расческа*», салон красоты «*Гармония*» и др. Это информативно-рекламные названия, их можно отнести к ядру эргонимического поля.

Таким образом, как свидетельствует языковой материал, информативная функция эргонима остается ведущей функцией, без которой он не достигает своей основной цели — привлечение клиентов.

Список литературы

1. Долганова А. Ю. Процессы трансонимизации в эргонимии // Вестн. Умурт. ун-та. Филол. науки.— 2006.— № 5 (2).
2. Зеленина Т. И., Полянцева Д. Г. Интернационализация русской лексики: эргонимия (на материале названий коммерческих объектов сферы обслуживания г. Ижевска) // Российский город в исторической ретроспективе : материалы Всерос. науч. конф., посв. 250-летию г. Ижевска / УИИЯЛ УрО РАН.— Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2010.
3. Кара-Мурза Е. С. Новые времена — новые имена // Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема : сб. ст. / науч. ред. И. Б. Александрова, В. В. Славкин.— М. : Флинта : Наука, 2008.
4. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования // Вопр. языкознания.— 1990.— № 3.
5. Сахарных Д. М. Город Ижевск. Историко-краеведческий комментарий к исследованию «Ментальные карты Ижевска». — Ижевск : Юнита, 2009.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного.— М. : Наука, 1973.

Т. Е. Змеёва (Москва, Россия)

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ «ХОРОШО/ПЛОХО» (на материале французского языка)

In the present article are analyzed some verbal expressing cases of intensive positive estimation by enunciations containing lingual units associated usually with negative estimation. This way of expressing a positive estimation reflects extremely subjective world perception of the subject of estimation, that's why the communicative semantization of the implicit meaning of positive estimation depends completely on the linguistic context and such parameters of communicative situation as social and personal characteristics of the subject of estimation. The knowledge of his/her individual scale of values has particular importance for correct perception of informative and semantic structure of estimating enunciations.

Keywords: evaluation, implicitness, context, evaluation subject, value scale.

Проблема оценки является одной из интересных и актуальных проблем коммуникативной лингвистики, ей посвящены многочисленные исследования как российских, так и зарубежных учёных. Интерес к данному явлению вполне понятен, так как, воспринимая и познавая окружающий мир, человек оценивает всё, с чем он сталкивается в повседневной жизни, и выражает своё отношение к окружающей действительности. Особый интерес представляет разнообразие спо-

собов вербального выражения оценки в процессе реальной коммуникации и в частности те случаи, когда оценка выражается без привлечения специально предназначенных для этого единиц языка, то есть имплицитно.

Проблема имплицитного, то есть формально невыраженного содержания, привлекает внимание многих лингвистов, так как является одной из центральных проблем коммуникативной семантики, ведь именно через этот аспект раскрывает-

ся коммуникативная сущность языка. По мнению лингвистов, из отдельного высказывания извлекается «значительно больше информации, чем содержится в нём как в языковом образовании» [Звегинцев, 1976: 206]. Мы, в свою очередь, имплицитным считаем смысловой компонент высказывания, не получивший в данном высказывании специального формального выражения, но присутствующий в его смысловой структуре. Многочисленные исследования показывают, что существование имплицитных значений становится возможным благодаря наличию эксплицитных значений и даже часто их избыточности, повторяемости. Лексико-семантическая и композиционная структура лингвистического контекста выступает в роли семантизатора имплицитных значений.

Определяющая роль в восприятии имплицитного содержания принадлежит экстралингвистическому контексту, так как «движение мысли, реализуемое через высказывание, протекает всегда в рамках контекстно-обусловленной ситуации, определяющей информационно-смысловое содержание фрагмента коммуникации, что и создаёт такую сложную взаимозависимость элементарных смыслов высказываний и общего смысла коммуникации (текста), которая наполняет каждый раз формальную структуру предложения (высказывания) конкретным смыслом» [Колшанский, 1984: 68].

Под «ситуацией» в данном случае понимается «совокупность условий, в которых происходит акт высказывания (в письменной или устной форме). Под этим следует понимать одновременно физическое и социальное окружение, в котором осуществляется акт речи, образ, который создали об этом окружении собеседники, личность собеседников, представление каждого из собеседников о другом (включая представление, которое каждый имеет о том, что именно другой думает о нём), события, которые предшествовали акту высказывания (в частности, отношения между собеседниками, имевшие место ранее, и особенно обмен репликами, куда включается данное высказывание)» [Ducrot, 1972: 417].

В предыдущих работах мы рассматривали средства имплицитного выражения положительной оценки, условия семантизации оценочного значения под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Проведенные исследования показали, что, включаясь в смысловую сферу текста, слово или высказывание отражают признаки конкретной речевой ситуации. К базисному значению слова в кон-

тексте его употребления могут присоединяться дополнительные текстовые смысловые оттенки оценочного характера, а на дескриптивное содержание высказывания в процессе коммуникации может накладываться модальная оценочная рамка [Змеёва, 2010].

Объектом предлагаемого ниже анализа являются высказывания, содержащие формальные признаки отрицательной оценки, но приобретающие значение положительной оценки в процессе реальной вербальной коммуникации. Такие случаи встречаются не часто, но в силу своей необычности представляют, на наш взгляд, особый интерес.

Мы рассмотрим данное явление на примере высказываний в виде прямой речи персонажей произведений современных французских писателей. Безусловно, прагматика художественного текста не тождественна прагматике повседневного человеческого общения. В приложении к художественному тексту прагматика имеет свой особый объект, свои особые задачи, свой особый метод исследования. Мы остановимся лишь на проблеме декодирования содержания высказываний персонажей, реализующихся каждый раз в конкретной ситуации, различные параметры которой определяются текстом произведения.

Нас интересует, в каких условиях и под влиянием каких факторов происходит коммуникативная переориентация оценочной направленности высказывания (замена знака «—» на знак «+»), семантизация имплицитного значения положительной оценки.

Начнём со следующего примера:

Il est réellement fou, il ne comprend pas! pensa Marguerite **avec émerveillement** [Troyat, 1977: 95].

В случаях, подобных приведённому примеру, непосредственное контекстуальное окружение высказывания с отрицательной оценкой (здесь и в дальнейшем рассматриваемое высказывание выделено жирным шрифтом, а элементы, участвующие в семантизации значения положительной оценки,— подчёркнуты) эксплицирует эмоциональное состояние субъекта речи с помощью слов, в семантической структуре которых присутствует сема положительной оценки (в данном случае — *avec émerveillement*).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что первостепенное значение имеет такой параметр ситуации, как личность субъекта оценки. От субъекта оценки зависят и выбор средств выражения оценки, и её ориентация. В связи с этим особое значение приобретают такие характеристики субъекта, как его вкусы, его отноше-

ние к объекту оценки. Так, в приведённом выше примере Маргарите (субъекту оценки) нравятся люди необычные, непохожие на всех остальных (как Денис Давыдов, которому она посвятила свою книгу). И в молодом человеке (объекте оценки) ей нравится именно то, что он не такой, как все, с кем она общается, что он способен на безумные, с точки зрения других людей, поступки.

Таким образом, отрицательная оценка, выраженная в данном случае языковыми единицами *fou*, *ne comprend pas* (так как отклонение от нормы обычно означает «плохо» [Вольф, 1985: 19–20], подвергается текстовой оценочной переориентации под влиянием различных параметров коммуникативной ситуации. Лексико-семантическая и композиционная структура контекста (в данном случае — контактное расположение слова, называющего чувство восхищения) эксплицирует эмоциональное состояние субъекта оценки. Следует отметить, что в данном случае модальная рамка оценки с признаком «хорошо» накладывается на содержание всего высказывания.

Способ выражения положительной оценки объекта лингвистическими средствами, которые обычно используются для выражения отрицательной оценки, отражает крайне субъективное видение мира. В данном случае на передний план выдвигается индивидуальная шкала ценностей субъекта оценки, как в рассмотренном выше случае.

Контекстуальное окружение высказываний рассматриваемого типа может эксплицировать отношение субъекта оценки к объекту, что также является фактором, влияющим на процесс текстовой переориентации оценки. Например:

— Et comment avez-vous trouvé mon fils? C'est un gaillard, n'est-ce pas? **Un gaillard et un chenapan!**

Visiblement elle était très fière de Volodia, et quêtait des louanges [Troyat, 1968: 183].

Под влиянием повтора семы положительной оценки по отношению к одному и тому же объекту (повтор существительного *gaillard*), а также повтора семантического признака «положительности» (термин Г. Г. Почепцова) [Почепцов, 1977] при описании отношения субъекта к объекту (*elle était très fière... et quêtait des louanges*) сема отрицательной оценки существительного *chenapan* не просто нейтрализуется, а подвергается текстовой оценочной переориентации в устах восхищённой матери.

В приводимом ниже примере в текстовой переориентации оценки также участвует комплекс факторов.

— Mon chéri, je t'aime de toute ma féminité exacerbée. (...)

— Mon mari? Ai-je un mari? dit Solange. Non, puisque tu es là! Non, puisque je t'aime! ...

— Homme ! **Méchant homme! Vilain gerrier à l'armure bénie !** roucoulait Solange [Troyat, 1974: 63–65].

Под влиянием антецедентов (*Mon chéri, je t'aime de toute ma féminité exacerbée, ...je t'aime*) оценочные семы прилагательных *méchant* и *vilain* меняют знак «–» на знак «+». Оценочной переориентации прилагательных *méchant* и *vilain* способствует также описание манеры произнесения рассматриваемых высказываний глаголом *roucouler*, что означает «tenir des propos tendres, langoureux». Кроме того, на основе информации о вкусах героини, заключённой в предтексте, становится очевидным, что значения употреблённых героиней слов *méchant* и *vilain* отражают качества, имеющие положительную характеристику в её индивидуальной шкале ценностей. Без знания этой шкалы невозможно понять истинный смысл оценочного высказывания.

Мы рассмотрели лишь несколько случаев, когда восхищение объектом, то есть его интенсивную положительную оценку, субъект выражает высказыванием, содержащим языковые единицы, соотносящиеся обычно с отрицательной оценкой. Анализ языкового материала (в том числе и нерассмотренного выше) показал, что в интересующем нас случае процесс семантизации имплицитного значения положительной оценки, замена знака «–» на знак «+» полностью зависит от текстового контекста и ситуации, в которой реализуется вербальное выражение оценки.

В создании имплицитной положительной оценки и её декодировании важная роль принадлежит лексико-семантической и композиционной структуре контекста.

Идентификация имплицитного оценочного значения становится возможной либо в оценочных зонах текста, где оценка одного и того же объекта (в широком смысле) получает различное языковое выражение, а эксплицитно выраженные оценки предопределяют возникновение и ориентированность имплицитных оценок, либо на основе интерпретации прагматических характеристик высказывания с использованием оценочных языковых единиц.

Для правильного восприятия информационно-смысловой структуры оценочного высказывания в данном случае первостепенное значение имеют различные параметры отражаемой в тексте ситуации: социально-личностные характеристики субъекта оценки, характеристики объекта оценки, отношение субъекта к объекту и др.

Выбирая рассмотренную выше вербальную форму выражения положительной оценки, субъект демонстрирует своё крайне субъективное видение мира, поэтому особую значимость имеет его индивидуальная шкала ценностей. Без знания индивидуальной шкалы ценностей субъекта оценки правильное восприятие смысла рассматриваемых высказываний невозможно.

Список литературы

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки.— М. : Наука, 1985.— 228 с.
2. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976.— 307 с.
3. Змеёва Т. Е. Коммуникативная семантизация имплицитной оценки (на материале французского языка) // Филол. науки. Вопр. теории и практики.— 2010.— № 2 (6).— С. 57–62.
4. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура.— М. : Наука, 1984.— 175 с.
5. Почепцов Г. Г. «Положительность/отрицательность» как семантический фактор в синтаксисе // Вопросы Романо-германской филологии. Синтаксическая семантика : сб. науч. тр.— М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1977.— Вып. 112.— С. 82–89.
6. Ducrot O. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage.— Paris, 1972.— 470 p.
7. Troyat H. Le front dans les nuages.— Paris : Flammarion, 1977.
8. Troyat H. Tant que la terre durera.— Т. 1.— Paris : La table ronde, 1968.
9. Troyat H. La gloire. Le carnet vert et autres nouvelles.— М. : Editions du Progrès, 1974.

О. О. Кандрашкина (Самара, Россия)

РОЛЬ ТОПОНИМОВ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЕВЕРОИРЛАНДСКИХ РОМАНОВ (на материале романов Anna Burns «No bones» и Lucy Caldwell «Where They Were Missed»)

The paper considers the function of toponyms to express the category of chronotop in modern Northern Irish novels. The novels under analysis are «Where They Were Missed» by Lucy Caldwell and «No Bones» by Anna Burns. The paper demonstrates that toponyms defining the place names of Northern Ireland allow to create the unique space background in above novels, that reflect the subject of “the Troubles” or ethno-political conflict in Northern Ireland.

Keywords: *toponym, art space, modern Northern Ireland novel, chronotop.*

Имена собственные, или онимы, составляют особый разряд слов языка.

Топоним является одним из видов онимов и обозначает названия географических объектов [Кондакова, 2004: 30].

Традиционно топоним понимается как собственное имя любого географического объекта, любого объекта на поверхности земли или в недрах земной коры, выделяемого человеком в качестве самостоятельной единицы [Суперанская, 1984: 175]. Топоним идентифицирует и дифференцирует географический объект. Основной функцией топонима является номинативная функция, свойственная ему онтологически. Географическое значение топонима является его прямым значением, главным и обязательным.

Топонимы выполняют важную функцию в создании пространственного континуума художественных произведений. В художественном тексте топонимы конструируют особые простран-

ственные координаты. Появление топонимов в литературном произведении связано с индикацией пространства, которое в художественном тексте обретает черты художественного пространства [Грузнова, 2005: 4]. Художественное пространство может быть сопряжено с реальным географическим пространством. Художественное пространство, создаваемое при помощи топонимов, представляет собой текстовое пространство особого рода, отличное от того пространства, которое продуцируется обычными нарицательными существительными, обозначающими различные локальные точки.

В художественном произведении топонимы также составляют часть так называемых фоновых знаний, которые являются важными для интерпретации произведения. Уточняя содержание понятия «фоновое знание», О. С. Ахманова отмечает, что «это тот социально-культурный фон, который характеризует воспринимаемую речь, это

вся совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителя данного языка» [Ахманова, 1977: 50].

Недостаточность фонового знания или его отсутствие делает невозможным понимание исследуемых нами произведений, одной из основных тем которых является североирландский этнополитический конфликт или тревожные годы (the Troubles). Таким образом, без фоновых знаний об ирландской культуре и истории и без сведений географического характера неподготовленному читателю будет трудно проникнуть в содержание романов и, следовательно, понять глубокий смысл произведения.

Проанализируем несколько фрагментов произведений, в которых отражен пространственно-временной фон событий.

В приведенном ниже примере из романа «No Bones» этот фон выражен эксплицитно с помощью различных языковых средств, в т. ч. и топонимов:

Soon the four soldiers reached the dark kitchen house in Herbert Street in the tiny, old, Catholic district called Ardoyne. (...) The four reached the street just after eight in the evening, the chill in the air making their breath visible by the dim yellow sitting-room lights. These lights came from the few windows that hadn't yet been boarded up and from the last street lamp that hadn't yet been broken [Burns, 2002: 23].

Временной промежуток обозначен автором при помощи темпоральных детерминантов *just after eight in the evening*. Пространство же создается как с помощью топонимов, обозначающих улицу *Herbert Street* и район Белфаста — *Ardoyne*, пояснение к названию которого дано уже в тексте — *the tiny, old, Catholic district*, так и через краткое описание улицы, которую патрулировали солдаты. Топоним *Ardoyne* обозначает название района Белфаста, где проживало католическое население и который получил известность благодаря массовым беспорядкам на религиозной и этнической почве. Улица *Herbert Street* находится в этом же районе. Топонимы в данном контексте эксплицируют содержательно-фактуальную информацию о Северной Ирландии. Использование топонимов, обозначающих названия мест, позволяет читателю воспринимать художественное пространство романа как реальное отражение объективной действительности.

Стилистически нейтральное прилагательное *tiny* в контексте примера несет определенную смысловую нагрузку. Употребленное в соста-

ве атрибутивного словосочетания (*the tiny, old, Catholic district*), оно подчеркивает малочисленность католической части населения района по сравнению с остальным протестантским населением Белфаста, что усиливает общее восприятие разобщенности города на отдельные районы.

Синтаксический повтор определительных придаточных предложений призван привлечь внимание читателя на начавшийся, но еще не завершившийся процесс, который передан с помощью отрицательной видо-временной формы Past Perfect. Употребление таких глагольных форм показывает завершенное действие по отношению к временному промежутку, связанному с повествованием отрывка. Наречие *yet*, употребленное в примере в значении «еще не / пока не», указывает на то, что скоро все окна будут заколочены, а последний фонарь разбит.

Использование перечисленных средств позволяет читателю визуально представить пространственную картину описываемых событий, как бы «увидеть» город, находящийся на военизированном положении, таким образом, глубже почувствовать атмосферу североирландского этнополитического конфликта.

Рассмотрим пример из того же романа, отражающий отношения католического населения Белфаста к первому появлению британских войск в самом начале североирландского конфликта:

In November 1969 he was sent to Belfast. As soon as he docked and was billeted, he went straight out in his helmet, with his rifle and his backpack, to patrol the streets of the Falls. He was given tea and bread, tea and biscuits, tea and crisps, tea and lemonade, tea and cigarettes. Tea [Burns, 2002: 22].

Речь в примере идет о Джеймсе Тоуне, молодым солдатом, только прибывшем на службу в Белфаст из Англии. Одной из основных обязанностей солдат было патрулирование улиц города. В данном примере мы можем проследить, что жители католического района (the Falls) поддерживали хорошие отношения с солдатами и относились к ним доброжелательно. Топоним *the Falls* локализует пространство событий. *The Falls* обозначает район Белфаста, отделенный от преобладающих протестантских районов высокой кирпичной стеной и колючей проволокой, дабы уменьшить вспышки насилия между католическим и протестантским населением Белфаста. Патрулирование улиц было формальным делом и не означало применение солдатами насилия, которое стало происходить спустя некоторое время после ввода британских войск в Северную Ирландию.

Повтор *tea* + *другие существительные* передает настроение людей, их отношение к солдатам Британской армии в самом начале конфликта, а также придает отрывку определенный ритмический рисунок. Заключительное эллиптическое предложение с лексическим повтором *tea* служит концовкой параграфа и подчеркивает его основную мысль.

Следующий фрагмент текста дает возможность понять, как изменилось отношение к солдатам спустя некоторое время от начала конфликта, когда стало понятно, что военные приняли сторону протестантского населения:

On Jamesey's next tour all was changed. The British Army was no longer welcome in Ardoyne but it still came into it. Stones were thrown, bin-lids banged, whistles blown, bare hands were used, «m-u-u-r-dher» yelled most especially at night and Teasie Braniff was hated for she still brought them tea [Burns, 2002: 31].

Топоним *Ardoyne* определяет художественное пространство событий и обозначает католический район, где проживает население, резко настроенное против протестантской агрессии и обладающее националистическими взглядами. Синтаксический параллелизм во втором предложении представляет динамику событий с помощью акциональных предикатов (*thrown, banged, blown*) в пассивном залоге, не содержащих агентивных дополнений. Субъект действия в данном контексте неопределен и не важен для данной конкретной ситуации, главное — это начало конфликта: насилие, агрессия и действия людей в сложившейся ситуации.

В следующем примере из романа *Where They Were Missed* пространственный фон также создается при помощи топонимов:

Belfast is hot. Belfast is never hot. But Belfast is hot this summer. Daddy says it's the hottest summer in Living Memory. Mammy says It's hot as hell [Caldwell, 2006: 6].

Первое предложение сразу же локализует пространственный континуум произведения при помощи топонима *Belfast*, который обозначает столицу Северной Ирландии, где, наряду с другими городами Северной Ирландии, происходили военизированные столкновения католиков и протестантов.

Третье предложение акцентирует внимание на временном фоне событий с помощью темпорального детерминанта *summer*.

Анафорический повтор топонима *Belfast* в первых трех предложениях сосредоточивает внимание читателя на пространственном фоне произведения и указывает точное место действия. Эмфатический повтор прилагательного *hot* не только связывает предложения в единое смысловое целое, но и реализует в данном контексте еще одну важную функцию — способствует созданию эмоционального напряжения, передающего обстановку в городе.

Таким образом, с помощью топонимов авторы исследуемых романов создают пространственную картину описываемых событий в эмоционально насыщенной, запоминающейся манере. Топонимы, эксплицирующие содержательно-фактуальную информацию о Северной Ирландии, позволяют авторам создать особое художественное пространство, сопряженное с реальным географическим пространством. Включение топонимов в пространственно-временной фон произведений способствует более глубокому их восприятию и помогает читателю глубже проникнуть в самую суть событий, связанных с североирландским конфликтом.

Список литературы

1. Ахманова С. С. Вертикальный контекст как филологическая проблема // *Вопр. языкознания*.— 1977.— № 3.— С. 47–52.
2. Грузнова И. В. Функциональная значимость топонимов в структуре англоязычного поэтического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 2005.— 17 с.
3. Кондакова И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке : дис. ... канд. филол. наук.— Киров, 2004.— 225 с.
4. Невилл П. Ирландия: История страны.— СПб. : Мидгард, 2009.— 352 с.
5. Суперанская А. В. Что такое топонимика? — М. : Наука, 1984.— 182 с.
6. Burns A. No Bones.— N. Y. ; L. : W. W. Norton&Company, 2002.— 366 с.
7. Caldwell L. Where They Were Missed.— London : Penguin, 2007.— 240 с.

О. В. Каркавина (Барнаул, Россия)

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ТЕМАТИЗАЦИЯ
В РОМАНЕ «ДЖАЗ» ТОНИ МОРРИСОН**

The article studies a postmodernist literary text that is dialogically connected with both other literary texts and culture on the whole. The author draws a parallel between the literary text under study and the art of music, jazz style in particular. The paper is an attempt to demonstrate the ways the process of intermedial thematization may be reflected in a literary text.

Keywords: *postmodernism, text, jazz, intermediality.*

В настоящей статье рассматривается творчество Тони Моррисон, одного из постмодернистских авторов. Характерной чертой постмодернистского текста является плюрализм культурных языков и моделей, которые использует автор в процессе его создания. Культура постмодерна переплетает различные виды искусства: живопись с театром, музыку с литературой, живопись с кинематографом и т. п. И дело «не в курьезных подвигах во имя синкретизма, а в невозможности описать мир одним языком и в том, что расширение контекста может быть бесконечным» [Курицын, 1995: 218].

Изучение художественного текста как феномена культуры представляется плодотворным для выявления таких категориальных признаков текста, как категорий интертекстуальности и интермедийности. Интермедийность предполагает организацию текста посредством взаимодействия средств художественной выразительности различных видов искусства и традиционно понимается как 1) особый способ организации художественного текста; 2) специфическая методология анализа и отдельного художественного произведения, и языка художественной культуры в целом.

Интермедийность может быть двух видов: *внутрикомпозиционной* и *внекомпозиционной* (В. Вольф [Wolf, электронный ресурс]). Внутрикомпозиционная интермедийность, в свою очередь, может существовать в виде *множественной медийности* (синтез разных видов искусства в рамках одного произведения, напр., опера) и *интермедийной референции* (взаимодействие искусств, при котором принимающее произведение остается мономедийным). В данном исследовании речь пойдет об одном из видов интермедийной референции — процессе интермедийной тематизации.

Интермедийная тематизация предполагает упоминание средствами доминирующего искусства каких-либо характеристик искусства-источника: например, описание средствами языка звучания музыкального произведения.

Роман «Джаз» имеет короткое, но весьма емкое по содержанию **заглавие**. Оно отсылает читателя к источнику «чужого голоса» в романе — направлению джаза, является ключом к пониманию художественного произведения и ассоциируется с содержанием всего текста. Выбрав в качестве заглавия своего романа название музыкального направления, Тони Моррисон уже изначально погружает сознание читателя в ту эпоху — эпоху надежд, оптимизма, веры в лучшее будущее. Читатель настраивается на то, что его ждет что-то оригинальное, новое, что-то в духе джазовой импровизации.

Свидетельства связи исследуемого романа с жанром джаза мы находим не только в заглавии романа, но и в целом наборе **лексических единиц, отражающих реалии джаза и музыки** в целом. В эту группу входят 34 единицы, относящиеся к различным частям речи. Расположим эти слова в порядке уменьшения частотности их появления в тексте, а в скобках укажем количество случаев их употребления: *music* (27); *a record* (17), в том числе *Okeh records, Bluebird records, phonograph records*; *drums* (14); *to play* (12); *a clarinet* (7); *to sing* (6); *a song* (5); *a tune* (4); *a horn* (4); *a piano* (4); *Victrola* (4); *a guitar* (4), в том числе *a six-string guitar*; *brass* (4); *to whistle* (2); а также следующие единицы, которые появляются в тексте по одному разу: *a vocalist, a band, a saxophone, «The Trombone Blues», a triplet, a duet, a quartet, a melody line, key, a record player, rhythm, alto, soprano, to thum, to hum, a singer, beat, gospel, a musician, a voice*. Особенно важно отметить появление тех слов, которые обозначают непосредственно реалии джазовой эпохи. Это, в первую очередь, названия инструментов и групп инструментов: *a saxophone, a clarinet, a guitar, a trombone, a piano, brass* — солирующие джазовые инструменты; *drums* — основной ударный джазовый инструмент; существительное *band*, которое в эпоху раннего джаза означало джазовый ансамбль. Еще в большей степени нас погружают в эпоху джаза некоторые собственные имена существительные, означающие реально существовавшие и существующие

названия, в том числе студий звукозаписи: *Okeh records*, *Bluebird records*, марки популярного в то время домашнего фонографа *Victrola*; а также названия пластинок: «*The Trombone Blues*», песен: «*Wings Over Jordan*», «*Lay My Body Down*», джазовых ансамблей: *Slim Bates' Ebony Keys*. Нельзя не отметить и один случай аллюзии к известному в то время джазовому музыканту — Peg Leg: «*The singer is hard to miss, sitting as he does on a fruit crate in the center of the sidewalk. His peg leg is stretched out comfy; his real one is carrying both the beat and the guitar's weight*» [Morrison, 2004: 119].

Интересно то, что, появившись в начале романа в качестве его заглавия, термин *джаз* в тексте самого произведения больше не используется. Однако автор прибегает к ряду прилагательных, словосочетаний, которые хотя и не напрямую, но достаточно однозначно указывают читателю на тот музыкальный стиль, о котором идет речь. Так, рассказчик называет джаз расовой музыкой (*race music*), Джо Трейс, главный персонаж романа, использует для ее описания прилагательное *sooty*, для Элис Манфред, одной из главных героинь произведения, с ее пуританским воспитанием джаз — это скверная музыка (*lowdown music*). Тот факт, что Тони Моррисон не использует сам термин для описания джазовой музыки, делает содержание романа более загадочным, неуловимым, неоднозначным.

Весьма важным для понимания сущности романа «*Джаз*» является и **эпиграф**. В качестве эпиграфа к роману Тони Моррисон использует строки из апокрифа «Гром (Совершенный ум)» библиотеки Наг Хаммади:

*I am the name of the sound
and the sound of the name.
I am the sign of the letter
and the designation of the division.*

[Morrison, 2004].

Содержание эпиграфа, с одной стороны, косвенно указывает читателю на стратегию интерпретации романа, т. е. автор дает понять читателю, что в ее романе *звучание* текста (в том числе, и структура произведения, и способ развития сюжетной линии) также важно, как и содержание романа. Здесь оправдано проведение параллели между исследуемым романом и джазовым произведением, сущность которого познается не сколько в процессе интерпретации его содержания, сколько в процессе его непосредственного восприятия, прослушивания. С другой стороны, эпиграф можно рассматривать как оптическую линзу, сквозь которую читатель видит основной текст произведения. Основной принцип,

пронизывающий «Гром (Совершенный ум)», — единство в противоположностях (выраженное здесь через хиазматическую конструкцию) — отличает также и природу джазовой музыки. Контрастность во всем — композиционно-стилистическом строе «Грома», его содержании — не только не разрушает единство, напротив, создает и утверждает его. Это в равной степени относится и к джазу.

На страницах «*Джаза*» Тони Моррисон музыка оживает. Тема музыки выдвигается, в частности, **образностью**, например, посредством использования такого стилистического приема, как персонификация. Свойства человека переносятся на неодушевленные предметы, в частности, солирующие джазовые инструменты. Существительные, называющие неодушевленные предметы, сочетаются с глаголами речи, мышления и другими обозначениями действий и состояний, свойственных людям. В тексте джазовые инструменты живут своей жизнью: «*...and in that cool dark place a clarinet coughs and clears its throat waiting for the woman to decide on the key*» [Morrison, 2004: 64]. Следует подчеркнуть то, что олицетворение автором музыкальных инструментов, играющих джаз, не случайно. По манере исполнения традиционно солирующие джазовые инструменты ближе к человеческому голосу, чем остальные инструменты. Их интонации во многом сходны с интонациями речи и пения. Характерная для них черта — интимность выражения. Посредством таких инструментов музыканты-исполнители «высказываются», используя вместо слов ритмы и тембры.

В предложении «*The music bends, falls to its knees to embrace them all, encourage them all to live a little, why don't you? since this is the it you've been looking for*» [Morrison, 2004: 188] персонифицируется музыка в целом. Это достигается целым набором средств. Во-первых, в отношении неодушевленного явления автор использует глаголы, обозначающие действия, свойственные людям: *to bend*, *to embrace*, *to encourage*. Во-вторых, музыка наделяется человеческой способностью говорить. При этом процесс говорения описывается не глаголами, а включением в текст фрагмента прямой речи, обращенной к собеседнику (слушателю и т. п.): *why don't you?* Интересно отметить, что музыка «общается» со слушателем в свойственной ему манере, т. е. с помощью элементов разговорной речи: *to live a little*, усеченных форм *don't*, *you've*, нехарактерного использования артикля *the* перед местоимением *it*.

Музыкальное настроение создается также в результате использования **фраз из песен**: «*Turn to my pillow where my sweetman used to be (...) how long, how long, how long*» [Morrison, 2004: 56]; «*Hit me but don't quit me*» [Morrison, 2004: 59]; «*When I was young and in my prime I could get my barbeque any old time*» [Morrison, 2004: 60]; а также собственно посредством **описания звучания джаза** и того впечатления, которое оно производило на слушателя. Джаз предстает перед читателем во всем своем разнообразии. Все зависит от того, кто и при каких обстоятельствах его слушает. Для одних персонажей он грязный, провоцирующий, беспорядочный, хаотичный; для других — божественный, волнующий, тонизирующий, вдохновляющий. Люди более старшего поколения, воспитанные в более строгих традициях, усматривали в джазе что-то непристойное, неприличное. Приведем несколько примеров из текста: «*...it wasn't real music — just colored folks' stuff. Harmful, certainly; embarrassing, of course; but not real, not serious. It faked happiness, faked welcome, but it didn't make her feel generous, this juke joint, barrel hooch, tonk house, music*» [Morrison, 2004: 59]; «*The dirty, get-on-down music the women sang and*

the men played and both danced to...» [Morrison, 2004: 58].

Таким образом, связь исследуемых романов с музыкой обеспечивается следующими приемами: использованием большого количества тематической лексики, в том числе собственных имен, означающих реалии джазовой эпохи; включением в текст фраз из песен и описаний как звучания джаза, так и отношения персонажей к данному музыкальному стилю, а также использованием таких стилистических средств, как аллюзия и персонификация, которые проводят контрапунктом тему джаза и служат для создания экспрессивности и эмоциональности текста.

Литература

1. Курицын В. К ситуации постмодернизма в литературе // Новое лит. обозрение.— 1995.— № 1.— С. 197–223.
2. Morrison T. Jazz.— N. Y. : Vintage International, 2004.— 229 p.
3. Wolf W. Intermediality Revisited: Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality [Электронный ресурс].— URL: <http://www.ingentaconnect.com/content/rodopi/wms/2002/00000004/00000001/art00003>, свободный

Н. С. Козлова (Челябинск, Россия)

ОБРАЗ БЛОГГЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

The author's speech in the blog is the main way of his self-presentation. The main strategies which the author uses to name himself are the strategy of direct identification and the strategy of the recipient's attention focus switching from a single sender to some group of people.

Keywords: *blog, author, self-presentation, self-evaluation.*

Двадцать первый век — это век коммуникации. Расширение сети Интернет, развитие мобильной телефонной связи привели к коммуникативному буму. Фактически каждый человек представляет собой некий транслятор информации. Передавая информацию через призму авторской интерпретации, каждый человек получает возможность для самовыражения. Под самовыражением личности, вслед за И. П. Шкуратовой, мы понимаем широкий круг вербальных и невербальных актов, которые человек использует для передачи информации о себе другим лицам, тем самым создавая определенный образ себя [Шкуратова, 2007: 245].

Основным принципом разнообразных типов виртуальной коммуникации является их «цен-

тированность» вокруг личностной проблематики. Внимание к проблеме роли автора в тексте виртуального издания вызвано тем, что доминирующий принцип лингвистического анализа — антропоцентричность — дополняется в настоящее время новым подходом — эгоцентрическим, когда в центр лингвистической дескрипции ставится не абстрактная языковая личность, а конкретный субъект конкретного коммуникативного текста.

Исходя из этого, в настоящее время огромный интерес вызывает изучение блогосферы, которая характеризуется эксплицированностью автора в тексте. Речь в блоге является собственно авторской, так как субъект речи представляет со-

бой основной персонаж в тексте. Следовательно, главным объектом референции самопрезентации в блоге является «Я» повествователя, смоделированное в соответствии с авторским замыслом.

Самопрезентация автора в блоге представляет собой фрагмент текста, который характеризуется целеустановкой автора, направленной на самономинацию, представление своего статуса и самохарактеристику [Понятина, 2011: 527]. Следовательно, категория образа автора является главной составляющей поста в блоге.

Образ автора блога — это важнейший текстообразующий фактор, под воздействием которого создается текст, отражающий определенную авторскую концепцию. Текст блога отражает индивидуальные особенности языковой личности автора, его авторского замысла, т. е. особых индивидуальных способов апелляции адресанта к адресату с целью формирования определенного образа. Основная функция поста в блоге — это конструирование образа адресанта посредством доступных языковых средств.

Самопрезентация автора в блоге традиционно подразумевает описание человеком отдельных аспектов своей личности, которое представлено широким спектром самооценочных высказываний.

Самооценочное высказывание — это средство, с помощью которого личностная информация, внутренние представления человека о себе и своих действиях становятся доступными окружающим. Таким образом, с помощью самооценочных высказываний в процессе коммуникации адресант передает адресату определенные сведения о себе, содержащие оценочную интерпретацию, задавая тем самым определенный формат восприятия своей личности.

Главная особенность самооценочного высказывания заключается в идентичности автора, субъекта и объекта самооценочного высказывания (автор = субъект высказывания = объект высказывания).

По типу автора в блоге мы выделяем два вида самооценочных высказываний:

1. Автор — как единичная личность.
2. Автор — как часть некоторой группы.

Позиция «автор — как единичная личность» реализуется с помощью **стратегии прямой идентификации**. Данная стратегия предполагает использование средств с четкой референтной связью, которая обеспечивает для адресата безошибочную идентификацию адресанта как автора самооценки и носителя оценочного признака или определенного действия.

Основным средством реализации стратегии прямой идентификации является личное местоимение первого лица единственного числа — «ich» — первичный способ номинации, так как его грамматическая семантика заключается в обозначении коммуникативной роли единичного автора [Катанова, 2007: 254]. Местоимение «ich» в самооценочной структуре осуществляет прямую референтную связь между автором как носителем признака / действия (= объектом самооценки) и грамматическим субъектом высказывания. Таким образом, местоимение «ich» выступает инструментом активизации сведений о личностной идентичности адресанта, в результате чего тот мыслится как автономная личность со свойствами только ему признаками.

Ich bin manchmal traurig, manchmal glücklich, aber immer auf der Suche nach dem Neuen, dem Unbekannten, das es zu erfahren gilt [<http://reallove09.blog.de/>]

Позиция «автор — как часть некоторой группы» предполагает расширение объекта самооценки. Данная позиция реализуется с помощью **стратегии дефокусации** — это способ переключения фокуса внимания адресата с личности автора как единичного индивида на некоторую группу, членом которой является автор. При этом происходит объективация сведений о коллективной идентичности адресанта. В результате такой самооценки личность автора мыслится несколько более абстрактно, так как носителями одного и того же признака наряду с автором высказывания являются все представители того же класса / группы, к которым он себя причисляет. Группа может быть как определенной (например, семья), так и неопределенной (например, люди).

Реализация стратегии дефокусации осуществляется с помощью таких средств, как:

1. Личное местоимение первого лица множественного числа «wir» используется автором с целью обозначения некоторой совокупности лиц, от имени которой выступает автор. То есть автор использует местоимение «wir» не в целях указания на непосредственных участников ситуации, а для отождествления себя с некоей ценностно значимой для него группой лиц, объединяемой чаще всего по культурно маркированному признаку. Это может быть указание на профессиональную, социальную, политическую, этническую и др. общность.

Употребление местоимения «wir», с одной стороны, является средством общей оценки, которая предполагает объединение всех людей в поле общечеловеческих ценностей, и частной оценки,

с другой стороны, которая уже не объединяет, а противопоставляет людей на тех, кто априорно разделяет «нашу» систему ценностей (мы), и на тех, кто ее не разделяет (они).

Общеоценочное «wir» связано с обобщенно-личным употреблением, которое содержит референцию ко всем людям, к каждому человеку. Автор, употребляя такое «wir», как бы отождествляет себя со всем человечеством.

Частнооценочное «wir» предполагает использование этого местоимения в целях выделения множества «своих людей» в противоположность другим, не входящим в это множество. При этом признак выделения может быть любым — национальным, политическим, религиозным и т. д. Концептуальная схема такого ценностно ориентированного употребления заключается в том, что автор высказывания, посредством употребления местоимения «wir», отождествляет себя с какой-либо референтной группой [Гранева, 2009: 84].

Следовательно, употребление местоимения «wir» реализует в самооценочном высказывании ряд коммуникативно-прагматических функций:

– разделение ответственности:

Wir haben uns die ganze Zeit kaputtgelacht, zum Glück bekamen wir eine 2. Chance [<http://www.tagebuchland.de/tagebuch/sirin>];

– солидаризация (мы вместе, мы — как круг своих, похожих друг на друга):

Ausgerechnet an diesem heißen Wochenende war unser Straßenfest... Wir liebten alle dieses Fest und tun es bis heute noch [<http://www.tagebuchland.de/tagebuch/Jen>];

– дистанцирование от других групп:

Wir sind allen Menschen nicht ähnlich, wir sind ein bisschen verrückt [<http://coq-au-vin.blog.de/>].

2. С помощью неопределенно-личного местоимения «man» в референции к автору самооценки обеспечивается смещение фокуса высказывания в сторону неопределенной группы индивидуумов и высказыванию придается характер анонимизации.

Эффект анонимизации возникает при партикулятором употреблении местоимения «man»: объект самооценки не эксплицируется, а имплицитруется в контексте, что позволяет автору скрыться за «безликой» маской местоимения «man».

Kennt ihr das auch das man ausgegrenzt wird nur weil man anders ist wie die anderen? Nur weil man

nicht jedes Wochenende Feiern geht, das man sich nicht ins Koma säuft und Simulationsspiele spielt muss man doch nicht gleich anders sein oder doch? Und heute geht wieder ein Tag vorbei wo man alleine ins Bett geht [<http://www.tagebuchland.de/tagebuch/PFT/37589.html>].

3. Парадигматические синонимы личного местоимения «ich» — *mein, mir, mich* — осуществляя референтную связь между автором и описываемым признаком или действием, позволяют адресанту менять ракурс восприятия оценочной информации и фокусировать внимание адресата на соответствующем действии или признаке.

Feiertage sind Gift für mich. Freizeit ist Gift für mich [<http://silversurfer.digi diary.de>].

Zu Essen findet er bei mir nichts [<http://ich-werde-papa.blog.de>].

Каждый блог в интернет-среде — это небольшой мир, в котором живет автор. Создавая свой мир, автор создает свой образ. Используя приемы стратегий прямой идентификации и дефокусации, автор получает возможность смещать фокус рассмотрения своей личности и позиционировать себя как личность с определенным уровнем притязаний, то есть такой оценкой своих возможностей, сохранение которой является для человека потребностью. Отбирая языковой материал, структурируя его, используя жанровые вариации, автор демонстрирует свои мысли и намерения, тем самым репрезентируя свой образ посредством языковых средств.

Список литературы

1. Гранева Ю. А. Местоимение *мы* и проблема языковой концептуализации мира // *Вопр. когнитив. лингвистики*.— 2009.— № 2.— С. 82–87.
2. Катанова Е. Н. Номинативные стратегии при обозначении субъекта самоидентификации в самоидентифицирующем // *Язык, коммуникация и социальная среда*.— Воронеж : ВГУ, 2007.— Вып. 7.— С. 251–260.
3. Понятина Т. Н. Самопрезентация автора-повествователя как составляющий элемент коммуникативной структуры художественного текста // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*.— 2011.— № 6 (2).— С. 527–530.
4. Шкуратова И. П. Самовыражение личности в общении // *Психология личности : учеб. пособие* / под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской.— М. : Эксмо, 2007.— 312 с.

В. П. Коровушкин (Череповец, Россия)

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ
«ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС $\Rightarrow$ СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ»
КАК МЕТОДОЛОГИЯ СОСТАВЛЕНИЯ МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ
И ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ ЛЕКСИЧЕСКОГО СУБСТАНДАРТА
(к социлексикографии английского и русского военных субъязыков
и социолектов)**

The article contains a brief sociolexicographic description of the proposed project of a bilingual substandard Russian-English dictionary of Russian military sociolect (jargon) compiled on the theoretic basis of the intertextual relation "literary discourse $\Rightarrow$ dictionary entry".

Keywords: *intertextuality, intertext, intertexteme, discourse, derivation, substandard, sublanguage, sociolect, sociolexicography, dictionary.*

Категориально-понятийная и терминологическая системы базовых для нашего исследования наук — социолексикологии и социолектологии наиболее детально представлены в наших работах [Коровушкин, 2008; 2009]. Здесь мы ограничимся уточнением основных понятий социолексикографического описания предлагаемого словарного проекта русско-английского словаря военного социолекта (жаргона), теоретической базой которого послужила наша интерпретация интертекстуального отношения «художественный дискурс $\Rightarrow$ словарная статья» в качестве методологии составления подобных словарей. Материалом исследования послужил наш словарь [Коровушкин, 2000].

Социолексикография находится на этапе своего формирования в качестве самостоятельной отрасли лингвистики. Ее основными *атрибутами* как науки, получающей статус автономной отрасли языкознания, являются: 1) отдельное терминологическое обозначение, адекватное в понятийном содержании дефиниции данной науки; 2) своеобразная междисциплинарная научная матрица, формирующая ее лингвометодологический фундамент; 3) особая целевая установка; 4) отвечающая ей объектно-предметная область исследования; 5) адекватная им внутридисциплинарная структура; 6) специфическая категориально-понятийная и терминологическая системы и методика анализа соответствующего материала. Уточним базовые из них.

Термин «социальная лексикография», или «социолексикография», охватывает «субстандартную» лексикографию для иноязычных субстанций и «просторечную» лексикографию для русскоязычных субстанций. В содержательно-дефиниционном плане термин «социолексикография» обозначает три лингвистических сущности: 1) науку, изучающую теорию лексикографического описания нестандартной (субстандартной, про-

сторечной, неконвенциональной, нелитературной) лексики и фразеологии национальных языков; 2) практику составления субстандартных (просторечных) словарей; 3) совокупность субстандартных словарей данного языка, в которых регистрируется вся стилистически сниженная лексика и фразеология, обладающие, в своей определенной части, социальной (в самом широком смысле этого термина) маркированностью, в отличие от лексики и фразеологии литературного языка, которые изучаются стандартной лексикографией и фиксируются стандартными словарями.

Лингвометодологический фундамент социолексикографии заложен в теории общей стандартной лексикографии национального литературного языка, базовые категории, понятия и термины которой естественным образом формируют лексикографический компонент категориально-понятийной и терминологической систем социолексикографии, ее инструментарий, а также определяют ту часть ее объектно-предметной области, которая соотносится с типологией словарей и выяснением места субстандартных словарей в этой типологии, а также с наиболее общей мега-, макро- и микроструктурной организацией субстандартного словаря и используемого в нем лексикографического инструментария. *Социально-лингвистической базой социолексикографии* выступают этнолингвистика и социолингвистика, представляющие собой теоретический фундамент для анализа языковой вариативности, отражающей расовую, этническую, национальную, демографическую (в частности, гендерную и возрастную) и социальную (профессиональную, корпоративную, субкультурную) дифференциацию общества, которые необходимо передавать социолексикографическими средствами в словарях нестандартной лексики. *Социолектология* и *социолексикология* предоставляют не только конкрет-

ный понятийный аппарат и терминосистему для социолексикографического описания нестандартной лексики, но и ту информацию о структурных, семантических, социально-профессиональных, социально-корпоративных, социально-эзотерических и социопрагматических особенностях номинации, которые необходимо фиксировать с помощью социолексикографического инструментария и отражать в некодифицированных словарях и которые естественным образом составляют значительный фрагмент предмета социолексикографирования различных нелитературных, или неконвенциональных, языковых форм и единиц, материализующих лексический компонент объектно-предметной области социолексикографии. *Лингвокультурология* и *лингвострановедение* привносят в социолексикографию, наряду со своими понятиями и терминами, также и ту информацию, которая свидетельствует о специфике культуры и безэквивалентных реалиях страны и этноса, отражающейся в соответствующих ненормативных лексиконах национального языка. *Лингвоэкология*, изучающая существование языка в социально-антропологической среде и существование человека и общества в лингвистической среде, а также динамику взаимосуществования языка и человека в аспектах социальной, языковой и речевой деградации и реабилитации, предоставляет социолексикографии данные о социально-стилистическом и этико-стилистическом снижении регистров социально-речевого общения в устной и письменной речи за счет широкого и активного использования форм языкового субстандарта, характерного для социолектов и нарушающих лингвоэкологическую норму.

Целевая установка социолексикографии как науки — это исследование истории просторечной лексикографии в ее теоретическом и прикладном аспектах, разработка типологии субстандартных словарей, формирование теоретических основ, принципов и методов сбора лексического материала и разработка социолексикографического инструментария для словарного описания нестандартной лексики и фразеологии. *Объектная область социолексикографии* представлена двумя комплексными сущностями: 1) всеми видами языкового субстандарта; 2) всеми типами словарей, регистрирующих все виды языкового субстандарта. *Предметом ее исследования* выступают (по названным объектам): 1) все возможные характеристики единиц языкового субстандарта, которые могут быть и описаны специфическими средствами и инструментами социолексикографии, и отражены в корпусе субстандартного сло-

варя; 2) все свойства субстандартных словарей; 3) совокупность всех словарей, регистрирующих языковой субстандарт.

Понятийно-терминологический аппарат социолексикографии отражает ее объектно-предметную область и охватывает следующие сущности: I) понятия и термины, соотнесенные с языковым субстандартом: 1) социально-коммуникативная система; 2) социолингвистическая норма: А) норма литературного стандарта; Б) норма субстандарта, или просторечия; 3) экзистенциальная форма языка: А) национальный язык; Б) государственный язык; В) литературный язык; Г) геолект: а) региолект, б) территориальный диалект, в) локальный диалект (локалект), г) говор; Д) национальный вариант полинационального языка; Е) язык-пиджин; Ж) креольский язык; 3) подъязык (субъязык); И) социальный диалект (социолект): а) этнический социолект (этносоциолект), б) локальный социолект (социолокалект), в) этнизированный социолокалект (этносоциолокалект), г) профессиональный социолект, д) корпоративный социолект, е) эзотерический социолект; К) языковой субстандарт / просторечие: а) внелитературный субстандарт / внелитературное просторечие (фонетические, морфологические, синтаксические и семантические отклонения от литературной нормы, свойственные неграмотным носителям языка), б) территориальный субстандарт / просторечие, в) этнический субстандарт / просторечие, г) лексический субстандарт / просторечие: низкие коллоквиализмы, общий сленг, вульгаризмы, социально-профессиональные, условно-профессиональные и социально-корпоративные жаргоны, эзотерические аргы, лексиконы маргинальных субкультур; II) понятия и термины, соотнесенные с субстандартными словарями: 1) с типологией субстандартных словарей; 2) с целевым предназначением этих словарей, принципами их составления (включая выбор источников материала и принципы его отбора и организации в словник) и оформлением на разных носителях лексикографической информации; 3) с их структурной организацией; 4) с типами словарных статей и вокабул; 5) с филиацией значений вокабул и семантизацией лексем; 6) с типами дефиниций (включая переводные); 7) с типологией помет и символов; 8) с этимолого-дериватологическими справками; 9) с иллюстративными примерами; 10) с их паспортизацией.

Военный подъязык — это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная автономная экзистенциальная форма национального языка,

обладающая своеобразным соотношением взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение военного социума, характеризующегося единством военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнослужащих и системой общих и специальных военных понятий. *Военный социолект* — это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная автономная или полуавтономная форма существования национального языка, обладающая своим соотношением социолингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно обслуживающая военный социум и обладающая специфической просторечной лексико-фразеологической системой, общими с литературным стандартом фонетической и грамматической системами, отдельными внелитературными фоно-грамматическими отклонениями, характерными для речевого репертуара различных этнических, национальных, демографических, профессионально-корпоративных и локально-территориальных групп и категорий населения, составляющих военный социум конкретной страны. *Лексическая система военного подъязыка* формируется стандартной военной терминосистемой и интересующей нас лексической системой военного социолекта. *Лексическая система военного социолекта* — это исторически сложившаяся относительно устойчивая иерархически структурированная микросистема лексического просторечия, составляющая определенную часть речевого репертуара военного социума, языковые элементы которого — слова и устойчивые словосочетания — характеризуются сниженной коннотацией, преобладающей коммуникативно-эмотивной и относительной эзотерической функцией и понятийно-функциональной закрепленностью за профессионально-корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка. Лексическая система военного социолекта включает в себя четыре основных компонента — военное арго, военный жаргон, военные коллоквиализмы и военные вулгаризмы, а также отдельные элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов, например, морского и речного жаргона, жаргона гражданской авиации, жаргонов МВД, КГБ-ФСБ (для русского языка) и других военизированных

структур, железнодорожников, автомобилистов, электриков, компьютерщиков, молодежи и т. п. Военные социолектизмы каждого из субстандартных компонентов военного подъязыка характеризуются своеобразным качеством инвективности.

В художественном дискурсе английских и русских военных романов содержится лингвистическая, этнокультурная, социолингвистическая и социально-прагматическая информация о ситуации общения, партнерах по общению и их языковому коду, которая необходима для адекватного интертекстуального описания военных социолектизмов с помощью лексикографических средств ее передачи в монологических и переводных англо-русских и русско-английских словарях военного субстандарта.

Отношение «текст¹ → текст²» рассматривается как один из видов *дериивации* (порождения, генерации) единиц всех языковых уровней — от фонемы до текста. Здесь текст¹ выступает в качестве генеративной, а текст² — результирующей единицы процесса *дискурсивной дериивации* и номинации. Этот процесс представляет собой речемыслительное психолингвистическое действие, которое не наблюдается в физическом отношении, но может быть, в определенных пределах, восстановлено сопоставлением обоих текстов в лингвистическом и социокультурном аспектах. Это восстанавливаемое звено отношения «текст¹ → текст²» подводится под понятие «*интертекст*», а отражение первого во втором или отсылка второго к первому — под понятие «*интертекстуальность*». Наименьшая значимая единица, манифестирующая интертекстуальные отношения, определяется как «*интертекстема*». В нашем случае в качестве интертекстем могут выступать любые лингвистические и экстралингвистические данные о языковых знаках (в нашем случае, военных социолектизмах), их носителях (представителях военного социума) и ситуации общения, содержащиеся в художественном дискурсе военного романа. Интертекстемы служат инструментом генерации производного текста, в социолексикографическом аспекте — медиатором создания текста словарной статьи, вокабула которой является основной текстообразующей и текстосвязывающей единицей.

Дискурс определяется как связное устное монологическое или диалогическое речевое произведение, которое может быть адекватно в языковом и прагматическом планах зафиксировано в форме письменного текста в виде прямой, косвенной, внутренней и авторской речи. Здесь

мы основываемся на посылке о том, что художественный военный дискурс достаточно адекватно, хотя и с поправкой на концептуально-творческую и социально-этическую позицию автора, как участника коммуникативного акта с читателем, отражает названную информацию, представленную в наиболее полном и не искаженном интерпретаторами текста виде в реальном живом социально-речевом общении между носителями соответствующего языка в конкретном военном социуме. Художественный военный дискурс и словарная статья в толковом монолингвальном или билингвальном справочнике рассматриваются как два вида письменного текста, между которыми возможны интертекстуальные отношения особого типа. В этих отношениях значимые, часто не выраженные эксплицитно, экстралингвистические и лингвистические единицы в ролях *антецедентов* извлекаются лексикографом из дискурса, преобразуются в роли *консеквентов* в эксплицитные лингвистические единицы текста словарного корпуса. Здесь мы основываемся на наших словарях русского военного жаргона и социолекта.

В *алфавитном монолингвальном словаре* эти интертекстуальные единицы упорядочиваются согласно лексикографической концепции в порожденный текст словарной статьи, язык которой совпадает с языком исходного дискурса. Основная задача интертекстуального преобразования в этом случае — извлечь, преобразовать и представить в форме связного текста *словарной статьи* всю значимую для данного социума и заявленного словаря дискурсивную информацию о лингвистической единице. Здесь текст словарной статьи свертывается и компрессируется по отношению к художественному дискурсу военного романа. При этом одна словарная статья может быть порождена текстами нескольких художественных произведений. Более того, исходным моментом ее порождения может выступать текст другой словарной статьи или устного дискурса. В этом случае могут комбинироваться элементы свертывания и развертывания исходных текстов. Для иллюстрации употребления регистрируемых единиц в реальном военном обиходе в конечный текст словарной статьи могут включаться не преобразованные цитаты исходных текстов, а лишь препарированные согласно требованиям словаря.

Для *переводного словаря* порожденный текст будет представлен вокабулой на языке производящего текста и всей остальной информацией о ней на языке порожденного текста. Задача переводчика-составителя — адекватно преобразовать

текст монолингвальной статьи в билингвальный. Таким образом возникает следующая цепочка деривации текста: текст¹ (художественный военный дискурс, в нашем случае, на русском языке) → текст² (текст словарной статьи в русскоязычном словаре военного социолекта) → текст³ (комбинированный русско-английский текст переведенной статьи). Здесь присутствуют два промежуточных интертекста, а в качестве интертекстом выступают все компоненты словарных статей двух последних текстов. Лексикографическому описанию на основе социопрагматического анализа военного дискурса целесообразно подвергать субстандартные компоненты лексической системы военного подязыка.

Покажем результативный аспект данных интертекстуальных отношений на примерах двух словарных статей: одной из словаря русского военного жаргона и этой же переведенной статьи из проектируемого русско-английского словаря военного социолекта. Словарная статья включает в себя: 1) вокабулу, 2) ее транслитерацию (для русско-английской версии), 3) грамматические и 4) стилистические характеристики, 5) дефиницию, 6) социолингвистические характеристики, 7) дериватологическую справку и 8) иллюстративный пример с его паспортизацией. Ср.: полная русская статья, которая содержит все названные компоненты, кроме, естественно, транслитерации:

áзик, -а, м. *шутл.-ласк. ист.* Аэростат заграждения. ПВО: — ВОВ: М. [Звук. аббр. АЗ + -ик]. «Мы называли их ласково “азиками” — от начальных букв этого вида вооружения противовоздушной обороны — аэростаты заграждения» [Величура, 1986: 153].

Полная переводная англо-русская статья представлена следующим образом: вокабула и иллюстративный пример даются в ней на русском языке, все остальные компоненты статьи — на английском. При этом компоненты 1, 2, 3, 5 и 6 — должны быть обязательными, а 4, 7 и 8 могут быть факультативными. Ниже дан пример, где имеются все компоненты в переводной статье (здесь и далее использованы сокращения, принятые в военном стандарте США):

áзик, -а, [azik] *m. hist.* A barrage balloon. AD: — GPW: М. [Abbr. АЗ <аэростат заграждения + suf -ик]. «Мы называли их ласково “азиками” — от начальных букв этого вида вооружения противовоздушной обороны — аэростаты заграждения» [Величура, 1986: 153].

Итак, интертекстуальное отношение «художественный дискурс ⇒ словарная статья» в

сфере английского и русского военных подъязыков характеризуется основной типологической чертой — возможностью порождения словарной статьи из свертываемого художественного текста с преобразованием всей содержащейся в нем развернутой социолингвистической и социолексикологической информации о военном социолектизме и соответствующем военном социуме в форме словарной статьи с сопоставимым набором ее компонентов и типов словарных помет.

Список литературы

1. Величура Д. Заоблачная коррида // Степегущие небо : сборник / сост. Б. И. Баринов, Г. А. Губанов. — М., 1986. — С. 153–158.
2. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000а. — 372 с.
3. Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолексикологического анализа) : монография. — Череповец : ЧГУ, 2008. — 167 с.
4. Коровушкин В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии : монография. — Череповец : ЧГУ, 2009. — 246 с.

Ю. Е. Кочнева (Челябинск, Россия)

РЕЧЕВАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ (на примере мультипликационного фильма «Shrek-1»)

This article is dedicated to the words polysemy as the means of expressing emotivity. The work includes brief information about the meaning of polysemy, touches upon the influence of context and analogy and association processes on forming different meanings of one and the same word or phrase, and studies the effect these processes produce in terms of emotivity.

Keywords: speech polysemy, meaning, speech combination, contextual marker, analogy and association, emotionality.

Речевая многозначность слова (речевое совмещение значений слова) в последние десятилетия стала восприниматься «не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественно-го языка» [Попова, 2006: 7]. Такое совмещение значений обеспечивается, в частности, соответствующим контекстом, содержащим указания на более чем один лексико-семантический вариант слова как единицы языка. Более того, многозначность слова является одним из сильных экспрессивных средств в тексте. Речевая многозначность слова при этом открывает в нем смыслы и смысловые оттенки, благодаря чему появляется возможность подчеркнуть тончайшие оттенки значения [1]. Многозначность слова является в тексте средством создания определённого эффекта, стилистического по своей природе: слово — двусторонняя семиотическая единица языка — выступает как план выражения другого содержания, «информации второго рода». Выявление лингвистического механизма явления многозначности

требует, в первую очередь, выяснения соотношения языкового семантического потенциала слова и его актуального семантического наполнения в конкретном речевом проявлении. Необходимым условием выявления механизма речевого совмещения значений должен стать анализ контекстных указаний, ведущих к речевой многозначности слова.

Яркие контекстные ситуации и образы можно проследить в современном мультипликационном фильме «Шрек», истории о зеленом огре (великане-людоеде из западноевропейских сказок). Лорд Фаркуад, в желании стать законным королем, заключает со Шреком сделку, согласно которой Шрек освобождает из заточения принцессу Фиону, на которой лорд планирует жениться, а взамен Шрек получает болото (свой старый дом). В сопровождении своего нового друга Осла огру удастся вызволить Фиону из старого замка и доставить её ко двору лорда. Однако Фаркуад даже не мог предположить, что по ночам Фиона обретает иной облик — огра! и отказывается от нее. Искренний поцелуй Шрека, в свою очередь, снимает заклятье с девушки, в результате чего

она так и остается зеленым огром, но уже счастливой вместе со Шреком. Благодаря соединению многих сказочных историй в одну, создается богатая эмоционально-насыщенная картина, где, в зависимости от контекстных ситуаций, слово может приобретать разные оттенки и значения.

Например, в сцене столкновения Осла с драконом в старом замке, мы видим весь ужас и панический страх, что испытывает Осел. Он заикается, ерзает, нервно пытается найти нужные слова и, наконец, когда он понимает, что от преследователя ему никуда не скрыться, он всё-таки находит ЭТО слово, тем самым спасая себя и своих друзей:

*Slow down. Slow down, baby, please. I believe it's healthy to get to know someone over a long period of time... I'm not emotionally ready for a commitment of, uh, this — **Magnitude** really is the word I'm looking for. **Magnitude**.*

Magnitude — слово, которое в первоначальном значении имеет отношение к математике, в данном случае передает всю глубину чувств, которые может испытывать влюбленный и выражает нежную привязанность и эмоциональную яркость.

Благодаря смене значения слова, в результате чего само значение только усиливается, появляется возможность создать романтический настрой в сцене, когда Шрек предстает перед принцессой Фионой, но лишь с целью вызволить ее из замка по поручению Фаркуада. Слова девушки выдают в ней совсем иной настрой:

***FIONA:** But we have to savor this moment! You could recite an epic poem for me. A ballad? A sonnet! A limerick? Or something!*

В первоначальном значении глагол *savor* переводится как *приправлять, наслаждаться вкусом*, но в данном контексте, естественно, речь не идет о вкусовых свойствах, а лишь символизирует желание насладиться моментом встречи.

Помимо контекстных показателей в основе «переконструирования» значения могут лежать процессы аналогии и ассоциации, благодаря которым происходит переключение с одного признака на другой по сходству и подобию.

После невероятной по своему напряжению сцены спасения принцессы Фионы из лап «ужасного» дракона она просит своего доблестного спасителя снять шлем, чтобы увидеть его лицо и одарить поцелуем. Однако Шрек не может исполнить просьбу, так как его несколько обескураживает и пугает тот факт, что принцесса не поняла, что в действительности тот образ, в котором Шрек предстал перед ней, является и не образом вовсе, а его истинным обликом. Поэтому чтобы скрыть некоторое смущение, Шрек находит следующее объяснение:

***FIONA:** The battle is won. You may remove your helmet, good Sir Knight.*

***SHREK:** Uh, no.*

***FIONA:** Why not?*

***SHREK:** I have **helmet hair**.*

Ещё одним примером может служить сцена, где задействованы многие сказочные персонажи, которые буквально подвергаются «отлову» и гонениям со стороны охраны лорда, одна ведьма решает применить свои чары, в результате чего Осел поднимается в воздух:

***DONKEY:** Now I'm a flying, talking donkey. You might have seen a housefly, maybe even a superfly but I bet you have never seen a **donkeyfly**.*

В английском языке глагол *fly* имеет значение «летать», в качестве существительного оно переводится как муха или любое летающее насекомое. Однако в данном контексте, благодаря ассоциативному мышлению и когнитивному осмыслению, появляется абсолютно новое слово, сущность которого, тем не менее, легко выявить, а именно «летающий осел или осел, который умеет летать».

Подобное «переконструирование», усиленное ассоциациями, можно встретить в сцене знакомства Осла со Шреком, где второй, привыкнув к одинокому образу жизни, высказывает явное недовольство и нежелание знакомиться и даже просто общаться с кем бы то ни было.

***DONKEY:** Well, you know what I like about you, Shrek? You got that kind of **I-don't-care-what-nobody-thinks-of-me thing**. I like that.*

Данная фраза позволяет сгладить первоначальное ощущение агрессии и даже враждебности со стороны Шрека, акцентируя внимание лишь на «контекстном» безразличии.

Такой же эффект «сглаживания» эмоциональной напряженности путем выстраивания нового слова-выражения благодаря ассоциативному ряду достигается в сцене, когда напуганные и находящиеся в страхе и неизвестности Осел и Шрек ждут, что вот-вот из за любого угла старого замка может появиться огнедышащий дракон.

DONKEY:** So where is this **fire-breathing pain-in-the-neck anyway?

Именно благодаря разговорному выражению *pain-in-the-neck*, обозначающее нечто раздражающее, выводящее из себя, даже что-то досаждающее, мы видим искреннюю попытку отогнать страх и как-то приободрить себя.

Широко распространённым является обозначение страха и некоторых других отрицательных эмоций через слова, обозначающие тесноту, сжатие. Само слово *эмоция* восходит к латинскому слову *emoveo*, имеющему, среди прочего, значение

«потрясать» Эта идея воспроизводится во многих языках, к примеру, в русском имеются глаголы *потрясти*, *поразить* (от *разить* = «ударять»). Ту же ситуацию мы можем наблюдать и в английском языке, где *to shock*, *to shake*, *to strike* передают эту идею. Идею, лежащую в основе подобных наименований, можно сформулировать так: когда человек испытывает эмоцию, его душа чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело. Например, в сцене, когда Шрек и Осел беседуют после выполнения миссии по спасению Фионы, первый отказывается от своего верного помощника в пользу своего старого заброшенного болота.

SHREK: *Donkey, there's no "we". There's no "our". There's just me and my swamp. The first thing I'm gonna do is build a ten-foot wall around my land.*

DONKEY: *You cut me deep, Shrek. You cut me really deep just now.*

Тем самым, в силу своей многозначности, слово *cut* одновременно реализует возможности, связанные с вхождением лексемы в разные лексические ряды, т. е. разные свои значимости, поскольку

ку в тексте оно сопоставляется с другими единицами высказывания не по одному, а по разным направлениям, тем самым реализуя свой семантический потенциал не в одном, а одновременно в разных семантических вариантах.

Таким образом, многозначность слова является одним из экспрессивных средств в тексте, которое обеспечивается, в частности, соответствующим контекстом, содержащим указания на более чем один лексико-семантический вариант слова как единицы языка. Выявление лингвистического механизма явления многозначности требует, в первую очередь, выяснения соотношения языкового семантического потенциала слова и его актуального семантического наполнения в конкретном речевом проявлении.

Список литературы

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж, 2006. — 226 с.
2. URL: <http://mgup-vm.narod.ru/russian/05-4.html>, свободный

Н. Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН ТЕКСТА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ОТ 18 МАЯ 2011 ГОДА

The paper is devoted to the analysis of the emotional background of the President's press-conference (May, 18, 2011). The text of the press-conference is characterized as alarming. The alarming emotional background is neutralized due to the general situation in the country.

Keywords: *political communication, press-conference, emotional background, speech influence, conflictogenity, anxiety.*

Характерной чертой современной политической коммуникации — реальности, которую можно наблюдать и описывать не постфактум, а непосредственно в момент ее функционирования в рамках той или иной социальной общности, становится диалогичность. Пресс-конференции, по нашему мнению, с полной уверенностью можно отнести к информационному диалогу, так как в данном случае наблюдается обмен репликами между коммуникантами, и данный вид текста преследует вполне конкретную и реализуемую с разной степени успешности цель — трансформация информационного и эмоционального состояния адресата. Не вызывает сомнения тот факт, что изменения подобного рода осуществляются при помощи большого арсенала языковых и речевых средств воздействия на массовое сознание.

При анализе текста пресс-конференции с точки зрения употребления языковых и рече-

вых средств для достижения наибольшего иллюкативного эффекта и с позиции выделения структурных особенностей данного речевого произведения мы считаем целесообразным выделить следующие параметры исследования: 1) общая тональность; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафоры. Целью настоящего исследования не является представление расширенной характеристики всех специфических черт текста пресс-конференции как разновидности диалога, мы сконцентрируемся лишь на его общей тональности и эмоциональном фоне. При этом текст пресс-конференции рассматривается как функционирующий в рамках так называемого языка политики, который, в свою очередь, Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000] рассматривает как один из профессиональных подязыков — вариантов общенационального языка.

Не стоит отрицать тот факт, что язык политики, в отличие от других профессиональных языков, имеет в своем арсенале большое количество выразительных средств для выполнения им своей функции — речевое воздействие на массового адресата. Пресс-конференция представляет собой эффективный механизм речевого воздействия на массовое сознание. И. А. Стернин [Стернин, 2001] отмечает, что важным аспектом в изучении речевого воздействия является анализ механизмов коммуникативного взаимодействия: в частности, речевое воздействие рассматривается как инструмент социальной власти или тип социальной коммуникации. Существенным является также представление о том, какими средствами при планировании речевого воздействия адресант моделирует содержание сознания адресата. Другим аспектом изучения проблемы является исследование речевых средств и функций языка, которые могут использоваться при воздействии, в частности, анализ семантических и денотативных элементов текста.

На наш взгляд, изучение репертуара средств речевого воздействия укладывается в уже описанную выше схему анализа, который включает в себя следующие элементы для анализа: 1) общая тональность; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафоры. Итак, предложим характеристику первого из выделенных параметров. При этом, как было указано выше, пресс-конференция анализируется как особый тип информационного диалога, специфичность которому добавляет сужение диапазона стиливых регистров, примитивизация понятий, превращение массово-информационного дискурса в форум для всего населения [Карасик, 2010].

В анализируемом тексте используются такие речевые формулы, которые добавляют определенную конфликтогенность процессу общения: *Вы правильно сказали, эта процедура не должна быть бессмысленной, она не должна быть обременительной, она не должна быть просто дурацкой, которая всех ставит в очень неудобное положение.* <...> ...— я получаю информацию непосредственно от людей, через Сеть, через блоги, через Твиттер, через любые другие ресурсы. И, как вы знаете, там **режут правду-матку**. Создание такого специфичного дискурса в рамках пресс-конференции влияет на общую тональность и риторику выступления, которые иногда могут носить деструктивный характер.

В. И. Карасик [Карасик, 2010] обращает внимание на то, что риторика Д. А. Медведева ориентирована на сигналы тревоги. Находим подтверждение этому и в анализируемом тексте:

Модернизация — это не просто поступательное развитие, закрепление тех успехов, которые мы сделали (а они были за последние десять лет); это всё-таки качественное изменение ситуации. Я абсолютно уверен, что мы пока ещё этого не достигли, но это не значит, что нужно менять знамёна, говорить о новой волне модернизации или ещё о чём-то. <...> Добились ли мы чего-то сверхъестественного? Нет, не добились. <...> Как обстоят дела в Москве, все знают: обстоят очень плохо (вопрос о парковках.— Н. К.). И теперь в отношении цен на бензин. <...> Вы понимаете, почему растут цены на бензин. Совершенно понятно, что это связано с общим ростом цен на нефтепродукты. И наше Правительство действительно предпринимает усилия для того, чтобы справиться с этим. Но не все усилия, даже Правительства, способны принести результат. Где-то это может быть сговор, это вполне вероятно. Но в принципе это отражение неких объективных тенденций на нефтяном рынке. Поэтому мы должны понимать, что наши усилия по регулированию не всегда приносят успех. <...> Тем не менее Правительство имеет и все полномочия, и все инструкции от меня для того, чтобы этим вопросом заниматься и стараться всё-таки сбивать цены на нефтепродукты, на бензин. Как? Понятно как: к сожалению, ничего другого, кроме ограничительных мер я предложить не могу, и Правительство этим правом воспользовалось. <...> Будем этим заниматься, но это непростая проблема. <...> Россия является членом Суда (Европейский суд по правам человека.— Н. К.), подписала все документы и обязана их выполнять. Мы и дальше будем так поступать. Для нас членство в европейских институтах является исключительно важным. При этом мы не можем не видеть и некоторые трудности, с которыми мы сталкиваемся, потому что мы, скажем так, формирующаяся демократия, у нас достаточное количество проблем. <...> Действительно, развитие Северо-Кавказских республик является одним из наших приоритетов именно потому, что ситуация там всё-таки существенно сложнее, чем в других территориях. И связано это с самыми разными причинами. <...> Я, знаете, вот что скажу: то, что произошло у вас (события в Кушёвской.— Н. К.),— это большая трагедия, в то же время очень важно, чтобы из этого были извлечены уроки, и в этом плане внимание, которое было приковано к этому делу и до сих пор остаётся таковым,— это всё-таки, если хотите, символ изменений, потому что за то, что произо-

шло, всё-таки большое количество людей понесло ответственность, чего раньше никогда не было, во всяком случае последние лет 30–40. И, несмотря на то, что ситуация не идеальна, я всё-таки считаю, что это пошло на пользу и МВД, и другим структурам, и местные начальники стали голову чесать по поводу того, что происходит. <...> К сожалению, на Дальнем Востоке происходит отток населения. Где-то, кстати, нам удалось его приостановить, но где-то он продолжается. <...> Нужно было заниматься, если хотите, более тонким внутриправительственным дью-дилиденсом, если говорить бизнес-языком. И это, мне кажется, не было сделано, что в конечном счёте привело к осложнениям, к столкновениям с другими акционерами (вопрос о сделке по обмену акциями между «Роснефтью» и «Бритиш Петролиум». — Н. К.). <...> Ну а неудачи и недостатки... Я думаю, что здесь ответ очевиден. Мы не добились кардинального улучшения положения наших людей. Мы развивались, но развивались не так быстро, как нам бы хотелось. Мы занимались решением социальных вопросов, но у нас ещё очень много проблем: у нас высока бедность, у нас есть люди, которые живут за границей соответствующих критериев, их приблизительно 13 процентов. Это много для такой страны, как наша, хотя, напомним, ещё некоторое время назад их было около 30 процентов. Тем не менее это очень серьёзная повестка дня. Мы не смогли диверсифицировать ситуацию в экономике так, как нам бы хотелось. Мы не смогли уйти от сырьевого роста. Мы не смогли изменить в достаточной мере инвестиционный климат. Как видно из приведенных примеров, тревожность и озабоченность по поводу создавшегося положения передается в тексте пресс-конференции посредством лексических единиц с оценкой «плохо, тревожно», сем с отрицательной коннотацией, отрицательных конструкций.

Справедливости ради необходимо отметить, что общая ситуация в стране, некоторая стабилизация напряженной обстановки вносит коррективы в общую тональность выступления Президента, и мы можем говорить о нейтрализации тревожного эмоционального фона анализируемого текста. Находим этому подтверждение в тексте пресс-конференции: *Отношения с НАТО в настоящий момент, на мой взгляд, не самые плохие.* <...> *Я считаю, что мы всё-таки за последние годы, развивая и этот национальный приоритет, и потому, приняв программу развития села, развития*

агропромышленного комплекса, сделали неплохой задел. <...> *Ведь за прошлый год почти не было серьёзных банкротств на селе.* <...> *Я считаю, что наши отношения превосходные, как прямо говорят мои партнёры из Китайской Народной Республики, руководство Китая: может быть, у нас никогда не было таких продвинутых и добрых отношений.* <...> *Но в том, что касается подготовки, мне кажется, работают они неплохо, готовятся тоже неплохо. Шансы хорошо выступить у нас есть и в 2012 году, и, конечно, в 2014 году. Для этого выделены и средства, и много решений важных принято.* <...> *Это не повод для того, чтобы предаваться унынию, но это повестка дня для будущей работы.*

Анализ языкового материала показывает, что нейтрализация тревожного эмоционального фона тесным образом связана с грамматическими особенностями анализируемого текста. С целью снятия стилистики напряженности своего выступления и желания стабилизировать общую ситуацию в стране Д. А. Медведев даёт конкретные обещания народу по изменению положения дел с использованием глагольной лексики «будет, будут»: *И в этом плане, надеюсь, что Сколково будет именно таким важнейшим звеном модернизации, важнейшим, но, конечно, не единственным.* С целью предотвращения конфликтов различного рода Д. А. Медведев усиливает свою роль как руководителя государства и необходимость исполнения подчиненными его поручений за счет использования конструкции «модальный глагол + инфинитив»: *Что надо делать: надо развивать новые возможности, надо создавать новые дороги, надо принимать разумные решения по регулированию дорожного движения.*

Таким образом, пресс-конференция является особым типом информационного диалога с присутствующими ему структурными и жанровыми особенностями, которые в определенной степени отражают социальные изменения в обществе и реальную политическую ситуацию.

Список литературы

1. Карасик В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция : коллектив. моногр. — Н. Тагил : НТГСПА, 2010. — С. 164–183.
2. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001. — 252 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. — 413 с.

Е. М. Крижановская (Пермь, Россия)

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К ВИДЕОБЛОГУ ПРЕЗИДЕНТА РФ Д. А. МЕДВЕДЕВА

The paper is devoted to the study of the speech acts used in the Internet-comments to the official blog of the Russian Federation President D. A. Medvedev. The author analyses the most frequent speech acts of the Internet-comments: representatives (messages), directives (incentives), rogatives (questions), expressives (emotions stating) and contactives (the expression of speech etiquette). The paper touches upon the typical ways of the text explication of the above-mentioned speech acts, their illocutionary aims and functional role in the organization of the Internet-comments' texts.

Keywords: *political discourse, blog, Internet-commentary genre, speech act.*

Бурное развитие современной политической коммуникации в русскоязычном сегменте Интернета вызывает все возрастающий интерес к этому виду виртуального общения как у специалистов (политиков, политологов, социологов, психологов, имиджмейкеров, лингвистов и др.), так и у рядовых пользователей. Характеризуя политическую виртуальную коммуникацию, О. Н. Морозова отмечает, что «политический Интернет представляет собой мощное интерактивное средство связи с общественностью, которое позволяет осуществлять регулярный диалог политических деятелей с частью общества, имеющей доступ к Сети» [Морозова, 2011: 157]. Вместе с тем изучение виртуального общения убедительно доказывает, что одним из главных направлений политической коммуникации в русскоязычном сегменте Интернета становятся непрекращающиеся попытки отечественных интернет-пользователей оказать значительное воздействие не только на российское общество, но и на представителей официальной власти и различных государственных органов, иначе говоря, «достучаться до власти». В этом отношении несомненный интерес вызывает исследование отечественной блогосферы, в которой наиболее ярко проявляется стремление пользователей вступить в активный диалог как с известными российскими политиками, так и с представителями различных политических интернет-сообществ.

Очевидно, что изучение текстов жанра интернет-комментария к постам ведущих политиков, общественных деятелей или наиболее известных (в том числе скандально известных) блоггеров может осуществляться с разных исследовательских позиций. Поскольку одной из ведущих функций политического дискурса в целом выступает функция оказания программируемого воздействия на адресата, постольку нам представляется возможным использование прагмалингвистических методов в процессе исследования текстов этого жанра. Одним из основных понятий

современной лингвистической прагматики является понятие речевого акта. Широко известен тот факт, что данное понятие не имеет в настоящее время общепринятой дефиниции. Не существует также единой непротиворечивой классификации типов речевых актов, о чем красноречиво свидетельствуют данные различных лингвистических энциклопедических словарей, а также многочисленная литература, посвященная этому вопросу. Использование концепции речевых актов Н. И. Формановской представляется нам наиболее адекватной целям данной работы.

В концепции Н. И. Формановской речевой акт понимается как «высказывание, порождаемое и произносимое человеком с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального, как правило, адресованного действия с помощью такого инструмента, как язык/ речь» [Формановская, 2007: 256]. Рассматривая и характеризуя различные таксономии речевых актов, исследователь устанавливает семь классов следующих первичных речевых актов: 1) репрезентативы — сообщения; 2) комиссивы — обязательства; 3) директивы — побуждения; 4) рогативы — вопросы; 5) декларативы — объявления (декларации); 6) экспрессивы — выражения эмоций и 7) выражения речевого этикета — контактивы. На наш взгляд, данная классификация типов речевых актов может способствовать описанию некоторых прагматических особенностей текстов, порожденных в процессе интернет-общения на политическую тематику. По мнению Н. И. Формановской, в реальном речевом общении одно и то же высказывание может содержать синкретично несколько иллокутивных целей адресанта. Однако, как упоминал в более ранних работах один из основоположников классической теории речевых актов Дж. Сёрль, «иллокутивная цель — это только часть иллокутивной силы» [Сёрль, 1986: 172] высказывания, которая не определяет полностью специфику того или иного речевого акта. В связи

с этим в рассмотренных типах речевых актах нами отмечались некоторые особенности воплощенной иллокутивной цели высказывания.

В качестве материала нашего исследования послужили тексты интернет-комментариев, представленных в официальном видеоблоге Президента РФ Д. А. Медведева (**blog.kremlin.ru**), и тексты интернет-комментариев, размещенных в сообществе **blog_d_medvedev**, которое функционирует на сайте социальной сети LiveJournal.ru. Все тексты комментариев представляли собой обсуждение текста речи Д. А. Медведева «Нужны более решительные шаги по снятию накопившихся ограничений на политическую деятельность», которую Президент РФ произнес на встрече с лидерами российских политических партий 13 декабря 2011 г. и которая впоследствии была «опубликована» в качестве текста поста его официального видеоблога. Необходимо отметить, что тема поста Д. А. Медведева вызвала живой отклик у блоггеров прежде всего потому, что была посвящена актуальным событиям российской политической жизни, связанным с кампанией по выборам кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ VI Созыва, и с последующими после выборов митингами протеста против предполагаемой фальсификации результатов всенародного голосования представителями правящей партии «Единая Россия».

Примечательно, что в интернет-сообществе **blog_d_medvedev** за анализируемый период было опубликовано в 3 раза больше комментариев (167), чем за тот же период обсуждения данной темы в официальном блоге Д. А. Медведева (50). По-видимому, это легко объясняется в первую очередь тем, что официальный блог Президента России является интернет-ресурсом, на котором осуществляется обязательная модерация размещаемых материалов, авторам предписывается соблюдать требования, предъявляемые к содержанию, этике и речевому оформлению текстов. В то же время в официальном блоге Президента РФ существует способ быстрого гипертекстового перехода на сайт социальной сети LiveJournal.ru, который позволяет читателям блога размещать свои комментарии на более демократичном и менее контролируемом (возможно, на первый взгляд) интернет-ресурсе. В связи с вышесказанным логично было бы предположить, что типы речевых актов, используемых в текстах комментариев двух названных интернет-сайтов, будут иметь некоторые различия, обусловленные спецификой общения в этих сферах коммуникации.

В ходе изучения было установлено, что в целом как в видеоблоге Д. А. Медведева, так и в названном сообществе сайта LiveJournal.ru наравне используются одни и те же типы речевых актов. При этом одни типы речевых актов являются более частотными (репрезентативы, директивы и рогативы), а другие менее частотными (контактивы и экспрессивы), что легко объясняется их ролью в создании текста интернет-комментария.

Так, например, при помощи репрезентативов авторы интернет-комментариев сообщают о положении дел в российских регионах и о своем видении проблем российской политической жизни, в частности недавних событий, связанных с выборами в Государственную Думу РФ. Совершенно очевидно, что этот тип речевых актов является самым распространенным, так как служит одним из способов реализации политического нарратива в целом. Е. И. Шейгал отмечает, что для политического нарратива «характерна множественность изложений (множественность повествователей) и протяженность во времени (подобно сериалу с продолжением, он может занимать не один день), обусловленная, во-первых, тем, что сам жизненный сюжет может быть не завершен и развиваться на глазах у повествователей, и, во-вторых, тем, что сюжет оказывается настолько общественно значим, что его переживание растягивается во времени, стимулируя соответствующую коммуникацию» [Шейгал, 2004: 270].

Рассматриваемый тип речевого акта чрезвычайно разнообразен по воплощенным в нем авторским интенциям и осуществленным авторами комментариев речевым действиям: наряду с непосредственно сообщаемым, репрезентативы выражают информацию оценочного характера (чаще всего — негативную оценку деятельности президента и правительства), реализуют явную или скрытую полемику с представителями официальной российской власти или другими блоггерами, выражают упреки в адрес Президента РФ, содержат прогнозы дальнейшего развития обсуждаемых политических событий и мн. др. Приведем в качестве иллюстрации следующие текстовые фрагменты, в которых реализованы речевые акты-репрезентативы (здесь и далее сохранено правописание источника-оригинала):

а) «В четверг, смотрим выступление Путина В. В. (**lolotra**, 13.12.2011); б) Какой позор «гаранту» конституции Перед «выборами» Вами были даны прямые ясные указания губернаторам и в ЦИК о необходимых результатах. Результаты — абсолютно повсеместные наглые фальсификации итогов «выборов» и повсемест-

ные же отказы прокуратуры, судов, полиции о пресечении преступлений и от фиксации их. А теперь вы хотите сказать, что Вы не в курсе этих дел (byker80, 14.12.2011); в) Вам уже не верят. Граждане будут сами брать власть везде, где это возможно законными методами. Где это не возможно законными методами — будут менять законы. Опять же, не обращая внимания на ваши слова» (osetrov_les, 14.12.2011).

В приведенных текстах комментариев реализованы речевые акты-репрезентативы, но если в примере а) сообщается о предстоящем выступлении В. В. Путина и тем самым предлагается посмотреть его другим блогерам, то фрагмент б) содержит упрек российскому президенту в несоответствии его слов его делам. Авторы текста б) и в) прямо выражают недоверие словам и действиям Д. А. Медведева, а во фрагменте в) приведен также прогноз дальнейшего развития событий. Следует отметить, правда, что тексты этих комментариев были размещены на сайте социальной сети LiveJournal.ru и потому отличаются большей свободой выражения авторских интенций, чем соответствующие тексты с реализованными речевыми актами-репрезентативами, размещенные в официальном блоге Д. А. Медведева.

Отметим также, что тексты-реализации репрезентативов содержат элементы языковой игры. Для сообщения об актуальных политических событиях авторы активно используют различные прецедентные феномены и разнообразные риторические средства. Так, например, одним из ярких средств реализации речевых актов-репрезентативов выступает развитие концептуальной метафоры в целом тексте комментария, например:

а) «Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Вы называете себя лидером избирательного списка «Единой России». Образно говоря, **Вы — за рулем этой машины. А машина**, как хорошо она не была сделана, **иногда ломается. Вот и у Вашей машины, проколото колесо, течет бачок радиатора, отвалился глушитель и запаха горелого масла** есть глаза. Надо бы остановиться, открыть капот и разобраться: что поменять, что починить... Но, вместо этого, **Вы продолжаете жать на газ, как будто ничего не происходит**. Зачем Вы это делаете? (harpist_ka, 13.12.2011); б) Дмитрий Анатольевич, когда Вы, наконец, заставите работать власть на местах? ...Еще Путин В. В. сказал слова, которые мне очень не понравились. Цитирую: ...«Ведь страна наша, Родина, чувствуете — корень какой, Родина, значит, что-то родное. Мы еще часто говорим Родина-мать. Да, страна наша еще

больна, но от постели больной матери не уезжают.» Проблема в том, что **Родина-мать неизлечимо больна раком, который отнимает надежду у ее детей. А врачи тащат деньги из детей, обещают невозможное. Как Вы считаете, может, стоит сменить врачей, чтобы матери стало легче? Ведь кроме веры у детей ничего не осталось. Нет блеска в глазах, полная неопределенность. Вот такие дела...**» (Ian, Московская область, 15.12.2011).

В приведенных текстах интернет-комментариев при помощи репрезентативов происходит развертывание моделей типичной для политического дискурса артефактной метафоры «Политика — это механизм (в примере а) — транспортное средство, автомобиль) и антропоморфной метафоры «Политика — это болезнь» (пример б)). Наряду с прагматической и эстетической функцией, развитие метафор в приведенных текстах выполняет прежде всего коммуникативную функцию, разновидностью которой, как полагает А. П. Чудинов, является эвфемистическое использование метафор. В этом случае «сила метафоры... заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов, 2008: 126].

Речевые акты-директивы, выявленные в текстах интернет-комментариев, служат основным средством оформления многочисленных требований, наказов, советов и пожеланий Президенту РФ Д. А. Медведеву, премьер-министру В. В. Путину и другим представителям официальной власти. Так, в следующих интернет-комментариях пользователи дают многочисленные советы высшим должностным лицам государства по поводу реорганизации системы выборов в России (тексты даны в авторской орфографии и пунктуации):

а) «Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Ограничений на политическую деятельность на самом деле не так уж и много. **Надо менять** выборное законодательство. ...Также на мой взгляд, **не нужны** одномандатники, а все выборы если есть такая возможность **проводить** по партийным спискам. ...Преходной барьер **желательно до трех процентов снизить** (Внимательный, Республика Татарстан, 14.12.2011); б) Дмитрий Анатольевич! Прошедшие выборы показали, что **нужны радикальные меры** по реформе избирательной системы: 1. **Переход** на смешанную, мажоритарно-пропорциональную систему на выборах коллегиальных органов всех уровней.

...3. **Разрешить** самовыдвижение кандидатов в мажоритарных округах. 4. **Упростить** требования к регистрации партий (Леонид, 13.12.2011); в) ...**Зарегистрируй**, без лишних проволочек, на думские выборы все из представленных в России партий. **Проведи** беспристрастные, не фальсифицированные выборы с максимально честным и открытым подсчетом голосов» (Юрий, 13.12.2011).

Приведенные текстовые фрагменты доказывают, что основная цель реализации речевого акта директива заключается в оказании воздействия на адресата с тем, чтобы заставить его совершить действие, выгодное или целесообразное с точки зрения адресанта. Однако иллокутивная сила подобных высказываний варьируется от пожелания, совета или просьбы до высказанного в достаточно категоричной форме предложения или даже приказа. При этом наиболее типичными речевыми средствами выражения директивов служат различные императивные и модальные конструкции со значением желательности, необходимости или долженствования, такие как *надо* (желательно, можно, необходимо, нужно, придется, следует, стоит) в сочетании с инфинитивом основного глагола; глаголы в форме повелительного наклонения (*верните, найдите, накажите, не давайте, осветите, помогите, привлечите* и др.); глаголы со значением конкретного действия в форме инфинитива совершенного вида; глаголы в форме сослагательного наклонения в сочетании со словами категории состояния (*было бы неплохо, не хотелось бы*); отглагольные существительные — девербативы (*возврат, выборы, запрет, наличие, отмена*), используемые при оформлении списков действий, выполнения которых ждут от официальной власти интернет-пользователи; глагольные междометия, оформляющие повелительное наклонение (*долой, пускай, пусть*).

Рогативы представляют собой речевые акты, при помощи которых русскоязычные интернет-пользователи задают многочисленные вопросы как представителям официальной власти, так и другим читателям. Как известно, некоторые исследователи (Дж. Лакофф, Дж. Остин, Дж. Сёрл и др.) рассматривают речевые акты-вопросы как подтип директивов. По мнению Н. И. Формановской, «несмотря на то, что вопрос — это побуждение адресата дать ответ, информацию, все же в вопросе есть те семантические составляющие, которые отсутствуют в типичном побуждении» [Формановская, 2007: 265]. И. В. Винантова относит речевые акты, имеющие форму вопросительного предложения, к интеррогативным кос-

венным речевым актам и выделяет 5 групп таких высказываний: вопросы-упреки, вопросы-предложения (советы), вопросы-просьбы, риторические вопросы и вопросы-приглашения.

В процессе анализа нами было отмечено, что наиболее частотной иллокутивной целью рогативов в текстах интернет-комментариев является высказывание упреков в адрес лично Д. А. Медведева и российской официальной власти в целом (ниже приводятся текстовые фрагменты, иллюстрирующие данное положение):

а) «**Нужны более решительные шаги по снятию накопившихся ограничений на политическую деятельность**». **Откуда такой сложный язык? Даже читать не хочется...** **Прям канцеляризм сплошные ((Можно же это написать проще-короче-понятней-эмоциональней? (_koreikin_ 13.12.2011); б) Скажите, что такое система? По каким правилам она живет? Нужно ли сообщать о преступлениях, если в них замешаны чиновники, сотрудники правоохранительных органов, которые сами себя и оправдают? Кто защитит рядового гражданина, наивного патриота, если сегодня даже над судьями чинят беззаконие, расправы?» (Дима Дима, 13.12.2011).**

И. В. Винантова справедливо отмечает, что «поскольку упрек — потенциально опасное действие для упрекающего (именно он в случае экспликации иллокутивной силы несет ответственность за некооперативное поведение), говорящий выбирает стратегию косвенного выражения упрека» [Винантова, 2011: 12] в форме вопросительного предложения. Вместе с тем высокая частота рогативов-упреков легко объясняется не только неудовлетворенностью граждан официальной российской политикой и уровнем жизни в России, но и неразвитостью отечественных демократических институтов.

Вероятно, названными выше причинами объясняется также наличие в интернет-комментариях речевых актов, содержащих скрытую насмешку или издевку в адрес официальных лиц: «**Да надо же! А кто выборы губернаторов убрал? ...Кто ввел аж 7 % порог прохождения в законодательный орган? Кто запретил коалиции и объединение партий? Кто убрал кандидата "против всех"? . . . Кто не дал зарегистрировать НИ ОДНОЙ новой партии за последние 7 лет? И вы теперь боритесь за "отмену ограничений на политическую деятельность"? Не поздно ли, "демократ" вы наши "продвинутый"?» (molchanov1982, 13.12.2011).**

В текстах интернет-комментариев нередко содержатся рогативы, представляющие собой рито-

рические вопросы, назначение которых — «ввести в общее поле зрения коммуникантов «ответ», заведомо известный им, или ответ, к которому, по мнению говорящего, слушающий неминуемо должен прийти, исходя из того, что стало ему известно» [Винантова, 2011: 15]. Необходимо отметить, что в текстах интернет-комментариев, как и в художественных текстах, исследованных И. В. Винантовой, большая часть риторических вопросов служит для выражения негативно окрашенных эмоций, например:

а) «...р. s.: я б в Губернаторы пошел, пусть меня научат... :) Ведь Вы пока назначаете? (**radostzhizni**, 13.12.2011); б) ...В бюллетенях от партий были указаны представители и за них в основном голосовали люди, а теперь они сдают мандаты, и Вы, Дмитрий Анатольевич, тоже были в списке. И как людям это оценивать?» (Степанов, Московская область, 15.12.2011).

В ходе изучения интернет-комментариев была выявлена еще одна важная функция рогативов — функция организации текстового пространства посредством использования вопросо-ответных комплексов. Использование вопросо-ответных комплексов, при котором автор комментария сам задает вопрос собеседнику и сам же на него дает ответ, способствует динамичному разворачиванию текста комментария, постоянному удерживанию внимания адресата, а также диалогизации монологической речи, т. е. созданию видимости диалога между автором и его читателем. Приведем пример такого использования вопросо-ответного комплекса:

«Дмитрий Анатольевич! Я все слышу — Сколково-Сколково, технологии, все дела. Почему Вы не дадите распоряжение разработать техническую систему, позволяющую вести учет голосов? ... Затратно? Может быть. Но разве легитимность того не стоит? Чтобы все видели, что все честно, без обмана, работает, считается. На один раз? Отнюдь, можно и почаще у народа интересоваться его мнением, референдумы — это же самая настоящая демократия, какая она должна быть» (**_dasboot_**, 13.12.2011).

Менее частотен в текстах комментариев контактив как тип речевого акта. Контактивы, по классификации Н. И. Формановской, представляют собой выражения речевого этикета. К этому же классу исследователь относит и вокатив-обращение, поскольку «вокатив является ярким представителем этикетных средств установления и поддержания отношения и служит показателем социально-этикетных речевых действий коммуникантов» [Формановская, 2004: 266]. Примечательно,

что в текстах интернет-комментариев нами были выявлены такие контактивы, представляющие собой этикетные формулы приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, как: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич!; Дмитрий Анатольевич; Господин Президент!; Дорогой мой президент!; Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич!; Добрый вечер (день)!; Извините за резкость; Всего доброго!; С уважением к Президенту России! С уважением, (имя пользователя)» и др. Приведенные контактивы свидетельствуют о том, что большинство авторов комментариев к блогу Д. А. Медведева все же придерживается норм русского речевого этикета в процессе общения с высшим должностным лицом государства, несмотря на различие в оценке проблем общественно-политической жизни России.

В заключение отметим, что наше первоначальное предположение о разных типах речевых актов (в частности — о преобладании определенных типов речевых актов на одном интернет-ресурсе и значимом их отсутствии на другом анализируемом нами сайте, обусловленное официальным/ неофициальным характером виртуального общения) не нашло подтверждения. Это связано и с тем, что именам пользователей всех текстов интернет-комментариев блога Д. А. Медведева, вероятно, автоматически присваивается помета **kremlin.ru**, а затем эти комментарии размещаются в сообществе **blog_d_medvedev**. При этом ни один случай «перехода» комментариев, изначально созданных в сообществе **blog_d_medvedev**, на сайт официального блога Президента России, нами зафиксирован не был. Возможно, интернет-пользователи размещают свои комментарии, исходя из начальной установки на определенный тип общения. В процессе изучения были выявлены следующие наиболее частотные типы речевых актов жанра интернет-комментария: репрезентативы, директивы, рогативы и контактивы; установлены особенности их текстовых функций и специфика реализации их иллокутивных целей. Тексты комментариев, представленных в интернет-сообществе **blog_d_medvedev**, отличаются большей экспрессивностью, чем тексты видеоблога Д. А. Медведева, что легко объясняется отсутствием модерации.

Список литературы

1. Винантова И. В. Исследование коммуникативно-прагматических особенностей интеррогативных косвенных речевых актов (на материале английских и русских художественных

текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Челябинск, 2011.— 21 с.

2. Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т.— Екатеринбург, 2011. Вып. 1 (35).— С. 156–161.

3. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике.

Вып. 17 : Теория речевых актов.— М., 1986.— С. 170–194.

4. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика.— М. : Икар, 2007.— 480 с.

5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие.— 3-е изд., испр.— М. : Флинта : Наука, 2008.— 256 с.

А. И. Лызлов (Смоленск, Россия)

КОНЦЕПТ «ПИЩА» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ С СЕМАНТИКОЙ КОМПАРАТИВНОЙ ОЦЕНКИ

The given article touches upon the problem of realization of evaluative meanings in English proverbs and sayings that contain a basic concept — “food.” The evaluative potential of this concept is considerable. Proverbs and sayings containing gastronomic images express both positive and negative meanings, such as temperance, love for food, gluttony, squandering etc.

Keywords: concept, evaluation, Old Testament, simile, image, cognitive-evaluation feature.

Многие концептуальные единицы в рамках конкретных образных высказываний могут активировать оценочную семантику. Н. Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие: когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака — образами, представлениями и понятиями [Алефиренко, 2009: 80].

Паремии, в которых задействованы формы категории степени сравнения, выражают оценочные значения. Компаративы «лучше» и «хуже» описывают преимущественно ситуации, создаваемые волей и действиями человека, описывают модальность желаний, целесообразности или нежелания, нецелесообразности. Они отталкиваются от нормы в сторону положительного или отрицательного [Вольф, 1986: 5]. Н. Д. Арутюнова называет подобные высказывания «предложениями операционального предпочтения» [Арутюнова, 1998: 224]. Компаративность и оценочность могут совмещаться в рамках конкретной языковой модели. Е. М. Вольф также отмечает сложную систему взаимоотношений, которая связывает рассматриваемые категории. Она отмечает, что классификация возможна лишь тогда, когда в оценочных обозначениях имеется дескриптивный компонент, признак предмета, по которому производится оценка [Вольф, 1986: 146]. В основе образ-

ной оценки находится *когнитивный оценочный признак*. Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

Концепт «пища» является одним из наиболее важных когнитивных единиц в сознании человека, он часто используется в оценочных контекстах. Образы еды имеют амбивалентную аксиологическую семантику [Маркова, 2007: 192]. Рассмотрим образы, реализующие концепт «пища», которые выражают оценку, основываясь на том или ином когнитивно-оценочном признаке в рамках сравнительно-оценочных высказываний.

Ценность пищи. В гастрономической сфере размер продукта не всегда означает его ценность. В этом можно убедиться, процитировав английскую паремию с компаративной семантикой: **little fish are sweetest** (WDP) (букв.: «маленькая рыба самая сладкая») (ср. рус.: «мал золотник, да дорог»).

Паремия: **the nearer the bone, the sweeter the meat** (ODP) (букв.: «чем ближе кость, тем слаще мясо») (ср. русск.: «на костях мясо слаще») полисемантична. Данное связное сочетание с компаративной семантикой может использоваться как в прямом значении, описывая вкусовые свойства мяса, так и в переносном, когда нужно дать положительную оценку стройному человеку. Субъективный характер отношения человека к окружающему миру описывает паремия:

a king's chaff is worth more than another man's corn (WDP) (букв.: «королевская мякина лучше, чем пшено простолюдина»). В ней реализуется представление о том, что незначительный подарок важного человека, в данном случае короля, расценивается как более желанный дар, чем более дорогой подарок простого человека.

Умеренность. Английская поговорка: **enough is as good as a feast** (BR) (букв.: «достаточно — это так же хорошо, как и пир») (ср. рус.: «от добра добра не ищут») применима, в том числе и для описания отношения человека к пище: положительного отношения умеренности в еде. Мелиоративная оценка описываемого качества в поговорке: **temperance is the best medicine** (ERPD) (букв.: «умеренность — это лучшее лекарство») осуществляется путем сопоставления умеренности с лекарством.

Прагматическая функция пожелания умеренности в еде получает в поговорках оценочно-образное описание с помощью наименований продуктов питания. Этот признак реализуется путем использования гиперонима «еда», а также гипонима «хлеб». Например: **a bit in the morning is better than nothing all day** (ERPD) (букв.: «лучше немного поесть с утра, чем ничего не есть целый день»); **half a loaf is better than no bread at all** (BR) (букв.: «лучше полбуханки, чем ничего»), **a crust is better than no bread at all** (CAM) (букв.: «лучше крошка хлеба, чем ничего») (ср. рус.: «лучше меньше да лучше»). Положительная оценка умеренности в поговорках с семантикой операциональных предпочтений реализуется и на основе разнообразных образов с семантикой пищи: **better some of the pudding than none of the pie** (CAM) (букв.: «лучше немного пудинга, чем совсем без пирога»), **better half of an egg than an empty shell** (EP) (букв.: «лучше пол-яйца, чем пустая скорлупа»). Общим для всех вышеперечисленных высказываний является модель оценочной шкалы, в которой незначительное количество вещей, подлежащих оценке, сопоставляется с их полным отсутствием — нулем.

Любовь к родине. Привычная пища является выразителем идеи любви к родине и родному дому: **dry bread at home is better than roast meat abroad** (EPSRE) (букв.: «свой хлеб сытнее чужих пирогов»). Понятие «малой родины» — родного дома — задействуется в поговорочном высказывании, в котором реализуется семантика предпочтений: **better a dinner of herbs where love is than a stalled ox where hatred therewith** (ODP) (букв.: «лучше обед из травы, там, где есть любовь, чем откормленный бык, там, где есть ненависть») (ср.

рус.: «лучше соль с водой, чем пирог с бедой»).

Ощущение удовольствия. Ощущение удовольствия от приема пищи имеет многоаспектный характер. Голод может усиливать ощущения гастрономического наслаждения. Об этом повествует поговорка: **hunger is the best sauce** (BR) (букв.: «голод — лучшая приправа»). Понятие нормы сопровождает аксиологическое представление о пище. Отрицательное отношение к несоблюдению норм встречаем в поговорке: **an apple pie without some cheese is like a kiss without a squeeze** (ODP) (букв.: «яблочный пирог без сыра — это как поцелуй без объятий»). В данной единице гастрономическая тематика перекликается с любовной.

Неисполнение обещания. Образкорки хлеба задействуется для объективации идеи неверности слову. Склонность некоторых людей не сдерживать свои обещания описывается в поговорке: **promises are like piecrust made to be broken** (ERPD) (букв.: «обещания, как и корки пирога, делаются для того, чтобы их ломать»). В поговорке обыгрываются особенности употребления глагола **to break** — «ломать», который используется, например, и во фразеологизме: **to break promise** (рус.: «нарушить обещание»).

Пьянство и обжорство. Приращение пьянства в известной поговорке: **better belly burst than good drink lost** (ERPD) (букв.: рус.: «чем добру пропадать, лучше пузу лопнуть») осуществляется при помощи иронии. В данной единице в рамках семантики предпочтений описывается стремление выпить все без остатка, во что бы то ни стало. Гибель от пьянства сопоставляется с гибелью от водной стихии в поговорке: **Bacchus has drowned more men than Neptune** (BR) (букв.: «Вакх утопил больше людей, чем Нептун»), в которой используется прием олицетворения: Бахус соперничает с Нептуном в способности губить людей. Единица: **gluttony kills more men than sword** (BR) (букв.: «обжорство убивает больше людей, чем меч») порицает обжорство, сопоставляя гибель на войне со смертью от болезней, вызванных нездоровым образом жизни.

Нерациональность. Стремление достичь поставленных целей любой ценой порицают синонимичные поговорки: **there are more ways of killing a cat than choking it with cream** (ODP) (букв.: «есть лучшие способы убить кошку, чем заставить ее подавиться сливками»), **there are more ways of killing a dog than choking it with butter** (ODP) (букв.: «есть лучшие способы убить собаку, чем заставить ее подавиться маслом»). Приведенные выше единицы построены по одной и той же модели, вариативны лишь образ-

ные компоненты: собака/кошка и сливки/масло. Экспрессивность оценки в данной единице достигается путем использования приема доведения до абсурда: сливки или масло слишком дорогие и неподходящие продукты, чтобы служить средством уничтожения домашних животных.

Подводя итоги, отметим, что образная составляющая концепта «пища», представленная в паремиях с компаративной семантикой, весьма разнообразна. В английской паремиологии данный концепт обладает значительным оценочным потенциалом. Паремические высказывания, в плане содержания которых задействованы образы пищи, выражают как положительно, так и отрицательно-оценочные признаковые значения, иными словами, они амбивалентны. Гастрономические образы выражают такие положительные когнитивно-оценочные признаки, как умеренность, любовь к родине, ощущение удовольствия, ценность пищи. В паремиях порицаются пьянство и обжорство, нерациональность, невыполнение обещаний.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии.— М. : Флинта : Наука, 2009.— 344 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.— М. : Языки рус. культуры, 1998.— 895 с.
3. Вольф Е. М. Семантика и структура оценки.— М. : Наука, 1986.— 312 с.
4. Маркова Е. М. Сходство номинационных моделей как проявление конвергентности языков // Языковые средства и способы кодировки культурных знаний : материалы Междунар. науч. конф. «Славянские языки и культура», Тула, 17–19 мая 2007 г.— Тула : Петров. гора : ТГПУ, 2007.— С. 192–196.
5. BR: Васильева Л. Краткость — душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения.— М. : Центрполиграф, 2003.— 350 с.
6. CAM: Cambridge International Dictionary of Idioms.— Cambridge University Press, Cambridge, 1998.— 590 p.
7. ERPД: Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь.— 5-е изд., испр.— М. : Живой язык, 1998.— 944 с.
8. EPSRE: Модестов В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия.— М. : Рус. яз. : Медиа, 2003.— 467 с.
9. EP: Wolfgang Mieder English Proverbs: Philip Recalm jun. GmbH.— Stuttgart, 2003.— 152 p.
10. ODP: The Oxford dictionary of proverbs / ed. by J. Speakes.— 5th ed.— N. Y. : Oxford University press 2008.— 388 p.
11. WDP: The Wordsworth dictionary of proverbs / G. L. Apperson [et al.].— Hertford ; London : Wordsworth editions Ltd., 2006.— 656 p.

Д. А. Миронова (Челябинск, Россия)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ОНЛАЙН-ГАЗЕТ

The paper provides an overview of the peculiarities of transformed precedent phrases used in the headlines of American and British online newspapers and studies the functions that they perform in such environment.

Keywords: *precedence, transformed precedent utterances, online newspapers, headlines, semantic and structural-semantic transformations.*

Онлайн-газета представляет собой особый коммуникационный продукт. Сетевое медиапространство предполагает специфическую форму представления публицистического материала, отвечающую изменившимся условиям функционирования. Особая роль при этом отводится заголовку.

В онлайн-изданиях актуальность создания броского заголовка значительно выше, что обусловлено мультимедийными и гипертекстуальными свойствами представленной информа-

ции. Учитывая высокую конкуренцию между СМИ-ресурсами в Сети, приоритетом создателей контента онлайн-газеты, безусловно, является привлечение и удержание внимания читателей и увеличение сегмента регулярных посетителей. Однако из-за обилия внешних и внутренних гиперссылок, аудио- и видеоматериалов, графики, анимации, рекламных блоков на страницах интернет-газет внимание посетителя может рассеиваться, и сконцентрировать его на конкретном вербальном объекте становится достаточно

сложной задачей. Эту тенденцию подтверждают современные наблюдения: «...повсеместная визуализация журналистского текста ...достаточно часто приводит к “дисбалансу”, когда внешняя составляющая заведомо более активно воспринимаемая аудиторией, настолько превалирует над словом, что просто “затмевает” его» [Славкин, 2011: 8]. Другой причиной сниженной концентрации внимания может являться новый режим чтения. «Известно, что чтение текста с экрана монитора происходит приблизительно на 25 % медленнее, чем чтение текста в печатных СМИ. Поэтому люди избегают чтения большого объема текста с экрана монитора. Как правило, пользователи ограничиваются беглым просмотром материала, останавливая внимание лишь на словах, фразах, абзацах, которые представляют для них интерес» [Машкова, 2006: 22]. При таких условиях подача материала должна максимальным образом быть нацелена на привлечение интереса, в частности, путём повышения экспрессивности заголовков текстов онлайн-изданий.

Кроме того, перед журналистом встает задача активизировать читателя, вызвать высокие рейтинги, живое обсуждение для повышения популярности материала, что сделает его более доступным для широких масс (благодаря функции рекомендации самого читаемого материала), а также вовлечет читателя в жизнь сайта, стимулируя более продолжительное пребывание на его онлайн-страницах и, в конечном счете, повышая его трафик.

В свете этого излюбленным журналистским приёмом является использование в заголовке остроумной игры слов, построенной на трансформации прецедентного высказывания.

Понятие прецедентности (термин, введенный Ю. Н. Карауловым) определяется как «известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами» [Караулов, 1987: 216]). Данный феномен стал объектом пристального внимания ряда российских исследователей, среди которых Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун и др. Прецедентные высказывания представляют собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997: 83].

Под трансформацией прецедентных высказываний понимается намеренное внесение измене-

ний в высказывание в противопоставление его неосознанному, ошибочному использованию. Считаем необходимым указать на важность дифференциации понятий «вариативность» и «трансформация». В рамках первого явления происходит узусальное изменение, не влияющее на целостность образа, семантическое содержание оригинала, в то время как высказывание, подвергшееся трансформации, есть окказиональное образование, восприятие семантического образа которого отличается от восприятия оригинального высказывания.

В ходе нашего исследования было выявлено свыше 650 заголовков с использованием трансформированных прецедентных высказываний, опубликованных в период с 2008 по 2011 г. Материалом послужили официальные сайты 12 американских («The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Chicago Tribune», «The New York Post» и т. д.) и 11 британских газетных изданий («The Independent», «The Guardian», «The London Evening Standard», «The Daily Mail» и т. д.). В результате анализа были выявлены следующие основные категории прецедентных высказываний, выступивших донором для создания трансформ: цитаты (литературные, кинематографические, музыкальные и т. д.), фразеологические единицы (афоризмы, идиомы, поговорки и т. д.), названия (литературных произведений, фильмов, песен и т. д.), ситуационные клише и синтаксические фреймы. Отдельно следует остановиться на двух последних категориях. Ситуационные клише мы характеризуем как прецедентные высказывания, у которых отсутствует связь с отдельной личностью, фразой или конкретным текстом-источником, их функция — служить маркерами, вызывающими ассоциации с определённой ситуацией. Примером может служить следующий заголовок: *No Markets Were Hurt in Making This Coffee* [Financial Times. 2010. 8 Nov.; M. Skapinker]. Журналист данным заголовком апеллирует к объявлениям, которые создатели кинокартин, как правило, используют в конце фильмов с целью обратить внимание, что безопасность съёмочного процесса для всех участников была полностью соблюдена, и никто не пострадал, несмотря на наличие жестоких сцен (*No kid was hurt in the making of this movie / No one was hurt... / No animal was hurt in the making of this film etc.*).

Также мы выделяем такую категорию прецедентных высказываний, как синтаксические фреймы, которые, по нашим наблюдениям, представляют собой продуктивные синтаксические формулы, служащие неким каркасом

для создания множества устойчивых выражений. В таком случае ассоциации реципиента выстраиваются в тесной связи либо с одним из выражений, продуцированных на основе заданного фрейма, либо с множеством подобных.

Так, к примеру, фрейм *Once a... always a...*, лежащий в основе ряда паремий, закрепившихся в языке (*once a liar, always a liar; once a wolf, always a wolf; once a priest, always a priest, etc.*), стал основой создания следующих трансформ в заголовках: *Once a Pit Bull, Always a Pit Bull — Brian Moor Keeps Dishing Out the Pain* [Telegraph. 2010. 15 Oct.; J. White]; *Couple Discovers That Once a Brewer, Always a Brewer* [Seattle Times. 2008. 11 Jan.; M. Allison, A. Martinez]; *Once a Dodger, Always a Dodger? Apparently Not* [Los Angeles Times. 2010. 24 Apr.; B. Shaikin].

Что касается типов трансформаций, которым подвергаются прецедентные высказывания, лежащие в основе публицистических заголовков, то рассматриваются следующие: 1) семантические и 2) структурно-семантические. При *семантической трансформации* происходит наполнение высказывания-донора новым семантическим содержанием при сохранении структурной целостности: *My Fair Lady! Blond Bombshell Beyonce Shows Off Her Lighter Side* [Daily Mail; Feb 18, 2011; S. Cable].

Заголовок построен на основе названия американской оscarоносной комедии Дж. Кьюкора 1964 г. «*My Fair Lady*» («Моя прекрасная леди»), экранизации пьесы британского писателя Б. Шоу «Пигмалеон». В исходном прецедентном высказывании прилагательное *fair* используется в значении «прекрасная, красивая», во вторичном тексте же реализуется его второе значение — «светлый, бледный, светложкий». В статье автором высказываются подозрения, что афроамериканская певица Бейонсе прошла косметическую процедуру осветления кожи. В этом случае прецедентное высказывание было реинтерпретировано журналистом без трансформации оригинальной структуры.

В случае *структурно-семантических* трансформаций изменению подвергаются как план содержания, так и план выражения, т. е. изменяются лексическая, грамматическая и (или) синтаксическая исходная форма высказывания:

Yes, we can rip off President Obama's slogan and face [Los Angeles Times. 2009. 31 Jan.; A. Malcolm] ← *Yes, we can!* (квантитативная трансформация предвыборного слогана Б. Обамы);

So You Think You Can Chat? [Wall Street Journal. 2010. 14 Oct.; R. Greskovic] ← *So You Think You Can Dance?* (субституция элемента на основе семантической оппозиции в названии известного британского телешоу);

There's no place like Rhône [Financial Times. 2010. 19 Nov.; J. Robinson] ← *There's no place like home* (субституция на основе фонетической оппозиции в паремии).

В тенденции обращаться к широко известным языковым конструкциям наблюдается не только стремление автора повысить экспрессивность публицистического онлайн-текста, в который включается фраза, но желание продемонстрировать собственную интертекстуальную компетенцию, приобщенность к культурному наследию и эрудированность, а также намерение апеллировать к определенной аудитории. Кроме того, этот языковой материал, обладающий культурной значимостью, становится «полем» для проявления творческого потенциала языковой личности, введения оригинального стилистического приема. Окаzionale модификация общепринятого инварианта восприятия — это также и в определенной степени «бунтарство», вызов авторитету, разрушение стереотипа восприятия высказывания на глубинном и/или поверхностном уровне.

Список литературы

1. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : Филология, 1997. — Вып. 1. — С. 82–103.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987. — 261 с.
3. Машкова, С. Г. Интернет-журналистика : учеб. пособие. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. — 80 с.
4. Славкин В. В. Визуализация в журналистском тексте // МедиаТренды. — 2011. — № 2 (19). — 8 с.

С. В. Мисяченко (Петропавловск, Казахстан)

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
СЛОГАНА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ

This article discusses the concept of a slogan, found its tricks, analysis of structural and semantic features of a slogan in a pragmatic perspective. The model identifies the main slogan at the level of the structure and values.

Keywords: advertisement, slogan, pragmatics, assessment, expressivity.

Важным элементом рекламного текста является слоган. В слогане выделяются те особенности, которые составляют сущность рекламируемого объекта. Рекламируя какое-нибудь изделие, уместно подчеркнуть, что оно соответствует моде. В рекламе же, например, пищевого продукта указываются такие его качества, как питательная ценность, содержание витаминов, натуральность. В рекламном тексте упор делается на мотив, аргумент рекламы, т. е. на то, что может заинтересовать потенциального потребителя.

Важными особенностями слогана являются: ритмический повтор, языковая игра, контрастность, лаконичность. Ярким примером лаконичного слогана является девиз фирмы «Сэлдом»: «Сэлдом: не просто, а очень просто». Фирма использовала его в напоминающей рекламе. При восприятии слогана проводятся ассоциативные параллели с известным выражением: «Все гениальное — просто». Девиз рекламы выделяет исключительные способности фирмы. Авторы рекламы подчеркивают идею фирмы: «С нами все проблемы решаются очень просто».

При более подробном рассмотрении рекламных текстов, включающих бесконечное количество слоганов, можно выделить ряд основных, повторяющихся моделей на уровне структуры, значения. Например, форма рекламных слоганов может создаваться с учетом их особого произношения или написания. При повторении слов и части слов создается эффект настойчивости, быстрой запоминаемости рекламного предложения. В ряду стилистических фигур повторы разных типов занимают заметное место. Известная мудрость гласит: «Что скажут трижды, тому верит народ». Интересен следующий лексический повтор: «В *Новый* год с *новым* телефоном по *новой* цене».

Словосочетание «новый год» в начале фразы создает атмосферу праздника, обновления, перемен, происходящих в жизни, например, таких как покупка нового телефона. Каждое словосочетание семантически значимо. В словосочетании «новый телефон» рекламируемый товар представляется как обновка, пода-

рок. Покупатель ожидает приобрести современный, необычный и по доступной цене телефон. Рекламодатели указывают на новую цену: «по новой цене». Прилагательное «новый» имеет значение: «другая цена, не такая, как в прошлом году». Семантика прилагательного «новый» при многократном повторении объясняется как: «не похожий на другие». Именно это значение прагматически значимо в данном рекламном тексте. Слова новизны (новое, новость, новинка, обновление, новина, новшество и др.), а также образования с префиксами ново- и нео- принадлежат к «действующим силам языка» (Н. Д. Арутюнова). Их «прикосновение к денотату (будь он предмет, человек или произведение искусства) тотчас вводит его в круг социального интереса» [Арутюнова, 1978: 695]. Новое неизменно вызывает интерес, новое спешат приобрести, новое «манит» и «соблазняет». Поэтому слова новизны так частотны в текстах телевизионной рекламы. Например:

«— Здравствуйте! Я ищу *новый* отбеливатель. Использовала *более дешевый* и чуть не испортила любимую кофточку.

— В этом случае Вам поможет *новый* отбеливатель “Bis”. “Bis”. Отчистит идеально, и цена реальна».

Вежливый тон рекламы является функционально обусловленным, поскольку продиктован определенным прагматическим намерением в коммуникативной деятельности. Намеренное использование вежливой формы второго лица прямо адресовано личности адресата. Прагматическая цель достигается использованием качественно прилагательного *новый* в значении «впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего». С одной стороны, это прилагательное дает некую информацию о товаре, а с другой — сохраняет мелиоративную окраску (хороший, необычный). Потребителя можно привлечь чем-то новым, а с другой стороны, и чем-то привычным, поскольку он ищет не только что-то новое, он ищет лучшее. Авторы рекламы предлагают качественный товар по доступной цене: *Отчистит идеально, и цена реальна*. Прагматическая функция усиливается

в слогане рекламы, который представляет собой выигрышное предложение с учетом рациональных мотивов. Рифмованная структура слогана способствует наилучшему запоминанию торгового предложения, усиливая образ рекламируемой марки. Продавец склоняет потенциального потребителя приобрести *идеальный* товар, а ссылка на доступность цены становится надежнее многих других доводов.

В рекламе йогурта используются лексические повторы, с помощью которых обыгрывается название продукта:

«С чего начинается чудо?»

С *чудесного* мгновения, когда самые сочные ягоды и самые спелые фрукты встречаются с самым свежим натуральным молоком.

Так рождается “Чудо-йогурт”. *Чудесная* радуга вкуса».

Вопросительное предложение определяет тему сообщения и предполагает ответ, который составляет основную часть сообщения. Слоган рекламы подводит итог в развитии темы: «Так рождается “Чудо-йогурт”». *Чудесная* радуга вкуса». Повтор мелиоративно окрашенных слов *чудо*, *чудесный* положительно характеризуют товар. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «чудо» выступает в следующих своих значениях: «1. Нечто небывалое, сверхъестественное. 2. Нечто поразительное, выдающееся, удивляющее своей необычностью. 3. (разг.) Удивительно, поразительно хорошо [Ожегов, Шведова, 2005: 725]. В рекламе все три значения слова соединяются воедино. Создается особая, сказочная атмосфера чудесного мгновения: возникает образ радуги, яркого, удивительного, эффектного явления природы. «Чудо-йогурт» — необычный природный продукт с множеством вкусов: *самые сочные ягоды, самые спелые фрукты, самое свежее натуральное молоко*. Троекратное повторение слова «самый» подводит потенциального покупателя к мысли, что «Чудо-йогурт» — *самый, самый, самый*, т. е. лучший йогурт.

Частотным средством создания хорошего лозунга является его рифмованное построение. При помощи такого способа рекламное предложение становится более привлекательным и легко запоминающимся. Например: «Чай “Асам”». Попробуй сам»; «Ежедневно Ваша “Золотая чаша”»; «“Миф-универсал” сохраняет капитал»; «“Леванте” в моде при любой погоде»; «С порошком стиральным “Ра” стирка — детская игра».

В рекламных текстах нашли применение окказионализмы — яркие, необычные слова. Стремление к речевой выразительности проявля-

ется в создании новых наименований, не нашедших отражение в словарях, — окказионализмов.

Так, в рекламе шоколадного батончика можно наблюдать образование новой формы глагола: «SNICKERS!» Не тормози — *сникерсни!*». Рекламный текст запомнился благодаря необычности глагола: *сникерсни* — *перекуси, съешь* «SNICKERS!». Кроме того, основу глагола составляет название марки, что также увеличивает число покупателей, запомнивших марку шоколада. Словотворчество стало одним из способов избавления от клише, избитых фраз. Рекламные слоганы, содержащие подобные новообразования, всегда экспрессивно насыщены.

Необычное слово подобрали составители рекламы в слогане рекламы кофе «Jakobs monarch»: «— Они еще спят. Может быть, кофе?

— Да.

“Jakobs monarch” — растворимый кофе.

Уникальный аромат, прекрасный вкус, отборные зерна, как в молотом кофе.

Кофе “Jakobs monarch” — сближающая *ароматия*».

В основе нового необычного слова *ароматия*, образованного путем контаминации двух слов — «аромат» и «магия», заложены качества и чудодейственные свойства этого напитка: *душистый, распространяющий аромат, насыщенный ароматом, имеет приятный сильный запах*. Рекламируемый напиток характеризуется как волшебный, способный очаровать, произвести неотразимое, чарующее впечатление на покупателя, обладает необыкновенным, неожиданным, магическим воздействием. Прагматическую функцию выполняют и эмоционально-оценочные словосочетания: *уникальный аромат, прекрасный вкус*, характеризующие рекламируемый кофе как единственный в своем роде, неповторимый, очень хороший, приятный на вкус, ароматный напиток.

Анализируя рекламные тексты, мы пришли к выводу, что слоган представляет собой оригинальную, менее навязчивую форму воздействия. Эффект хорошей рекламы достигается с помощью прагматически значимых средств языка. Использование различных приемов языка помогает создать необычную экспрессию рекламного сообщения, повышает запоминаемость.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. Отд-ния лит. яз. АН СССР.— М., 1978.— 783 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М., 2005.— 889 с.

Е. В. Митричева (Челябинск, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ В ПРОСТОМ ДВУСОСТАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ПОДСТИЛЕ

An article gives some analysis of the staticized variants of statements are used in mass media. The essence and role of this communicative process in a style discourse are brought to light and its pragmatical function is analyzed in a simple two-member sentence.

Keywords: *the statement, communicative task, actualisation, a syntactic position, a style discourse, pragmatical function.*

В последние три десятилетия в лингвистике обозначился поворот от высокой степени обобщенности к практическому материалу. «Достигнув высокой научной абстракции в изучении языка (в сосюрловском понимании термина), лингвистика «резко расширила круг своих исследований, включив в него все аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия. Интерес к минимальным лингвистическим единицам сменился интересом к «максимуму» — тексту (дискурсу), рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами» [Иссерс, 2008: 13]. Изменению подхода к самим задачам лингвистического исследования, считает О. С. Иссерс, «способствовали экстралингвистические факторы: формирование в обществе социального заказа на знание закономерностей человеческого общения (в частности, вербального), определение потребности в информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека (со всеми его психическими, социальными, этнокультурными характеристиками). Все это не могло не привести к интенсивному взаимодействию гуманитарных дисциплин и появлению исследований, посвященных общим и частным проблемам философии коммуникации» [Иссерс, 2008: 14].

В настоящей статье анализируются коммуникативные задания высказываний, функционирующих в печатных средствах массовой информации и репрезентирующих активные динамические процессы в области публицистики. Целью статьи является выявление сущности и роли такого коммуникативного процесса, как актуализация, его прагматической функции в простом двусоставном предложении, представленном в различных прагматических ситуациях публицистического дискурса.

Под актуализацией, вслед за И. И. Ковтуновой, будем понимать «изменение порядка слов и интонационной структуры исходного члена парадигмы и превращение его в синтагматически зависи-

мое высказывание» [Ковтунова, 1976: 56]. В результате актуализации высказывание приобретает форму, «соответствующую коммуникативной цели данного сообщения, диктуемой условиями конситуации. Таким образом, в применении к единицам уровня актуального членения, актуализация заключается в превращении синтагматически независимых высказываний в синтагматически зависимые» [Там же].

Под синтаксической позицией, вслед за О. С. Ахмановой, будем понимать такое синтаксическое положение, которое способствует «выделению занимающего его члена предложения или слова» [Ахманова, 2007: 183]. Анализируемые в статье высказывания структурно представляют собой простые двусоставные предложения, в которых глагольная единица занимает синтаксическую позицию абсолютного начала предложения, синтаксическую интерпозицию и синтаксическую позицию абсолютного конца предложения. В целом коммуникативной целью высказываний, в которых глагольная единица занимает синтаксическую позицию абсолютного начала предложения, является указание на лицо — носителя динамического признака. В речи такие высказывания отвечают на коммуникативный вопрос: Кто это сделал? и реализуют идентифицирующую семантику. Коммуникативной целью высказываний, в которых сказуемое находится после подлежащего, является характеристика данного, определенно-го лица — субъекта динамического признака. В речи такие высказывания отвечают на коммуникативный вопрос: Что известно о субъекте? Что сделал субъект? и реализуют характеризующую субъекта семантику.

Рассмотрим высказывание, в котором сказуемое занимает синтаксическую позицию абсолютного начала предложения, актуальное членение расходится с синтаксическим, а коммуникативной целью высказывания является идентификация субъекта, производящего действие.

Я встрял с чисто журналистским вопросом. Подошел официант в белых перчатках с бокалами. Мейджор произнес замысловатый тост. Он был вполне свойским парнем. Прервал нас посол Британии [Долгополов, 2008: 22].

Синтагматически зависимое высказывание *прервал нас посол Британии* структурно представляет собой простое двусоставное предложение, в котором подлежащее выражено нарицательным существительным *посол*, а сказуемое — спрягаемой формой глагола *прервал*. Подлежащее соотносится с семантическим субъектом действия, а сказуемое — с его динамической характеристикой, выраженной лексемой со значением речевой и мыслительной деятельности («вмешавшись в разговор, перебить, остановить кого-либо» [Кузнецов, 2008: 966]). Сказуемое распространено зависимой словоформой, выраженной личным местоимением — *нас*. Высказывание отвечает на частичный диктальный вопрос, относящийся к части заключенной в высказывании информации: Кто нас прервал? Темой высказывания является группа сказуемого, ремой — группа подлежащего. В данном высказывании сказуемое находится в тематической части. В связи с тем, что функция темы является нехарактерной для сказуемого по его конструктивным и семантическим свойствам, данная синтаксическая позиция обусловлена следующими факторами. Во-первых, тема и рема в данном контексте реализуют отношения «новое—новое». Во-вторых, в данном контексте наблюдается синтаксический параллелизм конструкций, который выступает в качестве стилистического приема и является языковой игрой автора, а также определяется коммуникативными интенциями говорящего: показать динамичность происходящего, быструю смену событий и лиц, зафиксировать последовательность действий. В-третьих, семантические свойства распространителя связывают данное высказывание с предыдущим контекстом, сообщая ему контекстуальную обусловленность. Говорящему в данном контексте важно актуализировать внимание реципиента на лице, которое производит действие, идентифицировать это лицо. В анализируемом фрагменте статьи, который имеет подзаголовок «Джон Мейджор — свойский парень», автор аргументирует свою позицию тем, что английский премьер Джон Мейджор в равной степени легко общается как с лицами, занимающими высокие государственные должности, так и с журналистами. Коммуникативной целью высказывания является сообщение о лице, семантическом субъекте, который производит данное действие.

Высказывание выполняет идентифицирующую функцию.

Однако в газетно-публицистическом подстиле коммуникативная цель высказывания зависит не только от синтаксической позиции главных членов: существенное влияние на коммуникативное задание высказывания оказывают синтаксические позиции его распространителей, примыкающие к главным членам и образующие с ними грамматически и номинативно целостные образования. Разрушение грамматической и номинативной целостности данных образований, входящих в состав темы и ремы, является следствием актуализации, возникающей под влиянием определенной коммуникативной установки говорящего.

Рассмотрим высказывание, в котором сказуемое занимает синтаксическую интерпозицию, актуальное членение расходится с синтаксическим (актуализация проходит в двух направлениях), а коммуникативной целью является процессуальная характеристика семантического субъекта и цель, с которой производится данное действие.

Сотрудники милиции и администрации города просят быть внимательными и ни в коем случае не представлять свои паспортные данные незнакомым людям. Мошенники могут использовать эту информацию для махинаций с банковскими кредитами [Малинин, 2008: 2].

Синтагматически зависимое высказывание *мошенники могут использовать эту информацию для махинаций с банковскими кредитами* структурно представляет собой простое двусоставное предложение, в котором подлежащее, выраженное нарицательным существительным *мошенники*, соотносится с семантическим субъектом действия, а сказуемое, выраженное составным глагольным сказуемым (лексически неполнозначным глаголом *могут* и инфинитивом *использовать*), — с его динамической характеристикой. Высказывание отвечает на два коммуникативных вопроса: Что мошенники могут сделать? Как мошенники могут использовать эту информацию? Такое совмещение коммуникативных установок (синкретизм) определяется рядом факторов. Подлежащее выражено нарицательным существительным, тесно связано с предшествующим контекстом и упоминается в нем, поэтому может составлять тематическую часть высказывания. Сказуемое выражено составным глагольным сказуемым, определяет подлежащее и может составлять рематическую часть. Поэтому высказывание может отвечать на общий диктальный вопрос, относящийся к субстантивному компоненту: Что мошенники могут сделать? Зависимая

от сказуемого словоформа *эта информация*, представляющая объект, который подвергается действию *использовать*, соотносится с тематической частью высказывания. Высказывание в целом структурно представляет распространенное предложение. Распространители сказуемого вступают с ним в сложные семантические связи: объектные и целевые. Поэтому высказывание может отвечать на частичный диктальный вопрос, относящийся к части заключенной в высказывании информации: Как мошенники могут использовать эту информацию? Таким образом, данное высказывание представляет собой результат сжатия двух сообщений в одно. Такое высказывание соответствует закону экономии речевых средств и способствует более быстрой передаче информации коммуниканту. При этом информационное содержание высказывания полностью сохраняется, не утрачивая семантически значимых элементов. Коммуникативной целью высказывания является сообщение о действии, производимом семантическим субъектом, и цели, с которой оно было произведено. В связи с этим высказывание реализует два типа коммуникативных установок: характеризующую и уточняющую.

В зависимости от функции, которую выполняет распространитель в предложении, характера связи с главным словом, от коммуникативных интенций говорящего, особенностей прагматической ситуации, актуализация приобретает определенный семантический, а в отдельных случаях и стилистически маркированный характер.

Рассмотрим высказывание, в котором сказуемое занимает синтаксическую постпозицию, актуальное членение расходится с синтаксическим, а коммуникативной целью высказывания является сообщение о локативно-темпоральной характеристике действия, которое производит субъект.

Но ему так было сподручнее, и даже в шумной дружеской компании, где дым коромыслом и сам черт ногу сломит, он запросто снимал кольцо и, растопырив освобожденную от золотого бремени пятерню, начинал лихо наяривать. При этом обручальному кольцу он придавал мистическое значение и очень боялся его потерять, думая, что вместе с ним лишится меня, нашей семьи. Но именно на Гавайях он таки его потерял [Орлова, 2009: 145].

Синтагматически зависимое высказывание *но именно на Гавайях он таки его потерял* структурно представляет собой простое двусоставное предложение, в котором подлежащее, выраженное личным местоимением *он*, соотносится с семантическим субъектом действия и входит в состав

темы, сказуемое, выраженное спрягаемой формой глагола *потерял*, соотносится с динамической характеристикой семантического субъекта и также входит в состав темы. Сказуемое распространено зависимым компонентом, указывающим на место совершения действия, — предложно-падежной словоформой *на Гавайях*. Высказывание содержит элемент синкретизма, который проявляется в коммуникативных вопросах: частичный диктальный, относящийся к локативной характеристике действия: Где он таки его потерял? Частичный диктальный вопрос, относящийся к темпоральной характеристике действия: Когда он его потерял? Полный модальный вопрос, выясняющий соотнесенность фактов с действительностью: Потерял ли он его? Актуальное членение такого типа определяется следующими факторами. Во-первых, подлежащее выражено личным местоимением, которое стремится объединиться со сказуемым в тесное семантико-синтаксическое единство, образовав одно фонетическое слово — синтагму. Во-вторых, зависимый компонент занимает синтаксическую позицию абсолютного начала предложения, акцентируется фразовым ударением и отвечает на коммуникативный вопрос к данному высказыванию. В-третьих, в анализируемом фрагменте статьи речь идет о знаках судьбы, сигнализирующих о невозможности отношений героев. Говорящему важно акцентировать внимание реципиента на действии, месте и времени его совершения. Поэтому коммуникативной целью данного высказывания является сообщение о локативно-темпоральной характеристике действия. Анализируемая статья относится к жанру «портретного интервью» [Кожина, 2003: 83], совмещающего в себе характеристику лица и раскрытие проблемы через призму героя. Характерные для данного жанра «выраженные оценки», «живая эмоциональная реакция собеседников (согласие, несогласие, уточнение и т. п.)», «высказывание собственного мнения по обсуждаемой теме» [Кожина, 2003: 84] сближают его с устной спонтанной диалогической речью. Свободное положение сказуемого сообщает высказыванию разговорную окраску, свойственную для живой разговорной речи, которое усиливается частицей *таки*, имеющей не только уступительное, но и модальное значение, подтверждающее убежденность, достоверность произошедшего с субъектом действия. Высказывание реализует уточняющую семантику.

Таким образом, актуализация в простом двусоставном предложении имеет свои особенности, обусловленные синтаксическими позициями

входящих в него компонентов, спецификой дискурса и интенциями говорящего. Актуализация в высказывании, в котором сказуемое занимает синтаксическую позицию абсолютного начала предложения, связана с коммуникативной важностью для говорящего указания на субъект действия, его идентификации. Актуализация в высказывании, в котором сказуемое занимает синтаксическую интерпозицию, связана с реализацией уточняющих событие коммуникативных установок. В высказываниях, в которых сказуемое занимает синтаксическую постпозицию, процесс актуализации обусловлен смещением семантического центра в конец предложения, тем самым говорящий делает акцент на самом действии, которое производит семантический субъект, и эта информация представляется для него наиболее актуальной. Представленные в анализируемых текстах динамические процессы, связанные с актуализацией, отражают не только интенции субъекта, но и черты разговорного стиля, что свидетельствует о демократизации традиционных норм газетно-публицистического подстиля в целом.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— 4-е изд.— М. : КомКнига, 2007.— 576 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов.— СПб. : Норинт, 2008.— 1536 с.
3. Долгополов Н. Тет-а-тет с президентом // Рос. газ.— 2008.— 4–10 дек.— С. 23.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.— 5-е изд.— М. : Изд-во ЛКИ, 2008.— 288 с.
5. Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения : учеб. пособие.— М. : Просвещение, 1976.— 239 с.
6. Орлова О. Ирина Гинзбург-Журбина: дорогая пропажа // Караван историй.— 2009.— Февраль.— С. 43–61.
7. Малинин Н. Мошенники используют выборы // Вечерн. Челябинск.— 2008.— 20 нояб.— С. 2.
8. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной.— М. : Флинта : Наука, 2003.— 696 с.

М. В. Муравьева (Тюмень, Россия)

БАЗОВЫЕ ТЕРМИНЫ ДОЛЖНОСТНОЙ ИНСТРУКЦИИ

The article is devoted to one of the burning topics in the field of intercultural communication — company documents. The author gives a comparative analysis of the basic terms used in job descriptions in Russian and English.

Keywords: *communication, terms, linguistics, science of terminology, terminological, characteristics, document, job description.*

В данной статье предпринимается попытка провести сопоставительный лингвистический анализ базовых терминов должностной инструкции в русском и английском языках с целью выявления как сходных, так и отличительных черт. Данная тема представляется актуальной в свете расширяющегося международного сотрудничества и повышающегося интереса иностранных компаний быть представленными на российском рынке труда и, следовательно, заниматься подбором персонала. В такой ситуации должностная инструкция выступает, с одной стороны, связующим звеном между участниками коммуникации и «лицом» компании, документом, создающим о ней первое впечатление, с другой стороны.

В первую очередь необходимо дать определение термина как основного предмета предлагаемого анализа. Данной проблеме посвяще-

но большое количество трудов по лингвистике, терминоведению и другим смежным наукам. Мы будем придерживаться классического, по нашему мнению, определения термина, данного в Лингвистическом энциклопедическом словаре — в статье Н. В. Васильевой. «Термин (от лат. *Terminus* — граница, предел) — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). К особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства терминов); 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля [...]; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность. Эти свойства термина реализуются только внутри терминологической системы».

гического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики — детерминологизируется» [БЭС, 1998: 508].

Рассматривая базовые термины, следует дать дефиницию используемого прилагательного, а также определить, какие термины, встречающиеся в должностной инструкции, будут ему соответствовать. «Базовый» — прилагательное, образованное от существительного «база», что определено в толковом словаре как «2. основание, основа чего-либо (книжн.)» [Ожегов, 2003: 33]. Значит, мы можем считать, что «базовый» — это основной, лежащий в основе чего-либо. Согласно информации Национального корпуса русского языка данное прилагательное широко используется в современном языке и имеет 2 749 вхождений в 1 528 документах [<http://ruscorpora.ru>]. Если мы обратимся к английскому эквиваленту, мы найдем, что «basic — providing the base or starting point from which something can develop; simple and not complicated» [<http://dictionary.cambridge.org>]. Очевидно, что такого описания заслуживают слова и словосочетания, представляющие основу должностной инструкции. На наш взгляд, следует рассматривать термины, употребляемые в составных частях структуры текста должностной инструкции, т. е. в заголовках и подзаголовках, так как сам текст, подробное описание ее составляющих, носит специфический характер и не относится к понятию «базовых». Представляется целесообразным распределить термины по типам морфологических структур и разделить их на структурные группы, аналогично делению, принимаемому в исследованиях В. П. Даниленко, В. Д. Табанаковой и др.

Анализ терминов осуществлялся в соответствии со следующими этапами:

1. Отнесение каждого термина к группе однословных, двухсловных, трехсловных [...] терминов.
2. Определение морфологической сущности каждого составляющего термин элемента, то есть принадлежность этого элемента к определенной части речи.
3. Выделение доминирующего элемента терминологического сочетания и распределение терминов в этой связи на субстантивные или атрибутивные [Табанакова].
4. Анализ лексико-семантических особенностей терминов.

Среди терминов, представляющих заголовки и подзаголовки разделов должностной инструкции, подавляющее большинство — двухсловные

словосочетания, образованные по модели в русском языке прил. + сущ.: «Должностная инструкция», «Общие положения», «Основные задачи», «Должностные обязанности»; двух- и трехсловные в английском языке — A+N: «General details», «special challenges», «additional comments»; A+N+N: «Essential job functions»; N+N: «Job title», «Job requirements», «position information», «position description», «employees responsibilities», «key competences»; N+N+N: «Job purpose statement». В данной группе обращают на себя внимание прилагательные с семой значения «базовый»: «Основные», «Essential», «key», что подтверждает правильность выбранного материала.

Другая многочисленная группа представлена однословными терминами, выраженными именами существительными: «Функции», «Права», «Ответственность»; «purpose», «accountabilities», «dimensions», «Tasks». Здесь стоит выделить употребление формы множественного числа. Это объясняется тем, что в текстах, заголовком которых являются данные термины, содержится перечисление, и обычно они имеют пункты и подпункты. Все рассмотренные термины относятся к типу субстантивных.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить терминам, которые не являются заголовками, но в равной степени характерны для должностной инструкции, как в русском, так и в английском языках. Это — особые отметки, свидетельствующие о состоявшемся акте коммуникации. В основном эти термины имеют однословную структуру и выражены причастием совершенного вида в русском языке: «Согласовано», «Ознакомлен»; и причастием прошедшего времени в английском языке: «Approved», «authorized», «read and understood». С учетом грамматических характеристик данных терминов их можно отнести к типу атрибутивных.

Одна отличительная особенность выделяет русскоязычные должностные инструкции — наличие глагола в форме 1-го лица единственного числа: «Утверждаю». С одной стороны, этот элемент должностной инструкции лишает ее безличности, свойственной документам, а с другой стороны, подчеркивает культурную особенность деловой среды, где руководитель принимает окончательное решение.

Среди английских терминов также встречаются словосочетания с сочинительной союзной и бессоюзной связью «experience and qualification required», «terms and conditions», «position description — purpose». Данный тип не засвидетельствован в русскоязычных текстах.

Что касается лексико-семантических характеристик анализируемых терминов, отметим употребление некоторых из них и в иных текстах, не только в текстах должностных инструкций. Такие термины, как «Общие положения», «Права», «Ответственность», встречаются в юридических текстах, текстах договоров или финансовых документов. Исходя из моносемичности понятия «термин», мы не допускаем, что данные слова и словосочетания имеют другое значение. Они входят в состав многословных терминов, как, например, «ответственность сторон», «права и обязанности сторон», «общие положения договора», и являются межотраслевыми. То же самое можно наблюдать и в отношении английских терминов, например, «terms and conditions», «accountabilities». Специфика английских терминов состоит еще и в их синонимичности. Мы можем наблюдать, что для выражения одних и тех же значений используются разные термины. Сравним, «job» в «Job title», «Essential job functions», «Job requirements», и «position» в «position information», «position description»; а также «responsibilities» и «accountabilities». Такое положение не характерно для русского языка, где в текстах документов не допускается употребление синонимов.

Анализ показывает, что базовые термины русскоязычных должностных инструкций представлены менее широким спектром, они более унифицированы. В силу языковой природы разнообразие способов терминообразования также меньше выражено. Базовую терминологию данных документов можно считать межотраслевой, так как

она обслуживает и документацию сферы права и бизнеса (договоры, соглашения, протоколы). Данное утверждение справедливо и для терминологии англоязычных должностных инструкций. Однако, что касается терминоэлементов, то они, напротив, отличаются повышенной синонимичностью, разнообразием способов терминообразования, многокомпонентностью.

Насколько бы «сухим» и скучным не казался язык документов, его изучение и анализ в межкультурном плане играют важную роль и оказываются одинаково полезными как для подготовки будущих специалистов в соответствующих областях, так и для эффективной реализации межкультурных контактов.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. — 2-е изд. — М. : Большая Рос. энцикл., 1998. — 685 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 2.03.2012).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. — 944 с.
4. Табанакова В. Д., Зыков Е. А. Способы образования терминов глобальной компьютерной сети Internet [Электронный ресурс]. — URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No17/journal.htm> (дата обращения 2.03.2012).
5. Cambridge Dictionaries Online. — URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 2.03.2012).

И. А. Наличникова (Оренбург, Россия)

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АФОРИСТИКИ В ГЕРМАНИИ

The article deals with theoretical preconditions of occurrence of aphoristics in Germany. Special attention is paid to the revealing of the main directions, which are connected with stages of development of the linguistics, and with different views of nature of the aphorisms.

Keywords: *aphoristics, aphoristics specialist, genre, context, aphoristics heritage.*

Данная статья является продолжением статьи «История становления афористики в России», в которой мы обобщили результаты филологических исследований афористики в России. Кроме того, мы выделили несколько основных направлений, связанных с различными этапами развития языкознания, а также с разными взглядами на природу афоризмов [Наличникова, 2011: 42].

За рамками нашей статьи остался нерассмотренный вопрос, связанный с историей становления афористики в зарубежных исследованиях, который мы попытаемся рассмотреть в данной статье.

Особо отметим, что немецкая афористика получила в наше время большую степень развития, и исследовательские работы об афористике исчисляются сотнями. Более полувека назад

Г. Аземиссен констатирует парадоксальный факт, отмечая, что «афоризм, будучи любимцем публики, является заморышем, золушкой в науке» [Asemissen, 1976: 159]. Естественно, что исследования по афористике в Германии проводились и ранее, но они были эпизодическими и затрагивали лишь отдельные аспекты этой темы (например, заметки о максимах И. В. Гёте [Karnack, 1999]. За последнее время много изменилось: появилось большое количество статей, диссертаций и монографий, посвящённых исследованиям афоризма. Т. Штёльцель в шутку однажды замечает, что за это время «золушка стала, по меньшей мере, княжной небольшого княжества» [Stölzel, 1998: 23].

Родоначальником научных исследований по афористике в Германии считают Ф. Маутнера; его научный труд «Афоризм как литературный жанр», впервые опубликованный в 1933 г., становится началом серьёзных исследований по этой тематике. В нём автор формулирует основные параметры афоризма и впервые определяет его статус как самостоятельного литературного жанра. Труд Ф. Маутнера послужил толчком для создания многих исследований о сущности и предназначении афоризма. Вслед за ним, Г. Фигут изучает эту форму короткой прозы, постоянно сталкиваясь со многими трудностями, которые «возникают из целого ряда противоречий: противоречие между языковой краткостью и широтой идеи, между строго подчёркнутой формой и мимолетней, беглой мыслью, между подчёркнуто субъективной позицией и претензией на всеобщность, между ограниченной и обобщающей структурой» [Fieguth, 1969: 352]. Кроме того, видный афористовед Германии Г. Нойман отмечает, что немецкие исследователи придают большое значение конфликтной двойственности афоризма и считают, что он лучше всех других жанров способен отражать органически присущий человеку конфликтный способ познания мира [Neumann, 1976: 5].

Определённым отражением вышеназванных трудностей могут служить те названия, которые дают авторы афоризмов своим творениям. Только у одного из афористов Ж. Поля можно найти следующие: *Bemerkungen, Noten, Einfälle, Blitze, Launen, Untersuchungen, Erfindungen, Bausteine, Miszellen, Regeln, Impromptüs, Poetische Kleinigkeiten, Güldene Brokardika, Wetterbeobachtungen über den Menschen, Verfolgungen des Lesers, Streckverse, Trümmer eines Ehespiegels* и другие [Fieguth, 1969: 352]. Наряду с термином «афоризм» в исследованиях встречается ещё десяток названий для

схожих типов высказываний [Spicker, 1999: 311]. К ним также относят *Splitter, Späne, Sprikker, Notiz, Fragment, Findlinge, Feile, Maximen, Reflexionen, Lakonische Zeilen, Blütenstaub, Ideen, Sprüche, Zwischenspiele, Sätze und Gegensätze, Ja- und Neinworte, Gegengaben, Einsichten und Ausblicke, Abgerissene Gedanken, Bilder, Situationen, Bemühungen, Parolen, Aufzeichnungen, Zungenschläge, Metaphorismen, Wahrheiten, Merkzeichen, Spiegelungen, Mengelstoffe* и другие [Fieguth, 1969: 353].

Следует отметить, что в работах немецких учёных большое внимание уделяется также и исследованию творчества отдельных его представителей. Так, Г. Нойман в своей монографии «Ideenparadise» отслеживает историю развития жанра афоризмов в Германии, подробно останавливаясь на афоризмах Г. К. Лихтенберга, Новалиса. Афористическое наследие Ж. Поля анализирует Г. Фигут [Fieguth, 1969], к творчеству Р. Музиля обращается П. Пфайффер [Pfeiffer, 1990]. К. Дицфельбингер пытается понять загадку Кафки, исследуя его высказывания [Dietzfelbinger, 1987]. Границы и возможности афоризма определяет Р. Нолтениус, исследуя творчество Г. Гофманшталя и А. Шницлера [Noltenius, 1969]. В монографии «Aphorismus» Х. Фрике называет десять классиков немецкого афоризма, к которым он относит Г. К. Лихтенберга, Ж. Поля, Ф. Шлегеля, Новалиса, И. Г. Зейме, И. В. Гёте, М. фон Эбнер-Эшенбах, Ф. Ницше, К. Крауса и Э. Канетти [Fricke, 1984]. Этот список великих афористов не вызывает никаких сомнений, но мы не можем согласиться только с тем, что исследователь намеренно исключает из этого списка тех авторов, которые включали афоризмы в свои произведения. Более того, Х. Фрике гневно обрушивается на тех, кто предпринимает попытки выделить афоризм из контекста, и считает афоризмами лишь изолированные афоризмы, которые были созданы автором и изданы им в сборнике собственных афоризмов. Мы не разделяем эту позицию, поскольку, на наш взгляд, совершенно не важно, кто выделил афоризм — сам автор или составитель сборника. Важно то, что афоризм может существовать как в произведении, так и вне его. Тот факт, что И. В. Гёте включил афоризмы в роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера», является убедительным возражением против подхода Х. Фрике, поскольку, с одной стороны, эти афоризмы дополняют философию романа, его идейное содержание, и роман без них был бы обеднён, а с другой стороны, афористический фонд был бы заметно скуден, если бы кто-то пожелал

не считать подобные афоризмы таковыми, отвергая саму возможность существования неизолированных, вводных афоризмов.

В исследовательских работах отмечается также, что периоды максимального развития афористического жанра совпадают с переломными историческими событиями в жизни общества, с обострением идеологической борьбы, сопровождающей эти события [Федоренко, Сокольская, 1990: 180]. Появление афоризма во времена перемен отмечается также многими немецкими исследователями. Так, Х. Крюгер полагает, что афоризм выходит на первый план во времени между падением установленного порядка знаний и веры и возникновением нового сознания, восприятия, при котором существовавшее до этого времени мышление, превратившееся в апологию, восхваление самого себя, теряет способность к размышлениям против самого себя [Krüger, 1988: 17]. Г. Нойман назвал афоризм «Krisenform von Umbruchzeiten» [Neumann, 1976:15]. В. Вее поясняет, что немецкие афористы, прежде всего, появляются тогда, когда предстоят основополагающие решения и готовится новое развитие: Г. К. Лихтенберг — в конце Просвещения, И. Я. Хайнзе и Ф. М. Клингер — «Буря и натиск», Ф. Шлегель и Новалис — период романтизма, а А. Шопенгауэр своими афоризмами борется с существующей философией, и, наконец, Ф. Ницше ставит в них под сомнение смысл буржуазного существования [Weh, 1976: 137]. Нам представляется, что тезис о массовом появлении афоризма во времена перемен вряд ли стоит переводить в категорию закономерности. Более справедливо утверждение, что афоризм появляется тогда, когда появляются умные люди, сильные, лингвокреативные языковые личности.

Подводя итоги, можно заключить, что количество исследовательских работ об афоризмах Германии неуклонно растёт, начиная со второй половины XX в. Этот факт даёт основание говорить о несомненном усилении интереса к этому жанру. Однако вопрос о языковой природе афоризма до сих пор остаётся спорным. Вне зависимости от того, какие цели и задачи ставят перед собой исследователи афоризмов, одной из центральных проблем остаётся вопрос о природе и статусе этого типа языковых выражений, о наличии в нём универсального набора характерных признаков.

Список литературы

1. Наличникова И. А. История становления афористики в России // Aktualne problemy nowoczesnych nauk — 2011 : Materiały VII międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji.— Przemysł : Nauka i studia, 2011.— S. 41–44.
2. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика.— М. : Наука, 1990.— 419 с.
3. Asemissen H. U. Notizen über den Aphorismus // Der Aphorismus : Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung.— Darmstadt : Wiss. Buchges., 1976.— S. 159–176.
4. Dietzfelbinger K. Kafkas Geheimnis : eine Interpretation von F. Kafkas «Betrachtungen über Sünde, Leid, Hoffnung und den wahren Weg».— Freiburg im Breisgau : Aurum-Verlag, 1987.— 270 s.
5. Fieguth G. Jean Paul als Aphoristiker.— Meisenheim am Gean : Hain, 1969.— 189 s.
6. Fricke H. Aphorismus.— Stuttgart : Metzler, 1984.— 168 s.
7. Karnack O. Zu Goethe's Maximen und Reflexionen über Kunst // Essays und Studien zur Literaturgeschichte.— Braunschweig : Verlag von Friedrich Vieweg & Sohn, 1999.— S. 202–210.
8. Krüger H. Über den Aphorismus als philosophische Form.— München : edition text+kritik, 1988.— 133 s.
9. Neumann H. Einleitung // Der Aphorismus : Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung.— Darmstadt : Wiss. Buchges., 1976.— S. 3–18.
10. Noltenius R. Hofmannshal, Schröder, Schnitzler : Möglichkeiten und Grenzen des modernen Aphorismus.— Stuttgart : Metzler, 1969.— 256 s.
11. Pfeiffer P. C. Aphorismus und Romanstruktur : zu Robert Musils «Der Mann ohne Eigenschaften».— Bonn : Bouvier, 1990.— 136 s.
12. Spicker F. Zum Begriff «Aphorismus» // Aphorismen der Weltliteratur.— Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1999.— S. 305–315.
13. Stölzel Th. Rohe und polierte Gedanken : Studien zur Wirkungsweise aphoristischer Texte.— Freiburg im Breisgau : Rombach, 1998.— 333 s.
14. Wehe W. Geist und Form des deutschen Aphorismus // Der Aphorismus : Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung.— Darmstadt : Wiss. Buchges., 1976.— S. 130–143.

Э. Ш. Никифорова (Костанай, Казахстан)

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

The article deals with the matter of communicative strategies realization in the juridical discourse. The author dwells upon such basic notions as “speech influence”, “communicative strategy”, etc. Then the article deals with the realizations of such strategies as convincing, deconstruction, interpretation in the texts of juridical English and Russian discourses. The examples are taken from trial notes from Russian and American courts.

Keywords: *linguistic manipulation, communicative (speech) strategy, semantic strategies, pragmatic strategies, conversion strategies, argumentative-suggestive texts, juridical discourse, persuasion strategy, deconstruction strategy, interpretation strategy.*

На современном этапе развития науки и общества феномен речевого воздействия вызывает повышенный интерес. В этой связи речевое воздействие становится предметом изучения ряда дисциплин, таких как психолингвистика, риторика, прагматика, этнопсихология, дискурсивная лингвистика, стилистика, теория массовой коммуникации.

Понятие «речевое воздействие» было введено психолингвистами Московской школы в начале 1970-х гг. Начиная с этого времени различные аспекты феномена речевого воздействия рассматривались в трудах таких авторов, как В. Л. Артемов, Т. М. Дридзе, И. А. Зимняя, В. Ф. Петренко, М. И. Скуленко, О. С. Иссерс, Х. Перельман, А. Н. Леонтьева и А. А. Леонтьева, Е. В. Шелестюк и др.

Сам термин «речевое воздействие» традиционно трактуется в широком и в узком смысле [Шелестюк, 2009: 36].

Рассмотрение вопросов, касающихся речевого воздействия, невозможно без рассмотрения таких категорий, как «тип речевого воздействия», «способ речевого воздействия», «стратегия речевого воздействия», «тактика речевого воздействия».

Целью данной работы является рассмотрение ряда стратегий речевого воздействия в одном из профессиональных дискурсов — юридическом.

Остановимся подробнее на определении сущности понятия «стратегия».

В общем смысле стратегия представляет собой общий принцип поведения человека в условиях конфликтной ситуации.

Термин «коммуникативная (речевая) стратегия» получил в лингвистике широкое распространение и толкование. Можно выделить как минимум пять различных аспектов рассмотрения коммуникативной стратегии: текстовой подход (стратегия — элемент текста, сложный языковой знак, риторический подход (стратегия — творческая реализация коммуникатом плана построе-

ния своего речевого поведения в речевом событии), психологический подход (стратегия — осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия); когнитивный подход (стратегия — «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения); прагмалингвистический подход (стратегия — цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств).

Прагмалингвистический подход используется, в частности, в работах О. С. Иссерс, где под коммуникативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс, 1998: 1].

Конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата. Определенная коммуникативная стратегия предполагает разные коммуникативные тактики. Например, при выборе стратегии компроматации в качестве тактик могут использоваться такие виды высказываний, как обвинение, инсинуация, насмешка; при выборе стратегии подчинения — требование, увещевание, доказательство [Шелестюк, 2009: 52]. С функциональной точки зрения, выделяются основные (семантические или когнитивные) и вспомогательные стратегии (О. С. Иссерс). Как основная рассматривается стратегия, которая на данном этапе взаимодействия является наиболее значимой в аспекте мотивов и целей.

К вспомогательным относятся прагматические (коммуникативно-ситуационные), диалоговые (конверсационные) и риторические стратегии.

Перейдем непосредственно к рассмотрению коммуникативных стратегий в юридическом дискурсе. Тексты юридического дискурса относятся к аргументативно-суггестивным, то есть

оценочность, субъективность, эмотивность и экспрессивность играют в них не менее важную роль, чем денотативная информация.

Аргументативность основывается на логикориторических характеристиках текста, реализующих воздействие адресанта на мнения и рациональные оценки реципиента, а также косвенное регулирование его рационального поведения. Суггестивность текста подразумевает те его формальные, структурные и семантические характеристики, которые воздействуют на подсознание читателя посредством активизации ритмических, звуковых, тематических, словесных ассоциаций, вызывая бессознательные эмоции, мысли, образы и формируя бессознательные установки [Шелестюк, 2009: 34].

Судоговорение происходит в определенном контексте, который можно назвать судебной ситуацией. Убеждение и аргументация являются необходимыми составляющими единого коммуникативного процесса.

Наиболее яркими этапами судебного разбирательства являются допрос свидетелей и судебные прения. В них наглядно проявляется состязательность судебного процесса, ярко обозначается конфликт, который необходимо преодолеть при помощи ряда коммуникативных стратегий. В судебном дискурсе на этапе судебных прений и на этапе допроса свидетелей используются семантические и прагматические стратегии, причём к семантическим стратегиям относятся стратегии убеждения, деструкции и интерпретации действительности.

Стратегия убеждения доминирует в судебных прениях. Она реализуется с помощью тактик экспликации причинных и временных связей и тактики апелляции к авторитетам.

Например, «Один свидетель у нас новый, Игорь Александрович Каляпин, представитель межрегионального комитета в защиту от пыток. Точно это называется Межрегиональный “Комитет против пыток”... **Но я хочу обосновать**, почему мы вызываем Игоря Александровича Каляпина... Игорь Александрович возглавляет **одну из самых авторитетных общественных организаций** в России. Он предпочитает не называть её даже правозащитной, и могу Вам сказать, что передо мной такое вот издание (*показывает*). Это альбом премии **“100 самых авторитетных людей России”** по версии журнала “Русский Репортёр”. “Русский Репортёр” — это не **маргинальное какое-то издание, это издание очень серьёзное, уважаемое**, и каждый год проводится такой опрос по нескольким номинациям. Вот в одной из номинаций Игорь Александрович

Каляпин у нас признан **наиболее авторитетным представителем общественности, который защищает права человека**» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбуждённому против председателя Совета правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова, адвокат Г. М. Резник).

В данном отрывке адвокат прибегает к ряду приёмов, пытаясь охарактеризовать свидетеля в качестве не только весьма компетентного эксперта (ссылка на авторитетную премию, подкреплённая такими эпитетами в адрес самого издания, как «серьёзный, уважаемый, не маргинальный»), но и как человека с ярко выраженной гражданской позицией («наиболее авторитетный представитель общественности, который защищает права человека»). Таким образом, адвокат реализует стратегию убеждения через ряд тактик, позволяющих подчеркнуть неоспоримый авторитет вызванного защитой свидетеля.

Обратимся ещё к одному примеру успешной эксплуатации стратегии убеждения. Так, обвинитель по делу Бовото против «Шеврона», в котором представители Бовото обвиняют «Шеврон» в пособничестве подавлению мирной демонстрации местных жителей, которые выступали против загрязнения окружающей среды в дельте реки Нигер. В своей заключительной речи представитель компании «Шеврон» при помощи коротких информативных предложений, расположенных в логической последовательности, обобщает суть дела и пытается убедить суд в своей правоте, то есть здесь имеет место экспликация причинных связей, систематизация приведённых доказательств, суду остаётся лишь рассмотреть их и принять обоснованное решение. Следует отметить тот факт, что юрист в своём выступлении апеллирует не столько к чувствам участников процесса, сколько к логике, позиционируя представляемого им клиента в качестве серьёзной организации, где ценят объективность, немногословность, доказательность. Импликация очевидна: от суда ожидают проявления тех же качеств:

- a) the Ilaje's grievances were overstated;
- b) the Ilaje had a violent history;
- c) the Parabe incident was not a peaceful protest but a violent and unlawful invasion;
- d) the alleged commandeering of the tugboat Cheryl Ann, following the shooting incident, indicates the criminal intentions of the Ilaje;
- e) the photographs of the sea turtle being butchered on the tug indicate that the Ilaje had access to weapons...;

k) there was nothing improper about the parent/subsidiary relationship between Chevron Nigeria Ltd. and the parent corporate entities (i. e. the defendants).

Стратегия деконструкции направлена на то, чтобы вызвать сомнения в аргументации своего процессуального оппонента. Основной в рамках этой стратегии является тактика дискредитации. Дискредитации могут подвергаться достоверность показаний подсудимых, свидетелей потерпевших, их репутация; действия следователей, адвокатов, судей, экспертов; уровень их квалификации, их незаинтересованность и объективность.

Например, адвокат Резник в ходе процесса по делу против Правозащитного центра «Мемориал» при допросе свидетелей широко использует стратегию деконструкции, а именно тактику дискредитации.

«Адвокат Резник: У меня ещё один вопрос. Скажите, пожалуйста, Вам известно что-нибудь о том, как расследуется дело об убийстве Эстемировой? Имеются какие-то **конкретные** сведения или Вы не располагаете такими данными?

Шведов: Да, мне это известно, и на «Кавказском узле» мы публиковали сведения о том, как идёт, как, вернее, не идёт это расследование.

Адвокат Резник: Не идёт расследование?»

В данном диалоге со свидетелем адвокат пытается показать слушателям, что следствие отнеслось к своим обязанностям по меньшей мере халатно, причём адвокат не говорит о некомпетентности следствия прямо, а моделирует коммуникативную ситуацию таким образом, что суд получает эту информацию из уст свидетеля («мы публиковали сведения о том, **как идёт, как, вернее, не идёт это расследование**»). А своей заключительной репликой «Не идёт расследование?» адвокат усиливает произведённый эффект. Такая комплексная многоуровневая стратегия деконструкции, наверняка, достигнет поставленной цели: вызвать сомнения в аргументации своего процессуального оппонента.

Та же самая стратегия реализуется и в ходе допроса свидетеля в деле «Бовото против «Шеврона»». Адвокат задаёт свидетелю конкретный вопрос по существу рассматриваемого дела, получает положительный ответ, на основании которого приходит к выводу о том, что свидетель противной стороны в своих показаниях искажил информацию

Stormer: Wasn't the actual agreement that if Deji came without soldiers and armed guards they would leave barge?

Davis: No.

Stormer: So Deji's testimony on the stand was not accurate? (Итак, показания Дежи были неточны?).

И в первом, и во втором примере мы видим аналогичный алгоритм развёртывания стратегии деконструкции, что позволяет нам сделать вывод о том, что данная стратегия имеет сходные проявления в юридическом дискурсе англоязычной и русскоязычной лингвокультур.

Стратегия интерпретации действительности представлена тактикой интенсификации и приуменьшения. Тактика интенсификации предполагает преувеличение значимости некоторой информации в ущерб общей объективной картины дела. Тактика приуменьшения заключается в сокрытии или затушевывании информации.

Так, представители сторон в деле против правозащитного центра «Мемориал» прибегают к тактике преуменьшения значимости показаний свидетелей противной стороны, причём тенденция к использованию этого тактического хода обоюдная: один адвокат как бы «заражает» другого и весь диалог приобретает определённую тональность. Стратегия интерпретации в этом случае, так же как и стратегия деконструкции, направлена на дискредитацию показаний свидетеля.

«Адвокат Резник: Ваше отношение и мнение в данном случае не имеет значения. Вопрос относительно фактов... Исраилов дал показания, Вы ответили. Он дал показания о личном участии Рамзана Кадырова...

Адвокат Резник: Люди высказывают своё мнение и своё подозрение. **Каким образом показания Ковалёва могут пролить свет на конструкцию обвинения Орлова? Это абсолютно непонятно.**

Красенков: Ваша честь, я хотел бы сказать, что, если, учитывая мотивацию, которую в качестве отказа в удовлетворении моего ходатайства привёл адвокат Резник, в таком случае все **его предыдущие свидетели, они никакие не свидетели**».

Ту же стратегию можно выявить и в заключительной речи адвоката в деле «Бовото против «Шеврона»»:

the Ilaje's **grievances were overstated**.... Chevron Nigeria Ltd. had **no intent to harm, much less kill** the «invaders».

Следует отметить и особую значимость прагматических стратегий в судебных прениях по уголовным делам. Прагматическая стратегия самопрезентации является постоянной составляющей стратегической конфигурации текста. Она

реализуется посредством статусно-ролевой и имиджевой тактики.

Например, «**Адвокат Резник:** Ваша честь, я думаю, что консультации по поводу того, что написано в законе, видимо, наверное, представитель потерпевшего может получить за пределами...

Красненков: Я прекрасно знаю закон.

Адвокат Резник: Я, например, готов Вам, если...

Красненков: Я Вас могу проконсультировать ещё лучше, чем Вы себя.

Адвокат Резник: Ну, что Вы задаёте вопрос о том, что написано в законе?».

В приведённом выше отрывке ясно прослеживается применение стратегии самопрезентации: собеседники прибегают к имиджевой тактике, пытаясь создать себе имидж человека, обладающего обширными знаниями в области права, что немаловажно в данной коммуникативной ситуации. Кроме того, чётко прослеживается и статусно-ролевая тактика. Так, адвокат Резник ещё раз подчёркивает свой статус адвоката, юриста: «Я, например, готов Вам, если...» (имеется в виду — дать юридическую консультацию). Прагматические стратегии подкрепляются в данном случае и стратегиями деконструкции (**Красненков:** Я Вас могу проконсультировать ещё лучше, чем Вы себя. **Адвокат Резник:** Ну, что Вы задаёте вопрос о том, что написано в законе?»).

Этот пример, кроме того, ещё раз демонстрирует тот факт, что применение определённой коммуникативной стратегии одним оппонентом ведёт к применению этой же стратегии другим оппонентом.

В нижеприведённом отрывке речи адвоката «Шеврона» также создаётся определённый имидж противной стороны — имидж людей, сознательно, целенаправленно искажающих действительность: «*They've made up a story and covered it with distractions*» (выдумали историю и отвлекают внимание от этого факта). Риторический вопрос в начале абзаца призван привлечь внимание аудитории и структурировать дальнейшее высказывание, адвокат прибегает и к приёму симулированного диалога, то есть вовлекает слушателя в воображаемый диалог, тем самым сокращая дистанцию между собой и аудиторией, таким образом вызывая симпатию слушателей.

«*Did they honestly and directly address the issues before you? They've made up a story and covered it with distractions. They sent in people who were notoriously vicious. Then they said it was to drive them [the Ilaje] onto the platform-the same platform that was supposedly so unsafe and unstable that it posed*

the original security concerns that made them go in there.».

Эмоционально-настраивающая стратегия относится к коммуникативному контексту как компоненту коммуникативной ситуации. В судебном общении используются тактики создания эмоционального фона и тактика комплимента.

Например, «*This case is about the right and duty of a company to protect its workers. Finally, this case represents the right of everyone to call on law enforcement when you are faced by crime here in the Unites States, or anywhere in the world*» (Адвокат в данном отрывке, используя комплекс стилистических приёмов, создаёт соответствующий коммуникативный фон, апеллируя к идее правосудия, беспристрастности и равенства всех граждан перед законом).

В рамках риторических стратегий используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата.

Например, «*They didn't know about payments to the military. How could they know?*» (риторический вопрос) **notoriously vicious, violent history, violent and unlawful invasion** (эпитеты).

Повторы: **Попова:** (дело правозащитного центра «Мемориал») Скажите, пожалуйста, Вы в своих показаниях сказали о том, что Наталья Эстемирова уезжала непосредственно после встреч с Рамзаном Кадыровым. Она его опасалась, **как Вы считаете? Вы как считаете?..**

Вот есть возможность, знаете, помните, фамилии называйте. Не только «они», «он», «она», «они»...

Скажите, пожалуйста, тогда, **Ваши** умозаключения, **Ваше** мнение, **Ваше** чувство, которые **Вас** посетило после прочтения данной публикации?..

Доказательства, о доказательствах спрашиваю.

Рассмотренные выше коммуникативные стратегии в той или иной мере встречаются в различных текстах юридического дискурса, позволяя решать ряд задач, возникающих в рамках судебного процесса, на прагматическом уровне. В качестве иллюстрации были избраны фрагменты из стенограмм судебных процессов, проходивших в России и США.

Список литературы

1. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий.— Омск, 1998.— 7 с.
2. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : дис. ... д-ра филол. наук.— Челябинск, 2009.— 309 с.

Т. Н. Оноприенко (Житомир, Украина)

ЭПИТЕТ И ПРАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Among pragmatically-oriented lexical units in a literary text, axiological adjectives performing the stylistic function of epithets are the most prominent and effective. The literary texts of classical prose containing author's analytical commentary abound in epithets with inherent or potential (situational) semes of positive/negative evaluation. In the 20th century we witnessed the intensive growth of the author's synthesis which relies on the associative thinking of the reader. Epithets in contexts of the author's synthesis are not as frequent as in the author's analysis though their pragmatic role is even more important. Of great interest are the cases of pragmatic interaction of axiological epithets with epithets of other classes: comparative, metaphoric, metonymic, etc.

Keywords: *trope, epithet, colour epithets, light epithets, occasional associative epithets, author's analytical commentary, author's synthesis, text pragmatics.*

Современный этап развития лингвистической мысли характеризуется повышенным интересом учёных к проблемам изучения художественного текста как самостоятельного объекта исследования. Одной из основополагающих сущностей, из которых формируется текст как весьма сложное, комплексное явление, является прагматика текста наряду с его структурой и семантикой. Согласно лингво-прагматической концепции В. Л. Наера, языковая прагматика представляет собой «средоточие воздейственного потенциала текста» [Наер, 1985: 9]. Прагматика текста неразрывно связана с его адресованностью и со всеми другими его аспектами, категориями и типами информации.

Среди всех видов информации, содержащихся в тексте, особо важное значение имеет содержательно-подтекстовая информация, которая образуется на стыке содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Это скрытая информация, извлекаемая реципиентом благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

По справедливому утверждению М. С. Ретунской, «критерием наличия в языковой единице прагматического аспекта является экспрессивный (прагматический) эффект, который понимается как реализация некоторой иллюкутивной силы, нацеленной на эмоциональное воздействие» [Ретунская, 1996: 229]. В качестве прагматически ориентированных лексических единиц в тексте прежде всего выступают аксиологические прилагательные в стилистической функции эпитета. Несмотря на большое количество работ, посвященных тропам, в частности эпитету (А. А. Потёбня, А. Н. Веселовский, И. Р. Гальперин, Ю. М. Скребнев, А. Н. Мороховский, В. А. Кухаренко и др.), некоторые проблемы все ещё не получили должного освещения. Среди актуальных вопросов исследования тропики ведущее место принадлежит изучению эпитета как эффек-

тивного средства реализации прагматической направленности текстов различной природы, а также его организующей роли при взаимодействии с иными тропами.

Прагматические возможности эпитета используются по-разному, в зависимости от стиля автора художественного произведения. В классической прозе важнейшей составляющей стиля является авторский аналитический комментарий. Такой комментарий раскрывает перед читателем внешность и характер персонажа, его психологическое состояние в данном эпизоде и т. п. «Автор постоянно высказывает собственные суждения, открыто обращается к читателю, даже судит вместо него или «подсказывает» ему мнение, сам оценивает, и читатель <...> соглашается с автором, привыкает смотреть его глазами» [Лидский, 1978: 6].

Рассмотрим авторский комментарий с прагматической установкой положительной оценки в романе Р. Олдингтона «Смерть героя»:

<...> when they were together it was pure happiness. Priscilla was a very demure and charming little mistress. <...> Sometimes he dared to touch her childish breasts. And the feeling of friendliness from the clasp of Priscilla's hands, the pleasure of her short childish kisses and sweet breath, the delicate texture of her warm childish-swelling breasts, never quite left him; and to remember Priscilla was like remembering a fragrant English garden. Like an English garden, she was a little old-fashioned and self-consciously comely, but she was so spring-like and golden [Aldington, 1958: 106–107].

На наш взгляд, это едва ли не лучший в английской прозе образ первой детской любви, чистой, по-весеннему свежей и благоуханной, как распускающийся цветок.

Реализация прагматической установки текста средствами аналитического авторского комментария характерна для всей реалистической прозы XIX и отчасти XX вв. Однако в XX в. в стилистике художественной прозы наряду с анализом

начинает всё интенсивнее развиваться так называемый авторский синтез. «Синтезом мы называем такую организацию художественного повествования, при которой психологическое состояние персонажа, причины действия, причины отдельных поступков и тому подобное не анализируются непосредственно в тексте, а лишь имплицитно, ничего не теряя в достоверности» [Маянц, 1966: 7–8]. Художественный синтез ведёт к возникновению образа как совершенно особого феномена, почти недоступного расчленению и деструктивному «объяснению» по частям. Авторский синтез предполагает расчёт на ассоциативность мышления человека. Эпитеты в контексте авторского синтеза применяются очень скупно, но зато при этом несут повышенную прагматическую нагрузку.

Авторский синтез в описании персонажей, окружающей их обстановки, пейзажей очень характерен, например, для стиля Э. Хемингуэя. В этом стиле почти нет места для тропов. Однако простые определения приобретают в большинстве случаев характер эпитетов, важных для реализации прагматической установки текста, например:

*Dick was a **big** man. He knew how **big** man he was. He liked to get into fights. He was **happy*** [Hemingway, 1971: 37].

*As the American girl passed the office, the padrone bowed from his desk. Something felt very **small** and **tight** inside the girl. The padrone made her feel very **small** at the same time **really important**. She had a **momentary** feeling of being of **supreme** importance* [Hemingway, 1971: 161].

Эпитеты играют очень важную роль в цветовой насыщенности художественного произведения. В критической литературе мы встречаемся с определением писателя как истинного художника. При этом очень часто для характеристики писателя и его творчества используется специальная терминология, принятая в живописи и графике. Но не только термины, а и «общие стилевые признаки того или иного художественного направления как в изобразительных искусствах, так и в литературе должны быть едины» [Соловьёв, 1971: 54].

Основной частью речи, используемой для цветообозначений, является прилагательное. В контексте художественного произведения прилагательные с семантикой цвета часто приобретают переносное значение, эмоциональные, оценочные коннотации с определённой прагматической целью и выполняют стилистическую функцию эпитета.

Поскольку характерной чертой современной науки является стремление к количественным подсчётам, точным методам, то и литературоведение в этом смысле не представляет собой какого-либо исключения.

Для более точного сопоставления мы используем понятие цветового числа, которое обладает большой содержательной силой. Оно характеризует насыщенность литературного произведения цветовыми и световыми эпитетами:

и относительное цветовое число (C), которое характеризует «любимый» цвет писателя, наиболее часто повторяющийся в эпитетах во всём произ-

$$C = \frac{\text{Число упоминаний всех цветовых и световых эпитетов произведения}}{\text{Число страниц произведения}}$$

ведении:

Рассмотрим цветовые и световые эпитеты в романе Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь». Несомненно, что цветовая гамма в произведе-

$$C_1 = \frac{\text{Число упоминаний какого-либо цветового или светового эпитета}}{\text{Число страниц произведения}}.$$

нии несёт в себе смысловую и прагматическую нагрузку. Абсолютное цветовое число романа составляет 1,2. О чём свидетельствует эта цифра? Прежде всего, эта цифра подтверждает мнение критиков о том, что Э. Хемингуэй большое внимание уделяет описанию мира внутреннего. «По отношению к цвету мир внутренний и мир внешний пребывают в вечном конфликте, и переход к внутреннему миру знаменателен не ослаблением, а вытеснением цвета» [Соловьёв, 1971: 55].

Всё творчество Э. Хемингуэя подтверждает своеобразие его стиля. Он пишет просто, честно и несмотря на сдержанность и неприязнь ко всякой внешней экспрессии, — взволнованно, поскольку «не видимость, а сокровенная сущность явления волнует писателя-гуманиста» [Маянц, 1966: 237]. Отсюда и сдержанность в использовании цветообозначений. Э. Хемингуэй всегда стремится к идеальному лаконизму, оставляет только самое необходимое, неустрашимое.

Представляя цветовую палитру эпитетов романа, следует также обратить внимание на семантическое поле цвета, распадающееся, в свою очередь, на микрополя отдельных цветов.

В романе прослеживается наличие всех основных цветовых микрополей (*white, silver, yellow, blue, grey, green, red, brown, black*). Однако некоторые из них содержат больше оттеночных тонов, другие — меньше. Все они сходны весьма огра-

ническим количеством красок. Самыми объёмными и разнообразными по количеству оттенков являются микрополя красного, зелёного, жёлтого. Например, микрополе красного цвета включает шесть оттенков: *red, reddish, purple, pink, ruddy, purple-black*. В основном цветковые эпитеты в романе выражаются простыми прилагательными. Сложные прилагательные крайне немногочисленны и, как правило, окказиональны, например, *tearreddened, sunyellowed*.

В количественном соотношении световые эпитеты занимают приблизительно 22 % всей цветовой насыщенности. Это свидетельствует о том, что световые средства также подчинены «принципу психологического обоснования употребления колористических средств и выполняют художественно-оценочную функцию» [Цьовх, 1982: 34]. Слово *dark*, передающее не цвет, а характер светового зрительного восприятия, встречается в романе Э. Хемингуэя относительно часто: $C_1 = 0,2$ при $C = 1,2$. Многие сцены в романе происходят под покровом темноты. По контрасту, световые эпитеты, передающие яркость, светлость, незначительны (всего около 1,6 % при условии, что всё световое поле принять за 100 %).

Выше шла речь о качественной характеристике цветовой палитры романа «Иметь и не иметь». Рассмотрим, как обстоит дело с количественным соотношением цветов. Как уже отмечалось, цветковое число романа составляет $C = 1,2$. Наиболее частотным является красный цвет (*red*) и его оттеночные тона (*pink, reddish, purple, ruddy*). Его относительное цветковое число составляет $C_1 = 0,26$. К наиболее употребляемым относится и семантическое микрополе белого цвета, относительное цветковое число которого $C_1 = 0,14$.

С какой целью автор так часто использует в романе красный и белый цвета? Возможно, частично это объясняется многовековой символикой этих цветов: чистота, непорочность, умиротворение — белый цвет; опасность, жестокость, насилие, кровопролитие — красный цвет. Частично это можно объяснить и сюжетом романа, наполненным убийствами, насилием и жестокостью. Ранение Гарри Моргана, в результате которого он теряет руку; его преступная сделка с аферистом Сингом и его последовавшее убийство; уничтожение Элберта и кубинцев, а в итоге и гибель самого Гарри. На протяжении всего романа льётся человеческая кровь.

Даже в описании природы красный закат, который наблюдают кубинцы, сидя в лодке, как бы зловеще предвещает их скорую смерть:

...Harry (was) looking out across the grey swell of the Gulf Stream where the round red sun was touching the water [Hemingway, 1979: 126–127].

Нельзя обойти стороной и то, что, несмотря на скупость цветового словаря писателя, в романе «Иметь и не иметь» описание моря и его обитателей содержит самые яркие его элементы. Э. Хемингуэй не был мастером пейзажного искусства, да и всё творчество его характеризовалось лаконичностью и значительностью роли подтекста. Однако писатель вложил в описание моря всю свою любовь к нему и богатый жизненный опыт:

Then I saw him (the mackerel) coming from behind water. You could see his fins out wide like purple wings and the purple stripes across the brown <...>. The stripes showed clear on him. He was a fine fish, bright silver now, barred with purple, and as big around as a log [Hemingway, 1979: 24–25].

Описательность органически чужда стилю Э. Хемингуэя. «Он не описывает, а показывает, живописует — пластично, ярко, зримо воссоздаёт образ внешнего мира» [Маянц, 1966: 308]. Всего несколькими скупыми штрихами писатель передаёт красоту природы и особенно моря. Несмотря на крайнюю ограниченность цветового словаря, Э. Хемингуэй не может полностью отказаться от тех эмоций и настроений, которые вызывают природа, её пейзажи. Писатель, безусловно, учитывает, что «цвета вызывают различные эмоции и настроения, активизируют чувственно-оценочное восприятие читателем действительности, способствующее в конечном счёте формированию отношения к идейно-образной системе романа в целом» [Цьовх, 1982: 37].

Мало исследованным до сих пор остаётся вопрос о взаимодействии тропов в художественном тексте. Между тем такое взаимодействие крайне важно для реализации прагматической установки и особенно характерно для произведений малого жанра, например, рассказа.

Соглашаясь с мнением И. Н. Васильевой, приходим к выводу о том, что рассказу как жанру присущи целостность впечатления, интенсивность художественного обобщения. «Как и поэзии, рассказу, особенно современному, свойственна метафоричность, и можно, следовательно, говорить о силе метафорической обобщённости как одной из характерных черт современного рассказа» [Васильева, 1978: 9].

На наш взгляд, метафоричность рассказа не следует понимать узко как результат использования автором лишь одного тропа — метафоры для реализации своего прагматического замысла. То, что понимается под метафорической обобщённостью

стью, является результатом взаимодействия тропов — метафоры, сравнения, метонимии, эпитета, причём последний играет здесь ведущую роль. Такое взаимодействие приводит к появлению окказионально-ассоциативных эпитетов: метафорических, компаративных, метонимических и т. д.

Рассмотрим взаимодействие тропов в начале рассказа У. С. Моэма «Сила обстоятельств» (The Force of Circumstances):

She was sitting on the verandah waiting for her husband to come in for luncheon. The Malay boy had drawn the blinds when the morning lost its freshness, but she had partly raised one of them so that she could look at the river. Under the breathless sun of midday it had the white pallor of death. A native was paddling along in a dug-out so small that it hardly showed above the surface of the water. The colours of the day were ashy and wan. They were but the various tones of the heat. (It was like an Eastern melody, in the minor key, which exacerbates the nerves by its ambiguous monotony; and the ear awaits impatiently a resolution, but waits in vain). The cicadas sang their grating song with a frenzied energy: it was as continual and monotonous as the rustling of a brook over the stones; but on a sudden it was drowned by the loud singing of a bird, mellifluous and rich; and for an instant, with a catch at her heart, she thought of the English blackbird [Maugham, 1977].

Это не просто описание природы — быт англичан в малайском селтлменте представлен как сфера унылого однообразия, серости и безысходной монотонности. Писатель достигает своей цели во многом благодаря использованию различных тропов, прежде всего — эпитетов: *breathless sun of midday* (метафорический эпитет); *the colours of the day were ashy and wan* (компаративный эпитет, описательно-оценочный эпитет. Интересно отметить, что *wan* имеет основное значение — «бледный», «изнурённый», «болезненный», и переносное — «серый», «тусклый»); *grating song* (метафорический эпитет); *frenzied energy* (описательно-оценочный эпитет).

Структура сравнений в тексте отличается развёрнутым модулем (основанием сравнения): *It was like an Eastern melody, in the minor key, which exacerbates the nerves by its ambiguous monotony; and the ear awaits impatiently a resolution, but waits in vain.* В данном случае модуль сравнения включает описательно-оценочный эпитет и метонимию, что является типичным примером взаимодействия тропов. Ср. также: *It was as continual and monotonous as the rustling of a brook over the stones.*

Автор использует компаративные построения следующих моделей: N_1 has sth. of N_2 : *(the river) had the white pallor of death*; N_1 is N_2 (*метафора-сравнение*): *(the colours) were but the various tones of the heat.*

Все перечисленные тропы обладают семами «безжизненности», «серости», «монотонности» и взаимодействуют в тексте, реализуя его прагматическую установку, чтобы показать, что эта экзотически-чуждая мертвящая обстановка обусловлена теми обстоятельствами, перед силой которых пасует главный персонаж рассказа — английский колониальный чиновник Гай.

Как видно из текста, метафорическое обобщение осуществляется в данном случае без использования собственно метафоры. Лишь в конце отрезка мы встречаем метафору (*the song of the cicades) was drowned by the loud singing of a bird*, которая в сочетании с эпитетами *mellifluous* and *rich* контрастирует с образностью начала рассказа, как бы предсказывает, что должны произойти какие-то события, нарушающие серую монотонность жизни. Итак, главную роль во взаимодействии тропов играет, как правило, не собственно метафора, а эпитет, причём не только метафорический.

Более детальное изучение реализации прагматической функции эпитета в зависимости от стиля художественного произведения, а также его первостепенной роли во взаимодействии тропов позволит получить не только эстетическое удовольствие от чтения, но и избежать неправильного, искаженного или поверхностного понимания художественного текста. В этой связи большой интерес представляют исследования, посвященные эволюции эпитета в истории англоязычной художественной литературы на примере индивидуальных авторских стилей.

Список литературы

1. Васильева И. Н. В высшей степени современное искусство // Making It All Right.— М. : Прогресс, 1978.— С. 3–36.
2. Лидский Ю. А. Творчество Э. Хемингуэя.— Киев : Наукова думка, 1978.— 407 с.
3. Маянц З. И. «Человек один не может...»: Э. Хемингуэй. Жизнь и творчество.— М. : Просвещение, 1966.— 312 с.
4. Наер В. Л. Прагматика текста и её составляющие // Прагматика и стилистика.— М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985.— С. 4–13.
5. Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика.— Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1996.— 272 с.
6. Соловьёв С. Цвет, число и русская словесность // Знание — сила.— 1971.— № 1.— С. 52–56.

7. Цювх Я. И. Эстетическая функция колорита в форсайтовском цикле Дж. Голсуорси: (К проблеме анализа стиля) // Филол. науки.— 1982.— № 4.— С. 65–68.

8. Aldington R. Death of the Hero.— М. : Foreign Languages Publ. House, 1958.— 443 p.

9. Hemingway E. Selected Stories.— М. : Progress Publishers, 1971.— 216 p.

10. Hemingway E. To Have and Have Not.— М. : Междунар. отношения, 1979.— 216 p.

11. Maugham W. S. Rain and Other Short Stories.— М. : Progress Publishers, 1977.— 407 p.

Е. В. Откидыч (Владивосток, Россия)

ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «КСТАТИ»: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

The article concerns an investigation of text connector "by the way" («кстати») as one of the ways of realization of category of text coherence. The attempt of detailed functional-syntactic description of this connector is made: structural and semantic variations of its usage in modern journalistic texts are elicited. The material for this investigation was taken from texts of contemporary social and political, and entertaining newspapers and magazines.

Keywords: syntax, text, text category, coherence, text connector, connector-phrase.

Исследованию текста как самостоятельного явления речетворчества, описанию его признаков, свойств и особенностей посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Среди них можно назвать В. Дресслера, Х. Вайнриха, А. Вежбицку, И. Р. Гальперина, М. В. Ляпон, А. Ф. Прияткину и многих других.

В последнее время внимание исследователей всё чаще привлекает категория связности текста. Одним из средств её реализации является текстовая скрепа.

Текстовая скрепа (скрепа-фраза — А. Ф. Прияткина [Прияткина, 2003: 1], релятив — М. В. Ляпон [Ляпон, 1981], коннектор — В. Дресслер [Дресслер, 1981]) — достаточно новое и ещё не вполне изученное текстовое явление. Об этом говорит хотя бы неустоявшееся употребление этого терминологического выражения и его синонимов: разные исследователи по-своему толкуют и сущность этого феномена, и его границы. Так, М. И. Черемисина понимает скрепу достаточно широко: как любое служебное слово, выполняющее функцию связи в сложном предложении. Таким образом, в разряд текстовых скреп попадают в том числе и союзы [Черемисина, 1987]. А. Ф. Прияткина же, напротив, считает, что скрепа-фраза представляет собой совершенно самостоятельное, специфическое явление и не может быть объединена (или смешана) со служебными словами другого порядка (союзами, дискурсивными и модальными словами) [Прияткина, 2003]. В нашем исследовании мы будем придерживаться именно этой трактовки, так как она наиболее полно отражает сущность скрепы-фразы как лингвистического яв-

ления и вмещает в себя весь накопленный к настоящему моменту научный опыт по этому вопросу.

Одним из «типичных» примеров текстовой скрепы является скрепа *кстати*. Сферой её функционирования являются преимущественно газетно-публицистический и художественный текст. В текстах иной функционально-стилистической принадлежности она встречается реже.

В общих случаях текстовая скрепа *кстати* присоединяет «информацию, прямо не связанную с коммуникативной программой того высказывания, в рамках которого она реализуется. «Присоединяемая часть обычно не мотивирована непосредственно предтекстом, строится на свободной ассоциации,— говорящий подчёркивает скорее отсутствие прямой связи, чем наоборот» [Ляпон, 1981: 64]. Однако вследствие различий в употреблении данного релятива происходит дифференциация его функций в тексте.

Узуальное значение скрепы *кстати* часто формулируется как «факультативный комментарий» [Ляпон, 1981: 55], то есть с помощью этого слова присоединяется информация, напрямую не связанная с содержанием высказывания, но выполняющая расширение информационного поля текста (высказывания).

Историческая внутренняя форма слова также подтверждает его современное общее значение: «*кстати* состоит из предлога *к* и формы существительного *стать* <...> Согласно [Фасмер, 1987], существительное *стать* имело, наряду со значением «осанка, фигура», имело ещё и значение «причина, повод, способ». <...> Ср. также существовавшее диалектное употребле-

ние *стать* в значении «возможность, случай» [Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания, 1998: 249].

Как и следовало полагать, исходя из общего значения исследуемой скрепы, в большинстве случаев *кстати* имеет значение факультативного комментария. Например:

Я видел жильцов, которые в последующие дни ходили по горизонтально лежащим фасадам своих домов, пытаясь достать из глубины через выбитые окна какой-то нужный им скарб. А железобетонные высотные здания в 10, 15, 20 этажей накренились, словно пизанские башины.

Меня, кстати, поселили в таком же 12-этажном накренившемся отеле. Надо сказать, что при крене более 5 градусов начинает кружиться голова и человека тошнит. Поэтому я поселился там на втором этаже, чтобы в случае повторных толчков легче было выбежать наружу [Вс. Овчинников. И снова большая беда // Рос. газ.— 2001. 14 марта].

В силу того, что исследуемая скрепа-фраза всегда в той или иной мере имеет значение факультативного комментирования, несмотря на существующие вариации значений, случаи вышеописанного типа для большей точности будем называть **собственно факультативным комментарием**.

1. В качестве подвида значения факультативного комментария можно выделить значение **«факультативного совета»**, когда с помощью скрепы *кстати* присоединяется высказывание, имеющее характер рекомендации, совета. Несмотря на схожесть с собственно факультативным комментарием, это значение от него отличается императивной направленностью, что даёт основание выделить его в качестве самостоятельного. Характерной структурной особенностью данного подвида основного значения является употребление скрепы *кстати* вместе с союзом *если* (*если... то*), дополнительно указывающим на условие актуальности совета.

Подвеска на российских машинах адаптированная — с изменёнными пружинами. В целом настройки, как принято говорить, весьма дружелюбны. Даже на заметных кочках чувствуется некий запас прочности. Кстати, если вы намерены иногда выезжать на просёлки, вместо пластиковой защиты от грязи стоит заказать металлическую — в России всё-таки живём. Что в итоге? В цветном буклете, что получили в автосалоне, сказано: «Новая» Ивиса — это сочетание динамики и страсти» [А. Будкин. Плащ тореадора // За рулем.— 2003. 15 мая].

2. Второй по частотности употребления вариант — скрепа *кстати*, присоединяющая высказывание, содержащее дополнительный или альтернативный аргумент, подтверждающий точку зрения автора (**значение альтернативного аргумента**).

Вот, говорят, молодежь не читает. Она не читает, как предыдущие поколения, когда книгу любили все, она просто разделилась на читающих и нечитающих. Но читающие тоже остались. На выставке, кстати, можно было увидеть немало молодых людей.

Может, не стоит устраивать соревнование: кто победит — Интернет или книга? Может быть, стоит успокоиться на том факте, что сегодня есть читающая публика (и ее немало)? [А. Максимов. Книга скорее жива, чем мертва // Рос. газ.— 2011— 25 апр.].

3. Ещё два значения слова *кстати*, выделенные нами в ходе исследования — а) **градация** и б) **повышение тональности высказывания**. Эти два значения достаточно близки, однако не тождественны: градация чаще всего *начинается* высказыванием со скрепой *кстати* и затем продолжается после него (каждое последующее высказывание «выше» по своей экспрессивно-эмоциональной окраске, нежели предыдущее). Например:

Сомневаться приходится в телевидении. В его честности, в его профессионализме, в его творческом либидо, да простят меня западные мозговеды и психопаты, если сказал что-то несуразное. Просто мне, как и многим зрителям, иногда кажется, что телевидение имеет нас с особым цинизмом и при этом говорит о любви голосом Максима Галкина и смотрит на нас «наивными» глазами Маши Киселевой. Кстати говоря, чем дальше, тем сложнее отличить, какая игра на каком канале. Игр всё больше. Разнообразия всё меньше. Ведущие всё мельче [В. Самодуров. Клоны, которые играют в карты // Вечер. Москва.— 2002.— 2 июля].

Во втором же случае высказывание со скрепой *кстати* отличается по тональности либо только от предыдущего высказывания, либо и от предыдущего, и от последующего, но при условии, что предыдущее в эмоциональном плане равно последующему. То есть градационного повышения экспрессивности высказываний не происходит: развитие мысли либо продолжается на этой же, «повышенной» ноте, либо возвращается к предыдущему уровню эмоциональности:

Сторонники такой роли в РПЦ могут найтись. Например, довольно влиятельный митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Немцов), правда, по поводу региональных выборов говорил: «Если

нам известно, что тот или иной политический деятель настроен резко против Церкви Христовой, то мы должны сказать об этом верующим». И клирики, **кстати**, имеют на это право: хотя закон и запрещает им агитировать с амвона, он не может запретить этого в частных разговорах [А. Верховский. Между паствой и электоратом // Рус. нар. линия : еженедел. журн.— 2003.— 8 апр.].

4. Ещё одно весьма последовательно проявляющееся значение скрепы **кстати** — это значение **актуализации/акцентирования**. А точнее — присоединение высказывания с актуализирующей/акцентирующей информацией (часто в них либо содержится актуализатор именно, либо его присутствие возможно):

За последние несколько лет возбуждены сотни дел на организованные преступные группы. В ходе расследований всплывают давние и недавние тяжкие преступления. Обнаруживаются пистолеты, автоматы, взрывчатка. Кстати, часто именно за незаконное хранение оружия и удаётся пристроить на нарты известных авторитетов [М. Ламцов, В. Булдаков. Авторитетные обвинения // Аргументы и факты.— 2003.— 29 янв.].

5. В редких случаях **кстати** присоединяет высказывания со значением **авторизации** со ссылкой на непроверенный источник (в связанном употреблении с *говорят, что/поговаривают, что*):

Левая оппозиция разделилась на два фронта. Одним командует Г. Зюганов, вторым — С. Глазьев. Оба друг друга недолюбливают, но свою неприязнь на публичный уровень выносить остерегаются. Кстати, говорят, что помимо инвесторов, связанных с «ЮКОСом» и «Интерросом», помощь коммунистам оказывают группа «Альфа», ТНК и Межпромбанк. Но и контролёров прибавилось. От «ЮКОСа» за коммунистами присматривает А. Кондауров, от «Альфы» и ТНК — Г. Хан и В. Вексельберг. Не остаётся без дела и теневой пиарщик КПРФ А. Суриков [Т. Нетребя. Выборы: Рождение штабов // Аргументы и факты.— 2003.— 11 июня].

Нельзя говорить о том, что сама по себе скрепа в подобных случаях несёт значение авторизации, однако факт сочетаемости скрепы-фразы **кстати** с авторизирующими высказываниями не может быть проигнорирован.

6. Меньше всего в исследованном материале было найдено примеров, в которых скрепа **кстати** присоединяла бы высказывание, содержащее **противопоставление**. Подобное употребление весьма нехарактерно для данной скрепы-фразы, тем не менее его возможность и продуктивность подтверждаются текстовыми фактами.

Эти слова антонимичны и вместе с тем синонимичны, я бы назвал их «синантонимами» (ср. «истовый» и «неистовый», «предельный» и «беспредельный»). Это означает, что массовое сознание, уповая на «антикризисное», все еще остается в плену психологии кризиса. **Кстати**, в Словах-2009, уже избранных в США и Японии, кризису вообще не нашлось места, о нем подзабыли. Наши эксперты тоже обошли его стороной. А народное голосование, наоборот, напирает на кризис [М. Эпштейн. Перегрузка языка // Новая газ.— 2009.— 18 дек.].

7. Весьма специфическое и тоже не вполне характерное значение скрепа может приобретать в конце текста, когда с её помощью присоединяется **высказывание резюмирующего характера**. И здесь возможно два варианта: а) когда скрепа присоединяет высказывание, содержащее уже ранее в тексте упоминавшуюся информацию, возвращая читателя к началу текста и таким образом как бы «закольцовывая» композицию:

Он меня даже учит, и я вижу, что ему страшно приятно, что он может открыть для меня что-то новое. Такое чувство, что он ощутил себя старше, взрослее... А я подумываю: может,— чем чёрт не шутит? — пойти на какие-нибудь курсы, освоить компьютер, тогда будет специальность, может, наконец найду работу... Кстати, Паша перестал играть целыми днями. Также увлёкся всякими программами. И стал более или менее регулярно делать уроки — ведь для того, чтобы хорошо разбираться в компьютерах, над окончить школу, поступить в институт, а для этого надо нормально учиться. Это он сам мне объяснил... [Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // Даша.— 2004.— № 10].

8. С помощью скрепы присоединяется высказывание, содержащее новую для данного текста информацию и подводящее «неожиданную» концовку.

Сергей Круподер — ветеран форума и фактически наш внештатный собкор в Мексике: в бумажной версии «Новой» вышло уже три его заметки. Самая свежая — репортаж из колонии общего режима № 3 города Тапачула (Мексика), где наш герой провел 9 часов («Сидят. И учат химию», см. «Новую № 120 от 28 октября 2009). Президент Медведев в декабре заявил о необходимости реформирования уголовно-исправительной системы России, а учитель Круподер еще в октябре показал на примере Мексики, как это можно сделать.

На этом прерываем краткое вступление, для того чтобы по традиции предоставить слово

нашим победителям. *Кстати*, они получают призы — подписку на 2010 год (*Postoronnim V*) и книги, изданные «Новой» (*magadanian*) [Привидение из Мексики и комсомолец из Северодвинска. Редакция «Новой» совместно с посетителями нашего форума выбрали читателей // Новая газ.— 2009.— 25 дек.].

Безусловно, нельзя говорить о том, что исследуемая скрепа сама по себе имеет резюмирующую функцию. Однако обойти вниманием подобное её употребление мы не могли.

Таким образом, основным значением скрепы *кстати* является собственно факультативный комментарий. Немного реже данная скрепа используется в значении факультативного аргумента, актуализации внимания, градации, повышения тональности и противопоставления. Также нами были выявлены случаи присоединения с помощью скрепы *кстати* резюмирующих текстовых фрагментов и высказываний со значением авторизации. О чёткой последовательности проявления последних значений на данном этапе исследования говорить сложно, однако сам факт их существования заслуживает нашего пристального внимания.

Список литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования.— М., 1981.— 184 с.

2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара.— М., 1998.— 447 с.

3. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. 8.— М.: Прогресс, 1981.— С. 111–137.

4. Ерофеева Е. В., Кудлаева А. Н. К вопросу о соотношении понятий «дискурс» и «текст» // Проблемы социо- и психолингвистики.— Пермь, 2003.— Вып. 3.— С. 28–36.

5. Инфантова Г. Г. Реализация категории связности в устном тексте // Текст. Структура и семантика.— Т. 1.— М., 2001.

6. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутри-текстовых отношений.— М., 1981.— 200 с.

7. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий.— Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.— 285 с.

8. Прияткина А. Ф. Текстовые «крепки» и «крепки-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка).— Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003.— 25 с.

9. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения.— Новосибирск, 1987.— 205 с.

Н. М. Охрицкая (Челябинск, Россия)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПОНЯТИЕ «ЦВЕТ»

The concept «color» is a universal category for any language, but it is represented and it is comprehended by native speakers according to semantics put in the basic lexeme, reflecting the given concept.

Keywords: colour, lexeme, Russian, Latin, Spanish, Italian, French, English, German.

Люди разных народов, используя в речи понятие «цвет», приписывают ему не только прямые, но и переносные значения, которые фиксируются в словарях и энциклопедиях. Лексикография как раздел языкознания, занимающийся теорией и практикой составления словарей, исследует слова в совокупности их этимологических, лексических, грамматических, идиоматических, денотативных и коннотативных значений, поэтому словарные дефиниции дают наиболее объективный материал для анализа.

Понятие «цвет» в европейских языках передается лексемами цвет (*рус.*) / color, -is (*лат.*) / color (*исп.*) / colore (*ит.*) / couleur (*фр.*) / colour (*англ.*) / farbe (*нем.*).

Романские языки — латинский, итальянский, испанский, французский — обладают общей формой. Латинское слово *color, oris* произошло от греческого *Chroma (Kromaticos)* и обозначало «цвет». Оно и дало лексему *couleur* во французском языке, *colore* — в итальянском и *color* — в испанском.

Английское слово *colour* появилось примерно в XIII в. как заимствование из старофранцузского *coulour* «цвет, цвет лица, внешний вид». Правописание Соединенных Штатов Америки исключило *и* внутри слова, и в речи американского варианта стали использовать слово *color*. Немецкое слово *Farbe* восходит либо к форме древневерхненемецкого диалекта *far(a)wa*

(VIII в.), либо к средневерхненемецкой форме *varwe* от слова готского происхождения *farwa*. Возможно, немецкое слово *Farbe* берет свое начало на севере, что подтверждают схожие формы с датским словом *farve* и шведским словом *färg* [Kluge, 1891: 80].

Современное русское слово *цвет* развилось из древнерусской словоформы *цвѣтъ*, которая в свою очередь восходит к праславянскому *kvetъ* из *kvoitъ* «цвет» [Цыганенко, 1989: 470].

В результате лексикографического исследования лексем *цвет* (рус.) / *color*, *-is* (лат.) / *color* (исп.) / *colore* (ит.) / *couleur* (фр.) / *colour* (англ.) / *farbe* (нем.) в русском, латинском, испанском, итальянском, французском, английском и немецком языках было установлено, что основные денотативные значения присутствуют во всех перечисленных языках.

Это следующие значения 1) световой тон и окраска как ощущение, производимое световыми лучами; 2) краска, краситель как материал, которым покрывают разные физические объекты; 3) цвет лица, румяна или румянец как появление чувств или как показатель здоровья.

Как показывает исследование, лексемы *цвет* (рус.) / *color*, *-is* (лат.) / *color* (исп.) / *couleur* (фр.) / *colore* (ит.) / *colour* (англ.) / *farbe* (нем.) отражают прежде всего денотаты «световой тон» и «красящее вещество, пигмент».

Наиболее распространен в перечисленных лексемах второй денотат как вещество (краска), которым расцвечивают разные объекты: рисуют картины, окрашивают разные физические предметы и объекты. При этом практически во всех языках в основе лежит значение «нанести цвета (краски)». Например, испанцы говорят *meter algo en color* (*расписать картину, эскиз красками*), англичане *to be painted in colours* (*быть написанным красками*), французы *appliquer les couleurs* (*наносить краски*), немцы *mit starken Farben auftragen* (*густо наносить краску*), а итальянцы, например, *dare colore a un disegno* (*раскрасить рисунок*). В рамках этого же денотата можно рассматривать значения колорита, тона, отдельных красок в живописи.

Во всех языках слова *color*, *-is* (лат.) / *color* (исп.) / *couleur* (фр.) / *colore* (ит.) / *colour* (англ.) / *farbe* (нем.) имеют конкретное значение цвета лица и румянца: *здоровый румянец* — ит. *colore sano*, исп. *color de sano*, приобрести румянец — англ. *gain colour*, становиться румяным — фр. *prendre des couleurs*. В немецком языке *farbe* также имеет ассоциацию с цветом лица: *sie hat eine blühende [frische] Farbe* — у неё прекрасный цвет лица,

у неё цветущий вид. В русском языке отдельно слово «цвет» в значении «цвет лица» не встречается, но встречается в словосочетаниях: *бледный цвет лица, здоровый цвет лица*. Следовательно, в исследуемых языках функционируют похожие выражения, означающие проявление чувств или состояние здоровья, которые отражаются на лице: исп. *quebrado de color* (*ослабленного цвета*) — бледный, ит. *non aver colore* (*не иметь цвета*) — быть бледным, фр. *perdre ses couleurs* (*потерять свои цвета*) — побледнеть, англ. *to lose colour* (*потерять цвет*) — побледнеть.

Слово «цвет» используется для описания специфических оттенков, дополнительных стилистических признаков или свойств явлений или предметов: исп. *novela de color dramático* — *роман в драматическом стиле*, ит. *privo di colore* — *бесцветный, пресный* (напр. о повествовании), фр. *couleur du style* — *яркость, живость стиля*.

Отметим, что практически во всех языках значение оттенка в метафорическом переосмыслении окраски встречается в политической сфере. Так, в испанском, итальянском, немецком и французском языках анализируемые лексемы означают политическую окраску или позицию, политическое направление или принадлежность к той или иной партии. Например: *sin distinción de colores* (исп.) — *независимо от политических взглядов*, *partiti di ogni colore* (ит.) — *партии всех (политических) направлений*, *couleur d'un journal* (фр.) — *направление газеты* (политическое), *für seine Farbe kämpfen* (нем.) — *выступить за свою партию* (организацию); *защищать свои убеждения* (политические).

Во французской, итальянской, испанской и немецкой лингвокультурах лексема, означающая «цвет», употребляется в значении карточной масти. Так, французы, играя в карты, используют в речи выражение *de toutes couleurs* — *всех мастей*. Итальянцы говорят *dare colore* — *сходить в масть*, немцы употребляют выражения *Farbe bedienen* — *ходить в масть*, а испанцы используют карточный термин *escalera de color* — *стрит-флеш* [ABBYU Lingvo 12]. Интересно отметить при этом, что немецкая лексема «farbe» в значении *масть* развивается дальше и, кроме *игры в карты*, означает еще и *масть лошадей*. Такого развития значения лексемы в значении *масть лошади* не встречается в других языках.

Лексемы, означающих «цвет» в разных языках (*color*, *colore*, *couleur*, *colour*), употребляются во множественном числе. Это комбинация цветов, которую страна или нация принимает как отличительный знак или символ и которая

используется во флаге или щите. Например, в испанском языке *colores nacionales* означает национальный, государственный флаг, в итальянском, французском и английском языках лексемы *colore, couleur, colour* также используются в геральдике: англ. *regimental colour* — полковое знамя, фр. *hisser les couleurs* — поднять флаг. В английском языке *colour* связано с военной службой: *to call to the colours* — призвать, мобилизовать, *to desert the colours* — дезертировать из армии [ABBY Lingvo 12].

В разговорной речи метонимическое значение *color* (исп.) используется как символ клубом или организацией спортивного характера во флаге или форме спортсменов: *vestir los colores de la selección nacional de fútbol* «надевать цвета национальной сборной по футболу». Метонимическое значение слова определяет и саму команду или клуб, который принял данные цвета: *defender los colores* «защищать цвета (свою команду)» [DRAE]. В английской лингвокультуре *colour* означает форменную одежду, не только спортивную, но и армейскую, школьную и т. д. [ABBY Lingvo 12].

Однако в русском языке лексема, определяющая цвет, имеет больше национальных особенностей. Прежде всего, это значение в отношении расового признака, который просматривается в производных от лексемы *цвет*, например: *цветное население, цветные народы*. Кроме того, в русском языке лексема *цвет* определяется как то же самое, что цветок, период цветения у растений (*цвет уже дали огурцы*), это также цветочная осыпь на воде, когда говорят, что *вода цветет*.

В русской культуре лексема *цвет* имеет широкое распространение положительного значения со смысловым наполнением «лучший». Данное слово применяется при описании лучших людей какой-нибудь среды, общества, отдельных людей из числа лучших, лучшие проявления разума, чувства и т. д.

Англичане также связывают слово *colour* с индивидуальной, яркой личностью, но она скорее связана с формальной стороной, например, с яркой одеждой. В английском языке говорят *to dress in colours* — одеваться в яркие цвета.

Таким образом, понятие «цвет» является универсальной категорией для любого языка, но представляется и осмысливается оно носителями языка в соответствии с семантикой, заложенной в основной лексеме, отражающей данное понятие.

Список литературы

1. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. — 2-е изд., перераб. и доп. — Киев : Радян. шк., 1989. — 511 с.
2. ABBY Lingvo 12 [Электронный ресурс]. — URL: www.lingvo.ru. 1996, свободный.
3. Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española (DRAE). 22 ed. [Электронный ресурс]. — URL: <http://buscon.rae.es/draeI/2001>, свободный.
4. Kluge F. Etymological dictionary of the German language / tr. by J. F. Davis. — London : George Bell & Sons ; N. Y. : Macmillan & Co., 1891. — 446 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. — 3rd ed. — Great Britain : Longman Group Ltd., 1992. — 1668 p.

Е. А. Ошева (Россия, Пермь)

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В РУССКИХ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

The paper focuses on the actualization of animal code in paremiological sphere of the Russian language. The author detects Russian phraseological units of Bible which contain animal component using the method of selection. The paper offers the interpretation of those animal components from the etymological and symbolic point of view. Animal phraseology is the heritage of all cultures, languages and that's why there is a need for researching these units of this sphere basing on linguoculture.

Keywords: *phraseology, animalistic code, biblical expression, connotation.*

Фразеология с давних пор интересует учёных из различных областей науки, включая, лингвистику. В словарях и сборниках фиксировались и прояснялись главным образом в стилистических целях «ходячие выражения», смысл которых обычно не вытекал из значения слов, составляю-

щих эти выражения, но которые, тем не менее, являлись меткими, эмоционально-образными средствами выражения мысли.

Родоначальником теории фразеологии является Ш. Балли, швейцарский лингвист французского происхождения, который впервые си-

стематизировал сочетания слов в своей книге «Французская стилистика» (1909), в которую он включил главу о фразеологии.

В 1950–1990-х гг. в России возник интерес к проблемам фразеологии и библеизмам. Перечислим следующих авторов, кто занимался данными исследованиями: Н. Н. Амосова, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, С. Г. Гаврин, А. И. Ефимов, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, С. И. Ожегов. Существенный вклад в исследование фразеологии и разработку классификаций фразеологических единиц внесли Ш. Балли (1909), А. М. Бабкин (2009), А. В. Кунин (1986), Н. М. Шанский (1985).

Предметом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, называемые ещё фразеологизмами, фразеологическими единицами и фраземами. Фразеологизмы часто восполняют недостающие звенья лексической системы, играя важную роль в организации лексико-семантической системы.

Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «фразеологизм — это самостоятельная строевая языковая единица, обладающая синтаксически членимой формой и исполняющая во фразе синтаксическую функцию члена предложения; фразеологизму присуща цельная семантика лексического характера, не выводимая из семантики каждого компонента единицы» [Верещагин, Костомаров, 1982: 92]. К различительным признакам фразеологизмов можно отнести, во-первых, наличие особого, целостного фразеологического значения, во-вторых, постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава, в-третьих, устойчивость грамматических категорий; в-четвёртых, экспрессивное сочетание лексем [Мокиенко, 1980: 4].

Религия также проникла во фразеологический фонд языка, что привело к возникновению библейских фразеологизмов. Библия содержит представления о картине мира, соответствующей временам создания Священного Писания (с XV в. до н. э. и до начала II в. н. э.). Библейская картина мира выражала специфический философский взгляд на мир, который основан на вере и на почитании авторитетов, а не на рационалистических объяснениях и доказательствах [Мойсиева-Гушева, 2005: 141]. Библия... формировала не только религиозное, но и обыденное сознание. Она понуждала к осмыслению бытия в категориях добра и зла, истины и заблуждения, правды и лжи, греха и праведности. Эти идеи раскрывались через реальную жизнь реальных людей, во всем многообразии проявлений духа и плоти [Николаюк, 1998].

Е. В. Каминская считает, что термин библейский фразеологизм, который используется в работах В. Г. Гака и К. Н. Дубровиной, неприемлем, так как его внутренняя форма означает лишь то, что это фразеологизм, содержащийся в самом тексте Священного Писания, а не фразеологическая единица современного языка, генетически связанная с Библией. Для обозначения библеизмов — фразеологических единиц она предлагает пользоваться терминами «фразеологический библеизм» или «фразеологизм библейского происхождения» [Каминская, 2004].

Изучением фразеологизмов библейского происхождения лингвисты занимались с позиций сопоставительного и историко-этимологического подхода. По данной проблеме представлен ряд работ, например диссертация Н. Е. Ивановой «Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов» [Иванова, 2007], где рассматриваются переводы Библии и определяется степень их влияния на формирование фразеологического корпуса английского языка, изучена природа фразеологических единиц и методы их лексикографической обработки. Диссертация Г. В. Романовой «Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой» [Романова, 2003], которая рассматривала библеизмы, использованные в творчестве М. И. Цветаевой. В диссертации А. В. Григорьева «Источниковедение истории русской библейской фразеологии» [Григорьев, 2009] автор описывает добиблейские источники библейских выражений и источники-посредники между текстом Библии и языком славян. Статья О. Стен «Библейские фразеологизмы в русском и датском языках» посвящена изучению структуры и семантики русских и датских фразеологизмов евангельского происхождения, собранных из фразеологических словарей путем сплошной выборки, а также непосредственно по библейским текстам [Стен].

Всестороннее изучение фразеологической системы любого языка позволяет глубоко проникнуть в разнообразную жизнь устойчивых сочетаний слов и иметь представление об их основных структурно-семантических и стилистических особенностях. Фразеология помогает овладеть литературными нормами словоупотребления, что является необходимым для каждого изучающего русский или другой любой язык.

Наше внимание привлекли русские библейские фразеологизмы с анималистическим кодом. Анималистический код — термин, употребляющийся для номинации животных, насекомых,

земноводных, млекопитающих, пресмыкающихся и птиц и присущего им символизму.

В ряде работ можно встретить следующие варианты термина «анималистический код»: Ч. Инкуй «Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении» (2001), Д. М. Марданова «Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках» (1997), Л. Ф. Пуцилева «Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов» (2009). Кроме термина «зооним», встречаются употребления терминов «анималистический компонент» (Дэнги, 2002), «зооморфизм» (Киприянова, 1999), «зоолексема» (Инкуй, 2001), «зооморфный код» (Гукетлова, 2009).

Символы животных дают богатый материал в плане познания человеческой природы через образы животных. Животного наделяли человеческими чертами для обозначения характера не только отдельных людей, но и социальных групп, родов и государств, что нашло своё отражение помимо языка также и в геральдике [Орел, 2008: 39].

Методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» под ред. К. Н. Дубровиной (2010), в котором представлены 565 фразеологизмов, выявлены 20 фразеологизмов библейского происхождения с анималистическим кодом, что составляет всего 3,5 %.

В данных фразеологизмах библейского происхождения представлены как домашние, так и дикие животные: *осел, волк, овца, козел, конь, верблюд, лев, корова*; мифические существа: *телец*; млекопитающие: *ехидна*; пресмыкающиеся: *змея*; птицы: *голубь*, а также насекомые: *комар*. Следует отметить наличие генерализованных номинаций: *тварь, зверь, птица*.

Фразеологизмы библейского происхождения можно разделить на фразеологизмы с положительной, нейтральной и отрицательной коннотацией. С **положительной коннотацией** выявлено всего 7 фразеологизмов, что составляет 35 %.

• *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* — устар., книжн.

Комментарий: Руководствуйтесь в своих поступках разумом, но не теряйте при этом душевной чистоты, искренности, добросердечия.

• *Всякой (каждой) твари по паре* — разг., шутол.

Комментарий: Смешанная, пёстрая, разнородная по составу группа людей или животных, оказавшихся в одном месте.

• *Голубь мира* — книжн., высок.

Комментарий: 1. Символ мира; 2. Миротворец.

• *Заколоть (заклать) <упитанного> агнца (теляца)* — устар., книжн., шутол.

Комментарий: Устроить обильное застолье, пиршество.

• *Как птица небесная (Божия)* — устар., книжн.

Комментарий: 1. Беззаботно, беспечно (жить); 2. Чем придётся (питаться).

• *Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают* — книжн.

Комментарий: Не нужно постоянно беспокоиться о своём будущем, о завтрашнем дне (об этом позаботится Господь Бог); лучше думайте о дне сегодняшнем, живите настоящим.

• *Отделять/отделить овец (овнов) от козлиц* — книжн.

Комментарий: Отделять хорошее от плохого, необходимое, полезное — от ненужного, вредного.

К фразеологизмам библейского происхождения с **нейтральной коннотацией** мы относим 3 фразеологизма, что составляет 15 %.

• *Конь бледный* — книжн.

Комментарий: Символ смерти.

• *Псу живому лучше, чем мёртвому льву* — книжн.

Комментарий: Любая жизнь, даже самая тяжёлая, лучше смерти.

• *Оцеживать комара, <а верблюда поглощать>* — книжн.

Комментарий: Излишне заботиться о мелочах, забывая о главном, существенном.

К фразеологизмам библейского происхождения с **отрицательной коннотацией** — 10 фразеологизмов, что составляет 50 %.

• *Валамова ослица* — книжн., ирон.

Комментарий: 1. Покорный, робкий, молчаливый человек, который неожиданно для окружающих выразил своё мнение или протест; 2. *Бран*. Глупая, упрямая женщина.

• *Волк в овечьей шкуре* — книжн., неодобр.

Комментарий: Человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, кротости; лицемер.

• *Заблудшая овца (овечка) (душа)* — книжн., возм., ирон.

Комментарий: Безвольный неразумный человек, в силу определенных обстоятельств сбившийся с истинного, праведного пути.

• *Золотой (златой) телец* — книжн., неодобр.

Комментарий: Материальное богатство; власть денег и золота.

• *Козёл отпущения* — часто ирон. или саркаст.

Комментарий: Человека, на которого перекладывают, возлагают ответственность за чужую вину.

• *Поклоняться (поклониться) зверю* — устар., книжн.

Комментарий: Вступить на путь зла, греховности, подчиниться дьявольской богопротивной силе антихриста.

• *Порождение ехидны* — устар., книжн.

Комментарий: О злых, коварных и нечестивых людях.

• *Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают* — книжн.

Комментарий: Неодобр. Символ беззаботности. О людях, которые не трудятся, а живут за чужой счёт.

• *Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда* — разг., неодобр. или ирон.

Комментарий: Символ беззаботности. О человеке, который не работает, а ведет паразитический образ жизни.

• *Фараоновы тощие коровы. Семь тощих коров* — книжн.

Комментарий: Люди, группы, сообщества, которые своими устаревшими, отжившими идеями и бесплодной деятельностью губят всё новое и прогрессивное.

Как видно из примеров, группу с положительной коннотацией составляют такие пресмыкающиеся, птицы и животные, мифические существа и генерализованные понятия, как *змея, голубь, тварь, телец, птица, овца, козел*. Несмотря на отрицательный образ змеи (*Змея подколотная*) и легкомысленный образ овцы (*Паришивая овца все стадо портит*) в представленных фразеологизмах они демонстрируют положительные качества. Следует отметить, что в данной группе присутствуют книжные варианты, но встречаются и разговорные, которые Библия использует как материал.

В группе с нейтральной коннотацией представлены такие животные и насекомые, как *конь, пес, лев, комар, верблюд*. В данной группе также присутствуют книжные варианты.

В группе с отрицательной коннотацией присутствуют: *ослица, волк, овца, телец, козел, зверь, ехидна, птица и корова*. В эту группу попадает фразеологизм «*Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают*», который также присутствует в группе с положительной коннотацией, так как имеет два значения. Во фразеологизме «*Порождение ехидны*» стилистическая оценка появляется в значении, а не в пометах. В данной группе присутствуют фразеологизмы с пометами неодобрительное, ироническое и саркастическое, что вполне объясняет их отрицательное значение.

Большой интерес вызывает рассмотрение образов животных с этнолингвистической точки зрения. Данные исследования можно найти в работах А. В. Гуры, В. Е. Орла.

Фразеологизмы библейского происхождения приносят в нашу речь высокую духовность и поучительный оттенок. Они представляют собой нравственную составляющую. Теоретическое изучение фразеологической системы позволяет познать её как определенное языковое явление, дает возможность усвоить нормы литературного употребления фразеологических оборотов, что способствует повышению речевой культуры народа.

Список литературы

1. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Première volume.— Heidelberg ; Paris : CarlWinters Universitäts Buchhandlung, 1909.— 331 p.
2. Бабкин А. М. *Русская фразеология, её развитие и источники*.— М. : Либроком, 2009.— 264 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение* / под ред. Е. М. Верещагина.— М. : Рус. яз., 1982.— 184.— С. 89–98.
4. Григорьева А. В. *Источниковедение истории русской библейской фразеологии* : дис. ... д-ра филол. наук.— М., 2009.— 611 с.
5. Гукетлова Ф. Н. *Зооморфный код культуры в языковой картине мира: на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков* : автореф. ... д-ра филол. наук.— М., 2009.— 53 с.
6. Дубровина К. Н. *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*.— М. : Флинта : Наука, 2010.— 808 с.
7. Дэнги А. *Фразеологизмы с анималистическим компонентом в русском языке: (С позиции носителя венгерского языка)* : дис. ... канд. филол. наук.— М., 2002.— 187 с.
8. Иванова Н. Е. *Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов* : автореф. ... канд. филол. наук.— Иваново, 2007.— 22 с.
9. Инкуй Ч. *Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении* : дис. ... канд. филол. наук.— М., 2001.— 158 с.
10. Каминская Е. В. *Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках* : автореф. ... канд. филол. наук.— СПб., 2004.— 23 с.
11. Киприянова А. А. *Функциональные особенности зооморфизмов: (На материале фразео-*

логии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков) : дис. ... канд. филол. наук.— Краснодар, 1999.— 217 с.

12. Кунин В. В. Курс фразеологии современного английского языка.— М. : Высш. шк., 1986.— 336 с.

13. Марданова Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук.— Казань, 1997.— 283 с.

14. Мойсиева-Гушева Я. Библия, македонский этнос и македонская литература // Библия и национальная культура : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. С. Бочкарева.— Пермь, 2005.— 168 с.

15. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов.— М. : Высш. шк., 1980.— 207 с.

16. Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи : слов.-справ.— СПб. : Светлячок, 1998.— 448 с.

17. Орёл В. Е. Культура, символы и животный мир.— Харьков : Гуманитар. центр, 2008.— 584 с.

18. Стен О. Библейские фразеологизмы в русском и датском языках [Электронный ресурс].— URL: <http://www.russian.slavica.org/down/OxanaSteen.pdf>

19. Пуцилева Л. Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов : дис. ... канд. филол. наук.— СПб., 2009.— 239 с.

20. Романова Г. В. Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук.— Воронеж, 2003.— 223 с.

21. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка.— М. : Высш. шк., 1985.— 160 с.

М. С. Пестова (Екатеринбург, Россия)

АНТОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

The paper is devoted to the phenomenon of antonymy in the phraseology of English and Russian languages. The author seeks to provide a brief outline of theoretical research results, to analyze the essence of the antonymy phenomenon, to outline the main characteristics of the antonymous phraseological units both in English and Russian languages.

Keywords: *phraseological antonymy, characteristics of phraseological units, phraseological antonym, equivalence of phraseological antonyms, dictionaries of phraseological antonyms.*

Познавательная и оценочная деятельность человека, имеющая своей целью структурирование знаний о мире, формирование категорий бытия, основывается на сопоставлении существующих понятий, выявлении определенных закономерностей.

Значимость бинарных оппозиций для представителей любой культуры весьма высока, т. к. именно они отражают фундаментальные категории бытия (время, оценочные категории, пространство и т. д.), раскрывают их внутреннюю противоречивость.

Очевиден факт того, что в ходе познания объективной реальности человек стремится создать картину мира, которая находит свое отображение в языке. Явление антонимии связано с одной из фундаментальных сторон бытия — с диалектическим единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира.

В 60–90-е гг. XX в. отмечается интерес лингвистов к явлению фразеологической антонимии в разных направлениях. Ученые исследуют критерии антонимичности фразеологических еди-

ниц (Л. А. Грязнова, 1964; А. И. Алехина, 1968; А. М. Эмирова, 1971; А. И. Молотков, 1977; М. И. Сидоренко, 1983, 1985; А. В. Кунин, 1986; Е. Н. Миллер, 1990 и др.) изучают характер взаимодействия антонимии и синонимии применительно к фразеологии (А. И. Алехина, 1968; М. И. Сидоренко, 1969, 1985; Л. П. Зиминая, 1977; Е. Н. Миллер, 1980, 1990; А. В. Кунин, 1986; Г. Б. Марданова, 1998), предпринимают попытки сопоставительного анализа фразеологических единиц в разных языках (Т. А. Бергагаев, 1970; Г. Ц. Пюрбеев, 1970, 1972; Ж. К. Конахбаева, 1981; Г. Б. Марданова, 1998 и др.) и т. д.

На сегодняшний день фразеологическая антонимия рассматривается исследователями подобно лексической антонимии как парадигматическое явление в его взаимосвязи с явлениями полисемии и синонимии.

Вслед за Н. Б. Боевой, мы разграничиваем понятия «антонимия» и «антонимичность», понимая под первым понятием «тип семантических отношений, устанавливаемых, прежде всего, в парадигматическом плане между лексическими единицами, имеющими противоположные

значения» [Николаева, 1975: 5, Новиков, 1998: 35], а под вторым «способность номинативной единицы иметь противоположное значение и вступать в антонимические отношения» [Миллер, 1985: 18, цит. по Н. Б. Боевой 2001: 42].

В качестве основных признаков антонимичности фразеологических единиц Р. М. Закирова рассматривает: 1) семантическую противоположность компонентов; 2) принадлежность их к одной и той же сфере объективной действительности; 3) их однородную лексико-грамматическую характеристику [Закирова, 2001: 153].

К основным признакам антонимичности фразеологических единиц И. А. Поддячая относит: 1) соотнесенность фразеологизмов-антонимов с одним типом категориального значения; 2) принадлежность к одному семантико-грамматическому классу; 3) обязательное наличие в однородной семантической структуре антонимичных фразеологизмов несовместимых контрарных сем, которые взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга, при общем семантическом содержании противопоставляемых единиц; 4) возможное наличие у антонимичных фразеологических единиц синонимов, которые также будут являться антонимами по отношению друг к другу; 5) тождественную синтаксическую и лексико-семантическую сочетаемость фразеологизмов-антонимов; 6) одинаковую функцию в предложении [Поддячая, 2009: 20].

А. В. Кунин указывает на то, что важнейшими признаками фразеологических антонимов считаются противоположные значения и семантическая общность, которая проявляется в «соотнесенности значений», т. е. в том, что они выражают одно и то же родовое понятие. Ученый также указывает на тот факт, что в большинстве работ исследователей хотя бы частичное совпадение отмечается в качестве обязательного признака антонимов [Кунин, 1996: 68].

Анализ критериев антонимичности фразеологических единиц, выдвигаемых учеными, позволяет нам сформулировать следующее определение понятия «фразеологическая антонимия»: «фразеологическая антонимия есть семантическая противоположность фразеологических единиц, характеризующихся наличием контрарных сем, взаимоисключающих друг друга при общем семантическом содержании противопоставляемых фразеологических единиц, а также принадлежностью фразеологических единиц к одному семантико-грамматическому классу, наличием схожих функциональных характеристик (речь идет о схожей стилистической окраске и возмож-

ности совместной воспроизводимости фразеологических единиц в речи)».

Наиболее полным определением фразеологических антонимов из предлагаемых учеными, на наш взгляд, является определение, данное А. В. Куниным: «Фразеологические антонимы — это кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общий семантический компонент при наличии полярных значений и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении» [Кунин, 1996: 70].

Несмотря на существование множества работ, посвященных исследованию фразеологической антонимии и фразеологических антонимов, находим недостаточным только определение случаев антонимической парадигмы, выявление ее критериев, классификацию фразеологических антонимов. Наибольшую сложность, на наш взгляд, составляет изучение фразеологических антонимов как лексикографических единиц с позиции фразеологической антонимии, синонимии, полисемии, фразеографии. Нерешенной на сегодняшний день остается проблема формулирования общих принципов составления словарей фразеологических антонимов, принципов лексикографического описания фразеологических антонимов как в одноязычных, так и двуязычных словарях.

Создатели фразеологических словарей сталкиваются с необходимостью решения большого количества проблем, начиная с отбора представляемого в словаре материала и кончая списком использованных в нем сокращений и символов. Однако наиболее важными из них, по мнению Е. Ф. Арсентьевой, являются следующие:

- «определение места расположения и разработки фразеологизмов исходного языка в словаре;
- фиксация фразеологизмов в правильной форме с учетом всех видов вариантов, парадигматической полноты / неполноты, лексической и грамматической валентности;
- отражение коннотативных составляющих в виде системы помет;
- адекватная передача фразеологических единиц на другой язык;
- логичное построение словарной статьи» [Арсентьева, 2007: 34].

Отталкиваясь от сформулированного нами выше определения понятия «фразеологическая антонимия», рассматриваем способ расположения и разработки фразеологических единиц по ведущему грамматическому (синтаксическому) компоненту в словаре как наиболее логичный.

Этот выбор, по мнению Е. Ф. Арсентьевой, «в значительной мере также обусловлен и тем фактором, что наиболее полные и дополняющие друг друга фразеологические словари русского языка используют именно данный способ» [Арсентьева 2007: 34].

Вслед за заглавной фразеологической единицей представляется целесообразным дать антонимический ряд фразеологических единиц.

Перед переводом дается помета, указывающая на стилистическую (*bookish, poetic, elevated, colloquial, subcolloquial, rude, etc.*; литературный (высокий, книжный, поэтический), разговорный (литературно-разговорный, разговорно-просторечный), просторечный, грубый и др.), историко-временную (*archaic, old fashion, neologism, архаизм, историзм, неологизм*;) или эмоционально-экспрессивную характеристику фразеологической единицы. Однако в настоящее время учеными не выделяется ни одной общепризнанной классификации эмотивных помет. Так, в русскоязычных словарях не соблюдается единства в определении принадлежности словарных помет к отрицательной или положительной оценке в силу отсутствия надежной системы их классификации, а в англоязычной лексикографии и фразеологии недостаточно разработаны пометы эмотивной отрицательной оценки и полностью отсутствуют пометы положительной оценки. Отрицательная оценка обозначается пометой *derog.* (=derogatory). Некоторые фразеологические единицы с отрицательной эмосемой помечаются как *impol.* (=impolite), *taboo* и *vulg.* (=vulgar). Отсутствие пометы означает, что фразеологическая единица (или ее значение) является нейтральным.

Дефиниция, как правило, содержит информацию о сигнификативно-денотативном макрокомпоненте значения фразеологической единицы. Говоря о том, что выбор типа дефиниции, в первую очередь, зависит от того, в каком словаре она используется (в одноязычном или двуязычном (многоязычном)), Р. А. Аюпова выделяет «следующие пять наиболее характерных типов словарных дефиниций:

- 1) описание при помощи свободного словосочетания или предложения;
- 2) комбинированный тип дефиниции;
- 3) описание при помощи развернутой структуры;
- 4) дефиниция при помощи одной лексемы;
- 5) дефиниция при помощи фразеологического эквивалента или синонима» [Аюпова, 2009: 10].

При этом комбинированный тип дефиниции, так же как и описание при помощи наиболее раз-

вернутой структуры, способствует предоставлению наиболее полной информации о семантике заглавной фразеологической единицы.

Проблемным является предоставление иллюстрирующих примеров для пары фразеологических антонимов, что объясняется крайне редким использованием антонимичных фразеологических единиц в рамках одного контекста, несмотря на то, что фразеологическое насыщение, как один из приемов окказиональной трансформации, является одним из самых эффективных стилистических средств воздействия на эмоциональное восприятие сказанного слушающим. В связи с этим целесообразным находим предоставление отдельных иллюстрирующих примеров для каждой фразеологической единицы, входящей в антонимические отношения.

Учет признаков антонимичности фразеологических единиц, типов классификаций фразеологических антонимов (семасеологическая, структурная, функциональная и др.) является существенным при отборе фразеологических единиц для словаря фразеологических антонимов, так же как и учет целей, задач и типа самого словаря.

Дальнейшее изучение проблемы, на наш взгляд, может затрагивать анализ контекстуального использования антонимичных фразеологических единиц на предмет их сочетаемости и взаимозаменяемости, исследование семантической, грамматической, структурной, стилистической специфики антонимичных фразеологических единиц.

Список литературы

1. Арсентьева Е. Ф. Основные проблемы, возникающие при создании многоязычного фразеологического словаря // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Междунар. shk.-семинара, Иваново, 12–14 сент. 2007 г.— Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007.— 303 с.
2. Аюпова Р. А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц: на материале английского, русского и татарского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20.— Казань, 2009.— 43 с.
3. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04.— М., 2001.
4. Закирова Р. М. Антонимы в татарском языке (лексико-грамматические, семантические, стилистические особенности употребления) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02.— Казань, 2001.— 196 с.

5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.— 2-е изд., перераб.— М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996.— 381 с.

6. Поддячая И. А. Парадигматические отно-

шения фразеологических единиц качественно-обстоятельственного класса в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Челябинск, 2009.— 276 с.

Н. П. Пешкова (Уфа, Россия)

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА: СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА

The article is devoted to the problems of text semantics, to be exact, to the approach based on the theoretical principles developed within "text psycholinguistics". The main principles of the "text sense" concept proposed by A. I. Novikov are also described in the present paper. The experimental method known in psycholinguistics as the "internal text" strategy is discussed and characterized as a form of practical application of the theory considered in the article.

Keywords: text semantics, sense, contents, perception, understanding, "internal text" strategy, integrative approach.

Как известно, расцвет исследований текста, в том числе и его семантики, в отечественной науке пришелся на вторую половину двадцатого века. Тем не менее, как констатировал известный отечественный исследователь текста в одном из своих трудов, принадлежащих началу века нового, единой теории текста, разделом которой стала бы и его семантика, так и не было создано. «К сожалению, не оправдались ожидания, связанные с тем, что обращение к тексту позволит создать единую теорию более высокого уровня в иерархии дисциплин, изучающих язык» [Новиков, 2007: 10].

Причину дезинтеграции исследований А. И. Новиков видел в том, что так и не было найдено некое общее звено, которое стало бы центральным для всех направлений изучения текста и «обеспечивало бы эту интегративность» [Там же: 11].

Поиск такого объединяющего звена в современной науке о языке, на наш взгляд, должен быть связан с осознанием необходимости включения в круг проблем, составляющих научный интерес, человека, порождающего и воспринимающего тексты. В то время как в традиционной лингвистической теории, как считает А. В. Вдовиченко, говорящий человек по-прежнему остается главной причиной всех неудобств. Однако и не замечать его далее на лингвистическом горизонте также уже невозможно. И с таким утверждением трудно не согласиться. Именно поэтому, считает автор приведенного выше мнения, необходимо изменить прежнюю схему на коммуникативную, включающую в себя такие компоненты, как «говорящий — смысл — вербальный процесс» [Вдовиченко, 2008: 266].

В приведенной выше триаде нас интересует второй компонент, объединяющий, на наш взгляд, первый и второй компоненты в единую систему. Именно смысл как неотъемлемая сущность человека говорящего и понимающего составляет такую же неотъемлемую суть текста, порождаемого автором и воспринимаемого адресатом.

Смысл и может стать тем самым искомым звеном в теории текста, обеспечивающим интегративность исследований этого сложного и многогранного явления.

В монографии «Текст и его смысловые доминанты» А. И. Новиков приходит к выводу о том, что в настоящее время исследователю текста «становится совершенно ясно, что без обращения к смыслу не может рассматриваться семантика таких речевых единиц, как предложение и текст» [Новиков, 2007: 35]. Там же отмечается, что если в семантических исследованиях проблема смысла актуальна в отношении практически всех уровней языковых единиц, то применительно к семантике текста смысл имеет особое значение. Происходит это потому, что «чем более высоким является уровень единиц, тем более значимым становится смысловой компонент в их семантической сфере. ...Смысл здесь выполняет функцию значения, поскольку значения в обычном их понимании у такого рода единиц отсутствуют [Там же].

Таким образом, доминантой семантики текста должен стать смысл и парадигму таких семантических исследований можно охарактеризовать как смысловую.

Здесь, видимо, следует отметить, что в лингвистических исследованиях смысл обычно рассмат-

ривался как явление экстралингвистического порядка, как нечто, не имеющее непосредственно отношения к объекту лингвистического изучения.

Однако существует и такая точка зрения, согласно которой, несмотря на экстралингвистическую природу смысла, традиционная лингвистика должна быть заинтересована в том, чтобы приблизиться к пониманию сущности этого «постоянно ускользающего от непосредственного наблюдения явления» по нескольким причинам.

Во-первых, именно смысл управляет отбором и распределением языковых средств в процессе порождения речевого произведения, а также является целью, средством и результатом его понимания. «Интеллект пропускает только то, что интерпретируется как осмысленное. То же, что не поддается осмыслению, исключается из рассмотрения как бессмысленное». Во-вторых, имеется еще один значимый аргумент в защиту тезиса о необходимости изучения смысла в рамках лингвистики. Это «то обстоятельство, что для речевой деятельности решение неречевых задач является типичной ситуацией. Обычной является ситуация, когда посредством речевых действий адресант совершает такое воздействие на адресата, вследствие которого он совершает неречевые действия» [Там же: 34–35].

А. И. Новиков в ряде своих последних работ [Новиков, 1999; 2003; 2007] заложил основы новой семантики текста, основанной на концепции смысла, а также теории текста, которую он назвал «психолингвистикой текста», подчеркивая ее междисциплинарный, интегративный характер [Новиков, 2007]. Здесь нельзя не отметить, что принципы, сформулированные в трудах, принадлежащих новому, XXI столетию, в действительности были заложены в первой монографии ученого «Семантика текста и ее формализация», изданной в 1983 г. и охарактеризованной современниками как «научный бестселлер» [Васильева, 2004: 7].

Остановимся более подробно на некоторых положениях обсуждаемой концепции смысла, представляющих интерес для исследователей семантики текста. Мы хотели бы привлечь внимание к положениям, приведенным в заключительном разделе последней монографии ученого.

Прежде всего, необходимость разработки теории смысла в русле текстовых исследований автор объясняет нерешенностью до конца ряда вопросов о соотношении языка и мышления. К ним относится и проблема репрезентации в сознании человека продуктов его мыслительной деятель-

ности, направленной на восприятие и понимание текста.

А. И. Новиков также отмечает, что эта проблема становится особенно острой в случае, если перед исследователем стоит задача конкретного практического изучения этих продуктов, а также адекватного и эксплицитного их представления какими-либо материальными средствами. В этом случае неизбежно встает вопрос о понимании их онтологической сущности.

Среди наиболее существенных положений из всех шестнадцати, приведенных в [Новиков, 2007], мы бы выделили следующие. Приведем их оригинальные формулировки для более полного представления о том, что составляет суть обсуждаемой в настоящей статье теории.

«3. Обычно “продуктом” мыслительной деятельности, ее своего рода результатом полагают ментальное образование, называемое смыслом. Довольно часто в качестве синонима употребляют термин “содержание”. Между тем есть основания полагать, что за этими двумя обозначениями стоят разные явления. Содержание и смысл — это разные ментальные образования.

4. И содержание, и смысл являются результатом понимания. Но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т. е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении «сути дела», запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать.

5. Эти ментальные образования различны и по способу своего проецирования на сферу сознания. Если **содержание — это проекция текста на сознание, то смысл — это проекция сознания на текст**. При этом не обязательно, что эти два способа проецирования разделены по времени (хотя и такое может быть), они взаимосвязаны и переплетены друг с другом, но сами проекции имеют различный способ представления. Все это делает необходимым и возможным исследование смысла в противопоставлении данного явления содержанию» [Новиков, 2007: 132–133].

В рамках изложенных выше теоретических принципов была начата разработка и практиче-

ского метода исследования, названного А. И. Новиковым методом «встречного текста», и предложена конкретная экспериментальная методика. Сам автор успел опубликовать лишь одну работу по результатам использования данной методики [Новиков, 2003].

Однако принципы «психолингвистики текста» и основанная на них экспериментальная методика получили дальнейшее развитие в ряде наших работ [Пешкова, 2002; 2006; 2009]. Они также нашли воплощение в диссертационных исследованиях, выполненных под нашим руководством и посвященных изучению содержательно-смысловой структуры текста [Матвеева, 2004]; общих и частных стратегий понимания речевого произведения [Кирсанова, 2007]; стратегий понимания иноязычного текста [Авакян, 2008]; соотношения имплицитной и эксплицитной информации в процессе понимания текста [Анохина, 2010].

Среди интересных работ интегративного характера, осуществленных в русле «психолингвистики текста» А. И. Новикова, мы бы особо отметили диссертационное исследование А. А. Маркаряна, выполненное под руководством Н. М. Нестеровой. Автор диссертации экспериментальным путем изучает соотношения глубинных структур речевого произведения, опираясь на нашу идею [Пешкова, 1987; 2002] разграничения таких составляющих имплицитной информации текста, как пресуппозиция и импликация [Маркарян, 2007].

Методика «встречного текста», как нам представляется, помогает исследовать смысл воспринимаемого и понимаемого адресатом речевого произведения в его материальном воплощении — в форме вербальных реакций разных типов, составляющих «встречный текст» реципиента, возникающий в его сознании как ответ на информацию-стимул из воспринимаемого сообщения, устного или письменного.

Экспериментальные данные, полученные в результате применения этой методики, позволяют буквально зарегистрировать разнообразные формы смысла, формируемые сознанием индивидуума. Так, мы разграничиваем частные, или локальные, смыслы, и общий, или глобальный, смысл.

Локальные смыслы передают реакции «мнения» и «оценки» (оценочный смысл), «предположения» и «прогноза». Глобальный смысл может передаваться реакциями «генерализации», «вывода», «перевода» как смысловой интерпретации информации, собственно и представляющего собой выражение общего смысла.

Подобная регистрация разнообразных локальных смыслов и общего смысла речевого произведения самим адресатом дает уникальную возможность наблюдать в действии многоликость смысла текста или его «многосмыслие». Все это, по нашему мнению, с одной стороны, подтверждает продуктивность обсуждаемой в настоящей статье теоретической концепции и экспериментального метода как ее практического воплощения, а с другой — дает перспективы дальнейшего развития концепции смысла А. И. Новикова на основании как уже состоявшихся работ, так и новых теоретико-экспериментальных исследований семантических проблем текста.

Список литературы

1. Авакян А. А. Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста (на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа : БашГУ, 2008. — 26 с.
2. Анохина Н. В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания : дис. ... канд. филол. наук. — Уфа : БашГУ, 2010. — 170 с.
3. Васильева Н. В. Предисловие к сборнику «Проблемы прикладной лингвистики» // Проблемы прикладной лингвистики. — Вып. 2. — М. : Ин-т языкознания, 2004. — С. 3–8.
4. Вдовиченко А. В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. — М. : Ин-т языкознания РАН ; Изд-во Православ. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та, 2008. — 512 с.
5. Кирсанова И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа : БашГУ, 2007. — 21 с.
6. Маркарян А. М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа : БашГУ, 2007. — 28 с.
7. Матвеева Н. В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12–16 лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа : БашГУ, 2004. — 22 с.
8. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. — М. : Наука, 1983. — 216 с.
9. Новиков А. И. Смысл семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследо-

ваний.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.— С. 132–144.

10. Новиков А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация // *Вопр. филологии*.— 1999.— № 3.— С. 43–48.

11. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // *Вопр. психолингвистики*.— 2003.— № 1.— С. 64–76.

12. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой.— М. : Ин-т языкознания РАН, 2007.— 224 с.

13. Пешкова Н. П. Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных, технических,

учебных текстов) : дис. ... канд. филол. наук.— М. : Ин-т языкознания, 1987.— 216 с.

14. Пешкова Н. П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста : дис. ... д-ра филол. наук.— Уфа : БашГУ, 2002.— 353 с.

15. Пешкова Н. П. Психолингвистические аспекты исследования экспрессивности в научном тексте // *Вестн. МГЛУ*.— № 541.— Сер. Лингвистика.— Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты.— М., 2007.— С. 209–215.

16. Пешкова Н. П. Имплицитность в тексте: препятствие VS стимул и условие его понимания // *Вопр. психолингвистики*.— 2009.— № 9.— С. 223–236.

Л. И. Плотникова (Белгород, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: РАЗНОАСПЕКТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

The article is devoted to study of lexical new formations in various aspects. The following is considered in the article: peculiarities of communicative — cognitive and derivational approaches to study of new language material, processes of nominative derivation are being modeled. Theoretical material is being demonstrated by specific examples of new formations of everyday speech.

Keywords: *lexical new formations, nominative derivation, everyday speech.*

Разноаспектное исследование лексических новообразований, зафиксированных в живой разговорной речи, позволяет говорить о многообразии и разнообразии их структурных и семантических особенностей, определить специфику словопроизводственного механизма, установить своеобразие концептуальной организации созданных в речи слов.

Для исследования особенностей словопроизводственного процесса инноваций можно использовать разноуровневую речемыслительную модель словопроизводства, в которой условно можно выделить следующие составляющие. Ономастологическая модель (ОМ) составляет основу логического моделирования словопроизводственного процесса. ОМ — это определенная схема, которая отражает ход мыслительной деятельности, направленной на выбор необходимой категории в соответствии с развернутым описанием. Ее можно отнести к первому, ономастологическому уровню, основными единицами которого являются понятийные категории, составляющие основу номинации. Например: — Вчера В. весь вечер смешил нас своими рассказами о приключениях в Турции // Он нас так развеселил / что не хотелось уходить // — Ну / замечательно // Приходите ещё / я опять буду ваш смешитель и

веселитель // У меня много чего еще есть в запасе // Смешитель, веселитель — тот, кто смешит и веселит кого-либо. В данном развернутом описании, предшествующем созданию инновации, компонент тот, кто... соотносит понятие с субстантивом, обозначающим лицо (языковым средством его выражения в данном примере является суффикс *-тель*) + основы слов *смешить*, *веселить*, выражающих мотивировочный признак.

Второй, глубинный уровень представлен когнитивной моделью (КМ), предполагающей выявление концептуальной организации знания и представляющей развертывание ономастологической модели за счет фоновых знаний и опыта говорящего. Поэтому основными единицами когнитивного уровня являются базовые, «элементарные» концепты как результаты освоения «кусочков» действительности. Эти базовые концепты, соответствующие аргументам пропозиции, объединяются в определенную концептуальную схему, которая объективируется в новом слове. Следовательно, когнитивная модель — это модель глубинного мыслительного уровня, которая представляет собой концептуальную схему (то есть состав и интеграцию базовых концептов), отражающую способ концептуальной

организации знания. Например, для новообразований *ронятель*, *забыватель* и *оратель* концептуальная схема, включающая базовые элементы субъекта и производимого им действия, может быть представлена следующим образом: S-Rel.— V (субъект характеризуется по выполняемому действию). Речевой контекст помогает «развернуть» ономазиологическую модель: — Слушай / сосредоточься хоть немного / ты так сегодня всё дома перебебёшь // Что с тобой происходит? / Чем ты обеспокоен? / О чём думаешь? // — Пожалуйста / оставьте меня в покое // Да / сегодня я не в форме / не всё получается / всё роняю и забываю // Но я могу из ронятеля и забывателя превратиться в орателя / если вы от меня не отстанете //

На следующем уровне — словообразовательном — словопроизводственного процесса в работу активно включается словообразовательная модель (СМ). Это схема, отражающая вербализацию базовых концептов, представленных в КМ, с помощью различных словообразовательных правил и средств. Собранный языковой материал представлен инновациями различных частей речи, он демонстрирует разнообразие и многообразие словообразовательных моделей, в соответствии с которыми новообразования созданы. Значительная часть созданных в живой разговорной речи слов представлена потенциальными образованиями, демонстрирующими различные системные деривационные явления. Так, в количественном отношении преобладает группа лексических новообразований, обозначающих лицо по выполняемому им действию. Подобного рода слова легко образуются в разговорной речи, структура их довольно прозрачна, что не создает никаких препятствий в процессе общения, например: — Слушай / проглоти быстренько что-нибудь и назад // — Да / конечно / я из нормального человека превращаюсь в какого-то глотателя / все на бегу/ все мимоходом//; — И на то ты махнул рукой / и на это тоже // Посмотрите / махальщик выискался // Останешься вообще без ничего / ищи потом виноватых //

Данная группа пополняется довольно интенсивно, наибольшую продуктивность в создании новообразований проявляет суффикс *-тель*: закрыватель, избиватель, изучатель, обеспечиватель, отвлекатель, отменитель, пересекаатель, помышатель, подсказыватель, проталкиватель, сбиватель, соблюдатель, щекотатель и др.

В подобного рода словах объективируются базовые концепты лица и выполняемого им действия, причем концепт действия вербализован

в основе слова, а репрезентантами лица являются различные суффиксы. Способ концептуализации, выявляемый на основе отношений членов пропозиции (субъект, характеризуемый по выполняемому им действию), можно определить как процессуальный.

Фактический материал позволяет говорить об интенсивном пополнении группы номинаций лица — носителя определенного признака. На когнитивном уровне пропозициональная структура подобного рода слов включает следующие аргументы пропозиции: S — Qualit.— Attr., где S — субъект; Qualit.— квалитатив, характеристический предикат; Attr.— качественный признак. Следовательно, способ концептуализации в соответствии с указанными базовыми концептами, или аргументами, можно определить как атрибутивный.

Данная группа представлена довольно широко и разнообразно, что позволяет выделить в ее составе несколько микрогрупп (МГ) на основе семантического признака, например, МГ номинаций лица, характеризующегося степенью признака. Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что в словах данной МГ репрезентантами степени признака являются различные препозитивные форманты, а субъект назван основой: сверхмучитель, сверхобидчик; суперкиллер, супервредитель, суперкурильщик, суперпокупатель; мини-читатель; микроблизнец и др.

Новообразования вербализуют интегрированные пространства базовых концептов — концепта префикса/препозитивного форманта (выражающего значение степени признака) и концепта лица (в большинстве случаев — лица с характеризующим значением: гений, вредитель и т. д.). Ср. также: — Твердишь одно и то же / гений, гений! // Я не просто гений // Ты же видишь / ты же должна это понимать / Я сверхгений // Наверное это не скромно / но это так! //; — Смотрю / ты написал по этому вопросу совсем мало // Почему? // Наверное, прочитал тоже мало // Я права? // — Да / Вы правы // Я стал такой вот... / мини-читатель //

Довольно интенсивно пополняется МГ номинаций лица, характеризующегося чрезмерным пристрастием к чему-либо. В этой микрогруппе отмечены слова, в которых репрезентантом лица является компонент *-ман*. Он не только соотносится с субъектом, но и выражает значение чрезмерного пристрастия к чему-либо: газетоман, компьютероман, пепсиман, пивоман, пиццедман, сериаломан и др. Таким образом, объект пристрастия в подобного рода словах назван в первой части слова, а вторая составная часть этих слов называет

не просто субъект, а страстного любителя того, что/кто названо/назван в первой части слова: — Смотрю / ты стал таким поклонником пиццы // И в «Потапыче» ты был / и в «Пиццемании» был // Ты сам стал настоящим пиццеманом // Что-то раньше этого за тобой не замечалось //

В подобного рода новообразованиях объективируется объединение концептуальных пространств лица (страстного любителя, поклонника) и объекта (предполагающего предмет страсти, увлечения). Продуктивность данной модели в современном русском языке подтверждается созданием большого количества слов, при этом наименования, обозначающие объект чрезмерного увлечения, представлены очень широко и разнообразно в тематическом плане: салатоман, гамбургероман, яблокоман, коламан, бутербродоман и многие другие.

Языковой материал свидетельствует о продуктивности МГ номинаций лица, характеризующегося признаком противопоставленности. Новообразования указанной микрогруппы содержат приставку *анти-*, обозначающую противоположность или враждебность чему-либо: антикурильщик, антисериаломан, антистраховщик, антирокер, антигородник, антикомпьютерщик и др.

— Ты говоришь / что я плохо убрал / не все как следует вымыл / не все как следует вычистил // Теперь у меня нет никакого настроения тебе помогать // Делай все сама / Все / Я теперь ярый антиуборщик //

Репрезентантами лица в словах этой микрогруппы также являются основы слов, называющих субъекта по роду деятельности, участию в чем-либо, принадлежности к определенному направлению. Выразителем квалитатива «противоположный, враждебный» является префикс *анти-*. Таким образом, в пропозициональную структуру знания в данном случае объединяются концептуальные пространства лица и указанного квалитатива. Закрепленные значения позволяют говорящему в процессе креативной деятельности совмещать указанные базовые концепты, которые объективируются в новых лексических единицах: — Да / у него всё хорошо // Да / он молодец // И дом у него полная чаша // Он хороший хозяин / согласен // Ну тогда я антихозяин // И что теперь? //

ВМГ номинаций лица, характеризующегося признаком «бывший», представлены новообразования однотипной структуры — простые по

структуре слова с префиксом *экс-*: экс-муж, экс-жених, экс-работник, экс-няня, экс-хозяйка, экс-репетитор и др. — Как ваш студент учится? // — Какой студент? // Он уже давно закончил университет // Уже третий год работает // Этот наш экс-студент уже жениться собрался! //

Структурно-семантический аспект анализа лексических новообразований позволяет выделить в их составе слова потенциальные, созданные по продуктивным деривационным моделям, и слова окказиональные, созданные с нарушением словообразовательных правил и моделей. Большинство слов, созданных в живой разговорной речи, образовано по продуктивным моделям, то есть относится к разряду потенциальных. Среди окказионализмов ярко представлены многочисленные контаминированные образования, например: Уже просто не воспринимаю всю эту рекламу // Это не реклама / Это самая настоящая брехлама! //; Столько говорят об экономике / столько говорят о ее развитии // А это разве экономика? // Это самая настоящая алкономика! //

Выражая в определенной речевой ситуации то или иное эмоциональное состояние, говорящий нередко создает самые «дикивинные» образования, лишь по форме напоминающие слова, при этом предназначение и установку на их конструирование можно выявить только в контексте употребления, например: Это ужас! // Так летел с лестницы / Так перешвартодрыгнулся / Что думал / все // Мысленно со всеми уже попрощался //

Таким образом, наша повседневная речь представляет исследователю яркие примеры лингвокреативной деятельности говорящего. Важность анализа примеров словотворчества заключается в том, что каждое созданное слово «несет в себе потенциальную возможность изменения как языковой, так и концептуальной картин мира. Именно в таких сиюминутных каждодневных изменениях кроется тайна языковой креации, и именно на них должны быть направлены усилия исследователей» [1. С. 9].

Список литературы

1. Ирисханова О. К. Лингвокреативный аспект деятельности человека // Филология и культура : материалы IV Междунар. науч. конф., 16–18 апр. 2003 г. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. — С. 8–10.
2. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. — 332 с.

О. Б. Пономарева (Тюмень)

**ВЕКТОРНАЯ СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА/АНИКОНЦЕПТА «РЕВОЛЮЦИЯ»
(на материале романа Ч. Диккенса «Повесть о двух городах»)**

The article deals with various types of antonymy differentiated according to the principles of contrast, structure, semantics and vector orientation. It also speculates on such terms as concept and anti-concept. As a result of the theoretical analysis scientific notion "revolution" is compared with the concept /anti-concept represented in Dickens's novel "A Tale of Two Cities".

Keywords: concept, anti-concept, antonymy,

It was the best of times, it was the worst of times, it was the age of wisdom, it was the age of foolishness, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity, it was the season of Light, it was the season of Darkness, it was the spring of hope, it was the winter of despair, we had everything before us, we had nothing before us, we were all going direct to Heaven, we were all going direct the other way — in short, the period was so far like the present period, that some of its noisiest authorities insisted on its being received, for good or for evil, in the superlative degree of comparison only.

There were a king with a large jaw and a queen with a plain face, on the throne of England; there were a king with a large jaw and a queen with a fair face, on the throne of France. In both countries it was clearer than crystal to the lords of the State preserves of loaves and fishes, that things in general were settled for ever (p. 25).

Революция (от позднелат. *revolutio* — поворот, переворот, превращение, обращение) — радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии природы, общества или познания, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>]. Революцию как качественный скачок в развитии, разрыв постепенности, отличают от эволюции (где развитие происходит постепенно) и от реформы (в ходе которой производится изменение какой-либо части системы без затрагивания существующих основ). Понятие революции предполагает сопоставление ее с противоположным понятием эволюции, т. е. с постепенным, а не скачкообразным развитием общества. Следовательно, само понятие уже имеет свою противоположность и может актуализироваться с помощью антонимических языковых средств.

Противоположность в философии и логике трактуется как развитое до предела различие предметов, признаков, процессов одной сущности. Противоположность применительно к антонимии характеризуется тем, что её образуют противоположные, но не противоречащие видо-

вые понятия в границах некоторого родового понятия [Канке: 30].

Логико-философская модель противоположности находит свою интерпретацию в системе любого языка, т. к. существующая противоположность предметов, явлений, процессов отражается в значениях слов. При этом рассматриваются два подхода:

1) **узкий (классический, традиционный) подход**, изложенный в большинстве работ по антонимии (В. Н. Комиссаров, Л. Ю. Максимов, Д. Н. Шмелёв, Л. А. Новиков, Ю. Д. Апресян, В. А. Иванова, Л. А. Введенская и др.);

2) **широкий подход**, при котором к антонимам относятся слова, противопоставленные друг другу по любому признаку, а также коррелятивные лексические единицы (В. Н. Ключева, Н. П. Колесников, О. С. Ахманова и др.) и имена собственные (Н. П. Колесников).

Антонимы — слова с противоположными значениями, выраженные разными словами, реализующие в тексте функцию потивопоставления. **Философская основа** антонимии — отношения противоположности внутри одной сущности. **Логическая основа** — противоположные видо-вые понятия. Сущность — отношения предельного отрицания, их дефиниции и смысловые структуры близки. **Функции** — эквиолентная оппозиция, контрастирующая дистрибуция, контактное употребление, совпадающая сочетаемость и индивидуальные контексты. Обычно представлены антонимической **парой**.

Отношение антонимии основано на противоположности выражаемых словами понятий. Три основные разновидности антонимии различаются по характеру противоположности. Отношение дополнительности, или комплементарная антонимия предполагает такую ситуацию, при которой утверждение того, что обозначает один из антонимов, влечет отрицание того, что обозначает второй, например *сухой* — *влажный*, *спать* — *бодрствовать*, *с* — *без*. Дополнительность можно рассматривать как особый случай несовместимости, когда некая общая для двух слов

содержательная область полностью распределяется между их значениями. Отношение **векторной антонимии** связывает слова, обозначающие разнонаправленные действия: *влететь* — *вылететь*, *здороваться* — *прощаться*, *замерзать* — *оттаивать* и т. п. Отношение контрарной антонимии связывает слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей тому или иному измерению или параметру объекта или явления, например такому, как размер, температура, интенсивность, скорость и т. п. Иначе говоря, этот вид антонимии характерен для слов с «параметрическим» значением: *большой* — *маленький*, *широкий* — *узкий*, *жара* — *мороз*, *высоко* — *низко*, *ползти* — *лететь (о времени)* и т. п. В отличие от комплементарной антонимии слова, связанные этим отношением, не покрывают своими значениями всю шкалу, поскольку ее средняя часть обозначается какими-то другими выражениями. В работах по антонимии также предлагается рассматривать антонимию в аспекте структуры, семантики и векторной направленности [Чупановская, 2007].

Структурные антонимы могут быть:

- а) разнокоренными (*день* — *ночь*);
- б) однокоренными (научный — антинаучный).

Семантические антонимы характеризуются

- а) качественной противоположностью (по контрарному типу) (*горячий* — *теплый* — *холодный*);
- б) дополнительной противоположностью (по комплементарному типу) (*занятой* — *свободный*).

Противоположная направленность (векторная) (*удар* — *контрудар*). Векторные антонимы — это антонимы, которые имеют взаимопротивоположную направленность действий, свойств и признаков:

- векторные: *восход* ‘появление над горизонтом небесного светила’ — *заход* ‘закат небесного светила’ □ *восходить* ‘подниматься, появляться над горизонтом (о небесных светилах)’ — *заходить* ‘опускаться за горизонт, закатываться (о небесных светилах)’.

Изменение вида семантической противоположности производящих производными при синтаксической деривации не имеет регулярного характера и обнаруживается в тех случаях, когда от векторных антонимов — глаголов образованы контрарные антонимы — имена существительные. Например:

дружба ‘отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости’ —

вражда ‘отношения между кем-либо, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью’ □ *дружить* ‘находиться с кем-либо в дружбе’ —

враждовать ‘быть с кем-либо во вражде’. — векторные: *завеселиться* ‘начать веселиться’ — *затосковать* ‘начать тосковать’ □ *веселиться* ‘весело проводить время’ — *тосковать* ‘проводить время в тоске’. — векторные: *повеселелый* ‘повеселевший’ — *поскучнелый* ‘поскучневший’ □ *повеселеть* ‘стать веселым’ — *поскучнеть* ‘стать скучным’.

Даже в тех семантических квадратах, в которых производящими являются глаголы, выражающие векторную противоположность, а производными — имена существительные либо со ССЗ лица — производителя действия, названного мотивирующим глаголом; либо с ССЗ предмета, вещества, производящего действие, производные также входят в класс векторных антонимов. Векторные антонимы репрезентируют следующие мутационные СТ:

Отадъективные глаголы с ССЗ:

- а) приобретения признака, названного производящим словом, например:

– производящая база — контрарные антонимы: *здороветь* ‘становиться здоровее’ — *хилеть* ‘становиться хилым’ □ *здоровый* ‘обладающий здоровьем’ — *хилый* ‘слабый, болезненный’;

- б) совершения действия, свойственного тому, кто (что) имеет признак, названный производящим словом, например: *откровенничать* «быть откровенным», *скрытничать* «быть скрытным» □ *откровенный* «искренний» — *скрытный* «не откровенный»;

- производящая база — комплементарные антонимы:

кривить ‘делать кривым’ — *прямить* ‘делать прямым что-либо искривлённое’ □ *кривой* ‘не прямолинейный, изогнутый’ — *прямой* ‘равно вытянутый, без изгибов’.

Подобные векторные антонимы образуют основной массив слов рассматриваемой группы [Чупановская, 2007].

В основе векторной семантики лежат семантические процессы, опирающиеся на различие точек зрения на одно и то же явление и реализующиеся, как правило, с помощью векторных антонимов, образуя риторическую фигуру речи — антитезу.

Антитеза (редко антитезис; риторическое противопоставление текста; др.-греч. ἀντίθεσις — противопоставление) — стилистическая фигура контраста в художественной или ораторской речи, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом [ELT].

Говоря о концепте как о понятии, создаваемом без каких-либо ограничений, а для создания эффекта, украшения или, напротив, вызывания отвращения, создания революционного настроения, разрушения общепринятых ценностей, Ю. С. Степанов вводит термин «антиконцепт», как «концепт, противопоставленный какому-то другому концепту» [Степанов, 2009: 23]. При этом если концепт — форма выражения содержания, то антиконцепт — форма несогласия с содержанием, форма протеста. Таким образом, концепт трактуется как то, что создает для себя автор, мыслитель, деятель первого порядка, то антиконцепт — это то, что создает для себя наблюдатель первого, и дается его характеристика происходящего [Там же: 24].

Рассматривая характеристику концепта «революция» в начальной главе романа Ч. Диккенса, мы сталкиваемся с явлением совмещения противоположных точек зрения, с намерением автора показать весь сгусток противоречий, связанных с революцией и ее последствиями, представить с помощью яркой палитры языковых средств, конвергенцией стилистических приемов, объединенных антитезой в концептуальную интеграцию, самые различные и резко противоположные мнения, мысли, эмоции.

Можно выделить лингвокогнитивные модели концепта «революция», соотносящие ее с определенным временем: *revolution — times, age, epoch, season, spring, winter*. Эти синонимы можно отнести к векторным, так как они характеризуют этот концепт в различных ракурсах, подчеркивая его эпохальность, а также вводя метафору времени года, связанного с возрождением природы и общества (весна) и ее антипод (зима).

В то же время с помощью антитезы каждый синоним включен в антонимическую пару: *the best of times — the worst of times; the age of wisdom — the age of foolishness; the epoch of belief — the epoch of incredulity; the season of Light — the season of Darkness; the spring of hope — the winter of despair*. Противопоставляются все человеческие отношения, мысли, желания и чувства (мудрость — глупость; вера — неверие; свет — тьма; надежда — отчаяние). Превосходная степень в характеристике революции (самое лучшее — самое худшее время) еще более подчеркивает эти противоречия, доведенные до предела. Наряду с существительными используются также векторные антонимы местоимений (*everything — nothing*), при-

лагательных (*for good or for evil*), организованные в параллельные конструкции, с анафорическими повторами (*it was*) и градацией, с кульминацией в антонимической паре с перифразой (*going direct to Heaven — going direct the other way*).

В целом все противоположности и составляют концептосферу революции и могут быть объединены в когнитивно-ассоциативную схему (КАС) этого концепта/ антиконцепта.

КАС революции (время лучшее/ худшее; период мудрости/ глупости; эпоха веры / неверия; сезон Света / Тьмы; весна надежд /отчаянья; время добра/ зла; воплощение Рая/Ада).

Сравнивая научное понятие «революции» и содержание концепта / антиконцепта, можно выделить их основные отличия: яркую эмоциональную и оценочную доминанту с резким противопоставлением или антиномией всех положительных и отрицательных черт, которые в философии приобретают характер апорий, т. е. неразрешимых противоречий, безвыходных положений, требующих революционного взрыва. В произведении Ч. Диккенса создается художественный образ революции с профилированием всех противоречий этого сложнейшего периода. Авторское видение включает в себя самые различные точки зрения: самого автора и наблюдателей (читателей, участников событий), каждая из которых имеет право на существование.

Список литературы

1. ELT — Мосткова С. Я., Смыкалова Л. А., Чернявская С. П. English Literary Terms.— М. : Просвещение, 1967.
2. Канке В. А. Философия.— М. : Логос, 2005.— 375 с.
3. Чупановская М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов: на материале словарей русского языка [Электронный ресурс].— URL: http://www.dissland.com/avtoreferats/10-02-01-russkiy_yazik/by-author/p-183.
4. Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт»: Векторные явления в семантике // Когнитивные исследования языка.— Вып. 1.— Концептуальный анализ языка : сб. науч. тр.— М. ; Тамбов, 2009.— С. 22–29.
5. Dickens Ch. A Tale of Two Cities.— М. : Progress Publishers, 1974.— 415 p.
6. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Н. В. Пушкарева (Санкт-Петербург, Россия)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОДТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ
(на материале прозы М. Шишкина)**

Activation of semantic potentials of some syntactic constructions and models gives the possibility to include information about personage's emotional condition and about certain circumstances of the unwrapping situation into the text. This type of information is named "subtext meanings" and can be retrieved from the text while analyzing syntactic constructions. There are two types of subtext meaning: emotional and conventional subtexts. Emotional subtext makes the narration's implicit background. Conventional subtext specifies circumstances of a described spot. The points of subtext appearing can be marked with the author's personal punctuation. This way of constructing text in M. Shishkin's prose is described here.

Keywords: syntax, text, meaning, subtext, types of subtext.

Прозаический текст представляет собой явление, в котором все категории служат формированию смысла — категории более высокого ранга. Связь языка художественной литературы с социальными явлениями и отражение в нем изменений в общественном сознании выражается в развитии различных видов прозы, соответствующих актуальной для каждой эпохи картине мира, вследствие чего тексты, относящиеся к разным видам прозы, отличаются не только структурными особенностями, но и степенью экспликации авторского замысла, актуализирующей в текстовой категории смысла. Одновременно с вербальным описанием эмоционального состояния героев в ряде произведений вырабатывается иной тип передачи информации об испытываемых персонажами эмоциях. Возникают тексты, в некоторых отрывках которых смысл распадается на два уровня, эксплицитный и имплицитный. На эксплицитном уровне излагается сюжет, а имплицитный уровень содержит сведения о состоянии и переживаниях героев или повествователя. Вследствие этого в тексте обнаруживается подтекст, который расширяет представления читателя об излагаемой ситуации.

Термин 'подтекст' широко употребляется в различных сферах гуманитарных исследований. В литературоведении термин подтекст понимается как прямо не декларированная информация, «силой искусства присутствующая в художественном произведении» [Яновская, 2010: 5–72]; как несовпадение значения смысла высказывания, выявляемое в конкретном фрагменте и возникающее при разрыве коммуникации [Сухих, 2008: 175]; как присутствующие в тексте «реминисценции из литературных и нелитературных произведений» [Гаспаров, 1995: 108].

В лингвистических исследованиях подтекст связывают с различными аспектами коммуника-

тивной ситуации [Долинин, 1983: 37–47; Кайда, 2004; Масленникова, 1999], рассматривают его в семиотическом аспекте [Голякова, 2006: 61–68], оценивают подтекст как явление, возникающее вследствие применения определенных лингвистических средств или синтаксических структур [Акимова, 1990; Гальперин, 2004; Рогова, 2001: 155–164].

Под термином **подтекст** в данной статье понимаются две имплицитные составляющие смысловой структуры текста, возникающие при употреблении ряда синтаксических конструкций: 1) **эмоциональная составляющая**, т. е. переданная синтаксически информация об эмоциональном состоянии персонажей или рассказчика; 2) **конвенциональная составляющая**, т. е. общеизвестная информация, выработанная в языковой и социальной деятельности, выражаемая синтаксически и безошибочно идентифицируемая всеми носителями языка.

Эмоциональный подтекст вносит в текст дополнительную информацию об эмоциональном состоянии персонажей, углубляя психологический смысл текстового отрывка, расширяя рамки «человеческого присутствия» в повествовании, вовлекая читателя в сопереживание героям.

Конвенциональный подтекст содержит дополнительную информацию, которая уточняет обстоятельственные характеристики сцены, позволяет точнее ориентироваться в обстоятельствах протекания описываемого действия. Семантика конвенционального подтекста определяется кругом значений, выражаемых в неопределенно-личном предложении с нулевым подлежащим: воспринимаемые на слух действия, когда агент говорящему не виден; общественные реакции, осуществляемые коллективом; действия государственной машины; действия ситуативно обусловленной группы людей [Тестелец, 2001: 310–311].

Создание текстов с многомерным смысловым планом началось в литературе XIX в., активизировалось в прозе XX в. [Пушкарева, 2009: 59–65] и продолжается по сей день. В новейшей прозе происходит усложнение смысловой структуры текста за счет актуализации потенциальных возможностей языковой системы [Рогова, 1992: 3–10]. Данное состояние возникает как следствие отмеченного и критиками, и писателями свойства новейшей литературы — ее принципиальной несводимости к строго определенной тематике и жанровой закреплённости, а также невозможности ее понимания вне языка [Буйда, 2010: 31–33]. В новейшей литературе, адресованной взыскательному читателю, авторы создают тексты, способствующие самоидентификации и самоузнаванию современного человека. Возможность реконструировать во всей полноте смысловую перспективу текста, опираясь на свое знание особенностей языковой системы, становятся для современного читателя обязательными и все более привычными процессами, сопровождающими чтение.

Новейшая русская проза представляет собой сложное явление, характеризующееся как разнообразием жанров, так и разнообразием выразительных средств, применяемых для создания авторских текстов. В литературе усиливается взаимодействие между элементами жанровой системы, жанры трансформируются, вследствие чего языковые характеристики современных прозаических произведений отличаются крайним разнообразием: с одной стороны, нарастает количество разговорных элементов на всех уровнях, с другой стороны, раскрывается функциональный потенциал ряда синтаксических конструкций.

С этой точки зрения, интересны произведения М. Шишкина, которые отличаются многообразием способов синтаксической организации текста. В некоторых из них, в частности, в романе «Венерин волос» [Шишкин, 2010], встречаются примеры использования синтаксических средств для передачи подтекстовых смыслов. В произведении используются самые разнообразные приемы синтаксической организации материала, с помощью которых в тех фрагментах, где важную роль играет описание эмоционального состояния персонажей или особенностей обстановки, в которой они действуют, формируются конвенциональные и эмоциональные подтекстовые смыслы.

Так, в романе выявляется конвенциональный подтекст, выражаемый неопределенно-личными предложениями. Этот вид подтекста служит для обозначения действий сотрудников имми-

грационной службы Швейцарии, то есть описывает «действия государственной машины». Конвенциональный подтекст последовательно возникает в сценах, в которых персонаж-рассказчик, переводчик по профессии, участвует в допросах русскоговорящих людей, стремящихся получить статус беженцев и остаться в Швейцарии. Иногда в абзаце, содержащем конвенциональный подтекст, обнаруживаются и эмоциональные подтекстовые смыслы. Например: *Вводят. Имя. Фамилия. Дата рождения. Губастый. Весь в прыщах. Явно старше шестнадцати* (с. 7).

Неопределенно-личное предложение *Вводят* обозначает практически всю мизансцену: лексическое значение слова показывает, что допрашиваемый входит не один, а в сопровождении, тип односоставного предложения позволяет идентифицировать сопровождающих как сотрудников определенной государственной службы. Следующие затем односоставные номинативные предложения *Имя. Фамилия. Дата рождения* переключают внимание читателя на процесс допроса. Номинативная цепочка может быть расшифрована двояко: это или вопросы, задаваемые чиновниками через переводчика, или перечисление фактов, которые необходимо выяснить. Обязательные пункты допроса упомянуты как будто скороговоркой, создается впечатление, что переводчику давно наскучила профессиональная рутина.

Семантика **скуки**¹ возникает и при появлении завершающих абзац трех неполных двусоставных предложения *Губастый. Весь в прыщах. Явно старше шестнадцати*. Неполные предложения сообщают, наконец, какую-то конкретную информацию о допрашиваемом, однако это скорее быстрый взгляд, равнодушно скользнувший по лицу человека. Таким образом, в данном абзаце наблюдается актуализация двух видов подтекста. Конвенциональный подтекст выступает как средство характеристики ситуации и ее участников, эмоциональный подтекст с семантикой **скуки** передает состояние персонажа-рассказчика, участвующего в этой ситуации.

В следующем примере с помощью синтаксической организации абзаца показано, что персонаж-рассказчик охотно отвлекается на окружающие его детали, но совершенно не интересуется обстоятельствами своей профессиональной деятельности: *Блокнот, ручка, стакан воды. Солнце*

¹ Скука — ‘Состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающим’ [МАС. Т. 4. 1984: 125].

за окном. Вода в стакане пускает солнечный зайчик — не зайчик, а целое солнечное зайчище,— переливается на потолке и вдруг на какое-то мгновение становится похоже на ухо. И ещё на зародыша. Открывается дверь. Вводят (с. 18).

Номинативные предложения называют привлекающие внимание рассказчика объекты. Интерес к окружающей обстановке растет: об этом свидетельствует следующее за номинативами распространенное двусоставное предложение с тремя однородными сказуемыми и вставной конструкцией. Парцеллят добавляет экспрессию, относящуюся к «нерабочим» деталям. Возникающее затем двусоставное нераспространенное предложение *Открывается дверь* не только резко меняет тему, но и свидетельствует о прекращении отвлеченных размышлений персонажа. Рассказчик снова переходит на лаконичные языковые средства. Завершающее абзац неопределенно-личное предложение *Вводят* одним росчерком обозначает ситуацию, создавая конвенциональный подтекст, и одновременно свидетельствует о том, что персонаж-рассказчик испытывает скуку. В данном случае один и тот же компонент служит для создания конвенционального подтекста и участвует в формировании эмоционального подтекста с семантикой скуки. Важным обстоятельством, способствующим этому, является нераспространенность неопределенно-личного предложения.

В примерах из романа М. Шишкина персонаж-рассказчик, русский иммигрант, живет в Швейцарии, государственная машина которой является для него «чужой», ее действия направлены на других участников событий, а сам рассказчик, профессиональный переводчик, выступает в роли наблюдателя и своего рода посредника при работе швейцарской государственной машины. Действия государственных органов получают традиционное конвенциональное обозначение, одновременно с которым имплицитно передается отношение персонажа к этим действиям. При этом эксплицитное повествование полностью сосредоточено на обстоятельствах личной и духовной жизни персонажа. Таким образом, это синтаксическое средство использовано для устранения с первого плана социальных обстоятельств и освобождения пространства для размышлений персонажа и эксплицирования его состояний и чувств.

В прозе писателя для формирования подтекстовых смыслов используется парцелляция, часто в сочетании с иными языковыми средствами. Например: *И каждый хочет что-то объяснить. Надеется. Что его выслушают. <...> Вот при-*

ходит какая-нибудь и говорит: «Я — простая пастушка, подкидыш, родителей своих не знаю, воспитал меня обыкновенный козопас, бедняк Дриас». И начинается лыко в строку. Деревья в плодах, равнины в хлебах, лоза на холмах, стада на лугах, нежное всюду цикад стрекотанье, плодов сладкое благоуханье. Пиратов нападение, врагов вторжение (с. 15).

Парцелляция в начале абзаца способствует передаче **безнадежности**¹, смешанной с **досадой**². Это эмоции персонажа-рассказчика, возникающие вследствие понимания того, что никто из допрашиваемых не пройдет испытания и не получит желаемого убежища. Завершающий абзац — ритмизованный отрывок *Деревья в плодах, равнины в хлебах, лоза на холмах, стада на лугах, нежное всюду цикад стрекотанье, плодов сладкое благоуханье. Пиратов нападение, врагов вторжение* — интересен и как средство передачи **иронии**³ на лексическом и синтаксическом уровнях, и тем, что характер отношений между двумя ритмизованными единицами и предложением *И начинается лыко в строку* не ясен.

Ироническая окраска ритмизованного отрывка достигается путем перехода к теме, никак не соотносящейся с ситуацией допроса, а также с помощью подбора лексики. Однако значительный вклад в формирование иронии вносит и отделение от двух рифмованных цепочек *Деревья в плодах, равнины в хлебах, лоза на холмах, стада на лугах* и *нежное всюду цикад стрекотанье, плодов сладкое благоуханье* третьей цепочки *Пиратов нападение, врагов вторжение*.

Каждая из трех цепочек представляет собой рифмованный отрывок со своим собственным ритмом. Постановка точки после двух цепочек и написание третьей цепочки с большой буквы обозначает паузу, которая свидетельствует о расстановке знаков препинания по интонационному принципу. Автор знакомит читателя не только с содержанием текста, но с помощью пунктуационных знаков дает возможность понять его «звучание» [Акимов, 1980: 38–39]. Возникающая в данном случае пауза в сочетании с лексическим уровнем способствует созданию иронического смысла. Таким образом, **ирония** присутствует

¹ Безнадежность — свойство по значению прилагательного безнадежный. <...> Безнадежный — ‘не оставляющий надежды на улучшение или на счастливый, благополучный исход’ [МАС. Т. 1. 1981: 73].

² Досада — ‘раздражение, неудовольствие, огорчение, вызванное чем-л’ [МАС. Т. 1. 1981: 434].

³ Ирония — ‘тонкая, скрытая насмешка’ [МАС. Т. 1. 1981: 675].

как на вербальном, так и на имплицитном уровне текста, абсолютизируясь в рамках данного текстового отрывка. При этом если вербализованная ирония относится к содержанию слов допрашиваемой, то ирония, возникающая на подтекстовом уровне, характеризует отношение персонажа-рассказчика к говорящей.

Парцелляция и повторы служат для создания эмоционального подтекста в тех случаях, когда чувства или эмоции персонажа эксплицируются: *Вошла и сразу почувствовала всей кожей присутствие другой женщины. Она везде, во всём. И всё стерильно чистенько, не то что у меня. И запах. Её запах. Её одежды, её духов, её тела. Невыносимо. Больно* (с. 343). Эмоциональный накал текстового отрывка крайне высок, но передача эмоций разделена между эксплицитным и имплицитными уровнями. На вербальном уровне состояние героини обозначено словами *невыносимо, больно*, на имплицитном уровне повторы-единицы *запах* и местоимения *её* создают эмоциональный фон с семантикой **отчаяния**¹.

Так же применяются цепочки номинативных предложений, придающие повествованию динамизм и создающие подтекстовый смысл: *Иосиф не поспешил — noblesse oblige. Выбрал именно «Метрополь», другой ресторан — не по рангу. Всюду ковры, хрусталь, парадное сияет, швейцары в галунках. Дамы одеты не в Москвошвей, а у Ламановой. Говор, смех, запах дорогих духов. Икра, балыки, бананы, торты. Шампанское рекой. И в центре знаменитый фонтан, в который упало столько господ и дам. И сколько ещё упадёт. Оркестр во фраках* (с. 431). Номинативные цепочки передают **воодушевление**² героини, а также придают тексту кинематографичность. Два тире, маркирующие информационный фокус, отражают также интонационные особенности данного абзаца: в нем отмечены паузы, выделяющие наиболее значимые части сообщения.

Интересным совмещением двух синтаксических приемов передачи скрытого смысла служит следующий текстовый отрывок:

Звезды были огромные, угловатые, неровные, грубого помола.

Наверно, толмачу и Изольдене надо было сновать приезжать именно в Масса-Лубренце (с. 325).

В данном случае совмещается монтажный принцип соединения малых абзацев и нарушение

логики повествования, создающее из двух малых абзацев «сдвинутую» конструкцию. Сдвинутые конструкции отличаются тем, что в них разрушена «привычная логика синтаксического движения», вследствие чего возникают «разрывы, несоответствия между нормальными значениями синтаксических форм и их стилистическим применением» [Виноградов, 1980: 233]. В результате выявляется скрытый эмоциональный смысл со значением **разочарования**³, представляющий собой описание состояния персонажа-рассказчика.

Во всех приведенных примерах подтекстовые смыслы проявляются дискретно, в относительно коротких текстовых отрывках, их возникновение помогает избежать эмоциональной перегрузки текста и не допустить того, чтобы внимание читателя полностью переключилось с основной линии повествования на описания эмоций и чувств. Информация об эмоциональных состояниях персонажей усложняет смысловую структуру отрывка и углубляет смысл всего текста.

Неопределенно-личные предложения, создающие конвенциональный подтекст, в прозе начала XXI в. включаются в создание эмоционального подтекста. Их способность к созданию эмоционального подтекста актуализируется в том случае, когда данные предложения являются нераспространенными. Важным средством создания подтекста становится ритмизация отрывка, сопровождающаяся специфической пунктуационной разметкой, соответствующей интонационному принципу. Все это свидетельствует о том, что передача дополнительного эмоционального смысла становится всё более важной задачей и для ее решения ищутся новые лингвистические средства.

Пунктуационная разметка текстов в начале XXI в. все дальше удаляется от традиционных, грамматического и смыслового, принципов. На смену приходит постановка знаков в соответствии с интонационным принципом. Знаки препинания не столько маркируют границы между частями сложного предложения, сколько обозначают информационный центр высказывания, а также позволяют соотнести письменный текст с его «звучащим» вариантом. В большинстве примеров из прозы М. Шишкина пунктуационная разметка произведена в соответствии с интонационным принципом.

¹ Отчаяние — 'состояние безнадежности, безысходности, упадок духа' [МАС. Т. 2. 1983: 721].

² Воодушевление — 'душевный подъем, увлечение' [МАС. Т. 1. 1981: 210].

³ Разочарование — 'чувство неудовлетворенности, вызванное несбывшимися ожиданиями, надеждами или мечтами' [МАС Т. 3. 1983: 627].

Монтажный принцип в литературе развивается одновременно с развитием и включением в человеческую жизнь видеоряда. Привычка к наблюдению за быстро сменяющимися друг друга картинками позволяет читателю выявлять связи между смонтированными определенным образом компонентами текста, то есть выявлять имплицитные смыслы. В актуализирующей прозе конца XX в. монтажный принцип применялся весьма широко, особенно в сочетании с короткими абзацами, что придавало текстам кинематографичность. В прозе начала XXI в. также используется монтаж, его применение становится привычной чертой прозаического текста, создающей эффект движения кинокамеры и разделяющей планы повествования.

С конца XX в. возрастает роль читателя в раскодировании и интерпретации многоуровневой смысловой структуры текста. Читатель вынужден прочитывать текст, руководствуясь авторскими инструкциями. Эти инструкции выражены в делении на абзацы, в специфической пунктуации и в наборе приемов экспрессивного синтаксиса, служащих для передачи скрытых смыслов. Все эти действия необходимо предпринимать при чтении текстов М. Шишкина, написанных в XXI в. Современный читатель готов заняться подобной работой, поэтому писатель может усложнять задачу, применяя новые способы синтаксической организации текста и углубляя его смысловую структуру.

Список литературы

1. Акимов Г. Н. Современные тенденции в русском синтаксисе и пунктуации // Проблемы филологических исследований : информ. материалы IX науч.-метод. сессии по филол. наукам / отв. ред. В. Д. Андреев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. — С. 38–39.
2. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. — М. : Высш. шк., 1990. — 166 с.
3. Буйда Ю. В. Про русский дух и вставные зубы // Октябрь. — 2010. — № 11. — С. 31–33.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. — М. : Наука, 1980. — 360 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — 144 с.
6. Гаспаров М. Л. «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка? // Новое лит. обозрение. — 1995. — № 16. — С. 105–123.
7. Голякова Л. А. Подтекст: прагматические параметры художественной коммуникации // Филол. науки. — 2006. — № 4. — С. 61–68.
8. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопр. языкознания. — 1983. — № 6. — С. 37–47.
9. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2004. — 208 с.
10. Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 264 с.
11. Пушкирева Н. В. Подтекст в художественном тексте, его семантика и лингвистические средства выражения // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. — Сер. 9. — 2009. — Вып. 1, ч. 1. — С. 59–65.
12. Рогова К. А. «Другая» литература и ее повествователь (речевые особенности) // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте. Теоретические и методические аспекты. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. — С. 3–10.
13. Рогова К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка : сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / отв. ред. проф. В. И. Трубинский. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. — С. 155–164.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. — М. : Рус. яз., 1981–1984.
15. Сухих И. Н. Чехов в XXI веке. Три этюда // Нева. — 2008. — № 8. — С. 164–177.
16. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. — 800 с.
17. Шишкин М. П. Венерин волос. — М. : АСТ/Астрель, 2010. — 480 с.
18. Яновская Л. А. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри. В зеркалах булгаковедения // Вопр. лит. — 2010. — № 3. — С. 5–72.

Используемые в тексте сокращения

19. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. — М. : Рус. яз., 1981–1984.

Т. В. Романова (Ижевск, Россия)

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ДИРЕКТИВЫ В РЕАЛЬНОМ АКТЕ КОММУНИКАЦИИ И ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ИХ АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Indirect statements often become one of the factors preventing successful communication. Misinterpretation of indirect statements can cause the misunderstanding of the true intentions of a communicant and fail the communication. Certain factors contributing to the adequate interpretation of indirect statements such as: pragmatic presupposition, the factor of the addressee, the conditions of success of a speech act are considered in the article. As an example the article deals with the use of such utterances in unusual pragmatic functions as a constative in the function of a directive. The factors in question help to overcome the difficulties in adequate interpretation of indirect directives.

Keywords: *pragmatic presupposition, factor of the addressee, conditions of success, narrative directive, constative proposition, communicative situation, illocutionary force, optative impulsion.*

Речевое поведение представляет собой форму социальной активности, направленной на решение коммуникативных задач. Любое высказывание представляет собой определенное речевое действие или поступок, такое как утверждение, обещание, угроза, предостережение, вопрос, просьба, приказание и другие, совершаемые всякий раз при определенных условиях акта коммуникации. Использование предложений в несвойственных им прагматических функциях породило проблему косвенных речевых актов. В косвенных речевых актах значение, которое подразумевается говорящим, как бы включается в более широкое значение предложения. Отсюда вытекает ряд трудностей в их адекватной интерпретации. Таким образом, косвенные высказывания нередко становятся одним из факторов, препятствующих успешности коммуникации. Часто из-за неумения адекватно интерпретировать косвенные высказывания происходит провал коммуникации, затрудняется понимание англоязычных текстов. Преодолеть эти трудности нам помогают факторы, способствующие адекватной интерпретации косвенных высказываний, а именно: прагматическая пресуппозиция, фактор адресата, условия успешности речевого акта, речевая ситуация, коммуникативный контекст. Рассмотрим подробнее эти факторы.

Чтобы определить коммуникативный смысл предложения необходимо учитывать контекст и ситуативное оформление предложения. Косвенные речевые акты, например, требуют, чтобы слушающий предложения на основании своего знания действия осуществлял выводы, в которых функционируют словесное значение предложения и определенные предположения о ситуации межличностного взаимодействия как предпосылки, из которой следует выво-

дить коммуникативный смысл предложения. Иначе говоря, важным фактором, влияющим на адекватную интерпретацию высказывания, является пресуппозиция (презумпция).

Прагматическая пресуппозиция является прагматической в том смысле, что характеристика ее содержания включает отсылку к одной из прагматических составляющих речевого акта — к слушающему: это презумпция о знаниях слушающего.

Пресуппозиции играют существенную роль в определении того, как будет развиваться речевая ситуация, поэтому для достижения взаимопонимания важно, чтобы участники любого акта общения имели общий набор пресуппозиций. В основе этой категории лежит обязательно наличие двух коммуникативных сторон: отправителя и получателя коммуникации.

Прагматическая пресуппозиция адресанта состоит из следующих основных компонентов:

1. Социально-биологический и культурный тип человека, выступающего в роли инициатора акта общения. Это показатели возраста, профессии, семейного положения, социальной функции, эрудиции, отношение к адресату коммуникации и предмету речи.

2. Конкретный мотив, побудивший его к данному акту общения, конкретная ситуация, предсказавшая необходимость решения определенно-го вопроса, обмена информацией.

3. Прогнозирование восприятия содержания коммуникативного акта адресатом. Адекватное восприятие смысла текста обеспечивается разнообразными лингвистическими приемами.

4. Прогнозируя реакцию адресата на содержащуюся в тексте информацию, адресант стремится установить с ним единую пресуппозицию, объединяющую обе стороны коммуникации, ставящую их на платформу взаимопонима-

ния. Все 4 компонента пресуппозиции адресанта речи тесно связаны между собой, они характеризуют речевое действие одного и того же лица. Стабильная характеристика, которую дает адресанту первый компонент пресуппозиции, указывает на границы вариативности конкретных речевых ситуаций. От первого компонента зависит и прогнозирование адресата речи, и характер его реакции на сообщение, от первого компонента зависит также и общая для обоих коммуникантов пресуппозиция.

Все косвенные речевые акты адресатны. Сама нужда в них определяется *адресатом*. Говорящий пользуется ими либо в целях вежливого смягчения просьб, вопросов, замечаний, либо для того, чтобы сказать адресату неприятное, избежав неприятных последствий для себя. Обычно все общие суждения, банальности, деонтические правила, этические сентенции, бытийно-характеризующие утверждения интерпретируются по принципу *ad hominem*. Придавая общему суждению конкретную референцию, адресат невольно принимает его на свой счет или на счет близкого себе круга. Полагая, что положительная оценка не нуждается в маскировке, адресат может заменить в суждении знак «плюс» на знак «минус». Косвенный смысл может быть придан также отрицательным оценкам и приговорам, выносимым «третьим лицом», далеким от мира адресата. Т. о., косвенные речевые акты перечисленных видов падают на адресата как на объект оценок, создавая тип адресата — мишени. В нормальной речевой обстановке параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы (учитель и ученик, муж и жена, начальник и подчиненный, отец и сын) или в уравновешенных ситуациях (друзья, соседи, спутники, коллеги) иногда асимметризованные различиями в поле, возрасте, социальном положении.

Рассогласование параметров собеседников часто ведет к нарушению коммуникации. В каждом обществе, впрочем, существует некая «система рассогласования» участников речевых актов, связанная с вовлечением в коммуникацию категории «посредников» (заступников, ходатаев, «поддерживателей»). Точка зрения адресата естественно принимается за отправную при интерпретации высказывания. Обработка речи происходит под давлением фактора адресата (особенно адресата-анонима). Наиболее привязаны к адресату директивы и вопросы. Их неизбежная адресованность обусловлена тем, что ожидаемый от них результат (перлокутивный эффект) вполне «осязаем» и должен быть осуществлен именно адресатом.

Утрата конкретного адресата изменяет коммуникативный статус речи, превращая вопрос в риторический всплеск, восклицание или проблему, а императив — в заповедь, этическую рекомендацию или сентенцию неопределенного назначения.

Неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена тремя факторами:

- 1) связью адресата с перлокутивным эффектом;
- 2) игровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников и создающим «инвертированного адресата»;
- 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений.

Каждый речевой акт относится к тому или иному типу в соответствии с его иллокутивной функцией, т. е. в соответствии с характером входящего в его состав иллокутивного акта. Каждый тип иллокутивного акта характеризуется *условиями*, выполнение которых необходимо *для успешного осуществления* иллокутивного акта данного типа. Эти условия определенным образом ранжированы: различаются предварительные условия; условия искренности, просто существенные условия и условия пропозиционального содержания.

Предварительные и существенные условия для директивного высказывания будут:

- 1) Говорящий считает, что Слушающий в состоянии совершить Действие;
- 2) Ни для Говорящего, ни для Слушающего не очевидно, что Слушающий, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Действие;
- 3) Состояние, которое является результатом Действия, не имеет места.

Условие искренности:

Говорящий хочет, чтобы Слушающий совершил Действие;

Условие пропозиционального содержания:

Данный акт рассматривается, как попытка Говорящего добиться того, чтобы Слушающий совершил Действие.

Практически условия успешности могут ослабляться. Так, предварительным условием акта побуждения может быть не «Говорящий считает, что Слушающий в состоянии совершить Действие», а «Говорящий не считает, что Слушающий не в состоянии совершить Действие». Между условиями успешности различных иллокутивных актов имеются разнообразные связи — сложная система сходств и различий. Ср. связи между обещанием и угрозой, сообщением и предупреждением (при сообщении Говорящий хочет, чтобы Слушающий знал, что-то; при предупреждении — то же, что при сообщении, и, кроме того, Говорящий хочет

сделать так, чтобы Слушающий мог противодействовать возможному злу; просьбой и приказанием; побуждением и вопросом (вопрос есть побуждение сообщить информацию). Невыполнение того или иного условия данного иллокутивного акта может свидетельствовать о том, что перед нами другой, смежный иллокутивный акт.

Разработка теории интерпретации косвенных речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах, составляет одну из главных задач прагматики. Объектом интерпретации является то, что принято называть прагматическим значением косвенного высказывания. Большую группу составляют высказывания констатирующего прагматического типа, употребляемые в функции директивных высказываний. В данном случае собственно констатирующие средства служат для реализации двух типов пропозиций — деятельностной (директивной) и информационной (констатирующей). Главным фактором, оказывающим влияние на коммуникативную маркированность констатирующих, является контекст ситуации общения, поскольку для каждого речевого акта существует специфический контекст, определяющий интерпретацию иллокутивного смысла директивного высказывания, независимо от формы его выражения.

Директивная роль констатирующего проявляется в определенных ситуациях речевого поведения, характеризующихся определенными отношениями партнеров по коммуникации. В зависимости от равенства/неравенства статусов коммуникантов возникают соответственно симметричные/асимметричные ситуации общения.

Директивная иллокутивная функция косвенных высказываний реализуется в прагматических контекстах трех типов:

1) директивное побуждение (с семантическими вариантами требования, приказа, команды), которое характеризуется следующими признаками: асимметричные отношения общающихся, каузируемое действие выполняется в интересах говорящего; облигаторное исполнение требуемого действия;

2) оптативное побуждение (просьба), которое характеризуется следующими признаками: симметричные отношения коммуникантов, каузируемое действие выполняется в интересах говорящего, но по желанию слушающего; необязательное выполнение требуемого действия адресатом;

3) нейтральное побуждение (совет), которое характеризуется следующими признаками: симметричные отношения коммуникантов; выгодность

действия для слушающего; каузируемое действие необязательно для выполнения адресатом.

Релевантным для анализа косвенных директивов констатирующего типа является признак представленности/непредставленности элементов директивного комплекса в семантической структуре предложения, что ведет к разграничению имплицитных и полуимплицитных косвенных высказываний.

Полуимплицитные повествовательные директивы обладают признаком представленности, а имплицитные обладают признаком непредставленности элементов директивного комплекса. Полуимплицитные косвенные директивы функционируют в значениях совета, просьбы, требования. В этом случае они эксплицируют одно из условий успешности директивного речевого акта. Соответственно, можно выделить:

1. Высказывания, в которых эксплицируется предварительное условие успешности директивного речевого акта, которые обладают следующими коммуникативно-прагматическими характеристиками:

— средства экспликации предварительного условия успешности: модальные глаголы *can/could*; формулы вежливости; условные предложения;

— большинство высказываний является конвенциональным в силу своего стереотипного и частого употребления и удовлетворения требованию речевого этикета, что обуславливает широкое использование формул вежливости;

— высказывания различаются характером каузируемого действия, которое может указывать на физическую, умственную и эмоциональную активность адресата;

— высказывания с одним и тем же средством экспликации могут реализовывать разные функции в зависимости от ситуации общения;

— одна и та же директивная функция может быть реализована высказываниями с разными средствами экспликации.

2. Высказывания, в которых эксплицируется условие искренности директива, обладающие следующими характеристиками:

— средства экспликации: глаголы, выражающие желание и их эквиваленты (*wish, want, desire, hope, would thank, should be grateful, would appreciate...*);

— представлены оптативные и императивные побуждения, неотмеченными являются нейтральные побуждения;

— высказывания могут обладать различным характером каузируемого действия;

— наряду с основной директивной функцией, в высказываниях могут появляться дополнительные значения, например, мольба;

— высказывания могут выражать как разрешение, так и запрещение выполнения действия;

— высказывания могут содержать указание на заинтересованность в выполнении действия третьим лицом.

3. Высказывания, в которых эксплицируется условие пропозиционального содержания директива, обладающие следующими характеристиками:

— средства экспликации: модальные глаголы *ought, should, need, must* и его эквиваленты *to be to, to have to*; вспомогательный глагол *will*; глаголы и обороты, выражающие предположение: *to suppose, to suggest, would better, had better, would much better*; условное предложение;

— отмеченными являются все три типа директивов: совет, просьба, требование;

— высказывания с модальным глаголом *must* обладают большей силой побудительности при отмеченности всех трех типов директивов;

— высказывания могут различаться характером каузируемого действия;

— высказывания одной структурной разновидности могут реализовывать разные функции;

— различные структурные разновидности могут реализовывать одну и ту же директивную функцию;

— в зависимости от контекста могут появляться дополнительные значения (упрека, мольбы, предложения, приглашения).

Имплицитные косвенные высказывания отличаются от полуимплицитных тем, что поверхностная структура первых не содержит указания на интенцию адресата. Для адекватной интерпретации и определения прагматического значения высказываний данного типа важную роль играет контекст ситуации общения, например, высказывание *I am waiting*, взятое вне контекста, лишь описывает действие адресата в данный конкретный момент времени, но в определенном контексте оно может приобретать функцию оптативного побуждения. Имплицитные повествовательные директивы могут представлять собой описание дискомфорта ситуации. Часто решающим для использования имплицитных директивов являются асимметричные социальные отношения, а именно, когда статус говорящего ниже статуса слушающего. Например, высказывание *The dinner's ready*, произнесенное прислугой является приглашением всех к столу.

Среди высказываний данной группы встречаются высказывания, структурно подобные полуимплицитным высказываниям, например, высказывания, оформленные условным предложением: *I think it would be best if I put them to bed and other matters can be discussed later.* (= I ask you to give us a room). Данное высказывание является имплицитным в силу того, что у него нет указания на интенцию адресата, из содержания этого высказывания не выводимо то, к чему адресант побуждает адресата, это выводимо лишь из контекста. Также отсутствует указание на адресата предполагаемого действия.

На то, что данные речевые акты достигли своей директивной цели, указывает реакция адресата.

Таким образом, косвенные высказывания, повествовательные директивы в частности, являются случаем использования предложений в несвойственных им прагматических функциях. В косвенных речевых актах значение, которое подразумевается говорящим, как бы включается в более широкое значение предложения. Косвенные высказывания нередко становятся одним из факторов, препятствующих успешной коммуникации. Провал коммуникации чаще всего происходит из-за неправильной интерпретации косвенных высказываний, что может представлять значительные трудности для коммуниканта, неумение интерпретировать косвенные высказывания может обернуться невозможностью понять истинные намерения коммуниканта и нарушить коммуникацию. Преодолеть трудности в адекватной интерпретации косвенных высказываний помогают определенные факторы, способствующие адекватной интерпретации косвенных высказываний.

Список литературы

1. Актуальные проблемы лингвистики : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. А. Х. Мерзлякова.— Вып. 8.— Ижевск : УдГУ, 2009.— 242 с.
2. Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвистической парадигме // Вестн. Удмурт. ун-та.— Ижевск : УдГУ, 2009.— Вып. 1.— С. 11–17.
3. Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков.— Н. Тагил : НТГСПА, 2010.— 496 с.
4. Олешков М. Ю. Дидактический аспект коммуникативного взаимодействия // Учен. зап. НТГПИ.— Н. Тагил, 2001.— Вып. 3.— С. 25–30.
5. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. 17.— Теория речевых актов.— М. : Прогресс, 1986.— С. 22–131.

6. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. 17.— Теория речевых актов.— М. : Прогресс, 1986.— 424 с.

7. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. 17.— Теория речевых актов.— М. : Прогресс, 1986.— 424 с.

8. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. 17.— Теория речевых актов.— М. : Прогресс, 1986.— С. 151–169.

9. Язык. Культура. Коммуникация : материалы и тез. Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой.— Ижевск : УдГУ, 2009.— 255 с.

И. А. Рябошапка (Челябинск, Россия)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛИМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Compliment — one of the speech genres, the birth of which dates back to the traditions of courtly poetry of the medieval troubadours. Firstly, the compliment used exclusively to praise the most beautiful ladies. Then the art of the compliment had become an integral piece of secular society. The compliment can be easily confused with the related speech genres: praise and flattery. We should clearly differentiate them. Compliment has some characteristic features: reliability, honesty, situational, appropriateness, Identity. In addition, a compliment should not contain an ambiguity.

Compliment — a speech genre, which embodies the productive manipulation. The ability to make a compliment can be considered as an indicator of the level of competence of a person.

Keywords: *speech act, compliment, cultural specificity of the English.*

Комплимент как элемент языковой культуры широко представлен в ситуациях повседневного речевого поведения и является одним из наиболее ярких и востребованных проявлений человека в ситуациях повседневного речевого взаимодействия. Поэтому вполне объясним интерес лингвистов к изучению данного речевого акта и появление в последние годы в языкознании работ, рассматривающих те или иные аспекты комплимента.

Комплимент является одним из видов речевых актов (далее РА).

По определению Дж. Юла, «РА — действие, осуществленное с помощью высказывания» — извинение, комплимент, приглашение, обещание, просьба и др. [Yule, 1994: 47].

Перейдем к детальному рассмотрению данного РА. Комплимент — слово европейского происхождения. Этимологи до сих пор не пришли к единому мнению, откуда данное слово пришло в русский язык: либо из французского, либо из немецкого, либо из итальянского. Зарождение данного жанра можно отнести к поэзии средневековых трубадуров. Сначала комплимент использовался исключительно для восхваления женщин, позже искусство комплимента стало одной из главных составляющих умения вести утонченную светскую беседу.

По нашим наблюдениям, в настоящее время происходит демократизация жанра комплимент: он чаще используется в качестве внутри жанро-

вой тактики (субжанра) в таких разновидностях речевого жанра разговор, как разговор в компании и даже болтовня (бытовой разговор) [Седов, 2011: 227].

«Несколько иной подход к рассмотрению этого вопроса предлагает В. В. Леонтьев. Исследуя коммуникативно-речевую ситуацию комплимента в английской лингвокультуре, автор отмечает, что для английской языковой личности комплимент — это, прежде всего, соблюдение этикетных норм и выражение вежливого отношения к собеседнику» [Речевой акт комплимента и речевой этикет // <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-07.pdf>].

Существует несколько ключевых признаков комплимента:

- Достоверность. Содержание комплимента должно в целом соответствовать действительности. Преувеличение превращает комплимент в лесть.

- Искренность. Нужно верить в то, что говоришь, иначе комплимент становится неумелой лестью или неискренней похвалой.

- Ситуативность. При произнесении комплимента хвалить нужно то, что соответствует ситуации общения.

- Уместность. Данный критерий относится к статусно-ролевым отношениям, которые определяют, насколько уместен комплимент одного человека к другому.

• Индивидуальность. Необходима для того, чтобы комплимент достиг своей коммуникативной цели [Седов, 2011: 233–234].

Кроме того комплимент:

• Не должен содержать двусмысленности.
• Не должен содержать поучений и рекомендаций. Любое назидание разрушает психологическое поглаживание.

• Не должен быть банальным, так как он не достигнет своей цели.

• Не должен содержать гиперболизации, иначе — это лесть.

• Без ядовитой добавки, иначе — это колкость.

В значительной мере умение делать комплименты можно считать показателем уровня коммуникативной компетенции человека [Седов, 2011: 235]. Все выше перечисленное можно отнести к факторам успешности комплимента.

Как речевой акт комплимент должен рассматриваться через призму культурно-речевых традиций, находящихся свое воплощение в риторическом идеале. Риторическим идеалом называют систему общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившуюся в той или иной культуре и отражающую систему ее этических и эстетических ценностей [Михальская, 1996: 379].

Английской культуре свойственны любовь к тишине и уединению, стремление не вмешиваться в дела других, независимость, самоконтроль; знаменитая английская сдержанность, стремление скрыть эмоции, сохранить лицо.

Классифицировать комплимент можно по следующим признакам:

• Комплименты внешнему виду человека:

She is the most beautiful creature I ever beheld! [Jane Austen, 2001: 10].

Она самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел.

Your body seems to me like the stem of the flower... [Lawrence, 1978: 462].

Ваше тело для меня как стебель цветка...

• Комплименты, оценивающие профессионализм или определенные способности:

How beautifully your wife dances! It's quite a pleasure to watch her! [Galsworthy, 1964: 238].

Как прекрасно ваша жена танцует! Мне доставляет большое удовольствие наблюдать за ней.

• Комплименты внутренним, моральным качествам:

I feel you are a rock! [Galsworthy, 1964: 140].

Ты как скала!

• Комплименты интеллектуальным способностям:

She has the reputation of being remarkably sensible and clever [Jane Austen, 2001: 53].

О ней говорят, что она достаточно разумна и умна.

• Прочие комплименты (комплименты, касающиеся возраста, комплимент имени, комплимент жилищу, домашней обстановке и другие).

We have had a most delightful evening, a most excellent ball [Jane Austen, 2001: 11].

У нас был восхитительный вечер, самый превосходный бал.

Таким образом, стало ясно, что использование комплимента зависит от национально-культурной специфики говорящего. Также выделили функции комплимента. Узнали, что его коммуникативной целью является продуктивная манипуляция. Кроме того, комплимент помогает доставить удовольствие собеседнику и привлечь его к дальнейшему сотрудничеству. Рассмотрели признаки комплимента, к которым относятся: достоверность, искренность, ситуативность, уместность и индивидуальность. Кроме того, выделили классификацию комплиментов по внешнему виду человека, профессионализму, интеллектуальным способностям, моральным и прочим качествам.

Список литературы

1. Жанры речи : сб. науч. ст.— Саратов : Наука, 2011.— Вып 7.— Жанры и языковая личность.— 351 с.
2. Леонтьев В. В. Комплимент как жанр личностного типа дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр.— Волгоград, 2000.— С. 200–207.
3. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово : учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений.— М., 1996.— 426 с.
4. Речевой акт комплимента и речевой этикет [Электронный ресурс].— URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-07.pdf>, 2011, свободный.
5. Austen J. Pride and Prejudice.— 2001.— 227 p.
6. Lawrence. The plumed Serpent.— 1978.— 567 p.
7. Galsworthy. The Forsyte Saga. The Man of Property.— 1964.— 267 p.
8. Galsworthy. The Forsyte Saga. In Chancery. 1964.— 254 p.

Д. А. Савинов (Магнитогорск, Россия)

ЯЗЫК МЕТАЛЛУРГИИ КАК НЕКОДИФИЦИРОВАННАЯ ФОРМА

Modern corporative slang can be considered to be a means of international communication. At the moment due to the introduction of high technology into domestic industry we can see a rapid development of the slang of software developers, businessmen, economists, specialists from different branches of industry including metallurgists. Peculiarities of the slang word building process as well as changes of the meaning of the chosen lexical layers are described. It was found that professional verbal expression has the following characteristics: 1) situational context; 2) social dependence; 3) selectivity; 4) dynamism.

Keywords: *uncodified lexis (slang, social dialect), corporate group, linguistic variation.*

Знание, получаемое человеком, есть результат концептуализации и категоризации окружающего мира, поэтому естественно предположить, что знание о специфических чертах и особенностях профессионального языка, это — процесс познания и осмысления языковых различий, закреплённых в самом языке.

Языковые формы профессиональных социолектов (лексические, грамматические, фонетические) подвергаются учеными анализу на предмет сходства/отличия с языковыми формами кодифицированного литературного языка. На основании этого выводится информация о связи конкретной языковой единицы с языковым социумом, в речи которого эти слова используются [Гамперц, 1975]. Иными словами, в концептуальной системе индивида связываются в единый комплекс знания о языке и знания о том, как этот язык используется в различных профессиональных корпоративных коллективах.

Современный корпоративный сленг может по праву считаться средством интернационального общения. Практически каждая отрасль сегодня обладает огромным количеством специализированных слов, которые обозначают те или иные устройства и процессы. В традиционных отраслях индустриальной экономики некодифицированные слова представлены во многих специальных областях знаний, где они могут занимать ведущее положение. Можно выделить следующие подгруппы специальных слов внутри профессий: жаргонные термины в металлургии (*ВэГэПэшка* — труба стальная водогазопроводная; *прямошовка* — труба стальная общего назначения; *бесшовка, катаная* — труба стальная без сварного шва (бесшовная)), компьютерные термины (*дамп, кластер*), термины экономики (*деливери-ордер, диспач*), химические термины (*крекинг*) и др.

Понимание того, что язык — это средство передачи мысли и знаний, привело ученых к изучению способов взаимодействия и организации типов знаний с целью понимания сути языковой

профессиональной коммуникации. В результате когнитивное моделирование в профессиональном подязыке становится важным направлением в лингвистике [Кубрякова, Демьянков, 2007]. В связи с этим изучение жаргонов продолжает вызывать большой интерес, так как активно развиваются и исследуются нелитературные языковые образования.

В то же время в самой науке о жаргонах (жаргонологии, жаргоноведении) [Герд, 2005] на теоретическом уровне, несмотря на большое количество монографических описаний конкретных жаргонов и многочисленных лексикографических изданий субстандартной лексики, недостаточно изучены социально-когнитивные условия вариативности языка, когда вербальные средства варьируются с целью большей экспрессии или большей точности для передачи ситуативной информации.

В соответствии с этим нам представляется важным осветить вопросы, касающиеся периодизации изучения жаргонов.

Общепринятой периодизации изучения жаргонов пока ещё не сложилось. В специальной литературе выделяется шесть этапов истории исследования некодифицированной жаргонной речи.

Первый этап (XIX в.) — начало целенаправленного изучения некодифицированных подсистем торговцев, ремесленников и прочих социальных слоев населения. *Второй этап (конец XIX — начало XX в.)* — сочетание лексикографических работ с теоретическими исследованиями. *Третий этап (20–30-е гг. XX в.)* — рост исследовательского интереса к жаргонам в связи с социальными и языковыми изменениями времени (А. С. Герд, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачёв, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев и др.). Жаргоны исследуются в широком социологическом и культурологическом контекстах. *Четвёртый этап (середина 60-х — конец 80-х гг. XX в.)* — разработка проблемы типологии социальных разновидностей речи, изучаются условные языки, молодёжные и студенческие жаргоны, а также ис-

следуется влияние жаргонов на городское просторечие [Земская, 2006]. *Пятый этап* (с начала 90-х гг. XX в.) — выделение социолектов в общесловарном фонде национальных языков и определение его феноменов. *Шестой этап* (2-я половина XX в. — начало XXI в.) — исследование жаргона как социокогнитивных подсистем национальных языков, которые имеют местную окраску.

Однако, как показывает материал исследования, сегодня наблюдается бурное развитие сленга программистов, бизнесменов, экономистов, промышленников, в том числе металлургов, что обусловлено внедрением высоких технологий в отечественную промышленность — например, управление производством при помощи ЭВМ. В связи с этим в нашей работе описываются особенности словообразования жаргонных слов и изменение семантики отобранных пластов лексики. Среди словообразовательных моделей нами выделены слова, структурно совпадающие и несовпадающие с литературными прототипами в морфологическом плане.

Таким образом, профессиональные языки получают лексическую, грамматическую и словообразовательную репрезентацию. Способность человека формировать в своем сознании ментальные образы звуков речи профессиональных лексических и фразеологических единиц, грамматических и словообразовательных конструкций позволяет ему правильно и адекватно, в соответствии со стереотипной ситуацией, воспринимать, категоризировать и воспроизводить слова, что обеспечивает взаимное понимание в профессиональном общении [Кубрякова, Демьянков]. Можно сказать, такие типичные концептуальные языковые явления приобретают устойчивый характер и фиксируются в профессиональных стереотипах, что помогает понять когнитивные механизмы языкового варианта, обусловленного знаниями об отличитель-

ных особенностях профессионального жаргона по сравнению с другими устными некодифицированными формами национального языка. Нами установлено, что профессиональное речевое высказывание характеризуется следующими чертами: 1) ситуативностью — соотносено с конкретной ситуацией; 2) социальной обусловленностью — ориентировано на конкретных участников коммуникации с точки зрения их профессионального статуса, коммуникативных ролей, демографических признаков, их фоновых знаний и возможной реализацией; 3) избирательностью — подходит дифференцированно к компонентам ситуации; обиходно-разговорной ситуации на профессиональную тему высказывание функционирует в свернутой форме; 4) динамичностью — видоизменение темы даже в условиях одной и той же коммуникативной ситуации; изменение темы происходит спонтанно, логически обоснованно/ необоснованно.

Таким образом, на любом этапе своего развития язык, находясь под влиянием интра- и экстралингвистических факторов, отражает динамику функционирования составляющих его некодифицированных подсистем.

Список литературы

1. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1975. — Вып. 7. — С. 182–198.
2. Герд А. С. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова. — М. : ЭЛПИС, 2005. — С. 614–621.
3. Земская Е. А. О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XX–XXI веков (на материале русского языка) // Слово в словаре и дискурсе. — М. : ЭЛПИС, 2006. — С. 244–248.
4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопр. когнитив. лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8–16.

Н. Э. Сейбель (Челябинск, Россия)

ДИАХРОННЫЙ МИР «АНАТОМИИ ТИТА» ХАЙНЕРА МЮЛЛЕРА

The article shows how the past and the present unite; antique, late Renaissance and late XX century signs interact in Heiner Mueller's artistic world. As a result, a special stage time appears, in which the place and the function of the man are invariable.

Keywords: *german dramaturgy, world view, Shakespearean intertext, the past and the present.*

В творчестве выдающегося немецкого драматурга Хайнера Мюллера очевидным образом выделяется несколько типов пьес. Это — тек-

сты на материале советской, немецкой и русской истории XX в. («*Zehn Tage, die die Welt erschütterten*», 1956, «*Die Umsiedlerin oder Das Leben auf*

dem Lande», 1961) пьесы на мифологические сюжеты («*Pfloklet*», 1958–1964, «*Prometheus*», 1968, «*Verkommenes Ufer Medematerial Landschaft mit Argonauten*», 1982), исторические пьесы («*Germania Tod in Berlin*», 1971) и пьесы на сюжеты наиболее значительных писателей прошлого, ставших знаковыми фигурами в истории литературы (Шекспир, Лессинг, Шадерло де Лакло). Очевидно, что политика (новейшая политика в ее связи с глубинными и вневременными, по Мюллеру, процессами обезличивания, угнетения, уничтожения человека при усилении государства) является центральной темой его творчества, которую он связывает с различными национально-культурными и историко-временными контекстами. Коренные исторические сломы, как русская революция («Десять дней, которые потрясли мир») или Вторая мировая война («Волоколамское шоссе»), бюрократические будни тоталитарного государства («Рвач»), ужасающее пренебрежение человеческой жизнью ради мнимых ценностей политической системы («Медея», «Гамлет»), слабость человека перед собственной телесностью, с одной стороны, и навязываемой ему моралью — с другой («Квартет») — на разном материале драматург снова и снова возвращается к вопросу о самой возможности сопротивления человека силам, значительно его превосходящим. Человек, и в особенности интеллект, уязвлен и зависим. Чем больше он осознает необходимость сопротивления, тем в большей зависимости от внешних обстоятельств оказывается.

Обращение к шекспировским текстам в контексте творчества Мюллера закономерно. Интеллигент-Гамлет, уязвленный и растоптанный тиранией далеко не только Клавдия, но и Маркса, Ленина, Мао (появляющихся в пьесе Мюллера), не выдержавший искушения свободой Макбет, испытывающие взаимную ненависть Тит Андроник и Тамора, каждый из которых — убийца и осквернитель детей другого — это уже не только шекспировские, но и мюллеровские персонажи.

В основе пьесы «Анатомия Тита Падение Рима Комментарий к Шекспиру» лежит сюжет «Тита Андроника», с которым Мюллер обращается как с хорошо знакомым, не нуждающимся в последовательном воспроизведении, подходящем для «вольного комментария». Он принципиально отказывается от антитезы черного и белого, доброго и злого, на которой держалась шекспировская кровавая драма.

У Шекспира негр Аарон и королева готов Тамора воплощают злодейство, порожденное их

природой, поддержанное обуревающими ими страстями, ширящееся и ненасытное как в прямом (в финале Аарон продолжает отстаивать идею зла: «*Я не ребенок, чтоб с мольбой презренной / Покаяться в содеянном мной зле ... Но если я хоть раз свершил добро / От всей души раскаиваюсь в этом*» [Шекспир, 1958: 102]), так и в метафорическом (Тамора рождает черного младенца) смысле. Им со всей очевидностью противостоят Аарону — Тит, Таморе — Лавиния, Деметрию и Хирону — Люций. На одной стороне — золото (спрятанный Аароном мешок, содержимое которого «*перекуется в жестокий замысел*» [Шекспир, 1958: 32]), эротика (искушающая красота Таморы, искушенность советов Хирону и Деметрию Аарона), маскарадное переодевание (когда под маской Мести Тамора прячет обман, лицемерие, предательство); на другой — народное мнение, честь, верность Риму, традиция античной культуры (стихи Горация, Овидия, с помощью которых общается немая Лавиния). История столкновения добра и зла обрамлена у Шекспира социальной историей — восстановления порядка и гармонии в Риме. Конфликт принцев, с которого начинается трагедия и который лишь разрастается в связи с, казалось бы, разумным решением Тита отдать власть старшему — Сатурнину, а дочь младшему — Бассиану, исчерпан в финале не просто гибелью всех его участников, но, как это часто бывает у Шекспира, дающего своим пьесам двойной финал, восстановлением законного порядка (власть переходит старшему и находящемуся в самом близком родстве с императорским домом сыну Тита — Люцию) и определением перспектив, находящихся за пределами «личной» истории участников драмы: «*Затем в стране мы учредим порядок, / Чтоб не пришла от дел таких в упадок*» [Шекспир, 1958: 102].

В пересказанном Хайнером Мюллером варианте нет ни ясного разделения на злодеев и праведников, ни финальной гармонии Шекспира. Это, как обозначено в заглавии, история «падения Рима», а не преодоления им временных бед, вызванных страстями правителей. Текст распадается на «хоры» или развернутые ремарки, в которых рассказанная история освещается с точки зрения толпы, наблюдающей за ней со стороны, и трагедию страстей, где каждый участник выступает в двойной роли политика и семьянина. Следуя точнейшим образом за шекспировской историей, драматург сдвигает акценты с межличностного конфликта на конфликт человека, действующего от лица государства, и человека, пытающегося отстоять собственные интересы.

Тит — «*HALB RÖMER UND HALB VATER SEINER KINDER*» [Müller, 1986: 8], его сыновья — будущие жертвы заговора «*DIE SÖHNE FRECH IM RÖMISCHEN KOSTÜM / STOTTERN LATEIN DIE ZÜNGEN SCHWER VOM WEIN DIE TODFEINDS NUMMER ZWEI*» [Müller, 1986: 10]. Каждый из участников драмы оказывается и в роли гонителя и в роли жертвы, каждый, претерпевая несправедливость, способен на нее в отношении других: «*DIE HELDEN / AUF SEINER BLUTBAHN LEICHTER GEHEN INS NICHTS*» [Müller, 1986: 7].

Существенные изменения в драме происходят не столько за счет переосмысления диалогов, сколько за счет — как и обещано в названии пьесы — комментария. Сцены 1, 4, 5, 6, 10, частично 14 представляют собой хоры в духе Брехта. Собственно хор введен в пьесу лишь в финале (римляне и готы совместно поют славу Люцию). Однако развернутые ремарки-комментарии изначально отличаются и, во-первых, точкой зрения («*DAS VOLKSLIED AUS DEM BIERZELT DRÖHNT ZUR BLASMUSIK DER MILITÄRKAPELLEN*» [Müller, 1986: 9]), и, во-вторых, графикой текста (прописные буквы, отсутствие знаков препинания), и, в-третьих, переводят историю из психологической в эпическую, напоминая зрителю о театральности представляемого ему («*ER BRAUCHT DEN PLATZ FÜR SEINEN MONOLOG*» [Müller, 1986: 12] или «*DER NEGER IST SEIN EIGNER REGISSEUR / ER ZIEHT DEN VORHANG SCHREIBT DEN PLOT SOUFFLIERT*» [Müller, 1986: 17]). Сценичность в данном случае необходимый элемент кровавой драмы, в которой сами действия схематичны и символичны. Поэтому здесь подробнейшим образом оговариваются поступки героев, описываются пейзажи, у Мюллера — еще и сны, обобщающе-метафорические картины. Но она и принципиальная творческая установка Мюллера. Перед нами «*Höllenmärchen*» [Müller, 1986: 21] адская сказка, в которой каждый узнаваемый персонаж появляется со своим «семантическим шлейфом», тянущимся еще из фольклора («*tödlich der Rabe*» [Müller, 1986: 20]). Сценичность создаваемого автором мира позволяет ему легко соединять в своей драме различные временные пласты.

Мир, описанный Мюллером, больше не Римская империя и даже не абстрактная империя, описанная Шекспиром. События пьесы разворачиваются в «*EPOCHE DES TOURISMUS*» [Müller, 1986: 29], под аплодисменты «*IM SPATENKLIRRN DER ARCHÄOLOGIE*» [Müller, 1986: 96]. Он рисует складывающиеся из узнаваемых примет картины современного живущего по законам выгоды,

пользы и чиновничьего произвола государства, бесчеловечность которого сопоставима с жестокостью Римской империи. Античность выполняет функцию чего-то незыблемого, в данном случае, незыблемости и неизменности тех законов, на которых базируется тирания.

Мюллер активно пользуется лексической многозначностью, чтобы поместить своего читателя в ситуацию «между настоящим и прошлым», создать смысловые двоения, привести максимум оценочности. Так, наполненная историческими реалиями (факельное шествие в честь победителей, мертвый плебс в массовых могилах и т. д.) картина празднования победы в Риме довершается тем, что «*DIE MÄDCHEN KNÖPFEN IHRE BLUSEN AUF / UND WERFEN BLUMEN VOR DIE PANZERKETTEN*» [Müller, 1986: 6]. А убивающий своего восставшего против его решения сына Тит «*REISST SICH DIE BRUST AUF VON FERNSECSCHIRMEN*» [Müller, 1986: 8]. В случае необходимости дополнительных смысловых двоений, автор обращается к английскому языку. Его Аарон, например, строит не Plan, а Plot (в английском слово имеет еще театральный смысл — фабула, сюжет, и моральный — интрига, заговор), таким образом, многозначность дает широкий простор для восприятия. А в «*KANNIBALENLOOK*» [Müller, 1986: 96] — готов отражается в блеске ножей. Свободное соединение немецкого и английского выполняет в драме тройную задачу. Оно служит, во-первых, способом актуализации языка (тотальная ассимиляция англицизмов стала неотъемлемым процессом в современных языках). У Мюллера, соединяющего английский и немецкий подчеркнуто неожиданно и, как кажется, неуместно, иногда в рамках одного слова, этот процесс доведен до грани комизма (например, Тамора, обманывая Тита, обещает его сыновьям «Happy-End»). Во-вторых, английский возникает в местах, где текст Мюллера «прорывается» прямым диалогом с первоисточником. Шекспир — важный объект осмысления в трагедии. В диалоге с ним автор «Анатомии Тита» формулирует свое представление о современном искусстве, ставшем чем-то механическим и пугающим. Насилие — неотъемлемая часть триумфа, поэт не может не понимать, что даже его юмор — это «*HUMOR DES FLEISCHERS ODER DER VERZWEIFLUNG*» [Müller, 1986: 29]. Наличие такого рода диалога с первоисточником создает ясную временную и нравственно-этическую дистанцию: «Анатомия Тита» выступает в результате продуктом совершенно другой эпохи, а «места схождения» с Шекспиром призваны подчеркнуть

разницу миров двух авторов. Наконец, в-третьих, англицизмы создают дополнительный семантический объем, поскольку, как правило, имеют дополнительные смыслы, не свойственные их немецким эквивалентам.

Еще один путь создания диалога прошлого и настоящего в драме — соединение высокого и низкого, поэтического и просторечно-грубого, общезыкового и специфически профессионального. Оценочность при этом возникает не столько из семантики самого слова, сколько из контекста, в котором оно странно и неуместно. Так, великий кайзер — Сатурнин — ловит «ein guter Steilpass» [Müller, 1986: 7], которой Тит отправляет ему корону. «DIE KRONE SCHIEF AUF DEM VERSCHWITZTEN KAHLKOPF» [Müller, 1986: 10], все его думы о «SCHAMBUSCH» [Müller, 1986: 8] пленной готки, однако разгорающийся в этот момент конфликт с Титом не становится менее напряженным и судьбоносным. Оба они страшны в своем гневе, и облеченное властью ничтожество может уничтожить и человека, и род, и государство.

Наконец, хронотопические двоения возникают в трагедии за счет соединения шекспировских и античных реалий с бытовыми приметами современной Германии, а ближе к финалу и с приметами нацистского прошлого. Рим в пьесе Мюллера — «DIE HURE DER KONZERNE» [Müller, 1986: 6], «STALL», «EIN WENIG GIFT WIRD NOCH VERSPRÜHT DAS FEST ZU WÜRZEN» [Müller, 1986: 10]. Он всегда готов славить любого правителя и преследовать любого, кто

объявлен врагом. Его плебс, распивающий пиво (у киосков с сосисками и капустой — красноречивая деталь, не оставляющая сомнения, где и когда происходит трагедия) и играющий в кости, жаждет лишь богатства. Время разъело величие некогда могучего Рима, великие трагедии, если и происходят, то лишь из-за корысти или недоразумения, «GRAS SPRENGT DEN STEIN» [Müller, 1986: 15] и осуществляется «DURCH DEN SUPERMARKT DEN RAUB DER KOLONIEN» [Müller, 1986: 15].

В совокупности все эти средства создают совершенно особый мир мюллеровской драмы, разворачивающийся одновременно в настоящем, нацистском прошлом и абстрактном прошлом любой империи (римской, в частности). Меняются лишь отдельные детали, конкретные реалии, но не меняется место человека, подвластного государству. Пыль, пепел, песок покрывают постепенно не только пространство сцены и «землю», но и небо — сквозной мотив пьесы, однако под песком времени вовсе не похоронены страсти и ужасы тоталитаризма, он стирает различия времен и символизирует движение империи к распаду.

Список литературы

1. Müller H. Anatomie Titus Fall of Rome Ein Shakespearekommentar.— Berlin : Henschelverlag, 1986.— 103 s.
2. Шекспир В. Тит Андроник // Шекспир В. Полн. собр. соч. : в 8 т.— М. : Искусство, 1958.— С. 5–103.

Г. Г. Семкина (Омск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИТИВА

The article deals with the functional characteristics of partitives: lexical and structural features of the partitive phrases, their dependence on the semantics of the predicate, the structural type of the including sentence.

Keywords: partitives, partitive phrases, predicate.

Партитив рассматривается либо как одна из семантических ролей либо как один из подвидов семантической роли инструментатива. Обычно он определяется как актант, отражающий в качестве участника ситуации часть тела человека [Худяков, 2005: 109]. Возможно и более широкое толкование партитива, при котором данная семантическая роль охватывает и случаи, когда участником ситуации оказывается часть неодушевленного предмета, например: I felt myself to blame for what had happened, and wiped her face

with the corner of my peasant shirt (Golden). Такие употребления представляют интерес с точки зрения предельно высокой степени детализации ситуации и рематического выделения важного для определенного конкретного случая семантического элемента. Однако в большинстве случаев используется партитив в узком смысле, определение которого дано выше, его функциональные особенности и будут обсуждаться далее.

Партитив обычно выражается конкретными существительными, обнаруживающими при

дефиниционном анализе в своем составе сему «часть тела, орган» (part of body, limb, organ). К таким существительным относятся hand, eye, shoulder, head, ear, arm, leg, knuckle, fingernail, limb, palm, fingertip, palm, tongue и др. Приведем несколько примеров определений:

Eye — the organ of sight of animals, containing light-sensitive cells associated with nerve fibres, so that light entering the eye is converted to nervous impulses that reach the brain.

Hand — the prehensile part of the body at the end of the arm, consisting of a thumb, four fingers, and a palm.

Finger — the inner part of the hand from the wrist to the base of the fingers.

Foot — the part of the vertebrate leg below the ankle joint that is in contact with the ground during standing and walking or any of various organs of locomotion or attachment in invertebrates, including molluscs.

Вполне предсказуемо, что, в соответствии с реальной действительностью, подавляющее число партитивов представлены существительными со значением верхних конечностей человека (hand, fist, arm, finger), а также со значением органа зрения (eye).

Одна из важнейших характеристик функционирования исследуемой семантической роли — это то, что партитивы практически всегда являются распространенными. Партитивное словосочетание обычно включает притяжательные местоимения или существительные в родительном падеже, а также прилагательные, обозначающие признак партитивного актанта. Отметим, что использование притяжательного местоимения с партитивом — характерная особенность английского языка и является обязательным при отсутствии других определителей. Например: Mrs. Fidget began to examine her face, not only *with her eyes* but *with her fingertips* (Golden).

When she was done speaking, she gave me a little shove *with her foot*, and I stepped down out of her way (Golden).

Употребление в партитивном словосочетании одного или нескольких прилагательных преимущественно свойственно случаям, когда партитив выражен словом eyes (eye), что совершенно естественно, поскольку в данном случае имеет место замена по функции — имеется в виду взгляд, или, конкретнее, отношение или настроение, выраженное взглядом. Поскольку глаза всегда выражают внутреннее состояние человека, партитивное словосочетание в данном случае описывает именно его. (Использование нераспростра-

ненного партитива с лексемой eyes представляется бессмысленным (*he looked at it with his eyes), так как подразумевается само собой, без особой экспликации). Приведем несколько характерных примеров:

He transfixed me *with two sharp, steely eyes* (Conan Doyle).

He looked at me *with a very questioning eye*, and I read hesitation in his face (Conan Doyle).

Прилагательные и причастия используются также в других партитивных словосочетаниях. Например:

Was it a fierce tiger of crime, which could only be taken fighting hard *with flashing fang and claw*, or would it prove to be some skulking jackal, dangerous only to the weak and unguarded? (Conan Doyle)

I tucked away my handkerchief *with trembling hands*, and we continued up the hill, not speaking a word (Golden).

Глаголы — сказуемые при партитивах представляют собой ограниченный, узкий круг лексем, взаимосвязанных с лексическим значением самих партитивов, что сближает глагольно-партитивные группы с устойчивыми словосочетаниями. В частности, глаголы-сказуемые при партитивах со значением верхних конечностей человека (hand, fist, arm, finger и др.) — это прежде всего глаголы направленного движения или действия, которые можно разграничить по семантике:

‘бить, ударять’ (beat, strike, fight, bang, crush), например:

Our attention was arrested by a tremendous ring at the bell, followed immediately by a hollow drumming sound, as if someone *were beating* on the outer door *with his fist* (Conan Doyle).

«Years ago, when I was a boy», said Dorian Gray, *crushing* the flower *in his hand*, «you met me, flattered me, and taught me to be vain of my good looks» (Wilde).

‘толкать, дергать’ (pull, jerk), например:

«Yes; she is a peacock in everything but beauty», said Lord Henry, *pulling* the daisy to bits *with his long nervous fingers* (Wilde).

‘стучать, звонить’ (ring, drum), например:

The lad muttered something to himself and *drummed* on the window-pane *with his coarse fingers* (Wilde).

The Time Traveller pushed his glass towards the Silent Man and *rang* it *with his fingernail*; at which the Silent Man, who had been staring at his face, started convulsively, and poured him wine (Wells).

‘указывать, отмечать, махать, изучать, трогать’ (point, mark, swing, touch, measure), например:

And he put it to us in this way — *marking the points with a lean forefinger* — as we sat and lazily admired his earnestness over this new paradox (as we thought it) and his fecundity (Wells).

She *touched* the top of it *with her fingers* (Hemingway).

Глаголы ненаправленного действия представлены узкой лексической группой со значениями 'держаться, схватить, висеть' (hold, grip, hang, cling), например:

I do not think it could have made off so fast among the branches if it could not *get a grip with its feet* (Conan Doyle).

I was lucky to have a heavy timber to hold on to, and I lay in the icy water with my chin on the wood, *holding* as easily as I could *with both hands* (Hemingway).

Глаголы перцептивной деятельности со значением 'смотреть, глядеть, вглядываться, наблюдать' (stare, look, watch, gaze, glare, see, etc.) естественным образом главенствовали в партитивных словосочетаниях с существительным eyes, например:

He *glared back* at me *with hard angry eyes*, but I refused to give way (Conan Doyle).

Еще более сближаются с устойчивым сочетаниями беспредложные глагольно-партитивные группы. Лексическую базу партитивов в таких случаях представляют слова, обозначающие подвижную часть тела (hand, shoulder, head, etc.), а лексическую базу сказуемого, от которого зависит партитив, представляют глаголы со значением 'махать, качать, размахивать' (wave, nod, toss, shake и др.), например, wave smb's hand, shake/toss/nod smb's head, shrug smb's shoulders:

The Indians now could only *shake their heads* and *shrug their shoulders* when we expressed by signs our desire to descend (Conan Doyle).

Что касается предлогов, которые используются вместе с партитивами, то основными из них являются *with*, *in* и *by*. Причем, если предлог *with* используется практически со всеми словами, имеющими в своем составе сему 'часть тела, орган', то предлог *in* добавляет партитиву оттенок локативности и используется только со словами, обозначающими верхние конечности человека (hand, arm, finger). Например:

«Years ago, when I was a boy», said Dorian Gray, crushing the flower *in his hand*, "you met me, flattered me, and taught me to be vain of my good looks» (Wilde).

Предлог *by* является наименее распространенным:

Usually they were stacked in a crate that was either carried *by hand* or strapped to a bicycle; I don't know why this young man was using a tray (Golden).

I tried to brush it away with my hand, but in a moment it returned, and almost immediately came another *by my ear* (Wells).

Для понимания смысла употребления партитива в высказывании важным является тот факт, что подавляющее большинство предложений, включающих этот семантический элемент, являются в высокой степени распространенными, объемными, содержащими большое количество второстепенных членов. Это преимущественно либо осложненные, либо сложные предложения. Среди осложнителей много причастных оборотов и однородных членов, например:

And there with, taking the lamp *in his hand*, he led the way down the long, draughty corridor to his laboratory (Wells).

I beat the ground *with my hands*, and got up and sat down again, and wandered here and there, and again sat down (Wells).

Важно, что сами партитивные словосочетания зачастую выступают в качестве осложнителей при их обособлении, например:

In his fingers, as smooth as driftwood, he held a sake cup (Golden).

For a moment Gilchrist, *with upraised hand*, tried to control his writhing features (Conan Doyle).

Сложные предложения, содержащие партитив, обладают преимущественно многоступенчатой структурой с различными видами синтаксических связей, например:

I was limp while she did it; she had to support my chin *in her hand* to keep my head from rolling (Golden).

I hoped he would reply, but he only made a gesture *with his hand* that meant for me to leave (Golden).

Достаточно редкие простые неосложненные предложения всегда являются распространенными, в них используется не только партитив, выступающий в качестве дополнения, но и другие распространители, в частности, другие дополнения, различные обстоятельства (цели, места, способ действия), определения:

I banged *with my fist* at the bronze panels (Wells).

He shook *his head* with a half-smile at McMurdo (Conan Doyle).

Таким образом, вполне очевидным представляется то, что партитив стремится вовлечь в предложение как можно больше других, факультативных семантических ролей, чтобы более обстоятельно описать ситуацию. В дискурсивном отношении партитив характерен для подробного нарративного повествования с большим количеством деталей, зримо воспроизводящих положение дел.

Рассмотрение функциональных особенностей партитивов позволяет говорить, с одной стороны, о несомненных отличительных характеристиках, а, с другой стороны, об очевидной лексической и структурной ограниченности партитивных словосочетаний. Такое положение свидетельствует об обоснованности позиционирования партитива как одного из подтипов инструментатива, но не отдельной семантической роли в общей клас-

сификации семантических ролей высказывания. При этом необходимо отметить особую дискурсивную важность партитива как одного из признаков детализированного нарратива.

Список литературы

1. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие. — М. : Академия, 2005. — 256 с.

А. А. Серебряков (Ставрополь, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В НОВЕЛЛЕ Г. ФОН КЛЕЙСТА «МАРКИЗА ДЕ'О.»

The article discusses typical of H. von Kleist's idiostyle (1777–1811) semantic, syntactic and pragmatic means of realization of the author's intentions aimed to organize the reader's reception in conditions of cultural codes change — transition from Enlightenment to romanticism. Narrative strategies and content-pragmatic division of the text are also analyzed in the article.

Keywords: *author's intention, novel, semantic space, reference, romanticism, semantization, content-pragmatic division, subtitle, text.*

Произведения Генриха фон Клейста (1777–1811) рассматриваются как важная составляющая европейского и национального литературного процесса, опирающаяся на существовавшие лингвокультурные традиции, активно с ними взаимодействующая и вырабатывающая качественно иной тип организации воспринимающего сознания в системе художественной коммуникации. За прошедшие 200 лет со дня трагической кончины писателя интерес к его творчеству неизмеримо вырос, а его произведения в XX в. признаны каноническими [Kiefer, 2010: 243; Deissner, 2009: 7]. Однако художественная проза Клейста в отечественной германистике изучена недостаточно. Наиболее глубокие исследования Н. Я. Берковского [Берковский, 1935: 455–472; 1973: 396–462] анализируют преимущественно сюжетные истоки новеллистики Клейста, а авторские интенции определяются без рассмотрения *языковых средств* выражения. Такой подход страдает эпистемологической ограниченностью, поскольку в интерпретируемом тексте «следует прежде всего найти... те смыслы, которые в нём заложены в силу того только, что *он написан на данном языке* (выделено нами. — А. С.). Лишь после этого и на основе этого можно «вчитывать» в него те смыслы, которые порождаются многочисленными контекстами — социальными, историческими, литературными и проч.» [Падучева, 1996: 198].

Предметом рассмотрения в данной статье являются языковые средства выражения авторских

интенций в художественном пространстве известной новеллы Клейста «Маркиза де'О.».

Новелла была впервые опубликована в 1808 г. во втором номере журнала «Феб» (с. 3–32) без указания имени автора и подзаголовка. Эти текстовые компоненты появляются лишь на 48 странице издания в оглавлении: «*von Heinrich von Kleist (nach einer wahren Begebenheit, deren Schauplatz vom Norden nach dem Sueden verlegt worden)*». В первом книжном издании новеллы в 1810 г. подзаголовок уже отсутствовал. Издавая полное собрание произведений Клейста, Х. Зембднер восстановил подзаголовок и поместил перед текстом, считая его отсутствие в книжном варианте недосмотром издателя или практическим приемом экономии места. В отечественной германистике на эту особенность новеллы «Маркиза де'О.» исследователи не обращали внимания, и роль самого подзаголовка, как и смысловое значение его расположения в тексте, для интерпретации новеллы не исследовалась. Подчеркнем, что в журнальном варианте подзаголовок помещался не там, где его более всего ожидали, а только в оглавлении. Таким образом, подзаголовок приобрел сложную функцию расположенного в конце текста предуведомляющего указания. В посвященной Клейсту научной литературе этот факт рассматривался главным образом как издательский казус. Поэтому представляется целесообразным определение функциональной роли именно авторского расположения подзаголовка в тексте

и для смыслового наполнения текста, поскольку «в художественном тексте происходит семантизация внесемантических (синтаксических) элементов естественного языка» [Лотман, 1998: 34].

Подзаголовок «*Nach einer wahren Begebenheit, deren Schauplatz vom Norden nach dem Sueden verlegt worden*» автор начинает предложением *nach*, имеющим несколько значений, которые актуализируются в данном контексте.

Семантически предлог *nach* имеет значение *gemaess* (согласно). Таким образом, посредством предлога автор устанавливает референцию развертываемого содержания к именной группе «*eine wahre Begebenheit*» (некое истинное происшествие). Подзаголовок определяет одновременно префигурацию и постфигурацию художественного факта, а подлежащая языковой объективации картина мира и лежащие в ее основании объясняющие мифологические модели ориентированы на темпоральное взаимодействие.

Если же стоящий в подзаголовке предлог *nach* воспринимать в его временном значении *после*, то повествование воспринимается как после-повествование, а употребление предлога *nach* отступает от узуального и функционально ориентировано на размывание соотношения между временными категориями предшествования и настоящего. По нашему мнению, повествовательные смыслы в новелле «Маркиза де'О.» хронологически развертывается *между* изначальным прошедшим и последующим предшествованием.

Что касается текстуры журнальной версии, то отмеченный комплекс темпоральных отношений просматривается уже как в специфике трактовки времени, так и в разработке лежащих в основании сюжета мифологических объясняющих моделей. Хотя данное маркизой газетное объявление помещено в самом начале текста, оно, тем не менее, не является началом художественного действия. Ведь рассказана должна быть история зачатия [Cuonz, 2006: 214], имеющего самые очевидные последствия, но не имеющего видимой, осознаваемой, причины. В тексте Клейста представлена дихотомия объяснения и понимания (*erklären — verstehen*) и дан наглядный пример различения каузальных и телеологических объяснений. Маркиза пытается выяснить причину беременности, но фактически она ищет не каузальное объяснение, оно ей вскоре становится понятным из объяснений доктора и акушерки. То есть маркиза в гораздо большей степени ищет телеологическое объяснение [Вригт, 1986: 116], точнее лицо, которое намеренно совершило действие,

перевернувшее настоящее и поставившее под сомнение будущее.

Начало этого «истинного происшествия», которое должно воссоздать историю маркизы де'О., референтно соотносится с жанром назидательного повествования, однако эта соотнесенность автором последовательно дезавуируется. Дама с «превосходной репутацией и мать нескольких прекрасно воспитанных детей» поместила в газете объявление, что «она, сама того не подозревая (*ohne ihr Wissen*), оказалась в положении (*in andre Umstaende gekommen sei*)» [Клейст, 1969: 514]. Несмотря на то, что информация почти сразу же корректируется и вместо нескольких детей оказывается всего двое, отрицание в первом предложении раскрывает некое состояние незнания каузальности нового положения маркизы и выявляет нарушение регулирующей коммуникации между сознанием и телом. Три подчинительных конструкции с союзом *dass* указывают на положение дел, внутренняя сущность которых субъекту неизвестна. И когда возможность «бессознательного зачатия» была исключена, маркиза оказывается в состоянии диссоциации собственной идентичности: «...не доверяя самой себе, она пробежала в памяти все моменты истекшего года и, думая об этом, решила, что сходит с ума» [531]. Неведение становится причиной сомнения окружающих в ее добродетели; семейство начинает подозревать маркизу в преднамеренном обмане и в итоге изгоняет из родового гнезда: «Прочь! Прочь, презренная! Пусть будет проклят час, когда я тебя родила» [531]. Изгнание из семьи, из кажущегося рая вследствие мнимого грехопадения способствовало процессу восстановления ее самостоятельности и преодолению диссоциации личности: «Ее рассудок... преклонился перед великим, святым и необъяснимым устройством мира» [533]. Падение в общественном мнении стало началом внутреннего подъема. В противовес кантовским понятиям в тексте Клейста падение является в сущности подъемом, утрата — приобретением, заблуждение — истиной [ср.: Серебряков, 2008: 227–228]. «Лихой корсар», виновник и причина двусмысленного положения маркизы является одновременно и ангелом, и его полной противоположностью — дьяволом: «...он не показался бы ей тогда дьяволом, если бы при первом своем появлении не представился ей ангелом» [548]. Ангел и дьявол воспринимаются как два противоположных полюса, как утверждение и отрицание, между которыми маркиза должна найти отца ребенка, а она не в состоянии соединить столь противоречивые ипостаси в личности

графа Ф. Отметим, что подобная модель картины мира представлена и в эссе Клейста «О театре марионеток»: два полюса — механическая материя (марионетка), высшее сознание (божество) и между ними человек.

Мотив ангела вводится в самом начале повествования, когда спасший маркизу граф «показался ей ангелом, ниспосланным с небес» [515] — («ein Engel des Himmels») [Kleist, 1977, 2: 105]. Но ниспосланным с небес был, как известно, архангел Гавриил, возвестивший богородице рождение сына: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» [Лк, 1: 35] — («Der Engel antwortete und sprach zu ihr: der heilige Geist wird ueber Dich kommen, und die Kraft des Hoechsten wird dich ueberschatten; darum wird das Heilige, das von dir geboren wird, Gottes Sohn genannt weden») [Lk, 1: 35]. В данном контексте понятным становится обращение графа «с любезной *французской фразой* к даме» [515]. Дело в том, что в немецком языке от существительного *Engel* образовано прилагательное *engelhaft*, получившее широкое употребление во всех функциональных стилях, и *englisch*, употребляющееся в религиозной сфере в словосочетании *der englische Gruss*, т. е. приветствие, обращение ангела к Богородице. В словаре Аделунга находим: «2. *Englisch*, *adj. et adv.* von dem Hauptworte Engel. Der englische Gruss, der Gruss, mit welchem der Engel Gabriel die Jungfrau Maria anredete». Иными словами, Клейст использует игру слов и заменяет ожидаемую после лексемы *Engel* номинативную группу *der englische Gruss* на воспринимаемую как легкомысленную *unter einer verbindlichen, franzoesischen Anrede*, ориентируя рецепцию читателя не на сакральную, а на профанную сферу.

Мысль о божественном происхождении будущего ребенка эксплицируется в смысловой структуре текста, когда маркиза решила «со всем пылом материнской любви пестовать *дарованного ей богом* третьего ребенка» [533]. Еще очевиднее это проявляется в двух контекстах, которые были изменены автором для книжного варианта. На вопрос маркизы «возможно ли бессознательное зачатие» [531] («ob die Moeglichkeit einer unwissenden Empfaengnis sei») акушерка уверенно ответила, «что, кроме пречистой девы, это еще не случилось ни с одной женщиной» [531]. Отметим, что в журнальной версии этого упоминания о непорочном зачатии еще не было. Рассуждения маркизы, приведшие в итоге к скандальной публикации в газете, тоже были дополнены: «Nur der Gedanke war ihr unertraeglich, dass dem jungen Wesen, das sie

in groesster Unschuld und Reinheit empfangen hatte, und dessen *Ursprung*, eben viel er geheimnissvoller war, auch *goettlicher* zu seyn schien, als der anderer Menschen, ein Schandfleck in der buergerlichen Gesellschaft ankleben sollte» [2: 126] — («Только одна-единственная мысль была для нее невыносима: она не могла примириться с тем, что юное существо, зачатое ею в совершенной невинности и чистоте, самое происхождение которого, *благодаря своей таинственности, представлялось ей более божественным, чем происхождение других людей*, — что это существо в глазах общества отмечено клеймом позора» [533]). Характерно, что приведенные нами дополнения в посвященных творчеству Клейста исследованиях, как правило, не комментируются. На наш взгляд, эти дополнения акцентируют именно усиление вовлеченности предмета повествования в христианскую мифологию. Соответствующее место в Евангелии от Луки в переводе Лютера [Лк, 1, 34] звучит: «Wie soll das zugehn, sintemal ich von keinem mann weiss» — [[Мария же сказала Ангелу] как будет это, когда Я мужа не знаю?] [Лк, 1, 34].

Установление референции лексемы *Ursprung* к теме зачатия получает дальнейшее развитие в тексте. Это наглядно иллюстрирует характерная, но не замечаемая исследователями деталь: в приведенном контексте прилагательное *goettlich* (божественный) логически не может иметь сравнительной степени, поскольку компаратив указывает на большую по сравнению с чем-либо степень признака. Однако сам факт употребления Клейстом сравнительной степени прилагательного *goettlich* указывает на неопределенность самой маркизы относительно характера открывшейся беременности — естественный или сверхъестественный.

С точки зрения объемно-прагматического и структурно-смыслового членения текст занимает в разных изданиях около 40 страниц, разделенных всего лишь на 24 абзаца. Пассажи, содержащие эмоционально насыщенные внутренние диалоги, передаваемые последовательно косвенной речью, занимают обширное текстовое пространство, почти до 6 страниц сплошного, не разбитого на абзацы текста. И, напротив, пассажи, в большей степени воспроизводящие событийные ситуации, включают в себя короткие абзацы.

Контекстно-вариативное членение текста новеллы проявляется в наличии множества точек зрения и смене речевых партий [Бабенко и др., 2000: 231].

Клейст очень тонко использует семантические возможности знаков препинания, прибегая

к явным отступлениям от традиционных норм. Он создает целые скопления *точки с запятой*, визуально создавая впечатление преодолеваемого препятствия. Или, например, он маркирует высказывания посредством двоеточия, как бы препятствуя процессу беспрепятственного развертывания текста.

Особого внимания заслуживает употребление Клейстом *тире*. В относительно небольшом по объему тексте употребление *тире* отличается высокой частотностью. При этом речь идет не только о самом известном в немецкой литературе тире «Hier — traf er... Anstalten einen Arzt zu rufen» [2. С. 106]. Это тире, не называя, одновременно табуирует и обозначает насилие над маркизой.

В тексте новеллы используется преимущественно косвенная речь, что, в свою очередь, ассоциируется с характерной для сценических диалогов прямой речью, когда автор перед репликами персонажей ставит *тире*, которое фиксирует смену говорящего. Но в этой функции *тире* используются и внутри содержательно связного абзаца, маркируя внезапную смену говорящих. В многочисленных контекстах *тире* отграничивает вставные конструкции. Кроме того, *тире* используются Клейстом и в тех контекстах, в которых указывается на неопределенного или неизвестного субъекта действия, как бы заново указывая (без использования речевых средств) на безгласность свершившегося преступления: «Wer hat sich — ? fragte die Marquise, und setzte sich bei ihrer Mutter nieder,— welcher er selbst hat sich gezeigt — ?» [2. С. 133].

Специфичность идиостиля Клейста проявляется в употреблении *тире* как средства для обозначения и передачи коммуникативных интенций автора. В новелле *тире* маркирует ситуации, в которых персонажу, маркизе, одновременно недостает ни слов, ни мыслей. Это отчетливо проявляется в сцене после их последней, перед заключением брака, встречи с графом, который взял ее за руку «zart und leise»: «Doch diese: — gehn Sie! gehn Sie! gehn Sie! Rief sie, indem sie aufstand; auf einen Lasterhaften war ich gefasst, aber auf keinen — — — Teufel!» [2: 141].

В целом правомерно характеризовать язык Клейста в новелле «Маркиза де'О.» как экспрессивно-эмоциональный и дисциплинированный одновременно, что наглядно проявляется в описании ситуации, когда граф Ф. в первый раз просит руки маркизы. В данном описании в одном единственном абзаце Клейст вначале употребляет 15 раз, затем 6, 7, далее 3, 2 и один раз подчинительный союз *dass* в позиции с предшествующим

ему пунктуационным знаком *точка с запятой*, а абзац занимает более трех страниц текста [2. С. 110–111].

Эти количественные показатели не только демонстрируют частотность употребления Клейстом *точки с запятой*, что формально подчеркивает степень экспрессивности, но и указывают на стремительно повышающийся и постепенно снижающийся уровень этой экспрессивности. Данный экспрессивно-сжатый модус выражения характерен для речевого поведения графа в первой части новеллы, т. е. до необычного объявления маркизы.

Во второй же части новеллы, напротив, речевое поведение графа может быть названо примирительно-выжидающим, пассивным и подавленным, что соответствует его мироощущению: «Der Graf erhob sich weinend. Er liess sich von Neuem vor der Marquise nieder, er fasste leise ihre Hand, als ob sie von Gold waere, und der Duft der seinigen sie trueben koennte» [2. С. 141] — «Граф в слезах поднялся; он снова склонился перед маркизой, взял ее за руку бережно, словно она была из золота и могла потускнеть от его прикосновения» [546]. Маркиза, наоборот, становится неукротимой в речах и поступках, подобно неистовой фурии: «Die Marquise blickte, mit toetender Wildheit, bald auf den Grafen, bald auf die Mutter ein; ihre Brust flog, ihr Antlitz loderte: eine Furie blickt nicht schrecklicher» [2. С. 141] — «Маркиза безумным взглядом смотрела то на графа, то на мать; грудь ее вздымалась, лицо пылало: фурия не могла бы иметь более страшного лика» [546].

В аспекте проведенного лингвопоэтического анализа новеллы можно заключить, что каузальные отношения уступают место телеологическим, предполагая тем самым множественность интерпретаций [Серебряков, 2010: 42], что подчеркивает осознание возросшей значимости субъекта в романтическую эпоху.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста.— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.— 534 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии.— Л., 1973.— С. 396–462.
3. Берковский Н. Я. Комментарии // Немецкая романтическая повесть : в 2 т.— Т. 2.— М. ; Л., 1935.— С. 455–472.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета.— М. : Изд. Моск. патриархии, 1992.— 1372 с.

5. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования : избр. тр.— М. : Прогресс, 1986.— 600 с.
6. Клейст Г. фон. Драмы. Новеллы.— М., 1969.— 624 с. Цитаты на русском языке приводятся по этому изданию с указанием в тексте в квадратных скобках номера страниц.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Об искусстве.— СПб. : Искусство-СПБ, 1998.— С. 14–285.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования.— М. : Языки славян. культур, 1996.— 464 с.
9. Серебряков А. А. Композиционно-речевая организация новелл Г. фон Клейста в лингвопоэтическом аспекте.— Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008.— 340 с.
10. Серебряков А. А. Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте (на материале художественной прозы и метапоэтик Г. фон Клейста) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— Ростов-н/Д, 2010.— 48 с.
11. Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Woerterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit bestaendiger Vergleichung der uebrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen [Электронный ресурс].— URL: de.academic.ru/dic.nsf/grammatisch/13287/Englisch, 2011, свободный.
12. Cuonz D. Reinschrift: Poetik der Jungfraulichkeit in der Goethezeit.— Muenchen : Fink, 2006.— 307 s.
13. Deissner D. Moral und Motivation im Werk Heinrich von Kleists.— Tuebingen : Niemeyer, 2009.— 265 s.
14. Kiefer S. Die deutsche Novelle im 20. Jahrhundert: eine Gattungsgeschichte.— Koeln, Weimar, 2010.— 585 s.
15. Kleist Heinrich von. Saemtliche Werke und Briefe. Hrsg. von H. Sembdner. Zwei Bde.— Bd. II. Sechste, erg. und rev. Aufl.— Muenchen, 1977. Цитаты на немецком языке приводятся по этому изданию с указанием в тексте в квадратных скобках номера тома и страниц.

Е. А. Смердова (Пермь, Россия)

НЕРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМЁН И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

*On the material of S. Lem's story called "Jak ocalał świat" is considered a matter of interpretation of the text, including characters from non-referential use. "Non-referentiality" of the sign is understood as a kind of a hidden reference. In particular, the referents of signs **pćmy**, **murkwi** known only to the author and, apparently, can not be identified by the exegete. It is proved that a partial interpretation of the non-referential sign is proceeded by the analysis of the morphemic structure in the course of establishing associations with phonetic units of the polish dictionary, and in the process of contextual analysis. The problem of the "total" non-referentiality of the sign stands just before the exegete, who does not possess sufficient philological competence.*

Keywords: *reference, interpretation, linguistic consciousness, non-referential use of names, possible textual world, context, hidden reference.*

В современных гуманитарных исследованиях процесс соотношения имени с объектом внеязыковой действительности (референтом) изучается в связи с возможностями интерпретации языкового знака. Степень идентификации референта и описание семантики знака определяются характером (видом) референции, семиотическим способом указания на референт, контекстом знака. Предметом статьи является «скрытая» референция, когда знак указывает на объект, который интерпретатор не в состоянии идентифицировать. В исследованиях по логическому анализу языка такая ситуация известна под обозначением «нереференциальное употребление имени». В данной работе анализ нереференциального употреб-

ления знаков рассматривается на материале рассказа С. Лема «Jak ocalał świat» [Lem, 1983].

Референция и проблема «существования»

Референция — это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности [Арутюнова, 1982: 6]. Референция осуществляет связь между миром языка и реальностью отображенного мира. Этот вопрос рассматривается в работах Дж. Лайонза, согласно которому существование названных объектов выводится из нашего непосредственного восприятия объектов физического мира [Лайонз, 1978: 449–450]. Мир, существование которого «подтверждено» знаком (текстом), доступен нам только в языковой форме.

Однако в текстах, особенно фантастического содержания, встречаются знаки, референты которых остаются читателю неясными. Причиной этого становится скрытая референция. Ее особенностью является то, что автор создает знаки, не зафиксированные в словаре данного языка; референты таких знаков существуют только в сознании самого автора, а существование референтов, или объектов отображения, лишь «подтверждается» самим текстом. Как возможна в этом случае интерпретация? В работе доказывается возможность относительной интерпретации нереференциальных знаков. Читатель, стараясь заполнить «лауну» в собственном сознании, реконструирует референт, исходя из объективных данных: языковой формы знака и контекста его употребления.

Нереференциальное употребление имен предполагает, что референт в полном объеме остается недоступен сознанию интерпретатора. Считаем, что термин «нереференциальный» является спорным. Известно, что знак всегда замещает некий предмет реального мира [Бюлер, 1993: 30]. Следовательно, затрудненность идентификации референта вовсе не исключает референциальности природы знака. Напротив, если интерпретатор «видит» знак, то предполагает и обязательное существование его референта. Дж. Лайонз писал о существовании вымышленных объектов:

«Хотя на свете нет таких объектов, как *домовые, единороги или кентавры* (здесь и далее курсив наш.— Е. С.), было бы вполне разумно приписать им вымышленное или мифическое “существование” в рассуждениях определенного рода» [Лайонз, 1978: 450].

Вопрос существования объектов скрытой референции обсуждается в рамках теории возможного авторского мира. Возможный текстовый мир, термин Я. Хинтикки, по мнению современных ученых [Бразговская, 2006; Руднев, 2004; Успенский, 2007] есть вариант видения реального мира, создаваемый для взаимодействия человека с действительностью. Таким образом, определение К. Бюлера (знак *всегда* замещает некий объект) верно по отношению как к реальным, так и возможным мирам. В возможном мире могут находиться такие объекты указания, как кентавры, гномы, эльфы, хоббиты и пр.

Нереференциальность как скрытая референция

Нереференциальность — это один из способов создания скрытой референции. Рассмотрим эту ситуацию на материале рассказа Станислава Лема «*Jak ocalał świat*» («Как уцелел мир»). Рассказ был опубликован в 1964 г. в сборнике

«Сказки роботов» («*Bajki robotów*», 1964–1979). В творчестве Лема метафизика и теология обусловлены естественнонаучными законами. В возможном мире Лема любые необычные, непредсказуемые явления (роботы, которых «неорганическая» эволюция превратила в настоящую армию; планета как живое существо и др.) могут быть объяснены с логической точки зрения. Тема рассказа «*Jak ocalał świat*» — творение мира. В рассказе в ироническом свете представлена наука: ученые создают искусственный интеллект, которым не способны управлять: искусственный разум пытается уничтожить весь мир. Элементом текстовой картины мира становится машина, обладающая возможностью создавать объекты, названия которых начинаются с буквы «н». Когда машину просят сотворить Ничто, она начинает уничтожать все живущее, в том числе, таких существ, как: *filidrony* (филидроны), *graszaki* (грашаки), *gryzmaki* (грызмаки), *gwajdolnicy* (гвайдольницы), *kambuzele* (камбузеле), *turkwi* (мурквы), *natuszki* (налушки), *nędosy* (нендосы), *nędzioły* (ненджёлы), *niedostópki* (недоступки), *nupajki* (нупайки), *nurkownice* (нурковницы), *ńcmy* (нчмы), *plukwy* (плюквы), *rymundy* (рымунды). Эти слова не известны польскому читателю: не зафиксированы в словарях польского языка. Однако есть возможность относительной интерпретации нереференциальных имен — внутриязыкового, грамматического и синтаксического анализа знаков.

Относительность интерпретации нереференциальных знаков

Прежде чем обозначить возможные пути интерпретации нереференциальных имен, еще раз воспроизведем специфические особенности таких знаков: 1) их референт не известен читателю, 2) эти имена конструируются автором в рамках грамматической системы польского языка, следовательно, 3) алгоритм интерпретации может быть предложен исходя из системы грамматики самого польского языка.

Алгоритм интерпретации включает последовательный анализ всех уровней языка, представленных в данных «словах»:

— фонетический анализ слова, направленный на выявление ассоциаций с действительными словами польского языка;

— морфемный анализ слова, который предполагает, что все нереференциально употребленные имена в тексте Лема созданы при помощи грамматических средств польского языка;

— анализ контекста употребления знаков, т. е. способ их включения в высказывание, сюжет

и композицию текста (синтаксический и текстовый потенциал).

Таким образом, алгоритм интерпретации знака со скрытым референтом сводится к анализу актуализаторов — формальных показателей, позволяющих определить значение слова.

1. Фономорфологические актуализаторы:

1.1. В рассказе «Jak ocalał świat» 9 слов имеют фонетические соответствия с активной лексикой польского языка:

gryzmaki — созвучно с польским глаголом *gryźć* — грызть, кусать [Podreczny słownik, 1957];

nędzioły — созвучно с польским корнем *nędz-* и может быть соотнесено с такими словами, как *nędza* — нужда, нищета, бедность, *nędzni-k(-ca)* — негодяй(ка), *nędzny* — жалкий, убогий, ничтожный, исхудалый;

niedostópki — созвучно с польским существительным *stopa* (стопа, ступня);

nurkownice — созвучно с польским глаголом *nurkować* (нырять);

plukwy — созвучно с польским глаголом *plukać* (полоскать);

rymundy — с глаголом *rymować* (рифмовать);

ściśnięta — с глаголом *ścisnąć* (стискивать);

trzepte и *wytrzapki* — с глаголом *trzepać* (выколачивать, выбивать) и с глаголом *trzepotać* (хлопать (крыльями), трепетать);

zamry — с глаголом *zamrzeć* (замереть, обмереть).

Все примеры говорят о возможности частичной интерпретации слов, созданных С. Лемом. Например, *gryzmaki* — это такие объекты, которые обладают свойством что-то отгрызать, отделять, разделять, *wytrzapki* способны выколачивать, выбивать или обладают признаками объекта, над которым произведены эти действия.

1.2. В анализе морфемного состава неререференциального имени следует учитывать тот факт, что при создании таких имен автор использует морфемный фонд собственного языка (польского), включая заимствованные морфемы. В данном случае мы можем говорить о грамматикализации вымышленного имени, когда слово функционирует в тексте по грамматическим законам польского языка. Исходя из общего взгляда на грамматику польского языка, мы можем предположить, что в этих грамматических конструктах нам встретятся морфемы со значением рода, числа, падежа, противопоставления лица/не лица. Морфемный анализ слов осуществляется со ссылкой на грамматики [Bąk, 1977; Foland-Kugler, 2006; Мацюсович, 1975].

Флексии, суффиксы и префиксы мы выделяем по аналогии с уже существующими в языке мор-

фемами. Например: в *wytrzapki* — мы можем выделить флексию *-i-* (со значением множественного числа — *studenc-i*), префикс *-wy-* (со значением вытеснения, изъятия — *wy-wieźć*), суффикс *-k-* (со значением производителя действия или носителя признака). Корневая морфема в неререференциальном имени может быть выделена согласно фонетическому соответствию с известными корневыми морфемами польского языка. Например, созвучие *wytrzapki* с глаголом *trzepać* позволяет выделить корень *-trzap-* (возможное лексическое значение: выколачивать, выбивать). В контекстном окружении «слова» *ściśnięta* (*Przestały ich bowiem... ściśnięta*) появляются следующие актуализаторы:

— флексия самого «слова» *-a* указывает на форму двойственного числа (ср.: *bliźnięta* — близнецы);

— флексия глагола с конечным согласным основы *-ły* (*przestały*) указывает на женско-вещную форму спряжения. Следовательно, имя *ściśnięta* в высказывании *Przestały ich bowiem... ściśnięta* будет относиться к классу из двух объектов, в качестве которых выступают неодушевленные предметы (вещи), или существа женского пола, или дети.

Примечательно, что все 20 имен со скрытым референтом даны в тексте Лема во множественном числе. Все неизвестные объекты в текстовой картине мира даны как класс. Но существуют ли эти объекты всегда в виде множества или могут существовать как индивиды? Реконструкция форм единственного числа приводит к парадоксальной ситуации. Так, *filidrony* — это в ед. ч. *filidrona* и *filidron*; *graszaki* — *graszaka* и *graszak*; *gwajdolnicy* — *gwajdolnica* и *gwajdolnik*. Если и можно предположить, что существуют не только классы объектов *filidrony* и др., но и индивидуальные объекты этих классов, то мы не знаем, какого грамматического рода эти объекты, обозначают ли они лиц или относятся к категории «вещей».

2. Текстовые актуализаторы: неизвестные объекты становятся элементами текстовой картины мира. Например:

A gdzieś są kambuzele? Gdzie moje murkwe ulubione? Gdzie pćmy lagodne?

А где камбузели? Где мои любимые мурквы? Где нежные пчмы?

За вымышленными знаками стоят объекты возможного мира. Это подтверждает бытийный предикат *są* (глагол *być* в форме мн. ч., 3 л.) Кроме того, одни персонажи дают оценку другим: *ulubione, lagodne*.

Или:

Zwłaszcza ucierpiałoby niebo: widać było na nim ledwo pojedyncze punkciki gwiazd; ani śladu prześlicznych gryzmałów i gwajdolic, które tak dotąd upiększały nieboskłon!

Более всего пострадало небо: на нем были чуть видны точки звезд и ни следа прекрасных грызмаков и гвайдолниц, которые так украшали собою небосвод!

Из этого примера ясно, что до своего уничтожения *грызмаки* и *гвайдолницы* располагались на небе и, видимо, обладали эстетической ценностью. Все нереференциальные имена находятся в одном с Трурлем и Клапауцищем (персонажами текста) локализованном пространстве.

Лингвистическое конструирование нереференциальных имен

Итак, мы приходим к выводу, что «нереференциальные» имена обязательно обладают референтом. Референт таких имен частично можно идентифицировать, если обратиться к анализу грамматической системы языка и синтаксического контекста знака. Именно поэтому мы предлагаем заменить термин «нереференциальность» на термин «скрытая референция».

Скрытая референция характерна для авторских грамматических «конструктов». Лем оставляет неизвестными референты таких имен, как *pćmy* (пчмы), *gwajdolic* (гвайдолницы), *wytrżopki* (вытшопки), не объясняя, как эти существа или вещи выглядят. Возможно, этим он хочет показать сам факт *отличия* созданного мира от реального. Но *достоверность* лемовского мира при этом неполная: читатель должен верить, что все указанные таинственные вещи дей-

ствительно были доступны восприятию персонажей рассказа.

Интерпретация знаков со скрытой референцией — это проблема не только польскоязычного читателя, но и переводчика. Считаем, что переводчик должен опираться на систему обозначенных нами актуализаторов. Такой перевод позволит сохранить специфику скрытой референции и отразить особенности авторской языковой игры.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике.— М. : Радуга, 1982.— Вып. XIII.— С. 5–19.
2. Бразговская Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография.— Пермь : ПГПУ, 2006.— 192 с.
3. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка.— М. : Прогресс, 1993.— 501 с.
4. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику.— М. : Прогресс, 1978.
5. Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка: Ч. 1.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
6. Bąk P. Gramatyka języka polskiego.— Warszawa: Wiedza Powszechna, 1977.
7. Folland-Kugler M. Zwięzła gramatyka polska dla cudzoziemców.— Warszawa : Galeria Polskiej książki, 2006.
8. Lem S. Bajki robotów.— Warszawa : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1983.
9. Podreczny słownik języka polskiego.— Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957.

Н. С. Соловьева (Магнитогорск, Россия)

СТЕРЕОТИПНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЖЧИНЫ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (на материале фразеологии)

The article deals with stereotypical male features in English and Russian set expressions with special emphasis both on common and national characteristics. Stereotype property study focuses on axiological aspect.

Keywords: “man-woman” opposition, linguistic world-image, phraseological fund, manhood character, stereotypical features, positive/negative evaluation.

Лингвистическая гендерология — мощное, бурно развивающееся направление в современной лингвистике, число исследований в области которого постоянно растет. Однако большинство исследований в основном посвящено маркированному члену оппозиции — *женщине*. Второй

член диады — *мужчина* — нередко совершенно несправедливо игнорируется.

Трудности исследования немаркированного члена объяснимы. В силу религиозных и социально-исторических причин общество всегда внимательнее следило за поведением женщины,

предписывая ей строгие нормы. Как следствие, в языковой картине мира (далее ЯКМ) зафиксировано немало гендерных стереотипов, распространяющихся, главным образом, на женщину. Тем не менее стереотипы поведения, предписываемые мужчине, также находят отражение в ЯКМ, особенно во фразеологическом фонде (в его широком понимании), хотя и занимают меньшую номинативную плотность,

Особый интерес представляет собой сопоставительный анализ английской и русской ЯКМ, с целью исследования как общих для обеих ЯКМ стереотипных психологических черт мужчины, так и характеристик, составляющих национальный портрет маскулинности.

Общими для английской и русской ЯКМ параметрами, по которым мужчина оценивается в обществе, являются: *трусость/смелость*, *ум/глупость* и *болтливость*.

Трусливые мужчины получают негативную оценку в обеих картинах мира: *Yellow Belly* «a coward»; *fraidy cat* «a timorous person, esp. a boy; coward»; *you big girl's blouse* «a humorous and slightly insulting expression said when a boy or man is not being brave»; *Сердце соколье, да смельство воронье*; *Молодец против овец, а против молодца и сам овца*; *Саня пуганный* «очень трусливый человек».

Смелость, напротив, оценивается положительно: *A gallant man needs no drum to rouse him (courage)*; *do a Nelson* «to withstand danger, or extreme difficulty in a confident spirit»; *heart of oak* «храбрый, мужественный, отважный человек»; *Люблю молодца и в татарине*; *удалая башка / сорви-башка* «(устар. прост.) отчаянно смелый человек».

Еще один параметр, по которому оценивается мужчина, — это наличие ума: *the Admiral Crichton* «несравненный Крайтон», ученый, образованный человек, ученый муж; *wise hombre* «a shrewd and knowing person»; *муж совета* «человек, отличающийся мудростью, благоразумием»; *ученый муж* «эрudit, разносторонне образованный человек».

Умный мужчина получает положительную оценку в обеих ЯКМ, но в английской картине мира ум у мужчины воспринимается как должное и не подлежит обсуждению, а в русской, напротив, подчеркивается, что ум в мужчине считается его главным достоинством: *Гениальность — один из биологических мужских признаков, наряду с бородой и крепкими мускулами* (И. Мечников); *Мужскую силу ценят за ум* (Г. Малкин).

Наличие ума у мужчины в русской ЯКМ ценится выше, чем привлекательная внешность:

Не пригож лицом, да хорош умом; Личиком беле-нек, да умом простенек; Видом орел, а умом тетерев.

Особое отношение в русской ЯКМ к такой характеристике мужчины, как ум, имеет социальную природу. Так, по данным социологов, ум занимает первое место в ряду необходимых положительных качеств российского мужчины, опережая даже такое понятие, как «мужественность» [Митина, 1999: 170].

Глупость в мужчине оценивается отрицательно и в английской, и в русской ЯКМ: *a proper Charley* «круглый дурак, набитый дурак»; *Joe Six-pack* «средний парень, чьи интеллектуальные запросы упаковка в шесть банок пива»; *lard head* «a fool, a very simple fellow»; *Иванушка-дурачок* «об очень глупом, несообразительном, крайне доверчивом и покорном человеке»; *недагон ушатый* «глупый, несообразительный человек»; *Алеха Сельский / Алеша Бесконвойный* (прост. през.) безнадёжный дурак, глупый, невежественный человек».

Вообще в английской и русской ЯКМ фразеологических единиц, обозначающих *умного*, значительно меньше, чем единиц, обозначающих *дурака*. Признать чью-либо глупость, очевидно, легче, чем по достоинству оценить чей-либо ум. Более того, исследователи обратили внимание, что *умный* может оцениваться отрицательно: ставятся под сомнения его знания или, вообще, необходимость в них [Карасик, 2002: 241]: *Clever Dick* «(used derisively or sarcastically) a clever, rather too clever person»; *smart-ass* «a person who is ostentatiously and smugly knowing»; *Много ума — много греха, а на дурне не взыщут; олень фаршированный* «эрudit, знаток».

Еще одним мужским недостатком в английской и русской ЯКМ считается *болтливость*. При этом *болтуном* считается не только тот мужчина, который распускает сплетни и не умеет хранить тайны, но и тот, у которого слова расходятся с делом: *an old wife* «сплетник»; *all mouth and (no) trousers* «used to say that someone, especially a man, never behaves in the way that he says he will»; *a man with a paper ass* «болтун»; *A man of words and not of deeds, is like a garden full of weeds*; *Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать*; *Курица не птица, лодырь не человек, болтун не хозяин; бесструнная балалайка* «(пренебр.) болтун, пустомеля»; *ботало коровье* «(бран.) болтун».

В английской фразеологии отмечается еще и неразрывная связь болтливости с хвастовством: *loud-mouth* «one, use. male, who speaks loudly, excessively and either boastfully or by bullying or very indiscreetly»; *flash Jack/ Harry* «a showy fel-

low; a boaster”; *all wind and piss like a barber’s cat* «хвастиливый мужчина».

Исследователи не раз отмечали, что для мужчины является унижительным любое его сравнение с женщиной [Малишевская, 1999: 182], неудивительно, что женоподобный мужчина однозначно получает в английской и русской ЯКМ отрицательную оценку: *play the woman* «плакать, трусить; вести себя как не подобает мужчине, быть “бабой”»; *an old woman* «(пренебр.) «старая баба»; робкий или суетливый человек (о мужчине)»; *weak sister* «(пренебр.) человек, на которого нельзя положиться, ненадежный человек, слабак, баба; изнеженный, беспомощный, неприспособленный к жизни человек; кисейная барышня»; *У него девичья память; красная девица* «(разг. ирон.) о слишком робком, застенчивом человеке»; *базарная баба* «крикливый, грубый, вздорный человек; скандалист».

Помимо общих стереотипных черт мужского характера во фразеологических фондах обоих языков отмечаются характеристики, рассматриваемые как сугубо мужские только в английской, либо только в русской ЯКМ.

Так, в английской ЯКМ положительно оцениваются такие качества в мужчине, как: *надежность, честность и умение контролировать свои эмоции*: *good skin* «a decent fellow»; *stout fellow* «a reliable, courageous and likable fellow»; *keep a stiff upper lip* «used in order to say that someone does not show their feelings even though they may be feeling very upset»; *cool cat* «человек (обычно мужчина), который спокоен, не смущен, не ошеломлен».

Материалы социологического исследования показывают, что чувство юмора относится к одной из важнейших характеристик, которыми должен обладать мужчина в англоговорящем социуме. Высокую оценку в англоязычной культуре получает и умение контролировать свои эмоции [Гачев, 1998: 167; Карасик, 2004: 93], поэтому отрицательную оценку в английской ЯКМ получают такие черты мужчины, как: *отсутствие чувства юмора, агрессивность и раздражительность*, а также *подхалимство*: *stuffed shirt* «скучный надутый человек (обычно мужчина)»; *carpet-biter, carpet-biting* «(usu. male) who gets into a fearful rage, a visibly very angry man»; *cookie pusher* «a male employer who carries favour with his boss».

Если в английском фразеологическом фонде можно выделить черты, составляющие стереотипный национальный образ мужественности, то однозначно определить такие черты в русской картине мира по данным фразеологического фонда не представляется возможным.

Можно утверждать, что негативную оценку в русской ЯКМ получает *нерешительный и безвольный* мужчина: *рыцарь на час* «о слабовольном человеке, живущим благородными порывами, но не способного к длительной борьбе»; *вишневый (гнилой) интеллигент* «(неодобр. или презр. бран. разг.) о безвольном человеке, проявляющем излишнюю уступчивость».

Такие черты как: *наглость, заносчивость, излишняя самоуверенность, агрессивность, и хитрость* получают скорее отрицательную, чем положительную оценку: *борзота вишневая* «(презр.) о наглом, нахальном человеке»; *кидать пальцы* «быть заносчивым, много о себе думать»; *пальцы веером, сопли пузырем, десны в волосах, на зубах колючки, на ногах фиги* «о «новом русском», его заносчивости, самоуверенности, наглости, а также о любом излишне самоуверенном человеке»; *колорадский жук* «(разг. презр.) о лицемерном, хитром, коварном человеке».

Трудность в определении личностных мужских качеств в русской ЯКМ, как представляется, является следствием их неоднозначности в русской культуре. Стереотипы маскулинности в России на протяжении всей ее истории были и остаются противоречивыми. С одной стороны, исследователи отмечали заметную роль русской женщины в политической и культурной жизни Древней Руси, с другой — указывали на недостаток мужской активности и самостоятельности в народе. В советское время гипертрофия одних маскулинных ценностей (коллективизм, дисциплина, самоотверженность) достигалась за счет атрофии других (энергии, инициативы, независимости и самостоятельности). Чтобы добиться жизненного успеха, нужно было быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным, не самостоятельным, а конформным [Иваницкий, 1995: 173].

В наше время образ мужественности также представляется расплывчатым. Так, в современных российских СМИ, рекламе, кино, на телевидении тиражируется образ настоящего мужчины как творческой личности, профессиональной, знающей, способной принимать решения и одерживать победы. Однако в тех же СМИ проводится мысль о неполноценности и угнетенности российских мужчин — жертв стервозных женщин, коммунистического прошлого или западной колонизации. Неоднозначны и мужские идолы массовой культуры: от образов «мачо» до нежных юношей с намеком на возможную гомосексуальность [Митина — Низовских, 2003: 175].

Итак, мужчина в английской и русской ЯКМ получает негативную оценку, если он не облада-

ет необходимым стереотипным для обеих ЯКМ набором мужских качеств: смелостью, немногословностью, умом. Женоподобный мужчина оценивается негативно в обеих ЯКМ. Стереотипный психологический портрет мужчины в английской ЯКМ представлен более полно, чем психологический портрет мужчины в русской ЯКМ. Помимо общих для обеих ЯКМ психологических черт в английской ЯКМ обязательными для мужчины считаются такие качества, как надежность, честность, хорошее чувство юмора и умение контролировать свои эмоции. В русской ЯКМ не представляется возможным по данным фразеологического фонда определить качества, входящие в образ мужественности. Можно утверждать, что однозначно негативную оценку в русской ЯКМ получает нерешительный и безвольный человек.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. — М. : Академия, 1998. — 432 с.

2. Иваницкий В. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Социс. — 1995. — № 3. — С. 161–173.

3. Карасик, В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002. — 333 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.

5. Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. — М. : Языки славян. культур, 1999. — С. 180–184.

6. Митина О. В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // Обществ. науки и современность. — 1999. — № 3. — С. 179–191.

7. Митина О. В., Касперт А., Низовских Н. А. Идеология маскулинности в России : постановка проблемы и экспериментальное исследование // Обществ. науки и современность. — 2003. — № 2. — С. 164–176.

Е. А. Титова (Челябинск, Россия)

ЗВУКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТРАСТ

Poetical language is a special kind of language where the organization of language units can produce an effect on a recipient. Thus language units acquire pragmatic functions and are able to reveal the emotions of the author and evoke appropriate reactions. According to the accepted classification of emotions into positive and negative, there can be outlined such poetical texts as emotionally positive, emotionally negative and containing emotional contrast. All these kinds of texts have particular sound organization so that they can produce a relevant effect. As for poems with emotional contrast, it can be mentioned that they are usually devoted to contrasting phenomena and underline the controversial attitudes of the author evoking at the same time similar reactions of recipients. To produce the contrasting effect, poets usually use such techniques as assonance and dissonance and contrasting sound combinations.

Keywords: poetic language, phonic technics, pragmatic potential, emotional contrast, reaction of the recipient.

Ни для кого не секрет, что поэтический язык — язык особого плана, особой организации. Именно языковое оформление поэтических произведений способно производить соответствующий эффект на реципиента и вызывать определенный эмоциональный отклик. В соответствии со своим коммуникативным намерением автор отбирает для передачи информации языковые единицы и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. К таким языковым единицам относятся предложения, лексемы и средства фонической организации.

Фонические приемы, среди которых выделяются звуковые повторы, явления благозвучия и

неблагозвучия, звукоподражания и звуко-символизма, способны передать основную идею произведения, так как именно в стихотворном языке они получают особую смысловую нагрузку, тесно сливаясь с содержанием.

Явления благозвучия и неблагозвучия представляют собой очень важные элементы в звуковой организации поэтической речи. Причем звучание становится заметным (как в случае благозвучия, так и в случае неблагозвучия) при повторении звуков или целых групп звуков. Звуки проявляют те или иные свойства только в определенных условиях. Отдельно взятый звук не способен произвести нужное впечатление, толь-

ко гармоничное сочетание смысла и звучания обладает огромной силой воздействия. При помощи звукоподражательных слов и сочетаний поэты передают самые различные слуховые впечатления, тем самым вызывая в сознании реципиента те или иные образы и ощущения. Наряду со звукоподражательной, в звукоизобразительной системе языка существует звукосимволическая подсистема, но здесь речь идет не о слуховых образах, а о различных ощущениях человека, получаемых им через все органы чувств, кроме слуха. Явление звукосимволизма в поэзии приобретает особую выразительность. Звуки получают способность производить впечатления только в составе организованной структуры текста, и часто их «качество» зависит от содержания произведения и полностью реализуется лишь в конкретном контексте [Гальперин, 1989: 57].

Опираясь на работы известных фоносемасиологов и анализ поэтических текстов различного содержания, мы выделили 5 основных звуковых значений:

- 1) «светлые», «мажорные», «нежные»;
- 2) «нейтральные»;
- 3) «темные», «минорные», «жесткие»;
- 4) «напряженные»;
- 5) «агрессивные» [Воронин, 1990: 121].

Такие значения наиболее ярко проявляются в рамках поэтического контекста, который, наряду с семантическим содержанием, обладает прагматической направленностью, то есть способностью вызывать у адресатов те или иные эмоции.

В эмоциях и чувствах человек проявляет свое отношение к содержанию познаваемого. Эмоции служат обозначением не только лишь удовлетворения/неудовлетворения физиологических потребностей организма, а способом побуждения внутренней деятельности, мышления и связаны с интеллектуальными и эстетическими чувствами [Баженова, 2003: 37].

Исходя из деления эмоций на положительные и отрицательные, а также в результате проведенного анализа поэтических произведений, мы выделили три типа эмоционального восприятия стихотворений: эмоционально-негативный, эмоционально-положительный, смешанный/ эмоциональный контраст.

Таким образом, звуковое оформление помогает автору создать в произведении эмоциональный контраст, что влечет за собой возникновение соответствующей реакции у читателя. То есть фонетические приемы в поэтической речи обладают прагматическим потенциалом и способны вызывать у реципиента те или иные эмоции [Додонов, 1987: 43].

Руководствуясь делением эмоций на положительные и отрицательные, в результате нашего исследования мы выделили три группы поэтических текстов:

- 1) эмоционально-негативные;
- 2) эмоционально-позитивные;
- 3) смешанные/содержащие в себе эмоциональный контраст [Виллюнас, 2004: 65].

Здесь необходимо обратить внимание на то, что данная классификация не является единственно верной, существуют различные подходы к разграничению типов текстов (как художественных вообще, так и поэтических в частности), опирающиеся на разнообразные признаки, но в рамках нашего исследования представляется целесообразным выделить стихотворных текстов такого плана.

Произведение У. Драммонда *Sleep, Silence' child, sweet father of soft rest...* является ярким примером противостояния положительных и отрицательных эмоций.

*Sleep, Silence' child, sweet father of soft rest,
Prince, whose approach peace to all mortals
brings,*

*Indifferent host to shepherds and to kings,
Sole comforter of minds with grief oppressed,
Lo, by thy charming rod, all breathing things
Lie slumbering, with forgetfulness possessed,
And yet o'erme to spread thy drowsy wings
Thou sparest, alas, who cannot be thy guest.
Since I am thine, O come, but with that face,
To inward light which thou art wont to show;
With fained solace ease a true-felt woe.
Or if, deaf god, thou do deny that grace,
Come as thou wilt, and what thou wilt bequeath;
I long to kiss the image of my death.*

[Drummond, 1990: 280]

В сонете поэт обращается ко сну, который, в его представлении, способен успокоить, избавить от забот. Подобное впечатление создается за счет аллитерации шипящих, среди которых преобладает [s] (*sleep, silence, sweet, soft, rest, peace, host, sole, forgetfulness, possessed*).

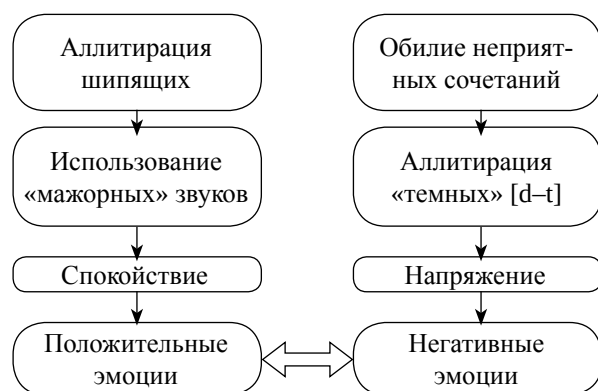
Помимо явления аллитерации, в начале произведения можно отметить частотное использование «мажорных» звуков и сочетаний с ними: [i:] (*sleep, sweet*); [l] (*sleep, silence, child, all*); [m], [n] (*comforter, minds, charming*).

Первые строки сонета вызывают у реципиента положительные эмоции и ощущение спокойствия. Но в то же время с самого начала стихотворения можно наблюдать и обилие неприятных для слуха сочетаний, в состав которых часто входит напряженно-агрессивный [r]; [pr]

(*prince, approach, oppressed, spread*); [br] (*brings, breathing, slumbering*). Так поэт передает напряженное состояние, вызванное душевной тоской. Для последних строк этого произведения характерно обилие «темных» звуков, наиболее частотными из которых являются [d-t] (*inward, light, art, wont, fained, true-felt, deaf, god, do, deny, wilt, what, death*). Причем такой повтор встречается в анафорической и эпифорической позициях, что привлекает больше внимания, чем использование звуков в середине слов. В качестве завершающего элемента У. Драммонд употребляет слово *death* (смерть), которое и «обигрывается» при помощи вышеупомянутой аллитерации. Используя звуки различного качества («минорные» — «мажорные»), а также своеобразное противостояние «спокойствие» — «напряжение», автор при помощи звуковых приемов создает эмоциональный контраст, способствующий появлению у читателей соответствующих впечатлений. Такой контраст заключается в противостоянии образа сна и душевных переживаний поэта. Обращаясь ко сну, автор ищет в нем спасение от своих проблем.

Схематично такой эмоциональный контраст можно изобразить так:

Произведение У. Драммонда
Sleep, Silence' child, sweet father of soft rest...

Следуя данной схеме, видим, что контраст в произведении У. Драммонда выражается следующим образом:

1) аллитерация шипящих с частотным использованием [s] вызывает в душе читателя ощущение спокойствия;

2) использование «мажорных» звуков в начале произведения способствует созданию положительных впечатлений;

3) обилие неприятных сочетаний влечет за собой возникновение напряжения, что контрастирует с гармоничным ощущением;

4) повтор «темных» звуков с частотными [d-t] создает дополнительные негативные впечатления.

Таким образом, в рамках контекста особая звуковая инструментовка способна вызывать у реципиентов либо положительные, либо отрицательные эмоции. Совмещение различных приемов может указывать на эмоциональный контраст и привлекать внимание к той или иной проблеме.

Список литературы

1. Английский сонет XVI—XIX веков : сборник / сост. А. Л. Зорин. — На англ. яз. с параллел. рус. текстом. — М. : Радуга, 1990. — 698 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 444 с.
3. Баженова И. С. Эмоции. Прагматика, текст : монография. — М. : Менеджер, 2003. — 392 с.
4. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологии эмоций // Психология эмоций : учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. В. Вилюнас. — СПб. : Питер, 2004. — С. 11–22.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. — 244 с.
6. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 199 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1989. — 139 с.
8. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. — М. : Титул, 2002. — 670 с.
9. Додонов Б. И. В мире эмоций. — Киев : Политиздат Украины, 1987. — 139 с.
10. Журавлев А. П. Звук и смысл : кн. для учащихся. — М. : Просвещение, 1991. — 155 с.
11. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста: статьи и исследования. — СПб. : Искусство-СПб, 1996. — 846 с.
12. Рубинштейн С. Л. Эмоции // Психология эмоций : учеб. пособие для студентов вузов // авт.-сост. В. Вилюнас. — СПб. : Питер, 2004. — С. 244–261 с.
13. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. — М. : Наука, 1981. — 213 с.

О. В. Трофимова (Тюмень, Россия)

**«... О ЗЛОМ ЕЁ УМЫСЛЕ ОНЫМ РАПОРТОМ ПОКОРНО ДОНОСИТ»:
АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ
РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА**

The article is devoted to the analysis of tachygraphic official reports dated back to the 18th century. It also reveals the study of semantical and pragmatic aspects of the texts and sums up peculiar features of this genre.

Keywords: *speech intent, performative, tachygraphic document, genre.*

В заголовок статьи вынесена цитата из архивного документа — рапорта от 1 февраля 1796 г. (опубликован в [Трофимова, 2002а: 435]). Документ выделяется на фоне большинства прочих тюменских рапортов периода правления императрицы Екатерины II. Как правило, в рапортах находил отражение один субъект речи — исполняющий свои должностные обязанности адресант, которого можно сравнить с рассказчиком, внешним наблюдателем в художественном тексте. Процитированный рапорт отличается приближением к «авторскому» видению ситуации с многоголосием субъектов речи: в тексте не только предъясняется факт, но и отражаются следы оценки и анализа ситуации.

Чтобы приблизиться к адекватности понимания документа, отстоящего от исследователя более чем на 200 лет, важно помнить, что «текст обретает возможность быть истолкованным в качестве сообщения о ситуации, представленной в языковой форме» [Рогова, 2011: 8], а также что «структурно-содержательная и прагматическая организация текста определяет отбор и организацию языковых средств, которые подвергаются здесь речевым преобразованиям, выполняя конкретное смысловое назначение и вписываясь в свое окружение. Структура текста предопределяет и его речевой анализ» [Рогова, 2011: 9]. Текст анализируемого рапорта в первую очередь можно разделить на предикативные части (говорить об анализе предложений преждевременно, ибо, как правило, скорописные документы представляют собой одну сложную синтаксическую конструкцию). «Оправдание» подобного подхода к тексту документа может быть сформулировано следующим образом: искомая юридическая истина есть результат осмысленного постижения грамматической истины¹, которая складывается из анализа фрагментов текста, принадлежащих разным субъектам

речи. Фрагменты же как некая условная смысловая целостность есть «сумма» предикативных частей со смысловым приращением: «юридическая истина» ← «грамматическая истина» ← субъекты речи и принадлежащий им текст ← предикативные части. В результате документ в исследовательских целях получает следующий вид²:

I	В Тюменской ни*неи земской су ^а / изъ Червишевскаго волостнаго су ^а / рапортъ
II	
III	(1) 26го числа сего генваря здешней волости деревни Другановой староста / Василей Ржавинъ прибывъ в волостной / су^а объявилъ (2) означенной деревни Друга/новой уличной десятникъ объявилъ / ему старосте Ржавину (3) что во оной / деревне крестьянина Егора Овечкина / жена Аксиныя якобы по неимению / к пропитанию хлеба с малолетними / троими детми живучи обще со ска/занным мужемъ свои^м вздумала дави/тца, (4) и оное умышление за ней из до/машни^х примечено было, (5) ибо тотъ / крестьянинъ Егоръ Овечкинъ со сказа/нною женою и зъ детми жите^{ство} имю^т / обще в одно^м доме з брато^м роднымъ / Михаиломъ Овечкиным^м (6) почему означенной / братья Михаило со свои^м семействомъ / в томъ имеютъ опасность (7) и объявляю^т / о томъ десятнику;

¹ Ср. высказывание С. С. Аверинцева: «Как служба понимания филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять другого человека (и другую культуру, другую эпоху), не превращая его ни в “исчислимую” вещь, ни в отражение собственных эмоций» [Аверинцев, 1990: 545].

² Условные обозначения: I — начальный протокол: реквизиты адресант, адресат, самоназвание документа; II — казусная часть (ссылка на первичный текст — иницирующий документ или устное волеизъявление); III — информация о реализации предписания или об инциденте, спровоцировавшем появление рапорта; IV — прагматическая часть, вербализующая речевую интенцию адресанта; V — реквизит подпись; VI — реквизиты дата и исходящий номер; VII — пометы адресата (входящий номер, дата получения и регистрации рапорта, визы о порядке соответствующего делопроизводства). При публикации знаком косой черты «/» отмечаем конец строки оригинала, сохраняем его орфографию и пунктуацию; указываем номера предикативных частей и выделяем их скрепы.

IV	(8) ТОГО РАДИ / Тюменско ^{му} ни ^ж нему земско ^{му} суду Черви/шевской волостной су ^д о вышеписа ^н ной / женке и о зломъ ее умысле симъ рапортомъ покорно доносить; /
V	за безграмотствомъ старосты Василя Ржавина / приложена именная ево печать; / Пищикъ Алексѣи Михайловъ
VI	№ 25 / генваря 31 ^{го} числа / 1796 ^{го} года
VII	№ 488 П февраля 7 ч 1796 году

Текст документа состоит из четырех фрагментов, организованных по принципу «матрёшки», принадлежащих четырем субъектам речи: 1) волостной суд, единственный в тексте субъект прямой речи (и *его* речевые интенции — оценка первопричины инцидента и информирование адресата: *о злом умысле... рапортом доносит*). Прочие — субъекты косвенной речи: 2) староста Василий Ржавин; 3) уличный десятник; 4) Михаил Овечкин, являющийся исходным субъектом информации, — брат Аксины, которая решила покончить жизнь самоубийством, вероятно (по мнению брата?), из-за голода. Подчеркнуто субъективное видение ситуации Михаилом (изначально вызывающее сомнение, субъекта которого, правда, невозможно однозначно идентифицировать: «...Аксинья *якобы* по неимению к пропитанию хлеба <...> вздумала давиться...») стало поводом для административного разбирательства. В архиве сохранился рапорт дворянского заседателя Жулебина, который на месте допрашивал всех участников события, в том числе Аксиныю. Фрагмент её допроса: «...сего года зимою <...> вдруг приключилась неизвестная ей какая болезнь, от которой обезумела, и в том безумии долгое ль время была, того не знает; а как пришла в настоящую память и почувствовалась, тогда ей, Аксиные, сказывал деверь ее родной <...>, что имела намерение с голоду удавиться, <...> хлеб же к пропитанию <...> тогда у них был» [Трофимова, 2002а: 436].

Таким образом, в официально-деловом тексте обнаруживаются «следы» субъекта речи (Михаил), принимающего на себя функции автора текста, которому доступна не только внешняя оболочка сюжета, как рассказчику-повествователю, но и некое знание внутреннего мира персонажа, аналогом которого является в данном случае Аксиныя. Мы наблюдаем своеобразный когнитивный подход к сюжету, который проявляется как смена когнитивно-эмоциональных состояний персонажей. Семиотический анализ ситуации позволяет рассматривать Аксиныю (как пер-

сонажа исходного рапорта) только в качестве носителя аффективно-волевых состояний психики (которые могут выражаться как знаковым, так и незнаковым — сигнально-индексальным — способом) [Чертов, 1993: 245], Михаила — в первую очередь в качестве субъекта рациональных актов мышления, «внешнего наблюдателя» [Греймас, Фонтаний, 2007: 82]. При этом сомнению подвергается не само намерение Аксины, а содержание причины («*якобы* по неимению хлеба»). В допросе же Аксины предположение Михаила подается в реальной общеутвердительной модальности («имела намерение *с голоду* удавиться»). Опровержению версии о причине безумства Аксины посвящена отдельная, присоединенная к основной, часть допроса («хлеб же к пропитанию... тогда у них *был*»). Однако остается неизвестным, кто из субъектов речи является источником этой информации: здесь важно обратить внимание на форму 3-го лица местоимения — *у них*.

Особое место представленного выше рапорта выявляется на фоне других документов [Трофимова, 2002б]. В предлагаемую ниже выборку включены рапорты 1780-х гг., публикуемые впервые. Исследование более чем 250 архивных источников 1762–1796 гг. позволяет утверждать, что структура текста, сформированные реквизиты, графически выделенное самоназвание документа, клишированные выражения в его текстовой части свидетельствуют о том, что в последней трети XVIII в. в документообороте тюменских канцелярий жанр рапорта уже сложился. Так, в представленных ниже рапортах 1–4 фиксируется реализация предписаний, которые были сформулированы в письменных документах вышестоящих официальных адресантов, чаще всего — присутственных мест (ср.: *при указе, по силе приказов, во исполнение приказу и др.*) или в словесных повелениях должностных лиц. Адресанты рапортов должны были на месте предпринять определенные действия (*о принесении молитв рапортовать; за сыском ездил; к вызову желающих к покупке и пр.*). Основная интенция составителей рапортов — отчитаться о проделанной работе, информировать адресата (*молебное пение учинено; ямщика не оказалось; никого не явилось...*), и потому в прагматической части документа фиксируем глаголы *рапортую, рапортуется, рапортом доносит*; в редких случаях речевая интенция не вербализуется (см. рапорт № 4).

Итак, коммуникативная цель рапортов 1–4 обусловлена выполнением должностных обя-

Рапорт № 1¹

I	В Тюменской нижней земской суд ¹ / Созоновского волостного суда / рапортъ
II	(1) При указе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО / ВЕЛИЧЕСТВА ис Тюменского ниж ² /него земского суда о ^т 9: сего авгу/ста а в сей волости 11 чисе ¹ полу/че ¹ : (2) и при то ^м печатной эхе ^м пля ^р / о понудите ^л ных причина ^х принесени ^и / всевышнему богу сщ ^{ен} никами в церква ^х молитвъ с получения в первой / воскресной или праздничной день и по / испол ^н ени ^и земской суд рапортова ^т /
III	(3) и в силу одного ея императорскаго / величества указу в повеленной силе / сего * августа 13 числа сей волости / въ Екатерининской церкви священнико ^м / Ѳедоро ^м Баженовы ^м в поражени ^и новаго / врага всевышнему богу молитвъ / всемирной благодати моле ^б ное пе/ние учинено
IV	(4) о че ^м в ниж ^{ней} земской / суд ¹ и репортует ^{ца} :
V	во уверение у сего / за бесграмотсво ^м выборного Екима / Ду ^б ровны ^х приложена волосная печат ^ь /
VI	августа 13 дня / 1788 го ^д / № 167
VII	№ 1652 Полученъ августа 15 ч 1788 года

Рапорт № 2²

I	В Тюменской нижней земской судъ казака / Семена Пыткеева / рапортъ
II	(1) По силе данного мне ис Тюменского нижнего / земского суда приказу
III	за сыскомъ потреб ^ь /ного къ следствию ямщика Козмы Кривода/нова Тюменской округи Созоновской воло/сти в деревню Криводанову ездилъ (2) и озна/ченного ямщика Криводанова в той дере/вне не оказалось (3) а от обывателей объявлено / (4) что оной отлучился безъ всякаго писме/нного виду для работъ в слободы (5) а (6) в какие / именно (5) не знаютъ;
IV	(6) о чемъ Тюменскому нижнему земскому суду рапортую = /
V	августа 13 дня 1789 года ³
VI	К сему ра/порту вместо казака Семена Пыткеева / про ^б ои ево руку приложил ^ь о ^т ставной канцеля-ри ^{ст} / Его ^р Ми ^л кеевъ
VII	№ 1960 Поданъ августа 13 числа 1789 года / Записавъ в реестръ и доложи ^т 13 ч августа 1789 года / В докладно ^и реестръ записа ^и августа 14 ч.

Рапорт № 3³

I	В Тюменской нижней земской судъ / ис Тугулымского волостного суда / рапортъ
II	(1) По силе присланного ис Тюменского ниж ^ь /няго земского суда отъ 12 ч октября / по ^д № 3092 ^м в Тугулымскомъ волостно ^м / суде полученномъ 5 числа ноября сего 1786 / года приказу к вызову желающихъ / к покупке состоящей в Тюмени запа/сной муки ста одной четверти дву / четвериковъ (2) [и кто желающия окажу ^т ца / (3) онымъ явитца к Тюменски ^м городнически ^м / дела ^м]
III	(1) по публика ^и в Тугулымско ^и / волосте никого не явилось
IV	(4) о чемъ Тюме/нскому нижнему земскому суду / симъ Тугулымской волостной судъ / рапортуе ^{тъ} : ³
V	к сему рапорту вместо / старосты Анании Шеломенцова ево / прозбою и за себя Федоръ Ко ^ш аровъ руку / приложилъ / Пищикъ Ива ^н Широковско ^в
VI	№ 57 ноября 10 дня / 1786 года
VII	№ 2975 Полученъ ноября 21 дня 1786 года / Записавъ в реестръ соо ^б щи ^т к указу

¹ ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3838. Л. 11, 11 об.² Там же. Д. 370. Л. 11. Регистрационные пометы адресата тремя новыми почерками.³ Далее реквизит «подпись» новым почерком.⁴ ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 4270. Л. 5, 5 об.

№ 4¹

I	В Тюменской нижней земской судъ / ис Тюменского емского волостного суда / рапортъ
II	(1) Во исполнение присланного из одного нижняго / земского суда генваря отъ 20 ^{го} по ^л № 171 ^м приказу / велено публиковать о вызове желающих к покупке / в Тюменско ^м уездно ^м казначействе лошаины ^х и другаго / роду кожъ;
III	(2) и по тому приказу в Тюменско ^м емскомъ / волосно ^м суде емщика ^м опубликовано (3) токмо, желаю/шихъ никого не явилось ²
IV	
V	емской волосной / выборной Иванъ Козохинъ /
VI	№ 28 февняля 9 дня / 1787 года
VII	№ 397 Получень февряля 9 дня 1787 года / Записавъ сообщить к делу

занностей адресанта, и потому факт реализации речевой интенции вербализуется перформативным глаголом *рапортовать*, входящим в грамматическую основу отдельной предикативной части, отграниченной от предыдущего текста традиционной для скорописных тюменских документов текстовой скрепой *того ради* (см. рапорт № 5) или выполняющим ту же сегментирующую текстовую функцию анафорическим местоимением *о чем*. Основная речевая интенция может сопровождаться дополнительной — в этом случае у вторичного по своей сути текста рапорта появляется свойство иницирующего первичного текста, и в дальнейшем документопотоке формируется сверхтекст, например, того или иного следственно-

го или административного дела [Голованова, 2008]. Так, в рапорте № 5 адресант инициирует вышестоящего адресата: *просит учинить распубликование*, чтобы найти сбежавших из-под стражи рекрутов.

В то же время рапорт может быть сам по себе иницирующим первичным документом (и в его формуляре отсутствует казусная часть, как в примерах 6, 8–10), в котором сообщается нечто, нарушающее определенный порядок, нормальное положение дел. Подобные документы сопоставимы с известными в русской истории доносами (ср. перформативный глагол в рапорте № 6 *доношу*); должностные полномочия дают право адресанту на определенную свободу действий, и тогда рапорт становится, например, сопроводительным

№ 5³

I	К Тюменскимъ городническимъ дела ^м / ис Тюменского городского кре/стьянского волостного суда / рапортъ
II	(1) По силе присланныхъ ея императорскаго / величества ис Тюменского нижняго / земского суда указовъ
III	назначены были / к отдаче в рекруты бродяги пустодомы / и не производящие хлебопашества самого / города Тюмени государственные крестьяне / Его ^р Козыревъ, и Артемеи Оверьяновъ, (2) кото/рые сего ноября на 15 ^е число в ночи ис по ^л при/смотре крестьянина Матвея Устинова / неведомо куда бежали, (3) из нихъ Артемеи= / снесъ на себе покупнова народскова платья / шубу баранью нову белую, зипунъ сермяжного / сукна, рукавицы с ысподками
IV	(4) ТОГО РАДИ / оные городнические дела симъ рапортомъ / городской крестьянской волостной судъ / представя и проси ^т о бежавшихъ рекрутахъ / Козыреве и Оверьянове по учиненны ^м в городе / Тюмени квартала ^м учинить распу ^б ликова/ние
VI	ноября 15 ч 1787 года
V	вместо старость / Наума Парфенова Савы Патрушева и ^х / веление ^м подписа ^н пищикъ Ива ^н Широко ^в ско ^в
VII	Подано ноября 16 ^{го} ч 1787 года

¹ ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 4270. Л. 7.² Далее реквизит «подпись» новым почерком.³ ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191. Л. 832.

№ 6¹

I	... второй части частного смо/трителя каптенармуса Андрѣева / рапортъ
II	
III	(1) Сего числа усмотрено мною (2) что Тюмень/ского городского магистрата члены ходили / сей части в Городищенской кварталъ (3) заче ^м / (4) и х кому имянно (5) я неизвестенъ
IV	
V	(6) о чемъ / Тюменскимъ городническимъ деламъ симъ доношу ²
VI	К сему рапорту вместо частного / смотрителя Матфея Андреева ево прозбою / салдать Данило Рябовъ руку приложилъ
VII	

№ 7³

I	В Тюменское городническое правление / подлѣкаръ Берникова / рапортъ
II	(1) Какъ небезызвестно оному правлению (2) что / я по указу Таболскаго наместническаго пра/вления командированъ на случай, для по ^т - зо/вания здѣшняго города ꙗ округи воинскихъ / чиновъ ꙗ разнаго звания согра*данъ, такъ же / ꙗ в Туринске городъ ꙗ его округе ветреною / язвою одержимы ^х болны ^х ;
III	
IV	(3) в тако ^м случае / онаго правления прошу чре ^з сие знание ^м / не оставить, (4) ест ли такого роду одержимы / болезнию болные (5) или нетъ, (6) ѣбо я до*женъ / по силе указа ꙗ Туринской горо ^д съ его округой / обозреть (7) о чемъ о ^т онаго правления сведения / ожидаю:/
V	/ подлѣкаръ Сава Берниковъ /
VI	ч 7 июля / 1787 года
VII	

№ 8⁴

I	К Тюменски ^м коменда ^н ски ^м дела ^м / о ^т находящегося в лесной коман/де Таболскаго 3 баталиона / сержанта Михайла Коретникова / рапо ^р тъ
II	
III	(1) Находящейся в кома ^н де моей 3 бата/лиона са ^н дать Лванъ А ^н дреевъ не доко ^н /чевъ положенного на него уроку в вырубке лесу заболелъ глазами и на ле/вой руке на па ^н ца ^х ранами (2) которо^н / здесь в лесу по ^н зова ^н быть не може ^т /
IV	(3) почему осмеливаю ^с препроводить / к Тюменски ^м коменда ^н ски ^м деламъ / прося (4) дабы онаго са ^н дата при ока/зи ^н препроводить в Таболскъ (5) дабы / оной бес пользования не могъ полу/чить техчее болезни:/
V	сержантъ / Михайло Каретниковъ: /
VI	ч 4 мая / 1789 году
VII	

¹ ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191. Л. 255. Верхний край листа утрачен. Судя по соседним документам, рапорт составлен в апреле 1787 г.

² Далее реквизит «подпись» новым почерком.

³ ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191. Л. 519. Верхний край листа утрачен

⁴ ГУТО ГАТО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. на обороте листа запись новым почерком Сеи салдать с партией колодничей / отправленъ в Таболскъ.

№ 9¹

I	В Тюменскую коменданскую / канцелярию о ^т находящагося / при го ^б вахте фуриіра Савина / Филипова / рапортъ
II	
III	(1) Посажень по ^а стражу мешани ^а / Василеи Коробѣиниковъ (2) х которо ^{му} / неоднократно приходи ^т Иванъ / Дубровинъ к го ^б вахте (3) а сего / числа прише ^т уже ј в го ^б ва ^х ту / бѣ ^з взякого приказанія (4) и воше ^т / в касенку (5) где оной Коробѣинико ^в / сидитъ (6) ј стали с нимъ шопта/тца
IV	(7) которого в Тюменскую / коменданскую канцелярию / при семъ рапорте ј пре ^а ста ^а ляю /
VI	1788 году апреля 5 дня ² /
V	К сему рапорту вместо Савина / Филипова ево просбои сержантъ / Михаила Поповъ руку при- ложилъ
VII	Поданъ апреля 6 дня 1788 году

№ 10³

I	К Тюменскимъ городническимъ дела ^м / ис Тюменского городского кре/стьянского волостнаго суда / рапортъ
II	
III	(1) Минувшаго ноября 30 числа ввечеру = / прибылъ в сеи судъ из города Таболска / рекрутской отдатчикъ Иванъ Кокори ^а / (2) и о ^б явилъ (3) что отправленъ онъ по словесному отъ его превосходительства / Александра Васильевича Алябьева / приказанию за крестьянами Федоромъ / Парфеновымъ и Петромъ Докучинымъ / для взятья бежавшихъ от рекрутского / набора детей ихъ у Парфенова Василья / у Докучина Ивана, (4) и по тому ево о ^б явле/нію пришедъ к нему отдатчику Ко/корину в домъ волостнаго суда пищикъ / Иванъ Широковсковъ для спросу о здаче / рекрутъ (5) и будущую при томъ крестьянина Петра Докучина дочь девку Ма/трону не отпуска ^а к себе в домъ, для / того (6) чтобъ братьямъ ко роднымъ / не подала вести, (7) однако своимъ / усилиемъ ушла, (8) а назавтре поутру / посланъ былъ из волостнаго суда / выборной Иванъ Парфеновъ со обыва/ телями в домъ ко крестьянину Пе ^т ру /Докучину за детми ево Иваномъ / Силои и Андреемъ (9) куда по прибытии / из домашнихъ никого не застали / (10) а толко отыскали вышепредписанную / дочь ево Петра Докучина девку / Матрону в доме у новокрещенова тата/рина Егора Воронцова (11) которая по при/бытии в волостной су ^д о ^б явила (12) что / братья еіо Иванъ Сила и Андреи / неведомо куда бежали (13) а отца из го/рода Таболска и по сие число не быва ^а / (14) и то ее показание несправедливо / (15) а имянно (16) 1 ^е тюменской ящикъ / Иванъ Неверовъ крестьянину Дми/трею Ваганову словесно сказыва ^а / (17) что крестьянинъ Иванъ Докучинъ / из города Таболска приехалъ, / (18) 2 ^е на первое число декабря во второмъ часу ночи посланного о ^т отдатчика Ивана Кокорина экономическихъ крестьянъ зборщика Ивана Родивилова девка / Матрена Докучина в домъ не пу- стила / (19) в такомъ случае и надо думать (20) что / братья еіо родныя были при доме
IV	(21) того / ради онымъ городническимъ деламъ симъ рапортомъ волостной су ^д предъ/ставя и про- ся о сыску сказанныхъ / ево Ивана Сылы Андрея а притомъ / и жены ево Петра Докучина Марьи / Степановой дочери в городе Тюмени / по учиненны ^м квартала ^м зделать распубликование,

¹ ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 360. Л. 3, 3 об.³ ГУТО ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 191. Л. 854–855.² Далее реквизит «подпись» новым почерком.

IV	(22) а (23) когда в сыску не ока/жутца (22) то (24) куда надлежи ⁷ (22) учинить / предписание
VI	декабря 2 ч 1787 года: ¹
V	к сему рапо ^р ту вместо старость На/ума Па ^р фенова Савы Патрушева выбо ^р на/ва Василя Пешькова Лвана Пар ^р фенова / прозбои их за себя выбо ^р ной Лванъ Патрушевъ руку приложилъ
VII	

документом (ср. перформативный глагол в рапорт № 9 *представляю*). В рапорте № 7 в казусной части сосредоточено подтверждение должностных обязанностей, реализация которых обусловлена информированием адресанта от адресата, и адресат использует рапорт не как докладной, а как распорядительный документ [Трофимова, 2002в: 23, 36], однако, помня о своей подчиненности адресату в ситуации административной иерархии, использует «смягченный», этикетный-перформативный глагол *просить*: *прошу (знанием не оставить)* (№ 7); *осмеливаюсь (препроводить)*, *прося* (№ 8).

Рапорт № 10, имеющий объемные информативный (20 предикативных частей с сочинительной, разными типами подчинительной и с бессоюзной связью) и прагматический (4 предикативные части) блоки, отличается от предыдущих (как и от большинства архивных рапортов конца XVIII в.) синтаксическим и лексическим богатством. По субъектной структуре от близок к рассмотренному выше рапорту в начале статьи: коллективный адресант вводит в свой текст отмеченную чужую речь придаточными изъяснительными (*отдатчик Кокорин — объявил, что...; девка Матрена объявила, что...; ямщик Неверов сказывал, что...*), отглагольными существительными (*приказание* А. В. Алябьева, *спрос* пищика Широковского), а также неотмеченную — выборного Парфенова «со обывателями». Кроме информирующей речи, основной адресант вводит в текст оценочную (14) и аргументирующую (16–20) речь (*несправедливо; надо думать*) и так же, как в рапорте № 5, этикетно иницирует вышестоящего адресата — *просит сделать распубликование*.

Рапорты как одна из жанровых разновидностей скорописных документов XVIII в., которые принято называть массовыми историческими источниками, демонстрируют массовость субъектов речи и свидетельствуют о том, что в России фор-

мируется новая структура коммуникативного административного пространства, и вовлеченными в него оказывается всё большая часть населения — потенциальных и реальных адресантов скорописных деловых текстов. В итоге собственно анализа синтаксического каркаса документа с актуализацией семантического и прагматического аспектов исследования реально перспектива разработки формуляров всех разновидностей (или жанров) документов XVIII века, что облегчило бы исследовательскую работу специалистов в области архивоведения, истории делопроизводства, истории права и т. д.

Список литературы

1. Голованова О. И. Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. — 24 с.
2. Греймас А. Ж., Фонтань Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / пер. с фр. И. Г. Меркуловой / предисл. К. Зильберберга. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 336 с.
3. Рогова К. А. Введение // Текст: теоретические основания и принципы анализа : учеб.-науч. пособие / под ред. К. А. Роговой. — СПб. : Златоуст, 2011. — 464 с.
3. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. : Кн. II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2002а. — 828 с.
4. Трофимова О. В. Рапорт как жанр русского документа (на материале тюменских рукописных источников Екатерининской эпохи) // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста и речи. Т. 2. — Соликамск : Изд-во СГПИ, 2002б. — С. 257–269.
5. Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале

¹ Далее реквизит «новым» почерком.

тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— СПб. : ЛОП ф-та журналистики СПбГУ, 2002в.— 42 с.

6. Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи.— СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993.— 388 с.

С. В. Тряпицына (Челябинск, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТЕМ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Intertextuality is the shaping of texts' meanings by other texts. It can refer to an author's borrowing and transformation of a prior text or to a reader's referencing of one text in reading another. This article is devoted to a study of intertextual embedments in mass media texts. If an intertexteme, through a source of information, relates to a current event, its function ranges from that of documentation to substitution of responsibility for the information provided. If an intertexteme is of the background type, the intertextemes' functional load is narrowed to expressive emphasis of pragmatically significant information fragments.

Keywords: *intertextuality, intertexteme, media text.*

Функционирование современного социума невозможно без наличия развитой системы массовой коммуникации, под которой понимается особым образом организованное средство социального и культурного общения людей, наиболее мощный фактор распространения новых идей» [Туманян, 1984:6]. Главная особенность использования языка в современном «информационном» обществе — массовый характер коммуникации, глобализация информационных процессов, расширяющих формы воздействия на социум, которые по-новому структурируют «старые» формы и возможности языковой коммуникации. Тексты средств массовой информации (СМИ) всегда динамичны и современны, они воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Как известно, материалы, относящиеся к этому регистру речи, представляют собой «сплав» всего спектра функциональных стилей языка, в них функция сообщения реализуется в той же мере, что и функция воздействия, для чего используется весь набор имеющихся в распоряжении языка средств. «Язык журналистики является ярчайшим срезом языка общества» [Малюга, 2001: 3], он должен быть ярким, обладать большой силой воздействия, во многих своих характеристиках он близок к разговорной речи. Одна из ведущих тенденций современных средств массовой информации — активизация интертекстуальных связей. Отличие текстов публицистического функционального стиля от текстов других стилей состоит в разнообразии способов включения «чужого слова» в медиатекст. Это как формы интертекстуальности, традиционно используемые в художественной литературе (реминисценции, аллюзии, ин-

тертекстуальные заглавия, цитаты, в том числе точечные, эпиграфы, пересказ, пародия), так и свойственные научным и официально-деловым текстам ссылки и сноски, точные цитаты и др. [Фатеева, 1988: 7].

Сам термин «интертекстуальность», введенный, как принято считать, Ю. Кристевой и восходящий к работам М. М. Бахтина, получает различные дефиниции. В общем виде интертекстуальность определяется как «использование текстов внутри текстов» [Паршин, 2001: 4], способы и формы которого чрезвычайно разнообразны и варьируют в различных видах дискурса [Гришкова, 2004: 1]. Проблема цитации, интертекста, «чужого» слова в «своем» является в настоящее время одной из самых популярных, хотя и начала разрабатываться сравнительно недавно. Вплоть до 1960-х гг. цитирование не становилось предметом специального интереса в отечественном литературоведении. Теория интертекстуальности складывалась главным образом в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе. Однако в действительности сферы ее использования гораздо шире. «Взрыв интертекстуальности» [Паршин, 2001: 4] в средствах массовой информации (СМИ) — на телевидении, в прессе, в различного рода рекламных текстах — открывает широкие перспективы для исследований лингвистических аспектов данного явления.

Современные направления лингвистических исследований интертекстуальности формируются вокруг трех основных проблем: источник «чужого текста», способ его «встраивания» в авторский текст и функции интертекстуальных компонентов. Настоящая статья посвящена исследо-

ванию функций интертекстуальных включений в тексты средств массовой информации.

В исследованиях по интертекстуальности на материале СМИ наблюдается заметное терминологическое разнообразие при выделении функций цитат, аллюзий, намеков и пр. Так, например, П. Б. Паршин называет следующие функции: опознавательную, поэтическую, референтивную, метатекстовую [Паршин, 2001: 4]. Е. А. Супрун указывает на функции наиболее четкой передачи «фрагмента сообщения», «оживления текста» (особенно в заголовках), ссылки на авторитет, эстетическую функцию [Супрун, 1998: 5]. Е. А. Земская называет среди основных функций цитации в языке постсоветского общества пародирование, травестирование, осмеяние догм, поэтизацию, создание загадки и др. [Земская, 1996: 2]. Таким образом, разными авторами, так или иначе, выделяются эстетическая и отсылочная функции интертекстем.

Исследование материалов современной российской прессы позволяет выделить две основные группы интертекстем: первый тип — интертекстемы актуальные (ИТА) составляют тексты источника информации (блиц-интервью, публичные выступления политиков и т. п.). Второй тип — интертекстемы фоновые (ИТФ) — включают в себя тексты и символы культуры, составляющие арсенал фоновых знаний представителей того или иного национально-культурного сообщества. Остановимся подробнее на функциях выделенных типов интертекстем.

Для первого типа интертекстем (ИТА) свойственны функции: документирование авторитетом, пиар-продвижения, аргументации (контраргументации), подмена ответственности, метасобытийная функция, развлекательная функция.

Функция документирования авторитетом осуществляется чаще всего при сообщении сведений, имеющих потенциально высокую познавательную ценность и личностную значимость для основной массы читателей. Это могут быть новые факты из области науки и здравоохранения, статистические сведения, данные социологических опросов, различного рода прогнозы и проекты. Композиционная структура таких заметок включает в себя, как правило, сообщение информации со ссылкой на источник, затем следует цитата(ы) высказываний, вводимые в форме прямой или косвенной речи и дополняемые пересказом. В качестве примера можно привести заметку из газеты «Аргументы и факты» [2005. № 19]. Заголовок — «Рак можно победить». Вводка — «Новосибирские ученые объявили

о значительных успехах в создании вакцины против рака». Затем следует текст беседы с директором Института клинической иммунологии СО РАМН академиком РАМН В. Козловым с информацией о технологии получения вакцины и применении ее при лечении онкологических больных. В центре внимания здесь — сенсационное научное событие, суть которого излагается в нескольких этапах: в заголовке содержится модальная информация, призванная привлечь внимание читателя; во вводке сообщается со ссылкой на новосибирских ученых о создании вакцины против рака; затем в форме пересказа со слов академика В. Козлова приводится собственно фактологическая информация.

Функция пиар-продвижения реализуется в рамках такого социального параметра медиации, как формирование общественного мнения. Продвижение может заключаться в создании имиджа политиков, общественных деятелей, партий, финансово-промышленных компаний, в скрытой рекламе торговых марок, товаров и услуг, в лоббировании (или контрлоббировании) проектов, решений, идей и т. п. Иллюстрацией позитивного пиара может служить заметка «У России длинные провода» [«Россия». 23.10.2003], посвященная подписанию соглашения в области энергетики между Россией и Арменией. Основным средством пиар-продвижения являются ИТА, включаемые в текст в форме цитат из беседы с А. Чубайсом. Четко прослеживается прагматическая направленность на формирование позитивного имиджа РАО «ЕЭС России» и его руководителя А. Чубайса.

Функция аргументации (контраргументации) также подчинена параметру формирования общественного мнения. Ее отличие от функции пиар-продвижения заключается в том, что по тому или иному вопросу озвучиваются как минимум две точки зрения, одна из которых прагматически маркируется в качестве аргумента (контраргумента). Так, в сообщении «Битва за детей или за деньги» [Аргументы и факты. 2005. № 13] новостная информация из области здравоохранения сопровождается комментарием авторитетного врача и общественного деятеля Л. Рошаля: «Михаил Зурабов подписал приказ, согласно которому в России появится новая медицинская специальность — семейные врачи. В их обязанности вменяют наблюдение за беременными и новорожденными. Минздравсоцразвития РФ утверждает, что они ни в коем случае не заменят педиатров. Но, как считает известный детский доктор Л. Рошаль, это — обман. Семейный врач автома-

тически окажется на месте педиатра — ведь дополнительные средства на расширение кадров никто не выделял. Известно, что система придумана Центром стратегических разработок Г. Грефа, где не работает ни один медик».

Функция подмены ответственности сопровождается функцией аргументации. Формально в этом случае журналист оказывается «над событием», маскируя оценку средствами интертекстуальности. Так, в сообщении «Делиться надо» [Московский комсомолец. 2003. № 46], на первый взгляд отвечающем всем «канонам» объективности, при специальном анализе просматривается попытка формирования у читателя образа Р. Абрамовича как «жертвы», необоснованно преследуемой государством. Материалом ИТА здесь является сообщение британского издания «Telegraph», которое, в свою очередь, ссылается (без уточнения фамилии) на некий «высокопоставленный источник в Счетной палате». Такое усложнение интертекстуальных связей «встроенной» ссылкой сопровождается чередованием референции: и к тексту издания (издание «Telegraph» сообщило, что... как отмечает издание), и непосредственно к высказываниям чиновника (источник... утверждает, государственные мужи считают, что... которые источник назвал...). Очевидно, что при поверхностном знакомстве с заметкой читатель едва ли зафиксирует эти «тонкости», а в его сознании вероятнее всего отложится общий сюжет события в интерпретации автора сообщения.

Метасобытийная функция. В этом случае сам текст «источника» становится коммуникативным событием. Чаще всего это высказывания политических деятелей, приобретающие общественный, внутригосударственный или международный резонанс. Новостной текст в таком случае сообщает одновременно и о факте такого высказывания (событийный аспект) и само высказывание (интертекстуальный аспект), причем последнее служит своего рода «достоверным и документированным изложением» первого. Так, в заметке «Ширак одернул Буша» [Труд. 1.07.2004] о саммите стран — членов НАТО в Турции приводятся цитаты из высказываний Ж. Ширика: «...В то время, как прочие лидеры Старого континента, находившиеся в эти дни в Стамбуле, предпочли промолчать, Жак Ширак в достаточно резкой форме дал понять Бушу, что его попытки совать нос в чужие дела, по крайней мере, неуместны. «Он не только зашел слишком далеко, но еще и вторгся на чужую территорию», — заявил французский президент и добавил: «В обязанности Буша

не входит советовать или предлагать что-либо Евросоюзу. Это похоже на то, как если бы я взялся объяснять США, каким образом им строить отношения с Мексикой». Используемые приемы позволяют квалифицировать общую коммуникативную интенцию медиатора как формирование позитивного общественного мнения в отношении французского, и негативно-ироничного — в отношении американского президента.

Развлекательная функция ИТА пересекается с метасобытийной, но отличается от нее как «субъектами» цитации, так и характером коммуникативной направленности всего сообщения. Чаще всего эту функцию можно обнаружить в разного рода светских хрониках. Например, в «Известиях» [28.10.2003] в заметке под заголовком «Софи Лорен — не Шварценеггер» содержится следующая информация: «На 33-й кинофестиваль “Молодость”, проходящий в Киеве, прибыла Софи Лорен. Она потребовала выговаривать свою фамилию с ударением на первом слоге и заявила: “Я — не Шварценеггер. В политику не иду, для меня главное — семья, я прежде всего мама...”» Прагматическая ценность выбранного для цитирования высказывания обусловлена неожиданностью содержащегося в нем противопоставления (собственно «развлекательный» функциональный компонент) и «откровением» кинозвезды о своих жизненных приоритетах (здесь коммуникативная функция заключается в удовлетворении любопытства публики и «интимизации» общения с ней).

Выделенные функциональные типы ИТА не всегда встречаются «в чистом виде», а могут различным образом комбинироваться. В любом случае их функции отвечают параметрам медиации в СМИ, а именно: в ИТА отображаются критерии отбора новостной информации, осуществляется прагматическое усиление/ослабление ее отдельных компонентов, маскируется коммуникативное намерение в целях сохранения (или повышения) рейтинга издания.

Характерной особенностью ИТФ в новостях является их использование преимущественно в заголовках. При этом можно выделить два аспекта их функционирования. Во-первых, ИТФ в такой позиции подчиняются функциям заголовка: привлечения внимания, настройки восприятия и формирования оценки. Во-вторых, они усиливают воздействующий потенциал других медиаторных приемов и текста в целом, выступая как дополнительные коннотирующие элементы наряду со средствами лексического, морфолого-синтаксического и композицион-

ного уровней. Представляет интерес еще одна функция ИТФ, упомянутая выше со ссылкой на П. Б. Паршина,— опознавательная. Суть ее заключается в установлении отношений «свой/чужой» между автором и читателем. Учитывая, что позиции «свой/чужой» маркируются относительно идеологий и культурных ценностей, можно точнее определить эту функцию как делимитативную. В целом, по нашим наблюдениям, она реализуется в дискурсе СМИ путем негативного коннотирования интертекстом «противника». «Чужое слово» используется как маркер «чужого» — оппонента, противника, врага. В качестве таких интертекстов могут выступать идеологические штампы, клише, фрагменты высказываний политиков, номинации текущих и исторических общественно-политических реалий. ИТФ отчетливо выделяется для аналитических и художественно-публицистических жанров, вопрос же о ее наличии и проявлениях в новостных жанрах требует специального исследования.

Таким образом, как показывает анализ, продуктивное выявление функций интертекстуальности в жанрах СМИ позволяет конкретизировать функции интертекстуальных компонентов в зависимости от типа их источника. Там, где интертекст через источник информации отсылает к актуальному событию, ее функция варьирует в диапазоне от документирования до подмены ответственности за сообщаемую информацию. Там же, где посредством интертекстуальных связей информация включается в культурный контекст, функциональная нагрузка интертекстом сужает-

ся до экспрессивного усиления прагматически значимых фрагментов информации.

Список литературы

1. Гришкова О. Н. Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы II Междунар. конгресса исследователей рус. яз.— М., 2004.— С. 387.
2. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания.— 1996.— № 3.— С. 23–31.
2. Малюга Е. Н. Подходы к изучению вопросительных предложений в англоамериканской прессе.— М. : Изд-во МГУ, 2001.— 174 с.
3. Паршин П. Б. Типы, функции и источники интертекста в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : тез. докл. Междунар. науч. конф. / под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой.— М., 2001.— С. 84.
4. Супрун А. Е. Реминисценции в газетных текстах // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов.— Вып. 1 / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой.— Минск, 1998.— С. 142.
5. Туманян Э. Г. Место и значение периодики в образовании литературных языков // Язык и массовая коммуникация : социолингвист. исслед.— М., 1984.— С. 14–35.
6. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. РАН.— Сер. литературы и языка.— 1998.— Т. 57, № 5.— С. 25–38.

Л. Г. Тупчиенко-Кадырова (Кировоград, Украина)

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД (на примере писем архивного наследия композитора Ю. С. Мейтуса)

The structure analysis of the text of the letters allowed to select semantic and pragmatic connections into text and out of text. The pragmatic connections are: estimations (by an author or addressee) of people, of their internals, of events, emotional states attitudes and their estimations and etc. In intertext connections is selected top-text connections with top level of generalization. This top-text relations connect with out-text cultural reality. So, the structure of text includes inter-, top- and out-of-text connections.

Keywords: *semiotic analysis of letters, text structuring, archival heritage of J. S. Meytus, J. S. Meytus, A. I. Vasilyeva, N. P. Rozhdestvenskaya.*

Семиотическое направление в исследовании различных текстов актуально и интересно не само по себе как самодостаточное и рефлексующее явление. Оно отвечает тенденциям более глубокого проникновения в субъективно-объ-

ективные смыслы, взаимосвязи текста с внетекстовой реальностью. В частности, это проявляется в усиливающемся интересе к документам-источникам, к информации, в них зафиксированной. И к документам, содержащим информацию

о значительных событиях в жизни общества и с высоким уровнем обобщения (например, воспоминания крупных общественных деятелей). И к документам, авторы которых повествуют о деталях, нюансах значительных либо обычных событий. Увеличение количества разных информационных нюансов может привести и к некоторой переоценке этих событий. Поэтому актуально изучение текстов конкретных документов, более глубокое проникновение в их содержание и представление разноаспектных поисковых признаков в информационных системах. Для этого, на наш взгляд, можно использовать метод смыслового анализа текстов, основой которого является определение отношений между каждым словом в предложении для дальнейшей автоматизации этого процесса [Овчинников, 2004: 34–45]. Но наш подход отличается тем, что объектом анализа становятся фрагменты текста различного масштаба: слово, словосочетание, предложение, группа предложений, текст, внетекстовые объекты. А целью анализа является выявление таких связей или структурных элементов (СЭ), которые могут представлять интерес и для более глубокого осмысления и интерпретации текстов документов, и для поиска в целостной системе признаков разного уровня обобщения. Нами уже рассмотрены некоторые виды писем [Тупчиенко-Кадырова, 2009: 9; 2010: 10 и др.].

Цель нашей статьи — рассмотреть некоторые семиотические аспекты писем. В частности, определить, в каких СЭ проявляются текстовые и внетекстовые связи, семантические и прагматические. Письмо представляет собой сложную структуру, из которой нам нужно выделить собственно текст и внетекстовые связи. И сама система внутритекстовых отношений также является многоуровневой сложной структурой [Лотман, 1994: 243–244].

Повторим, что под текстом понимается «система внутритекстовых отношений» (связанная с языком как средством выражения), под контекстом — «историко-культурная реальность» (связанная с действительностью, традициями, представлениями, литературными нормами и т. д.) [Там же: 213]. Естественно, что текст документа и его контекст представляют собой неразрывное единство.

В нижеприведённых примерах структурного анализа писем текстовыми (или внутритекстовыми) будут являться все СЭ, которые иллюстрируются текстовыми фрагментами (ТФ). Некоторые СЭ формулируются нами, т. к. в тексте непосредственно не содержатся, но формируются из тек-

стового материала. Они необходимы для полноты текстовой структуры и для обозначения содержания писем для поисковых систем. Назовём их топ-текстовыми (от англ. top — верхний, вершина), примем как рабочее название, т. к. эти связи относятся к высшим уровням внутритекстовых связей. Разделение на текстовые и внетекстовые сделаем по аналогии со следующим примером. Для поэтического текста «наиболее общим, высшим уровнем будет понятие “поэзия” [топтекстовый СЭ], тогда “внетекстовым понятием будет ‘не-поэзия’, последнее по своему объёму и характеру меняется в соответствии с различными историческими периодами и в соответствии с понятиями, к которым приравнивается — “прозе” или “искусству в целом”» [Там же: 215]. В структурном анализе представим их с соответствующими пометками — «топ-текстовые», «внетекстовые». Именно топ-текстовые непосредственно связаны с контекстом, могут либо входить в более широкие понятия как составные части, подсистемы, виды, либо рассматриваться как альтернатива на данном уровне иерархии. Таким образом, топ-текстовые связи, принадлежащие к высшим уровням текстовых, служат связующим звеном между текстом и контекстом.

Существует, по меньшей мере, три варианта разделения семантических и прагматических связей [Овчинников, 2004: 30–31]. Обобщая их, однако, можно сказать, что семантика определяет отношения текста и объекта — внешнего мира, который в нём отражается, в т. ч. во время его порождения. Прагматика определяет отношения текста и субъекта — внутреннего мира автора и/или того, кто воспринимает текст, в т. ч. и в самом процессе восприятия. Например, к семантическим отнесём характеристики содержания: о чём автор намеревается поведать своим адресатам. К прагматическим связям отнесём следующие: характеристики внутреннего мира носителя языка (и автора, и воспринимающего текст), его внутреннего состояния, отношения к адресату сообщения. Эти характеристики могут быть не осознанными и не быть целью высказывания. Они могут проявляться в таких конкретных типичных отношениях: «цели», «ценности», «задачи», «предписания», «разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы» [Звонова, 2011: 3]; «цель фиксации информации» [Бездрабко, 2009: 309]; «повод создания»; «принадлежит автору», «автор текста», «по-мнению» и др. Топ-текстовыми могут быть как семантические, так и прагматические связи.

Перед тем, как привести примеры структурного анализа писем, заметим следующее. СЭ выделены жирным шрифтом. ТФ заключены в кавычки, два СЭ, относящиеся к одному ТФ, приводятся вместе (через предлог «и»), второй приводится с большой буквы. Расшифровка или исправления берутся в квадратные скобки. В конце структуры приводятся СЭ (Факты, Предложения [не выраженные]), иллюстрации для которых сформулированы, а не взяты из текста. Фамилия, имя, отчество (ФИО), названия коллективов, учреждений, произведений, жанров и др. приводятся без кавычек. Некоторые отличия в формулировке СЭ свидетельствуют об их вариативности, обычно для поисковых списков баз данных выбирается один вариант, от других делаются ссылки. «Персоной» является лицо, которое имеет отношение к письму или о котором в нем идет речь: автор, адресат, упоминаемое лицо, герои произведений. Под «произведением» понимается название произведения. «Событиями» называем СЭ, которые иллюстрируются ТФ, а «Фактами» — перефразированные, инверсированные, сокращенные их варианты.

Рассмотрим письма с творческими и семейными отношениями авторов и адресатов, первое — с фрагментом стихотворения. Первое письмо приводится полностью: описание, аннотация, комментарий, структурный анализ; второе — документ № 2 [Мейтус, 1979: 5] и третье — документ № 3 [Васильева, 1993: 2] иллюстрируют вместе с первым письмом те или иные группы связей.

Документ № 1

Рождественская [Наталья Петровна]. Письмо певицы композитору Мейтусу Юлию Сергеевичу, от 4 сентября 1952 г. Из Москвы [в Киев?].— Рукопись. Размеры: 17×14, 4 см // Кировоградский музей музыкальной культуры им. К. Шимановского (далее — КММКШ).— Ф. Мейтуса Ю. С.— Док. № 737.— 1 л. [Рождественская, 1952: 7].

Аннотация. Певица предлагает собственную редакцию перевода фрагмента слов романса Ю. С. Мейтуса.

Описание и комментарий. Письмо написано черными чернилами, с правой стороны отрезано [вместе с конвертом?], не ровно. Бумага пожелтела. На конверте [вероятно рукой музейного работника] написано авторучкой с фиолетовым стержнем «Рождественский». В каталоге музея также отмечено, что автором письма является поэт Р. Рождественский. Но из письма очевидно, что автором является Рождественская, певица. В Википедии есть данные о единственной оперной и камерной певице, которая в это время мог-

ла выступать с концертами — Наталью Петровну Рождественскую [Рождественская, 2011: 8] (1900–1997), народную артистку РСФСР (1947), солистку Всесоюзного радио с 1929 по 1960 [Яковлев, 1978: 11], этот период её активного исполнительского творчества подтверждает вероятность авторства письма. Кроме того, из этой же статьи известно, что певица неоднократно переводила либретто опер на русский язык, следовательно, перевод, о котором идет речь в письме, — не случайный. И к творчеству Ю. С. Мейтуса певица могла обращаться, ведь она уделяла внимание преимущественно камерному исполнительству и популяризировала не только российскую и зарубежную классику, но и произведения современных отечественных композиторов. Относительно другой фамилии, что вспоминается в письме, — Машистова — на наш взгляд, речь идет об известном поэте Алексее Ивановиче Машистове.

Структурный анализ документной информации

Оценка отношения к адресату: «Многоуважаемый».

Обращение: «Юлий Сергеевич!».

События личной жизни: «На днях воротилась в Москву после летних путешествий».

Место пребывания: Москва.

События переписки: «и спешу ответить на Вашу открытку. Посылаю Вам мой перевод».

Оценки (автора и адресата) события и Планирование будущего события: «мне приятно, что он Вам нравится и Вы хотите его использовать».

Наличие ошибки использования слова и Обоснование исправления: «В переводе Машистова [фамилия вставлена] романса «Я шел по цветущим долинам» я для себя сделала исправления в первом куске, п[тому]. ч[то]. слово «порты» [подчеркнуто «ы» и поставлено над ним ударение] с таким ударением на последнем слоге имеет в русском языке совершенно неподходящее к данной вещи значение. Множественное число от порт [слово подчеркнуто] будет порты» [слово подчеркнуто, отмечено ударение на первом слоге].

Персона (переводчик): Машистов [Алексей Иванович], поэт, переводчик.

Название произведения или Первая строка: «Я шел по цветущим долинам».

Предложенный вариант фрагмента стихотворения: «Мое исправление выглядит так:

«Я шел по цветущим долинам
В альпийских высоких горах.
Я плыл по бездонным глубинам
В больших чуждальных морях.»

Просьба и Продолжение переписки: «Пожалуйста, Юлий Сергеевич, напишите мне — устраивает ли Вас такая замена».

Событие: «В Комитете явно просмотрели эту ошибку, только если в печати уже поздно ее исправлять.».

Учреждение: Комитет [по делам искусств?].

Планирование и Событие в будущем: «Я буду Ваши романсы петь в моем открытом концерте в Ленинграде, в конце октября.».

Место будущего события: Ленинград [Санкт-Петербург].

Дата будущего события (Дата предполагаемая): 1952, октябрь.

Пожелание: «Всего хорошего».

Подпись: «Нат[алья?] Рождественская».

Дата написания письма: «4 / IX — 52 г. » [4 сентября 1952 г.].

Факт: Рождественская Н. П., певица, предлагает собственный вариант перевода фрагмента текста романа Ю. С. Мейтуса.

Факт: Рождественская Н. П., певица, планирует исполнить произведения (романсы) Ю. С. Мейтуса.

Уровень отношений с адресатом (Топ-текстовый прагматический СЭ): творческий.

Жанр (Вид) документа: Письмо.

Топ-текстовый СЭ для письма: Переписка Н. П. Рождественской и Ю. С. Мейтуса.

Внетекстовый СЭ для жанра: Эпистолярная литература.

Жанр произведения, о котором идёт речь в письме: Романс.

Внетекстовый СЭ для жанра произведения: Украинская советская академическая музыка.

Жанр вербальной части произведения: Стихотворение.

Топ-текстовый СЭ для вербальной части произведения: Поэзия.

Внетекстовые СЭ: Искусство; Культура.

Итак, библиографическое описание, аннотацию, комментарии с описанием (приведённые к первому письму) отнесём к результатам научного исследования текста письма.

К **тексту** или к внутритекстовым связям, по нашему мнению, следует отнести те, которые взяты непосредственно из письма или переформулированы из фрагментов текста. Для письма как вида текста родовым понятием и семантическим СЭ является «Переписка». Поэтому топ-текстовыми СЭ для рассматриваемых нами писем будут: «Переписка Н. П. Рождественской и Ю. С. Мейтуса», «Переписка А. И. Васильевой и Ю. С. Мейтуса». Для вербальной части в виде стихотворения в первом письме — «Поэзия».

Прагматическим топ-текстовым СЭ является «Уровень отношений с адресатом», в первом письме — творческий, в двух других — семейный и творческий одновременно (жена Ю. С. Мейтуса создала либретто к нескольким операм композитора).

К **контексту** отнесли следующие сформулированные СЭ, общие для всех писем: Факты, Эпистолярная литература, Украинская советская академическая музыка; Искусство, Культура. Для двух последних писем общим будет СЭ — Советские оперы. Для первого нами выделены: Вокальное исполнительство, Переводы стихотворений, Романсы, Сочинение музыки и др. Для второго: Семейные отношения, Создание либретто. Для третьего: Композиторы XX века. Внетекстовые связи включают, кроме названий СЭ, их описание, определение и т. д. Например, определённый нами жанр оперы имеет определение, характеристики, другие примеры, описание в каком-либо источнике, скажем, в энциклопедии и т. д.

К **прагматическим** отнесём следующие СЭ. **Оценка отношения к адресату:** «Многоуважаемый» [Рождественская, 1952: 7], «Моя родная, ласковая, любимая», «Чем дольше мы вместе с тобой, тем ближе и дороже становишься ты для меня. Проходят годы, но время не стирает моего чувства, оно все сильнее и ярче звучит во мне», «Крепко, крепко тебя целую и люблю», «Твой» [Мейтус, 1979: 5]; «Дорогой мой, любимый и глубоко уважаемый Юлинька!», «идеальный человек», «Дорогой мой Юлинька, крепко тебя обнимаю, целую и люблю», «Твоя Алла», «но не хочу подсчитывать сколько тебе лет, ты для меня всегда молодой, как и в первую нашу встречу» [Васильева, 1993: 2]. **Оценка отношений к адресату и Оценка отношений между персонами:** «Повторяю, уже много лет, как я счастлива быть с тобой рядом, это великая награда за все наши огорчения. Это действительно огромное счастье, посланное богом, которое редко кому выпадает: жить, любить, работать с таким человеком как ты» [Васильева, 1993: 2]. **Оценка автора события:** «мне приятно»; **Оценка адресата:** «что он [перевод стихотворения] Вам нравится» [Рождественская, 1952: 7]; **Оценка отношений между персонами:** «Крепко, крепко тебя целую и люблю»; **Оценка совместной деятельности:** «в нашей трудной и, как мне иногда кажется, неблагодарной работе»; **Оценка творчества:** «создавали произведения, которые, возможно, надолго переживут нас» [Мейтус, 1979: 5]; «но и выдающийся композитор XX в. Придет время

когда люди всего мира будут восхищаться твоей музыкой и удивляться, как в такое тяжелое время ты смог написать столько классической музыки», «И твои произведения и при нашей жизни и после нас никогда не умрут» [Васильева, 1993: 2]. **Оценка человеческих качеств адресата:** «Ты не только идеальный человек: добрый, честный, отзывчивый, правдивый, интеллигентный» [Там же]. **Оценка события:** «Я рада» [Там же]. **Оценка и описание эмоционального состояния совместной деятельности:** «Иногда меня охватывает отчаяние — как мне справиться с той огромной работой, которую я должна выпол[н]ять. Но когда я вспоминаю, что все, что я делаю это для тебя, у меня появляются силы» [Там же]. **Оценка произведений:** «Эта опера [«Антоний и Клеопатра»], как и все предыдущие, останется навсегда, будет жить, радовать и восхищать людей [Там же].

Таким образом, к прагматическим мы отнесли оценки (данные автором или адресатом) людей, их качеств, событий, эмоциональных состояний, отношений к людям и т. д. Все остальные, кроме выше обозначенных внетекстовых и топ-текстовых, относятся к семантическим.

Итак, метод структуризации помогает выделить семантические и прагматические типичные отношения внутри текста и отношения текста и контекста, проиллюстрировать их соответствующими ТФ. Сами СЭ формируют надструктуру текста с внутри-, топ- и внетекстовыми связями. Эта надструктура непосредственно встроена в культурную среду. Жизнь текста (его создание и бытование), конечно, происходит в некоторой культурной реальности и неотделима от неё. Но текст с культурной реальностью связан непосредственно через топ-текстовые связи, которые представляют как бы вершину пирамиды. Эта вершина связана с вершинами других пирамид (других текстов) по внетекстовым связям. При сопоставлении этих пирамид (или конкретного текста и не-текста), происходит познание текста в различном соотношении с не-текстом или в соотношении с разными не-текстами, что в свою очередь обогащает также наши знания о культурной реальности в целом.

Список литературы

1. Бездрабко В. Документознавство в Україні: інституціоналізація та сучасний розвиток.— Киев : Четверта хвиля, 2009.— 716 с.
2. Васильева Александра Ивановна. Письмо Мейтусу Юлию Сергеевичу с поздравлением ко дню рождения, от 28 января 1993 года. Рукопись. Размеры: 28, 6×20, 2 см, конверт: 11, 3×16 см // КММКШ.— Фонд Мейтуса Ю. С.— Док. № 761.— 1 л., 1 конверт [?].
3. Звонова Е. В. Семиотический подход и культурно-историческая реконструкция исторического прошлого // Философия и методология истории : сб. науч. ст. IV Всерос. науч. конф. (Коломна, 28–29 окт. 2011 г.) / Моск. гос. обл. социал.-гуманитар. ин-т.— Коломна : МГОСГИ, 2011.— С. 335–342.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.— М. : Гнозис, 1994.— С. 11–263.
5. Мейтус Юлий Сергеевич. Письмо Васильевой Александре Ивановне, жене композитора с поздравлением ко дню рождения, от 12 марта 1979 г. На художественном бланке в незапечатанном конверте, конверт без марки. Рукопись. Размеры: 20, 8 х 15, 4 см; конверт 11, 2×16, 2 см // КММКШ.— Фонд Мейтуса Ю. С.— Док. № 2559.— 1 л. + 1 к. [?].
6. Овчинников В. Г. Методологическое введение в информатику.— М. : Компания Спутник+, 2004.— 216 с.
7. Рождественская [Наталья Петровна]. Письмо певицы композитору Мейтусу Ю. С., от 4 сентября 1952 г. Из Москвы [в Киев?].— Рукопись. Размеры: 17×14, 4 см // КММКШ.— Ф. Мейтуса Ю. С.— Док. № 737.— 1 л.
8. Рождественская Наталья Петровна [Электронный ресурс] // Википедия.— URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рождественская,_Наталья_Петровна.— Заглавие с экрана.
9. Тупчієнко-Кадирова Л. Г. Описання музичних та інших документів на основі інтегрованого формату описування // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія.— 2009.— № 2.— С. 14–23.
10. Тупчієнко-Кадирова Л. Г. Структурний аналіз інформаційної складової офіційних листів // Рукописна та книжкова спадщина України : археогр. дослідження унікальних арх. та бібл. фондів.— Киев, 2010.— Вип. 14.— С. 358–376.
11. Яковлев М. М. Рождественская Наталья Петровна : [статья] // Муз. энциклопедия / гл. ред. Ю. В. Келдыш.— М. : Сов. энцикл., 1978.— [Т.] 4.— Ст. 680–681.— (Энциклопедии. Словари. Справочники).

С. Б. Уланова (Рязань, Россия)

СЕМАНТИКА ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

A set of categorical meanings a grammatical form possesses can perform an aesthetic function in a literary text. In this paper the role of part-of-speech semantics in the text interpretation is analyzed. It is shown from the cognitive-discourse perspective. The anthropocentric nature of grammatical semantics is revealed.

Keywords: grammatical form, grammatical semantics, categorical meanings of parts of speech, interpretation of literary text.

В современных лингвистических исследованиях язык продолжает изучаться с позиций антропоцентрического подхода. Учёных интересуют проблемы языкового сознания, когниции, концептуализации и категоризации в языке, взаимодействие языка и культуры и отражение этих процессов в дискурсе. В связи с этим семантические исследования по-прежнему остаются актуальными.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть роль грамматической морфологической семантики в художественном тексте, а именно выявить, какие функции могут выполнять грамматические формы в поэтическом тексте. С этой целью проанализируем стихотворение Эдуарда Каммингза «if i».

if i

or anybody don't
know where it her his

my next meal's coming from
i say to hell with that
that doesn't matter (and if

he she it or everybody gets a
bellyful without
lifting my finger i say to hell
with that i

say that doesn't matter) but
if somebody
or you are beautiful or
deep or generous what
I say is

whistle that
sing that yell that spell
that out big (bigger than cosmic
rays war earthquakes famine or the ex

prince of whoses diving into
a whatses to rescue miss nobody's
probably handbag) because i say that's not

swell (get me) babe not (understand me) lousy
kid that's something else my sweet (i feel that's true)¹.
(E. E. Cummings)

В стихотворении отсутствуют заглавные буквы, точки и запятые, нарушаются законы грамматической сочетаемости слов. При этом обращает на себя внимание грамматическая семантика местоимений, которая служит своеобразным «ключом» к его прочтению. Личное местоимение первого лица единственного числа *i* меняет свое положение внутри строки и этим привлекает внимание читателя, так как именно от его положения в начале (например, в пятой строке), в середине (в девятой строке) или в конце строки (в первой и десятой строках) зависит членение текста на смысловые группы. Тем самым компенсируется отсутствие красной строки, заглавных букв и знаков препинания.

Объектом стилистической отмеченности является грамматическая семантика местоимений при перечислении и обобщении. Так, в стихотворении нарушаются законы указания на единство и множество через причисление личного местоимения *I* к неопределённому *anybody* «if i or anybody...», неопределённого *somebody* к личному *you* «...if somebody or you...». Указание на единство и множество, на определенность и неопределенность также нарушается, когда автор представляет парадигму личных местоимений и сочетает ее с местоимением *everybody*, например: «...and if he she it or everybody gets...», а также обозначает парадигму притяжательных местоимений «...where it her his my next meal's coming from...», где, кроме того, не соблюдается форма притяжательного местоимения третьего лица единственного числа среднего рода *its*, заменяемая личным *it*. Вопросительные местоимения *whose* и *what* сближаются у Э. Каммингза с личными, обладая грамматическими категориями последних: «the ex prince of whoses diving into a whatses to rescue... handbag». Это достигается посредством дополнительной индивидуальной авторской маркированности: к вопросительным

¹Cummings E. E. Complete Poems 1913–1962.— London, 1956.— 232 p.

местоимениям *whose* и *what* прибавляется аффикс *-es*, и кроме того наличие неопределенного артикля перед местоимением сближает его с существительным.

Привлекает внимание и грамматическая семантика формы в анализируемом стихотворении. Графически текст наполняется омонимичными грамматическими аффиксами *-s*, *-es*, *-’s*, которые существуют в разных подсистемах: в сфере аналитической формы глагола при отрицании, в форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола, в форме множественного числа и притяжательного падежа имени существительного, в сфере притяжательного падежа местоимений: *meal’s coming, doesn’t matter, gets a bellyful, rays, earthquakes, whoses, a whatses, nobody’s, that’s*. Приведенные примеры показывают, что на фоне нормативного употребления аффиксов выступает индивидуальное авторское создание форм избыточно маркированных грамматически (*whoses, a whatses*). Однако через повторение определенных созвучий, а именно грамматических аффиксов *s*, *-es*, *-’s* возникает так называемый звуковой символизм, в результате чего на первый план выносятся общность грамматической маркировки всего поэтического произведения.

Грамматическая семантика аналитической формы глагола при отрицании также обладает рядом коннотаций. Интересно расположение глаголов в отрицательной форме в стихотворении. В начале стихотворения аналитическая форма глагола разрывается: служебный глагол остается в конце строки, а смысловой — в начале:

*or anybody don’t
know.*

В середине стихотворения глагол при отрицании не разрывается, графически оставаясь в центре строки:

*say that doesn’t matter) but,
that doesn’t matter (and if.*

И в заключении стихотворения отрицание стоит в конце строки, а именная часть составного именного сказуемого в начале следующей строки:

*probably handbag) because i say that’s not
swell (get me) babe not (understand me) lousy.*

Таким образом, членение текста на смысловые группы также зависит от аналитических форм глагола при отрицании, которые в данном произведении к тому же образуют рамку, формируя графический рисунок текста.

Автор выступает в стихотворении как бунтарь, отвергающий принятые устои. Его протест обращен в том числе и на общепринятые нормы языка, которые он намеренно игнорирует, создавая свою собственную реальность, собственную грамматику стиха, отказываясь от грамматических «условностей», уделяя большое внимание типографскому рисунку строки, экспериментируя со словами, выявляя их исходный смысл.

Полагаем, что приведенный анализ стихотворения наглядно демонстрирует, что грамматическая семантика частей речи может играть важную роль в создании образности и стилистических эффектов в художественном тексте. Совокупность категориальных значений, заложенных в грамматической форме слова, преломляясь через художественный замысел автора, может выполнять эстетические задачи, в этом, на наш взгляд, и обнаруживает себя антропоцентризм грамматической семантики.

Б. Г. Фаткулин (Челябинск, Россия)

ТЕРМИНОСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОСУДАРСТВАХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ПЕРИФЕРИИ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ И ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

The article is dedicated to the development of the term system of the former Soviet Union republics, which is studied from the point of view of national languages typology and political prehistory.

Keywords: *terminology, terminology formation, terminological system, language politics, national language, terminological group of languages, linguistic areal, language-union.*

В настоящее время активно обсуждается проект Евразийского союза, который планируется создать на базе интеграционных структур СНГ: ЕврАзЭС, ОДКБ, ЕЭП, Таможенного союза.

Российская Федерация как трансконтинентальная страна играет одну из ведущих ролей в этом реинтеграционном проекте. Идея Евразийского союза вызывает необходимость найти общие точки

соприкосновения между русским языком и языками неславянских евразийских народов СНГ. Актуальность подобного рода исследований подкреплена тем фактором, что постсоветское пространство правомерно назвать регионом русофонии по аналогии с франко-, англо-, лузофонией. Компаративистика, геоллингвистика, интерлингвистика, в сотрудничестве с геополитикой прогнозируют развитие языковой ситуации в регионе.

Трансформация СССР повлекла за собой изменения в языковой ситуации в зоне русофонии на пространстве СНГ. Регион стал открыт влиянию как западных, так и восточных цивилизаций. Как и во времена Великого Шелкового пути регион Центральной Азии стал открыт для мощного соседа — Китая.

Нельзя ни преувеличивать, ни недооценивать объективные предпосылки стремления людей к так называемой гармонизации терминологии. Однако границы гармонизации терминологии совпадают с границами культурно-исторических общностей. Дискретность, внутренне присущая мировому информационному пространству, является объективным фактором, резко ограничивающим гармонизацию терминологий.

В действительности, страны с общей предисторией образуют группы, в которых терминология образуется по схожим правилам. Что касается европейских языков, геополитически привязанных к территории Евросоюза, то терминология современных европейских языков сформировалась на основе наследия Римской империи и таких классических европейских языков, как латинский и греческий. Стержнем единства европейской культурно-исторической общности является тот факт, что классические языки — латынь, греческий — сыграли ведущую роль в оформлении единого научного и терминологического поля европейских государств. Большинство языков Европы относятся к индоевропейской языковой семье, и поэтому словообразование в них подчинено общим закономерностям. Общие для большинства европейских языков словообразовательные аффиксы и суффиксы передают весь спектр оттенков научной терминологии. Опора на такие классические языки, как греческий и латынь, и отличает терминологию европейских языков от терминологии азиатских языков.

После трансформации СССР Россия граничит не столько с Европой, сколько со странами Центральной Азии, Китаем. Культуры и языки народов Евразии с древнейших времён теснейшим образом переплелись, причем в РФ и на ее

южных границах проживают представители разнотрунтурных языков. В отличие от европейского терминологического пространства, евроазиатские языки неславянских народов, проживающих на южных границах РФ имеют свои особенности. Действительно, латинский и греческий языки в качестве «классических» были приняты не у всех народов Евразии. Наряду с «классическими» языками Запада существуют и «классические» языки Востока.

Терминологическое пространство неславянских народов СНГ характеризуется следующими характеристиками: 1. Проживающие в нем народы говорят на разнотрунтурных языках. 2. Помимо латинского и греческого для образования терминологии они использовали в качестве «классических» языков другие языки, например русский, персидский и арабский. 3. Языки народов Евразии используют различные словообразовательные техники для построения терминов (образование терминов по тюркским, иранским словообразовательным моделям, с помощью агглютинативных словообразовательных методов и конкатенативных).

Необходимо выделить два реликтовых (естественно, не для граждан стран, где эти языки используются в качестве государственных) языка, оказавших влияние на формирование терминологии народов Центральной Азии: персидский и арабский языки. В Средние века арабский и персидский языки играли активную роль в формировании терминологии многих народов Евразии и сформировали значительный пласт терминологии. Однако с вхождением этих народов в орбиту Российской империи, а затем СССР роль персидского и арабского языков сильно изменилась.

Факторы, умаляющие значение арабского языка для формирования терминологии народов Евразии: 1. Внутренняя флексия арабского языка не могла быть напрямую включена в словообразовательную ткань тюркских и иранских народов Евразии, и здесь персидский язык выполнил роль посредника. 2. Географическая и геополитическая удалённость арабских стран от центрально-азиатского региона, принадлежность к Африке, а не к Евразии. 3. Принадлежность к бассейну Атлантического океана, Средиземноморью, бассейну Индийского океана; 4. Продолжительное вхождение в колониальные империи некоторых западных государств.

Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что в новейшую историю произошло уменьшение роли арабского языка в формировании современной терминологии стран Евразии.

Геополитические изменения, произошедшие в СССР на рубеже XX и XXI вв. привели к тому, что в настоящее время многие народы постсоветской Евразии находятся в ситуации терминологического полилингвизма, когда разные сферы деятельности обслуживаются разными языками. Возникла ситуация, когда одноязычие рассматривается как правило, а многоязычие — как нечто исключительное, меняется на противоположную: «миллионы людей, возможно, большинство людей, в течение своей жизни в той или иной степени овладевают двумя или несколькими языковыми системами и умеют пускать их в ход каждую в отдельности — в зависимости от требований обстановки» [6. С. 25].

Значительная роль русского языка и других языков в образовании терминологии неславянских народов СССР и затем СНГ привела к понятию «терминологический полилингвизм».

Рассмотрим понятие «терминологический полилингвизм» народов Центральной Азии с точки зрения понятия «культурно-историческая общность». Есть ряд больших культурно-исторических общностей, которые влияют на языки всех других народов. На протяжении веков на этом пространстве сложились мощные культурно-исторические общности народов. Это прежде всего Россия, и на ближайшем расстоянии от российских границ: Китай и Иран. В новейшей истории большинство неславянских народов всегда входило в другие государственные образования, народы Центральной Азии входили в состав Российской империи, а затем СССР, народы Кавказа в состав Ирана и Османской империи, народы Северной части Евразии в состав Российской Федерации, уйгуры вошли в состав Империи Цин, а затем в состав КНР.

Терминологический полилингвизм в некоторых республиках-наследницах СССР проявляется в использовании ими не одного языка, а комбинаций языков. Наиболее ярко терминологический полилингвизм проявился в языках тюркских и иранских народов Центральной Азии.

Что касается центральноазиатских республик-наследниц СССР, то все языки центральноазиатских стран, обладающих наследием СССР с точки зрения терминостроительства, наряду с парой (государственный язык + русский язык) имеют «национальные компоненты» (компонент общетюркской предистории, компонент общеиранской предистории для таджикского языка. Компонент исламской предистории отражен в лексике и терминологии арабского и персидского происхождения.

Можно выделить следующие комбинации полилингвизма, влияющие на тенденции терминостроительства в тюркоязычных и ираноязычных народов на южных границах РФ:

Государства ЦА с языками тюркской языковой семьи, провозглашенными в качестве государственных,— народы центральноазиатских республик, имеющие исламскую предисторию (элементы исламской предистории, отражённые в арабо-персидских заимствованиях (в основном это терминосистемы религии) + предистория в составе Российской империи + предистория в составе СССР— (родной язык + русский язык) + некоторые понятия русской культуры + элементы советского наследия.

Государства ЦА с языками иранской языковой семьи, провозглашенными в качестве государственных,— народы центральноазиатских республик, имеющие исламскую предисторию (элементы исламской предистории, отражённые в арабо-персидских заимствованиях (в основном это терминосистемы религии) + предистория в составе Российской империи + предистория в составе СССР — (родной язык + русский язык) + некоторые понятия русской культуры +элементы советского наследия.

КНР (западные регионы)— тюркоязычные народы КНР — уйгурский язык + язык путунхуа (исламский элемент (исламские понятия, отраженные в арабских и персидских заимствованиях + конфуцианство и социалистическая идеология КНР).

Список литературы

1. Авербух К. Я. Общая теория термина.— Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004.— 251 с.
2. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. / ИНИОН РАН.— М., 1997.— 204 с.
3. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования.— Пермь, 1998.— 120 с.
4. Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка.— Красноярск, 2000.— 199 с.
5. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса.— Краснодар, 2002.— 184 с.
6. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике.— Вып. 6.— Языковые контакты.— М., 1972.— С. 25–60.
7. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.— 128 с.
8. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке.— Челябинск, 2004.— 330 с.

9. Гринев С. В. Введение в терминоведение.— М. : Моск. лицей, 1993.— 309 с.

10. Лейчик В. М., Бесекирска Л. Терминоведение: Предмет, методы, структура.— Белосток : Изд-во Белосток ун-та, 1998.— 184 с.

11. Палютина З. Р. Цивилизационный подход к терминологии.— Уфа : БашГУ, 2002.— 171 с.

12. Татаринев В. А. Феноменология термина // РФВ.— М., 1998.— № 1/2.— С. 5-26.

В. М. Хантакова (Иркутск, Россия)

СПЕЦИФИКА СОВМЕСТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНОНИМОВ В ТЕКСТЕ

The article allows for an urgent of linguistic science — the problem of synonymy, whose study is related to the description of meaning and sense of linguistic units. The importance of choosing and correlation of synonyms from a homogeneous semantic space during the organization of text and its sense is demonstrated.

Keywords: *synonymy, sense, meaning, text, anthropocentrism.*

Проблема синонимии, несмотря на продолжительную историю изучения в разных парадигмах лингвистического знания и осмысления на разных уровнях языковой системы с различной степенью результативности, продолжает оставаться одной из актуальных проблем, имеющей большое значение для современной науки в общеметодологическом и практическом плане. С методологической точки зрения, проблема синонимии неотделима от вопроса связи языка, мышления и действительности, тождества и различия, выявления места и многообразия функций языка в процессе познания и коммуникации. В практическом плане значимость этой проблемы определяется важной ролью владения человеком синонимическим ресурсом языка, знание которого позволяет ему выбрать и соединить из словаря и грамматической системы те синонимы, с помощью которых могут быть выражены его мысли и чувства с их малейшими нюансами.

Именно методологическая и практическая значимость проблематики синонимии, связанная с уяснением проблем познания окружающего нас мира во всех его проявлениях и коммуникации способствует расширению познавательного интереса к ней и настоящей необходимости поиска новых, когнитивно ориентированных объяснений информационного выбора в относительно однородном смысловом пространстве. В качестве одной из опорных точек анализа синонимии избирается принцип антропоцентризма, реализующийся во взаимосвязи интеллекта, воли и эмоции языковой личности, воспринимающей и познающей фрагменты окружающего ее мира и формирующей информацию о ней.

В этой информации мир представлен не просто, как он есть, а как мир человека, поскольку

бытие открывается не через объект, а через субъект [Бердяев, 1991: 19]. Следовательно, чтобы приблизиться к объективной сфере нельзя иначе как субъективным путём [Гумбольдт, 1984: 319]. В связи с этим в центре синонимических исследований — человек с его системой знаний об окружающей его действительности и отношении к ней, с его внутренним миром, представляющим собой такой же важный вариант «миров», какими являются реальный и виртуальные миры [Мустайоки, 2006: 30]. Данное обстоятельство предполагает в исследовании синонимии необходимость перемещения акцента со структурно-системных отношений на антропоцентрические условия формирования, развития и функционирования синонимических средств языка.

Это принципиально иной подход к рассмотрению синонимии, выход за узкоспециализированное ее понимание с уже сложившимися отношениями между членами синонимического ряда — синонимии форм. И если бы описание синонимии языковых единиц остановилось только на анализе синонимии форм, то был бы закрыт путь к полной и адекватной картине синонимических отношений в языке, основанной и на синонимии смыслов, обусловленных внутренним миром человека, подвижных, изменчивых, взаимодействующих между собой, но всегда предполагающих весь смысловой комплекс используемого синонима.

Вполне очевидно, что ведущая роль при выборе синонима или нескольких синонимов при формировании информации о существующем положении дел принадлежит моделированию человеком в тексте нужного взаимодействия смыслов и их поведения в зависимости от его опыта, той среды, в которой происходит этот процесс, и мотивационно-целевой ориентированности.

При этом человеку, вступающему в коммуникацию, необходимо построение такого сообщения, которое бы обеспечило возникновение у его собеседника из спектра возможных вариантов понимание именно того, что имеет в виду отправитель информации. Для этого важно так выбрать слова и расположить их в той последовательности, чтобы прогнозировать дальнейшее развитие смысла.

Одним из возможных приемов такого моделирования информации является взаимное отражение противоположностей, позволяющее указать на не всегда явно выраженные, но адекватно воспринимаемые и интерпретируемые получателем информации оттенки смысла, которыми отличаются синонимы друг от друга. Так, в частности, в целях достижения гармоничной бесконфликтной коммуникации между ее участниками для сохранения или восстановления отношений используются в немецком языке формулы извинения из синонимического ряда, состоящего из глаголов *entschuldigen*, *verzeihen* и словосочетания *Abbitte tun* [Synonymwörterbuch, 1980: 204]. Доминанта немногочисленного синонимического ряда — глагол *entschuldigen*. Очевидно, что весь объем, вся полнота и сложность информации, заложенные в составляющие синонимический ряд, распределяются между небольшим числом синонимов. А это влечёт за собой вероятность большего числа смысловых совпадений между синонимическими единицами, ибо чем уже ряд соположенных синонимов, тем больше степень их близости, чем ряд шире, тем различия между синонимами существеннее [Akhmanova, Marčenko, 1973: 104]. Трудно определяемая различимость смысловых объемов таких синонимов вызывает ряд трудностей при выборе того или иного глагола в ситуации извинения.

Более эксплицитно смысловые совпадения и несовпадения синонимов представлены в случаях, когда они употребляются в одном и том же текстовом фрагменте. Поэтому обратимся к анализу синонимических соотношений доминанты рассматриваемого ряда — *entschuldigen* и одного из его периферийных элементов — *verzeihen*, используемых при различных действиях сотрудничающих людей.

С помощью синонимического соотношения глаголов *verzeihen* и *entschuldigen* возможно показать, что действие, описываемое глаголом *entschuldigen*, не является спонтанной реакцией на что-либо. В случае с глаголом *verzeihen*, который употребляется в основном для простого соблюдения формальности акта извинения, имеет

место мгновенная реакция. Однако, при этом следует подчеркнуть, что словари немецкого языка также отмечают смысловой компонент «сожаление» у глагола *verzeihen*: «es einem leid tut, daß man j-n aus Versehen gestört, gestoßen hat» [Duden, 1996: 1073].

Но, тем не менее, в употреблении глагола *verzeihen* отражается исторически сложившийся стандарт вежливого поведения, для которого характерны привычно повторяемые формулы, часто подверженные десемантизации, обусловленной ритуализированностью общения в ее соответствии с нормами и правилами коммуникации и оценкой искреннего отношения говорящего к слушающему. Использование глагола *verzeihen* свидетельствует о принятии человеком символически регламентированного действия и маркирует его поведение как корректное, вежливое. Поэтому *verzeihen* рассматривается как «höfliche Floskel, wenn man j-n stören muß» и используется для того, чтобы попросить кого-либо отойти в сторону, уступить дорогу или встать и пропустить человека [Duden, 1996: 1073].

Напротив, использование глагола *entschuldigen* предполагает обдуманное, заранее проецируемое действие, сопровождаемое различными видами объяснений, для которых, как правило, нужно время для осмысления и самого процесса извинения. В фокусе внимания при употреблении глагола *entschuldigen* находятся такие смысловые компоненты, как «Gründe für j-s Verhalten/für etw. nennen und um Verständnis bitten», «begründen, warum j-d nicht seiner Verpflichtung nachkommen kann», «nicht böse oder ärgerlich über etw. sein» [Duden, 1996: 283]. Смысловой объем глагола *entschuldigen* располагает для этой цели значением «Ausrede» [Synonymwörterbuch, 1980: 204], отсутствующим у глагола *verzeihen*. Если для извинения, выраженного глаголом *verzeihen*, требуется небольшой по длительности промежуток времени, то для *entschuldigen* это является результатом размышлений, для которых, как известно, необходимо определенное время и аргументы. Это обдуманное, заранее спланированное действие, позволяющее прогнозировать дальнейшее развитие ситуации, в котором говорящий может оказать влияние на ее ход:

...sagte, daß man Kinder nicht in die Welt setzen dürfte, wenn man sie nicht ernähren könne. Herr Höfer hob den Zeigeführer. «Mit dieser, entschuldigen Sie, leichtfertigen Redeweise leisten Sie, Herr Kollege, einer Handlung Vorschub, die durch unsere Rechtsauffassung als Verbrechen klar gekennzeichnet

net ist. ...Kinder, die empfangen werden, müssen nach deutsch-römischen Rechte auch geboren werden» [Frank, 1957: 184].

Смысловые различия между глаголами *verzeihen* и *entschuldigen* чётко отражаются и в семантике отглагольных существительных *Verzeihung* и *Entschuldigung*. Так, во-первых, существительное *Verzeihung*, в отличие от *Entschuldigung*, употребляется в качестве переспроса в ситуации, когда человек что-либо не понял в разговоре со своим собеседником. В этом употреблении *Verzeihung* сближается с формой переспроса *wie bitte?* В смысловом объёме существительного *Entschuldigung* имеются значения «*Rechtfertigung, die man angibt, um ein (falsches) Verhalten zu erklären*» и «*schriftliche Nachricht, mit der j-d j-n entschuldigt*» [Duden 1996:283].

Во-вторых, существительное *Entschuldigung* является одним из составных частей следующих сложных слов: *Entschuldigungsgrund* и *Entschuldigungsschreiben*. Указанная особенность имени существительного *Entschuldigung* позволяет выделить ещё одно различие между *verzeihen* и *entschuldigen*, состоящее в том, что глагол *entschuldigen* допускает употребление как в письменной, так и в устной речи, а *verzeihen*, напротив, преимущественно в устной речи.

Контекст, в котором употребляются обе синонимические единицы *entschuldigen* и *verzeihen*, и мнения информантов (носителей современного немецкого языка) могут также служить доказательством вышесказанному. В рамках синонимического соотношения *verzeihen* и *entschuldigen* наблюдается переход от прямой и непринуждённой констатации извинения до продуманного акта извинения, ради которого и совершается высказывание, в котором глагол *verzeihen* открывает его, а *entschuldigen* продолжает, сравните:

«*Verzeihen Sie bitte, Herr Hädrich, wenn ich Sie störe*», sagte der junge Mann bemüht höflich. «*Aber ich muß mich wohl dringend bei Ihnen entschuldigen*» [Kirst, 1974: 95].

Использование первого синонима подобно правилам дорожного движения сглаживает начало разговора и нацелено, прежде всего, на создание условий для создания и сохранения отношений между партнерами, для стратегического избежания конфликта и достижения коммуникативного намерения. Главный герой осознанно выбирает такую последовательность в употреблении синонимичных глаголов *verzeihen* и *entschuldigen*, демонстрируя свою готовность к сохранению гармоничных отношений со своим собеседником, с одной стороны, в соблюдении ритуала соци-

ального поведения и, с другой стороны, в осмыслении и оценке своего поступка, потребовавших определенного времени и обдумывания для признания своей вины. Одновременно с последним имеет место понимание и осознание ущерба (морального или материального), нанесенного своему собеседнику, и особой ценности их дальнейших отношений, иначе употребление второго синонима в данном текстовом фрагменте было бы излишним. Если первый синоним *verzeihen* произносится как бы шаблонно, заученно, «на бегу», «между прочим», поскольку это привычно в типизированных ситуациях современной коммуникации и представляет элемент актуальной ценности общества, то в глаголе *entschuldigen* отражены усилия говорящего, просящего извинения, в котором взаимосвязаны его интеллектуальная, волевая и эмоциональная сферы сознания.

Отметим, что характер чувства переживания, его интенсивность и глубина находятся в прямой зависимости от системы сложившихся ценностных ориентиров в том или ином обществе и от принятия этих ориентиров конкретным человеком. Во многом оценка ситуации, о которой формируется и передается информация, зависит от эмоциональной сферы человека, проявляющейся явно или неявно. Следовательно, смысловые компоненты синонимической единицы *entschuldigen*, употребленной в одном и том же текстовом фрагменте вслед за глаголом *verzeihen*, наслаиваются на смыслы последнего, взаимодействуют с ними, организуясь в смысловой комплекс взаимообусловленных смыслов, актуализация которого позволяет говорящему достичь первостепенной цели в акте извинения — предотвращения или улаживания конфликтной ситуации.

Смысловой комплекс является не застывшим явлением, а постоянно изменяющимся и эволюционирующим, в котором может иметь место изменение конфигурации смыслов, в зависимости от того, что является фоном, а что находится в фокусе, как это имеет место в следующем фрагменте текста, в котором отглагольной лексеме *Verzeihung* предшествует *entschuldigen*:

«...ist unbegreiflich bei einem Sohne aus guter Familie. Sie entschuldigen schon, daß ich so rückhaltenlos über Ihren Bruder spreche, Herr Doktor... Verzeihung, Sie haben doch Ihr Examen schon gemacht?» [Frank, 1957: 260].

Речь идет о брате собеседника главного героя, которого он осуждает за такое поведение. Для этого есть все основания, поэтому не удастся главному герою в беседе сдержаться от таких оценок, как «*unbegreiflich*» и «*rückhaltenlos*».

Для дальнейшего продолжения беседы необходимо стратегическое применение извинения, поскольку придется со своим попутчиком находиться долгое время в пути. Этим объясняется применение глагола *entschuldigen* для извинения. Понятно, что эта тема не может быть продолжена и быть в центре их беседы, поскольку такое выражение мнения о его брате вряд ли является приятным для собеседника. Поэтому предпринимается тактический ход изменения темы, переключения внимания собеседника на другое, для осуществления которого применяется лексема *Verzeihung*. Ее включение в данный фрагмент текста свидетельствует о готовности говорящего к сотрудничеству, продолжению общения и желании стратегического избежания конфликта.

Это достигается не только за счет актуализации присущих рассматриваемым синонимам смыслов, но (и даже в большей степени) с помощью целого смыслового комплекса, образованного взаимодействием смыслов двух синонимов, вызванного их особым порядком расположения в тексте. Таким образом, совместное употребление синонимов *verzeihen* и *entschuldigen* и их функционирование в тексте является одним из важнейших приемов, обеспечивающих эффективность межличностной коммуникации, особенно актуальной в современном мире. Не оружие, а язык (в нашем случае правильное использование синонимов) является важным инструментом межличностной регуляции, исследование которой представляет собой перспективу дальнейших изысканий в рамках теоретической модели ин-

тегративного взаимодействия синонимов одно- и разноуровневой принадлежности на материале как одного, так и разных языков [Хантакова, 2006].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Моё философское мировоззрение // Н. А. Бердяев о русской философии.— Свердловск, 1991.— Ч. 1.— 214 с.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию.— М. : Прогресс, 1984.— С. 37–298.
3. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам.— М. : Языки славян. культур, 2006.— 512 с.
4. Хантакова В. М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа : монография.— Иркутск : Иркут. гос. лингвист. ун-т, 2006.— 211 с.
5. Ahmanova O. Meaning Equivalence and Linguistic Expression / O. Ahmanova, A. Marčenko.— М. : MGU, 1973.— 156 p.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch.— Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1996.— 1816 s.
7. Frank L. Gesammelte Werke. Erzählungen.— Berlin : Aufbau — Verlag, 1957.— S. 49–292.
8. Kirst H. Alles hat seinen Preis.— Hamburg : Hoffmann und Campe Verlag, 1974.— 333 s.
9. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / H. Görner, G. Kempcke.— Leipzig : VEB : Bibliographisches Institut, 1980.— 830 s.

С. В. Чистякова (Челябинск, Россия)

ТАКТИКА ОБОБЩЕНИЯ СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ПРЯМОГО ОТВЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

There is a wide agreement that politicians do not normally answer all the questions they are asked. Our aim is to identify peculiarities of expressing the strategy of evasion, the tactics of generalization in particular, used by politicians in political interviews.

Keywords: *speech strategies and tactics, strategy of evading a question, tactics of generalization.*

В последние десятилетия возрос интерес лингвистов к описанию языка с учетом «человеческого фактора» в рамках коммуникативно-прагматического подхода. В прагмалингвистике изучаются особенности речевого поведения с той точки зрения, что в речи проявляются личностные характеристики человека. В процессе речевого общения говорящий выступает как личность, выявляющая одну или несколько своих социальных функций и

психологических особенностей в зависимости от конкретных условий протекания общения.

Речевое общение является особым видом целенаправленного человеческого поведения. Беседа или разговор представляют собой не хаотичное, а упорядоченное явление. Объяснения принципов этой упорядоченности и механизмов диалогического взаимодействия можно получить через описание стратегических направлений и тактических

приемов, реализуемых в ходе речевого общения [Иссерс, 2008: 54].

В современной науке есть несколько различных подходов к определению понятия речевой стратегии, однако общепринятая интерпретация термина в лингвистике отсутствует.

О. С. Иссерс определяет речевую стратегию «как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008: 54]. О. Н. Паршина понимает коммуникативную стратегию «как сверхзадачу речи, диктуемую практическими целями говорящего», как «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, 2007: 10–11]. Е. В. Денисюк под стратегией понимает «способ структурирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участников общения» [Денисюк, 2004: 16].

Вслед за Е. В. Ключевым, мы трактуем коммуникативную стратегию как совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в процессе общения теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативных целей [Ключев, 2002: 18]. Стратегии реализуются в специфических для каждого типа дискурса тактиках. Под коммуникативной тактикой понимают способ реализации выбранной стратегии посредством речевых ходов.

Очевидно, что одни и те же речевые стратегии могут использоваться в разных видах дискурса. При этом набор речевых тактик, используемых для реализации той или иной стратегии, различается.

Исследователи называют различные виды коммуникативных стратегий в разных дискурсах, в том числе в политическом. О. С. Иссерс говорит о когнитивных, семантических, прагматических, риторических, диалоговых и других стратегиях.

Е. И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий:

- стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет притушить, сделать менее очевидными неприятные факты);
- стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);
- стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности.

О. Н. Паршина разграничивает в политической коммуникации стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, манипуляции, самозащиты, убеждения, удержания власти, информативно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и др.

Однако при всем многообразии классификаций в литературе отсутствуют четкие основания выделения типов стратегий и их соотношения с тактиками как в политическом, так и в любом другом дискурсе, поскольку человеческая речь ситуативна и обусловлена множеством факторов. Языковая реализация той или иной речевой стратегии зависит от типа дискурса, ситуации общения, социального и коммуникативного статуса собеседников.

Мы сосредоточили внимание на исследовании приемов речевой реализации стратегии уклонения в коммуникативной ситуации политического интервью.

Интересующий нас жанр политического интервью относится к устной диалогической разновидности политической коммуникации и должен подвергаться анализу в первую очередь с учетом характерных особенностей устного диалогического дискурса.

Следует отметить, что стратегия уклонения от ответа довольно часто используется политическими деятелями; ее мотивом, как правило, является замалчивание нежелательных фактов.

По отношению участников диалога к такому принципу организации речевого общения, как солидарность или кооперация, речевые стратегии подразделяют на кооперативные и некооперативные. Стратегия уклонения от ответа, находящаяся в центре нашего внимания, относится к некооперативным стратегиям. В основе уклонения от прямого ответа лежит нарушение правил речевого общения, так называемый коммуникативный саботаж, который представляет собой прием оказания речевого воздействия, выражающий скрытое сопротивление и направленный на игнорирование содержательной части высказывания с целью уклонения от общения, искажения или сокрытия информации. В. Ю. Андреева выделяет в качестве основных причин коммуникативного саботажа внешние и внутренние. В рамках политического дискурса чаще всего имеют место внешние причины: нарушения коммуникативных норм и правил поведения, связанные с социальным или коммуникативным статусом собеседника (в нашем случае политического деятеля) [Андреева, 2009: 13].

Реализация стратегии уклонения от прямого ответа предполагает нарушение одного из главных принципов коммуникативного кодекса: принципа кооперации Г. Грайса, который заключается в требовании вносить вклад в коммуникацию в соответствии с ее принятой целью со стороны всех коммуникантов. О нарушении принци-

па кооперации можно говорить в том случае, если наблюдается несовпадение коммуникативных намерений собеседников, т. е. интенциональный конфликт: адресат стремится помешать адресанту в реализации его интенций. В случае со стратегией уклонения от ответа цель адресанта — получить некую информацию, а цель адресата — скрыть ее, уйти от прямого ответа на вопрос.

Анализ практического материала, проведенный нами, позволяет говорить о существовании приемов прямого (открытого) и косвенного (скрытого) уклонения. Отличие между ними состоит в том, что в случае прямого уклонения уходящий от прямого ответа коммуникант сигнализирует своему собеседнику о своем нежелании сотрудничать. К числу приемов прямого уклонения можно отнести признание в некомпетентности и избегание комментирования. Косвенное уклонение представлено приемами, в которых нежелание адресата ответить на вопрос выражено имплицитно.

В результате анализа тактик стратегии уклонения в политическом интервью было выявлено, что политиками часто использовались такие тактики, как тактика открытого избегания комментирования, тактика игнорирования, тактика переадресации к более компетентному источнику информации, тактика обобщения (уклонения от темы), тактика уклонения через апелляцию к фактору времени и т. д. Стратегия уклонения от прямого ответа может реализовываться посредством комбинации нескольких тактик.

Нами было выявлено, что одной из наиболее частотных по использованию в политическом интервью является тактика обобщения.

Тактика обобщения (уклонение от темы) представляет собой способ уклонения от прямого ответа, при котором говорящий обобщает тему разговора или переводит его на другую тему. Мы относим данный прием к приемам реализации косвенного уклонения. Ответная реплика является неинформативной и не может расцениваться как ответ на поставленный конкретно вопрос. В ответных репликах реагент уклоняется от предоставления запрашиваемой в иницилирующей реплике информации и пытается направить разговор в другое русло, сменить тему. В рамках данной тактики также может быть выделена дополнительная иллокутивная функция, заключающаяся в отражении действительного положения вещей.

Интервьюер: — *Do you think we're near to having a situation of winning the so called 'War on Terror'? I mean is Al Qaeda now losing? Or is it beating a*

tactical retreat and it's still as dangerous as ever?

Реагент: — *I think what you see is that the growth of democracy, the values we have in the West that I think are shared across the world, I think are very strong. And I think that actually we're now much smarter and better at our response to this problem of violent Islamic extremism and how we deal with it. And I think there have been some notable successes in setting it back...*

В данном примере интервьюер интересуется, считает ли премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон войну с терроризмом выигранной. В ответной реплике премьер-министр игнорирует вопрос интервьюера и уходит от прямого ответа на него. В данном случае тактика обобщения используется как средство ухода от политически «скользкой» темы. Здесь уклончивое высказывание выражается утверждениями, вводимыми глаголом умственной деятельности «to think».

Интервьюер: — *And if you find another very high value target at the top of al-Qaeda, Mullah Omar or whoever it might be in Pakistani territory or other sovereign territory, would you do the same again?*

Реагент: — *Well I've always been clear to the Pakistanis. And I'm not the first administration to say this. That our job is to secure the United States. We are very respectful of the sovereignty of Pakistan. But we cannot allow someone who is actively planning to kill our people or our allies' people we can't allow those kind of active plans to come to fruition without us taking some action.*

Президент США Барак Обама не дает конкретного ответа на вопрос о том, ждет ли других членов Аль-Каиды, находящихся на территории Пакистана, участь Бен Ладана. Причиной этому может служить нежелание открыто говорить о своих намерениях. Ответ на вопрос осуществляется в размытых выражениях.

Интервьюер: — *Would you veto that approach?*

Реагент: — *They've got to make a decision, first of all, in what is the official position of a unified Palestinian authority about how they're dealing with Israel. Because if they can't get past that barrier, it's going to be very hard for a negotiation to take place.*

Интервьюер говорит о возможном обращении движений Фатх и Хамас в ООН с просьбой признать независимость Палестины и интересуется у Б. Обамы, собирается ли он воспользоваться правом вето по этому вопросу. Обама уклоняется от темы, так как, вероятно, опасается преждевременно предавать огласке свое мнение по данному вопросу.

Все вышеперечисленные примеры показывают, что приемы реализации тактики обобщения

стратегии уклонения в политическом интервью близки к демагогии, пространному рассуждению. Тактика обобщения характеризуется использованием уже знакомой информации, соскальзыванием на знакомые темы, в рамках которых человек чувствует себя более свободно.

Итак, можно сделать вывод, что тактика обобщения представляет собой прием целенаправленного игнорирования вопроса собеседника, выражающийся в попытке смены темы и направления разговора в другое русло.

Список литературы

1. Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Курск, 2009.
2. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Екатеринбург, 2004.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.— М. : Изд-во ЛКИ, 2008.— 288 с.
4. Ключев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и вузов.— М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002.— 320 с.
5. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика.— М. : Изд-во ЛКИ, 2007.— 227 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса речи.— Волгоград : Перемена, 2000.— 386 с.

Т. Д. Шабанова (Уфа, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

Theory of semantic types of predicates explains processes that underline cases of cognitive metaphor. Their essence is in the change of slot positions in the context of frame theory. The change of slot positions depends on the change in the component structure of semantic roles that fill in slots in the frame of the verb. The prototype meaning of the verb is not a self-sufficient system because its meaning is under the influence of the construction in which it is used. It is a cognitive construction that modifies the verb meaning and defines the structure of the frame.

Keywords: *prototype meaning, semantic type of predicate, cognitive construction, cognitive metaphor, frame theory, slot, construction grammar.*

Теория семантических типов предикатов не только объясняет процессы когнитивной метафоризации, изменения типа конструкции за счет изменения слотового заполнения фреймов, но также раскрывает механизмы этих процессов через установление изменений в компонентном составе семантических ролей. Основным фактором, влияющим на семантику предиката, является аргументный набор конструкции, которая моделирует слотовое наполнение фрейма и изменяет состав его актантной рамки.

Глагол в своем прототипическом значении не может определяться как самодостаточная система, поскольку он находится под влиянием конструкции, в которую он вмонтирован. Именно конструкция в нетривиальном смысле модифицирует его семантику и определяет фрейм и сценарий в соответствии с прагматикой ситуации.

Мы опираемся на положение о том, что «семантическая роль», или «семантический падеж» как категория метаязыковых конструкторов служит средством для описания лексическо-

го значения глаголов и актантных отношений синтаксиса. Значение глагола как лексической единицы также может описываться с помощью семантической роли как единицы семантического метаязыка, раскрывающей потенциальную ролевую валентность предикативного выражения. Семантическая роль актанта — это не просто показатель отдельного значения глагола, а выразитель стандартных процессов, существующих в глагольной лексике [Шабанова, 1998].

Мы иллюстрируем рассматриваемые положения на материале из метеотекстов. Объектом исследования в данном фактическом материале являлись предикативные выражения, прототипическая семантика которых подверглась контекстуальным модуляциям различного рода (когнитивная метафоризация, изменение семантического типа предиката, изменение структуры фрейма в динамике), в результате которых значение глагола модифицировалось. Предметом исследования являлись когнитивные процессы, находящиеся

в основе семантических модуляций в рассматриваемых предикатах.

Семантический тип предиката под названием Действие, содержит актант в позиции субъекта, которому свойственны такие семантические признаки, как приложение физической силы, приложение волевой силы. Приложение волевой силы является содержанием такого понятия, как Контролируемость. Приложение волевой силы может проявлять себя как Инициатива и как Контролируемость. Инициатива — это приложение волевой силы со стороны Субъекта, направленное на инициирование самого действия, а Контролируемость представляет собой приложение волевой силы по наступлению, продолжению и завершению самого действия. (Необходимо отметить, что выделение фаз денотата основывается на теории Алисы Фрид [Freed, 1979].)

Семантическая роль Субъекта (X), в котором доминирующей информацией является Инициация действия, называется Инициатором. Инициатор — это такая семантическая роль, которая характеризуется приложением волевой силы и которая направлена на инициацию того, чтобы действие имело место. Деятель — это такая семантическая роль, где доминирующей информацией является контролируемость по совершению самого действия, т. е. волевая сила проявляет себя как контроль над приложением физической силы [Шабанова, 1998: 43–48].

Процесс — это такой семантический тип предиката, в актанте которого содержится информация о приложении силы, но семантический признак контролируемости отсутствует. Как Действие, так и Процесс являются динамическими типами предикатов. Таким образом, Действие характеризуется контролируемым приложением силы, а Процесс — неконтролируемым приложением силы. Семантическая роль Субъекта при действиях называется Деятелем, а при процессах — Агентивом [Шабанова, 1998: 58]. Как Деятель, так и Агентив являются динамическими субъектами, или семантическими падежами, закрепленными за слотами в когнитивном фрейме конструкции, по слотовофреймовой теории. Заметим, что в ряде реляционных семантических теорий эти две семантические роли не дифференцируются и обозначаются Агентом [Fillmore, 1992; Chafe, 1972].

Исследование показало, что практически все примеры имеют донорскую формальную Субъектно-Предикатно-Объектную структуру, т. е. SPO. Например: 1. *Last year, wildfires across the south of the state consumed more than 200 000*

hectares of land. В этом примере Субъектом (X) является *wildfires across the south of the state*, Предикатом — *consumed*, Объектом (Y) — *more than 200 000 hectares of land*. Семантическая природа данной формальной синтаксической структуры может иметь несколько базисных семантических конструкций, к их числу, прежде всего, относятся воздействующие (эффективные, аффективные, результативные), каузативные и результативные конструкции. При характеристике вышеприведенного примера семантическая природа актанта в позиции субъекта может быть определена как Агентив/Инструментатив, поскольку Субъект (X) характеризуется наличием приложения силы, которую можно называть природной, или физической. При этом приложение данной физической силы не контролируется, поскольку Субъект (X) является неодушевленным феноменом. В то же время субъект не является одушевленным лицом и проявляет себя как инструмент разрушения. В данной конструкции обращает на себя внимание семантическая роль еще одного актанта — Объекта (Y). Объект (Y) находится под влиянием приложения силы со стороны Субъекта (X) таким образом, что в Объекте (Y) происходят изменения. Эта семантическая роль называется Объект-аффект. Таким образом, ментальная конструкция, лежащая в основе анализируемого предложения, может быть представлена в следующем виде: *Agentive/Инструментатив — Process — Object-affect*.

Прототипическое значение данного глагола имеет другую фреймовую структуру, как, например, в предложениях: 2. *The bird consumes vast numbers of worms every day*. 3. *They consumed vodka every day*. В этих примерах субъекты могут быть охарактеризованы семантической ролью Агентива и Деятеля соответственно. В примере 2 субъект является одушевленным лицом, но не контролирует процесс поглощения пищи осознанно. Начало и прекращение этого процесса контролируется биологической системой, т. е. неосознанно. В примере 3 субъект, будучи носителем высшей психической деятельности, может контролировать начало и конец действия, поэтому он характеризуется семантической ролью Деятеля. Семантика объекта в обоих примерах характеризуется как Объект-результатив, поскольку конечным результатом воздействия Субъекта на Объект является его исчезновение.

Фреймовая структура, или актантная рамка, глагола *consume* в примерах 2 и 3 будет иметь следующее заполнение с лотов: Агентив — Процесс — Объект-результатив и Деятель —

Действие — Объект-результатив. В метеотексте глагол *consume* меняет свое значение, подвергаясь воздействию контекста. Процесс персонификации субъекта, изменение сценария изменяет слотовое заполнение фрейма. Ожидаемый слот Деятеля позволяет персонифицировать субъект, наделить активной силой воздействия на объект. Семантический падеж Деятеля/Агента меняется на Инструментатив, а семантическая роль Объекта-результатива меняется на Объект-аффект. Ментальная конструкция глагола сохраняет свои основные черты: остается динамичной, конкретной, актантная рамка сохраняется, но в прототипическое значение привносятся новые смыслы, появляющиеся за счет изменения функционального регистра языка и того семантического процесса, который называется когнитивной метафорой.

Следующий пример 4: *The storm was slow moving and lashed the region with heavy rainfall for several days* характеризуется той же самой формальной структурой SPO, где Субъект (X) — *The storm*, Предикат — *was slow moving and lashed*, Объект (Y) — *the region*. Фреймовая структура прототипических значений глаголов *move* и *lash* имеет следующую слотовую заполняемость: Деятель (*move*), и Деятель, Объект-эффект — Инструментатив (для *lash*). Налицо явление персонификации и метафоризации. Узнаваемый динамичный и контролируемый фрейм прототипических значений глаголов позволяет сохранить эту динамичность в контекстуальном значении в виде приложения силы, но естественного отсутствия контролируемости. Поэтому Субъект (X) в анализируемом предложении характеризуется семантической ролью Агента. Предикат, будучи выраженным однородными членами предложения, является в первом случае Процессом (*was slow moving*), а во втором случае Процессом — Результативом (*lashed*). Семантическая роль Объекта (Y) может быть охарактеризована как Объект-эффект, поскольку он находится под влиянием приложения сил со стороны Субъекта (X), но изменений в объекте не происходит. Однако в этом же предложении имеется еще один актант, семантическая роль которого может быть охарактеризована как Инструментатив (*with heavy rainfall*). Таким образом, ментальная конструкция, лежащая в основе анализируемого предложения, может быть представлена в виде следующего сценария: Agentive — Process resultative — Object effect, Instrumentative. Когнитивная метафора, лежащая в основе семантической модуляции глаго-

лов, опирается на изменение в семантической структуре компонентов, составляющих семантический падеж Субъекта и Объекта.

В предложении 5 *Winter holds up bluebells' bloom* изменение прототипического значения предиката происходит за счет ряда факторов. Во-первых, происходит переход глагола из глагола конкретной семантики в глагол класса предикатов, т. е. прототипическая семантика конкретности меняется на семантику отвлечения от оси времени, когда действие или процесс релевантны для любой точки на оси времени. Тем самым данная конструкция отвлечения от оси времени является фактором, воздействующим на модификацию прототипического значения глагола. Во-вторых, глагол с прототипическим заполнением слота в позиции Субъекта семантической ролью Деятеля заменяется на семантическую роль Агента благодаря процессу персонификации и метафоризации.

Изменения фреймовой структуры глагола *blame* в предложении 6 *The rains have been blamed by weather experts on a cyclone in the Bay of Bengal* связано с явлением когнитивной метонимии. В отличие от когнитивной метафоры метонимические конструкции не имеют столь многочисленного описания. Прототипическое значение глагола *blame* имеет следующее слотовое заполнение фрейма: Деятель — Действие — Объект одушевленный эффект — Сирконстант причина. Изменения в когнитивной структуре предиката связаны с перераспределением ролей в сценарии метеотекста и имеют следующее слотовое наполнение: Пассивная конструкция, в которой Деятель (*by weather experts*), будучи в синтаксической позиции предложного дополнения, не оказывает воздействия на объект (*The rains*), как в прототипическом значении, а выражает Оценку этого объекта как Причины последовавшего Объекта результатива (*a cyclone in the Bay of Bengal*). Семантические модуляции явились результатом изменения когнитивной конструкции, семантический фрейм которой имеет следующее слотовое наполнение: Объект-каузатор — Процесс-результатив — Субъект-оценщик — Объект-результатив.

Когнитивная конструкция данного предложения 7. *Philippine floods kill 40 and affect one million people* имеет свой сценарий: Агентив-процесс — Объект-результатив — Объект-аффект. В первом предикате можно наблюдать явление когнитивной метафоры, когда прототипический фрейм предиката глагола *kill* Деятель — действие — Объект-результатив заменяется на контекстуальный фрейм Агентив-процесс — Объект-результатив.

Объект аффект может быть выражен не только группой существительного, но и отдельной предикативной структурой, например: 8. *Snow disrupted ferry services and there were power cuts in some parts of the capital and on the islands*, где Объект-аффект 1 — *ferry services*, а Объект-аффект 2 — *there were power cuts in some parts of the capital and on the islands*.

Теория грамматики конструкций отличается от предшествующих ей вербоцентрических теорий тем, что ее главной идеей является тезис о глагольно-ориентированности, а не глагольно-центричности конструкций. В традиционной парадигме лингвистического анализа конструкция понимается как синтаксически разложимая, дискретная структура, накладывающая синтаксические ограничения на свое лексическое наполнение. Традиционная конструкция является структурной единицей, лишенной конкретного семантического содержания.

Новая теория под названием грамматика конструкций развивает предшествующую теорию, зиждется на работах Ч. Филлмора по падежной грамматике и фреймовой семантике, позволяет использовать понятие фрейма в качестве основного инструмента описания конструкции. К числу основных идей теории грамматики конструкций также относится тезис о том, что аспект плана выражения и плана содержания не выводится из значения или формы их составных частей. Конструкции, по Филлмору, не сводятся только к составляющим и отношениям между ними. В них есть еще и значение самой конструкции, которое накладывает ограничение на элементы конструкции или модифицирует значение используемых единиц для возможного вмонтирования их в конструкцию.

В статье приведены некоторые семантико-синтаксические конструкции, влияющие на модификацию значения глагольной лексемы, в рамках отдельного функционального жанра текстов, совместив основные теоретические ветви когнитивной семантики, а именно — грамматику конструкций Ч. Филлмора, А. Гольдберг, теорию когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и теорию семантических типов предикатов О. Н. Селиверстовой.

Теория грамматики конструкций служит той частно-научной платформой, которая используется в качестве способа обобщения и категоризации анализируемых фактов. Грамматика конструкций отрицает глагольно-центристский подход к описанию глагольных выражений. В этой теории семантика глагола представляется зависимой от семантики контекста, который образу-

ют участники ситуации. При этом глагол может перестраивать свою семантику, чтобы быть способным вмонтироваться в заданную конструкцию. Отсюда можно сделать вывод, что не глагол в конкретном контексте определяет слотовое заполнение фрейма, а сама ситуация определяет, какие семантические падежи будут заполнять слоты фрейма конструкции.

Важным для понимания функциональной реализации конструкции и модификации глагольной семантики является представление о том, что в глаголе могут совмещаться две семантики: семантика ассертивности и семантика ассоциативности. Обычно семантика ассертивности содержится в самом лексическом ядре глагола, а семантика ассоциативности может подключаться пресуппозитивно или имплицитивно. Наличие этих двух видов семантики разграничивает зону семантических свойств самого глагола и зону влияния конструкции. Отсюда типы конструкций, выделенных нами при исследовании фактического материала, определяются в зависимости от того, в какой зоне — ассертивной или ассоциативной — происходит формирование смысла предложения. Так, истинно результативной или истинно каузативной конструкциями будут те, которые в формировании смысла предложения опираются на глагольную лексику, в семантическую структуру которой входят компоненты результативности или каузативности соответственно. Если же смысл предложения опирается на семантику ассоциативности, исходящей из имплицитных или пресуппозиционных смыслов, конструкции будут иметь свои смыслы, подвергающие модификации прототипическое значение глаголов, образуя контекстуальные девиантные значения.

Использование теории семантических типов предикатов позволило не только объяснить процессы когнитивной метафоризации, изменения типа конструкции за счет изменения слотового заполнения фреймов, но также раскрыть механизмы этих процессов через установление изменений в компонентном составе семантических ролей. Вариативность в наличии или отсутствии таких компонентов, как приложение силы, контролируемость за приложением силы, конкретность/абстрактность денотата предиката в соотношении с осью времени в значительной степени уточнили понимание процессов, выявляющих образование контекстуальных значений глагольной лексики.

Таким образом, можно сделать вывод, что основным фактором, влияющим на семантику предиката, является аргументный набор конструк-

ции, которая моделирует слотовое наполнение фрейма и изменяет состав его актантной рамки. В свою очередь изменение состава актантной рамки зиждется на процессах включения в семантические роли или исключения из них составляющих компонентов.

Исходная семантическая структура предиката во многом определяет его возможные модификации. Однако прагматические свойства метеоинформационных текстов настолько сильны, что их можно назвать коррелирующим механизмом. Исследование показало, что глагол в своем прототипическом значении не может определяться как самодостаточная система, поскольку он находится под влиянием конструкции, в которую он вмонтирован. Именно конструкция в нетривиальном смысле модифицирует его семантику и определяет фрейм и сценарий в соответствии с прагматикой ситуации.

Установление механизмов модификации значения глаголов за счет употребления в определенных конструкциях позволяет избегать перечисления различных значений глаголов в лексикографических источниках. Достаточно будет прогнозировать изменение семантики предиката за счет встраивания в определенную типовую конструкцию.

Список литературы

1. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость.— М. : Рус. словари, 2008.— 416 с.
2. Селиверстова О. Н. Труды по семантике.— М. : Языки славян. культур, 2004.— 960 с.
3. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: теоретико-экспериментальное исследование.— М. : ИЯ РАН — Уфа, 1998.— 198 с.
4. Chafe W. On the nature of semantic roles // *Universals in Linguistic Theory*.— 1972.— Vol. 4.— № 4.— P. 4–29.
5. Croft W. A Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective.— Oxford, 2001.
6. Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course boor.— Berkley : Univ. of California, 1992.
7. Freed A. F. The Semantics of English Aspectual Complementation.— Dordrecht ; London, 1979.— 172 p.
8. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure.— Chicago : Univ. of Chicago, 1995.— 271 p.
9. Goldberg A. Constructions at work: The Nature of Generalization in Language.— Oxford, 2006.— 280 p.

Е. О. Шаповалова (Челябинск, Россия)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ПРИЁМ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ (на примере французских фразеологизмов)

Communication between peoples who speak different languages is realizing in the conditions of different cultures. And when we need translate idioms they may cause difficulties to understand the meaning of the text. That's why the translator has to change the original. V. N. Komissarov called it adaptation in translation. The scientist name four kinds of adaptation. The first introduces in the text some complementary information. The second communicates the emotional effect. The third characterizes by the fact that the translator is focused on the situation of communication and on the specific reader. The fourth is an adaptation on the basis of specific object.

Keywords: *pragmatic adaptation, pragmatic effect, adaptation in translation, national-cultural adaptation.*

Переводческая коммуникация — коммуникация специфическая, т. к. «она осуществляется в условиях различия языков и культур, включенных в крайние ее фазы» [Рецкер, 1974: 15]. А фразеологизмы часто носят национально-культурную окраску, что порождает определенные трудности при их восприятии носителями другой культуры. Поэтому фразеологизмы занимают в переводоведении и в практике перевода особое место.

Перевод — «это не только сопоставление различных языковых систем, но и соприкосновение разных культур» [Верещагин, Костомаров, 1973: 27]. Иными словами, перевод как двуязычная коммуникация требует учета различия культур ее участников.

Но вместе с тем — и это не противоречит принципу переводимости (поскольку часть воспринимается лишь в составе целого) — в любом тексте

есть такие элементы, которые, условно говоря, перенести нельзя («условно», так как речь идет о невозможности формального перевода).

Фразеология представляет исключительную важность для науки перевода, поскольку в «шкале непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы, или фразеологические единицы, занимают едва ли не первое место: «непереводимость» фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц; на нее неизменно ссылаются сторонники «теории непереводимости»; с трудностью перевода ФЕ сталкивается переводчик-практик.

Способностью оказывать на читателя определенное прагматическое воздействие (коммуникативный эффект) обладает и любое высказывание, и любой текст. Особенно это относится к фразеологизмам с именами собственными, для которых это является, пожалуй, самой важной задачей. В ряде случаев эквивалентное воспроизведение содержания оригинала обеспечивает и передачу в переводе и прагматического потенциала. Однако принадлежность рецептора перевода к иному языковому коллективу приводит к тому, что эквивалентный перевод оказывается прагматически неадекватным. Тогда переводчику приходится прибегать к изменению текста оригинала. В. Н. Комиссаров выделил четыре вида прагматической адаптации перевода, которые мы рассмотрим ниже.

Первый вид прагматической адаптации имеет целью «обеспечить адекватное понимание сообщения рецепторами перевода» [Комиссаров, 2002: 137]. Ориентируясь на «усредненного» рецептора, переводчик учитывает что сообщение, вполне понятное читателям оригинала, может быть непонятным читателям перевода. В таких случаях можно ввести в текст перевода дополнительную информацию. При переводе фразеологизмов с именами собственными, например, часто приходится опускать само имя собственное (т. к. оно может быть неизвестно реципиенту), и вместо него вставлять во фразеологизм поясняющее слово: *coup de Jarnac* (дословно — удар Жарнака), в некоторых случаях лучше перевести как *вероломный удар/ поступок; удар ниже пояса*. Источником происхождения ФЕ послужила дуэль между графом Жарнаком и Лашатеньере, которая закончилась победой Жарнака, неожиданным ударом под колено свалившего своего противника [Назарян, 1965: 28]. Приведем пример: «Le fait de nous attribuer cinq lignes et non huit, comme les spécialistes le prévoyaient, est un *coup de Jarnac*» [[http://www.](http://www.lesechos.fr)

[lesechos.fr](http://www.lesechos.fr)] (Тот факт, что нам предоставили только пять авиалиний вместо восьми, как рассчитывали специалисты, это *удар ниже пояса*). В данном случае вариант кальки («удар Жарнака»), по нашему мнению, является неприемлемым — он вызвал бы недоумение у читателей, вопрос, кто такой Жарнак и что означает данное выражение в целом. Таким образом, так как невозможно найти эквивалент, который бы тоже содержал ИС, переводчик выбрал устойчивое выражение русского языка, означающее то же самое и имеющее определенную эмоциональную и образную составляющие. Благодаря этому удалось сохранить и смысл, и эмоциональность, и образность текста.

Второй тип прагматической адаптации имеет целью «добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие» [Комиссаров, 2002: 139]. При переводе фразеологизмов с именами собственными необходимость такой адаптации возникает потому, что, например, в литературе ПЯ нет такого героя, чье имя собственное встретилось во фразеологизме ИЯ. Тогда переводчику приходится либо искать существующую в ПЯ ФЕ, которая имела бы тот же смысл, что и ФЕ в ИЯ, либо передавать фразеологизм описательно. Например, *la politique de Gribouille* в русском языке передается как «*политика из огня да в полымя*». Дело в том, что русский читатель не знает, что во французских сказках Грибуй представляет собой тип простодушного и наивного человека, который опрометчиво попадает в печальные истории [Назарян, 1968: 37]. Рассмотрим пример: «Les chiffres de la délinquance et de la criminalité illustrent parfaitement *la politique de Gribouille* du gouvernement. Celui-ci laisse entendre, fait croire, sème l'illusion et n'agit pas» [<http://www.lepoint.fr>] (Цифры уровня преступности отражают *политику* правительства «*из огня да в полымя*», которое дает понять, заставляет верить, распространяет иллюзии и не действует). В данном случае читателям, не знакомым с французскими сказками, будет непонятна аллюзия на их героя — Грибуя. Чтобы сохранить образность, эмоциональность и одновременно передать смысл, переводчик подменяет национально-культурную коннотацию, содержащуюся во французской ФЕ, на коннотацию, более понятную русскоговорящему читателю.

«Прагматические адаптации второго и первого типов могут быть взаимосвязаны, если в основе неадекватного восприятия лежит непонимание или неполное понимание исходного сообщения» [Комиссаров, 2002: 141].

Третий тип прагматической адаптации при переводе характеризуется тем, что «переводчик ориентируется на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие» [Комиссаров, 2002: 142]. Иногда это может быть связано с тем, что в конкретной ситуации переводчик находит целесообразным передать не сказанное, а подразумеваемое. Или же переводчик решает, что для достижения желаемого воздействия необходимы иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале. Например, переводчик понимает, что в данном месте в переводе ФЕ неуместна, и тогда он может ее передать описательно, воспользовавшись приемом компенсации и вставив ФЕ в перевод там, где в оригинале ее не было. Приведем пример, когда фразеологизм опускается: «*S'il se lance au départ dans une carrière publicitaire, il s'adonne parallèlement à son violon d'Ingres: l'écriture*» [Label France № 51, 2003] (Бейгбедер начал работать в рекламе, но его *хобби* всегда оставалась литература). Известный французский художник Энгр (1780–1807), по словам современников, очень гордился своим умением играть на скрипке: *le violon d'Ingres* дословно — скрипка Энгра [Назарян, 1968: 52]. В данном случае переводчик мог воспользоваться более экспрессивным словом (например, «конек»), но вследствие того, что язык русской прессы отличается большей нейтральностью (по сравнению с языком французских СМИ), предпочел вариант «хобби», с практически нулевой коннотацией.

Четвертый тип прагматической адаптации В. Н. Комиссаров охарактеризовал как «решение экстрапереводческой сверхзадачи» [Комиссаров, 2002: 142]. То есть переводчик «создает перевод, исходя из определенной цели» [Там же]. Например, если необходимо познакомить читателя именно с ФЕ с именами собственными, существующими во французском языке, то переводчик может передавать данные фразеологизмы дословно (а имена собственные будут переданы с помощью транскрипции), объясняя в сносках, что именно они обозначают. Приведем пример: «*C'est un roman cousu de fil bleu-blanc-rouge, plein de soleils d'Austerlitz, de vertiges du pouvoir et de paragraphes qui sautent trop vite à la ligne...*» [<http://www.nouvelobs.com>] (Это — роман, написанный в цветах французского флага, полный *солнца Аустерлицы*, опьянения властью, и абзацев, которые бросаются в глаза...). Данный вариант перевода (с помощью кальки) будет уместен только в определенных ситуациях: если в сноске будет указано, что для французов битва при

Аустерлице — символ победы и национальной гордости, а в сознании русскоговорящего читателя это — символ поражения (русская армия при Аустерлице была разгромлена). Однако в обучающих целях такой перевод будет вполне уместным.

Таким образом, при столкновении с необходимостью перевода фразеологизма у переводчика возникает ряд проблем с выбором способа его передачи на ПЯ. Чтобы сделать не просто эквивалентный, но и прагматически адекватный перевод, переводчику приходится прибегать к описанным выше прагматическим адаптациям. При этом выбор того или иного эквивалента зависит от многих факторов: общей тональности текста, для кого предназначен перевод, пожеланий заказчика и др.

Итак, колорит превращает ФЕ в своеобразную реалию, которая, однако, в отличие от «лексической реалии», передастся при переводе не путем транскрипции, а, по мнению многих исследователей, калькой. Однако, на наш взгляд, калька с иностранной ФЕ бывает уместна далеко не во всех случаях, так как она может затруднить восприятие текста перевода.

Фразеологизмы — особый тип сочетаний. Основной их особенностью является «частичное или полное несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологизма» [Казакова, 2001: 127] и, безусловно, будет влиять на выбор приемов и способов перевода.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 347 с.
2. Казакова Т. А. Практические основы перевода. — СПб. : Союз, 2000. — 285 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 2002. — 436 с.
4. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. — М. : Наука, 1965. — 138 с.
5. Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. — М. : Наука, 1968. — 341 с.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М. : Междунар. отношения, 1974. — 216 с.
7. Label France. — 2003. — № 3.

Интернет-источники

8. URL: <http://www.lesechos.fr>
9. URL: <http://www.lepoint.fr>
10. URL: <http://www.nouvelobs.com>

Е. В. Шаронова (Харьков, Украина)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИЯХ УСТОЙЧИВЫХ НОМИНО-ВЕРБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

The article covers the study of set nominal-verbal complexes (SNVC) in the modern German language, which play an important part in word combination paradigm of the language system and differs from all other word combinations (free, phraseological etc.) because of their semasiological, onomasiological and pragmafunctional features. In the article one examines the role of mentioned unities in the formation of framed structure of expression and sentence as it is representative in the German language. Based on the made analysis of SNVC' functioning, which is relevant for these unities and the functions, as is known, are the basis for the system's categorization of ethnoconsciousness and its internal vocabulary.

Keywords: linguistic dynamics, nominal-verbal, word-group, structuring, conventional, function.

В своё время гений отечественной литературы Н. В. Гоголь сказал, что «в каждом слове бездна пространства, каждое слово необъятно» [Энциклопедия, 2007: 570]. И действительно, в любом слове есть Нечто, что обеспечивает ему способность передавать не только чисто логическое, легко воспроизводимое содержание, но и производить эстетическое и познавательное впечатление. Речь идёт о его информативной насыщенности, остающейся до сих пор недостаточно познанной. У каждого коммуниканта при восприятии того или иного слова возникают свои ассоциации и представления, свои мысли, чувства и эмоции, за которыми скрывается свой жизненный, профессиональный и языковой опыт. А «выбраться из этой пространственной бездны» помогает комбинаторика слов с учётом их валентных свойств, конкретизируя их с помощью других единиц и образуя таким образом словосочетания различных конфигураций, целые цепочки словосочетаний, служащих базовым материалом для построения предложений (текстов и т. д.). В словосочетательной парадигме языковой системы определённое место занимают устойчивые словосочетания, которые отличаются от всех других словосочетаний (свободных, фразеологических, коллокатов и др.) своими семасиологическими, ономасиологическими и прагматическими чертами. Соотношение слова и словосочетания, с одной стороны, а также словосочетания и предложения, с другой, убедительно раскрыл в своих трудах академик В. В. Виноградов. Дифференцированное осмысление функционирования слова, словосочетания и предложения в речевом потоке позволило учёному определить место словосочетания как составной номинативной единицы в языковой системе. «Словосочетание — по В. В. Виноградову — лишь строительный материал для предложений...» [Виноградов, 1975: 222]. Вне предложения словосочетания, так же

как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, качеств, процессов, свойств, связей и отношений.

Объектом нашего исследования являются устойчивые номинOVERBальные комплексы (УНВК) в современном немецком языке, для которых характерна неоднозначность их дефиниций (номинOVERBальный, вербальнономинальный, вербальнофункциональный и др.), терминологическое разнообразие (Funktionsverbgefüge, analytische Wortgruppen, Streckformen, verbo-nominale Wortverbindungen, Schwellformen, неразложимые структуры и др.), их общая и частная локализация. УНВК — это сочетание трёх (реже — двух) полнозначных разнокатегориальных единиц с устойчивой внутренней связью, не обладающее обобщённо-переносным (образным) значением, но имеющее единое общее, соотносимое с эквивалентным простым глаголом: in Anrechnung bringen — anrechnen, zum Ausdruck bringen — ausdrücken, in Besitz nehmen — besetzen (bewältigen), am Überlegen sein — überlegen (sich), in Zweifel ziehen — zweifeln (bezweifeln) и др.

Вопрос о функциях языка как высокоорганизованной сложной мультисистемы и его номинативных единиц по-прежнему актуален, особенно это касается словосочетаний, т. к. они в этом плане изучены недостаточно, а их исследование делает возможным заглянуть за занавес языковой динамики с целью более глубокого проникновения в происходящие в языке деривационные процессы. Поэтому мы разделяем мнение известного лингвиста В. В. Левицкого в том, что для исследователя является целесообразным и правомерным рассматривать не только слова, но и словосочетания как синтагматическую совокупность слов [Левицкий, 2006: 194]. Исследование УНВК в прагмафункциональном аспекте способствует выявлению особенностей функционирования

предложения, но не только предложения как составной части текста, а также самого текста как целого речевого произведения.

Что касается реестра функций словосочетаний, то можно предположить, что они, как и другие языковые единицы (слово, предложение), полифункциональны, что является зеркальным отражением полифункционального характера самого языка. Выявление некоторых функций УНБК является *предметом* наших наблюдений. Немецкий язык располагает значительным арсеналом УНБК, в последнее время наблюдается тенденция к их постоянному увеличению, что свидетельствует о продуктивности данной модели. А продуктивность может изменяться в зависимости от информативности исходных единиц на входе (Input), внутренней когнитивной фильтрации и её результата на выходе (Output) [Barz, 1968: 322]. Как ни парадоксально, но особенно богатым источником пополнения арсенала УНБК, наряду с другими, является разговорная речь. Динамика современной вербальной коммуникации является тому подтверждением, что можно объяснить более глубокими корнями разговорной речи в языковом сознании этнических носителей языка. Прав Г. Хельбиг, известный немецкий германист, который утверждает, что «die Performanz ist zwar nicht direkt aus der Kompetenz ableitbar, aber die Kompetenz ergibt sich umgekehrt aus der Performanz» [Helbig, 2005: 6].

Исследуемые нами УНБК играют существенную роль в структурировании предложения, рамочное построение которого служит одним из важных средств выявления его структурной целостности. В различных языках рамочное построение предложения представлено по-разному, но в немецком языке рамка преобладает, хотя и зависит от воздействия многих факторов. Под рамочной структурой предложения условно понимается такая конструкция, в которой отчётливо выражена тенденция ставить необходимый компонент предложения в его финальной позиции, независимо от того, чем занята начальная позиция в предложении. При таком структурировании предложение остаётся формально и семантически незавершённой единицей до появления самого последнего компонента, благодаря чему обеспечивается напряжение, цементирующее всё предложение как целостную коммуникативную единицу [Адмони, 1988: 168]. По поводу этой особенности немецкого предложения в своё время образно высказался известный американский писатель Марк Твен: «Если уж немецкий писатель нырнёт во фразу, так вы не увидите его до

тех пор, пока он не вынырнет на другой стороне своего Атлантического океана с глаголом во рту» [Энциклопедия, 2007: 698]. Этим шутливым высказыванием нарочито подчёркивается роль вербальных форм (как внутренних, так и внешних) в построении немецкого предложения. К их числу относятся, как известно, отделяемые приставки, инфинитивные формы при модальных глаголах, а также некоторые другие компоненты, тесно связанные с глагольно-предикативной частью, среди которых определённое место занимают УНБК. В качестве иллюстрации приведём несколько примеров, заимствованных из оригинальных источников:

1. Prosamachen in unserer Zeit ist Inbesitznehmen von Welt. Und dies solange, bis sie wirklich ganz und gar unser ist ... [BzGL: 358].

2. Für wen nimmt N. Welt in Besitz, wenn er Prosa schreibt? [BzGL: 359].

3. Wie nimmt nun N. mittels seiner Prosa Welt für uns in Besitz? [BzGL: 360].

4. Das Verwaltungsgericht zog dann zwar den denkmalschützerischen Aspekt nicht in Zweifel... [Wotjak, 2005: 150].

5. Seit Mitte des vergangenen Jahres zögen Expertengutachten die Investitionsplanung von Elf massiv in Zweifel ... [Wotjak, 2005: 150].

6. Mehrere Zeugenaussagen zogen die Angaben der Frau in Zweifel [Wotjak, 2005: 150].

7. Dass die Gesellschaftssatire ... zum besten Film des Jahres wird, zieht kaum jemand mehr in Zweifel [Wotjak, 2005: 150] и т. д.

В первом случае мы имеем УНБК «in Besitz nehmen», но как цельнооформленную единицу в субстантивированной форме («das) Inbesitznehmen», которая как предикативная часть вместе с постпозитивным определением занимает финальную позицию. Постпозитивное определение можно с лёгкостью превратить в препозитивный компонент композитного деривата «Welt — Inbesitznehmen», что способствует финализации субстантивной группы.

Во втором примере УНБК выступает как раздельнооформленная единица «in Besitz nehmen». Глагол занимает своё законное второе место, а предложная группа занимает конечную позицию в первом предложении, не закрывая его, поскольку далее следует придаточное предложение. В остальных примерах (3–7) наглядно представлена полная рамочная структура, в которой смыслоносущая часть занимает финальную позицию, доводя высказывание до логического завершения, а предложение, как его знакового репрезентанта, до завершённой структурной формы. Таким обра-

зом, роль УНБК в представлении высказывания и в структурировании немецкого предложения совершенно очевидна, и поэтому вполне логично говорить о *структурирующей функции* устойчивых номинOVERбальных комплексов как одной из многих релевантных для них функций (номинативно-информативной, словообразовательной, текстообразующей, медитативной и др.).

Мы сознаём, что в языковой динамике все функции часто пересекаются, обогащая, дополняя и обуславливая друг друга, они находятся не только в отношении взаимного дополнения, но и взаимной индукции, подобно тому, как все уровни языка взаимосвязаны и взаимообусловлены. Отсюда следует, что УНБК объединяют в себе несколько контексторелевантных функций, которые образуют своеобразный ансамбль, необычный как по своей внешней форме, так и по своему внутреннему звучанию. Поэтому мы разделяем мнение Ж. В. Колоиз о том, что «свіжість, оригінальність, незвичайність зовнішньої форми вираження мовних одиниць, з одного боку, і посилення звучання їх внутрішньої форми, з іншого, у будь-якому випадку сприяють реалізації прагматичної функції впливу на адресата» [Колоиз, 2006: 123]. Подтверждением этой мысли автора являются также устойчивые номинOVERбальные комплексы в современном немецком языке.

В заключение можно сказать, что не только лексические единицы (отдельные слова), но и синтаксические структуры (словосочетания) обнаруживают широкий спектр имплицитно выраженных прагмафункциональных нюансов, кото-

рые нуждаются в дальнейших исследованиях с учётом языковой картины в социуме.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики.— Л. : Наука, 1988.— 239 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике.— М. : Наука, 1975.— 238 с.
3. Колоиз Ж. В. Образно-асоціативний потенціал внутрішньої форми оказіоналізмів у світі теорії О. О. Потебні // Олександр Потебня: сучасний погляд.— Харків : Майдан, 2006.— С. 123–127.
4. Левицкий В. В. Семасиология.— Винница : Nova Kniga, 2006.— 512 с.
5. Энциклопедия Мудрости / сост. К. Андриевская и др.— Можайск : Буколика : РООССА, 2007.— 814 с.
6. Barz I. Probleme der phraseologischen Modifikation // DAF.— 1968.— № 6.— S. 322–326.
7. Helbig G. Gibt es eine „performative Wende“ in der Linguistik? // DAF.— 2007.— № 3.— S. 6–9.
8. Scharonowa E. W. Zur Dynamik der nomino-verbalen Komplexe im Deutschen // Каразинські читання: людина, мова, комунікація.— Х. : ХНУ, 2008.— S. 278–280.
9. Wotjak B., Heine A. Zur Abgrenzung und Beschreibung verbonominaler Wortverbindungen // DAF.— 2005.— № 4.— S. 143–153.
10. Zur Gegenwartsliteratur (Besprechungen) / BzGL.— Berlin : Volk und Wissen, 1988.— 544 s.

Л. И. Швыдкая (Магнитогорск, Россия)

ИДИОМАТИКА В ДИСКУРСЕ (вербальный и невербальный аспекты)

This is an attempt to establish a link between idiomaticity and mono-/cross-cultural communication. Given formal identity with other discourse units, mono-cultural communication factors due to their dominant character may acquire another interpretation within the framework of either the same or different culture, which forms basis for non-verbal idioms that later (but not necessarily) get verbalized. Thus, one can conclude that idiomaticity is an inherent universal feature characteristic of both verbal and non-verbal mono- and/or cross-cultural discourse.

Keywords: *idiomatic, verbal, non-verbal, discourse, cross-cultural.*

Такие понятия, как идиома (идиоматика), культура, общение (коммуникация), неоднократно являлись и являются предметом многочисленных статей, заметок, исследований лингвистов, деятелей культуры, психолингвистов, переводчиков, специалистов в области лингвострановедения

и т. п. За каждым из этих понятий закрепилось определенное представление с набором параметров и критериев, известных любому образованному человеку. Однако традиционно идиоматика с культурой и общением не связывается и рассматривается в узком, чисто лингвистическом

аспекте только в рамках общего или частного языкознания. В статье сделана попытка увязать понятие идиоматики с монокультурным и межкультурным общением. Культура не представляет собой только искусство, музыку, танцы, одежду, язык и т. п. Под культурой понимается совокупность материальных и духовных элементов, определяющих бытие общества, она включает разные аспекты существования человеческого общества [Кабакчи, 1986: 4]. Коммуникация вне культуры невозможно. Если исходить из такого широкого понимания культуры, то дискурс можно понимать как текст, погруженный в ситуацию общения или наоборот — как общение посредством текста [Карасик, 2007: 350].

Мы воспринимаем окружающий мир и соответственно реагируем на него с точки зрения нашей собственной культуры, с которой довольно хорошо знакомы (хотя нет ни одного человека, который бы полностью владел культурой своего общества). Каждый носитель того или иного языка включается в определенную страту, характеризующуюся своим отличным в большей или меньшей степени социокультурным статусом. Отсюда следует, что внутри-(или моно-) культурная коммуникация доминирует над любым другим типом общения. В большинстве случаев мы не отдаем себе отчета в том, как наша собственная культура влияет на процесс общения, пока не сталкиваемся с межкультурным комплексом, предполагающим общение между представителями разных культур.

Любое общение — это сложный, комплексный процесс. Коммуникация в чистом, языковом (вербальном) виде невозможна. В процессе общения передается культура во всей своей сложности. Во-первых, процесс коммуникации непрерывен. Это и походка, жесты, внешний вид, улыбка, мимика и т. д., т. е. большой удельный вес в процессе общения приходится на невербальный, лингвистический аспект. По данным западных ученых, общение только на 20 % складывается из вербальных, языковых единиц, а 80 % приходится на невербальные (из них 60 % опережают вербальный компонент, а 37 % реализуются с ним, по данным И. Н. Горелова) [Горелов, 1985: 143]. Богатый материал, иллюстрирующий важность невербального компонента обучения, можно найти в исследованиях языка телодвижений западными учеными. Примером такого рода работ может книга Аллана Пиза «Язык телодвижений» [Пиз, 1992]. Чисто языковое, вербальное, общение невозможно в силу того, что между говорящим и слушающим существуют

определенные различия, т. е. то, что вы слышите, это не совсем то, что я говорю, и не совсем то, что я имею в виду. Мы часто воспринимаем то, чего не существует (известный из психологии опыт с параллельными линиями), и не воспринимаем того, что имеет место в действительности. Наша трактовка ситуации зачастую базируется на нашем опыте, культурном багаже. Кроме того, нередко смысл высказывания представляет собой функцию семантического окружения, т. е. словам приписываются разные оттенки значения в зависимости от ситуации. Иллюстрацией этого положения может служить пример весьма обыденного факта, приведенного в лекции Лоис Ланьер для слушателей продвинутого курса английского языка при университете Джонса Хонкинса в Вашингтоне. Жена говорит мужу, что мусорное ведро переполнено, он с нею соглашается, хотя она имела в виду, чтобы он вынес ведро, а он своим подтверждением факта хотел сказать: «Сама вынеси». Т. е. налицо явное несоответствие вербальной формы и смысла. Еще большее расхождение нередко обнаруживается при общении представителей разных культур. Свидетельством тому служит еще один пример Лоис Ланьер. Вьетнамская студентка, подойдя к ней после лекции, с улыбкой заявила, что та прибавила в весе, американка обиделась. И только спустя некоторое время выяснилось, что вьетнамская студентка хотела сказать, что муж Ланьер преуспевает и имеет возможность хорошо ее кормить, что является высшим комплиментом женщине во Вьетнаме. В основе приведенных примеров лежит антиномия узуальных и контекстуальных (ситуативных) значений единиц коммуникации, что, как известно, составляет суть идиоматичности.

Традиционно идиомами (идиоматическими единицами) принято считать устойчивые словосочетания фразеологического типа, обладающие переносным, фигуральным значением, отличным от значений составляющих идиому компонентов. Такое понимание идиомы свойственно как отечественным, так и зарубежным лингвистам [Кунин, 1996: 53; Ожегов, 1974: 21; Назарян, 1987: 51; Makkai, 1995: vi, xxxviii]. Хотя и среди других вербальных единиц существует целый ряд образований, отвечающих данным критериям. Это и отдельные слова (например, в сленге современного русского языка «лимон» в значении «миллион рублей»), аббревиатуры и акронимы омонимичные другим словам (*Ark — Arkansas, wash — Washington*), предложения, и законченные произведения (анекдоты, побасенки, сказки и т. п.) [Пермяков, 1970]. Идиоматичность пронизывает

все языковые уровни и сферы и, соответственно, является неотъемлемой составляющей вербального общения. Но чисто вербальное общение, как уже отмечалось, невозможно, а весь комплексный процесс общения с его культурной традицией, социальными функциями, психолингвистической организацией речевой деятельности, наличием в тезаурусе общения специфической кинесической символики всегда характеризуется наличием определенного разрыва, помехами в цепи «говорящий — слушающий», что неизбежно ведет либо к неполному, либо к неадекватному восприятию информации.

Иными словами, как вербальным, так и невербальным единицам коммуникации приписываются разные значения в силу разного опыта, прагматической ориентации, т. е. реализуется основной критерий идиоматичности — отсутствие предсказуемости значения любого знака коммуникации. Идиоматичность присуща не только монокультурному общению, но еще в большей степени межкультурному, при котором доминирование монокультурных факторов общения ведет к еще большему разрыву в цепи «слушающий — говорящий», к идиоматизации процесса общения и культурному шоку. Приведем несколько примеров такого рода. Вот цитата из Стругацких: «Это был Марек Тарасюхин... он... стал литсотрудником тоненького молодежного журнальчика с сомнительной репутацией, расхаживал в черной коже (не подозревая, конечно, по серости, что это форма не только эсэсовских самокатчиков, но и американских “голубеньких”)» [Стругацкий А., Стругацкий Б., 1990: 399]. Здесь налицо неоднозначность восприятия символики одежды. Можно вообразить, как бы мы отреагировали на такой прием: эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове или по плечам. Или сравните русскоязычное приглашение выпить на двоих или троих (за борт пиджака прячутся все пальцы, кроме указатель» и среднего, или указательного, среднего и безымянного) с жестом английских масонов Допотопного ордена буйволов (за борт пиджака прячутся все пальцы, кроме указательного и безымянного, смысл — «нуждаюсь в помощи») [Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977: 230]. Данные примеры говорят о том, к каким недоразумениям могут принести неверные истолкования невербальных средств, не учитывающие национальные особенности говорящего. Так, известный американский символ «о'кэй» (большой и указательный пальцы сомкнуты в кольцо) у некоторых народов воспри-

нимается как оскорбительный или сексуальный [Hanneman, McEwen, 1975: 88]. Данные примеры показывают, что межкультурное общение может идиоматизироваться в силу того, что коммуниканты не воспринимают того, что в действительности имеет место в процессе общения, так как трактовка ситуации базируется на их опыте и культурном багаже.

Как уже отмечалось, невербальные компоненты примерно в четыре раза преобладают над вербальными в процессе непосредственного общения, чему есть определенное объяснение. Во-первых, биологическая природа человека роднит его с животным миром, в котором общение авербально и улыбка или кивок головой в полном комплексе денотатов и коннотаций передает одобрение и поддержку. Во-вторых, поскольку план содержания и план выражения (т. е. понятие и форма его воплощения в акте коммуникации) обладают относительной независимостью, то это ведет к разному оформлению одной и той же мысли либо вербально, либо авербально, с вариациями в том и другом случае. А в-третьих, в этом своеобразно проявляется закон языковой экономии.

Относительная автономность плана содержания и плана выражения наводят на мысль о параллельности языка вербального и невербального, что и подтверждается некоторыми западными учеными, отмечающими сходство кинесической системы с языковой, т. е. наблюдается иерархия невербальных составляющих, аналогичная языковой структуре.

Невербальный компонент не только существует параллельно с вербальным, но и может служить и часто служит источником возникновения вербальных единиц.

Невербальность характеризует непосредственное общение и сопровождает прямую речь участников коммуникации. В косвенной речи, при передаче сообщения другим лицом или при описании факта после момента его свершения, невербальные компоненты заменяются их вербальным описанием. Но поскольку за вербальным описанием жеста скрывается смысл, закрепленный за жестом в невербальной коммуникации, то на языковом вербальном уровне возникает идиоматическая единица. Современный английский язык дает целую серию примеров такого рода. Идиома *to put one's best foot forward* означает «постараться произвести хорошее впечатление, завоевать внимание, сделать всё возможное (*During courtship it is natural to put your best foot forward*). Аллан Пиз, описывая язык телодвижений, отмечает, что если говорящий или слушающий испытывает интерес

к собеседнику или участнику ситуации общения (наличие более двух коммуникантов), то он поворачивает ногу носком к интересующему его человека (особенно если это мужчина и женщина). С другой стороны, если кому-то не нравится собеседник, то он проявляет свою неприязнь, слегка повернувшись к нему правым или левым плечом (отсутствует в русскоязычном общении). Данный жест закрепился в идиомах *to give (turn) the cold shoulder*, *to cold-shoulder sb*: *when Bob asked Mary for a date she gave him the cold shoulder*.

Конечно, процесс вербализации и идиоматизации невербальных единиц довольно сложный и не сводится к буквальному описанию кинесемы. Невербальная ситуация в значительной степени маркирована аксиологически. И при ее вербализации в соответствующей идиоме появляется сильно выраженное коннотативное значение. Например, в непосредственном общении большое значение имеет *eye-contact*. Но он может заключать в себе оценку (как положительную, так и отрицательную), стремление привлечь внимание и т. д. Вербальные идиомы, описывающие подобные ситуации, обязательно включают в свой состав компоненты *eye*, *look*, *give*, *catch* плюс какой-либо коннотативный детерминатор, не относящийся непосредственно и семантически напрямую не связанный с *eye-contact*. Например, *to catch one's eye* — *to attract one's attention*; *to give sb the eye* — *to signal with a look*; *to look at in a seductive way*; *to look in the eye* — *to meet with a steady look*, *face bravely or without shame*. Появление компонента *fish [beady]* в идиоме *give the eye* реализует сему «презрение, равнодушие, холодность»: *to give sb the fish eye* — по аналогии с холодными, ничего не выражающими глазами рыбы. С другой стороны, чтобы подчеркнуть любящий, увлекающий, соблазнительный взгляд, вводятся компоненты *glad (give someone the glad eye)* и *goo-goo (make goo-goo eyes)*. *Goo-goo* — липкая субстанция, американский сленг от *burgoon* (тягучая овсяная каша).

Таким образом, идиоматика как область или раздел теории коммуникации, с одной стороны, выходит в область авербальности, а с другой стороны, является неотъемлемой частью языка и речи и представляет собой сложную систему

парадигматических отношений и форм, зависящих от конкретной коммуникативной ситуации, языковых особенностей коммуникантов и их культурного тезауруса. Все это позволяет вывести идиоматику за пределы чисто фразеологической науки и по-новому взглянуть на идиоматику как на универсалию, присущую как моно-, так и межкультурной коммуникации в вербальном и невербальном аспектах. С этих позиций трудно не согласиться с тезисом Г. Крейдлина относительно сближения биологии, психологии, психолингвистики, лингвистики и невербальной семиотики в рамках современной научной парадигмы [Крейдлин, 2002: 14].

Список литературы

1. Горелов И. Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике.— М. : Наука, 1985.— С. 116–149.
2. Кабакчи В. В. Англоязычное описание советской культуры.— Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986.— 80 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи.— Волгоград : Парадигма, 2007.— 520 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика.— М. : Новое лит. обозрение, 2002.— 582 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка.— М. : Высш. шк., 1996.— 382 с.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка.— М. : Высш. шк., 1987.— 319 с.
7. Национально-культурная специфика речевого поведения.— М. : Наука, 1977.— 352 с.
8. Ожегов С. М. Лексикология, лексикография, культура речи.— М. : Наука, 1974.— 297 с.
9. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки.— М. : Наука, 1970.— 285 с.
10. Пиз А. Язык телодвижений.— Новгород : Ай Кью, 1992.— 185 с.
11. Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя // Сочинения.— Т. 3.— М. : Моск. рабочий, 1990.— 538 с.
12. Hanneman G. J., McEwen, W. Communication and Behavior.— AddisonWesley, 1975.— 347 p.
13. Makkai A. A Dictionary of American Idioms. Introduction.— N. Y. : Barren's, 1995.— 45 p.

И. А. Шерсткова (Уфа, Россия)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ВОООБРАЖЕНИЯ

This article deals with the problem of semantic interpretation of English synonymous verbs of imagination. The article gives the outline of the main results of the experimental survey carried out. The obtained data makes it possible to describe the semantic structure of such English verbs of imagination as 'imagine' and 'picture' as well as to differentiate the sphere of their application.

Keywords: meta language, semantic definition, semantic attribute, verbs of imagination.

Одними из наиболее ярких глагольных представителей лексико-семантической группы воображения в английском языке являются глаголы *imagine* и *picture*. Семантические структуры данных лексических единиц, на первый взгляд, довольно схожи. Для ситуаций, которые обозначаются этими глаголами, характерно наличие активного субъекта, прикладывающего волевою и креативную силу к созданию образа объекта (подробнее о силе и ее типах как метапонятии для семантической интерпретации значения английских глаголов-синонимов группы воображения см. [Шерсткова, 2009б]). Дифференциация между *imagine* (в его основном значении) и *picture* наблюдается, прежде всего, в характере мыслительного процесса и, следовательно, характеристиках первичного денотативного материала, на основе которого строится отображение (О первичной и вторичной денотации см. [Шерсткова 2011]). *Picture*, являясь глаголом проецируемого отображения, обозначает ситуации, в которых объект первичной денотации, подлежащий отображению, может уже иметься в предыдущем опыте субъекта, или этот объект является типичным представителем из объектов своего класса и, в следствие этого, его легко отобразить по принципу сходства и подобия (О проецируемости и конструируемости как метапонятиях для семантической интерпретации значения английских глаголов-синонимов группы воображения см. [Шерсткова, 2009а]). *Imagine* принадлежит к типу глаголов конструируемого отображения и несет информацию о формировании образа объекта, который ранее не был дан в реальном восприятии или опыте субъекта. В таких случаях субъекту предстоит произвести работу с применением креативных сил по созданию гипотетически возможного образа объекта вторичной денотации на основе имеющейся у субъекта информации о возможной характеристике объекта, подлежащего отображению. Например:

(1) *'I'll bet she is to', he told himself, as he tried to picture her as she was when he last saw her.— R. Pickernell.*

(2) *She tried to imagine what an imposing building it must have been in its time.— S. Hutson.*

В примере (1) субъект *he* прикладывает усилия (*tried*) по извлечению из личного (сенсорного, эмоционального и т. д.) опыта имеющейся информации об объекте первичной денотации (*her*) и воссозданию его образа. Наличие у субъекта информации об объекте подлежащего отображению в данном случае эксплицируется во фразе *as she was when he last saw her*. В примере (2) субъект *she* прикладывает усилия (*tried*) по преодолению препятствий (психологического, физиологического, временного и др. характера), мешающих возникновению образа объекта первичной денотации (*building*), который ранее не был дан субъекту в непосредственном восприятии (*must have been in its time*).

Рассмотрим также следующую ситуацию:

(3) *Sam stared up at the inn with its three storeys and many windows, and felt his heart sink. He had imagined himself meeting giants taller than trees, and other creatures even more terrifying, some time or other in the course of his journey; but at the moment he was finding his first sight of Men and their tall houses quite enough, indeed too much for the dark end of a tiring day. He pictured black horses standing all saddled in the shadows of the inn-yard, and Black Riders peering out of dark upper windows.— J. R. R. Tolkien.*

В вышеприведенном примере (3) в значении глагола *imagine* концептуализируется информация об отсутствии у субъекта *Sam* знания, полученного через жизненный опыт, о реальных характеристиках объекта/ситуации (*himself meeting*), и субъект пытается представить (сконструировать) объект, как подсказывает ему его воображение (*giants taller than trees, and other creatures even more terrifying*). Фраза *some time or other in the course of his journey* также свидетельствует о том, что субъект формирует образы объектов/ситуации, которые не имеют точного времени локализации в реальном мире, а являются плодом фантазии. Глагол *picture* изменяет «угол восприятия» ситуации и моделирует ее как приближенную к реальности: если в реальном мире присутствует гостиница (*stared up at the inn*), то совершенно типична и картина

(образ) стоящих около нее лошадей (*black horses standing all saddled in the shadows of the inn-yard*) или образ Черных Наездников (*Black Riders*), преследующих путников на протяжении всего их путешествия (согласно содержанию романа). Следовательно, глагол *picture* сообщает о том, что субъект *Sam* воссоздал на основе знакомых и типичных объектов первичной денотации образы гипотетически возможной ситуации реальности.

(4) *It's over, he told himself. You can't do it. You'll just have to go down to the lake in the morning and tell the judges... He **imagined** himself explaining that he couldn't do the task. He **pictured** Bagman's look of round-eyed surprise, Karkaroff's satisfied, yellow-toothed smile.* — J. K. Rowling.

В примере (4) глагол *imagine* сообщает о том, что ситуация *himself explaining that he couldn't do the task* является вероятной, но еще не произошедшей в реальности. Глагол *picture* сообщает о том, что возникший у субъекта образ (*Bagman's look of round-eyed surprise, Karkaroff's satisfied, yellow-toothed smile*) является спроецированным и имеет коррелят в реальном мире (согласно содержанию романа герои *Bagman* и *Karkaroff* действительно имеют следующие характеристики: *round-eyed isatisfied, yellow-toothed smile*).

Образы, создаваемые воображением, могут быть различного качества: одни «ментальные картины» отличаются яркостью красок и детализированностью элементов, другие размыты и едва различимы. Этот аспект дискурса находит свое отражение в системе глаголов, номинирующих креативный процесс фантазии. Именно по линии сирконстантной характеристики «качественности» сформированного объекта вторичной денотации и проходит граница между *picture* и *imagine*: ситуации, вводимые глаголом *picture*, предполагают ясный четкий образ объекта. В значении *imagine* информация о качественности присутствует, но не является акцентируемой. Так, в тесте на разницу в употреблении между глаголами *imagine* и *picture* информанты отдавали предпочтение глаголу *picture*, если речевая ситуация предполагала резкость, четкость ментальных образов. Например,

(5) *I can **picture** in every detail that wild interplay of sparkling colours, shocking and pleasing, that occurs when jewels move.*

(6) *If your dream is to live in a country cottage, then **picture** the cottage as vividly as you can.*

В предложениях, не имеющих референции к «ясному, детализированному» образу объекта, информанты выбирали глагол *imagine*: *I can vaguely imagine this place.*

Следствием того, что глагол *imagine* сообщает о конструировании образа, является и присущая этой глагольной единице семантика «нереальности». В пользу наличия этой семантики в семантической структуре *imagine* говорит и тот факт, что на синтаксическом уровне глагол *imagine* часто сочетается с придаточными предложениями, в которых глагол употребляется в форме сослагательного наклонения (пример (7)). Подобная синтаксическая сочетаемость с глаголом *picture* не отмечена.

(7) *She **imagined** what it would have been like if the woman standing in the anteroom had been one of Tomas's mistresses and if the man inside had been Tomas.* — S. Sheldon.

Кроме того, в отличие от *imagine* для глагола *picture* вообще не характерно употребление с придаточными предложениями. Представляется, это проистекает из того, что глагол *picture* (как отмечено выше) сообщает о детализации образа в деталях, а не действии, ведь последнее типично именно для придаточных предложений.

Разница между *picture* и *imagine* иногда может нивелироваться, и глаголы используются взаимозаменяемо:

(8) *I can't **picture** him skiing. He's so clumsy!* — LDCE.

(9) *I can't **imagine** him skiing. He's so clumsy!*

Приведенные примеры (8) и (9) информанты оценивали одинаково как нормативные и не отмечали особой разницы в создаваемой денотативной ситуации. Единственное различие информантами слабо усматривалось в коннотативном аспекте ситуации: пример (9) оценивался как звучащий в небольшой степени неформально.

Представляется, что взаимозаменяемость данных лексических единиц возможна в том случае, когда дифференциальные признаки каждого глагола «уходят» в прессупозицию, и внимание привлекается к присутствующей в семантических структурах обоих глаголов общей семеме, иначе единому прототипическому компоненту, «создание ментального образа», который в свою очередь и позволяет данным глаголам функционировать в качестве синонимических единиц. Именно этим фактом и объясняется возможность взаимозаменяемого использования в нижеследующих предложениях (10) и (11) глаголов *imagine* и *picture* с целью избежать тавтологии в высказывании:

(10) *Tereza forced her way into his thoughts: he **imagined** her sitting there writing her farewell letter; he felt her hands trembling; he saw her lugging her heavy suitcase in one hand and leading Karenin on his leash with the other; he **pictured** her unlocking*

their Prague flat, and suffered the utter abandonment breathing her in the face as she opened the door.— Th. Sinnett.

Или (11) *A good tip to avoid the terrors of the night is simply to **imagine** where you are in the daylight, and by **picturing** the pleasant surroundings of your tent in brilliant sunshine, the dark night will hold no satanic secrets.— M. Gray.*

Список литературы

1. Шерсткова И. А. К вопросу о статусе английских глаголов воображения как предикатов пропозициональной установки // Лингво-

методические и культурологические проблемы обучения языковой коммуникации : материалы Всерос. науч.-метод. конф., 20–21 апр. 2011 г., г. Уфа.— Уфа : РИЦ БашГУ, 2011.— С. 345–350.

2. Шерсткова И. А. Метаязык описания актантной рамки английских глаголов воображения // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. университета.— 2009а.— № 1.— С. 148–151.

3. Шерсткова И. А. Семантическая структура левостороннего актанта английских глаголов воображения // Вестн. Челяб. гос. ун-та.— 2009б.— № 17 (155).— Филология. Искусствоведение.— Вып. 32.— С. 112–114.

Т. Э. Шестакова (Архангельск, Россия)

СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

By way of example of A. Chekhov's plays the article describes strong positions of dramaturgic text; there are established peculiarities of their filling, defined functions of the positions of promotion and their role in interpretation of the text. Besides the article attempts to solve the question of quantitative limits of strong positions of the beginning and ending of both the whole dramaturgic text and its composition parts.

Keywords: *text, interpretation, strong position, function.*

Проявление авторской интенции в драме специфично: она «скрыта» в структурной организации текста, в композиции пьесы и композиционном решении отдельных сцен, в символике деталей, в сцеплениях реплик, в различных способах их объединения (сопоставления / противопоставления) и др. Один из элементов композиционно-речевой организации художественного произведения — сильная позиция, анализ которой является необходимым условием адекватной интерпретации драматургического текста.

Целью статьи является, во-первых, выявление сильных позиций всего драматургического текста и его композиционных частей (единиц архитектоники); во-вторых, определение их функций и роли в интерпретации произведения. Решение данных задач требует уточнения таких понятий, как «архитектоника» и «сильная позиция».

Под архитектурой будем понимать внешнюю композицию текста — «членение текста, характеризующегося непрерывностью, на дискретные единицы» [Николина, 2003: 46]. Маркированность единиц архитектоники (композиционных единиц) имеет целью организовать восприятие текста читателем. В драматургическом тексте такими единицами являются действия (акты) и сценические эпизоды (явления, сцены).

Сильная позиция текста рассматривается в статье как одно из средств выдвижения. Под

выдвижением при этом понимается особая организация текста, обеспечивающая выделение наиболее значимых смыслов и активизацию внимания читателя. К сильным позициям, общим для всех типов текста, традиционно относят заглавие, эпиграф, начало и конец текста и его композиционных частей, которые всегда закреплены за определенным «местом» текстового пространства. Заслуживает внимания также точка зрения, согласно которой сильные позиции формируются особыми текстовыми знаками; к последним относятся заголовки, текст в тексте, метатекст в тексте, цитата, анаграмма, прецедентный текст. Они не занимают фиксированного положения в тексте, за исключением заголовка, но «сами по себе» образуют сильные позиции [Лукин, 2005: 87–130].

Среди важнейших свойств сильной позиции называют следующие:

1. С помощью сильных позиций выделяются части текста, которые играют решающую роль в его понимании.

2. Текстовый фрагмент, заполняющий сильную позицию, реализует семантические, смысловые связи с другими фрагментами и целым текстом.

3. В сильных позициях высока вероятность функционирования ключевых знаков.

4. Сильные позиции указывают «пути интерпретации» текста.

5. Сильная позиция характеризуется способностью представлять в свернутом виде некоторое содержание в форме отдельного текстового знака или метатекстового фрагмента и др. [Арнольд, 1999; Кухаренко, 1988; Лукин, 2005].

Предмет рассмотрения в настоящей статье — сильные позиции начала и конца драматургического текста, отражающие особенности его композиционно-речевой организации. Их специфика определяется сложностью структуры текста драмы, в которой можно выделить три уровня. Первый уровень составляют единицы «дотекстового» характера — единицы, не «вплетенные» в текстовую ткань, — это афиша и следующая за ней ремарка, которая включает пространственно-временные характеристики действия. Второй уровень соответствует ремарочному пласту, носящему паратекстовый характер. Собственно диалогический текст составляет третий уровень.

Позиции как начала, так и конца целого драматургического текста и его композиционных частей являются **многоместными**. Так, в прозаическом произведении, имеющем членение на части (главы, главки и др.), абсолютное начало всего текста, как правило, совпадает с началом первой части (главы, главки); таким же образом соотносятся конец текста произведения и конец его последней части. Иначе структурирован чеховский драматургический текст. Позиция его абсолютно-го начала заполняется особыми знаками — дотекстовыми, связи которых с основным текстом драмы, включающим ремарочный пласт и диалогический текст, предельно ослаблены. К таким знакам относятся предпосланные всему тексту **афиша** и **ремарка** пространственно-временной направленности. Они выполняют экспозиционную функцию и связываются с основным текстом подобно сильным позициям. Во-первых, позволяют читателю сориентироваться в мире, созданном художником слова, с помощью пространственных и временных маркеров, наименований участников событий. Во-вторых, текст афиши, включающий перечень действующих лиц, интригует адресата, создает эффект ожидания, «намекая» на некоторое содержание текста. Имена собственные, семантически «пустые» при первом употреблении в афише, по ходу развития действия семантически усложняются, приобретают новые коннотации, участвуют в реализации мотивов, создании образов, эстетически значимых оппозиций и др. Таким образом, имя собственное (его этимология, ассоциативные связи, структура имени и т. п.) еще до употребления в диалогическом тексте сигнализирует об авторских оценках,

о возможных коннотациях, символических смыслах (см., например, такие «говорящие» имена в чеховских пьесах, как *Нина Заречная*, *Астров*, *Прозоров*, *Вершинин*, *Шарлотта Ивановна*, *Соленый Василий Васильевич* и др.). Кроме того, имена лиц, перечисленные в афише, маркируют антропонимическое пространство текста драмы, анализ которого необходим для постижения концептуального содержания текста.

Афиша и ремарка (дотекстовая) выполняют функции, соотносимые с функциями сильных позиций: сигнализируют о начале действия; вводят систему координат (место, время, участники действия, включая их социальные характеристики); актуализируют текстовые категории, прежде всего категории связности, ретроспекции и проспекции; реализуют семантические, ассоциативно-смысловые связи с диалогическим текстом и др.

Важнейшим элементом текстовой структуры драматургического произведения являются ремарки, которые образуют особый, относительно автономный, текст в тексте. Сильная позиция начала драматургического текста или его композиционной части (действия, акта) всегда формируется текстом **обстановочной ремарки**, играющей важную роль в формировании идейно-эстетического содержания текста. Помимо выполнения коммуникативно-прагматических функций, свойственных всем сильным позициям, — выделительной, разграничительной и объединительной, — обстановочная ремарка в начальной текстовой позиции реализует координирующую функцию: направленная непосредственно на читателя, актера, режиссера, она ориентирует их в деталях обстановки, определяет временные и локальные рамки действия.

Роль обстановочной ремарки в драматургическом тексте не ограничивается лишь прагматическими функциями. Заполняя сильную позицию начала текста и являясь самопонятным, автосемантическим текстовым знаком, ремарка в то же время реализует семантические связи с диалогическим текстом. Для чеховской драмы характерна системность ремарочного пласта: ремарки последовательно развивают сквозные образы, прежде всего пространственные, и мотивы произведения, формируют подтекстовую информацию.

Так, в обстановочных ремарках «Чайки», формирующих сильную позицию начала текста и начала 1, 2, 3-го и 4-го действий, раскрывается динамичность художественного пространства. В ремарках 1-го и 2-го действий оно определено как открытое, преимущественно — природное, и маркируется лексемами *широкая аллея*, *озеро*,

парк, кустарник, солнце. Пространство 3-го и 4-го действий — точечное, причем в последнем действии оно предметно более насыщено, а значит — более замкнуто. В описании гостиной, «обращенной Константином Треплевым в рабочий кабинет», преобладают номинации бытовых реалий: *гостиная мебель, письменный стол, турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах и стульях, лампа под колпаком.* В ремарках создается образ сужающегося пространства, которое к концу действия становится замкнутым пространством-ловушкой, ограничивающим проявление внутренней и внешней свободы, лишаящим движения, духовного порыва. Это пространство — статическое, жизнь в его рамках течет предсказуемая, привычная. Открытое же пространство дает возможность поиска смысла жизни, призвания. Соответственно, в названных инициальных ремарках реализуется и мотив движения-статики.

В «Вишневом саде» ремарки, формирующие сильную позицию начала действия, последовательно развивают мотивы рождения (возрождения), умирания и смерти, воплощающие идею цикличности жизненного пути. В ремарке 1-го действия концентрируются языковые единицы с семой «рождение», «начало жизни»: *детская, рассвет, утренник, май, цветут вишневые деревья;* возникает образ цветущего вишневого сада. В ремарке 2-го действия разворачивается семантический ряд «умирание», «увядание»: *старый, заброшенный, часовенка, могильные плиты, темнеют тополя, скоро сядет солнце;* формируется образ сада, гибель которого неизбежна. Мотив умирания ассоциативно связан с образом дороги, символизирующим путь от жизни к смерти. Речевые средства в «звуковой» ремарке 3-го действия формируют образ хаоса, «предсмертной агонии». В открывающей 4-е действие ремарке развивается мотив смерти, средством воплощения которого является повтор отрицательных частиц и лексема *пустота*: «Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота».

Ремарки, заполняющие сильную позицию конца текста, помимо коммуникативно-прагматических функций, а также функции реализации текстовых категорий (в первую очередь, категории завершенности), также участвуют в формировании образной и мотивной структур текста, актуализируют символические смыслы. В пьесе «Вишневый сад» в финальных «звуковых» ремарках формируется образ *тишины*, ассоциативно соотносимый с образом *пустоты* в результа-

те повтора однокоренных лексических единиц: *пустота, пусто; тихо, тишина*: «Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно», «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву». *Пустота* и *тишина* в ремарочном контексте символизируют смерть, а соответствующие семантические ряды создают образ гибнущего сада. В последней ремарке совмещаются два звуковых образа: стук топора и звук лопнувшей струны. Первый образ амбивалентен: он одновременно символизирует и смерть, и зарождение новой жизни; второй — более эмоционален, экспрессивен, окрашен тоном авторского сочувствия, сопереживания.

Выделение сильных позиций начала и конца **диалогического текста** требует решения вопроса о их количественном пределе. Заметим, что выявить универсальные формальные маркеры границ сильной позиции вряд ли возможно: количественным пределом может быть и отдельное высказывание, и абзац, и сверхфразовое единство в прозаическом тексте; в диалогическом тексте на роль сильной позиции может претендовать отдельная реплика (реплика-стимул или реплика-реакция), диалогическое единство, диалогический блок как совокупность единств и др. Этот вопрос остается неразрешимым в силу проявления в каждом художественном произведении индивидуально-авторской манеры организации текстового пространства. Что же касается драматургического текста, то в определении критериев отграничения сильной позиции необходимо исходить из особенностей членения драматургического диалога. В качестве основной единицы членения выделяем *диалогический комплекс* (термин предложен А. Стельмашук [Стельмашук, 1993]) с определяющими его признаками: 1) несамостоятельностью в рамках всего драматургического текста, включенностью в художественное целое; 2) возможной соотносительностью с другими диалогическими фрагментами текста, которая определяется дистантной связанностью отдельных реплик; 3) ориентацией на определенных участников речевого общения; 4) наличием содержательно-тематической общности реплик; 5) языковой оформленностью, обеспечивающей связность всего диалогического фрагмента; 6) иллокутивной соотносительностью стимулирующих и реагирующих реплик.

Анализ чеховских пьес позволил прийти к выводу о том, что сильные позиции начала и конца диалогического текста, как правило, заполняются не инициальной или финальной репликой, а фрагментами, соответствующими диалогическому комплексу. Приведем пример диалогического комплекса, заполняющего сильную позицию конца диалогического текста в пьесе «Три сестры»:

Маша. *О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...*

Ирина (кладет голову на грудь Ольги). *Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, может быть, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...*

Ольга (обнимает обеих сестер). *Музыка играет так весело, так бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!*

Финальный диалогический комплекс лишь формально расчленен на реплики. Их тесная содержательная связь и связь формальная, основанная на лексических повторах и «подхватывающем» характере реплик, выдержанность единой тональности позволяют говорить скорее о монологической природе всего диалогического фрагмента. «Монологичность» его способствует выявлению важной темы в чеховском творчестве — темы «сердечной общности», «сердечной гармонии» — «прообраза тех совершенных отношений между людьми, над утверждением которых издавна трудилось большое гуманистическое искусство» [Камянов, 1989: 145].

Полифункциональность реплик в диалогическом тексте обусловлена тем, что высказывания персонажей занимают практически все текстовое пространство пьесы: реплики участвуют в развитии внешнего действия (в инициальных репликах определяются новые сюжетные ходы драматургического действия), характеризуют персонажа, отражают особенности речевой ситу-

ации и т. п. Кроме того, важнейшая особенность драматургического диалога — информативная уплотненность реплики как следствие нарушения правила общности апперцепционной базы. Под общностью апперцепционной базы понимаем наличие у партнеров по общению одинаковых знаний и представлений о действительности [Якубинский, 1986]. Привнесение добавочной информации в реплику необходимо, чтобы устранить пробел в знаниях ситуации и предситуации у адресата драматургического произведения — читателя (зрителя). Чаще всего именно в реплики инициального диалогического комплекса включается информация о событиях, имеющих какое-либо отношение к персонажам, об отношениях между ними, о людях, не участвующих в коммуникации, и т. п.; это реплики-воспоминания, реплики, содержащие предысторию событий, см., например, реплики Ольги, составляющие наряду с высказываниями Ирины, Чебутыкина и Тузенбаха диалогический комплекс в начале 1-го действия пьесы «Три сестры»: ...*Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет; ...Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег; ...Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад; ...Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась...* и т. п.

К важнейшим функциям реплик инициального диалогического комплекса следует отнести мотивообразующую и характерологическую. Так, позицию начала каждого действия «Чайки» занимает диалогический комплекс, включающий реплики Маши, с образом которой в пьесе соотносятся сквозные мотивы душевной усталости, отказа от дара жизни, равнодушия, ср.: ...*Это траур по моей жизни, я несчастна* (1-е действие); ...*А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить* (2-е действие); ...*Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье,*

родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете» (3-е действие) и др.

Таким образом, в результате анализа пьес А. П. Чехова были выявлены такие особенности сильных позиций начала и конца драматургического текста, как их множественность, обусловленная многоуровневой структурой данного типа текста, и полифункциональность. Помимо выполнения коммуникативно-прагматических функций — выделительной, разграничительной, координирующей и др., — сильные позиции актуализируют текстовые категории; играют важнейшую роль в формировании сквозных мотивов и образов, в реализации характерологической функции, а также функции экспозиционной, заключающейся в экспликации информации о событиях, как предшествующих началу действия, так и совпадающих с ним.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 444 с.
2. Камянов В. Время против безвременья: Чехов и современность. — М. : Сов. писатель, 1989. — 378 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.
4. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. — М. : Ось-89, 2005. — 560 с.
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. — М. : Академия, 2003. — 256 с.
6. Стельмашук А. Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза) : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1993. — 429 с.
7. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. — М. : Наука, 1986. — С. 17–54.

А. А. Шмаков (Барнаул, Россия)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАТЕГОРИИ ОБРАЩЕННОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ (на материале блогов)

The article is devoted to the study of the communicative and pragmatic features of the implementation of the category of addressing in the Internet-communication. The author considers the category of addressing from the communicative and pragmatic point of view and identifies peculiarities of implementation forms of this category in Internet-texts. Using the material of blogs' texts the author examines functional transformation of the spoken language means of expression of the category of addressing caused with the influence of Internet-communicative environment.

Keywords: category of addressing, address, Internet-text.

Неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека является общение с другими людьми, которое представляет собой непрерывный процесс, условно членимый на отдельные коммуникативные акты. Всякий акт коммуникации протекает в соответствии с определенной моделью и под влиянием факторов, детерминирующих его успешность. Традиционная модель коммуникации, компонентами которой являются говорящий, слушающий, текст, процессы говорения / понимания, ситуация общения, практические и коммуникативные цели, является универсальной лингвистической моделью коммуникации «в любом секторе социальной реальности» [Теория текста, 2010: 29].

Глобальная сеть Интернет, возникшая в последней четверти XX в. и существенно изменив-

шая структуру мирового коммуникативного пространства, представляет собой качественно новую информационно-коммуникативную среду, для изучения которой, в том числе и с позиций филологического анализа, потребуется модификация уже имеющихся способов анализа текстового материала.

Целью данной статьи является коррекция традиционных представлений о коммуникативно-прагматических характеристиках категории обращенности относительно среды виртуальной коммуникации на материале текстов блогов, представленных на блогхостинге «Живой Журнал» (www.livejournal.com).

Диалогичность, являясь фундаментальным свойством человеческой речи (М. М. Бахтин,

В. С. Библер, В. В. Виноградов), заложена в природе интернет-коммуникации. Без взаимодействия коммуникантов как носителей определенных признаков социокультурного характера теряется смысл существования так тех или иных форматов интернет-коммуникации, так и протекающего в их рамках общения. Диалогичность связана с речекоммуникативной деятельностью текстовой личности *Homo Loquens* (термин Л. А. Кощей и А. А. Чувакина), объединяющей адресата и адресанта как две стороны единого акта коммуникации. Поскольку всякое сообщение предполагает наличие адресата, в нем содержатся (имплицитно или эксплицитно) средства обращенности речи, составляющие категорию *обращенности* (*адресованности*) (О. Д. Черепанова, 2002; И. В. Зензере 2003; Т. В. Чернышова, 2009; Т. А. Митрофанова, 2010), центральным из которых является *обращение* — «...компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [ЛЭС, 1990: 340–341]. Важная особенность обращения состоит в том, что оно не является собственно отдельным речевым актом, а «выступает лишь призывом» к восприятию речи [Прияткина, 1990: 164]. Это означает, что не все средства выделения адресата являются обращением.

Мы признаем возможность синонимизирования понятий *обращенность* и *адресация* (как, например, в работах И. И. Ковтуновой, 1986; И. В. Зензере 2003; Т. А. Митрофановой, 2010). В исследовании интернет-текстов нас больше привлекает категория *обращенность*, поскольку ее центральным элементом является обращение — именительный адресата — и не включается дательный падеж (*Это относится и к Вам тоже!* — преподаватель — студенту).

Можно выделить три основных подхода, в русле которых происходит изучение категории обращенности: а) системно-структурный (И. В. Зензере), б) функционально-семантический (О. Д. Черепанова) и в) коммуникативно-прагматический (Т. И. Митрофанова). Можно сказать, что каждый из названных аспектов не является полностью автономным по отношению к другим. В рамках системно-структурного аспекта зарождается функциональный, а из функционального «вырастает» коммуникативно-прагматический. Наблюдается противопоставление первого подхода (обращение как элемент системы языка) второму и третьему (обращение как элемент текста / дискурса), что объяснимо дихотомией *язык* — *речь*. Л. В. Кожухова отмечает, что «семантические... и коммуникативно-функциональные (прагматические)

свойства обращений исследованы значительно меньше, чем их конструктивные особенности» [Кожухова, 2007: 81]. Это объясняется во многом своеобразным местом обращения в речевых актах, его тесной связью со структурой коммуникативных действий и ситуацией общения.

Хотя Л. Е. Леонтьева утверждает, что «вокатив как речевая единица обладает неограниченными коммуникативно-функциональными возможностями» [Леонтьева, 2009: 234], все разнообразие функций (некоторые исследователи, например, Ж. Е. Сейтжанов, выделяют до 9 функций обращения) обращения можно свести к пяти базовым (примеры из устной речи): 1) *номинативная* (интенция говорящего — назвать адресата речи, выделить его из нескольких потенциальных): *Иван, подойди ко мне!*; 2) *вокативная* (интенция — привлечь внимание адресата): *Привет, ребята!*; 3) *этикетная* (интенция — отразить статусно-ролевое соотношение собеседников): *Как Ваши дела, Иван Иванович?* (вежливое обращение к вышестоящему / старшему); 4) *оценочно-характеризующая* (интенция — выразить отношение к слушающему): *Надо быть внимательней, шляпа!* (адресат до этого допустил ошибку); 5) *дейктическая* (интенция — указать на адресата): *Эй ты, ходь сюда!* (из речи студентов).

На особенности функционирования категории обращенности в интернет-текстах и изменение набора функций и прагматических значений обращений влияет специфика интернет-коммуникации, которая заключается в таких свойствах, как *субъективность* информации, *интерактивность* взаимодействия пользователей, *гипертекстуальность*, *открытость* (текстов, баз данных и пр.) — возможность добавлять, изменять, удалять первоначальный текст, *глобальность* — «размывание» территориальных, социальных, половых, возрастных и иных ограничений в процессе общения, *мозаичность* — отсутствие центра, потенциальная бесконечность [Асмус, 2005: 15–23].

Данный тезис может быть проиллюстрирован примером из блога Артемия Лебедева. В посте от 05.01.2012 под названием «Коморы» [<http://tema.livejournal.com/1054073.html>] содержится рассказ о подробностях поездки А. Лебедева на Коморские острова. Далее следуют комментарии «друзей» Лебедева, некоторые из них содержат эксплицитно выраженные элементы категории обращенности (выделены серым цветом):

В комментарии (1) от пользователя leantr использовано статусно-ролевое вежливое обращение на «Вы» в написании со строчной буквы. Его нельзя признать ситуативно уместным в дан-

ном блоге, поскольку сам Лебедев не соблюдает принцип вежливости при обращении к своим читателям, используя разговорно-просторечные и ненормативные речевые элементы. Кроме того, автор блога никогда не отвечает на вопросы, заданные пользователями в комментариях, так что реплика (1) в среде данного блога изначально обречена на коммуникативную неудачу (хотя при устноречевой коммуникации она была бы вполне уместной). Однако пользователь **drink_drunk_roo** «подхватывает» коммуникативную роль адресата, отводимую А. Лебедеву как автору блога, и отвечает на вопрос от **leantr** репликой (3), избавляя пользователя **leantr** от коммуникативного фиаско. При этом «игнорирование» обращения «Вы» в реплике (1) создает эффект, обратный тому, который имел бы место в устноречевой коммуникации — конфликту, поскольку отвечать на вопрос за другого собеседника без его на то санкции является нарушением норм общения. Здесь же спонтанный диалог завершается репликой (4), из которой ясно, что пользователь **leantr** получил интересующую его информацию.

В условиях устноречевой коммуникации реплика (2) возможна только при неформальном общении близких людей. Обращение *душа моя* (ср. *душа моя* — «разг. ласк. или дружеск. обращение к родственнику, родственнице; приятелю, приятельнице, равным или младшим по возрасту» [Балакай, 2007: 173]) выполняет оценочно-характеризующую функцию. В интернет-коммуникации третье лицо имеет возможность установить степень формальности отношений двух других пользователей не иначе, как через сам текст. В данном случае выбор обращения *душа моя* по отношению к пользователю **leantr**

никак не мотивирован контекстом. О том, что данная форма обращения неожиданна и для самого адресата, говорит отсутствие вербальной реакции в виде комментария, хотя при этом он комментирует сообщение (3) от пользователя **drink_drunk_roo**.

Глобальность, открытость, мозаичность и интерактивность пространства интернет-коммуникации влияют на модификацию коммуникативно-прагматических значений обращений, делая их более ситуативно-зависимыми (об этом говорит и отсутствие единого стандарта выбора регистра общения на «ты» или на «Вы»), трансформируя набор функций средств категории обращенности в целом, из которого в блог-коммуникации теряют релевантность вокативная и дейктическая функции, затруднена «работа» социально-регулятивных формул и этикетных обращений.

Список литературы

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук.— Челябинск, 2005.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета.— М., 2007.
3. Кожухова Л. В. Речевой акт обращения // Филол. науки.— 2007.— № 48.— С. 80–85.
4. Леонтьева Л. Е. Коммуникативно-прагматическое описание вокативов в разноструктурных языках // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена.— 2009.— № 119.— С. 232–235.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева.— М., 1990.
6. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие.— М., 1990.

7. Сейтжанов Ж. Е. Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление // Филол. науки. Вопр. теории и практики.— 2010.— № 3 (7).— С. 140–142.

8. Теория текста / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин ; под ред. А. А. Чувакина.— М., 2010.

М. В. Щербакова (Оренбург, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ТЕКСТА

The given article deals with experiment consideration as the way of text perception. It describes the results of the conducted psycholinguistic experiment which is directed at perception revelation of text lexico-semantic filling. Also the author makes an attempt to interpret finding.

Keywords: *lexico-semantic filling of the text, stating psycholinguistic experiment, experimental methods, method of filling.*

В данной статье рассматривается эксперимент как способ исследования восприятия текста, описываются результаты проведенного констатирующего психолингвистического эксперимента, направленного на выявление восприятия лексико-семантического наполнения текста, также предпринимается попытка интерпретации полученных данных.

Современная наука характеризуется установлением междисциплинарных связей, то есть становится возможным применение методов исследования одной области науки к явлениям другой. На протяжении полувека предпринимаются попытки изучения текста при помощи экспериментальных методик (В. П. Белянин, А. А. Леонтьев, Ч. Осгут, У. Тейлор и др.). Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим интересом к экспериментальным способам исследования языковых явлений в современной науке.

Целью статьи является исследование экспериментальных методов в изучении восприятия текста, рассмотрение данных констатирующего психолингвистического эксперимента и попытка их интерпретации.

По мнению Р. М. Фрумкиной, специфика психолингвистики, понимаемой как совокупность научных программ, в большой мере определяется систематическим использованием в ней экспериментальных методов [Фрумкина, 2004: 26].

Любой психологический, в том числе психолингвистический эксперимент направлен на то, чтобы поставить испытуемого в ситуацию (управляемого) выбора и принятия решения (выбор и решение могут быть как осознанными, так и неосознанными). Иными словами, в эксперименте мы оставляем константными (неизменными) все факторы, потенциально влияющие на выбор и ре-

шение в данной ситуации, кроме того единственного фактора, который и является предметом нашего исследования. Этому фактору мы придаем различные значения и фиксируем, как это влияет на получаемый в эксперименте результат.

Эксперимент традиционно считается самым объективным исследовательским методом. Однако в психологии и психолингвистике он имеет свою специфику, которая значительно снижает эффективность его использования.

Эксперимент в психологии — это обычно так называемый лабораторный эксперимент. Реальный испытуемый находится в постоянном взаимодействии с миром, нет ни одной секунды, когда бы он не осуществлял восприятие этого мира, когда бы не «работало» его внимание и не происходило осознание им того или иного предмета (естественно, мы имеем в виду различные уровни осознания). Он все время как-то относится к миру, другим людям, себе самому и различным образом переживает это отношение. Одним словом, испытуемый (субъект) в любой момент времени субъективно и объективно един и неразрывен с миром, в котором он живет и действует. Но в ситуации лабораторного эксперимента он как бы вырван из этого единства, мы искусственно организуем лабораторную ситуацию, оставляя испытуемого, так сказать, один на один с исследуемым феноменом или, вернее, с «подброшенным» ему экспериментальным материалом. На самом деле все остальные факторы, управляющие его поведением, никуда не деваются: мы просто считаем, что они незначимы в данной ситуации. Но для такого вывода необходим предварительный системный анализ, который, как правило, не осуществляется. И поэтому в эксперименте мы всегда рискуем наткнуться на артефакты, необъ-

яснимые в рамках навязанной нами испытуемому лабораторной модели [Леонтьев, 2007].

В науках о человеке эксперимент — это лишь один из способов получения знания; в лингвистике он занимает весьма скромное место, уступая наблюдению и интроспекции. Напротив того, в психолингвистике, для которой эталоном остается современная экспериментальная психология, эксперимент считается доминирующим методом. Однако из-за особой сложности естественного языка как предмета исследования критерии того, какие процедуры следует считать экспериментом, а какие — наблюдением, остаются размытыми [Фрумкина, 2004: 26].

А. А. Леонтьев считает, что исследование устной и письменной речи осуществляется при помощи психолингвистических методов. Самое общее определение метода: «...Совокупность приемов и операций познания и практического преобразования действительности» [цит. по: Леонтьев, 2007]. В науковедении разделяются общие методы (анализ и синтез, сравнение и т. д.), общенаучные методы (наблюдение, измерение, эксперимент и т. д.) и частные методы (например, сравнительно-исторический метод в лингвистике). Конкретный вариант того или иного метода, направленный на решение определенного класса исследовательских задач, называется «методикой». Так, внутри метода семантического шкалирования выделяется методика семантического дифференциала, разработанная Ч. Осгудом. Как психологическая наука психолингвистика перенимала методы психологии и в то же время развила свои собственные методы. Речь идет прежде всего об экспериментальных методах, то есть организации целенаправленного наблюдения, когда по плану исследователя (экспериментатора) частично изменяется ситуация, в которой находятся участники эксперимента (испытуемые). Наряду с экспериментальными методами в психолингвистике используется наблюдение, в том числе самонаблюдение (интроспекция), разного рода формирующие методы (особенно в исследовании овладения родным и неродным языком), метод лингвистического эксперимента («унаследованный» психолингвистикой от лингвистики) и т. д. [Леонтьев, 2007].

В. В. Фещенко, сопоставляя трактовки экспериментального метода в лингвистике («лингвистический эксперимент», «ассоциативный эксперимент»), философии науки («экспериментальный метод», «мысленный эксперимент»), художественной теории («экспериментальный реализм», «стилистический эксперимент», «эксперимен-

тальная эстетика»), выделяет общее концептуальное ядро экспериментального принципа. Во-первых, это принцип опытной, целенаправленной обработки материала, в данном случае языкового (этот принцип одним из первых был реализован А. Белым в его исследованиях по «сравнительной морфологии» стихотворного языка, по «ритму» русских поэтов, по языковому новаторству Гоголя). Во-вторых, представление о том, что научный эксперимент смыкается по своим формальным, а подчас и функциональным, признакам с художественным экспериментом, когда автор работает с языковым материалом как опытный исследователь [Фещенко, 2004].

В статье предпринята попытка использования экспериментального метода для выявления восприятия лексико-семантического наполнения текста.

В основе проводимого нами психолингвистического эксперимента лежит методика дополнения, которая впервые была использована Уильямом Тейлором в 1953 г. и впоследствии описана в работе В. П. Белянина «Психолингвистика». Сущность методики состоит в деформации сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления. Условием, обеспечивающим возможность восстановления разрушенного сообщения, служит принцип избыточности речевого сообщения, обеспечивающий даже при наличии помех, то есть пропуски элементов текста, адекватное понимание как устной, так и письменной речи [Белянин 2004].

Целью нашего констатирующего психолингвистического эксперимента по выявлению восприятия лексико-семантического наполнения текста является рассмотрение текста в суксесивном аспекте. В психолингвистическом эксперименте приняли участие студенты факультета филологии Оренбургского государственного университета (2011 г.), возраст реципиентов варьировался от 18 до 21 года. Испытуемым предложены анкеты, состоящие из восемнадцати текстов на двух языках (русский и английский языки) различной жанрово-стилистической принадлежности, с пропущенными элементами текста, в нашем случае, это слова, являющиеся частью речи, имя существительное. В область нашего исследования вошли тексты публицистического, разговорного (язык интернет-общения) и художественного функциональных стилей. В качестве текстов разговорного стиля реципиентам предлагались сообщения из форумов. Заданием информантов вставить, по их мнению, наиболее подходящие по смыслу, варианты языковых единиц в места

пропусков. На заполнение предложенных анкет испытуемым отводился 1 час 30 минут.

В результате опроса были получены 342 текста-реакции. Для выявления количества совпадений существительных текстов оригинала и текстов-реакций произведен ряд математических действий, то есть использован квантитативный метод. Суммировалось общее количество возможных абсолютных совпадений и общее количество фактических совпадений в текстах каждого функционального стиля.

Рассмотрим образцы текстов каждого функционального стиля. Представленный ниже текст художественной принадлежности. Автором текста является русский детский писатель, а также сценарист мультфильмов Ю. Коваль.

Белое и желтое

Самые главные бабочки — это, конечно, лимонницы. Они и появляются раньше всех. В оврагах ещё снег, а уж над тёплой поляной кружат лимонницы. Их жёлтые крылья спорят со старым снегом и смеются над ним. А из земли — белые и жёлтые — торопятся первые цветы — ветреница, мать-и-мачеха. Белое и жёлтое показывает нам вначале весна, а уж потом всё остальное — и подснежники, и медуницу, и шоколадницу. Но с белым и жёлтым весна никак не может расстаться. То вспыхнут калужницы и купавы, то зацветёт черёмуха. Белое и жёлтое проходит через всю весну, а уж в середине лета сходятся белое и жёлтое в одном цветке ромашки.

В данном тексте пропущено 6 языковых единиц, места пропусков располагались с оптимальной возможностью адекватного восприятия его лексико-семантического наполнения. Подчеркнутые слова, в приведенном образце, были пропущены в анкетах для испытуемых. В ходе обработки полученных экспериментальных данных корпуса текстов художественного функционального стиля, мы пришли к следующим выводам: из 724 — возможных абсолютных совпадений, 429 — является суммой реальных, зафиксированных нами, соответствий, что составляет 59 %.

Следующий текст газетно-публицистического стиля. Данная статья была опубликована 11 марта 2011 г. в онлайн-журнале BBC. Автором статьи является Каролина Хепкер.

Billionaires list grows despite downturn

Forbes has been tracking the world's billionaires since 1987 and this year there are more mega-wealthy individuals than ever before.

The world's richest man is still Carlos Slim; the Mexican telecoms tycoon is worth \$74 billion. The US has Microsoft's Bill Gates and investor Warren

Buffett, plus six Facebook billionaires — 413 American billionaires in all.

But fast-growing rivals are challenging US dominance. Asia now has 332 billionaires, even more than in Europe. One hundred and fifteen billionaires are in China, many created as Chinese companies have listed on the stock market. And Moscow is the city with the most billionaire residents.

Commodities, like steel and oil, have soared in price creating fortunes this year. The authors warn that they may not last.

Исследовав результаты эксперимента, на основе текстов публицистического стиля, мы заключаем, что количество возможных реальных совпадений — 661, количество фактических совпадений — 297, в процентном соотношении это является 45 %.

Представленный ниже текст является образцом разговорного стиля. Данное сообщение было опубликовано в одном из многочисленных форумов в сети Интернет 27 февраля 2008 г.

Первым на моей памяти ужасником был... ээ... во! «Чернокнижник». Папа купил видик (хе-хе, как это было тогда круто), и первой кассетой, которая появилась дома, был этот самый «Чернокнижник», а еще там был фильм «Лазерный взрыв» (тоже ужасник типа). Так вот, потом эта кассета была мною засмотрена «до дыр»), звук даже пропал на ней.

А вообще, делала на днях перепись своих dvd-дисков — оказалось, что 80 % фильмов на них из разряда фильмов ужасов/триллеров/мистики. Да, я люблю их смотреть.

Зато у меня есть почти уникальный диск (т. к. я вообще впервые такие фильмы видела). Там около 12 фильмов, объединенных в серию «Мастера ужасов» (то есть не теми пиратами объединенные, кто диск записывал, а действительно серия). Там есть пара-тройка фильмов, выходящих за пределы приемлемого, имхо. Но зато пробирает). Мы с мужем посмотрели всю серию за вечер и ночь, и потом я от нервного напряжения уснуть не могла).

В приведенном образце текста сохранена орфография и пунктуация автора.

Данные обработки психолингвистического эксперимента на корпусе текстов разговорного стиля оказались следующими: из возможных абсолютных соответствий — 434, 161 — количество реальных совпадений, что составляет 37 %.

Итак, в результате констатирующего психолингвистического эксперимента установлено, что наибольшее количество соответствий языковых единиц, в данном случае имени существительно-

го, приходится на тексты художественного функционального стиля. Данный стиль, в отличие от разговорного и публицистического, характеризуется эмоциональностью и экспрессивностью изображения. В художественном стиле речи широко используется речевая многозначность слова, что открывает в нём дополнительные смыслы и смысловые оттенки, а также синонимия на всех языковых уровнях, благодаря чему появляется возможность подчеркнуть тончайшие оттенки значений [Большой энциклопедический словарь]. Так же в художественном стиле наблюдается присутствие вкраплений лексики различной жанрово-стилистической принадлежности. Возможно, приведенные факторы обуславливают адекватное восприятия лексико-семантического наполнения текста.

Таким образом, в ходе нашего исследования, мы пришли к выводу, что эксперимент считается самым объективным методом и занимает доминирующую позицию в исследовании восприятия как текста, так и устной речи в области психолингвистики. В данной статье был описан опыт применения экспериментального метода, в част-

ности методики дополнения, результаты констатирующего психолингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей процесса восприятия лексико-семантического наполнения текста, обнаружили, что максимально адекватное восприятие текста наблюдается в художественном стиле.

Список литературы

1. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем.— М. : ГУ ВШЭ, 2004.— 24 с.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики.— М., 1997.— 287 с.
3. Фещенко В. В. Языковой эксперимент в русской и английской поэтике 1910–30-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 2004.— 25 с.
4. Белянин В. П. Психолингвистика.— М. : Флинта, 2004.— 232 с.
5. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс].— URL: <http://www.shpora07.narod.ru/stil/artist.htm>

Е. А. Юхмина (Челябинск, Россия)

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ, СОЕДИНЯЮЩИХ СТИМУЛ И РЕАКЦИЮ В АССОЦИАТИВНОЙ СТАТЬЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕРМИНА

The author of the article reveals different types of semantic relations that connect stimulus and reaction in the associative and verbal network. There are given examples of the relations between the reactions in the associative article of the word, compared the associative meanings with the dictionary meanings of the words.

Keywords: *free associative experiment, associative links, stimulus, reaction, semantic relations, vocabulary definitions.*

Ассоциативно-вербальная статья (далее АВС), о которой идет речь в данной работе, является результатом свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), проведенного ранее. В данном эксперименте респондентам предъявлялись слова-стимулы и предлагалось ответить на него первым же пришедшим на ум понятием, названным реакцией. В качестве стимульных были отобраны слова, с одной стороны, принадлежащие к пласту высокочастотной лексики, т. е. входящие в описание непосредственной жизнедеятельности человека, а с другой, имеющие реально и имплицитно сему «компьютер» в своей семантике. Список стимулов был сформирован заранее и не дополнялся в процессе эксперимента, реакция респондента фиксировалась в текстовой форме.

Как отмечает Ю. Н. Караулов, если число типов мыслимых семантических отношений между словами в лексике колеблется в пределах 50–60, то в любой ассоциативной статье количество реализованных семантических связей составляет не менее половины возможного их числа в языке [Караулов, 2002]. Рассмотрим в качестве примера типы отношений, которые связывают стимул и реакцию в АВС слова **ОШИБКА**, полученной в ходе проводимого нами САЭ:

- 1) синонимическое обозначение признака: *проблема, опечатка, пробелы, неисправность, помеха, задача, провал, казус, повтор, пометка, огрех, сбой, просчет, опечатка, дефект, незнание, некорректность, недочет, пример;*
- 2) носитель признака с отрицательной оценкой: *обидно, кошмар, дурак, не хорошо, лох, не-*

удача, фатум, достала, косяк, беда, боль, страх, зло, ссора;

3) сопутствующий отрицательный признак: *глупая, критическая, красный;*

4) оценка признака: *случайная, фатальная, речевая, жизненная, критическая, красная ручка, красная паста, оперативная, у-у-у, когда родился мой знакомый, дзинь, оказия такая;*

5) варьирование, основанное на созвучии или на сходстве словообразовательной структуры: *ошибка — не пытка, исправление — удаление;*

6) лексико-грамматическое варьирование: *два — двойка — двоечник, исправление — исправить, орфография — орфографическая, неправильность — неправильно, неприятность — неприятно;*

7) метафорическое варьирование признака: *молодость, смерть, красная, серая, паук;*

8) метонимическое варьирование признака: *на компе, в сети, в программе, ошейник, буква, черточка;*

9) тематическое варьирование признака: *вирус, ввод, компьютер, система, ребут, связь, ПК, системная, error, сбой пароля, кода; школа, театр, двойка, русский язык, грамматика, учеба, диктант, два, оценка, ластик, урок, орфография, двоечник, текст, контрольная, экзамен;*

10) место появления признака: *в слове, в театре, в программе, в сети, на компе;*

11) связь с устойчивыми выражениями: *природы, не пытка, бывает.*

Говоря об ассоциативных связях, Р. М. Фрумкина отмечает, что ассоциативные словари детей разных возрастов наглядно показывают, как меняется тип ассоциаций и как увеличивается их разнообразие [Фрумкина, 2003: 194].

В среднем обычно отмечаются следующие типы ассоциативных связей:

— смысловая близость, где ассоциативным ответом является слово-синоним: **память** — *мозг — ум, пароль* — *кодовое слово, реальность* — *действительность, ярлык* — *этикетка, жесткий* — *грубый — черствый;*

— смысловая противопоставленность, где ответ — антоним: **вирус** — *антивирус, папка* — *мамка, жесткий* — *мягкий, мыш* — *кот;*

— созвучность, рифма по типу **реальность** — *виртуальность, ссылка* — *посылка, пароль* — *король, плата* — *расплата, база* — *маза, вирус* — *папирус;*

— отношения «видовое-родовое» по типу **мыш** — *животное, стол* — *парта;*

— отношения «часть-целое» и «целое-часть» по типу **паутина** — *паук, папка* — *лист, окно* — *дом, почта* — *письмо, стол* — *ножка, мыш* — *хвост.*

Г. А. Мартинович утверждает, что все виды вербальных ассоциаций представляют собой частные случаи двух наиболее общих типов лютых ассоциаций — ассоциаций по смежности (во времени или пространстве) и ассоциаций по сходству [Мартинович, 1990]. Также он выделяет непосредственные и опосредованные реакции на слово-стимул. Приведем примеры указанных реакций на своем материале.

Непосредственные реакции

1. Ассоциации по смежности: **база** — *отдых, лыжная, Еловое, туристическая, Увильды; вирус* — *антивирус, поломка, компьютерный, троян, Касперский, ПК, программа.* К этому типу относятся все тематические ассоциации.

2. Ассоциации по сходству обнаруживают два подтипа:

— *Синтагматического характера.* Это пары таких слов, в которых содержание одного члена входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания: **окно** — *открытое, большое, пластиковое; мыш* — *повесилась, жесткий* — *диск.* Эти ассоциативные пары представлены, как правило, согласованными словами различных частей речи. Однако к ним могут относиться и ассоциации, организованные по типу словосочетаний с несогласованными определениями: **корзина** — *с пирожками, с грибами, в магазине, с цветами, с фруктами, ошибка* — *в программе, в сети, окно* — *в Европу, в мир, в написании.*

— *Парадигматического характера.* Это пары слов, имеющих в своих содержаниях как минимум один общий существенный признак. Они достаточно разнообразны и включают ассоциативные пары, соотносимые с членами различных лексико-семантических, тематических и т. п. полей и групп: **мыш** — *шнур, мыш* — *кот, мыш* — *евро, база* — *материнская плата, жёсткий* — *мягкий, память* — *байт, ошибка* — *система, окно* — *ЮУрГУ* и т. д.

Опосредованные реакции

К ним относятся ассоциативные пары, в которых ответ-реакция не имеет непосредственных отношений со словом-стимулом и связан с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена: **вирус** — [болезнь] — *заразная, корзина* — [файл] — *удалить, мыш* — [использует] — *геймер, жесткий* — [у человека] — *характер, ярлык* — [на одежду] — *прикрепить.*

«Семантическую структуру ассоциативного поля можно представить и иным образом, вписав ее в схему словарных значений (ЛСВ) стимула» [Караулов, 2002: 754]. Проиллюстрируем данное

положение на примере ABC существительных **стол, ярлык**, для которых в толковом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой выделены следующие значения:

СТОЛ

1. Род мебели (в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках), на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т. п.: *парта, деревянный, твердый, кухонный, письменный, обеденный, мебель, дубовый, круглый, ножка*.

2. Такой предмет мебели вместе со всем, что поставлено на нем для еды: *содержимое, кушать, застолье, за ним едят*.

3. Пища, еда, съестное: *еда, водка, обед, угощение, тарелка, пир, банкет, ресторан*.

4. Отдел в учреждении, а также само учреждение в дореволюционной России, занимавшееся узким кругом канцелярских дел: *справок, заседание, военкомат, офис*.

5. Деталь станка в виде горизонтальной доски, служащей для установки, закрепления и поддержания заготовок при их обработке: *рабочий стол* [Евгеньева, Т. IV 1984: 271].

ЯРЛЫК

1. Жалованная грамота средневековых монгольских, тюркских правителей: *на княжение, ярмо, монгольское иго, татаро-монгольское иго, Золотая Орда, золотой яр, хан, князь, ханский, порабощение Руси, Хана Тахтамыша, дань*.

2. Письменное распоряжение о выдаче чего-либо: *грамота*.

3. Наклейка на предмете, товаре с указанием названия, количества, места изготовления, номера или других сведений: *метка, бирка, этикетка, марка, цена, на одежде, указатель, повесить, штамп, лейбл, ценник, для куртки в гардеробе, бренд*.

4. Шаблонное прозвище, наименование, формально характеризующие кого-, что-либо: *клеймо, приклеить человеку, на человеке, предрассудок* [Евгеньева, Т. IV, 1984: 783–784].

Итак, полное познание отношений и семантических связей, соединяющих стимул и реакцию в ассоциативной статье компьютерного термина, во всем их многообразии и сложности возможно

лишь при всестороннем изучении различных характеристик ассоциативных пар. Мы рассмотрели лишь небольшой фрагмент такого сложного и многогранного образования, как ассоциативное поле, которое требует комплексного исследования на лингвистическом и психолингвистическом уровнях.

Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и речевого поведения, а также в изучении семантических законов в языке, принципов соотношения семантики и синтаксиса в языке и речи, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установления новых типовых ассоциативных связей [Уфимцева, 2001: 66]. Кроме того, «ассоциативные нормы представляют собой мощное орудие социологического и социально-психологического исследования» [Леонтьев, 1977: 15].

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности : послесловие // Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : Астрель : АСТ, 2002. — Т. 1 : От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. — С. 751–782.
2. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопр. психологии. — 1990. — № 2. — С. 143–146.
3. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 65–71.
4. Фрумкина Р. М. Психолингвистика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2003. — 320 с.
5. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / под ред. А. А. Леонтьева. — М. : МГУ, 1977. — 192 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН ССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1981–1984. — Т. 4 : С–Я. — 1984. — 794 с.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С. С. Зайченко (Челябинск, Россия)

КИНОДИСКУРС КАК ПОЛИМОДАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

The article describes film discourse as a multimodal formation with its own specific features which distinguish it from other kinds of semiotically complex formations.

Keywords: *film discourse, paralinguistic, creolised and videoverbal texts, polycode, multimodal, multimedia formations.*

В современных лингвистических исследованиях семиотически осложненных образований термины «видеовербальный», «гетерогенный» «гибридный», «изовербальный», «креолизованный», «паралингвистический», «поликодовый» и др. часто используются синонимично. Все они предполагают сочетание в тексте знаков двух или более семиотических систем для выражения единого значения, и используются для обозначения разнообразных текстов: иллюстрированного письменного произведения, кинофильма, интернет-сайта и пр. Очевидно, что отличия в таких текстах настолько существенны, что при их описании возникает необходимость в спецификации терминологии.

К паралингвистическим относят такие тексты, в составе которых присутствуют невербальные средства, участвующие в речевой коммуникации наряду с вербальными компонентами [Николаева, 2002]. Это могут быть средства устной или письменной речи: фонационные (тембр речи, ее темп, громкость, типы заполнителей паузы и т. п.), кинетические (жесты, тип выбираемой позы, мимика) и графические (почерк, символы и т. п.) [Там же]. Несмотря на то, что перечень таких средств не является фиксированным и может варьироваться в зависимости от характера конкретного произведения, их определяющим критерием является невозможность функционирования без вербального сопровождения, которому паралингвистические средства подчинены [Артемова, 2002]. Таким образом, целый ряд важнейших для кинодискурса составляющих — изображение, движение, музыкальное сопровождение и др. не рассматриваются в рамках паралингвистики, и термин «паралингвистический» не вполне подходит для описания кинодискурса.

Большое распространение в лингвистических исследованиях получил термин «креолизованный текст». Такой текст состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербаль-

ной (принадлежащей к другим знаковым системам) [Сорокин, Тарасов, 1990]. Креолизованным также называют паралингвистически активный текст, где «вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 2003: 17]. О кинодискурсе (кинотексте) как о креолизованном произведении пишут Е. Б. Иванова (2001), Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова (2004), С. С. Назмутдинова (2006), А. А. Бодрова (2009), А. Н. Зарецкая (2010) и другие. Однако стоит отметить, что сложилась определенная лингвистическая традиция, согласно которой к креолизованным все чаще относят тексты письменной речи, состоящие из двух — вербального и изобразительного — компонентов. Креолизованный текст называют *дикодовым*, т. е. включающим коды двух знаковых систем [Большакова, 2008] и *одноканальным* — воспринимаемым только визуально [Ищук, 2008]. При такой трактовке данный термин не может отражать всех особенностей кинодискурса.

Кинодискурс (кинотекст) часто определяется как видеовербальное образование, «сочетающее в себе видеоряд и сопровождающее его вербальную часть (речь персонажей, надписи, появляющиеся на экране и т. п.)» [Мишина, 2007: 17]. В этом и других определениях видеовербального текста (см., например, О. В. Пойманова, 1997) подчеркивается зрительный характер неязыковых знаков и не учитывается тот факт, что фильм состоит из более чем двух — изобразительной и вербальной — семиотических систем. Более того, видеовербальным по сути является любой письменный текст, независимо от количества и характера его компонентов. Таким образом, данный термин также не вполне соотносится с кинодискурсом.

Изучив ряд работ современных исследователей в данной области [Е. Е. Анисимова, 2003;

Е. А. Артемова, 2002; А. А. Бодрова, 2010; Л. С. Большакова, 2008; Л. М. Большакова, 1986; А. Н. Зарецкая, 2010; Е. Б. Иванова, 2001; О. В. Мишина, 2007; О. В. Пойманова, 1997; Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова, 2004; А. Г. Сонин, 2006; Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, 1990 и др.], мы пришли к выводу, что перечисленные термины не отражают в полной мере структурные и семантические особенности кинодискурса и зачастую используются как традиционные, устоявшиеся.

В целях преодоления терминологической неустойчивости и неоднозначности А. Г. Сонин в своем исследовании «Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов» (2006) предлагает различать *поликодовые*, *полимодальные* и *мультимедийные* произведения. К поликодовым автор относит такие тексты, элементы которых «различны по своей семиотической природе, но предназначены исключительно для зрительного восприятия» [Сонин, 2006: 21–22]. Разновидностями поликодовых текстов являются иллюстрированный художественный текст, комикс, реклама и др. Полимодальными А. Г. Сонин называет тексты, «не только включающие гетерогенные составляющие, но воспринимаемые благодаря работе двух или нескольких перцептивных (сенсорных) модальностей» [Там же: 22]. Такие тексты позволяют гибко комбинировать более широкий спектр гетерогенных составляющих и, помимо письменного вербального текста, включают звучащий текст, шумовые и музыкальные средства, анимацию и видеоматериалы [Там же]. Мультимедийные тексты — это такие произведения, «доступ к гетерогенным составляющим которых регулируется компьютерной программой, изменяющей текст в зависимости от выбранной субъектом стратегии его чтения» [Там же]. Такое свойство мультимедийных текстов называется *интерактивностью*, и оно является их главной отличительной характеристикой. Примерами таких текстов могут быть электронный словарь или энциклопедия, интернет-сайт и т. п.

Таким образом, тексты, включающие гетерогенные составляющие, обладают такими ключевыми свойствами, как *поликодовость* — сопряжение в едином пространстве разных по своей семиотической природе произведений; *полимодальность* — использование разных сенсорных модальностей восприятия; *интерактивность* — гибкая обусловленность текстовой структуры действиями пользователя [Там же].

Опираясь на предложенную А. Г. Сониным терминологию, кинодискурс следует рассматривать, в первую очередь, как полимодальное образование, которое обладает следующими характеристиками:

1) состоит из комбинации элементов разных знаковых систем, которые образуют завершенное структурное, семантическое и функциональное целое;

2) в своем составе может иметь разное количество знаковых систем, каждая из которых может выступать как доминирующая или второстепенная, однако все они связаны отношениями взаимозависимости;

3) включает в себя языковую составляющую, которая представлена звуковыми и визуальными знаками;

4) воспринимается посредством двух каналов восприятия (зрения и слуха), т. е. является многоканальным;

5) благодаря сочетанию разных по значимости знаков семиотических систем, воспринимаемых разными каналами, обладает особым коммуникативным напряжением.

Немаловажным свойством кинодискурса становится интерактивность. Линейное восприятие фильма от начала к концу уже не является единственно возможным. Современные технологии позволяют пересматривать понравившиеся сцены, пропускать неинтересные эпизоды, ускорять и замедлять просмотр, смотреть фильм любое количество раз в разных условиях восприятия. Кинофильмы на DVD имеют не только формальное разбиение на эпизоды, но часто сопровождаются режиссерским комментарием, альтернативными вариантами некоторых сцен фильма, историей создания фильма, интервью с ведущими актерами, а также субтитрами и переводами на несколько языков. Все это делает кинофильм в большей или меньшей степени мультимедийным произведением, стратегия восприятия которого определяется зрителем.

Поликодовые, полимодальные и мультимедийные произведения являются наименее изученными в лингвистике. Особый интерес представляет вопрос о специфике языковых средств, конституирующих вербальную составляющую таких текстов. Однако при описании особенностей языкового компонента невозможно не учитывать особенности его взаимодействия с другими составляющими.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материа-

ле креолизированных текстов).— М. : Академия, 2003.— 128 с.

2. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Волгоград, 2002.— 21 с.

3. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. СамГУ.— 2008.— № 4 (63).— С. 19–24.

4. Ищук М. А. Гетерогенный текст : функции его составляющих // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология.— Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация».— 2008.— № 13.— С. 176–182.

5. Мишина О. В. Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus» : дис. ... канд. филол. наук.— Самара, 2007.— 203 с.

6. Николаева Т. М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь.— М. : Большая Рос. энцикл., 2002.— С. 367.

7. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук.— М., 2006.— 323 с.

8. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия.— М. : Наука, 1990.— С. 180–186.

О. В. Соболева (Челябинск, Россия)

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЙ

Hypertextuality is considered in this article as one of the principal characteristics of Internet and as a main method of organization of web publishing.

Keywords: *hypertextuality, media, intertextual connections, intratextual connections.*

Понятие «гипертекстуальность» является одной из основных характеристик информационно-коммуникативной среды Интернета. Все многообразие публикаций в Сети отвечает этой характеристике, выделяясь из общей совокупности элементов современного информационного пространства в целом.

Гипертекстуальность определяется как «...потенциальная и реализованная возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов, а гипертекст — электронная форма текста, состоящая из фрагментов и сносков, предоставляющих возможность нелинейного прочтения текста» [Масалова, 2003: 7].

Главный способ организации материалов сетевых изданий — создание смыслообразующего центра материалов, который занимает главное место в иерархии текстов сетевого масс-медиа. Таким центром может выступать, к примеру, главная страница новостной ленты или, если речь идет о сетевой версии «офлайнового» издания, материалы свежего номера.

Именно связи обеспечивают нелинейное ветвление — сердцевину гипертекстовой функциональности. При описании связей в гипертексте часто используется понятие «якорь» (от англ. anchor) — это слово, фраза или картинка, которые либо подсвечиваются на экране, либо меняют форму курсора и воспринимаются как

точки перехода в другое текстовое пространство.

Некоторые связи позволяют включать в систему графический браузер — средство, с помощью которого сеть (граф из узлов и связей) отображается на экране. Без хранения межузловых связей невозможно говорить о графовой структуре сети.

Другие связи суть спецификации адреса для перехода и существуют только в момент их активизации. Например, кнопки, содержащие инструкцию «иди на страницу такую-то» [Калмыков, 2005: 135].

Ведущей характеристикой любых интернет-СМИ является гипертекстуальность, с помощью которой можно расширить не только объемы информации, но и ее содержание. По словам Теда Нельсона, изобретателя термина «гипертекст», главной особенностью гипертекста является то, что он создает систему связи между отдельными документами с помощью встроенных в текст гиперссылок [Лукина, 2005: 28]. Но данное понятие не ограничивается только Интернетом, гипертекст как связь текстовых элементов в единое целое существовал и до его возникновения. Считается, что гипертекст — новейшая конструкция, вызванная к жизни интернет-технологиями и виртуальными реальностями. Однако это далеко не так. Возьмем, например, древнейший пример гипертекста — Библию.

Библия — это не только литературное и историческое произведение, но и богослужебная книга. Библия снабжена ссылками, так называемыми параллельными местами, связывающими события Священной истории, Старого и Нового Завета, которые через литургию включаются в настоящее и определяют будущее. Библию не читают от страницы к странице, а читают в соответствии с церковным календарем. Каждому дню соответствует свой текст и определенное храмовое действие, которое, конечно, тоже является текстом. Текстом, актуализируемым богослужением, является убранство храма, фрески и иконы. Все, что происходит в отдельном храме, связано с церковью, которая согласно христианским догматам есть собор всех живых и всех почивших. Церковь, естественно, связана с миром, культура которого в значительной степени детерминируется церковными устоями. Таким образом, книга Библия разворачивается во всем многообразии человеческого бытия [Калмыков, 2005: 203].

Многие лингвисты считают гипертекстуальность неотъемлемым признаком любого текста, так как имплицитно или явно внутри текста существуют ссылки, смысловые корреляции и внутритекстовые, а зачастую и межтекстовые связи. Несмотря на такую широкую трактовку гипертекстуальности, данное понятие все же более характерно для Интернета, так как гипертекст представляет собой связь между отдельными текстами, которая осуществляется в единой среде, что позволяет читать текст не только на одном уровне, но благодаря внутренним и внешним ссылкам просматривать его вглубь. Это расширяет информационные возможности не только производителей медиа-продукта, но и его потребителей.

Ссылки на разнообразные источники, выполненные в гипертекстовом режиме, предоставляют первым уникальную возможность повысить качество информации, а именно ее полноту и достоверность, вторым — воспользоваться альтернативными источниками и самостоятельно участвовать в интерпретации фактов, приходиться к собственным выводам. Действительно, гипертекст — это возможность расширения контекста каждого конкретного содержательного элемента, это то, что позволяет читателю лучше понять смысл происходящего, помогает ориентироваться в потоке информации [Калмыков, 2005: 113]. При этом гипертекст может неограниченно расширить тематическое поле с помощью ссылок на публикации по предлагаемой или смежной с ней тематике.

Необходимо также иметь в виду, что тексты, соединенные с помощью гипертекстовых ссы-

лок, могут соединяться либо с другими частями того же домена (внутренние связи), либо с другими доменами (внешние связи). Поэтому можно выделить два вида гипертекстуальности — внутреннюю и внешнюю, и они принципиально отличаются друг от друга разными подходами к источникам информации. Внутренние ссылки, отсылающие к информации внутри сайта (к другим публикациям по теме, к материалам того же автора), хотя и позволяют узнать дополнительные сведения, но в рамках тех же повесток дня. При этом информация, безусловно, расширится, но будет развиваться по спирали, без привлечения альтернативного взгляда. Напротив, внешние ссылки дают возможность читателю ознакомиться с другими ресурсами, иными позициями, альтернативными источниками, и в этом смысле они более продуктивно используют Интернет и его технологии для информирования своих аудиторий и, следовательно, помогают сформировать более объективную точку зрения на ту или иную проблему.

Гипертекстуальность также можно понимать как многозначность, полидискурсивность, многоголосие виртуального общения. Именно Интернет способен наиболее широко обеспечить межкультурное взаимодействие и сотрудничество, так как он выступает как новое коммуникационное пространство, устроенное по сетевому принципу, где встречаются многие культурные практики [Михайлов, 2004: 39].

Таким образом, одним из основных свойств интернет-изданий, отличающих их от других СМИ, является гипертекстуальность, которая оказывает влияние не только на содержание информационных ресурсов, но и на процесс подготовки, обработки, хранения и доставки информации. Специфика сети требует особого профессионального подхода к организации информационного содержания, логика, последовательность и технология которой значительно отличаются от создания печатной, радио и теле-продукции. И это само собой подразумевает определенную специализацию, учитывающую помимо вышеприведенных возможностей также структурные и организационные особенности.

Список литературы

1. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов. — М. : Юнити-Дана, 2005. — 383 с.
2. Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета. — М. : Изд-во фак. журналистики Моск. гос. ун-та, 2005. — 89 с.

3. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика. — Ульяновск, 2003. — 124 с.

4. Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особен-

ности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 34–52.

Ю. В. Сорокина (Челябинск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ

This article deals with the interdisciplinary linguosynergetic approach to the study of the written text and spoken utterance based on the discourse analysis principles, and focuses on the importance of examining the discourse as supercomplex self-organizing system.

Keywords: *lingvosynergetics, discourse analysis, discourse, discourse of foreign language, written text.*

В данное время в современной лингвистике актуальным является синергетический подход к анализу языка. Синергетика — это научное направление, объединяющее теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф, теорию самоорганизации, и исследующее общие принципы, управляющие эволюцией самоорганизующихся структур и функций. Возникло новое направление исследований — лингвосинергетика, что положило начало новому концептуальному осмыслению лингвистических проблем. Формирование лингвосинергетики связано с процессами самоорганизации в языке как коммуникативной системе, а синергетический анализ языка проливает свет и дает новое знание об организации коммуникативных процессов, смыслообразовании, и даже методике обучения языку. Лингвосинергетика исходит из понимания синергетики как развития сложных самоорганизующихся систем. Все подуровни одной системы в процессе становления совершают постоянный обмен энергией между собой, а также с внешней средой, а организация подсистем в единое целое обеспечивается благодаря их синхронизации во времени и регулируется универсальными законами функционирования. Таким образом, языковые явления стали рассматриваться в терминах сложности, нелинейности, хаоса, аттрактора, синергии и т. д. В свете концепции нелинейного мышления взгляд на язык как на самоорганизующийся процесс, на нелинейную открытую среду является актуальным и интересным. Язык является сложной, самоорганизующейся, динамичной системой и поэтому может рассматриваться в рамках синергетической теории.

Объектом лингвосинергетики в настоящее время являются речемыслительная и переводческая деятельность индивида, текст как синергетические системы, а также понятие фрактальности

текста и концепта.

Диапазон применения синергетического подхода в лингвистике достаточно широк, но наиболее разработанной на сегодняшний день является теория письменного текста. При обращении к тексту в центре внимания оказывается его структура, которая может быть рассмотрена как неравновесное устойчивое состояние системы и процесс, способный перемещаться и перестраиваться в среде (по Г. Г. Москальчук, И. А. Герман). Текст рассматривается как результат синергетического процесса, запечатленного в его структуре, как комплексный многоуровневый объект, организация которого подчиняется как коммуникативной цели говорящего, так и природным законам «формообразования» [Белоусов, Блазнова, 2005: 89]. Текст рассматривается как дискурсивное пространство — речемыслительное образование событийного характера в совокупности с экстралингвистическими факторами — в котором осуществляется «слияние и содействие энергий» вокруг ключевого слова-концепта, вбирающего себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику коммуникативного события (по Алефиренко Н. Ф.). Лингвосинергетика указывает на возможность выделения симметричных и асимметричных структур текста, а также позиций, соответствующих принципу золотого сечения [Москальчук, 1998: 240]. Становится очевидным, что текст является не только лингвистическим, но и биологическим объектом, который строится по закономерностям, заложенным в природе. В лингвосинергетических исследованиях статическое видение природы текста стремится к динамическому. Становление текста описывается как движение, как изменение материи во времени, изучается его пространственно-временная организация [Белоусов, Блазнова, 2005: 86–88].

Также становится популярным исследование устнопорождаемого высказывания в рамках лингвосинергетики. Устнопорождаемое высказывание может быть рассмотрено как синергетическая система, т. к. тоже обладает основными синергетическими свойствами. Устное высказывание ограничено во времени и пространстве, его развертывание осуществляется в реальном времени, поэтому можно наблюдать, как происходит самоорганизация текста. Устнопорождаемому тексту свойственны необратимость, невоспроизводимость и непредсказуемость. Постоянно изменяющиеся условия коммуникации, присутствие собеседников влияют на речь говорящего. Устное высказывание — это синергия, объединяющая говорящего, слушающего, механизм обратной связи, материальные, социальные и идеальные параметры ситуации. Исходя из этих характеристик порождение устного высказывания может быть описано как становление синергетической системы.

Синергетический подход к анализу устных и письменных текстов может быть применен в рамках дидактического дискурса. В настоящее время разрабатывается применение синергетического подхода в процессе обучения иностранным языкам. Возникшую проблему изучения процессов самоорганизации дискурса решает лингвосинергетика. Дискурс — это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, психологическими, социокультурными, паралингвистическими и другими факторами, образование которого концентрируется вокруг некоторого обобщенного понятия, создавая определенный смысловой контекст, включающий информацию о субъектах, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах [Алефиренко, 2008: 23]. Дискурс представляет собой процесс, имеющий нелинейный характер. Синергетический подход отмечает спонтанность в речепорождении, позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений. Иноязычный дискурс должен рассматриваться как сверхсложная саморазвивающаяся система для межкультурного общения с представителями разных стран и культур в современном мире. Необходимо наблюдать и анализировать коммуникативную природу языка и показывать, что через язык мы координируем наше поведение и как бы создаем мир. Центральную роль в реализации синергетического подхода в обучении иностранному языку как сверхсложной саморазвивающейся системе играет дискурс-анализ. Дискурс явля-

ется основным рефлексом реализации коммуникативной функции языка во всем многообразии ее проявлений.

Содержание процесса анализа иноязычного дискурса как сверхсложной самоорганизующейся системы составляют базовые характеристики дискурса: пропозиция, референция, экспликатура и импликатура, инференция, релевантность и пресуппозиция, ментальный лексикон. Эти базовые характеристики дискурса являются основными единицами содержания анализа иноязычного дискурса. Дидактические условия для реализации синергетического подхода в обучении иностранного языка создаются на основе принципов, к которым относятся принцип коммуникативности, принцип нелинейности, принцип незамкнутости, принцип наблюдаемости, принцип возникновения и усиления порядка через флуктуацию, принцип гомеостатичности. В процессе работы над дискурсивным анализом студенты, получившие базовые знания о языке и его устройстве и функционировании, реализуют полученные знания в реальном общении, где многие традиционные правила требуют переосмысления. Дискурс-анализ позволяет студентам увидеть и объяснить разнообразие языковых форм в разных вариантах одного и того же языка, что дает им возможность приблизиться к более глубокому пониманию функционирования реального языка. В процессе коммуникации иноязычный дискурс как сверхсложная саморазвивающаяся система качественно обогащается с каждым коммуникационным актом, который потенциально может рассматриваться точкой бифуркации, порождением новых смысловых контекстов. Синергетический подход будет актуализироваться в данном случае, если к уже имеющимся в центре семантического содержания базовым категориям дискурса (пропозиция, референция, экспликатура и импликатура, инференция, релевантность и пресуппозиция) добавить ещё одну категорию — ментальный лексикон.

Иноязычный дискурс — это сверхсложная, саморазвивающаяся система, поэтому при его полноценном рассмотрении нужно брать во внимание триаду — языка, среды, языковой личности, рассматриваемую как единую сверхсложную саморазвивающуюся систему. Коммуникативная среда является участником коммуникативного процесса, смыслообразование организует текст и контекст, принадлежностью говорящего к той или иной социальной группе. Саморазвитие языка происходит в системе ком-

муникации и сопровождается диссипацией элементов системы и рождением новых элементов.

Итак, применение синергетических идей в лингвистике представляется достаточно перспективным. Междисциплинарность и универсальность синергетического подхода обобщает и объединяет достижения как самой лингвистики, так и психолингвистики. Дискурс-анализ играет центральную роль в реализации синергетического подхода в процессе дискурс-анализа и рассмотрении письменных текстов и устнопорождаемых высказываний как сверхсложной саморазвивающейся системы, где базовые характеристики дискурса представляются как основные единицы содержания обучения анализу иноязычного дискурса. Использование синергетического подхода к изучению письменных текстов и устнопорождаемых высказываний позволяет установить общие закономерности их развертывания, проследить взаимодействие элементов языковой формы высказывания и их объединение в единую структуру.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропол. отд-ния РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко.— Краснодар, 2008.— Вып. 6.— С. 20–26.
2. Белоусов К. И., Блазнова Н. А. Введение в экспериментальную лингвистику : учеб. пособие.— М. : Флинта, 2005.— 136 с.
3. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику.— Барнаул : Алтай, 1999.— 129 с.
4. Климонтович Н. Ю. Без формул о синергетике. — Минск : Выш. шк., 1986.— 223 с.
5. Москальчук Г. Г. Структурная организация и самоорганизация текста.— Барнаул, 1998.— 240 с.
6. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ.— Харьков : Гуманитар. центр, 2004.— 260 с.

Т. В. Сотникова (Тюмень, Россия)

ПРОСОДИЯ КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСИВНОЙ ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ (аргументативный дискурс)

The analysis of the argumentative communication model performed by the Dutch linguists F. Eemeren and R. Grotendorst and several Russian scholars predetermined the necessity for an integrated approach to the problem that would take into account not only the architecture of the text with the basic ideas at its centre, but would also focus upon the identification of discursive operations performed in the field of argumentation. This study revealed that prosodic contour of an utterance among a number of operations (lexical, syntactic, logical and rhetorical) occupies an important place, since prosody serves as a vivid marker of discursive tactics of a subject and an object of communication.

Keywords: *the field of argumentation, discursive operations, discursive tactics of subject and object, processing prosodic utterances, prosodic markers of discursive tactics.*

Изучение просодии в качестве инструмента, поддерживающего процесс аргументации, напрямую связан с проблемой *фонетического символизма* (известного также как *фоносемантизм* или *фоносемантика*), лингвистической теорией, согласно которой звуковые элементы языка (сегментные и супraseгментные) могут нести определенную семантическую нагрузку, передавая те или иные смыслы. Есперсен, который был активным сторонником этой теории, считал, что фоносемантический подход позволяет выявить систему отношений аналогии, существующую между означающим и означаемым в языке [Есперсен, 1949: 263]. Термин *фоносемантика* указывает, что при таком подходе мы получаем

возможность трактовать звук и смысл как взаимосвязанные понятия. Особенно интересно рассмотреть связь звуковой стороны и смысла в процессе аргументации, потому что в этой ситуации общения дискурсивные стратегии собеседников заставляют их попеременно играть то роль аргументирующей, то воспринимающей сторон. Вследствие такой дискурсивной игры, а также дискурсивных стратегий убеждающей и воспринимающей сторон возникает асимметричный характер общения в рамках дискурсивного поля аргументации, ярко маркированный просодически. Однако до последнего времени этот важный аспект аргументирующего дискурса практически не изучался.

Теоретическими предпосылками рассматриваемого в статье исследования явились взгляды на природу языкового знака [Соссюр, 1997; Benvenist, 1939; Jakobson, 1963], фоносемантическую сторону языковых явлений [Daniélou, 1967; Журавлёв, 1974], а также обращение к социолингвистическим параметрам коммуникативной ситуации [Bright, 1964; Ervin-Tripp, 1994].

Согласно широко известному положению Соссюра, язык есть система знаков, при этом языковой знак объединяет не объект и наименование этого объекта (как часто полагают), а *понятие (концепт)* и *его акустический образ*. Акустический образ — это означающее, материальная форма языкового знака, которая представляет собой не просто некий материальный звук, а его психическую матрицу. Понятие же — это означаемое, смысловое содержание знака, включающее дифференциальные признаки, благодаря которым один языковой знак отличается от другого. Языковой знак, таким образом, определяется как двухсторонняя единица, структурируемая означаемым и означающим. Помимо этого, Соссюр отмечал, что связь между означаемым и означающим произвольна (т. е. не мотивирована), поскольку одно и то же понятие в разных языках может ассоциироваться с разными акустическими образами [Соссюр, 1997: 79]. Такое понимание языкового знака является принятым в современной описательной лингвистике, а в семиотике оно считается аксиоматичным. Между тем, едва ли можно найти аргументы, чтобы оправдать выведение знака из-под действия общей закономерности стремления формы и содержания к взаимной однозначности [Журавлёв, 1974: 11–16]. В рамках современной лингвистической парадигмы, в которой язык рассматривается как саморазвивающаяся (=синергетическая) система, становится очевидным, что в самоэволюции знака содержание не отрывается от формы, а скорее, пытается как можно лучше к ней адаптироваться, что поддерживается одной из важнейших характеристик знака — его произвольностью. В свете вышеизложенного становится понятным, насколько важную роль в этом процессе играет фонетическая мотивация или, иначе, фонетическая произвольность знака.

Попытка приложить такое понимание знака к звуковым единствам языка (фонемам и просодическим характеристикам) неизбежно приводит к идеям фоносемантики. Символизм фонем и просодических элементов возникает из их значимости и значения, которые могут быть или природными, или приписанными им человеком.

Согласно Лингвистическому словарю, фонетическим символизмом «называется стремление считать, что существует безусловная связь между словом и обозначаемым объектом, и приписывание звуку денотативного или коннотативного значения» [Dictionnaire de linguistique, 2007: 473]. Хотя это определение относится только к звуку, вполне закономерно распространить его и на просодические элементы языка, поскольку просодия является неотъемлемой частью звуковой материи языка. Поддерживая мнение о существовании звукового символизма, мы тем самым получаем возможность утверждать, что есть прямое соответствие между значением слова, высказывания в полном его объёме, с одной стороны, и природой составляющих их звуков, с другой. Фонемы и просодические элементы в их символическом значении понимаются как носители смысла и значения (помимо практического или материального аспекта), что позволяет изучать звуковой уровень языка как символическую систему, а анализ конкретного материала может показать способность единиц этого уровня называть, означать, оказывать воздействие, т. е. функционировать как истинный языковой знак.

Далее, чтобы включить наше исследование в рамки реальной коммуникации, дискурса (поскольку всякий языковой знак реализуется в речи, являющейся основой любой вербальной коммуникации), необходимо обратиться к основным параметрам социолингвистики, которые позволят нам установить каузальную связь между результатами проведённого эксперимента и теми социальными процессами, которые отражаются в лингвистических структурах (в данном случае — в просодической организации дискурса). Традиционно, вслед за У. Брайтом [Bright, 1964: 1107–1113], выделяют три основных социолингвистических параметра, включающих такие социально обусловленные факторы, как *отправитель* (говорящий), *получатель* (слушающий) и *обстановка общения*:

– социальная принадлежность *отправителя* (или говорящего), которая ярче всего проявляется в случае классовых диалектов, когда различия в речи соответствуют различиям в социальной стратификации (например, кастовые диалекты в Индии);

– социальная принадлежность *получателя* (или слушающего), которая проявляется в тех случаях, когда, например, при обращении к старшему по статусу употребляется особая лексика и интонация, выражающие почтение; другой особый стиль речи, обусловленный тем же факто-

ром — так называемая «детская речь», под которой понимается не то, как говорят дети, а то, как с ними разговаривают взрослые;

— третий параметр — *обстановка* — проявляется в различиях официального и неофициального стилей, которые в большинстве языков обусловлены именно окружением.

Разумеется, эти три параметра не исключают друг друга, напротив, они пересекаются, создавая тем самым особый тип социолингвистического поведения или особый тип социума (социальной ситуации), который может быть определён как совокупность всех внеязыковых социальных факторов, при наличии которых осуществляется вербальная коммуникация. Для определения отношений между социумом и языком необходимо учитывать целый комплекс социальных факторов, способных вызывать определённые изменения на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом, однако определяющим фактором выступают социолингвистические характеристики участников общения. Эти характеристики включают общественный статус коммуникантов, их ролевые отношения и тезаурус. Именно эти понятия и легли в основу проведённого экспериментального исследования, с их учётом проведён анализ полученных данных.

Другая проблема, которая возникает в связи с определением роли просодических средств при установлении контакта в ситуации аргументативной деятельности, органично присущей социальной жизни, — это роль просодии в реализации конативной (= апеллятивной, в результате которой сообщение вызывает определенное поведение собеседника) и фатической функций языка (когда собеседники стремятся создать или поддержать контакт). Именно эти функции позволяют говорящему реализовать свою потребность в общении, и они становятся еще более важными в ситуации, когда один из собеседников стремится убедить в чём-то другого (в частности, в аргументативном дискурсе, когда установление контакта между сторонами общения является чрезвычайно важным условием успеха). Конативная и фатическая функции языка реализуются с помощью языковых единиц разных уровней, в том числе просодических. Выбор этих средств должен осуществляться в соответствии с этическими нормами, устанавливаемыми социумом на том или ином этапе его развития, с учетом социально-психологических характеристик собеседников (их социальный статус и социальные роли, характер отношений между ними и т. д.). С учётом всего сказанного становится ясным, что успешность комму-

никации, в том числе и аргументирующей, строго определяется и её просодическим оформлением. Кроме того, что просодия принимает непосредственное участие в реализации коммуникативного намерения говорящего, она также обеспечивает эффективность контакта, являясь непременным условием существования высказывания как устной формы коммуникации. Помимо этого, просодия, более чем любая другая часть языковой системы, передает эмоциональное состояние говорящего. Просодические средства участвуют также в реализации функций рационального (апелляция к разуму) и эмоционального (апелляция к чувству) воздействия, которые могут рассматриваться как коммуникативная и прагматическая функции языка.

Наконец, поскольку в основу пилотного исследования, результаты которого представлены ниже, было положено изучение просодических характеристик, способствующих установлению контакта между коммуницирующими сторонами в условиях аргументативного дискурса, где отношения между коммуникантами могут носить симметричный и асимметричный характер, представляется логичным обратиться к понятию симметричной и асимметричной ситуации общения.

В социолингвистике симметричность или асимметричность ситуации определяется социальными признаками участников коммуникации, выступающими в качестве основы для формирования стереотипа исполняемой ими роли. Симметричны такие ситуации, взаимодействующие участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение (статус), примерно одинаковый возраст, один и тот же пол и т. д. Напротив, асимметричны ситуации, участники которых различаются хотя бы одним из социальных признаков. Например, асимметричными по социальному статусу оказываются ситуации, которые представляют речевое общение не на равных, то есть основанное на отношениях подчинения по типу «авторитет-неавторитет» или «начальник-подчинённый» и т. д. Симметричные ситуации общения предполагают равное речевое партнёрство, речевое диалогическое общение на равных. Очевидно, что определяют симметричный или асимметричный характер речевой ситуации, а также выбор просодического оформления контактоустанавливающей реплики экстралингвистические факторы. Так, обстановка общения является одним из объективных параметров речевой ситуации, которая отражается на выборе средств речевого контактирования, в том числе и просодических. В симметричных ситу-

ациях общения просодические характеристики контактоустанавливающих реплик более единообразны, чем асимметричных, поскольку партнёры не стремятся к привнесению в свои реплики категоричности, авторитарности, превосходства и т. п. Кроме того, обстановка общения может определять вариативность речи по шкале «официальная—неофициальная». Неофициальная обстановка общения располагает к непринуждённой, этикетно менее скованной речи, незатейливости просодического оформления реплик. В официальной обстановке общения при асимметрии социальных ролей речевой этикет требует от партнёра-неавторитета не торопиться с ответной репликой, обязательно дожидаться, когда партнёр-авторитет закончит свою, что обуславливает наличие пауз в речи первого. Другими словами, выбор просодических средств установления контакта осуществляется в плане их соответствия официальности-неофициальности обстановки общения и равенству-неравенству партнёров по диалогу. Необходимо отметить, что просодические средства установления контакта в диалогах, относящихся к симметричным и асимметричным ситуациям общения, весьма разнообразны и относятся к подсистемам тональных, динамических и темпорально-паузальных признаков. В настоящей статье рассматриваются результаты эксперимента по изучению только тональных характеристик и только в асимметричной ситуации общения.

В теоретическом плане, мелодика является главным компонентом интонационного оформления высказывания, сущностной составляющей просодии [Léon, 1992: 120–121]. Её форма создаётся мелодическими уровнями и контурами, формирующими значимые интонационные единицы,— такова рабочая гипотеза нашего исследования, которую мы и пытались подтвердить в ходе эксперимента.

Материалом для практического исследования послужили аудиозаписи процедур защит кандидатских диссертаций, прошедших в Тюменском

государственном университете с 2004 по 2010 г. Единицей исследования стали контактоустанавливающие реплики участников дискуссии, общее время звучания материала — более 20 часов, количество проанализированных реплик — 320.

После слухового анализа все контактоустанавливающие реплики были подвергнуты интонационно-графическому анализу с целью выявления характеристик ЧОТ (частоты основного тона) исследуемых реплик. При анализе учитывались следующие характеристики: характер начала фразы, крутизна завершения, общий тональный диапазон, максимальный тональный уровень и модуляции в перепадах тона.

Фрагменты проведённого исследования представлены в таблице (данные получены относительно среднелекторских по тем или иным параметрам).

Данные, приведённые в таблице, позволяют говорить о том, что различия относятся, прежде всего, к уровневому показателю. Максимальный тональный уровень в репликах авторитета значительно выше, тональный диапазон шире, модуляции в перепадах тона значительнее, крутизна завершения больше, чем в репликах неавторитета. Полученные в ходе эксперимента результаты позволяют говорить, что реплики авторитета имеют высокое начало, высокую крутизну завершения, широкий тональный диапазон, максимально высокий тональный уровень, значительные модуляции в перепадах тона. Напротив, реплики неавторитета характеризуются низким началом, малой или средней крутизной завершения, суженным тональным диапазоном, низким или средним тональным уровнем, незначительными модуляциями в перепадах тона. Интересно при этом отметить, что реплики мужчин характеризуются более широким тональным диапазоном, чем реплики женщин. Это хорошо вписывается в понятийный аппарат социолингвистики, поскольку известно, что фактор пола существенно влияет на характеристики высказывания,

**Мелодические характеристики реплик партнёров
в асимметричной ситуации общения**

Просодические параметры	Партнёр-авторитет	Партнёр-не авторитет
ЧОТ начала фразы	1,3	0,9
Общий тональный диапазон	0,7	0,4
Модуляция в перепадах тона	1,27	0,8
Крутизна завершения	+4	—
Максимальный тональный диапазон	1,04	0,71

кроме того, он неотделим от возрастных характеристик коммуникантов, что тоже подтвердилось в эксперименте. Кроме того, оказалось, что у мужчин и у женщин есть особая манера просодического оформления высказывания.

Далее, результаты эксперимента дают основание говорить о том, что эмоциональное состояние говорящего находит соответствующее отражение в просодическом оформлении реплик. Так, реплики, имеющие яркую положительную окраску, характеризуются максимально высоким тональным уровнем, значительными модуляциями тональных уровней и их широким диапазоном. Напротив, в напряжённой обстановке общения, когда говорящий испытывает отрицательные эмоции, контактоустанавливающая реплика характеризуется низким максимальным тональным уровнем, суженным тональным диапазоном, отсутствием значительных модуляций в перепадах тона.

Наконец, определённое значение имеет для просодических характеристик и степень адаптированности говорящего к условиям общения. При низкой адаптированности говорящий сдержан, соблюдает определённую дистанцию в отношениях с партнёром по диалогу, что находит соответствующее выражение на просодическом уровне: диапазон вариативности мелодических характеристик оказывается незначительным.

Таким образом, анализ материала позволяет прийти к выводу о том, что в просодическом оформлении реплик авторитета и неавторитета ярко выражена тенденция к «просодической асимметрии», которая заключается в том, что просодия реплик партнёра-авторитета ярче, все её характеристики выражены более интенсивно. В симметричных ситуациях общения, наоборот, не от-

мечается подобная тенденция: в просодическом оформлении контактоустанавливающих реплик в диалогах равного речевого партнёрства наблюдается «подстраивание» партнёров друг к другу, к выбору наиболее удобных, привычных для них просодических средств установления речевого контакта.

Список литературы

1. Журавлёв А. П. Фонетическое значение.— Л. : Изд-во ЛГУ, 1974.— 159 с.
2. Benveniste E. Nature du signe linguistique // Acta Linguistica.— 1939.— № 1.— P. 23–29.
3. Bright W. Introduction: The dimensions of sociolinguistics // Sociolinguistics / Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference.— Paris : The Hague, 1964.— 1700 p.
4. Daniélou A. Sémantique musicale // Essai de psychophysologie auditive.— Paris : Hermann, 1967.— 118 p.
5. Dictionnaire de linguistique / Dictionnaire de linguistique.— Paris : Larousse (coll. Langue française), 2007.— 514 p.
6. Ervin-Tripp S. M. An analysis of the interaction of language, topic and listener // American Anthropologist.— 1994.— Vol. 66, № 6, p. 2.— P. 86–102.
7. Jakobson R. L'aspect phonologique et l'aspect grammatical du langage // Essais de linguistique générale.— Paris : Éditions de Minuit, 1963.— P. 161–175.
8. Jespersen O. Language, its nature, development and origin.— N. Y. : Macmillan, 1949.— 448 p.
9. Léon Pierre R. Phonétisme et la prononciation du français.— Paris : Nathan, 1992.— 192 p.
10. Saussure F. de. Cours de linguistique générale.— Paris : Nathan, 1997.— 278 p.

М. В. Тричик (Алматы, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Modern linguistics has a tendency to interdisciplinary approach. Political linguistics stands at the junction of the Science of Language and the Political science. Political communication is the subject of political linguistics. Features of the discourse of political communication are discussed in the article.

Keywords: *political linguistics, political communication, discourse, the concept.*

Современная лингвистическая наука развивается быстрыми темпами. Появление инновационных и развитие уже существующих направлений, школ, парадигм в языкознании требует от исследователя в данной области постоянного

и неусыпного контроля за пополнением и обновлением базы научных знаний.

Актуальнейшими исследованиями в современной науке о языке признаются междисциплинарные, интересные и понятные представителям

других наук, знания по этнопсихолингвистике, когнитивной лингвистике, прагмалингвистике, математической лингвистике и др. Примером междисциплинарного подхода к изучению языка является активно развивающееся в казахстанской и российской научных школах направление — политическая лингвистика.

Политическая лингвистика как сфера научных интересов зародилась и развивалась с 50–60-е гг. XX в. на Западе. На постсоветском пространстве первыми и крупнейшими исследователями политической коммуникации являются А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. Г. Алтунян, Е. И. Шейгал и др. Среди казахстанских исследователей политического дискурса — Б. А. Ахатова, А. Т. Аратаева и другие.

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями — с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста.

Для политической лингвистики в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Политическая лингвистика тесно связана и с науками, изучающими индивидуальное, социальное и национальное сознание — с социальной психологией, культурологией, социологией, политологией, этнографией.

Предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать

прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [Чудинов, 2006: 254].

Среди аспектов исследования в современной зарубежной политической лингвистике выделяют исследование языковых, текстовых и дискурсивных элементов, исследование современного политического языка — историческое изучение политического языка, исследование общих закономерностей политической коммуникации — изучение идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий, исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса, сопоставительные и несопоставительные исследования.

Изучение языка в данном исследовании представлено с позиции когнитивного направления политической лингвистики, а именно на материале исследований политической метафоры как проявления аналоговых возможностей человеческого разума [Будаев, 2008: 352].

Главным источником возникновения когнитивных и психологических, ментальных сущностей является взаимодействие человека с внешним миром и познавательная деятельность человека. Человеческая когниция работает при восприятии мира в автоматическом режиме, в определенном взаимодействии органов чувств, систем ввода информации, центральной системы человеческой когниции [Исабеков, 2010: 404].

Три десятилетия назад в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались

когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitive turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, так и системы репрезентации и хранения знаний. Когнитивная лингвистика — направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении [Будаев 2007: 16–32].

Базовым понятием в современной когнитивной лингвистике является концепт, который пришел в науку о языке из области математической логики, существуя также в таких науках, как философия и культурология.

Среди ученых-когнитологов нет согласия в определении термина «концепт». Исследованиями этого вопроса занимаются Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, А. Вежбицкая, В. А. Маслова и другие.

В качестве рабочего определения **концепта** приведена теория В. А. Масловой: концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства дома бытия. Но в то же время — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

Следовательно, концепт многомерен, в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное.

Так же как человек не может существовать без биосферы, так же он и не может жить вне определенной концептосферы, окружающей его как представителя той или иной культуры.

Концептосфера — совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка [Маслова, 2004: 253].

Проводимое исследование направлено на анализ политической коммуникации, выявление про-

явления в ней концептов и построение политической картины мира носителей языка. Материал исследования — дискурс политической коммуникации предвыборной кампании 2012 г. в США.

Дискурс выступает как реализация коммуникативных намерений автора.

Дискурс, как языковая единица, характеризуется универсальными и специфическими чертами. Главными универсальными чертами дискурса являются его целостность и связность.

Целостность дискурса проявляется в непрерывной смысловой связанности его компонентов и складывается из некоторых содержательно-структурных компонентов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса [Григорьева, 2007: 288].

Связность дискурса проявляется в дискурсивной континуальности и обусловливается специфическими закономерностями, правилами, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка. Она может рассматриваться с точки зрения его: а) интонационно-ритмического; б) логического; в) семантического; г) формально-грамматического оформления и обнаруживаться по специальным маркерам иллюкутивного и/или дискурсивного характера. Когерентность признается как главное свойство дискурса также другими исследователями [Гришаева, 2006: 11–13]. Главным недостатком прагмалингвистических моделей С. А. Сухих называется «высокую степень дискретности «схватывания» таких существенных качеств коммуникации, как целостность и дискурсивная континуальность» [Сухих, 1998: 276]. Именно поэтому им предпринята успешная попытка построения модели коммуникации, в которой сочетаются коммуникаторо-центрический и тексто-центрический подходы, позволяющие произвести более целостную концептуализацию пространства лингвистической прагматики в переменных модели.

Хронотопность дискурса воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия. По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, «классы предметов обозначаются в языках достаточно гомогенной категорией имен и именных словосочетаний, кванты событийного потока коррелируют с очень разными и даже резко противопоставленными единицами, такими как предложение (пропозиция), его номинализация, глаголы (их лексическое значение), видо-временные и модальные формы предикатов, имена обще- и конкретно-

событийного значения». Вследствие всего этого «концепты, моделирующие кванты происходящего, формулируются на перекрестке именных и глагольных категорий» [Арутюнова, 1988: 338].

Целостность дискурса непосредственно связана с его **информативностью**, поскольку обмен информацией является одним из неперенных условий осуществления коммуникативного акта. В случае непоступления от собеседника ожидаемой информации информативным становится само поведение партнера по речевой коммуникации. «Речевое взаимодействие всегда ориентировано на передачу или получение информации, другое дело, что информация, «перекачиваемая» подобным образом, время от времени не опознается как таковая» [Клюев, 1998: 224]. Следует констатировать, что критерии информативности недостаточно четко обозначены в настоящее время, что связано с вопросами дефиниции данного понятия, измерения уровня информативности, определения типичных форм представления информации в дискурсе, разграничения «старого» и «нового», степени восприятия информации.

В то же время «пространство дискурса, являясь точкой в беспредельном континууме речевой деятельности, само по себе **предельно** и внутренне **делимо**. Оно состоит из единиц речевой деятельности различного коммуникативного статуса, речемыслительных сил с различными векторами и направленности на адресата/адресатов дискурса». Дискурсивные единицы обладают относительными функциями целостности. Континуальность и членимость дискурса являются его конституирующими признаками.

Дискурсу как языковому знаку высшего порядка присуща также **модальность**, связанная с доминированием в нем одного или нескольких параметров их речевоздействующих пространств. Дискурсы с эксплицированной модальностью по отражаемым в них личностным смыслам автора ориентированы на сферу материальной (речевой/неречевой) деятельности адресата. Выделяемые П. В. Зернецким дискурсы желания, долженствования, возможности имеют разные мотивы и цели общения. Так, дискурс желания мотивирован и имеет конечной целью формирование с помощью дискурса и прогнозирование его автором желания адресата. Смысловая сторона дискурса долженствования обеднена, наблюдается отсутствие аргументации и мотивирования открыто выражаемых автором, требуемых от адресата речевых/неречевых действий. Дискурс возможности основывается на действии аккумулирующей силы и направлен на получение от адресата ин-

формации любого вида: сигматической, семантической или прагматической.

Интертекстуальность дискурса проявляется в его связи с предшествующими и последующими произведениями [Зернецкий, 1990: 60–68]. Порождение и понимание дискурса в немалой степени зависит от внутриязыковой памяти на созданные ранее и произнесенные или зафиксированные в письменном виде чужие речевые действия.

Применительно к некоторым видам дискурса можно говорить о категории авторитетности и прецедентности. Авторитетность в данном случае дефинируется как одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании пословиц, крылатых выражений, цитат, ссылок на мнение известных личностей и/или результаты тестов, апеллирующих к общепризнанным истинам и авторитетам. Авторы как бы опираются на уже признанные авторитеты. Прецедентный дискурс, по сути, — «очень развернутая, преобразованная, гипертрофированная метафора. Прецедентный текст всегда формирует некий концепт, социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью» [Кашкин, 2005: 337–353].

Языковеды отмечают также присущность дискурсу таких черт, как полиинтерпретируемость результата в конвенционально обозначенных пределах, возможность различного содержательного наполнения при сохранении формальной макро- и микроструктуры и ряд других [Гришаева, 2006: 11–13].

Одной из ключевых особенностей дискурса политической коммуникации является смешение границ жанров в политическом дискурсе: «Всякий дискурс, в том числе и политический, будучи конгломератом определенных жанров, представляет собой полевою структуру, в центре которой находятся жанры, имеющие двойственную природу и находящиеся на стыке разных типов дискурса. Степень центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса определяется тем, в какой степени он соответствует основному назначению политической коммуникации — борьбе за власть. С этой точки зрения безусловно прототипными жанрами следует считать парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. В периферийных жанрах функция борьбы за власть переплетается с функциями других типов дискурса, причем она может сохранять ведущее положение либо уходить на второй план и проявляться опосредованно. Вследствие прозрачности

границ дискурса нередко происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте» [Шейгал, 1998: 23].

Е. И. Шейгал выделяет несколько системообразующих признаков политического дискурса: специфика институциональности (политический дискурс осуществляется в общественных институтах), специфика информативности (содержит критерии небанальности, релевантности и адекватности в подаче информации), смысловая неопределенность (в политическом дискурсе наблюдается конфликт двух тенденций — к понятийной точности и к смысловой неопределенности), фантомность (наличие в политической речи так называемых «лексических фантомов»), фидеистичность (политические термины не имеют четкого, фиксированного значения, политики постоянно пытаются наделить их выгодными для себя коннотациями), эзотеричность (способность политиков использовать тайноречие, умение уходить от прямого ответа, говорить много и при этом не сказать ничего), роль фактора массмедиа (опосредованность политического дискурса средствами массовой информации), дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность [Шейгал, 2000: 59–95].

Политическая коммуникация продолжает развиваться. Ее авторы передают дискурсу новые черты, специфику, особенности. На предстоящих в Соединенных Штатах Америки президентских выборах-2012 возможно проявятся новые разработки политтехнологов, и это многообразие приемов предстоит изучить для актуального анализа особенностей дискурса политической коммуникации. Таким образом, инновационными исследованиями в современной казахстанской науке о языке, как и в мировом языкознании, являются междисциплинарные исследования, направленные на выявление особенностей функционирования дискурса политической коммуникации. Политическая лингвистика изучает язык с точки зрения развития в дискурсе политической коммуникации концептов и других частиц человеческой когниции, позволяющих выявить общие закономерности и особенности функционирования данного вида языковой единицы.

Список литературы

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 254 с.
2. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 352 с.
3. Исабеков С. Е. Основы когнитивной лингвистики. — Астана, 2010. — 404 с.
4. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. — Вып. 1. — Екатеринбург, 2007. — С. 16–32.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. — Минск : ТетраСистемс, 2004. — 253 с.
6. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. — 288 с.
7. Гришаева Л. И. Дискурс, дискурсивное событие и текст // Номинация и дискурс : материалы докл. междунар. науч. конф. ; Минск. гос. лингвист. ун-т. — Минск, 2006. — С. 11–13.
8. Сухих С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Краснодар, 1998. — 276 с.
9. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт). — М. : Наука, 1988. — 338 с.
10. Ключев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие. — М. : ПРИОР, 1998. — 224 с.
11. Зернецкий П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность / Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1990. — С. 60–68.
12. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка / Тамб. гос. ун-т. — Тамбов, 2005. — С. 337–353.
13. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология – Philologica. — 1998. — № 14. — С. 23.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. — С. 59–95.

А. Б. Туманова (Алматы, Казахстан)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

This article describes the analysis of the national language picture of the world as specific representation of the objective reality reflected in the novels of Kazakhstani writers.

Keywords: *discourse, national language picture of the world, mentality.*

Каждый язык проявляется в виде конкретно-национального языка, в котором выражается национальный дух, национальная культура народа. И как национальный язык, он напрямую связан с национальным сознанием, с языковой ментальностью, а также является средством отражения особенностей мировидения, национально ориентированных ценностей, специфики образа жизни, национальных традиций и обычаев, стереотипа поведения. Многоаспектность сознания способствовала тому, что оно оказалось основой, предметом исследования в различных социально-гуманитарных науках, таких как когнитивная лингвистика, философия, социо-, психо-, этнолингвистика и др. Традиционно говорят, что «сознание» — это продукт общественного развития человека, оно проявляется и формируется посредством языковой системы, в результате чего отображается окружающий мир. Данные понятия являются противоположными сторонами этого единства: сознание отображает действительность, а язык особым знаковым образом обозначает ее, воплощая в мысли. Сознание актуализирует процесс формирования языкового сознания и транспозиции концептуальной картины мира в языковую картину мира, в ходе данного процесса язык предстает средством выражения речетворческой деятельности человека.

Языковое сознание индивида является частью национального общественного сознания, психического склада какой-либо нации, в которых содержатся сведения о культуре и быте, их специфике, отражающиеся в том или ином языке в виде особой модели мира. Основными способами репрезентации объективной действительности признаются когнитивные модели, концепты, ключевые слова, доминанты и др., которые могут быть представлены как имплицитно, так и эксплицитно. При помощи имплицитной формы выражения языкового сознания передаются чувства этнической идентификации с этносом, актуализация национально-маркированных концептов, национального мировоззрения, менталитета. Иными словами, язык того или иного народа, — это тот феномен, который содержит в себе

национальную, самобытную систему, с помощью него определяется мировоззрение носителя языка как языковой личности, как представителя этноса и, соответственно, создается национальная языковая картина мира.

В содержательной стороне языка предстает картина мира того или иного народа, которая является основой всех культурных стереотипов. Исследования национальной языковой картины мира помогают понять различия и сходства национальных культур, их взаимодополнения на уровне мировой культуры.

Относительно характеристики языковой картины мира с позиций национального языка наиболее точным, на наш взгляд, является определение В. А. Масловой. В частности, она утверждает, что термин «языковая картина мира» — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [1. С. 66].

По мнению неогумбольдтианцев, особенности языковой картины мира проявляются как свойства, данные языкам изначально. В ней в вербальной и невербальной формах опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный опыт. Так, при помощи языка человеком и / или обществом, и/или народом создается свой особый мир, отражающий окружающую действительность («субъективный образ объективного мира»). Соответственно, в концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческое и индивидуальное (частное), национальное и личностное.

Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в ме-

тафорах, сравнениях, символах,— это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. При этом важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира. Поскольку генетический механизм оценки телесных ощущений универсален, то переплетаясь с человеческой деятельностью, одновременно и универсальной, и национально-специфической, он неизменно приводит в результате такого взаимодействия к созданию языковых картин мира как с типологически общими, так и индивидуальными особенностями [1. С. 70].

Деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, т. е. культурную составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность. Не случайно в современной лингвистике проблема взаимосвязи языка и культуры является актуальной. Более того, разрабатывается новое направление, где язык представляется в качестве «культурного кода нации». В связи с этим вновь нельзя не вспомнить, что В. фон Гумбольдт утверждает мысль о том, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Основные положения исследований ученого относительно языка сводятся к следующему: язык является связующим звеном между человеком и его миром, языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая выступает выражением духа народа, его культуры [2].

Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. По мнению В. фон Гумбольдта, национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, т. к. мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, т. е. оставаясь в круге, описанном вокруг нас языком [2].

В решении данной проблемы наблюдаются несколько подходов:

1) взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону: т. к. язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык — простое отражение культуры [3] — воздействие культуры на язык;

2) язык как духовная сила; с этих позиций язык — это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нашем сознании [4–6];

3) язык признается фактом культуры, так как он является составной частью культуры, он основной инструмент усвоения культуры, а также концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка [7].

На наш взгляд, совершенно справедливыми и не исключающими приведенные выше подходы представляются высказывания по этому поводу В. А. Масловой: «Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т. е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике» [1. С. 63]. Мы согласны с утверждением исследователя о том, что поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые единицы приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей [Там же].

Обзор научной литературы, касающейся исследований рассматриваемой проблемы, позволяет говорить о том, что различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицированы с помощью лексических средств языка (лексические единицы и фразеологизмы), поскольку номинативные единицы больше всего и напрямую связаны с внеязыковой действительностью. Национально-культурное своеобразие номинативных средств языка может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках. В науке доказано, что сами реалии национальны, и поэтому слова, их называющие, содержат национально-культурный компонент. Анализ и характеристика данных языковых единиц проведены нами на основе художественных произведений русскоязычных писателей Казахстана (А. Алимжанова, С. Санбаева, Б. Джандарбекова, А. Жаксылыкова и др.), и основные результаты представлены в ранее опубликованных работах автора [8–9].

Этнические стереотипы, заложенные в национальном сознании представителей казахского народа, декодируются путем ритуализированного воплощения в обычаях, обрядах и традициях, в своеобразных действиях и поступках, в речевом поведении и др. (например: знак уважения к старшим, получение от них благословения, одаривание за радостную весть, культ почитания предков, аруахов и т. д.).

Эксплицитными способами выражения национального сознания являются фразеологизмы, пословицы, поговорки, приметы и поверья, отражающие национальную культуру и национальную психологию (ср.: *бие сауым, ак жол, бата беру, коныр козыдай, ботаканын козінде* и др.).

Наблюдения над художественным дискурсом русскоязычных писателей Казахстана показали, что речь их персонажей насыщена разнообразными народными пословицами и поговорками, особенно речь аксакалов, старейшин, уважаемых батыров, т. е. людей с богатым жизненным опытом. Как известно, в данных языковых единицах аккумулируется опыт предшествующих поколений. Уметь красиво, образно выразиться — считается одной из особенностей речи носителя казахского языка. И это выпукло представлено в художественном дискурсе русскоязычных писателей (в нашем случае, казахов по национальности), в котором умело и стилистически мотивированно используются пословицы и поговорки. В авторском повествовании и речи персонажей об этом свидетельствуют частотно используемые устойчивые конструкции типа *аксакалы/старейшины/мудрые/старики говорят, казахи говорят, в народе говорят, как говорится*, которые придают речи непринужденный характер, а также сигнализируют об особенностях национального характера, национального сознания, национального видения окружающего их мира языковой личностью писателя-билингва.

Особенно ярко специфика национальной языковой картины мира просматривается в персонажной речи, которая является знаковым отражением национального сознания, мировосприятия того или иного образа — казаха по национальности. Сравним:

— Скажу как старший: клятва с хлебом в руках — священной и страшней, чем клятва над Кораном. **Казахи говорят: «Можно наступить на Коран, но нельзя оставлять под ногами крошку хлеба или пролить на землю каплю молока»** [Алимжанов, Стрела Махамбета, 1979: 68];

— За слова поэта он хочет наказать всех бершцев. Ведь слова как стрелы. **Говорят же каза-**

хи: «Удар палки разорвет лишь кожу, острое слово пронзит не только сердце, но и кости» [Алимжанов, Стрела Махамбета, 1979: 79].

Следующий фрагмент представляет собой часть диалога между вождями Исатаем и Махамбетом, последнего, так же, как сарбазов, выводит из равновесия вынужденное ожидание боя. Так, в речи Исатая при помощи конструкции *казахи говорят* неслучайно, стилистически мотивированно вводится перевод казахской поговорки. Такой способ, на наш взгляд, эксплицирует национальное мировидение, национальную психологию русскоязычного писателя-казаха, тем самым создавая его особую, контаминированную языковую картину мира, являющуюся результатом наложения, соприкосновения, взаимовлияния двух культур — казахского и русского языков. Сравним:

— Не горячись, Махамбет,— ответил Исатай. — Прошла неделя. Осталось еще три дня. **Казахи говорят: кто томился, ожидая сорок дней, переживет и сорок первый...** [Алимжанов, Стрела Махамбета, 1979: 134].

О главном виде деятельности кочевого народа — скотоводстве и о том, что нет никакой гарантии безопасности ни со стороны другого человека, ни со стороны сил природы, в завуалированной форме говорится, например, во фрагменте речи главного героя романа С. Санбаева «Дорога только одна» — Адайбека:

Недаром говорил мой дед: **«Мое то, что я съел вчера; то, что гоню сегодня перед собой,— божье»** [Санбаев, Дорога только одна, 1974: 313].

Следует отметить, что также в авторской речи и несобственно прямой речи вводятся размышления-заклучения, выводы, продиктованные практической деятельностью народа. Например:

Опытные скотоводы — они понимали, что **с зарезанной овцы больше не сострижешь шерсти и не выдоишь сладкого овечьего молока** [Джандарбеков, Томирис, 1981: 9].

В собственно авторской речи, в авторских сентенциях вводятся очень яркие, глубоко философские мысли, которые можно использовать в качестве эпиграфов, цитат, слов-назиданий. Сравним:

Нет хуже казни для родителя, чем видеть дитя свое в несчастье [Жаксылыков, Белый архар, 1987: 83]; **Если боги карают человека, они отнимают у него разум; Но если уж не везет, то и на верблюде собака укусит** [Джандарбеков, Томирис, 1981: 38, 44];

Итак, совокупность рассматриваемых языковых единиц представляет особый культурно-исторический образ казахского народа, его мента-

литета в контаминированной языковой картине мира, реализованной в художественном дискурсе русскоязычными писателями. Исследования данных единиц показали, что у каждого народа они свои, маркированы национально специфичной информацией, которая естественно заложена и является обязательной составляющей его картины мира и языковой картины мира.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие.— М., 2001.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.— М., 1984.
3. Брутян Г. А. Языковая картина мира и её роль в познании // Методологические проблемы анализа языка.— Ереван, 1976.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.— М., 1993.

5. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике.— М., 1960.— С. 135–198.

6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации.— М., 1982.

7. Туманова А. Б. Особенности употребления этнолексики в художественном дискурсе писателя-билингва // X Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : сб. ст. Междунар. науч. конф. Т. 1 : Текст и контекст в языковедении.— Ч. I.— М. : МГПУ, 2007.— С. 182–186.

8. Туманова А. Б. Способы репрезентации художественного пространства в национальной языковой картине мира // Вестн. Казах. нац. ун-та.— Сер. филол.— 2007.— № 7 (106).— С. 157–162.

А. Г. Худякова (Челябинск, Россия)

КИНОТЕКСТ В КОНЦЕПТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ

The article consists of a short overview of existing definitions of the notion "film as text". Also the author makes an attempt to define criteria to be used in describing postmodernist film text.

Keywords: *intertextuality, cinema, cinematic, code, postmodernism, quote.*

Долгое время в лингвистике оставался дискуссионным вопрос о статусе текста. Текстом признавался лишь письменно зафиксированный результат речи, однако в настоящее время широко распространено мнение о том, что устную форму речи также необходимо считать соответствующей статусу текста. С введением в научный оборот понятия «дискурс» вопрос о статусе текста рассматривается под иным углом зрения. Текст/дискурс как в устной, так и в письменной форме, а также в форме любой другой знаковой системы (иконографическая, непосредственно вещественная, деятельностьная и т. д.) рассматривается в современной лингвистике как коммуникативная единица [Муха, 2011: 8]. Согласно такому широкому пониманию ландшафт, городская архитектура, музыкальное произведение или кинофильм рассматриваются как тексты наряду с традиционным пониманием текста в языкознании.

В начале XX в. — период утверждения кинематографа как нового вида искусства — кино рассматривалось как довольно примитивная форма рассказывания истории средствами изображения, однако довольно быстро кино переросло в отдельный вид искусства [Ворошилова, 2007: 106].

Первыми теоретиками кино являются люди, имеющие к нему непосредственное отношение — режиссёры и актёры [Годар, 2010; Лунгин, 2010; Мирзоев, 2009; Митта, 2002; Михалков-Кончаловский, 1977; Чаплин, 1990; Эйзенштейн, 1964; Юткевич, 1974]. Позже феномен кино привлек внимание исследователей, заинтересованных проблемами искусства и эстетики как особых семиотических систем [Барт, 2004; Вархотов, 2004; Делёз, 2004; Кулагина, 2003; Лотман, 2005; Метц, 1985; Ямпольский, 1993]. В настоящее время кино входит также и в сферу интересов исследователей-лингвистов [Горшкова, 2006, 2010; Ефремова, 2004; Зарецкая, 2010; Ильичёва, 1999; Малинкин, 2007; Мартынова, 1990; Матасов, 2009; Назмутдинова, 2008; Слышкин, 2004; Kinberg, 2010; Keane, 2003; Муха, 2011: 6].

Самые ранние попытки концептуализации кинофильма как знаковой системы, как текста были предприняты Ю. Тыняновым в работе «Об основах кино» (1927), где он предложил описание «лексики» (значимых единиц фильма как фигур киноязыка — киноэпитета, кинометонимии, киносинекдохи и др.) и «грамматики» (наплывов, ракурсов, диафрагм, «повтор-

ных перебивок» и др.) киноязыка [Ворошилова, 2007: 107].

Данная структурно-семиотическая концепция иероглифического кинописьма в конце 1950-х годов приобретает лингвоцентричную, семиотическую трактовку. В рамках данного направления была предпринята попытка систематического описания кинофильма как знаковой системы, построенной по модели естественного языка. Ю. М. Лотман как несомненный лидер данного научного направления в России выделял такие компоненты кинотекста, как кадр и кинофраза. Кадр, по Ю. М. Лотману, одно из основных понятий киноязыка, которому можно дать различные определения: «минимальная единица монтажа», «основная единица композиции киноповествования», «единство внутрикадровых элементов», «единица кинозначения». Кинофильм распадается на кадры, которые соединяются посредством монтажа. Монтаж кадров функционально идентичен соединению морфем в слова и соединению слов в предложения [Лотман, 1998: 343–344].

Современные исследователи проблемы (Е. Б. Иванова, Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова) определяют кинотекст как разновидность креолизованного текста — это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Слышкин, Ефремова, 2004: 32].

Большинство ученых в вопросе о восприятии креолизованного текста придерживается тезиса Л. В. Головиной о *двойном декодировании* информации: наложение концепта вербального текста на концепт изображения приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста.

Язык киноповествования, хотя и возник чуть более 100 лет назад, уже успел пережить сложную эволюцию. И если начальная фаза развития кино совпала с эпохой модернизма, завершившейся в 50-е гг. XX в. повсеместным распространением телевидения, то вторая фаза ознаменовалась распространением общедоступного телевидения и появлением нового направления в культуре — постмодернизма. Н. Б. Маньковская отмечает, что слово это появляется в пери-

од Первой мировой войны в работе Р. Панвица «Кризис европейской культуры» (1914). Однако популярность термин «постмодернизм» обрел благодаря Ч. Дженксу [Маньковская, 2000: 133]. В книге «Язык архитектуры постмодернизма» (1977) Дженкинс критикует по нескольку пунктам самые главные постулаты модернизма и рассматривает архитектуру как язык, выявляя такие ее характеристики, как метафора, слова, синтаксис, семантика.

Постмодернизм часто характеризуют через сравнение с модернизмом. Американский литературный критик, один из родоначальников теории постмодернизма, Ихаб Хассан, в своем эссе «Расчленение Орфея» (1971) предлагает следующую сравнительную таблицу (представлена в сокращенном виде).

Таким образом, постмодернизмом принято называть одно из основных направлений современной культуры, которое характеризуется принципом свободного компилятивного использования и переоценкой различных сложившихся форм искусства. Объектом постмодернизма является текст, который не отображает, а создает некую новую реальность [Громов, 2000: 119].

Расцвет постмодернизма в кино приходится на 80-е гг. XX в. Согласно Н. А. Агафоновой, в постмодернистской стадии в искусстве в целом и в языке кино в частности происходит перекодировка основных художественных векторов:

- от повествовательности к травестированию;
- от композиции к ризому;
- от персонажа к интерперсонажу;
- от автора к гиперавтору;
- от произведения (текста) к интертексту;
- от тиражности к серийности;
- от конфронтации (китч и авангард, высокая и массовая культура) к симбиозу;
- от анализа к интерпретации [Агафонова, 2008: 303].

Травестирование в понимании Н. А. Агафоновой — это диссоциация (разъединение) как классических, так и масскультовских образов и объединение их элементов в новые конфигурации [Агафонова, 2008: 305]. Постмодернистский пастиш, как один из способов травестирования, сознательно направлен на сопоставление различных стилей, жанровых форм, художественных течений, а с другой стороны, представляет собой пародию, несодержащую в себе сатирическо-негативную тональность.

Наиболее подходящее определение пастиша предложил Ф. Джеймисон, по его определению пастиш — «это нейтральная практика подража-

Modernism	Postmodernism
Purpose	Play
Hierarchy	Anarchy
	Art Object/Finished Work
	Process/Performance/Happening
	Creation/Totalization
	Decreation/Deconstruction
Genre/Boundary	Text/Intertext
Semantics	Rhetoric
Metaphor	Metonymy
Root/Depth	Rhizome/Surface
Interpretation/Reading	Misinterpretation/Misreading
Narrative/Grande Historia	Anti-narrative/ Petit
	Historia
God the Father	The Holy Gost
Metaphysics	Irony
Transcedence	Immanence

Источник: [www.wikipedia.org]

ния, без каких-либо скрытых пародийных намерений, с ампутированным сатирическим началом, лишенная смеха и уверенности в том, что наряду с аномальным языком... все еще существует здоровая норма» [Агафонова, 2008: 305–306].

Самым распространенным способом реализации травестирования, по мнению Н. А. Агафоновой, является цитация. Цитатность в постмодернистском кинотексте возникает в результате того, что мир рассматривается через призму культуры в целом («мир как текст»), и основной акцент в произведении переносится с его собственной эстетики и содержания на разнообразные иные тексты, культурные коды. Причем заимствуются не столько текстовые фрагменты, как сюжетные линии, фрагменты киноповествования, элементы композиции, общие и задние планы, стилистические приемы, ассоциативные отсылки, даже образы и актеры.

Согласно классификации У. Эко цитация получила широкий спектр модификаций:

- эксплицитная (точная);
- стилистическая (особенность почерка);
- ироническое цитирование «общего места» (хрестоматийных элементов — высказываний персонажей, превратившихся в идиомы);
- возвратная (маленький эпизод, разворачивается в самостоятельный сюжет);

— автоцитация (автор «ссылается» на свои предыдущие тексты);

— невольная цитация (неосознанное заимствование образных черт как результат воздействия художественных влияний);

— плагиат (осознанное «присвоение» чужих «образных единиц») [Агафонова, 2008: 303].

Большое значение в постмодернистском кино имеет интертекстуальность, т. е. отношения между текстами, неизбежная включенность любого из них в контекст мировой культуры. Поскольку кинотекст является сложным лингвосомиотическим образованием, содержащим как лингвистические, так и нелингвистические знаки, то и интертекстуальные связи фильма могут быть выражены как вербальными, так и невербальными средствами. Возможно наличие вербальных ссылок на невербальные источники и наоборот. Знание того или иного культурологического контекста позволяет зрителю вести диалог с автором, выстраивать или не выстраивать (в силу знания / незнания) ассоциативный ряд, т. е. намечать собственные линии движения по тексту.

Стремление к ризоматичности в постмодернистском кинотексте объясняется установкой постмодерна на разрушение традиционных представлений о структуре как семантически центри-

рованной и стабильно определенной. Такие центрированные структуры Ж. Делез и Ф. Гваттари сравнивали с «корнем» или «стержнем», в отличие от них ризоматичная структура интерпретируется в виде «клубня» или «луковицы» — «как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе «скрытый стебель». Принципиальная разница заключается в том, что этот стебель может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, ибо ризома абсолютно нелинейна: «мир потерял свой стержень» [Постмодернизм, 2001: 656]. Таким образом, в проекте постмодернизма «речь идет о модели, которая продолжает формироваться и углубляться в процессе, который развивается, совершенствуется, возобновляется, являя каждый раз новые версии своего бытия» [Постмодернизм, 2001: 658].

Концепция интертекстуальности тесно связана с проблемой «смерти субъекта», которую возвестил еще М. Фуко, а затем Р. Барт переосмыслил ее как «смерть автора», заявляя дальше как о «смерти индивидуального текста», растворенного в явных или неявных цитатах, а, в конечном счете, и «смерти читателя». В рамках тенденции деперсонализации текста оформляется и более радикальная версия «смерти субъекта», а именно — идея «смерти героя», т. е. центрального персонажа, фокусировавшего на себе семантическое пространство текста. На смену герою, приходит персонаж, являющийся олицетворением идеи, но не имеющий индивидуальных черт. Это новое качество описывается термином «интерперсонаж» [Агафонова, 2008: 305].

Для постмодернистской философии характерно достаточно радикальное переосмысление функции и роли автора как создателя произведения. Еще в 20–30-е гг. прошлого столетия М. Бахтин обратил внимание на невозможность для автора занимать исключительную, внеположенную, завершающую позицию. А уже Р. Барт провозгласил тезис о «смерти автора», что позволило восстановить читателя в его истинных правах. Р. Барт «изгоняет» автора письмом («Голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть»), а М. Фуко предлагает самому автору взять на себя роль «мертвеца». «Образцовый автор» у У. Эко — автор, незаметный для читателя [Усовская, 2006: 136]. Все эти свойства превратили образ автора в гиперавтора. Итак, автор-постмодернист — не единственный творец текста, вместе с ним, и, возможно, в большей степени, создает текст зритель-пользователь.

Стилистическим приемом постмодернистского искусства является серийность или повторя-

емость. В связи с этим в эпоху постмодернизма такое широкое распространение получили различные способы реализации серийности (сиквел, приквел, триквел, мидквел, римейк, сериал).

Стремление к переходу от конфронтации между различными формами и порождениями культуры и искусства к симбиозу является следствием отказ от традиционной категории истины и приводит к устранению любых культурных иерархий и оппозиций (противопоставления высокой/низкой культуры и др.) и смешению в одном произведении разных жанров, элементов различных культур и т. д. [www.krugosvet.ru]. Джим Джармуш, один из ярких режиссеров в американском кинематографе, работы которого принято называть постмодернистскими, пишет: «Во мне вызывает сопротивление любая культурная иерархия. Для меня одинаково ценны Бетховин и пост-панк, Шекспир и Микки Спиллэйн. Если уж хорошо, так хорошо, будь то комикс или великий роман» [Громов, 2000: 104].

В добавок к перечисленным Н. А. Агафоновой векторам общей художественной трансформации в постмодернистской фазе, на наш взгляд, стоит назвать переход от целостности к фрагментированности кинематографического повествования. Такой параметр воплощается в постмодернистских картинах с помощью рваного калейдоскопического монтажа. Так, например, картина Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» (1994) состоит из нескольких довольно слабо связанных между собой сюжетов, которые излагаются не только попеременно, но и в произвольной временной последовательности — середина каждого из сюжетов может предшествовать его началу, и персонаж, убитый в одном из фрагментов фильма, может через некоторое время появиться в другом [www.krugosvet.ru].

Итак, характер постмодернизма — это отражение современности, стремление осмыслить и воплотить ее в своем неповторимом языке, в том числе в языке кино. Опираясь на перечисленные свойства и тенденции, мы можем очертить критерии, позволяющие распознать конкретный кинотекст как постмодернистский.

Список литературы

1. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. — Минск : Тесей, 2008. — 392 с.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Полит. лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 106–110.
3. Громов В. С. В поисках постмодернизма : сборник. — М. : ВГИК, 2000. — 344 с.

4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве.— СПб. : Искусство-СПб, 1998.— С. 14–285.
5. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма.— СПб. : Алтейя, 2000.— 347 с.
6. Муха И. П. Категория информативности кинодиалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 — Теория языка.— Иркутск, 2011.— 22 с.
7. Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко ; отв. ред. А. И. Мерцалова.— М. : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001.— 1040 с.
8. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа.— М. : Водолей Publishers, 2004.— 153 с.
9. Усовская Э. А. Постмодернизм : учеб. пособие.— Минск : ТетраСистемс, 2006.— 256 с.
10. Кругосвет : энциклопедия : Киноистория. Восьмидесятые в целом [Электронный ресурс].— URL: <http://www.krugosvet.ru/node/35175?page=0,40/2012,свободный>.
11. Ihab Hassan [Электронный ресурс] / Wikipedia.— URL: <http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Special%3ASearch&search=Ihab+Hassan/2012,свободный>.

А. А. Цветкова (Калининград, Россия)

КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

This article deals with cognitive characteristics of religious discourse. It considers system of values and concepts of religious discourse as well as the relations between religious knowledge and religious concept.

Keywords: *religious discourse, a religious concept, religious knowledge.*

Религиозный дискурс на сегодняшний день описан довольно подробно: так, был исследован религиозный дискурс, характерный для основных мировых вероучений [Карасик, 2004], очень подробно исследован религиозный дискурс христианства [Салахова, 2006; Бобырева, 2007; Олянич, 2007; Баймуратова, 2009; Аникушина, 2010; Кислянская, 2010], также исследованы отдельные варианты и сегменты христианского религиозного дискурса — теологический дискурс [Романченко 2008], проповеднический дискурс [Кузьмина 2006] и базовый ветхозаветный дискурс [Пиевская 2008].

Цель данной статьи — на основе проведенных исследований дать краткую когнитивную характеристику христианскому религиозному дискурсу.

Когнитивными характеристиками дискурса называют ценностные установки и концепты, характерные для данного типа дискурса [Эмер, 2011: 51]. К ценностям религиозного дискурса исследователи относят суперморальные ценности, выражающиеся в отношении к Богу, моральные, проявляющиеся в отношении к другим людям, утилитарные — выражающие отношение индивида к себе [Карасик, 2004: 266–276], а также ценности истины, добра, мудрости, любви [Бобырева, 2007]. Е. В. Бобырева справедливо отмечает, что система ценностей религиозного дискурса может быть представлена в качестве оппозиций: добро — зло, жизнь — смерть, истина — ложь, земное — божественное. В своем

исследовании автор рассматривает религиозный дискурс как механизм формирования ценностей, с одной стороны, и как механизм их функционирования — с другой, что, по нашему мнению, полностью соответствует целям религиозного дискурса, а именно: получению поддержки от Бога, очищению души, призыванию к вере и покаянию, утверждению верующих в вере и добродетели, разъяснению вероучения и осознанию через ритуал своей принадлежности к конфессии, приобщению к вере в рамках определенной конфессии, а также сообщению догматов учения [Карасик, 2004: 266–276; Бобырева, 2007].

Система ценностей религиозного дискурса неизбежно находит отражение в концептах, специфичных для этого типа дискурса. Исследователи рассматривают религиозный концепт как принадлежность религиозного сознания, как единицу религиозной картины мира, являющейся продуктом интериоризации религиозных текстов и общения с верующими индивидами, обладающую сакральным содержанием и отражающую ценностные характеристики знаний о соответствующем фрагменте мира [Маркина: <http://www.iwep.ru:88/journal/16/pages%20069-072.pdf>; Андреева, 2007; Григорьева, 2009]. Кроме того, отмечается, что религиозные концепты отражают особенности религиозного восприятия индивидом окружающего мира, и каждый верующий человек, сознание которого формируется в контексте религиозного учения, имеет определенный набор концептов, ха-

ракторных для его религии, наполнение которых при этом будет существенно различаться в силу глубины веры и понимания сакральных истин [Бобкова, 2009: 24].

Концепт, являясь сгустком знания, не может не нести в себе специфику репрезентируемого им знания. Религиозное знание, функционирующее в религиозном дискурсе и репрезентирующееся в религиозных концептах, причисляется к системе некреативных ненаучных знаний, представляя собой знание, которое сообщено человеку через слово Божие, и не дающее прироста нового знания, лишь его дополнение [Шарандин, 2008: 83–84]. Религиозное знание отличает от всех других типов знания его непогрешимый и окончательный характер утверждений о сущем, то есть его догматический характер [Маркова, 2000: 246; Шахов: <http://episteme.iph.ras.ru/shahov2.doc>], основанный на вере в сверхъестественное [Лекторский, 1999: 214]. Перечисленные особенности религиозного знания определяют специфику религиозных концептов, уже отмеченную исследователями, а именно: присутствие в них сакрального компонента и наличия ценностной составляющей [Маркина: <http://www.iwep.ru:88/journal/16/pages%20069-072.pdf>]. Этой спецификой несомненно обладают все концепты религиозного дискурса — так, в ключевом концепте религиозного дискурса, концепте «вера» [Карасик, 2004; Олянич, 2007; Романченко, 2008; Бобырева, 2007, репрезентируется отличительная категория религиозного знания — безусловная вера в существование Бога и в подлинность Его деяний. Определенно, как сакральный компонент, так и ценностная составляющая присутствуют и в других религиозных концептах, причисляемых исследователями к концептосфере религиозного дискурса: «Бог» [Бобырева 2007; Баймуратова, 2009; Романченко, 2008], «человек» [Баймуратова, 2009], «дух», «душа» [Романченко, 2008], «любовь», «сердце» [Кислянская, 2010], «небо», «ад», «рай», «грех», «ангел» [Григорьева, 2009] «спасение» [Бобкова, 2009: 20] и др.

Религиозные концепты возможно классифицировать. Е. В. Бобырева предлагает классифицировать все концепты религиозного дискурса по степени их принадлежности религиозной сфере на первичные религиозные концепты — первоначально принадлежавшие области религии, а затем перешедшие в нерелигиозную сферу («Бог», «ад», «рай», «грех», «дух», «душа», «храм»), и вторичные — охватывающие как сферу религиозную, так и светскую, мирскую, с явным превалированием в светской сфере («страх», «закон», «нака-

зание», «любовь» и др.) [Бобырева, 2007], иными словами, по объему сакрального компонента, заключенного в концепте. Очевидно, что в концептах «Бог», «ад», «рай», «дух» заключено священное знание большего объема, чем в концептах «страх», «закон», «любовь». У. С. Баймуратова предлагает выделить макро- и микроконцепты религиозного дискурса, где под макроконцептом автор понимает концепт предельно широкого значения, способный включать другие концепты в свое ассоциативное поле, например, концепты «Бог» и «человек», и где микроконцепт религиозного дискурса представляет собой концепт более узкого значения, который способен полностью или частично становиться составляющей концепта большего объема значения («вера», «душа», «церковь» и т. д.). Здесь, на наш взгляд, также очевидна опора на объем священного знания, заключенного в концепте, — макроконцепты содержат в себе больший сакральный потенциал, микроконцепты — меньший.

Итак, религиозный дискурс может быть рассмотрен как механизм формирования ценностей и одновременно как среда функционирования этих ценностей. Концепты религиозного дискурса, являясь единицами религиозной картины мира, отражают специфику религиозного знания и отличаются от других концептов обязательным наличием сакрального компонента и ценностной составляющей. Классификация концептов религиозного дискурса ориентируется на объем сакрального, священного знания, заключенного в том или ином религиозном концепте.

Список литературы

1. Андреева Т. Л. Выражение религиозной составляющей национального самосознания (сравнительно-сопоставительный анализ лексической семантики на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук.— Томск, 2007.
2. Аникушина М. В. Когнитивно-дискурсивные особенности современной англоязычной христианской проповеди : дис. ... канд. филол. наук.— Белгород, 2010.
3. Баймуратова У. С. Элементы религиозного дискурса в художественной картине мира: лексический аспект: на материале произведений И. Шмелева и В. Бехревского : дис. ... канд. филол. наук.— Самара, 2009.
4. Бобкова Д. Н. Текст как отражение языковой личности (на примере репрезентации компонентов религиозного сознания в тексте) // Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации / под ред.

Т. В. Чернышовой.— Барнаул : Изд-во Алтайс. ун-та, 2009.— С. 20–25.

5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : дис. ... д-ра филол. наук.— Волгоград, 2007.

6. Григорьева Л. Л. Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека (на материале русского, английского и арабского языков) : дис. ... канд. филол. наук.— Казань, 2009.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс.— М. : Гнозис, 2004.— 390 с.

8. Кислянская Е. А. Структурно-семантические особенности универсальных концептов в англоязычном религиозном дискурсе (на материале текста Библии) : дис. ... канд. филол. наук.— Белгород, 2010.

9. Кузьмина К. А. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра : дис. ... канд. филол. наук.— СПб., 2006.

10. Лекторский В. А. О некоторых вариантах соединения религиозного и научного знания // Разум и экзистенция: анализ научных и внеаучных форм мышления.— СПб. : РГХИ, 1999.— С. 205–216.

11. Маркина Л. А. Наука и религия: проблемы и границы.— СПб. : Алтейя, 2000.— 256 с.

12. Маркина Ю. А. Религиозная картина мира: психолингвистический аспект [Электронный ресурс].— URL: <http://www.iwep.ru:88/journal/16/pages%20069-072.pdf>. 2009, свободный.

13. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса.— М. : Гнозис, 2007.— 407 с.

14. Пиевская И. М. Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги Псалмов») : дис. ... канд. филол. наук.— Воронеж, 2008.

15. Романченко Ю. В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса : дис. ... канд. филол. наук.— М., 2008.

16. Шарандин А. Л. Оппозитивные отношения в системе знаний // Когнитивные исследования языка / под ред. Н. Н. Болдырева.— М. ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им Г. Р. Державина, 2008.— С. 75–90.

17. Шахов М. О. Религиозное и научное знание [Электронный ресурс].— URL: <http://episteme.iph.ras.ru/shahov2.doc>. 2005, свободный.

18. Эмер Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вopr. когнитив. лингвистики.— 2011.— № 2.— С. 50–61.

Л. А. Шкатова (Челябинск, Россия)

ДИСКУРС ВУЗА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

It is the first time when the higher education discourse characteristic from the standpoint of addressee is offered in this article. Organizational texts which are typical for vertical communication are mainly addressed to staff and have regulative directivity. Corporate texts are characteristic for horizontal communication and they are directed primarily to students. The corporate texts classification within the higher education discourse is given: teaching and methodical, scientific and training, training and research, educational and partnership texts.

Keywords: high school discourse, organizational texts, corporate: educational methods, research and training, educational research, educational, partnership texts.

Дискурс в современном понимании — это сложное коммуникативное явление, включающее, помимо совокупности взаимосвязанных текстов, ситуационные, психологические, социокультурные факторы, связанные с созданием и пониманием высказывания. Сотрудники вуза, вступая в деловую коммуникацию, имеют определенные цели, и вузовский дискурс — это целенаправленное действие, предпринятое для их достижения. Главная цель образовательного учреждения — социализация личности, что задает правила общения и адекватные формы выражения.

Мы избираем прагматический подход к дискурсу вуза, который предполагает учет того зна-

чимого компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как оружие профессионального общения и делающим свой выбор для достижения поставленных социальных задач при ориентации в социокультурных обстоятельствах, характеристиках адресата и предполагаемых результатах.

Укажем следующие признаки вузовского дискурса: 1) специфическая цель общения, заключающаяся в социализации новых членов общества и в оказании образовательных услуг; 2) обстоятельства общения, происходящего в рамках высшего учебного заведения, и вытекающие отсюда официальность стиля, заданность тематики, на-

личие институциональных символов; 3) характеристики участников общения, выступающих в статусно-ролевой функции; 4) тексты, содержащие знаки принадлежности к социальному институту (бланки документов, благодарности, поздравления, приглашения и т. п.); 5) сложившиеся жанры в рамках определенного типа дискурса (журнал, экзаменационная ведомость, зачетная книжка, квалификационная работа, диплом и т. д.).

На наш взгляд, внутри вузовского дискурса следует различать два основных типа текстов: организационные и корпоративные. **Организационные тексты** формируются на основе документов федерального значения и создаваемых непосредственно в вузе. Совокупность данных текстов способствует взаимодействию вузовских структур, оптимизации коммуникаций, реализации управленческих функций руководящего состава вуза, упорядочению его работы, что проявляется в документационном обеспечении образовательного учреждения.

Документы, функционирующие в организациях в настоящее время, определяет «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения», утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации от 25 августа 2010 г. № 558. Перечень включает документы, образующиеся при документировании однотипных управленческих функций, выполняемых различными организациями в процессе своей деятельности.

Перечень вузовских документов определяется его руководством. Обратимся к Инструкции по делопроизводству одного из вузов Челябинска. Она предусматривает 32 дела в Номенклатуре дел деканата, 26 дел — кафедры. Это касается копий приказов и инструктивных писем Минобрнауки, устава университета, правил внутреннего распорядка, коллективного договора, свидетельства об аккредитации вуза, лицензии на право осуществления образовательной деятельности, копий должностных инструкций сотрудников кафедры, решений совета факультета, указаний и распоряжений декана, документов по повышению квалификации преподавателей, рецензий и отзывов на авторефераты, диссертации. Адресатом этих многочисленных текстов являются преподаватели и сотрудники вуза.

Корпоративные тексты вуза предназначены прежде всего обучаемым, они строятся на осно-

ве комплекса принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления образовательным процессом в конкретной специальной области.

Наиболее значимыми корпоративными текстами в вузовском дискурсе являются материалы учебно-методического комплекса (УМК), которые должны способствовать эффективному освоению студентами учебного материала, входящего в учебную программу дисциплины. Они включают: нормативную и учебно-методическую документацию; систему средств обучения; систему средств контроля. Эти материалы содержат рабочую программу дисциплины, принятую Ученым советом факультета и утвержденную проректором по учебной работе, учебно-методические материалы, методические указания и рекомендации. Указания должны быть предназначены студентам, а рекомендации — преподавателям. Эта двоякая адресация делает сомнительной практическую ценность комплекса: если он для студентов, то они должны иметь возможность не только знакомиться с УМК, но и руководствоваться им при освоении дисциплины. Если он для преподавателей, то его отличительная черта — креативность, авторский характер, необходимость пересмотра содержания в зависимости от требований времени и работодателя. Отметим, что сами формы заполнения УМК становятся все изощреннее и справедливо вызывают недовольство адресантов, а до адресатов они, как правило, не доходят. Скорее всего, в данном случае идет совмещение элементов организационного и корпоративного текста, что делает базовую ориентацию на проверяющего, то есть адресатом реально выступает администратор, проверяющий работу кафедры. Такая ситуация приводит к тому, что корпоративные тексты приобретают свойства организационных, становятся все более жесткими и формальными. Выходом из этой ситуации могут быть интегративные тексты базовых УМК, утвержденные учебно-методическими объединениями по специальностям, что обеспечило бы единство содержания основных дисциплин и возможность контроля за усвоением материала не только со стороны преподавателя, ведущего данный курс, но и другого специалиста.

Авторские материалы должны быть представлены конспектами лекций — для спецкурсов (спецсеминаров), по которым нет или недостаточно опубликованной учебной литературы; компьютерные гипертекстовые документы и обучающие (контролирующие) компьютерные про-

граммы, обеспечивающие возможность реализации дистанционных форм обучения; комплекты слайдов и компьютерных презентаций и т. п.; дополнительные учебно-методические и информационные материалы по решению кафедр и усмотрению преподавателей, реализующих изучение соответствующих дисциплин (программы государственного экзамена по дисциплине и экзаменационные билеты, электронные адреса соответствующих баз данных, библиотек, учебных учреждений, производственных и научно-исследовательских организаций). Значительный объем УМУ должен предполагать публикацию его текстов в бумажном или электронном виде, чтобы делать их доступными для обучаемых.

Весьма значимыми для дискурса вузов являются **научные тексты**, которые входят в состав корпоративных и имеют две разновидности. **Учебно-научные тексты**, на наш взгляд, должны занять одно из важнейших мест в дискурсивной практике вузов. Прежде всего, это планы и отчеты о деятельности учебно-научных лабораторий, научных студенческих кружков, центров и объединений при кафедрах и институтах, материалы научных студенческих конференций, олимпиад и конкурсов. Во-вторых, сюда же относятся выполненные обучающимися научные проекты, курсовые и квалификационные работы, планы-проекты диссертационных исследований, научные доклады аспирантов и докторантов. Эти тексты должны свидетельствовать об уровне подготовки студентов, магистров, аспирантов и докторантов к успешной научно-исследовательской деятельности.

Научно-исследовательские тексты определяются положениями и инструкциями о работе диссертационных советов, присуждении ученых степеней и званий. К ним относятся также публикации в научных журналах, отчеты по грантам,

материалы опросов и проведенных сотрудниками экспериментов, реферативные обзоры и переводы новейших исследований, списки опубликованных работ сотрудников вуза и индексы их цитирования в отечественных и зарубежных изданиях.

За последние годы только начинает возрождаться **воспитательный вузовский дискурс**, связанный с формированием нравственной элиты российского общества, не только получившей высшее образование, но и следующей высоким принципам интеллигентности. Он должен включать имиджевые тексты, привлекающие внимание абитуриентов и их родителей к данному вузу, корпоративные материалы, содержащие пропаганду философии организации (миссия, слоган, кодекс чести, принципы деятельности, партнерство, специфика по отношению к другим вузам и под.), сценарии конкурсов, диспутов, смотров, презентаций и других значимых мероприятий, формирующих духовно-нравственный потенциал учебного заведения.

Пока в дискурсивных кодах вузов весьма слабо представлены тексты, отражающие связь с выпускниками и мнение работодателей об уровне их подготовки, договоры, согласования вводимых дисциплин, благодарности и рекламации,— условно говоря, **партнерский дискурс**.

Насущной необходимостью управления образовательными учреждениями в настоящее время является упорядочение и регламентация бумажного потока, подмявшего под себя реальный учебно-воспитательный процесс. Для этого следует разграничить принципы, методы, организационные формы и технологические приемы управления образовательным процессом с целью повышения его эффективности в двух различных совокупностях текстов: организационном и корпоративном дискурсах вуза.

О. В. Эпштейн (Оренбург, Россия)

ИМПЛИКАЦИЯ УГРОЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Menacing-speech-act (MSA) is an indirect speech act with the implicit communicative meaning of threat. The surface structure of such menacing-speech-acts contains either only few components of the communicative structure or at least some components of the structure require the mechanism of inference. The menacing-speech-acts with the implicit pragmatic meaning of threat are divided into the MSA with weak and strong implication of threat.

Keywords: *menacing-speech-act, the implication threats, inference, political discourse.*

В процессе коммуникации не вся информация подлежит эксплицированию через языковую данность. Обращаться к понятию импликации угрозы в менасивных речевых актах (МРА) нас заставляет наличие высказываний, в поверхностной структуре которых представлены либо не все компоненты коммуникативной структуры МРА, либо эти компоненты выражены таким способом, что их восстановление требует привлечения механизма инференции (логического вывода).

Инференция — это получение выводных данных на основе информации, известной из предшествующего дискурса, из уже накопленного опыта общения, а также из социокультурных знаний. Инференция имеет широкий диапазон действий, что часто влечет за собой невозможность разрешить лексическую и структурную неоднозначность без вывода умозаключений [Чарняк, 1983: 173].

Выводные знания доступны, если мы владеем правилами вывода и соблюдаем исходные постулаты коммуникации [Шехтман, 2005: 85]. Рассмотрим схему пошагового исчисления иллюкативной цели в косвенном речевом акте угрозы на следующем примере:

When we find you, you're not going to like me as president [Woodward, 2003: 15].

В ситуации, когда идет пресс-конференция по результатам совещания кабинета министров США, на которой обсуждаются последствия атаки на здание Пентагона в сентябре 2001 г. и меры, принятые по наказанию виновных (контекст), подобное высказывание информирующего типа (первичная иллюкуция) указывает адресату на то, что он должен воспринять данную информацию с иной целью (нарушается условие успешности для утверждения — *when we find you*). Условия сотрудничества заставляют адресата искать иной смысл высказывания. Адресат (в данном случае коллективный, т. к. имеется в виду группа людей) знает (знание о мире, т. е. фоновые знания), что он отвечает за случившееся (нарушение зако-

на) и что полномочия президента достаточно велики (реальная власть и не только возможность, но и право объявить войну). Он также знает, что его действия получили не только неодобрение, но и стремление наказать и воздать по заслугам со стороны говорящего (президента). Адресат, таким образом, приходит к выводу, что высказывание говорящего есть выражение обещания причинить зло адресату в качестве наказания с косвенным указанием на ответственность за случившееся, т. е. угроза.

В случае с МРА с импликацией угрозы их лексическая составляющая имеет для интерпретации смысла высказывания особое значение. В качестве лексического компонента такого типа МРА могут выступать глаголы, определенные в группе непереходных глаголов, называющих результат действия угрозы (*die, disappear, pay the price, go to pieces, learn the meaning of, etc.*), а также глаголы нейтральной семантики (*be, do, have, know, meet, deal, etc.*), которые в изоляции от контекста не указывают на отнесенность высказывания к числу менасивных.

При использовании глаголов первой группы адресант открыто не говорит, что именно он выполнит некие действия, которые приведут адресата к такому нежелательному для него результату. Использование глаголов результата действия угрозы снимает и экспликацию совершения негативного действия над адресатом, переводя это действие в разряд иницирующих и протекающих самостоятельно. Таким образом, происходит одновременная импликация агенса, т. е. адресанта угрозы, и экспликация адресата угрозы. Перенос фокуса с адресанта и его действия на другой аспект сцены, с одной стороны, можно объяснить желанием подчеркнуть результат действия, т. е. негативные последствия для слушающего. С другой стороны, выдвигание адресата в перспективу автоматически смещает фокус с действующего лица, переводя его на задний план. Перевод адресанта в импликацию дает возможность говорящему избежать прямой квалифика-

ции его действия и приводит к тому, что предосудительное действие не связывается непосредственно с говорящим.

В случае слабой импликации угрозы дескриптивным способом лексический компонент представлен глаголом нейтральной семантики. Слово «нейтральный» понимается как нейтральный по отношению к семантической связи непосредственно с актом угрозы. Данные глаголы, взятые в изоляции, не указывают на отнесенность высказывания к числу менасивных. Распознать угрозу в речевом акте с такими глаголами в качестве смыслового звена лексико-грамматического компонента помогает контекст. Являясь имплицитной, угроза как бы распределяет свою менасивную нагрузку сразу на несколько лексических единиц, зафиксированных в определенную грамматическую форму. В данном случае имеется в виду, прежде всего, семантико-лингвистическое функционирование контекста.

Понятие контекста необходимо рассматривать в двух его формах функционирования: *лингвистический контекст*, в котором в свою очередь выделяются микроконтекст и макроконтекст, и *экстралингвистический контекст* (фоновые знания и социальный опыт коммуникантов).

Микроконтекст в контекстологической концепции Н. Н. Амосовой — это непосредственное семантическое и синтаксическое окружение зависимого элемента [ВАК, 1974: 32]. К такому же мнению присоединяется и Г. В. Колшанский, который представляет микроконтекст как «непосредственное словесное окружение уточняемого элемента текста» [Колшанский, 1958: 45–48]. Тем не менее необходимо отметить, что созданию указательного минимума семантически реализуемого слова будут способствовать два фактора: смысловые повторы и семантическая совместимость. Первый фактор подразумевает поиск на синтагматической оси слова или словосочетания, повторяющего значение семантически реализуемого слова, в результате чего будет создана семантическая законченность и однозначность сочетающихся слов. Второй фактор обеспечивает поиск слова или словосочетания, семантически совместимого с анализируемым и тем самым подсказывающего его значение [Шехтман, 1988: 28].

Понятие макроконтекста представляется менее четким. Нередко под макроконтекстом понимается контекст всего произведения, и в таком случае С. Ульман предлагает заменить термин «макроконтекст» на «оптимальный контекст» [ВАК,

1974: 44]. Элементы макроконтекста распределены по всему тексту сообщения или по более или менее законченной его части.

Необходимо отметить, что степень косвенности речевого акта может варьироваться от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение высказывания может быть определено только с подключением окружающего контекста или фоновых знаний [Davison, 1975]. Именно на этом основании предлагается выделить МРА со слабой импликацией угрозы и МРА с сильной импликацией угрозы.

Подобное разделение зависит от степени выраженности компонентов семантико-синтаксической модели и от степени привлечения экстралингвистических факторов для реконструкции прагматической структуры ситуации угрозы. В каждом из данных двух типов МРА с импликацией угрозы выделяются разные степени косвенности.

К МРА со слабой импликацией угрозы первой степени относятся те, которые характеризуются:

- переаранжировкой актантной структуры (имплицитное представление агенса, экспликация совершения негативного действия над адресатом, смещение фокуса с адресанта и, как следствие, избегание прямого конфликта);
- косвенным эвфемистическим и метафорическим описанием действия или его результата;
- выводением менасивного компонента из языкового микроконтекста (не превышает границ одного предложения).

Например:

We're steady, clear-eyed and patient, but pretty soon *we'll have to start displaying scalps* [<http://www.hpol.org/>] (метафорическое описание действия).

МРА со слабой импликацией угрозы второй степени предполагают выведение менасивного компонента из языкового макроконтекста при обязательном прохождении микроконтекста, в то время как МРА с сильной импликацией угрозы должны быть выделены в группу речевых актов с самой высокой степенью косвенности, интерпретация которых в качестве угрозы требует обращения к макроконтексту при отсутствии микроконтекста (1-я степень) или к фоновым знаниям адресата (2-я степень).

Например:

Let's show these ethnics the door **in 2004** [<http://www.independent.co.uk/news/uk/>] (восприятию высказывания в качестве угрозы помогают лишь фоновые знания о событиях 2004 г., про-

исходивших с мусульманами, проживающими в Англии, а именно создание правительственно-го проекта «Contest» — «Борьба», поддерживающего политику «двойных стандартов»).

Имплицитная угроза также не всегда имеет четкое разграничение по выделенным степеням косвенности. Нередко наблюдается смешение двух степеней имплицитности, т. е. подразумеваемая угроза может быть выведена адресатом как из макроконтекста, так и из экстралингвистической ситуации.

Yesterday on June 4, 1944, *Rome fell to American and Allied troops*. The first of the Axis capitals *is* now *in our hands*. One up and **two to go!** [<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid>].

Глагол *to go* в конце эмфатической конструкции представляет собой угрозу первой степени — выходя на макроконтэкст, адресат понимает, какие последствия в результате действий со стороны адресанта его ждут. Вторая же часть угрозы, выраженная числительным *two*, предполагает наличие знаний экстралингвистической ситуации, только в этом случае мы можем понять, кому адресовано данное менасивное послание. Упомянув в макроконтэксте столицу Италии — Рим, адресант обращается к экстралингвистической ситуации войны и противостояния двух фронтов: СССР, США, Великобритания — Германия, Италия, Япония. Таким образом, исключив Италию из «списка мишеней», становится ясно, что адресатами данной угрозы являются Берлин и Токио.

Подводя итог, можно отметить, что имплицитное представление прагматического значения угрозы вызвано в основном необходимостью

соответствовать нормам социального поведения и желанием не просто смягчить, а в некоторых случаях даже завуалировать некорректные формы речевого поведения.

Список литературы

1. Вопросы английской контекстологии / под ред. М. А. Кашеевой. — Л., 1974. — Вып. 1. — 159 с.
2. Колшанский Г. В. О логической природе контекста // Тезисы конференции по машинному переводу. — М., 1958. — С. 45–48.
3. Чарняк Ю. Умозаключения и знания. I–II // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1983. — Вып. 12. — С. 171–207, 272–317.
4. Шехтман Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. — 167 с.
5. Шехтман Н. А. Системность лексики и семантики слова : учеб. пособие к спецкурсу / науч. ред. М. А. Кулинич. — Куйбышев : КГПИ, 1988. — 84 с.
6. American presidency project. Speech archive. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.presidency.ucsb.edu>, свободный.
7. Davison, A. Indirect Speech Acts and What to Do with Them // Syntax and Semantics. — N. Y., 1975. — Vol. 3 : Speech Acts. — P. 143–185.
8. History and Politics out loud (Audio) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hpol.org/>, свободный.
9. The Independent. News. World. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.independent.co.uk/news/world>, свободный.
10. Woodward B. Bush at war. — N. Y. : Simon&Schuster, 2003. — 384 p.

Э. Б. Яковлева (Самара, Россия)

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА ДИСКУРСА С МУЛЬТИКОДОВЫМ ХАРАКТЕРОМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

The article deals with the problem of cognitive-pragmatic grounds of perceptually-oriented reconstruction of the sense of discourse. It highlights the multicode character of transmission of information.

Keywords: *cognitive-pragmatic grounds, perceptually-oriented reconstruction, discourse, multicode character of transmission of information.*

В экспертной практике одной из значимых проблем является дословная расшифровка устного дискурса, зафиксированного на фонограмме. Таким дискурсом часто бывают спонтанные

полилоги. Проектом было предусмотрено проведение фундаментального исследования с элементами моделирования просодико-семантико-прагматической вариативности звучащего дискурса.

Поскольку слуховая перцепция как многоуровневый, иерархический процесс предполагает сложный аналитико-синтетический путь обработки входного сигнала по разным параметрам: акустическим, семантико-синтаксическим, смысловым, в качестве ведущих факторов рассматривались семантические и просодические факторы.

С целью выяснения степени преференции в ориентациях слушающих либо на семантические, либо на просодические факторы при реконструкции смысла высказывания был проведен аудитивный эксперимент на материале спонтанных звучащих полилогов с участием носителей немецкого и русского языков.

В данном случае следует учитывать факт получения реципиентами информации в полилоге (смысловой и просодической) от нескольких участников в результате многосторонней речевой деятельности. Здесь важно проанализировать характер связи между репликами и релевантность семантических и просодических факторов при восприятии речевого фрагмента и восстановлении реплики-стимула (S) по предъявленной реплике-реакции (R) и наоборот.

С целью реконструкции смысла высказывания (реплики-стимула (S) или реплики-реакции (R)) как членов диалогического единства (ДЕ)¹ в составе полилогического единства (ПЕ) слуховое восприятие речевого фрагмента (либо реплики-стимула (S), либо реплики-реакции (R)) осуществлялось в режиме элиминации его из контекста ПЕ.

Основная **задача** эксперимента состояла: 1) в выявлении лингвистических и экстралингвистических признаков, обуславливающих просодико-семантическое варьирование компонентов спонтанного звучащего полилогического дискурса; 2) в разработке методики многокомпонентного анализа смыслового декодирования звучащего многостороннего аутентичного дискурса с учетом количественного фактора и социальных характеристик коммуникантов.

В качестве основной **гипотезы** выдвигался тезис о том, что перцептивно-ориентированная реконструкция смысла высказывания (репли-

ки-реакции, реплики-стимула) в процессе восприятия речевого фрагмента, элиминированного из контекста, основана на антиципации. Прогнозирование смысла высказывания осуществляется с опорой на семантические и просодические признаки в одинаковой степени.

В эксперименте принимали участие 3 группы информантов. Первая группа состояла из студентов-германистов, носителей русского языка, изучавших немецкий язык в качестве 1-го иностранного языка. Во вторую группу входили эксперты фонетисты-германисты, носители русского языка. Третья группа состояла из носителей немецкого языка, студентов-славистов, изучавших русский язык в качестве 1-го иностранного языка.

До начала эксперимента было проведено анкетирование участников эксперимента с целью получения наглядной картины их социальных и социолингвистических характеристик для детального анализа и интерпретации эмпирических данных, их достоверности, объективности и возможности последующей верификации при создании речевой базы данных.

По результатам анкетирования были составлены социограммы, иллюстрирующие стратификационные и социально-психологические характеристики участников эксперимента.

Анализируемые полилоги были оценены по принципу полноты, завершенности, соответствия нормам их построения, количества участников, числа реплик и реализуемых тем, а также изменения конфигураций взаимодействия коммуникантов. Для эксперимента выбирались пары реплик — S и R как членов ДЕ на немецком и русском языках, имеющие разную степень связности, элиминированные из контекста полилогического единств (ПЕ).

В **задачу испытуемых** входило: 1) прослушать исходные реплики-стимулы (S) и ответные реплики-реакции (R); 2) предложить свои варианты ответов реплик-стимулов и реплик-реакций на предъявленные; 3) выделить из предложенных на выбор факторов, релевантные для принятия того или иного решения с целью адекватной реконструкции смысла составляющих ДЕ реплик.

Эксперимент проходил в два этапа. На **первом этапе** аудиторы прослушивали предъявленные реплики-S и записывали свои варианты реплик-R на них. **Второй этап** эксперимента предполагал процедуру обратного характера. Аудиторы прослушивали реплики-R и записывали свои варианты реплик-S. Стимулы и реакции предъявлялись троекратно с небольшими паузами между ними.

¹ Взаимозависимость единиц в полилоге иная, чем в диалоге. В диалоге она гомогенна, то есть существует только между однородными простыми и сложными ДЕ (двучленными и многочленными); в полилоге эта взаимозависимость *гетерогенна*, то есть может существовать также и между разнородными формами единиц: ДЕ и ПЕ. Диалоги в составе полилога не всегда обладают автосемантичностью, часто они декодируемы лишь в полилогическом контексте.

На первом и втором этапах эксперимента при прослушивании реплик-S и реплик-R аудиторы в специально подготовленных протоколах отмечали, какие факторы заставили их принять то или иное решение при прогнозировании ответа на предъявленные стимул и реакцию (**интегративное смысловое содержание высказывания, ключевое слово или словосочетание, просодические факторы: мелодика, громкость, темп, акцентная выделенность**), а также другие факторы.

По результатам эксперимента были сделаны следующие **выводы**.

Что касается релевантности семантических факторов при декодировании и реконструкции смысла, то оценки аудиторов — носителей русского и немецкого языков в целом совпадают, за исключением одного смыслового фактора. Для **носителей русского языка** одинаково релевантны **интегративное смысловое содержание высказывания и ключевое слово или словосочетание**. Для **носителей немецкого языка** более релевантным фактором является лишь **интегративное смысловое содержание высказывания**.

Просодические факторы оказались релевантными абсолютно все для всех групп аудиторов. В качестве приоритетных из них выделялись 2: **мелодика и акцентная выделенность**.

Несомненный интерес представляли **темпоральный и динамический** факторы как наименее предпочитаемые (в нашем эксперименте группами студентов) при выборе решения о формировании смысла высказывания. Была выявлена общая зависимость восприятия от темпа звучащей речи и характер этой зависимости. При медленном темпе речи усложнялось синтетическое обобщение впечатлений в законченный образ, быстрый темп мешал аналитическому восприятию речевого потока. В предложенных на восприятие искусственно «отторгнутых» из спонтанного контекста репликах ускоренный темп в значительной степени ограничивал перцептивные потенции аудиторов-студентов как наименее опытных по сравнению с экспертами-фонетистами.

Низкие силовые характеристики также отмечались как отрицательный фактор как при декодировании смысла предъявляемых речевых образцов, так и при реконструкции смысла требуемых реплик.

Оценка аудиторами в качестве **других** факторов, способствующих пониманию сообщения, **гезитационных периодов** свидетельствует об их исключительно положительной роли при декодировании семантической стороны услы-

шанного. Их можно рассматривать как многочисленные «опоры», дающие возможность слушающему ориентироваться при восприятии потока речи. В гезитационные периоды слушающий декодирует услышанное и антиципирует дальнейшую речевую программу говорящего. Наряду с другими положительными функциями гезитации выполняют и ориентирующую функцию.

Отмеченные в качестве **других** грамматические факторы (**инверсия, препозиция ремы**) также можно выделить в качестве положительных в сложной перцептивно-мыслительной деятельности.

Полученные результаты подтверждают данные проведенных нами ранее исследований и указывают на тот факт, что перцептивный процесс осуществляется на нескольких уровнях и может быть определен как многоуровневый, иерархический. Результаты эксперимента дают основание для предположения о том, что перцептивный процесс с самого начала оказывается под влиянием самого характера речевого сообщения, определяемого языковыми особенностями (фонетическими, лексическими, грамматическими, стилистическими), логико-смысловой структурой сообщения, экстралингвистическими факторами.

Наблюдение за восприятием, декодированием предъявляемого материала и реконструкцией смысла требуемой реплики позволяет установить некоторые закономерности. Предъявляемая **исходная** реплика-S является сообщением, обусловленным логикой ожидания реципиента. При её восприятии планирование ответной реплики-R происходит с большей степенью однозначности. Предъявляемая **ответная** реплика-R, наоборот, представляет собой модифицированное сообщение с позиции экспектаций слушающего. При её восприятии планирование исходной реплики-S происходит с меньшей степенью однозначности.

Данная модель свидетельствует о более усложненной степени антиципации смысла исходных реплик-S по предъявленной ответной реплике-R, поскольку смысл прослушанной ответной реплики-R как бы «задает» обратный ход стереотипной логике прогнозирования. Согласно полученным данным по «успешности» восстановления составляющих диалогических единств, среднее число ассоциативных ответов, предложенных информантами при восстановлении реплик-S, выше, чем среднее число этих ответов при реконструкции смысла реплик-R. Можно говорить о том, что восста-

новленные реплики-S отличаются большим разнообразием, чем восстановленные реплики-R. Разнообразие ответов снижается, когда семантическая область диалогических единств сужается. У информантов при прослушивании реплики-S всегда остается искушение дать личностный ответ, оставляя «за скобками» задание «восстановить» имеющуюся ответную реплику. Прослушивание реплики-R не допускает подобной раздвоенности мотивов, которые в этом случае совпадают: информанту необходимо обнаружить в ответе скрытый вопрос, независимо от того, руководствуется ли он мотивами лич-

ностного смыслового поиска или мотивами информанта-диктора.

Таким образом, проведенный перцептивно-слуховой эксперимент подтверждает нашу гипотезу о том, что прогнозирование смысла реконструируемого высказывания осуществляется с опорой на семантические и просодические признаки в равной степени. Выявленные расхождения в ориентациях реципиентов, касающиеся семантических факторов, с нашей точки зрения, объясняются особенностями перцептивно-мыслительной мнемической деятельности носителей разных культур.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Abzalova Irina Rafikovna — étudiante de l'Université de Bretagne Occidentale (Brest, France), e-mail: Irinaabzalova@hotmail.com

German Natalia Feliksovna — PhD, senior lecturer, the department of Theory and Practice of the English language, Chelyabinsk State University, e-mail: pismennyiev@chelcom.ru

Korepanov Kronid Ivanovich — PhD, professor, Almet'yevsk Oil Institute, e-mail: kronidkorepanov@yandex.ru

Makerova Anna Valerievna — doctorat, Univesrité de Paris Ouest Nanterre la Défense, Univeristé d'Etat de Tcheliabinsk, e-mail: maker77@mail.ru

Sourou Dieudonné Agléwé-M. A. (magisterartium) oder Promovend, Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt Sprach- und Literaturwissenschaftliche Fakultät (Eichstätt Stadt Deutschland)

Wajih Guehria — PhD, Univesrité de Paris Ouest Nanterre la Défense.

Азначеева Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет, e-mail: aznacheeva.elena@yandex.ru

Амирова Жанар Рахышевна — кандидат филологических наук, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, e-mail: zhamir@mail.ru

Андрусенко Татьяна Владиславовна — ассистент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка, Оренбургский государственный университет, e-mail: andrusenko_tv@mail.ru

Аносов Егор Александрович — преподаватель кафедры международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: alteregor84@mail.ru

Байчорова Айша Осмоновна — преподаватель, ГБОУ СОШ № 476 (Санкт-Петербург), e-mail: kchr58@mail.ru

Бачурская Валерия Владимировна — старший преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: nuagette@mail.ru

Баяхметова Айсулу Ахметбековна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории языка и литературы, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, e-mail: sulu.t63@mail.ru

Бейсембаева Сауле Толеутаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Карагандинский государственный технический университет, e-mail: b.saule2003@list.ru

Березина Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), e-mail: berezinaolga@gmail.com

Бикмухаметова Расима Мударисовна — аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, e-mail: simo4ka3011@mail.ru

Бобнев Борис Александрович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: bor337@mail.ru

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, e-mail: libogdanova1@mail.ru

Буторина Надежда Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Быкова Татьяна Юрьевна — преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: bykova74@mail.ru

Ваталева Наталья Вячеславовна — аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), e-mail: vatalevanv@mail.ru

Власова Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), e-mail: vlasova@vimo.dvgu.ru

Войнова Ксения Юрьевна — аспирант, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул), e-mail: Vojnova.xs@mail.ru

Войтешук Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет, e-mail: wfirina@mail.ru

Гвоздева Ирина Викторовна — преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: irinkachina@mail.ru

Гейм Екатерина Александровна — преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: meinheim@mail.ru

Генералов Владимир Александрович — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: gen-vladimir@yandex.ru

Глушкова Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: 101julia@mail.ru

Гурьева Зинаида Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка в профессиональной сфере, Кубанский государственный университет, e-mail: ziguryeva@mail.ru

Давыдова Наталья Михайловна — ассистент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: bukvad@mail.ru

Даулетов Аскар Сюгалиевич — аспирант, Сургутский государственный педагогический университет, e-mail: askarsurgut@mail.ru

Дегтярева Людмила Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, Ростовский юридический институт МВД России, e-mail: deg_55@mail.ru

Добрикова Ксения Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: lioness-x@mail.ru,

Дробышева Ольга Вячеславовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков и теории межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: yalo11@mail.ru

Дрововоз Татьяна Игоревна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет, e-mail: luinare@mail.ru

Дубских Ангелина Ивановна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Магнитогорский государственный университет, e-mail: lina_masu@mail.ru

Елистратов Алексей Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: asha91@rambler.ru

Житникова Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: LVZ2011@yandex.ru

Зайченко Светлана Сергеевна — старший преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: sveta_zajchenko@list.ru

Закирова Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Московский государственный технический университет «МАМИ», e-mail: zes.64@mail.ru

Залегдинова Айгуль Рустамовна — преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: julie.kazan@gmail.com

Зеленина Тамара Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков и литературы, Удмуртский государственный университет, e-mail: zeleninatamara@rambler.ru

Змеёва Татьяна Егоровна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), e-mail: tatzm@rambler.ru

Кандрашкина Оксана Олеговна — преподаватель кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, e-mail: beverbobr0710@mail.ru

Карасаева Халам Орынғалиевна — кандидат филологических наук, профессор, университет «Кайнар» (Республика Казахстан), e-mail: karassaeva@mail.ru

Каркавина Оксана Владимировна — ассистент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: oksana-karkavina@yandex.ru

Козлова Наталья Степановна — преподаватель кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет, e-mail: net_666.86@mail.ru

Козловская Екатерина Владимировна — преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: katiesmeralda@yandex.ru

Корж Анастасия Сергеевна — старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, e-mail: sphynx_08@list.ru

Коровушкин Валерий Пантелеймонович — доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет, e-mail: vkorovushkin@mail.ru

Котова Надежда Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: koshkinan@list.ru

Кочнева Юлия Евгеньевна — преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: julia_kochneva@list.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: nkoshka@rambler.ru

Краева Светлана Сергеевна — аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, e-mail: kraeva.svetlana@gmail.com

Крижановская Елена Мечиславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, Пермский государственный университет, e-mail: krizh@psu.ru

Кузнецова Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, Самарская государственная академия культуры и искусств, e-mail: sangria80@yandex.ru

Ланская Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, МОУ СОШ № 14 г. Липецка, e-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

Леонова Марианна Павловна — магистр, Гёттингенский университет имени Георга-Августа, e-mail: Marianna.Leonova-1@phil.uni-goettingen.de

Лызлов Алексей Игоревич — кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, e-mail: aleksej-lyzlov@ya.ru

Масгутова Марина Фаритовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: marina_masgutova@mail.ru

Матвеева Анна Анатольевна — преподаватель, Башкирский государственный университет, e-mail: AnnaUfa@yandex.ru

Матвеева Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет, e-mail: tanmatv@mail.ru

Мизюрина Татьяна Витальевна — преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: fobos-t@list.ru

Минкин Лев Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды, e-mail: lev.minkin@gmail.com

Миронова Дарья Александровна — преподаватель кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, e-mail: daria28@mail.ru

Мисяченко Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева (Петропавловск), e-mail: svet_mis74@mail.ru

Митричева Елена Вячеславна — аспирант, Челябинский государственный педагогический университет, e-mail: tulip86@yandex.ru

Моисеева Софья Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, Белгородский государственный университет, e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Муравьева Марина Витальевна — соискатель, Тюменский государственный университет, e-mail: marina2511@yandex.ru

Наличникова Инна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: nal-inna@yandex.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна — старший преподаватель, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, e-mail: n.e.sh_1975@mail.ru

Онопrienко Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, Житомирский государственный университет им. Ивана Франко, e-mail: vikusik.ru.com@mail.ru

Откидыч Елизавета Вадимовна — ассистент кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), e-mail: vadimovna001@yandex.ru

Охрицкая Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: o_corazon26@mail.ru

Ошева Елена Анатольевна — старший преподаватель, Прикамский социальный институт (Пермь), e-mail: psilingua@mail.ru

Пасынкеева Валентина Васильевна — доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: passyn@csu.ru

Пестова Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Уральский гуманитарный институт (Екатеринбург), e-mail: pestova_m@bk.ru

Петрушова Елена Вадимовна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере, Кубанский государственный университет, e-mail: lena_gur87@mail.ru

Пешкова Наталья Петровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Башкирский государственный университет (Уфа), e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Пименова Марина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент САН ВШ, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков, Кемеровский государственный университет, e-mail: pimenovaMV2011@yandex.ru

Плотникова Лариса Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: Luks.p.58@mail.ru

Пономарева Ольга Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Тюменский государственный университет, e-mail: obponomareva@list.ru

Пушкарева Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: pushkarevanata@gmail.com

Ремезова Марина Анатольевна — студентка, Челябинский государственный университет

Романова Татьяна Васильевна — преподаватель, Ижевский государственный технический университет, e-mail: romata@bk.ru

Рябошапка Инна Алексеевна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет, e-mail: ya.inno4ka@yandex.ru

Савинов Денис Александрович — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет, e-mail: d_savinov@mail.ru

Сейбель Наталия Эдуардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы, Челябинский государственный педагогический университет, e-mail: seibel_ne@mail.ru

Семкина Галина Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: gsemkina@yandex.ru

Серебряков Анатолий Алексеевич — доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и журналистики, Ставропольский государственный университет, e-mail: aasereb@mail.ru

Смердова Екатерина Андреевна — аспирант, Пермский государственный педагогический университет, e-mail: kalliora06@gmail.com

Соболева Ольга Валерьевна — преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: shakiraonly@mail.ru

Соловьева Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Магнитогорский государственный университет, e-mail: nisanasol@yandex.ru

Сорокина Юлия Владимировна — преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: lija_0109@mail.ru

Сотникова Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии, Тюменский государственный университет, e-mail: tvs03@rambler.ru

Спиридонов Дмитрий Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания, Уральский федеральный университет

Степаненко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, Курганский государственный университет, e-mail: olgastepanenko@list.ru

Табакова Зинаида Петровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, e-mail: ztabakova@yandex.ru

Телешева Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: itelesheva@yandex.ru

Типиева Кетино Робертовна — преподаватель кафедры теории и практики перевода, аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета, e-mail: ketino_74@mail.ru

Титова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: elena_vendina@list.ru

Точилкина Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Челябинский государственный педагогический университет, филиал в г. Миассе, e-mail: tochilkinet@mail.ru

Тричик Маргарита Вячеславовна — магистр гуманитарных наук, докторант, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы), e-mail: cafe-creme@mail.ru

Трофимова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Тюменский государственный университет, e-mail: otrofim@rambler.ru

Тряпицына Светлана Васильевна — преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: svetlashka_85@mail.ru

Туманова Айнагуль Бектасовна — доктор филологических наук, доцент, Казахстанско-Британский технический университет (Алматы), e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Тупчиенко-Кадырова Люция Георгиевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Кировоградского факультета менеджмента и бизнеса, Киевский национальный университет культуры и искусств, e-mail: KadyrovaLG@gmail.com

Уланова Светлана Борисовна — доцент, заведующая кафедрой психологии и лингвистики, Рязанский институт Московского государственного открытого университета, e-mail: ulalamail@mail.ru

Фаткулин Булат Гилимдарович — старший преподаватель кафедры восточных языков, Челябинский государственный университет, e-mail: bfatkulin@gmail.com

Федоров Михаил Александрович — кандидат философских наук, Бурятский государственный университет, e-mail: fma1105@gmail.com

Филатова Ксения Леонидовна — кандидат филологических наук, Уральский федеральный Университет, e-mail: ksenya.filatova@gmail.com

Хан Надежда Константиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики и практики русского языка и литературы, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, e-mail: janna1965@rambler.ru

Хантакова Виктория Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Иркутский государственный лингвистический университет, e-mail: achinj@mail.ru

Харитонов Алексей Александрович — аспирант, Челябинский государственный университет, e-mail: spartak_alexey@mail.ru

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой культуры речи и профессионального общения, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Хрущева Оксана Александровна — кандидат филологических наук, Оренбургский государственный университет, e-mail: hrox@mail.ru

Худякова Анастасия Геннадьевна — соискатель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, e-mail: demoiselle88@yandex.com

Цветкова Анна Андреевна — преподаватель, Калининградский государственный технический университет, e-mail: tsvetkova.anna@inbox.ru

Чистякова Светлана Викторовна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: chisvet24@mail.ru

Шабанова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа), e-mail: bertha@ufanet.ru

Шалгимбекова Кенжегуль Сапышевна — кандидат педагогических наук, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, e-mail: salykovaks@mail.ru

Шаповалова Елена Олеговна — преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, e-mail: megarchelische@mail.ru

Шаронова Елена Викторовна — старший преподаватель, Харьковский институт банковского дела Университета банковского дела НБУ (г. Киев), e-mail: elena_sharonowa@mail.ru

Швыдкая Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка. Магнитогорский государственный университет, e-mail: lshvydkaya@yandex.ru

Шерсткова Ирина Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа), e-mail: oia0131@mail.ru

Шестакова Татьяна Энгельсовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск), e-mail: tatianas@atknet.ru

Шефер Оксана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации языка, Челябинский государственный университет, e-mail: oxana_csu@mail.ru

Шкатова Людмила Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, Челябинский государственный университет, e-mail: labcsu@yandex.ru

Шмаков Артем Алексеевич — ассистент кафедры русского языка и речевой коммуникации, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: art-filolog@mail.ru

Щербакова Мария Васильевна — ассистент, Оренбургский государственный университет, e-mail: blackorchid777@rambler.ru

Эпштейн Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: olgangleter@rambler.ru

Юхмина Елена Александровна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет, e-mail: alen_vitamin@mail.ru

Яковлева Эмма Борисовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественнонаучных факультетов, Самарский государственный университет, e-mail: jakovlevaemma@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

<i>Abzalova Irina.</i> Integration dans la vie française	3
<i>German N. F.</i> Linguacultural identity and communicating across cultures: ways to build common understanding and effective working relationships	5
<i>Korepanov K. I.</i> From Ancient to Middle Ages history of linguistic world-image and cultural interaction of Volga-Ural peoples in the context of the world-wide heritage	8
<i>Sourou Dieudonné Agléwé.</i> Das weibliche Rollenverständnis in oraltradierten beninischen Märchen	11
<i>Азначеева Е. Н.</i> Моделирование личности в астрологическом дискурсе	17
<i>Амирова Ж. Р.</i> Картина мира и её представление в субстантивированных единицах (на материале русского и казахского языков)	20
<i>Бикмухаметова Р. М.</i> Концепт «смерть» в русской и башкирской фразеологии	23
<i>Бобнев Б. А.</i> Концептуальное представление многозначного слова <i>casa</i> в итальянской лингвокультуре	25
<i>Богданова Л. И.</i> Деньги как ценность в русской лингвокультуре	28
<i>Войтешук И. В.</i> Структурные особенности категории «природная вода» в научной и наивно-языковой картинах мира (на материале немецкого и русского языков)	32
<i>Гвоздева И. В.</i> Сопоставительный анализ коммуникативных стратегий вежливости в китайской, английской и русской лингвокультурах	35
<i>Глушкова Ю. Н.</i> Концепт лабиринта и текстовый лабиринт в новелле Х. Л. Борхеса «Дом Астерия»	37
<i>Гурьева З. И., Петрушова Е. В.</i> Концепты сферы бизнеса как проявление языковой картины мира	41
<i>Давыдова Н. М.</i> Особенности процесса формирования и функционирования прозвищ общественных деятелей	43
<i>Добрикова К. А.</i> Лингвокультурологические характеристики деловой личности носителя английского языка	45
<i>Дробышева О. В.</i> Гендерный аспект и гендерная проблематика печатных рекламных текстов	47
<i>Житникова Л. В., Ремезова М. А.</i> Особенности вербального и невербального общения в структуре американского делового этикета (на материале американских кинокомедий)	51
<i>Закирова Е. С.</i> Языковая картина мира в специальной профессиональной области	54
<i>Залегдинова А. Р.</i> Проблемы структурирования жанра ток-шоу (на материале русского и английского языков)	59
<i>Карасаева Х. О.</i> Инонациональный образ в литературе межкультурного взаимодействия	63

Козловская Е. В. Особенности мифологической картины мира в испанской лингвокультуре	65
Корж А. С. Ситуации «обвинение» и «извинение»: социально-поведенческий и семантический аспекты	67
Котова Н. С. Семантическое поле как вербализация «концептосферы цветы» (на материале англоязычных словарей)	70
Краева С. С. Речевое действие «благодарность» в русском и немецком коммуникативных стилях	73
Кузнецова Ю. А. К вопросу об исследовании дипломатического дискурса американо-российских отношений	78
Ланская О. В. Концепт «Дом» в повести Л. Н. Толстого «Два гусара»	80
Леонова М. П. Концепт роковой женщины в творчестве Бунина	84
Масгутова М. Ф. Концептуальное представление «дружба» в коммуникативной парадигме (на примере английского языка)	88
Матвеева А. А. Категория «свой — чужой» в ценностно-смысловом пространстве английского языка	91
Матвеева Т. М. Образная репрезентация профессионального знания в языке дегустаторов (на материале немецкого языка)	96
Мизюрина Т. В. Становление понятия «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистиках	98
Минкин Л. М., Моисеева С. А. Развитие менталистской концепции французской лингвистики: Густав Гийом	101
Пасынкева В. В. Двуязычие и двукультурие французских писателей-билингвов	106
Пименова М. В. Русские парные концепты <i>правда</i> и <i>истина</i>	108
Степаненко О. А. Эволюция индивидуально-авторской картины мира	114
Табакова З. П. «Тандырная самса» и «варианты» русского языка	119
Телешева И. В. Морбиальная метафора в периоды кризисных ситуаций	123
Типиева К. Р. Кризис еврозоны в метафорическом осмыслении (на материале англоязычных СМИ)	125
Точилкина Т. Г. Фразеологические единицы концепта «знакомство» со значением характеристики отношений человека как фрагмент языковой картины мира на примере русского и английского языков	128
Федоров М. А. Онтологическая сущность концепта как аргумент в пользу гипотезы лингвистической относительности	132
Филатова К. Л., Спиридонов Д. В. Стратегии концептуализации осязательного эпизода: французский vs баскский	135
Хан Н. К. Языковая картина мира: проблемы идентификации социально-языковой контактологии	138
Харитонов А. А. Языковая ситуация в средневековой Европе	142

<i>Харченко Е. В.</i> Влияние корпоративной культуры на взаимодействие	145
<i>Хрущева О. А.</i> Языковые особенности семейной номинации (на материале современного английского языка)	147
<i>Шалгимбекова К. С.</i> Лингвокультурная грамотность полиэтнического населения	150
<i>Шефер О. В.</i> Имиджформирующие средства интегрированных маркетинговых коммуникаций в презентационных фильмах фирмы «Кнауф»	154

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Wajih Guehria, Makerova Anna</i> «Methodologie d'immersion» sur le terrain (exemple d'enquête sociolinguistique)	159
<i>Андрусенко Т. В.</i> Позиционный анализ как метод изучения пространственно-временных характеристик текста	163
<i>Аносов Е. А.</i> О механизмах создания стереотипности в поговорках русского языка	166
<i>Байчорова А. О.</i> Окказиональные слова и словосочетания в произведениях М. А. Булгакова	168
<i>Бачурская В. В.</i> Специфика речевого воздействия на синтаксическом уровне языка газетно-публицистического текста	171
<i>Баяхметова А. А.</i> К вопросу о морфонологических явлениях в процессе словотворчества	172
<i>Бейсембаева С. Т.</i> Семантика умолчания в немецком синтаксисе	176
<i>Березина О. А.</i> Проблема определения субъектной семантики в безличном предложении	179
<i>Быкова Т. Ю.</i> Метафорическая модель со сферой-источником «война» в советском и американском политическом дискурсе тридцатых годов	182
<i>Ваталева Н. В.</i> Установление корреляционных отношений между лексическими единицами семантического поля глаголов речевой деятельности китайского языка статистическим методом	184
<i>Власова Т. М.</i> Иллокутивные типы оценочных невербальных сигналов	191
<i>Войнова К. Ю.</i> Текст туристической дестинации: когнитивно-семиотический аспект	194
<i>Гейм Е. А.</i> Виды и формы субстрата периода становления романских языков	199
<i>Генералов В. А.</i> О моделируемости и критериях сложности семантико-синтаксической структуры многокомпонентных терминов (на примере английского языка)	202
<i>Даулетов А. С.</i> Коммуникативные особенности категории рода в английском и русском языках в художественном тексте (на материале произведения «Книга джунглей» Р. Киплинга)	206
<i>Дегтярева Л. М.</i> Прагматический потенциал усилительных частиц (на материале русского и немецкого языков)	211
<i>Дрововоз Т. И.</i> Эмотиконы как средство эмотивного воздействия в виртуальном юмористическом дискурсе	213

<i>Дубских А. И.</i> Стратегия самопрезентации публичной персоны в «звездном» интервью	216
<i>Елистратов А. А.</i> О роли внешних заимствований в формировании спортивной лексики	218
<i>Зеленина Т. И., Буторина Н. В.</i> Эргонимы в языковом пространстве города	222
<i>Змеева Т. Е.</i> Роль контекста в переориентации оценочных признаков «хорошо/плохо» (на материале французского языка)	225
<i>Кандрашкина О. О.</i> Роль топонимов в создании художественного пространства современных англоязычных североирландских романов (на материале романов Anna Burns «No bones» и Lucy Caldwell «Where They Were Missed»)	228
<i>Каркавина О. В.</i> Интермедиаальная тематизация в романе «Джаз» Тони Моррисон	231
<i>Козлова Н. С.</i> Образ блоггера сквозь призму оценочных высказываний	233
<i>Коровушкин В. П.</i> Интертекстуальное отношение «художественный дискурс ⇒ словарная статья» как методология составления монолингвальных и переводных словарей лексического субстандарта (к социлексикографии английского и русского военных субъязыков и социолектов)	236
<i>Кочнева Ю. Е.</i> Речевая многозначность слова как средство передачи эмоциональности (на примере мультипликационного фильма «Shrek-1»)	240
<i>Кошкарлова Н. Н.</i> Эмоциональный фон текста пресс-конференции Президента России от 18 мая 2011 г.	242
<i>Крижановская Е. М.</i> Речевые акты текстов интернет-комментариев к видеоблогу Президента РФ Д. А. Медведева	245
<i>Лызлов А. И.</i> Концепт «пища» в английских поговорках с семантикой компаративной оценки	250
<i>Миронова Д. А.</i> Специфика функционирования трансформированных прецедентных высказываний в заголовках онлайн-газет	252
<i>Мисяченко С. В.</i> Семантико-прагматическое описание слогана телевизионной рекламы	255
<i>Митричева Е. В.</i> Актуализация как средство достижения коммуникативной цели в простом двусоставном предложении в газетно-публицистическом подстиле	257
<i>Муравьева М. В.</i> Базовые термины должностной инструкции	260
<i>Наличникова И. А.</i> Общетеоретические предпосылки возникновения афористики в Германии	262
<i>Никифорова Э. Ш.</i> Стратегии речевого воздействия в юридическом дискурсе	265
<i>Онопrienко Т. Н.</i> Эпитет и прагматика художественного текста	269
<i>Откидыч Е. В.</i> Текстовая скрепа «кстати»: функционально-синтаксический аспект	273
<i>Охрицкая Н. М.</i> Лексикографический анализ лексем, определяющих понятие «цвет» ..	276
<i>Ошева Е. А.</i> Анималистический код в русских библейских фразеологизмах	278

Пестова М. С. Антонимия фразеологических единиц	282
Пешкова Н. П. Методы исследования семантики текста: смысловая парадигма.	285
Плотникова Л. И. Лексические новообразования в повседневной речи: разноаспектное исследование	288
Пономарева О. Б. Векторная семантика концепта/аниконцепта «революция» (на материале романа Ч. Диккенса «Повесть о двух городах»)	291
Пушкарева Н. В. Лингвистическое выражение подтекстовых смыслов в современной русской прозе (на материале прозы М. Шишкина)	294
Романова Т. В. Повествовательные директивы в реальном акте коммуникации и факторы, способствующие их адекватной интерпретации	299
Рябошанка И. А. Прагмалингвистические особенности комплимента в английском языке.	303
Савинов Д. А. Язык металлургии как некодифицированная форма.	305
Сейбель Н. Э. Диахронный мир «Анатомии Тита» Хайнера Мюллера	306
Семкина Г. Г. О некоторых особенностях функционирования партитива	309
Серебряков А. А. Языковые средства реализации авторских интенций в новелле Г. фон Клейста «Маркиза де'О.»	312
Смердова Е. А. Нереперенциальное употребление имён и возможности интерпретации текста	316
Соловьева Н. С. Стереотипные характеристики мужчины в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии)	319
Титова Е. А. Звуковое оформление поэтических произведений, содержащих эмоциональный контраст.	322
Трофимова О. В. «...О злом её умысле оным рапортом покорно доносит»; анализ семантики и прагматики регионального делового текста XVIII века	325
Тряпицына С. В. Функционирование интертекстом в средствах массовой информации	332
Тупчиенко-Кадырова Л. Г. Структуризация текстов: семиотический подход (на примере писем архивного наследия композитора Ю. С. Мейтуса)	335
Уланова С. Б. Семантика частей речи и интерпретация текста	340
Фаткулин Б. Г. Терминостроительство в государствах, расположенных на периферии южных границ РФ с точки зрения сравнительной типологии языков и понятия культурно-исторической общности	341
Хантакова В. М. Специфика совместного употребления и функционирования синонимов в тексте.	344
Чистякова С. В. Тактика обобщения стратегии уклонения от прямого ответа в политическом интервью	347
Шабанова Т. Д. Лексические модификации в контексте грамматики конструкций	350
Шаповалова Е. О. Прагматическая адаптация как эквивалентный прием передачи фразеологических единиц с именами собственными (на примере французских фразеологизмов)	354

<i>Шаронова Е. В.</i> К вопросу о семантике и функциях устойчивых номино-вербальных комплексов в немецком языке	357
<i>Швыдкая Л. И.</i> Идиоматика в дискурсе (вербальный и невербальный аспекты)	359
<i>Шерсткова И. А.</i> К вопросу о семантике английских глаголов воображения	363
<i>Шестакова Т. Э.</i> Сильные позиции драматургического текста	365
<i>Шмаков А. А.</i> Коммуникативно-прагматические характеристики категории обращенности в интернет-тексте (на материале блогов)	369
<i>Щербакова М. В.</i> Экспериментальное исследование лексико-семантического наполнения текста	372
<i>Юхмина Е. А.</i> Типы отношений и семантических связей, соединяющих стимул и реакцию в ассоциативной статье компьютерного термина	375

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Зайченко С. С.</i> Кинодискурс как полимодальное образование	378
<i>Соболева О. В.</i> Гипертекстуальность как основной признак сетевых изданий	380
<i>Сорокина Ю. В.</i> Реализация синергетического подхода в дискурс-анализе	382
<i>Сотникова Т. В.</i> Просодия как важный компонент дискурсивной тактики убеждения (аргументативный дискурс)	384
<i>Тричик М. В.</i> Особенности дискурса современной политической коммуникации	388
<i>Туманова А. Б.</i> Художественный дискурс русскоязычного писателя-билингва как составляющая национальной культуры	393
<i>Худякова А. Г.</i> Кинотекст в концепте постмодернистской теории	396
<i>Цветкова А. А.</i> Когнитивная характеристика религиозного дискурса	400
<i>Шкатова Л. А.</i> Дискурс вуза: прагматический аспект	402
<i>Эпштейн О. В.</i> Импликация угрозы в англоязычном политическом дискурсе	405
<i>Яковлева Э. Б.</i> Когнитивно-прагматические основания перцептивно-ориентированной реконструкции смысла дискурса с мультикодовым характером передачи информации	407
Сведения об авторах	411

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

**Материалы
VI Международной научной конференции**

*Челябинск
23–24 апреля 2012 года*

Том 1

Корректор *М. В. Трифонова*
Вёрстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 11.04.12.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 49,5. Уч.-изд. л. 54,5.
Тираж 165 экз. Заказ 38.

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
Издательство Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б